

АГАТА КРИСТИ

К 100-летию со дня рождения

АГАТА КРИСТИ

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2000

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ ДВАДЦАТЫЙ

БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА

РОМАН

ЗАГАДОЧНЫЙ МИСТЕР КИН

РАССКАЗЫ

ТРИНАДЦАТЬ ЗАГАДОЧНЫХ СЛУЧАЕВ

РАССКАЗЫ

Перевод с английского

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2000

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)
К82

AGATHA CHRISTIE

1891—1976

Составление
А. ТИТОВА

Художественное оформление
А. ИТКИНА, Г. КЛОДТА

Иллюстрации
В. ЮДИНА

ISBN 5-93776-008-5 (т.20/2)
ISBN 5-93776-001-8

© Составление, художественное оформление, редакция произведений. Издательство «Артикул-принт», 2000

БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА

РОМАН

Перевод под редакцией
М. МАКАРОВОЙ, А. ТИТОВА

The Big Four

**The Unexpected Guest
The Man from the Asylum
We Hear More About Li Chang Yen
The Importance of a Leg of Mutton
Disappearance of a Scientist
The Woman on the Stairs
The Radium Thieves
In the House of the Enemy
The Yellow Jasmine Mystery
We Investigate at Croftlands
A Shess Problem
The Baited Trap
The Mouse Walks In
The Peroxide Blonde
The Terrible Catastrophe
The Dying Chinaman
Number Four Wins a Trick
In the Felsenlabyrinth**

1927

Глава 1

Неожиданный гость

Я знаю людей, которым путешествие на пароме через Ла-Манш¹ доставляет истинное удовольствие; они могут спокойно сидеть на палубе, ожидая, пока судно пришвартуется, а потом без излишней суеты собрать свои вещи и спокойно сойти на пристань. Лично мне это никогда не удается. Как только я поднимаюсь на борт, у меня появляется такое чувство, будто я ничего не успею сделать. Я переставляю чемоданы с места на место, а если спускаюсь в салон поесть, то проглатываю обед не разжевывая, преследуемый мыслью, что сейчас уже прибудем, а я еще — внизу.

Возможно, это чувство — проклятое наследие войны, когда, получив краткосрочный отпуск, я старался занять место как можно ближе к трапу. Одним из первых сойти на берег, чтобы сэкономить несколько драгоценных минут своего трех- или пятидневного отпуска, казалось делом чрезвычайной важности.

В это июльское утро я стоял у поручней, наблюдая за белыми барашками волн, за приближающимся все ближе и ближе портом Дувр², и дивился спокойствию пассажиров, которые невозмутимо сидели в креслах на палубе и даже не подняли глаз, когда вдали показались знакомые

¹ Ла-Манш — пролив между островом Великобритании и побережьем Франции.

² Дувр — город и порт на юго-востоке Великобритании на берегу пролива Па-де-Кале, ближайший к европейскому побережью.

берега. Да, вполне возможно, что это их совершенно не волновало. Вне всякого сомнения, многие из них просто возвращались после выходных, проведенных в Париже, я же последние полтора года безвылазно торчал на своем ранчо в Аргентине. И хотя дела мои шли успешно и мы с женой наслаждались свободной и почти курортной жизнью Южноамериканского континента, тем не менее у меня комок подступил к горлу при виде родной земли.

Два дня назад я прибыл на пароходе во Францию, заключил несколько важных контрактов и теперь направлялся в Лондон. Я намеревался пробыть там пару месяцев — время, достаточное, чтобы навестить друзей, и в первую очередь некоего человечка с яйцеобразной головой и зелеными глазами — Эркюля Пуаро! Я собирался захватить своего старого друга врасплох. В моем последнем письме из Аргентины не было и тени намека на предстоящее путешествие. Собрался я неожиданно, к тому же и дела вынуждали ехать. Не один раз представлял я себе восторг и недоумение на лице моего друга при виде моей персоны.

Он, я был почти уверен, находился неподалеку от своей «штаб-квартиры». То время, когда служебные обязанности бросали его из одного конца Англии в другой, кануло в Лету. Он стал знаменитостью и уже не тратил все свое время только на порученное ему дело. Он постепенно становился кем-то вроде «детектива-консультанта». Он всегда смеялся над теми, кто искренне считал, что сыщик — это человек, который без конца переодевается и с лупой разглядывает каждый отпечаток ноги, чтобы выследить преступника.

«Нет уж, мой дорогой Гастингс,— обычно говаривал он.— Оставим это для Жиро¹ и его друзей из французской полиции. У Эркюля Пуаро свои методы работы. Порядок, и методичность, и серые клеточки. Спокойно сидя в кресле, я увижу гораздо больше, чем наш достопочтенный Джепп², бегая по разным сомнительным местам».

Прибыв в Лондон, я оставил свой багаж в гостинице и тут же отправился по знакомому адресу, обуреваемый ностальгическими воспоминаниями. Поприветствовав свою

¹ Жиро — персонаж романа А.Кристи «Убийство на поле для гольфа», знаменитый французский сыщик, признававший важность только вещественных улик.

² Джепп — персонаж многих романов А.Кристи, полицейский инспектор из Скотленд-Ярда.

прежнюю домохозяйку, я, перепрыгивая сразу через две ступеньки, ринулся к двери Пуаро и скоро уже нетерпеливо в нее стучал.

— Прошу! — раздался знакомый голос.

Я вошел. Пуаро, державший в руках небольшой саквояж, со стуком его выронил.

— Mon ami¹, Гастингс! — вскричал он, раскрывая объятия.— Mon ami, Гастингс!

Мы обнялись, а потом наперебой стали засыпать друг друга вопросами, спрашивая сразу обо всем: не получал ли он телеграмм для меня от моей жены, как мне путешествовалось, какая погода и прочее и прочее.

— Я полагаю, мои комнаты все еще свободны? — спросил я, когда эмоции немного поутихли.— Я хотел бы снова здесь поселиться.

Лицо Пуаро помрачнело.

— Mon Dieu², какая досада! Оглянитесь, мой друг.

Я оглянулся. Около стены стоял огромный допотопного вида чемодан. Рядом с ним по ранжиру еще несколько чемоданов. Ошибиться было невозможно.

— Вы уезжаете?

— Да.

— Куда же?

— В Южную Америку.

— Что-о-о?

— Забавно, не правда ли? Я отправляюсь в Рио³ и решил ничего не писать вам о своей поездке — решил устроить вам сюрприз, и вот — на тебе! Мой старый добрый друг опередил меня!

— Но когда вы уезжаете?

Пуаро посмотрел на часы.

— Через час.

— Но вы всегда твердили, что вас ничто и никогда не заставит отправиться в такое длительное морское путешествие!

Пуаро закрыл глаза и пожал плечами.

— Ваша правда, мой друг. Доктор говорит, что, хотя от морских прогулок еще никто не умирал, это будет моим последним путешествием.

¹ Мой друг! (*фр.*)

² Боже мой! (*фр.*)

³ Рио (сокр. от Рио-де-Жанейро) — столица Бразилии, крупный торгово-финансовый, промышленный и культурный центр.

Он предложил мне стул.

— Я расскажу вам, как это случилось. Вы знаете, кто самый богатый человек в мире? Даже богаче, чем Рокфеллер?¹ Эйб Райленд!

— Американский мыльный король?

— Вот именно. Со мной связался один из его секретарей. Что-то происходит в его большой фирме в Рио. Какие-то махинации. Фокусы — так он это называет. Он хочет, чтобы я все это расследовал на месте. Я сначала отказался, сказав, что, если он предоставит мне факты, я сразу определю, в чем там дело, — ведь у меня богатый опыт! Но он ответил, что этого сделать не может, и добавил, что все факты будут мне предоставлены сразу же, как только я приеду. Как правило, после подобных заявлений я вообще прекращаю разговор. Диктовать условия Эркюлю Пуаро — неслыханное нахальство. Но сумма, предложенная мне, была так велика, что впервые в жизни я поддался соблазну. Настолько это большая сумма — целое состояние! А кроме того, есть еще одна причина — вы, мой дорогой Гастингс. Целых полтора года я чувствовал себя таким одиноким... Ну и подумал: а почему бы не попробовать? Мне так надоело решать эти нескончаемые головоломки. Славы я уже вкусил достаточно. Получу эти деньги и заживу где-нибудь рядом с моим старым другом...

Я был тронут до глубины души.

— Итак, я принял решение, — продолжал он, — и через час должен ехать на вокзал. Ирония судьбы, не так ли? Но должен признаться, Гастингс, что, если бы не столь солидный гонорар, я бы отказался от этого дела, потому что совсем недавно я начал небольшое расследование. Скажите, вам ничего не говорит название «Большая Четверка»?

— Ну, во-первых, это название могло появиться по итогам Версальской конференции², во-вторых, есть киностудия «Большая Четверка», ну и существуют всякие там мелкие коммерсанты, которые часто себя величают: «большая пятерка», «четверка», и так далее.

— Может быть, — задумчиво протянул Пуаро. — Но дело

¹ Рокфеллер Джон Дэвисон (1839—1937) — американский миллиардер, создатель огромной нефтяной империи «Стандарт-Ойл».

² Версальская конференция — конференция в Версале, французском городе недалеко от Парижа, где в 1919 году был подписан мирный договор между союзниками и Германией, завершивший Первую мировую войну.

в том, что это название встретилося мне в таком контексте, для которого ни одно из этих объяснений не годится. Оно больше подходит для шайки гангстеров, причем международного масштаба, вот только...

— Только что? — переспросил я, поняв, что его что-то смущает.

— Только кажется мне, что это не рядовые преступники, что все это гораздо серьезнее и становится все более опасным. Но это только моя догадка. И никаких доказательств. Но что же это я! Мне же надо закончить с багажом — времени уже в обрез.

— Может, отложите поездку? — принялся я его уговаривать. — Потом поедем на одном пароходе.

Пуаро выпрямился и укоризненно посмотрел на меня.

— Вы так до сих пор ничего и не поняли! Я ведь дал слово. Понимаете, слово Эркюля Пуаро. Меня может остановить только угроза чьей-то жизни.

— Ну на это рассчитывать не приходится, — уныло пробормотал я, — разве что в одиннадцать часов «вдруг откроется дверь и на пороге появится таинственный незнакомец...» — со смехом процитировал я строчку из сказки.

Мы удрученно помолчали. И тут со стороны спальни раздался шаг... Мы оба вздрогнули.

— Что это! — воскликнул я.

— Ma foi ¹, — пробормотал Пуаро. — Похоже, ваш таинственный незнакомец находится в моей спальне.

— Но как он там оказался? Там же нет дверей, кроме той, которая ведет в эту комнату.

— У вас отличная память, Гастингс. Теперь немного подумаем.

— Окно! Он проник через окно. Но тогда это грабитель! Ухитрился взобраться по отвесной стене, хотя, по моему, это практически невозможно.

Я вскочил на ноги и уже было направился к двери, как вдруг звук поворачиваемой дверной ручки остановил меня.

Дверь медленно отворилась. На пороге стоял мужчина. Костюм его был весь забрызган грязью. Лицо изможденное. Некоторое время он смотрел на нас, затем покачнулся и упал. Пуаро, подбежав, наклонился к нему и тут же распорядился:

— Коньяку, быстро!

¹ Господи (фр.).

Я плеснул в стакан коньяку и протянул ему. Пуаро влил в рот незнакомцу несколько капель, а затем мы вместе подняли его и перенесли на кушетку. Через несколько минут мужчина открыл глаза и отсутствующим взглядом посмотрел вокруг.

— Чем могу служить, мосье? — спросил Пуаро.

Мужчина открыл рот и странным тоном, будто что-то заученное наизусть, произнес:

— Мосье Эркюль Пуаро, Фаревей-стрит, четырнадцать.

— Да, да, это я.

Человек не отреагировал и продолжал повторять с той же интонацией:

— Мосье Эркюль Пуаро, Фаревей-стрит, четырнадцать.

Пуаро попытался задать ему несколько вопросов, но тот или не отвечал, или повторял все ту же фразу. Тогда Пуаро кивнул в сторону телефона и сказал:

— Немедленно доктора Риджуэя.

К счастью, доктор был дома. И поскольку его дом находился сразу же за углом, через несколько минут он уже торопливо входил в комнату.

— Что все это значит?

В нескольких словах Пуаро объяснил, что произошло, и доктор принялся осматривать нашего странного посетителя, который явно не замечал ни нас с Пуаро, ни доктора.

— Хм! — хмыкнул доктор Риджуэй, окончив осмотр. — Любопытный случай.

— Воспаление мозга? — предположил я.

Доктор презрительно фыркнул.

— Воспаление мозга! Да такого понятия вообще не существует. Это все выдумки писателей. Нет! Этот человек перенес какое-то потрясение. Он пришел сюда, ведомый одной мыслью: найти мистера Эркюля Пуаро, живущего на Фаревей-стрит, четырнадцать. И он повторяет эти слова механически, не осознавая, что они означают.

— Афазия?¹ — продолжал я.

На этот раз доктор даже не фыркнул, а просто промолчал. Затем протянул нашему гостю лист бумаги и карандаш и сказал:

— Посмотрим, что он будет делать.

Сначала мужчина сидел спокойно, потом неожиданно принялся что-то лихорадочно писать. И так же неожиданно

¹ А ф а з и я — расстройство речи, при котором человек теряет иногда способность выражать мысль словами.

данно прекратил. Карандаш и бумага упали на пол. Доктор поднял их и покачал головой.

— Ничего. Только с десяток раз нацарапана цифра четыре, каждый раз все бóльшая по размеру. Думаю, он хотел написать дом четырнадцать на Фаревей-стрит. Очень любопытный случай. Вы можете оставить его пока у себя. Сейчас я должен идти в больницу, но после ленча вернусь и сделаю все необходимые распоряжения. Очень интересный случай, не хотелось бы его упустить.

Я объяснил, что Пуаро должен уезжать и что я намерен проводить его до Саутгемптона¹.

— Хорошо. Оставьте его здесь. Никуда он не денется, у него полнейшее истощение. Думаю, проспит, как минимум, часов восемь. Я поговорю с вашей distinguished хозяйкой, миссис Пирсон, и попрошу ее присмотреть за ним.

И со свойственной ему стремительностью доктор Риджуэй покинул комнату. Пуаро поспешно заканчивал паковать свои вещи, ежеминутно поглядывая на часы.

— Время летит с невероятной быстротой. Теперь, Гастингс, вы не можете сказать, что я вам ничего не оставил. Ребус хоть куда! Человек ниоткуда. Кто он? Чем занимается? Да, черт возьми, я бы отдал два года своей жизни, чтобы заставить пароход уйти завтра, а не сегодня. Случай действительно крайне интересный. Но пройдут недели, если не месяцы, прежде чем этот человек будет в состоянии рассказать, зачем пришел.

— Я сделаю все, что смогу, Пуаро,— заверил я его.— Я постараюсь во всем разобраться.

— Да, конечно...

Мне показалось, что в его голосе прозвучали нотки сомнения. Я схватил лист бумаги.

— Если бы я писал рассказ,— сказал я,— то непременно объединил бы события сегодняшнего дня с тем, что вы мне рассказали раньше. И назвал бы его «Тайна Большой Четверки».— В такт этой фразе я стучал по нацарапанным незнакомцем цифрам.

И тут я вздрогнул от неожиданности, так как наш больной очнулся от оцепенения, сел на стоявший рядом с кушеткой стул и четко произнес:

¹ Саутгемптон — город и порт на юге Великобритании на побережье пролива Ла-Манш.

— Ли Чан-йен.

У него был вид только что проснувшегося человека. Пуаро сделал мне знак молчать. Незнакомец продолжал. Говорил он четко, высоким голосом, и опять возникло такое ощущение, что он цитировал на память какой-то документ или лекцию:

— Ли Чан-йен — мозговой центр Большой Четверки. Он — их движущая сила. Поэтому назовем его Номер Один. Номер Два редко упоминается по имени. Во всех документах он фигурирует как латинская буква «эс», подчеркнутая двумя линиями, — знак доллара; или двумя полосками и звездой. Предполагается, что он американский подданный и символизирует власть денег. Номер Три, без всякого сомнения, женщина, француженка. Возможно, она одна из «дам полусвета» и ее используют как своего рода наживку, но это только предположение.

— Номер Четыре...

Его голос дрогнул, и он замолчал. Пуаро подался вперед.

— Ну, — подбодрил его Пуаро. — Номер Четыре... — Он не сводил взгляда с лица незнакомца, черты которого вдруг исказил ужас, казалось, неодолимый... Наконец он выдавил, задыхаясь:

— Палач-эксекUTOR... — и без сознания упал на кушетку.

— Господи... — прошептал Пуаро. — Так, значит, я был прав! Попал в самую точку!

— Так вы думаете, что это...

Он меня перебил:

— Перенесите его в мою спальню. Нельзя терять ни минуты, иначе я могу не успеть на поезд. Хотя, если честно, я бы не прочь опоздать — и в сложившихся обстоятельствах моя совесть была бы совершенно чиста! Но — я дал слово! Пойдемте, Гастингс.

Оставив нашего таинственного незнакомца на попечении миссис Пирсон, мы отбыли на вокзал и приехали в самый последний момент. В поезде Пуаро то пускался в длинные разговоры, то надолго замолкал, не замечая никого вокруг.

Затем, словно очнувшись, он давал мне очередную порцию поручений и настойчиво просил послать еще одну телеграмму тому-то, по такому-то адресу.

После того как мы миновали Уокинг, разговор наш сошел на нет, и мы стали молча смотреть в окно. Поезд до

Саутгемптона нигде не должен был останавливаться, но вдруг впереди загорелся красный свет, и громко лязгнули тормоза.

— А-а! — неожиданно воскликнул Пуаро. — Какой же я глупец! Только теперь я все понял... Воистину, поезд остановился по велению самого Господа! Прыгайте, Гастингс, прыгайте, прошу вас.

В мгновение ока он открыл дверь купе и спрыгнул на обочину.

— Выбрасывайте чемоданы и прыгайте сами.

Я прыгнул. И как раз вовремя. Как только ноги мои коснулись земли, поезд тронулся.

— А теперь, Пуаро, — сказал я, слегка переведя дух, — возможно, вы мне объясните, что все это значит.

— Это значит, мой друг, что я увидел свет, и кое-что прояснилось.

— Но не для меня.

— Возможно, — пробормотал Пуаро, — но я боюсь, очень боюсь, что опоздал. Если вы возьмете эти два сак-вояжа, то я смогу понести все остальное.

Глава 2

Человек из психолечебницы

К счастью, поезд остановился недалеко от станции. Вскоре дорога привела нас к гаражу, где мы смогли нанять машину, и через полчаса мы снова въезжали в Лондон. И уже стоя у дверей своей квартиры, Пуаро наконец изволил хоть что-то объяснить.

— Вы еще не поняли? Я тоже не сразу сообразил. Хотя это очевидно, мой друг... Они хотели от меня отделаться.

— Что?

— Да. И ведь как тонко все было проделано. Да, они действовали методически, досконально все изучив... Они решили, что я опасен.

— Кто они?

— Те, кто сколотил эту шайку... М-да... Действительно, великолепная четверка... Китаец, американец, француз и еще кто-то, одно упоминание о котором вызывает ужас. Молите Бога, Гастингс, чтобы мы прибыли вовремя.

— Вы думаете, нашему незнакомцу грозит опасность?

— Я уверен в этом.

Миссис Пирсон очень обрадовалась нашему возвращению. Оборвав ее восторженные приветствия, мы стали расспрашивать о незнакомце и не звонил ли кто... Хозяйка доложила, что никто не звонил, а наш гость даже ни разу не пошевелился. Облегченно вздохнув, мы поспешили наверх. Пуаро прошел в спальню. Неожиданно я услышал его возбужденный голос:

— Гастингс, он мертв.

Я поспешил к нему. Незнакомец лежал там же, где мы его оставили, но был мертв, и, судя по всему, уже давно. Я побежал за доктором. Зная, что доктор Риджуэй все еще на вызовах, я тут же нашел другого и привел к нам.

— Да, мертв, бедняга. Какой-нибудь бродяга, к которому вы хорошо относились?

— Что-то в этом роде,— уклончиво ответил Пуаро.— Что послужило причиной смерти, доктор?

— Трудно сказать. Возможно, этому предшествовало обморочное состояние. Налицо признаки удушья. Газ был включен?

— Нет-нет. Только электричество.

— К тому же оба окна открыты настежь... Судя по всему, он умер примерно два часа назад,— добавил доктор.— Я надеюсь, вы сообщите кому следует? — И ушел.

Пуаро отдал по телефону необходимые распоряжения, а затем вдруг позвонил нашему старому другу из Скотленд-Ярда¹, инспектору Джеппу, и попросил его зайти к нам как можно скорее.

Не успел он положить трубку, как появилась миссис Пирсон, глаза ее были широко раскрыты.

— Там внизу человек из психо... из больницы. Вы его при... Могу ли я проводить его к вам?

Мы разом кивнули, и в комнату вошел плотный мужчина в форменной одежде привратника.

— Доброго вам утречка, джентльмены,— приветливо поздоровался он.— У меня есть основания полагать, что один из моих птенчиков залетел к вам. Убежал вчера вечером.

— Он был у нас,— спокойно ответил Пуаро.

— И снова убежал, да? — спросил мужчина с явной тревогой.

¹ Скотленд-Ярд — традиционное название лондонской полиции.

— Он мертв.

Пришедший ничуть не огорчился. Напротив, едва сдержал вздох облегчения.

— Неужели? Хотя, может, оно и к лучшему.

— Он был опасен?

— Для окружающих? Нет. Вполне безобидный малый, но с ярко выраженной манией преследования. Нес какую-то околесицу насчет тайных организаций в Китае, и будто кто-то из главарей запихнул его к нам. Да все они долдонят невзвесть что.

Я вздрогнул.

— И давно он попал в вашу больницу?

— Уже два года.

— Понятно,— раздумчиво сказал Пуаро.— Никому бы и в голову не пришло, что он в здравом уме.

Мужчина натянуто рассмеялся.

— Если бы он был в здравом уме, то не угодил бы в сумасшедший дом! Правда, они все говорят, что они совершенно нормальные.

Пуаро ничего не ответил и повел его наверх. Тот сразу же опознал своего подопечного.

— Он, черт бы его побрал,— выругался привратник.— Точно он. Да, с ним, бывало, не соскучишься... Что ж, джентльмены, вынужден вас покинуть. Необходимо выполнить некоторые формальности. Постараемся как можно быстрее забрать труп. Если будет дознание, вас вызовут. До свидания, господа.

И, неуклюже повернувшись, мужчина вышел из комнаты.

Через несколько минут прибыл Джепп, как всегда, щегольски одетый и энергичный.

— А вот и я, мосье Пуаро. Чем могу служить? Я-то думал, что вы сейчас на полных парах мчитесь к чужим берегам.

— Мой дорогой Джепп! Я хотел бы знать, не встречали ли вы когда-нибудь раньше этого человека?

И он повел его в спальню. Взглянув на распростертое на кровати тело, инспектор воскликнул:

— Одну минуточку, джентльмены. Где-то я его видел... Да-да вы ведь знаете, у меня прекрасная память на лица. О!.. Да это же Меерлинг.

— А кто такой этот Меерлинг?

— Нет, он не из Скотленд-Ярда. Он из Интеллидженс

сервис¹. Лет пять тому назад он был отправлен в Россию. Больше я о нем ничего не слышал. Думал, большевики с ним разделались.

— Все сходится, кроме одного,— сказал Пуаро, когда Джепп ушел.— Такое впечатление, что умер он своей смертью.

Сосредоточенно нахмутив брови, он смотрел на неподвижное тело. Порыв ветра всколыхнул шторы. Пуаро вздрогнул.

— Это вы, Гастингс, открыли тогда окна?

— Нет. Насколько я помню, они были закрыты.

Пуаро тут же поднял голову.

— Тогда были закрыты, а теперь распахнуты настежь. Что бы это могло означать?

— Кто-то влез в окно,— предположил я.

— Возможно,— согласился Пуаро, но видно было, что на уме у него что-то другое. Немного поразмыслив, он сказал:

— Я не это имел в виду, Гастингс. Если бы было открыто одно окно, я бы не удивился. Почему открыты оба, вот что мне непонятно.

Он вышел в гостиную.

— К окну в гостиной мы тоже не прикасались, а сейчас и оно настежь.

Подойдя к кровати, он снова внимательно посмотрел на труп и вдруг воскликнул:

— Ему в рот засовывали кляп, Гастингс. Засунули кляп, а затем отравили.

— Боже мой! — вырвалось у меня.— Полагаю, что результаты вскрытия покажут, чем он был отравлен.

— Они ничего не покажут, Гастингс. Он был, по всей видимости, отравлен парами синильной кислоты, которую ему поднесли к носу, в то время как ртом он не мог дышать. Затем убийца ушел, предварительно открыв настежь все окна... Синильная кислота обладает свойством быстро испаряться, стало быть, никаких улик. Разве что чуть уловимый запах миндаля. И учтите, что он сотрудник Интеллидженс сервис. И пять лет назад был послан в Россию.

— Да, но в больнице он был всего два года, где же он провел остальные три?

Пуаро вдруг схватил меня за руку.

¹ Интеллидженс сервис — общее название разведки и контрразведки Великобритании.

— Часы, Гастингс, часы! Посмотрите на часы!

Я взглянул на камин. Часы на каминной полке показывали ровно четыре.

— Mon ami, кто-то их остановил. У них завода еще на три дня, а заводят их раз в восемь дней.

— Но зачем их остановили? Не хотел ли кто-то сообщить, что преступление было совершено в четыре часа?

— Нет-нет. Сосредоточьтесь, мой дорогой друг. Напрягите свои серые клеточки. Вы — Меерлинг. Возможно, вы что-то слышали и поняли, что ваша участь решена. У вас есть время только для того, чтобы подать знак. Четыре часа, Гастингс. Номер Четыре. Экзекутор. А... Это мысль. — И он выбежал из комнаты.

Я услышал, как он снял телефонную трубку и попросил соединить его с Ганвелом:

— Это психолечебница? Насколько мне известно, у вас вчера убежал пациент? Что вы говорите? Одну минуточку, пожалуйста. Повторите. А-а... Parfaitement! ¹ Спасибо!

Он положил трубку и повернулся ко мне.

— Вы слышали, Гастингс? Никто у них не убежал.

— Но этот человек... который приходил? Он же сказал, что работает в психолечебнице? — тупо спросил я.

— Ну это вряд ли...

— Вы хотите сказать?..

— Номер Четыре — «палач-экзекутор»!

Я смотрел на Пуаро, не в силах произнести ни слова. Когда я пришел в себя, то попробовал его успокоить:

— В следующий раз мы его узнаем. Его легко узнать.

— Так уж и легко, mon ami? Не думаю. Это был широкоплечий, краснолицый увалень с густыми усами и хриплым голосом. А теперь он вполне может выглядеть как благообразный господин с гордой осанкой. Никаких усов. Глаза самые обыкновенные, форма ушей — тоже. И великолепные вставные зубы, а они у всех ровные да белые. Опознать человека — не такое уж легкое дело... В следующий раз...

— Вы думаете, что следующий раз будет? — спросил я.

Лицо Пуаро потемнело.

— Это борьба не на жизнь, а на смерть. Вы и я с одной стороны — Большая Четверка с другой. Первый трюк им удался, но им не удалось провести меня и убрать с дороги. Отныне им придется считаться с Эркулем Пуаро!

¹ Понятно! (*фр*)

Дополнительные сведения о Ли Чан-йене

Два дня после визита «привратника», я жил надеждой, что он заявится снова, и ни на минуту не отлучался из дому. Я был уверен, что он и не подозревает о том, что его разоблачили, и попытается унести труп. Пуаро только посмеивался, глядя на меня.

— Дорогой мой друг, — сказал он. — Если вам не надоело, то ждите, пока рак на горе свистнет. Лично я не намерен терять время даром.

— Но позвольте, Пуаро, — пытался возразить я. — Зачем он тогда приходил? Если хотел унести труп, то тогда все понятно — ему было важно уничтожить улики. Иначе зачем ему так рисковать.

Пуаро выразительно пожал плечами — типично галльский¹ жест.

— Но вы все-таки попробуйте поставить себя на место Номера Четыре, Гастингс, — сказал он. — Вы говорите о каких-то уликах, но где они? Да, у вас есть труп, но нет доказательств, что этот человек был убит. Синильная кислота, если только вдыхать ее пары, следов не оставляет. Далее: никто не видел, что в наше отсутствие кто-то входил в квартиру, и, наконец, мы ничего не знаем о нашем покойном коллеге Меерлинге... Да, Гастингс, — продолжал Пуаро, — Номер Четыре не оставил следов, и он это хорошо знает. Визит его — это просто разведка. Может, он хотел убедиться, что Меерлинг мертв, но скорее всего он пришел, чтобы увидеть Эркюля Пуаро, поговорить со своим противником, единственным, кто ему по-настоящему опасен.

Доводы Пуаро показались мне несколько самонадеянными, но спорить я не стал.

— А как с официальным дознанием? — спросил я. — Там вы обо всем расскажете и дадите подробное описание внешности Номера Четыре?

— А зачем? Можем ли мы сообщить что-нибудь такое, что повлияло бы на коронера² и его твердолюбых присяж-

¹ Галльский — характерный для французов: галлы — кельтское племя, в древности обитавшее на территории современных Франции и Бельгии.

² Коронер — особый судебный следователь в Англии и США, в обязанности которого входит расследование причин смерти лиц, умерших внезапно при невыясненных обстоятельствах, требующих производства судебного следствия.

ных? Разве наше описание Номера Четыре имеет какую-нибудь ценность? Нет, позволим им вынести вердикт: «несчастный случай». И тот вердикт, который им нужен: наш умник поздравит себя с тем, что первый раунд у Эркюля Пуаро он выиграл. Хотя, думаю, вряд ли мы таким образом сможем усыпить его бдительность.

Пуаро, как всегда, оказался прав. Тот тип из психолечебницы больше не появлялся. Даже на дознание, где я выступал в качестве свидетеля, Пуаро не пошел. Зрителей было мало.

Так как Пуаро, собираясь в Южную Америку, завершил все свои дела, то теперь большую часть времени он проводил дома. Тем не менее я ничего не мог из него вытянуть. Он сидел в своем кресле и отмахивался от моих попыток вовлечь его в разговор.

Однажды утром, спустя неделю после убийства, он спросил меня, не хочу ли я составить ему компанию и прогуляться за город. Я был рад, ибо считал, что Пуаро совершенно напрасно не желает воспользоваться моей помощью. Меня так и подмывало задать ему несколько вопросов, но он не был расположен к беседе. Даже когда я спросил его, куда мы направимся, он промолчал.

Пуаро нравилось напускать на себя таинственность. Он всегда тянул до последнего момента. Вот и сегодня, только после того, как мы проехали на двух поездах и автобусе и прибыли в один из пригородов Лондона, он наконец объяснил мне, в чем дело.

— Мы сейчас увидимся с человеком, который хорошо знает преступный мир Китая.

— В самом деле? И кто же он?

— Вы о нем наверняка не слышали — некто Джон Инглес. Он — бывший чиновник, самый заурядный, сейчас на пенсии. Его дом, говорят, полон китайскими безделушками, рассказами о которых он изводит всех своих знакомых. Но, как мне сказали, это единственный человек, от которого я смогу получить интересующие меня сведения, — Джон Инглес.

Через несколько минут мы поднимались по ступенькам «Лаврового венка» — так называлась вилла Джона Инглеса, — хотя лично я ни в доме, ни около него не заметил даже чахлого лаврового кустика. Вероятно, обожающим цветистые названия провинциалам оно не казалось курьезным.

Нас встретил слуга-китаец, лицо которого напоминало

маску, и провел к хозяину. Джон Инглес оказался высоким широкоплечим мужчиной. У него было желтоватое лицо и глубоко посаженные глаза, которые отражали отнюдь не заурядный ум.

Отложив в сторону письмо, которое он читал, мистер Инглес встал, чтобы нас поприветствовать, после чего снова погрузился в чтение.

— Садитесь, пожалуйста. Хален пишет, что вы хотите кое-что узнать и что я могу вам помочь.

— Да, мосье, я был бы очень вам обязан,— сказал Пуаро.— Я хотел спросить вас... не знаете ли вы что-нибудь о человеке по имени Ли Чан-йен?

— Вот не ожидал,— удивился Джон Инглес.— Где же вы могли услышать об этом человеке?

— Так вы с ним знакомы? — спросил Пуаро.

— Встречался однажды,— ответил Инглес.— И кое-что о нем знаю, правда, не так уж и много. А хотелось бы знать побольше. Никак не думал, что в Англии еще кто-то о нем слышал. Он великий человек — по-своему, конечно. Знатного происхождения — потомок мандарина¹, но не в этом дело. У меня есть все основания полагать, что он вершит всякие гнусные дела.

— Какие дела?

— Разные. Держит мир в напряжении, дестабилизирует обстановку. Перевороты, которые иногда случаются то в одной стране, то в другой, не обходятся без его участия. Некоторые влиятельные люди говорят, что всегда существуют силы, которым выгодны всякие кризисы.

Возьмите ту же Россию. Там налицо были признаки того, что Ленин и Троцкий — всего лишь марионетки, подчиняющиеся чьей-то воле. Доказательств у меня нет, но уверен, что они плясали под его дудку.

— Но позвольте,— запротестовал я.— Не преувеличиваете ли вы? Как может какой-то китаец сеять смуту в России?

Пуаро недовольно посмотрел на меня.

— Вам, Гастингс,— сказал он,— все, что не соответствует вашим привычным стереотипам, кажется преувеличением. А я совершенно уверен в правоте этого джентльмена. Продолжайте, мосье, прошу вас.

— Зачем ему все это нужно,— продолжал Инглес,—

¹ Мандарин — европейское название государственных чиновников в старом феодальном Китае.

сказать не берусь, но мне кажется, что он страдает тем же недугом, что и многие великие умы прошлого — от Акбара¹ и Александра Македонского² до Наполеона³, — жаждой абсолютной власти и манией величия. Раньше необходимым условием завоевания власти было наличие мощной армии, теперь же, в наш век, Ли Чан-йен использует целый комплекс мер. У него свои методы. Я знаю, — продолжал Инглес, — что огромные средства он выделяет на подкуп и пропаганду. Есть сведения, что на него работают и многие выдающиеся ученые.

Пуаро слушал с неослабевающим вниманием.

— А в Китае? — спросил он. — Там он тоже имеет вес?

Собеседник кивнул.

— Безусловно, — сказал он, — хотя очевидных доказательств на этот счет у меня нет. Это мои собственные соображения. Я знаю лично всех более или менее заметных в Китае деятелей, и вот что я вам скажу: те, кто прорвался на руководящие посты, — на самом деле вполне заурядные личности. Ничего выдающегося. Они марионетки, которыми управляет умелый кукловод, настоящий мастер своего дела, и этот мастер — Ли Чан-йен. Сегодня он, в сущности, правит там бал. Мы не понимаем Востока — и никогда не поймем, а Ли Чан-йен знает, как там нужно действовать. Не то чтобы он кого-то агитировал. Нет! Он даже никогда не покидает своего дворца в Пекине. Но время от времени дергает за нужную веревочку... да... или за несколько... и тут же что-то происходит.

— И нет никого, кто бы ему оказывал сопротивление? — спросил Пуаро.

Инглес подался вперед.

— В последние четыре года это пытались сделать четыре человека, — медленно сказал он. — Люди сильные, честные, умные... Со временем любой из них мог бы помешать осуществлению замыслов Ли Чан-йена. — Он умолк.

— Ну и в чем дело? — спросил я.

— Они мертвы. Один из них написал статью, в которой упомянул имя Ли Чан-йена в связи с беспорядками в

¹ Акбар Джелаль-ад-дин (1542—1605) — правитель Индии из династии Великих Моголов, один из выдающихся деятелей средневековья.

² Александр Македонский (356—323 до н.э.) — царь Македонии, основатель крупнейшей империи древнего мира.

³ Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский государственный деятель и полководец, французский император (1804—1814 гг.).

Пекине,— через два дня его зарезали на улице. Убийцу, естественно, так и не нашли. В общем, любое упоминание — письменное или устное — Ли Чан-йена, намек на то, что это он спровоцировал какой-то бунт или переворот, приводило этих смельчаков к гибели в считанные дни. Второй был отравлен, третий умер от холеры — единичный случай, не было никакой эпидемии, четвертого нашли мертвым в постели. Причину смерти так и не смогли установить, но врач, видевший труп, рассказал мне, что на теле были следы ожогов и оно было так скрючено, будто через него пропустили ток высокого напряжения.

— Но вы уверены, что за всеми этими расправами стоит Ли Чан-йен? — спросил Пуаро.— Ведь были наверняка какие-то следы...

Мистер Инглес пожал плечами.

— Следы? Да, конечно. А еще я как-то встретил одного молодого, подающего надежды химика, протезе Ли Чан-йена, и он мне кое-что рассказал. Приходит он как-то раз ко мне, и чувствую — что-то с ним неладно. Он намекнул мне об экспериментах, которые он проводил во дворце Ли Чан-йена под его руководством. А в качестве подопытных кроликов — кули¹. Нервы бедного малого были на пределе, он был в шоковом состоянии. Я предложил ему остаться, провел в комнату на верхнем этаже... Пусть, думаю, придет в себя, а завтра его расспрошу... В общем, свалил дурака.

— Как они нашли его? — спросил Пуаро.

— Этого я никогда не узнаю. Я проснулся среди ночи — дом был охвачен пламенем, я еле спасся. Следствие показало, что пожар вспыхнул на верхнем этаже, и мой гость сгорел.

По той готовности, с которой Джон Инглес все это нам выкладывал, я заключил, что он оседлал своего любимого конька. Впрочем, он и сам в конце концов понял, что чересчур увлекся, и виновато рассмеялся.

— Да, конечно, у меня нет доказательств. Вы, как и все остальные, наверное, думаете, что это плод моего воображения.

— Напротив,— сказал Пуаро,— у нас есть все основания полагать, что вы абсолютно правы. Нас и самих очень интересует этот неуловимый Ли Чан-йен.

¹ Кули (*кут.*) — в Китае и некоторых других странах Востока неквалифицированный рабочий-туземец.

— Удивительно. Никак не предполагал, что в Англии о нем тоже слышали. Но вам-то откуда о нем известно? Если это, конечно, не секрет.

— Никаких секретов, мосье. Какой-то человек нашел убежище в моем доме. Он был в состоянии шока, но ему удалось сообщить достаточно, чтобы вызвать интерес к Ли Чан-йену. Он упомянул некую Большую Четверку — организацию, о которой до сих пор никто ничего не слышал. Номер Первый — Ли Чан-йен, Номер Два — никому не известный американец, Номер Три — также никому не известная француженка, Номер Четыре — палач-эзекутор, как я понимаю, исполнитель их приговоров. Это все, что нам удалось выяснить. Скажите, пожалуйста, мосье, вам знакомо это название — Большая Четверка?

— Да, но не в связи с Ли Чан-йеном... Не могу вспомнить где именно, но совсем недавно я слышал или читал об этой «четверке» — и при довольно необычных обстоятельствах. М-м... Да, вспомнил!

Он поднялся и, пройдя через всю комнату, подошел к шкафу. Оттуда он извлек пожелтевший листок бумаги.

— Вот она. Записка от одного старого моряка, с которым я когда-то познакомился в Шанхае. Старый кутила и греховодник, теперь, наверное, законченный пьяница. Это его послание навело меня на подобную мысль. Послушайте, это же бред алкоголика.

И он принялся читать:

«Уважаемый сэр!

Вы, наверное, не помните меня, но однажды в Шанхае Вы уже оказали мне услугу. Не поможете ли старому морскому волку и на этот раз? Мне нужна небольшая сумма, чтобы выехать из Англии. Мне удалось здесь хорошо замаскироваться, но, боюсь, они меня все-таки вычислят. Эти из Большой Четверки. Того и гляди, прикончат. Денег у меня достаточно, но я даже не могу снять их со счета, так как в этом случае они сразу же нападут на мой след. Прошу вас, пришлите мне несколько сотенок наличными. Возвращу с лихвой, клянусь вам.

Всецело Вам преданный
Джонатан Уолли».

Послано из «Гранит-Бангалоу», Хоппатон, Дартмур¹.

¹ Дартмур — холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии в графстве Девоншир.

Боюсь, я напрасно проигнорировал эту записку. Решил, что старикан просто хочет выманить у меня несколько сот фунтов, которые еще неизвестно на что пойдут. . Если она вам может пригодиться...— И он протянул листок Пуаро

— Весьма признателен вам, мосье. Я отправляюсь в Дартмур, à l'heure même ¹.

— Неужели! — воскликнул Джон Инглес.— А что, если я поеду с вами? Не возражаете?

— Вы доставили бы нам огромное удовольствие, но мы должны выехать немедленно. Хотелось бы приехать в Дартмур до наступления темноты.

Мистер Инглес спешно собрался, и вскоре мы уже были в поезде, увозившем нас от Паддингтонского вокзала ² на запад.

Хоппатон оказался маленькой деревенькой, расположенной в ущелье с краю пустоши, поросшей вереском. До самой деревни от Моретхамстеда нужно было еще ехать девять миль ³. Прибыли мы туда около восьми вечера, но, так как стоял июль, было еще совсем светло. Свернув на узенькую деревенскую улочку, мы остановились, чтобы спросить дорогу к дому, где обитал морской волк.

— «Гранит-Бангалоу»? — задумчиво переспросил старик.— Вам действительно нужен именно этот дом?

Мы заверили его, что именно так.

Старик указал на маленький серый коттедж в конце улицы.

— Вот он. И к инспектору тоже пойдете?

— К инспектору? — резко перебил Пуаро.— Это еще зачем?

— Неужто вы не слышали об убийстве? Чистый ужас! Море крови, говорят.

— Mon Dieu! — пробормотал Пуаро — Где этот ваш инспектор?.. Я должен его немедленно видеть.

Пять минут спустя мы уже беседовали с инспектором Медоузом. Сначала инспектор не хотел с нами даже разговаривать, но, едва мы упомянули инспектора Джемпа из Скотленд-Ярда, сменил гнев на милость.

— Да, сэр, его убили сегодня утром. Просто варварски. Слуги позвонили в Мортон, и я выехал сюда сразу же.

¹ Сейчас же, немедленно (*фр*)

² Паддингтонский вокзал — вокзал в Лондоне, обслуживающий поезда западного направления

³ Миля — мера длины, равная 1609 км

Темная история, скажу я вам. Старик, ему было что-то около семидесяти, лежал на полу в гостиной. На голове огромная шишка, а горло перерезано от уха до уха. И сами понимаете, кровь по всей комнате... Кухарка, Бетси Эндрюз, рассказала нам, что у хозяина было несколько китайских нефритовых¹ статуэток, по его словам, очень дорогих. Так вот, они исчезли. Вроде бы все ясно: убийство с целью ограбления. Но есть тут некоторые моменты... У старика двое слуг: Бетси Эндрюз, она местная, из Хоппатона, и личный слуга, своего рода дворецкий, — Роберт Грант. Грант отправился на ферму за молоком (он это делает каждый день), а Бетси вышла ненадолго из дома поспудачить с соседкой. Отсутствовала она минут двадцать — тридцать, между десятью и половиной одиннадцатого. Возможно, убийство произошло именно в это время. Первым вернулся Грант. Он вошел в дом через заднюю дверь (здесь не принято запирают двери, по крайней мере днем), поставил молоко в кладовую и ушел в свою комнату покурить и почитать газету. У него даже и мысли не было, что в доме что-то произошло, так, во всяком случае, он говорит. Потом вернулась Бетси. Она зашла в гостиную, увидела, что случилось, и подняла такой жуткий крик, от которого и мертвый бы поднялся. Но он не поднялся. Короче, выходит, когда старик был в доме, кто-то зашел и все это сотворил. Но меня смущает одна вещь: уж слишком хладнокровно было совершено это убийство. Ведь нужно было среди бела дня пройти по улице или пробраться через соседские участки. «Гранит-Бангалов» окружен домами. Как могло получиться, что убийцу никто не заметил?

Инспектор торжествующе умолк.

— Я понял вашу мысль, — сказал Пуаро, — продолжайте, пожалуйста.

— Да, сказал я себе, — продолжил инспектор, — что-то здесь не так. И начал искать эти нефритовые статуэтки. Мог ли простой бродяга знать, сколько стоят эти безделушки? Конечно же нет. И потом, это же так опасно — днем явиться в дом. А что, если старик закричал бы или позвал на помощь?

— Я думаю, инспектор, — вступил в разговор Инглес, —

¹ Нефрит — поделочный камень характерной зеленой или беловатой окраски, издавна употребляющийся для изготовления украшений

что сначала его ударили по голове — иначе откуда эта шишка, а уж затем убили.

— Совершенно верно, сэр. Сначала его сбили с ног, а затем перерезали горло. Тут-то все ясно. Но как, черт возьми, он вошел и вышел? В таких деревушках чужаков сразу примечают. Мне кажется, никто и не приходил. Я все осмотрел вокруг. Накануне был сильный дождь, и на полу я нашел массу отпечатков, их оставили те, кто входил на кухню. В гостиной были только две пары следов (Бетси Эндрюз остановилась в дверях) — мистера Уолли (он носил шлепанцы) и еще чьих-то башмаков. На них была кровь, и я проследил, куда вели следы. Да, сэр, простите, вы что-то хотели спросить?

— Продолжайте, пожалуйста,— сказал Инглес,— все понятно.

— Они вели на кухню и там обрывались. Это улика номер один. На двери в комнату Гранта пятна крови. Это — номер два. Я осмотрел ботинки Гранта и сличил с отпечатками на полу. Следы точно его. Я арестовал Гранта, и что же, вы думаете, я нашел у него в чемодане? Несколько нефритовых статуэток и документ об условно-досрочном освобождении из тюрьмы. Роберт Грант на проверку оказался Авраамом Биггсом, который пять лет назад был осужден за квартирные кражи.

Инспектор сделал выразительную паузу.

— Что вы скажете на это, джентльмены?

— Ну что ж,— сказал Пуаро,— дело совершенно ясное. Предельно ясное. Этот Биггс, или Грант, должно быть, глупый и необразованный человек, не так ли, инспектор?

— Да, сэр. Грубый и неотесанный малый. Не имеет ни малейшего представления о таких вещах, как отпечатки пальцев, следы...

— Ясно, что он не читает детективных романов! Отлично сработано, инспектор, поздравляю. Вы позволите нам взглянуть на место преступления?

— Я сейчас же провожу вас туда. Я хотел бы, чтобы вы сами взглянули на эти отпечатки.

— Да-да, очень любопытно, инспектор, очень.

Мы все вместе отправились на место убийства. Мистер Инглес и инспектор прошли вперед, мы с Пуаро немного отстали, чтобы инспектор не мог слышать наш разговор.

— Что вы на самом деле думаете об этом, Пуаро? Не скрывается ли за этим убийством что-нибудь другое?

— В том-то и дело. Уолли же ясно написал, что его

преследует Большая Четверка. А мы с вами знаем, что Большая Четверка — это не какой-то там злой волшебник из сказки. И в то же время все указывает на Гранта. Почему он это сделал? Из-за нефритовых статуэток? Или он агент Большой Четверки? Признаюсь, что последнее мне кажется наиболее вероятным. Ведь какими бы ценными они ни были, такой человек, как Грант, вряд ли удовольствовался бы только ими и уж тем более не стал бы совершать ради них убийство. Это, между прочим, должен был сообразить инспектор. Грант мог просто сбежать, прихватив с собой эти безделушки. Да! Увы, наш новый знакомый не умеет в полной мере использовать свои серые клеточки. Он обнаружил следы, нашел улики, но не смог расставить все в нужной последовательности. Он не знает, что такое порядок и метод.

Глава 4

Загадка бараньей ноги

Инспектор вытащил из кармана ключ и открыл дверь коттеджа. Хотя день был сухой и солнечный и наша обувь не оставляла следов на полу, мы старательно вытерли ноги о коврик перед входом.

Из темноты выскользнула женщина и что-то стала говорить инспектору. Отойдя на несколько шагов в сторону, он обернулся к нам и сказал:

— Посмотрите здесь все, что сочтете необходимым, мистер Пуаро,— сказал инспектор.— Я вернусь минут через десять. Между прочим, я прихватил с собой ботинок Гранта, чтобы вы сами во всем убедились.

Инспектор удалился, а мы вошли в гостиную. Внимание Инглеса привлекло несколько китайских статуэток на столике в углу, и он принялся их осматривать. Казалось, его ничуть не интересовало, что собирается делать Пуаро. Я же, наоборот, наблюдал за своим другом с неослабевающим вниманием. Пол был покрыт темно-зеленым линолеумом — идеальный материал, на котором должны были сохраниться отпечатки. Дверь в дальнем углу комнаты вела в кухню. Из кухни одна дверь вела в моечную (там же был «черный ход»), другая — в комнату Гранта. Тщательно обследовав пол, Пуаро начал свой обычный монолог.

— Вот здесь лежало тело. Видите, большое пятно крови. А вот следы шлепанцев и ботинок — кстати девятый

размер¹, — но разобраться в них практически невозможно, они все время пересекаются. Потом вот еще следы: одни ведут на кухню, другие, — наоборот, из кухни. Убийца явно появился оттуда. Ботинок у вас, Гастингс? Дайте-ка его сюда.

Он приложил ботинок к отпечатку на полу, затем к другому.

— Да, это следы Гранта. Он вошел через эту дверь, убил старика и вернулся обратно на кухню. Наступил в лужу крови, видите вот эти следы? Он оставил их, когда уходил. На кухне нам делать нечего — там побывала уже вся деревня. Он пошел в свою комнату — нет, опять вернулся на место преступления. Чтобы взять нефритовые фигурки? Или за чем-то другим — за тем, что могло его выдать?

— Возможно, он убил старика, когда снова вернулся в комнату, — предположил я.

— Дорогой мой, до чего же вы ненаблюдательны. Вот видите, этот отпечаток другой, более свежий, и он ведет в комнату. Интересно, зачем он возвращался — не за фигурками же? Это, в конце концов, глупо.

— Да, здесь он, конечно, выдал себя, что и говорить...

— Ничего подобного, Гастингс. Все это противоречит здравому смыслу. Мои серые клеточки просто отказываются понимать. А теперь пройдемте в спальню. Да... вот лужа крови и следы ботинок, кровавые следы... Следы Гранта, только его следы, вокруг труп... Да, Грант — единственный, кто в это время находился в доме. Несомненно, это так.

— А что вы думаете о старухе? — неожиданно спросил я. — Она была в доме одна, когда Грант ушел за молоком. Она могла убить хозяина и уйти из дома, не оставив следов...

— Браво, Гастингс. Я все думал, придет ли вам это в голову. Я тоже об этом подумал, но понимаете... Бэтси Эндрюз — местная, ее тут хорошо знают, она не связана с Большой Четверкой, и, кроме того, Уолли был крепким стариком. Нет, здесь работал мужчина.

— Возможно, Большая Четверка спрятала какое-то дьявольское орудие в потолке — что-то такое, что автоматически опускается, перерезает горло человеку и снова возвращается на место?

¹ Согласно принятым в России стандартам это соответствует 43-му размеру.

— Подобно лестнице Иакова¹, вы хотите сказать? Я знаю, Гастингс, что у вас богатое воображение, но на этот раз, ради Бога, спуститесь на землю.

Пристыженный, я замолчал. Пуаро продолжал бродить из комнаты в комнату, заглядывая в шкафы, выдвигая ящики. На лице у него была написана досада. Неожиданно он издал вопль, напоминающий вой шпица, которому прищемили хвост. Я бросился на крик. Пуаро находился в холодной кладовой и с торжествующим видом держал в руке баранью ногу.

— Дорогой Пуаро! — воскликнул я. — Что случилось?

— Посмотрите, прошу вас, посмотрите на нее. Пойдите поближе.

Я подошел поближе, но, сколько ни всматривался, ничего в ней не находил. Нога как нога. Я ему так и сказал. Пуаро укоризненно посмотрел на меня.

— Вы видите вот это, это, это?

Он тыкал пальцем в каждое «это», отламывая каждый раз по маленькой сосульке.

Только минуту назад Пуаро обвинил меня в слишком богатом воображении, но сейчас я чувствовал, что его воображение разыгралось куда сильнее моего. Неужели он всерьез думает, что эти льдышки были кристаллами смертельного яда? Это было единственным выводом, к которому я пришел, слушая его.

— Это мороженое мясо, — сказал я. — Импорт. Из Новой Зеландии.

Он долго смотрел на меня, потом странно рассмеялся.

— Как мудр мой друг Гастингс! — воскликнул он. — Он знает все и вся! Как это говорится? Мистер Всезнайка. Такой уж он есть — мой друг Гастингс.

Он бросил баранью ногу обратно и вышел из кладовой. Затем он посмотрел в окно.

— А вот возвращается и наш друг инспектор. Очень кстати. Я уже посмотрел все, что хотел — Он выбивал дробь пальцами на столе и, казалось, что-то подсчитывал. Затем неожиданно спросил: — Какой сегодня день недели, mon ami?

— Понедельник, — удивленно ответил я — А что?..

¹ Лестница Иакова — согласно Библии (Книга Бытия, гл 18, ст. 12—15) Иаков во сне увидел лестницу, ведущую на небо, по которой поднимались и спускались ангелы. На верху ее стоял сам Господь.

— А... Понедельник, не так ли? Тяжелый день. Это очень рискованно — совершать убийство в понедельник.

Он прошел назад в гостиную, подошел к термометру и постучал по стеклу.

— Ясно и семьдесят градусов по Фаренгейту¹. Обычный английский летний день.

Инглес все еще продолжал осматривать китайские фарфоровые безделушки.

— Вас не так уж и интересует это расследование, морсье? — спросил Пуаро.

— Это не моя работа, — улыбнулся Инглес. — Меня многое интересует, но не такие вещи. Поэтому я предпочитаю никому не мешать. А терпению я научился на Востоке.

Вошел инспектор, очень оживленный, извиняясь за то, что так долго отсутствовал. Он настоял, чтобы мы еще раз осмотрели место преступления, после чего в конце концов мы покинули дом.

— Вы были так добры к нам, инспектор, — сказал Пуаро, когда мы опять вышли на улицу. — У меня к вам есть одна просьба.

— Хотите осмотреть труп, сэр?

— О нет, избави Бог! Это ни к чему. Я хотел бы поговорить с Робертом Грантом.

— Тогда вам придется поехать со мной в Мортон, сэр.

— Прекрасно, но я хотел бы поговорить с ним наедине.

Инспектор задумчиво потерел верхнюю губу.

— Я не знаю, сэр. Инструкция...

— Уверяю вас, если вы позвоните в Скотленд-Ярд, то получите соответствующее разрешение.

— Я слышал о вас самые восторженные отзывы от своих коллег, сэр. Но, понимаете, это противоречит инструкции.

— И тем не менее это необходимо, — терпеливо продолжал Пуаро — По той простой причине, что Грант.. не убийца.

— Что?... Тогда кто же?

— Я подозреваю, что убийце гораздо меньше лет. Он приехал в «Гранит-Бангалоу» на двуколке, которую оставил на улице. Вошел в дом, убил старика, спокойно вышел и уехал. Он был без шляпы, а одежда слегка испачкана кровью.

— Но в таком случае его бы видела вся деревня!

¹ Это соответствует + 21,11° по Цельсию

— Необязательно.

— Ну да — если бы было темно, однако старика убили днем.

Пуаро слегка улыбнулся.

— И потом... лошадь и двуколка, сэр? Как вы можете это объяснить? Любая повозка оставила бы возле дома следы, но их там нет.

— Глазами, возможно, этого и не увидишь. Нужно представить мысленно.

Ухмыльнувшись, инспектор взглянул на меня и выразительно постучал пальцем по лбу. Я тоже был смущен, хотя, в отличие от инспектора, верил в Пуаро.

Инспектор проводил нас в Мортон, где нам разрешили поговорить с Грантом, но при этом присутствовал полицейский. Пуаро сразу же заявил:

— Грант, я знаю, что вы невиновны. Расскажите, пожалуйста, что случилось на самом деле.

Арестованный оказался мужчиной средней комплекции, с неприятным лицом. Сразу чувствовалось, что в тюрьме он не впервые.

— Клянусь Богом, я этого не делал, — зачастил он. — Кто-то подsunул те маленькие стеклянные штучки в мои пожитки. Это просто поклеп, вот что это. Я как вошел в дом, сразу же подался в свою комнату, как я об этом и сказал. Я знать ничего не знал до тех пор, пока Бетси не завопила. Ей-богу, я тут ни при чем.

Пуаро поднялся.

— Если вы не скажете мне правду, вам конец.

— Но я...

— Конечно же вы заходили в комнату и, несомненно, знали, что ваш хозяин убит. Вы собирались задать стрекача, но тут появилась Бетси и увидела труп.

Арестованный, раскрыв рот, уставился на Пуаро.

— Разве это не так? — продолжал Пуаро. — Еще раз вам говорю: полная откровенность — вот ваш единственный шанс.

— Была не была, — неожиданно сказал Грант. — Все было так, как вы сказали. Я вошел в дом и сразу же пошел к хозяину, а он лежит на полу мертвый, и вокруг — жуть сколько крови. Я, само собой, сдрейфил. Подумал: как разузнают о моем прошлом, сразу же меня и заподозрят, кого ж еще. Ну и решил бежать. Сразу же. Пока никто еще ничего не узнал.

— А нефритовые статуэтки?

Грант замялся.

— Понимаете...

— Вы взяли их по привычке, не так ли? Однажды вы слышали, как ваш хозяин говорил, что им цены нет, ну и хотели прихватить с собой — по старой памяти? Верно? Теперь ответьте мне на один вопрос. Вы забрали статуэт-ки, когда пошли в комнату во второй раз?

— Я заходил только один раз. Мне и одного было дос-таточно.

— Точно один?

— Ей-богу.

— Хорошо. Когда вы вышли из тюрьмы?

— Два месяца назад.

— Как вам удалось получить эту работу?

— Через «Общество помощи заключенным». Когда я выходил из тюрьмы, меня встречал какой-то тип в шляпе.

— А как он выглядел?

— Не пастор, но похож. Мягкая черная шляпа, гово-рил важно. У него не было переднего зуба. В очках. Зва-ли его Сандерс. Сказал, что верит в мое раскаяние и что найдет мне хорошее место. К старому Уолли я попал по его рекомендации.

Пуаро снова поднялся на ноги.

— Благодарю вас. Теперь действительно вы все сказа-ли. Наберитесь терпения.— Он помолчал немного и уже в дверях добавил: — Сандерс еще дал вам пару ботинок?

Грант был совершенно обескуражен.

— Да, расщедрился. Но откуда вам это известно?

— Такова моя обязанность — все знать,— мрачно отве-тил Пуаро.

После короткого разговора с инспектором мы все вме-сте забрели в «Белый олень» и там за стаканчиком девон-ширского сидра¹, уплетая яичницу, принялись обсуждать случившееся.

— Все выяснили? — спросил с улыбкой Инглес.

— Да, в основном все, но как доказать, что Уолли был убит по приказу Большой Четверки, а вовсе не Грантом? Какой-то умник устроил его на это место, чтобы потом сделать «козлом отпущения», что, кстати, было совсем не-трудно, учитывая его прошлое. Он дал ему пару ботинок, а вторую, точно такую же, оставил у себя. Остальное

¹ Имеется в виду вино, изготавливаемое в графстве Девоншир на юго-западе Англии

предельно просто. Когда Грант ушел из дома, а Бетси — к кому-то посудачить (она это делала каждый день), он, надев такие же ботинки, как у Гранта, заходит в дом и убивает хозяина. Затем переобувается в ботинки Гранта, садится в свою повозку, и был таков.

Инглес посмотрел на Пуаро.

— Одно мне непонятно,— сказал он.— Почему его никто не видел?

— А... Вот в этом-то и вся хитрость Номера Четвертого. Его видели многие, но при этом никто не обратил на него внимания. Поскольку он приехал в повозке мясника.

Я воскликнул:

— Баранья нога!

— Точно, Гастингс, баранья нога. Все клятвенно уверяли, что сегодня утром никто не заходил в «Гранит-Бангалу», но тем не менее в кладовой я нашел свежзамороженную баранью ногу. Сегодня понедельник, значит, мясо привезли сегодня, потому что если бы его привезли в субботу, то при такой погоде оно не могло не оттаять. Итак, кто-то был в коттедже, и этот кто-то не привлек ничьего внимания, несмотря на то, что одежда его была вся в крови.

— Это же гениально, черт возьми! — воскликнул Инглес.

— Да, он очень умен, этот Номер Четвертый.

— Умнее самого Эркюля Пуаро? — спросил я с невозмутимым видом.

— Есть шутки, которые непозволительны даже вам, Гастингс,— назидательно произнес Пуаро.— Но разве не я спас невинного человека от виселицы? Разве этого мало для одного дня?

Глава 5

Исчезновение ученого

Лично я и не думал, что инспектор Медоуз поверит в невинность Роберта Гранта по кличке Биггс. Улики, которые он собрал против него: уголовное прошлое, украденные нефритовые статуэтки, ботинки, отпечатки которых совпадали с отпечатками на полу,— были настолько весомы, что сразу признать свое поражение было выше его сил. Он, конечно, был очень уязвлен, но Пуаро удалось убедить присяжных, что Грант невиновен. Пуаро привел двух свидетелей, которые показали, что в понедельник ут-

ром к дому убитого подъезжала повозка мясника, а местный мясник сказал, что привозит мясо только по средам и пятницам.

Нашлась женщина, которая на допросе показала, что видела, как какой-то человек выходил из дома, но его внешность описать не смогла. Единственное, что она помнила,— это то, что он был гладко выбрит, среднего роста и выглядел точно так, как помощник мясника. Услышав это, Пуаро философски заметил:

— Я вам говорил, Гастингс. Этот человек — актер. Он не надел синие очки и не приклеил бороду. Тем не менее ему удалось изменить свое лицо, но не это главное. Главное, что он вжился в образ.

И тот человек из Ханвелла, который посетил нас, выглядел именно таким, каким я представлял привратника из психолечебницы. Да, этот человек гениальный актер, я давно это понял.

Тем не менее меня немного обескуражило, что наша поездка в Дартмур ничего не дала. Когда я сказал об этом Пуаро, тот со мной не согласился.

— Мы все время движемся вперед, да, вперед. И после каждой встречи с ним мы все больше и больше узнаем об особенностях его мышления и его методах. Тогда как сам он ничего не знает ни о нас, ни о наших планах.

— А не кажется ли вам, Пуаро, что мы с ним находимся в одинаковом положении? Я, например, тоже ничего не знаю о наших планах. Их, похоже, вообще нет. Вы сидите и преспокойненько дожидаетесь, что он натворит дальше.

Пуаро улыбнулся.

— А вы, *mon ami*, совсем не изменились. Все так же жаждете крови. Возможно,— добавил он, когда раздался стук в дверь,— это ваш шанс. Сейчас дверь откроется, и войдет наш общий друг.— И он рассмеялся, увидев разочарование на моем лице,— в комнату вошел всего лишь инспектор Джепп с каким-то вполне respectableм господином.

— Добрый вечер, мосье,— поздоровался инспектор.— Позвольте мне представить вам капитана Кента из американской внешней разведки.

Капитан Кент был высок и худощав. Его бесстрастное лицо было будто высечено из дерева.

— Очень рад познакомиться с вами, джентльмены,— пробормотал капитан и пожал нам руки.

Пуаро подбросил в камин полено и принес еще два сту-

ла. Я принес стаканы, виски и содовую. Капитан сделал большой глоток и одобрительно кивнул головой.

— В вашей стране традиции остались прежние,— заметил он.

— А теперь к делу, господа,— сказал Джепп.— Мосье Пуаро высказал мне необычную просьбу. Его интересуют все события, так или иначе связанные с упоминанием Большой Четверки, и он попросил меня тут же сообщать ему все факты, с которыми я столкнусь. Честно говоря, я уже стал забывать об этом, но когда ко мне пришел капитан Кент и рассказал одну любопытную историю, я сразу же подумал: «Это должно заинтересовать мосье Пуаро».

Пуаро посмотрел на капитана, и тот начал свой рассказ:

— Вы, наверное, читали в свое время, мосье Пуаро, информацию о том, что несколько торпедных катеров и миноносцев пошли ко дну, разбившись на рифах у американского побережья. Это случилось как раз после землетрясения в Японии, и гибель судов объясняли сильным штормом. Но недавно во время облавы были задержаны некоторые личности, у которых нашли бумаги, проливающие свет на это дело. Насколько мы поняли, существует некая международная организация под названием «Большая Четверка». Она обладает каким-то мощным агрегатом, аккумулирующим огромное количество энергии, который преобразует ее в луч, способный поражать любой объект на большом расстоянии. Все это казалось абсурдом, но я все же доставил бумаги в штаб, чтобы там сами разобрались что к чему. Вскоре один из ваших английских ученых прочитал на эту тему доклад на заседании Британской ассоциации¹. Коллеги сочли его выводы поспешными, а саму идею нереальной, но ученый заявил, что он сам находится на пороге подобного открытия и что уже получены обнадеживающие результаты.

— Ну и что дальше? — нетерпеливо поинтересовался Пуаро.

— Я приехал сюда в Англию, чтобы лично встретиться с этим ученым и выяснить у него, возможно ли создание такого агрегата в принципе. Мне сказали, что он очень

¹ Британская ассоциация — ассоциация ученых, действующая с 1831 года, ставящая целью распространение научных знаний и проводящая ежегодные форумы с докладами о последних достижениях науки

молод, но тем не менее большой авторитет в этой области физики. Некто Холлидей.

— Ну и что он сказал? — спросил я.

— Ничего не сказал и, наверное, уже никогда не скажет. Я так и не увидел Холлидея...

— Дело в том, — перебил капитана Джепп, — что Холлидей исчез.

— Исчез? Когда?

— Два месяца назад.

— Вам об этом было заявлено?

— Да, конечно. К нам пришла его жена. Она была в жутком волнении. У меня, говорит, пропал муж. Мы объявили розыск, но мне что-то не верится, что мы его сможем найти.

— Почему?

— Потому что еще никогда .. никогда не удавалось найти тех, кто исчезал таким странным образом.

— Каким именно?

— Он исчез в Париже.

— Холлидей исчез в Париже?

— Да. У него была командировка... во всяком случае, он так сказал жене. Конечно, он должен был сказать что-то в этом роде. Но, вы сами понимаете, в Париже можно исчезнуть по разным причинам... Или его похитили, и тогда уже ничего не сделаешь, или он сам решил, что называется, испариться, чтобы немного развлечься. Веселый Париж и все такое прочее... Устал от семейной жизни. У Холлидея накануне отъезда была размолвка с женой, так что возможен второй вариант.

— Интересно, — задумчиво произнес Пуаро.

Американец с любопытством посмотрел на него:

— Скажите, мосье Пуаро, а что представляет собой Большая Четверка?

— Большая Четверка, — ответил Пуаро, — это международная преступная организация, которую возглавляет один весьма неглупый китаец. Он у них Номер Один. Номер Два — американец, Номер Три — француженка, Номер Четыре, палач-эзекутор, — англичанин.

— Француженка, говорите? — Капитан присвистнул. — А Холлидей исчез в Париже, во Франции. Может, это и есть ключ к разгадке. Как ее зовут?

— Не знаю. Я ничего о ней не знаю.

— Но эти сведения верные? — спросил капитан.

Пуаро кивнул, машинально устанавливая стаканы на подносе в один ряд. Он был большой любитель порядка.

— Но зачем им понадобилось топить корабли? А что, если «Большая Четверка» — это трюк немцев?

— Большая Четверка — это Большая Четверка, и работают они только на себя, мосье капитан. Их цель — мировое господство.

Американец разразился гомерическим хохотом, но, взглянув на серьезное лицо Пуаро, разом остановился.

— Вы напрасно смеетесь, мосье капитан, — сказал Пуаро, вскинув руку. — Вы вспомните... Напрягите свои серые клеточки. Кто, по-вашему, были те люди, которые играючи отправили на дно часть вашего флота, проверяя на нем возможности своего оружия? А это было именно так, мосье, — они испытывали новый вид оружия, который есть только у них.

— Подумать только, — добродушно сказал Джепп. — Я столько раз читал о международных преступниках, но до сих пор ни одного из них не встречал. Итак, Пуаро, вы выслушали рассказ капитана Кента. Могу ли я еще что-нибудь сделать для вас?

— Да, мой друг. Вы могли бы дать мне адрес миссис Холлидей, а также нечто вроде рекомендательного письма?

На следующий день мы отправились в Четуинд-Лодж, расположенный неподалеку от деревни Чобхэм в графстве Суррей¹.

Миссис Холлидей, высокая светловолосая женщина, приняла нас сразу же. С ней была ее дочь, прелестное создание пяти лет.

Пуаро кратко изложил цель нашего визита.

— Ну конечно же, мосье Пуаро, я так благодарна, что вы пришли. Я много о вас слышала. Вы не такой, как те полицейские из Скотленд-Ярда, которые даже не захотели меня выслушать. Да и французишки тоже... такие невоспитанные, если не сказать хуже. Они там почему-то уверены, что мой муж сбежал с какой-то женщиной, но это не так. Этого не могло быть, потому что все, чем он жил, — его работа. Работа была для него главное. Половина всех наших ссор была из-за его работы. Он любил ее больше, чем меня.

— Это так похоже на англичан, — успокаивающе сказал Пуаро. — Они всегда чем-то увлечены. Если не работой,

¹ Суррей — графство на юго-востоке Англии к югу от реки Темзы

так азартными играми или спортом. И все принимают так близко к сердцу. А теперь, мадам, вспомните, пожалуйста, в деталях и, если можно, по порядку все, что касается исчезновения вашего мужа.

— Мой муж уехал в Париж в четверг двадцатого июля. Он должен был встретиться с коллегами, работающими в той же области, что и он. Среди них знаменитая мадам Оливье.

Услышав имя знаменитой француженки, которая своими открытиями затмила Кюри¹, Пуаро кивнул. Она была лидером в своей области, и французское правительство не сколько раз отмечало ее достижения высокими наградами.

— Он приехал туда вечером и сразу же отправился в гостиницу «Кастильоне» на улице Кастильоне. Наутро у него была назначена встреча с профессором Бургоне. У них была очень интересная беседа, казалось, его ничто не волновало, он был очень раскован. Они условились встретиться на следующий день в лаборатории профессора Бургоне. Оттуда он отправился на ленч в кафе «Руаяль», погулял по Парижу, затем посетил мадам Оливье в ее доме по улице Пасси. Он никуда не торопился и был совершенно спокоен. Около шести вечера он ушел. Где он ужинал, никто не знает, возможно, в каком-то ресторанчике. Около одиннадцати вечера муж вернулся в гостиницу и сразу прошел к себе в номер, предварительно спросив, нет ли для него почты. Утром он вышел из гостиницы, и больше его никто не видел.

— В котором часу это было? Он вышел с таким расчетом, чтобы успеть к назначенному часу в лабораторию профессора Бургоне?

— Не знаю. Никто не заметил, когда он ушел, а утренний кофе ему не подавали. Значит, было очень рано.

— А он не мог уйти вечером, после того как вернулся в гостиницу?

— Не думаю. Постель была разобрана, да и портье заметил бы.

— Скорее всего, да. Итак, ваш муж покинул номер рано утром, и, с одной стороны, это хорошо. Вряд ли он мог стать жертвой бандитов в такой ранний час. А его вещи, мадам, все ли они на месте?

¹ Кюри (Мария Складовска-Кюри) (1867—1934) — польский химик и физик, первая женщина — лауреат Нобелевской премии, вместе с мужем Пьером Кюри занималась исследованием радиоактивных явлений

Казалось, миссис Холлидей не хотела отвечать на этот вопрос, но в конце концов сказала:

— Нет, не все. Должно быть, он взял с собой маленький чемоданчик.

— Хм! — задумчиво произнес Пуаро. — Интересно, где он провел вечер? Если бы мы это знали, вполне возможно, мы бы знали, где он сейчас. Кого он встретил? — вот в чем вопрос. Мадам, сам я не разделяю взглядов полиции. Они вечно твердят: «*Cherche la femme*»¹. Между тем совершенно очевидно, что вечером случилось что-то такое, что изменило его планы. Вы сказали, он спрашивал почту? Он что-нибудь получал? Были ли письма?

— Только одно, и это, скорее всего, было мое письмо, которое я ему послала, когда он уехал из Англии.

Пуаро помолчал, потом быстро поднялся на ноги.

— Да, мадам, ключ к разгадке находится в Париже, и я немедленно отправляюсь туда.

— Но это произошло так давно, мосье...

— Вы правы, но тем не менее именно там его следует искать.

Уже у двери он обернулся и спросил:

— Мадам, ваш муж никогда не упоминал в разговоре «Большую Четверку»?

— Большую Четверку? — Она немного подумала. — Нет, ни четверок, ни других чисел.

Глава 6

Женщина на лестнице

Это было все, что мы смогли вытянуть из миссис Холлидей. Мы поспешили обратно в Лондон, сделали необходимые приготовления и на следующий день выехали на континент. С довольно мрачной улыбкой Пуаро заметил:

— Большая Четверка все время опережает меня. Я бегая за ними, совсем как один старый французский фокстерьер.

— Возможно, вы встретитесь с ним в Париже, — сказал я, сразу поняв, что речь идет об одном из самых знаменитых сыщиков Сюртэ², с которым Пуаро случалось иметь дело раньше.

¹ Ищите женщину (*фр.*).

² Сюртэ — традиционное название французской уголовной полиции.

Пуаро скорчил гримасу.

— Надеюсь, что нет. Мы с ним никогда не могли найти общий язык.

— Разве трудно,— спросил я,— узнать, что делал такой-то англичанин такого-то числа два месяца назад?

— Очень трудно. Но, как вы знаете, встреча с трудностями радует Эркюля Пуаро.

— Вы думаете, что его похитила Большая Четверка?

Пуаро кивнул.

Наши дальнейшие поиски ничего существенного не доби́ли к тому, что мы уже знали от миссис Холлидей. Пуаро долго расспрашивал профессора Бургоне, надеясь выяснить, рассказывал ли ему Холлидей о своих планах на тот вечер, но профессор ничего не помнил.

Нашим следующим источником информации была знаменитая мадам Оливье. Я был слегка взволнован, когда мы поднимались по ступенькам ее виллы в Пасси. Мне всегда казалось невероятным — что женщина может достигать таких высот в науке. Я считал, что на это способны только мужчины.

Дверь открыл юноша лет семнадцати, манерами напоминавший церковного послушника. Пуаро заранее условился о встрече. Он знал, что мадам Оливье никого не принимает без предварительной договоренности, так как большую часть времени занята работой.

Нас провели в салон, и вскоре к нам вышла хозяйка. Мадам Оливье была высокой женщиной. Ее рост подчеркивали белый халат и высокая шапочка, напоминавшая головной убор монахинь. У нее было продолговатое бледное лицо и удивительно черные глаза, в которых светился какой-то неистовый свет. Она была больше похожа на настоятельницу средневекового женского монастыря, чем на современную француженку. Одна ее щека была обезображена шрамом, и я вспомнил, что три года назад ее муж и его ассистент погибли во время взрыва в лаборатории, и с тех пор она всю свою энергию направила на научные исследования. Она встретила нас вежливо, но холодно.

— Меня так много раз расспрашивала полиция, мосье... Едва ли я смогу помочь вам, раз уж не смогла помочь им.

— Мадам, возможно, я задам вам совсем другие вопросы. Скажите, пожалуйста, о чем вы беседовали с мистером Холлидеем?

— Как о чем? — удивилась она. — Конечно же о работе. О его и моей.

— Говорил ли он о своей теории, которую изложил в докладе, прочитанном Британскому научному обществу?

— Конечно. Эта и было главной темой нашей беседы.

— Его идея скорее из области фантастики? — небрежно спросил Пуаро.

— Некоторые так думают. Я — нет.

— Вы считаете, что это можно осуществить практически?

— Конечно. У меня практически такое же направление, только конечная цель другая. Я изучаю гамма-лучи¹, излучаемые веществом, известным как радий-С — продукт распада радия², — и во время одного из экспериментов я натолкнулась на весьма интересные свойства магнитных полей. У меня есть своя теория, относительно магнитных полей, но публиковать результаты пока еще преждевременно. Опыты Холлидея и его идеи меня очень заинтересовали.

Пуаро кивнул, потом задал ей вопрос, который очень меня удивил:

— Простите, мадам, а где вы беседовали? В этой комнате?

— Нет, мосье, в лаборатории.

— Я могу осмотреть ее?

— Конечно.

Мы вышли следом за ней в небольшой коридор. Пройдя мимо двух дверей, мы оказались в большой лаборатории, в которой было полно колб, мензурок и различного рода приспособлений, названий которых я даже не знал. Двое сотрудников проводили какой-то опыт. Мадам Оливье представила их нам:

— Мадемуазель Клод. (Высокая с серьезным лицом девушка поздоровалась.) Мосье Генри — мой старый и преданный друг.

Темноволосый молодой человек небольшого роста нервно поклонился.

Пуаро осмотрелся. Кроме той двери, через которую мы вошли, в лаборатории были еще две. Одна, как объясни-

¹ Гамма-лучи — коротковолновые электромагнитные лучи, возникающие при распаде радиоактивных ядер и элементарных частиц

² Радий — химический элемент, открытие которого положило начало изучению явления радиоактивности и его практическому использованию.

да хозяйка, вела в сад, другая — в небольшую комнату, где также проводятся эксперименты.

Пуаро внимательно все выслушал и заявил, что теперь можно вернуться в салон.

— Мадам, во время беседы с мистером Холлидеем вы были одни?

— Да, конечно. Оба моих сотрудника находились в маленькой комнате.

— А не могли ли они или кто другой подслушать, о чем вы говорили?

Хозяйка задумалась, потом покачала головой.

— Вряд ли. Все двери были плотно закрыты.

— А в комнате никто не мог спрятаться?

— В углу стоит буфет... но это же смешно.

— Все может быть, мадам. Последний вопрос. Мистер Холлидей ничего не говорил вам о своих планах на вечер?

— Нет.

— Большое спасибо, мадам, и извините нас за то, что отняли у вас столько времени. Не беспокойтесь, мы сами найдем выход.

Мы вышли в холл. В этот момент в парадную дверь вошла какая-то женщина и быстро взбежала по ступенькам. Мне показалось, что она была одета в черное платье и черную шляпу с вуалью, какие обычно носят вдовы.

Когда мы вышли, Пуаро вдруг сказал:

— Какая странная женщина!

— Мадам Оливье? Да, она...

— Mais pop¹, не мадам Оливье. О ней вообще нечего говорить, она гений, а гении — порода особая и редкая. Нет, я имел в виду другую, ту, что мы видели на лестнице.

— Но я не разглядел ее лица, — пробормотал я изумленно, — да и вы, я думаю, тоже. Она на вас даже не взглянула.

— Именно это я и имел в виду, когда сказал, странная женщина, — спокойно ответил Пуаро. — Женщина, которая входит в свой дом, а я предполагаю, что это ее дом, поскольку она вошла, открыв дверь ключом, и взбегает по лестнице, даже не взглянув на двух незнакомых посетителей в холле, — очень странная женщина. Осторожно!

Он потянул меня назад, и как раз вовремя. Едва не задев нас, на дорогу упало дерево. Пуаро остолбенело смотрел на него, бледный и испуганный.

¹ Да нет же (*фр*)

— Грубая, топорная работа,— возмутился он,— но даже мне ничего не показалось подозрительным. Если бы не моя реакция, а она у меня не хуже, чем у кошки, Эркюля Пуаро уже не было бы в живых — большая утрата для человечества. Да и вас тоже, мой дорогой Гастингс, впрочем, это мир как-нибудь бы пережил.

— Благодарю вас,— холодно ответил я.— Но что мы будем делать дальше?

— Что делать? — вскричал Пуаро.— Думать. Думать, шевелить своими серыми клеточками. Этот мистер Холлидей — был ли он на самом деле в Париже? Я думаю, что был, так как он разговаривал с профессором Бургоне, который знал его лично.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я.

— Это случилось в пятницу утром. Последний раз его видели в пятницу в одиннадцать вечера, но он ли это был?

— Но портье?..

— Ночной портье, который видел Холлидея в первый раз? Входит какой-то человек, весьма похожий на Холлидея — Номер Четыре умеет это делать прекрасно,— спрашивает письма, поднимается наверх, собирает небольшой чемодан и уходит на следующее утро. Весь вечер никто не видел Холлидея, потому что он уже был в руках врагов. Был ли тот человек, с которым беседовала мадам Оливье, Холлидеем? Я думаю, скорее всего да. Хотя Оливье и не знала его в лицо, но ее вряд ли кто мог обмануть,— они говорили о таких вещах, которые доступны только ученым. Он пробыл здесь какое-то время, затем ушел. А что случилось потом?

Схватив меня за руку, Пуаро вдруг потащил обратно к вилле.

— Теперь представьте, mon ami, что сегодня тот день, когда исчез Холлидей, и мы идем по его следу. Вы ведь любите искать следы, не правда ли? Смотрите, вот они — мужские следы, следы Холлидея. Он поворачивает направо, как это делали мы, а ходит он быстро,— и вдруг сзади слышны другие шаги, быстрые, женские. Она его перехватила, эта стройная молодая женщина в черной вдовьей вуали: «Извините, мосье, мадам Оливье хочет еще поговорить с вами». Он останавливается, поворачивает назад. Теперь куда она его поведет? Она не хочет, чтобы кто-либо видел ее вместе с ним. Не совпадение ли, что она перехватывает его в том самом месте, где начинается узкая аллея, отделяющая парк виллы от другого, соседне-

го. Она ведет его по ней. «Сюда, мосье, эта дорога короче». По правую сторону территория мадам Оливье, по левую — чужая территория, и, заметьте, дорогой друг, именно отсюда упало дерево, которое нас едва не убило. Вот одна, а вот другая калитка — обе выходят на аллею. Здесь могла быть засада. Какие-то люди хватают Холлидея и ведут на соседнюю виллу.

— Боже мой, Пуаро,— воскликнул я,— неужели вы все это себе так представляете?

— Да, мысленно я все это так вижу, мой дорогой Гастингс. Так, и только так, все и произошло. Пойдемте обратно в дом.

— Вы снова хотите видеть мадам Оливье?

Пуаро улыбнулся.

— Нет, Гастингс, я хочу увидеть лицо женщины, которая стояла на лестнице.

— Вы думаете, она родственница мадам Оливье?

— Нет, она скорее всего ее секретарь и поступила к ней недавно.

Дверь открыл тот же молодой человек.

— Не можете ли вы сказать нам имя той женщины в черной вуали, которая только что вошла в дом?

— Мадам Вероно? Секретарь мадам Оливье?

— Да. Передайте ей, пожалуйста, что мы хотели бы с ней переговорить.

Молодой человек удалился. Через минуту он вернулся.

— Извините, господа, но мадам Вероно нет. Вероятно, она ушла по делам.

— Не думаю,— невозмутимо сказал Пуаро.— Передайте ей, что ее желает видеть Эркюль Пуаро по весьма срочному делу и что он торопится в префектуру.

Посыльный снова удалился. На этот раз вместо него к нам спустилась женщина. Она вошла в салон и подняла вуаль. К моему изумлению, я узнал в ней нашу старую знакомую, графиню Росакову, которая совершенно блистательно ограбила тогда в Лондоне мистера Хардмана.

— Как только я вас заметила в холле, сразу же предположила худшее и не ошиблась,— призналась она.

— Моя дорогая графиня...

Она покачала головой и спешно его перебила:

— Сейчас меня зовут Инес Вероно. Испанка, вышедшая замуж за француза. Что вам от меня нужно, Пуаро? Вы страшный человек. Вы тогда выкурили меня из Лондона. Теперь вы все расскажете мадам Оливье и меня изго-

нят из Парижа? Мы, бедные русские, тоже должны где-то жить.

— Дело гораздо серьезнее, чем вы думаете, мадам,— сказал Пуаро, наблюдая за ней.— Я собираюсь посетить соседнюю виллу и освободить мистера Холлидея, если он, конечно, еще жив. Как видите, мадам, мне все известно.

Она побледнела и нервно закусил губу. Затем решительно произнесла:

— Он жив, но... он не на этой вилле. Послушайте, мосье, я предлагаю сделку. Мне — свобода, а вам Холлидей — живой и невредимый.

— Согласен,— сказал Пуаро.— Я только что сам хотел предложить вам это. Да, кстати, ваши хозяева — Большая Четверка?

И снова ее лицо побледнело, но на этот раз она ничего не ответила.

Вместо этого со словами «Вы позволите мне позвонить?» она подошла к телефону и набрала номер.

— Это номер телефона на вилле, где находится ваш друг. Вы можете назвать его полиции, но к тому времени, когда они туда доберутся, там уже никого не будет... А, наконец-то, это ты, Андре? Да, это я. Маленький бельгиец все знает. Отправь Холлидея в гостиницу, а сам уходи.

Она положила трубку и, улыбаясь, подошла к нам.

— Надеюсь, мадам, вы проводите нас до гостиницы?

— Разумеется. На другое я и не надеялась.

Я остановил такси, и мы вместе отправились в гостиницу. Лицо Пуаро выражало недоумение. Слишком просто все было. Когда мы подъехали к гостинице, к нам подбежал портье.

— К вам прибыл какой-то господин. Он выглядит очень больным. Его привела медсестра, но она уже ушла.

— Все правильно,— сказал Пуаро.— Это мой друг.

Мы втроем поднялись наверх. Возле окна в кресле сидел изможденный молодой человек. Пуаро подошел к нему.

— Вы мистер Холлидей?

Мужчина молча кивнул.

— Покажите мне вашу левую руку. У Холлидея ниже локтя есть родимое пятно.

Мужчина протянул левую руку. На ней действительно было родимое пятно. Пуаро кивнул графине. Она повернулась и вышла из комнаты.

Стакан бренди привел Холлидея немного в чувство.

— Боже мой,— пробормотал он.— Я прошел через муки

ада... Они сущие дьяволы. Моя жена, где она? Что она подумала? Они сказали мне, что она поверила... поверила...

— Она не поверила,— твердо сказал Пуаро.— В вас она ни разу не усомнилась. Она ждет вас, и ваша дочь тоже.

— Господи, мне не верится, что я снова на свободе.

— А теперь, когда вы немного пришли в себя, мосье, я хотел бы услышать вашу историю с самого начала.

Лицо Холлидея вдруг окаменело.

— Я ничего не помню.

— Что так?

— Вы слышали что-нибудь о Большой Четверке?

— Кое-что слышали,— сухо ответил Пуаро.

— Вы не знаете того, что знаю я. Они обладают неограниченной властью. Если я буду молчать, то останусь жив, если скажу хоть слово, то не только я, но и мои близкие будут уничтожены. И не нужно меня убеждать. Я много знаю, но... ничего не помню.

И, вскочив с кресла, он вышел из комнаты.

Пуаро не скрывал своей досады.

— Значит, вот как обстоит дело,— пробормотал он.— Большая Четверка выиграла и этот раунд. Что это у вас в руке, Гастингс?

— Какой-то клочок бумаги. Графиня что-то написала,— перед тем как уйти,— объяснил я.

Пуаро внимательно прочитал:

— «*Au revoir*»¹ — I. V.»² Подписалась своими инициалами. Это, возможно, совпадение, но они похожи на римскую цифру четыре. Любопытно, Гастингс, очень любопытно.

Глава 7

Похитители радия

Ночь после освобождения Холлидей спал в соседней комнате. Я слышал его стоны и проклятия, которые он произносил во сне. Несомненно, пребывание на той вилле настолько расшатало его нервную систему, что утром следующего дня он вообще наотрез отказался говорить о Боль-

¹ До свидания (фр.).

² I.V. — инициалы имени и фамилии графини в английском оригинале — Inez Veronedu.

шой Четверке. Только опять твердил, что у них неограниченная власть, что они грозились погубить его и его близких, если он кому-нибудь хоть что-то расскажет.

После завтрака он уехал к жене в Англию, а Пуаро и я остались в Париже. Меня обуяла жажда деятельности, и спокойствие Пуаро меня раздражало.

— Ради Бога, Пуаро,— настаивал я.— Надо срочно ехать — и скорее — за ними.

— Очень хорошо, *mon ami*, очень хорошо. Но куда? И за кем?

— За Большой Четверкой, конечно.

— *Cela va sans dire* ¹. Но как вы собираетесь это сделать?

— Обратиться в полицию и...— начал я.

— Они поднимут нас на смех — и правильно сделают. У нас нет никаких доказательств, почти никаких. Мы должны ждать.

— Ждать чего?

— Их следующего хода. Вы, англичане, большие любители и ценители бокса. Так вот: если один боксер выживает и только изредка наносит удары, набирая очки, то второй, чтобы не проиграть по очкам, обязан атаковать — и ему приходится раскрываться. Так вот, теперь наша очередь выжидать.

— А они будут атаковать? — засомневался я.

— Непременно. Вы же помните, как они старались выпроводить меня из Англии, потом мы вмешались и спасли бедолагу Гранта от виселицы, а теперь мы сорвали их планы здесь, в Париже. Нет, Гастингс, они это так не оставят.

В этот момент раздался стук в дверь, и, не дожидаясь приглашения, в комнату вошел какой-то мужчина. Он осторожно закрыл за собой дверь. Мужчина был высокого роста, худощавый, со слегка крючковатым носом и болезненно бледной кожей. Одет он был в плащ, застегнутый до самого подбородка, а шляпа его была надвинута на глаза.

— Прошу прощения, господа, за мое бесцеремонное вторжение,— сказал он мягким голосом,— но у меня довольно необычная миссия.

Улыбаясь, он подошел к столу и уселся на стул, стоящий рядом. Я хотел было вскочить, но Пуаро жестом остановил меня.

¹ Разумеется (*фр.*).

— Вы сказали, молодой человек, что у вас к нам довольно необычное дело. Мы вас слушаем.

— Дорогой мосье Пуаро, все очень просто. Вы мешаете моим друзьям!

— Каким же образом?

— Послушайте, мосье Пуаро, это несерьезно. Вы прекрасно знаете, о чем идет речь.

— Это зависит от того, кто ваши друзья.

Молодой человек молча вынул из кармана портсигар, открыл его и бросил на стол четыре сигареты. Потом, также без единого слова, он положил сигареты обратно в портсигар и спрятал его в карман.

— А...— протянул Пуаро.— Вот оно что. И что же ваши друзья-хотят?

— Они хотят, чтобы вы направили свои замечательные способности, свой редкий талант на раскрытие уголовных преступлений, словом, чтобы вы перестали мешать им и снова занялись проблемами великосветских дам. Ведь они ваши основные клиенты?

— Тихое отступление,— прокомментировал Пуаро,— а если я откажусь?

Молодой человек сделал выразительный жест.

— Мы будем об этом сожалеть,— сказал он,— а также все поклонники и поклонницы таланта великого Эркюля Пуаро. Но самые горячие сожаления не смогут воскресить человека, вернуть его к жизни...

— Вы очень деликатны,— кивнул Пуаро.— А если я... соглашусь?

— В этом случае я уполномочен предложить вам... компенсацию.

Он вытащил бумажник, достал оттуда десять ассигнаций и бросил их на стол. Каждая банкнота была достоинством в десять тысяч франков.

— Это только небольшой аванс с нашей стороны. Вы получите в десять раз больше...

— Бог ты мой,— закричал я, вскакивая на ноги,— и вы смеете думать!..

— Сядьте, Гастингс,— приказал Пуаро.— Сядьте и умерьте свои порывы. А вам, мосье, я вот что скажу. Ничто не мешает мне позвонить в полицию, а мой друг позаботится о том, чтобы вы не убежали...

— Звоните, если считаете это целесообразным,— спокойно сказал наш посетитель.

— Послушайте, Пуаро,— вмешался я.— Сколько же можно... Звоните в полицию, и покончим с этим делом.

Поднявшись, я прошел к двери и стал к ней спиной.

— В данной ситуации это решение кажется мне наиболее разумным,— сказал, как бы уговаривая себя, Пуаро.

— Вы уверены, что действительно поступаете разумно?

— Ну звоните же, Пуаро! — настаивал я.

— В таком случае вы несете ответственность за последствия, Гастингс.

Как только Пуаро поднял трубку, мужчина вдруг прыгнул на меня, словно кошка. Я был готов к этому, и через минуту мы, вцепившись друг в друга, катались по комнате, опрокидывая стулья. Почувствовав, что он вот-вот выскользнет, я сжал его еще сильнее. Он перестал вырываться. Я уже предвкушал победу, как вдруг случилось неожиданное. Разжав руки, я улетел в сторону головой вперед и врезался в стену...

Я очнулся, когда за нашим посетителем уже захлопнулась дверь. Я вскочил на ноги и, подбежав к двери, попытался ее открыть — но она была заперта снаружи на ключ. Я выхватил у Пуаро телефонную трубку.

— Портье? Сейчас мимо вас пройдет мужчина в плаще, застегнутом на все пуговицы, и помятой шляпе. Задержите его. Он разыскивается полицией.

Через несколько минут мы услышали за дверью сначала какой-то шум, затем звук поворачиваемого в замке ключа. Наконец дверь распахнулась, и мы увидели самого управляющего гостиницы.

— Вы задержали его? — закричал я.

— Нет, мосье. Никто не спускался по лестнице и не шел мимо портье.

— Он должен был спуститься вниз.

— Но никто из посторонних не спускался, в противном случае мы бы его задержали.

— Но кто-то же проходил мимо вас? Кто-нибудь из обслуживающего персонала, например? — мягко спросил Пуаро.

— Только официант с подносом.

— Да!..— сказал Пуаро понимающим тоном, когда мы наконец-то избавились от управляющего и его успевших подойти подчиненных.— Теперь мне понятно, почему он был застегнут на все пуговицы.

— Такая досада, Пуаро,— сказал я удрученно.— Я ведь думал, что поймал его.

— Я думаю, он применил какой-то прием из джиу-джитсу¹. Не расстраивайтесь, дорогой Гастингс, все прошло точно по плану... по его плану, чему я очень рад.

— Что это? — воскликнул я, увидев вдруг на полу какой-то темный предмет.

Это оказалось небольшое кожаное портмоне, которое, по всей вероятности, выпало из кармана посетителя во время борьбы. В нем находились два оплаченных счета на имя Моси Феликса Леона и свернутый в несколько раз листок бумаги, на котором карандашом было нацарапано всего несколько слов, но этим словам не было цены:

«Следующее заседание совета состоится в пятницу в 11 утра по адресу: улица Эшелес, 34».

Вместо подписи в конце записки была выведена большая четверка.

Была как раз пятница, и часы на камине показывали половину одиннадцатого.

— Боже мой,— завопил я.— Какая удача! Фортуна повернулась к нам лицом. Нужно поторопиться.

— Так вот зачем он приходил,— пробормотал Пуаро.— Теперь мне все ясно.

— Ясно? Что ясно? Дорога каждая минута, Пуаро. Да не стойте же вы, в конце концов, как истукан.

Пуаро смотрел на меня насмешливо, как он это всегда делал, когда я горячился, и качал головой.

— «Заходите, милый друг, муху в гости звал паук»². Не так ли начинается ваша английская песенка? Да, задумано тонко, но Пуаро на такой трюк не поймает.

— Что вы хотите сказать?

— Дорогой друг, я все пытался понять, зачем приходил этот молодой человек. Действительно ли он собирался подкупить или испугать меня? Едва ли. Тогда зачем же он все-таки приходил? Теперь все стало на свои места. Теперь я ясно представляю себе их план. Сделать вид, что он хочет якобы подкупить меня или запугать, специально спро-

¹ Джиу-джитсу — японская борьба и особая система приемов самозащиты и нападения без оружия.

² Цитата из стихотворения «Паук и муха» английской писательницы Мэри Хоуитт (1799—1888).

воцировать драку,— он же явно стремился к ней... а во время борьбы якобы нечаянно выронить портмоне. Улица Эшелес, тридцать четыре, одиннадцать часов утра. Нет, мои дорогие, Эркюль Пуаро — стреляный воробей, его на мякине не поведешь.

— Боже мой! — вырвалось у меня.

— Одно только мне неясно,— с хмурым видом пробормотал Пуаро.

— Что именно?

— Время, Гастингс, время, указанное в записке. Если бы они хотели завлечь меня в ловушку, то для этого больше подошла бы ночь. Возможно, что-то у них там должно произойти сегодня утром... Что-то, чего Пуаро, по их мнению, не должен узнать.— Он протестующе покачал головой.— Посмотрим. Я останусь в этом кресле. Сегодняшним утром мы никуда отсюда не пойдем. Мы подождем развития событий здесь.

В половине двенадцатого пришло письмо. Прочитав его, Пуаро передал листок мне. Это была короткая записка от мадам Оливье. Она просила нас немедленно приехать.

Мы поспешили на виллу мадам Оливье. На этот раз хозяйка сама встретила нас в уже знакомой нам маленькой комнатке. И снова меня поразила неистовость в ее глазах, несовместимая с абсолютно монашеским обликом,— в ней поистине была какая-то магическая сила.

Она сразу приступила к делу.

— Месье, мы вчера беседовали с вами об исчезновении Холлидея. Затем, как мне доложили, вы вернулись сюда во второй раз, чтобы поговорить с моим секретарем, Инес Вероно. Она ушла из дома вместе с вами и до сих пор не вернулась.

— Это все, мадам?

— Нет, мосье, к сожалению, нет. Ночью кто-то проник в мою лабораторию и похитил некоторые бумаги. Преступники пытались похитить кое-что еще, но, к счастью, не смогли открыть сейф.

— Мадам, должен вам сообщить, что ваша секретарша, мадам Вероно, на самом деле графиня Росакова, весьма опасная преступница, и именно она виновна в похищении Холлидея. Как долго она проработала у вас?

— Пять месяцев. Не могу поверить, что эта милая женщина — преступница.

— Тем не менее это так. Где они лежали, ваши бумаги? Их легко было найти?

— Понимаете, похитители точно знали, где искать. Вы думаете, это Инес?..

— Да, они безусловно действовали по ее подсказке. Но что это за дорогая вещь, которую преступникам не удалось похитить? Драгоценности? Бриллианты?

Мадам Оливье с улыбкой покачала головой.

— Это гораздо дороже бриллиантов, мосье Пуаро. — понизив голос и опасливо оглянувшись, она сказала: — Радий.

— Радий?

— Да. В ходе эксперимента, который я сейчас провожу, возникла необходимость провести дополнительные опыты. Небольшое количество радия, необходимого для завершения эксперимента, у меня было, но требовалось больше, и мне удалось его приобрести. Теперь я смогу завершить свою работу. Хотя объем радия ничтожно мал, стоимость его выражается в миллионах франков.

— А где он теперь?

— В сейфе, упакован в свинцовый ящик. Сейф старинный, сейчас таких не делают, и сработан был на совесть. Потому-то преступники и не смогли его открыть.

— Как долго радий пролежит в сейфе?

— Еще пару дней, а потом я закончу опыты.

Глаза Пуаро зажглись.

— Инес Вероно знает об этом? Отлично! В таком случае они еще вернутся. Никому ничего обо мне не говорите, и я попытаюсь спасти ваш радий. У вас есть ключ от двери, ведущей из лаборатории в сад?

— Да, мосье Пуаро. Вот он. У меня есть запасной. А вот ключ от садовой калитки, которая ведет на аллею между виллами.

— Благодарю вас, мадам. Вечером спокойно ложитесь спать и ничего не бойтесь. Положитесь на меня, но никому обо мне ни слова, даже вашим помощникам, мадемуазель Клод и мосье Генри, так, кажется, их зовут? Особенно им.

Когда мы вышли наружу, Пуаро с довольным видом потер руки.

— Что мы делаем дальше? — спросил я.

— Сейчас, Гастингс, мы покидаем Париж и уезжаем в Лондон.

— Что?..

— Мы складываем чемоданы, обедаем и отправляемся на Гар дю Норт¹.

— Но радишь?..

— Я сказал, что мы отправляемся в Англию, но не сказал, что мы туда доедем. Послушайте, Гастингс. Без всякого сомнения, за нами следят. Наши враги должны быть уверены, что мы отправляемся в Англию, и они не поверят нам, пока мы не сядем в поезд и пока поезд не тронется.

— Вы хотите сказать, что мы снова сойдем с поезда... в последний момент?

— Нет, Гастингс. Наши противники не успокоятся, пока не убедятся, что мы действительно уехали.

— Но поезд не остановится до самого Кале².

— Если хорошо заплатить, поезд остановится там, где нам необходимо.

— Но послушайте, Пуаро, это же скорый поезд, экспресс, его невозможно остановить просто так. Никто ведь не согласится это сделать даже за большие деньги. Как же вы намерены это сделать?

— Дорогой друг, замечали ли вы когда-нибудь в вагоне пассажирского поезда маленькую ручку, обычно расположенную возле двери? С помощью этой ручки можно остановить любой поезд. Это обойдется в сто франков. Если мне не изменяет память, такова сумма штрафа за остановку без уважительной причины.

— Вы собираетесь остановить поезд с помощью стоп-крана?

— Возможно, это сделает мой друг Пьер Камбо. И пока он будет ругаться с проводником, доказывать, что он вынужден был это сделать в силу обстоятельств, возмущаться тем, что его не желают понимать — чем, естественно, привлечет к себе внимание всех пассажиров, мы спокойно сойдем с поезда.

Все прошло без сучка без задоринки по намеченному Пуаро плану. Пьер, который хорошо знал методы моего друга, остановил поезд в нужном нам месте. Пока он скандалил с проводником, мы спокойно сошли с поезда, никем не замеченные, и очутились в одном из пригородов Парижа.

¹ Гар дю Норт (*фр.*) — Северный вокзал.

² Кале — город во Франции на берегу пролива Па-де-Кале, ближайший к английскому побережью.

Теперь нам надо было как-то изменить внешность. У Пуаро был наготове маленький чемоданчик с необходимыми принадлежностями, и вскоре по дороге шагали двое бродяг в выдавших виды синих куртках. Пообедав в какой-то закусочной, мы вернулись в Париж.

Когда мы добрались до виллы мадам Оливье, было уже около одиннадцати часов. Прежде чем повернуть на аллею, мы осмотрелись. Вокруг не было ни души. Единственное, что мы знали наверняка,— это то, что за нами никто не следил.

— Не факт, что они уже здесь,— прошептал Пуаро.— Они ведь могут заявиться и завтра ночью, но вряд ли позднее, так как знают, что радий будет храниться здесь только до послезавтра.

Мы осторожно отомкнули садовую калитку. Она отворилась бесшумно, мы вошли в сад, и тут...

Произошло нечто непредвиденное. Мы оба разом обо что-то споткнулись и упали. Нас схватили, связали и засунули во рты кляпы. Сопротивляться было бесполезно. В таком положении мы пролежали около десяти минут. Затем нас, как тюки, подняли и понесли — к моему громадному удивлению — к дому мадам Оливье. Послышался звук открываемой ключом двери лаборатории, и нас внесли внутрь. Один из мужчин, несших нас, остановился у большого сейфа, который был открыт настежь.

У меня по спине пробежали мурашки. Неужели они собираются затолкать нас в сейф, чтобы мы умерли там от удушья?

Однако, заглянув внутрь сейфа, я увидел там ступеньки, ведущие куда-то вниз. Нас потащили по этим ступенькам, и вскоре мы очутились в просторной комнате. Посреди этой комнаты стояла высокая представительная женщина с черной маской на лице. Команды она подавала молча, жестами. Мужчины положили нас на пол и по ее знаку вышли, оставив наедине с этим таинственным существом. Я понял, кто это. Это была француженка... Номер Три из Большой Четверки.

Женщина наклонилась к нам, вытащила кляпы, но веревки развязывать не стала, затем выпрямилась и резким движением сняла маску.

Я ахнул от изумления! Это была мадам Оливье.

— Мосье Пуаро,— начала она насмешливо.— Великий, могущественный, всеми прославленный, гениальный мо-

сье Пуаро. Вчера я послала вам предупреждение, но вы его проигнорировали. Вы возомнили, что сможете противостоять могуществу Большой Четверки. И вот результат: вы здесь и должны будете умереть.

В ее взгляде было столько злобы и ненависти, что меня прошиб холодный пот. Контраст между ее аскетической внешностью и безумным горящим взглядом был настолько разителен, что я понял: перед нами безумная... Она гениальна, но тем хуже. Она опасна для всего человечества!

Пуаро ничего не ответил, абсолютно сраженный встречей с мадам Оливье.

— Да,— медленно, смакуя слова, продолжала она,— это конец. Мы не любим, когда кто-то нам мешает. Ну довольно. Ваше последнее желание? Оно у вас есть?

...Никогда раньше мы не были так близки к гибели... Пуаро держался превосходно. Он даже не побледнел и не отвел глаза, продолжая смотреть на мадам Оливье с неослабевающим интересом.

— Ваши рассуждения заинтересовали меня, мадам,— спокойно сказал он.— Жаль, что у меня так мало времени, чтобы оценить их по достоинству и вникнуть во все детали. Да, у меня есть просьба. Приговоренный к смерти всегда имеет право на последнюю сигарету. У меня в кармане есть портсигар. Если вы позволите...— И он посмотрел на свои связанные руки.

— Вы хотите, чтобы я развязала вам руки, не так ли? — рассмеялась мадам Оливье.— Вы очень сообразительны, мосье Пуаро. Я в этом имела возможность убедиться. Но я не развяжу вам руки, я сама угощу вас вашей же сигаретой.

Она наклонилась, вытащила портсигар из кармана Пуаро, достала сигарету и вставила ему в рот.

— А теперь зажжем спичку,— сказала она, поднимаясь на ноги.

— В этом нет необходимости, мадам,— ответил Пуаро, держа сигарету во рту, и что-то в его голосе насторожило меня. Мадам Оливье застыла на месте.— Не двигайтесь, мадам, прошу вас, не двигайтесь. Не то будете очень сожалеть. Вы, надеюсь, знакомы с ядом кураре¹. Юж-

¹ Кураре — сильный яд растительного происхождения, оказывающий при попадании в кровь нервно-паралитическое действие. В некоторых индейских племенах его использовали для отравления наконечников стрел.

ноамериканские индейцы пользуются им, смазывая свои стрелы. Даже царапина, полученная от этой стрелы, смертельна. Некоторые индейские племена для метания этих стрел используют маленькие полые трубки, которые точь-в-точь напоминают сигарету. Мне достаточно только дунуть. А... Вы вздрогнули, мадам. Умирать никому не хочется. Не двигайтесь, прошу вас. Эта трубка очень проста и надежна. Один выдох, и маленькая иголочка, весьма похожая на рыбью кость, вонзается в цель. Вы, я думаю, не хотите умереть прямо сейчас, в самом расцвете сил. Поэтому будьте любезны, мадам, развяжите моего друга Гастингса. Я не могу действовать руками, но вертеть головой могу, а значит, вы будете все время у меня под прицелом. Поторопитесь, мадам, только, прошу вас, без глупостей.

Трясущимися руками, побледнев от страха и злости, мадам Оливье выполнила его указания. Мои руки были теперь свободны, и Пуаро продолжил:

— Теперь, Гастингс, свяжите эту леди вашими веревками. Вот так. Теперь кляп. Отлично. А теперь развяжите меня. Нам страшно повезло, что она отправила своих помощников. Еще немного удачи, и мы сможем незаметно выбраться из этого «сейфа».

Через минуту Пуаро был свободен. Он галантно поклонился хозяйке:

— Эркюля Пуаро не так просто уничтожить, мадам. Надеюсь, вы в этом убедились. Спокойной ночи.

Кляп во рту помешал ей ответить, но взгляд ее был поистине убийственным... Я надеялся, что мы никогда больше не попадемся в руки этой особы.

Уже через несколько минут мы шагали по знакомой нам узкой аллее. Вокруг по-прежнему никого не было, и вскоре нам посчастливилось убраться подальше от этого проклятого места.

Только тогда Пуаро произнес:

— Эта женщина права. Я заслуживаю всех тех насмешек, которыми она меня угощала. Глупец, самый что ни на есть глупец, и безмозглый кретин. Так глупо попасться. Хвастался, что никогда не угожу в их сети. Да тут не просто сети, тут целый невод! Они знали, что я сумею разгадать их планы, и на этом был основан их расчет. Именно этим и объясняется та легкость, с которой они отпустили Холлидея, и визит господина с запиской, и многое другое. Задумала все это, конечно, сама наша гениальная ма-

дам Оливье, а так называемая Инес Вероно ей только помогала. Оливье нужны были только идеи и замыслы Холлидея, что же касается знаний и средств, необходимых для их осуществления, то этого у нее в избытке. Да, Гастингс, теперь мы знаем, кто Номер Три в Большой Четверке. Эта француженка, одна из величайших умов Европы. Мудрость Востока вкупе с передовой наукой Запада. А ведь есть еще двое, о которых мы пока ничего не знаем, но должны узнать. Завтра мы вернемся в Лондон и начнем действовать.

— И вы не собираетесь рассказать полиции о мадам Оливье?

— О ком? Да кто же нам поверит, и доказательств у нас никаких. Эта женщина — идол, кумир нации! Так что будет очень хорошо, если она сама не заявит на нас в полицию.

— На нас?!

— Посудите сами. Мы проникли ночью в чужой дом, воспользовавшись ключами, которых она якобы никогда нам не давала. Она застигла нас у сейфа, который мы пытались открыть и где хранится радий. Ей удастся нам помешать, но потом мы ее связываем, вставляем в рот кляп и исчезаем. Не будьте наивны, Гастингс, обстоятельства против нас.

Глава 8

В логове врага

После наших злоключений на вилле мадам Оливье мы поспешили вернуться в Лондон. Там Пуаро ожидало несколько писем. Ознакомившись с ними, он протянул одно мне.

— Прочтите, Гастингс.

Мое внимание сразу привлекла подпись «Эйб Райленд», и я вспомнил, как однажды Пуаро назвал его самым богатым человеком в мире. Письмо было очень кратким и резким. Миллионер был крайне недоволен тем, что Пуаро в последний момент изменил свое решение ехать в Южную Америку, и добавил, что считает причину его отказа несерьезной.

— Здесь есть над чем подумать, не так ли? — сказал Пуаро.

— Я думаю, любой на его месте был бы недоволен.

— Вы меня не поняли, Гастингс. Вспомните, что говорил Меерлинг, искавший убежища в этом доме. Номер Два фигурирует в документах как латинская буква «эс», перечеркнутая двумя линиями — знак доллара, или двумя полосками и звездой. Намек на то, что он американский подданный и символизирует капитал. И учтите тот факт, что Райленд предложил мне огромную сумму денег, чтобы я покинул Англию. Это вам ни о чем не говорит?

— Вы полагаете,— пробормотал я,— что Эйб Райленд, этот американский мультимиллионер, и есть Номер Два?

— Вы удивительно точно схватили мою мысль, Гастингс. Да, я предполагаю, что это он. Тон письма, как вы правильно заметили, надменный и высокомерный, но учтите: Большой Четверкой руководят люди, достигшие значительных высот, образованные и целеустремленные. Эйб Райленд имеет репутацию талантливого дельца, но — беспринципного, не слишком щепетильного в выборе средств. У него огромное состояние, и единственное, чего ему не хватает — это власти, неограниченной власти.

— А вы вполне уверены, что это именно тот человек?

— В том-то и дело, что нет. И многое бы отдал, чтобы узнать точно. Окажись Эйб Райленд Номером Два из Большой Четверки, мы бы еще на шаг приблизились к нашей цели.

— Судя по штемпелю,— сказал я,— он сейчас находится в Лондоне.— Вы конечно же нанесете ему визит и лично извинитесь за отказ.

— Возможно.

Два дня спустя Пуаро возвратился домой в сильном возбуждении. Он схватил меня за плечи и начал оживленно говорить:

— Мой друг, случай удивительный, неповторимый, другого такого может не представиться, но это очень опасно. Я не смею даже предлагать вам такое.

Если Пуаро хотел меня испугать таким образом, то достиг обратного эффекта. Я так ему и сказал, и он неохотно мало-помалу изложил свой план.

Оказывается, Райленд искал подходящую кандидатуру на должность секретаря. Ему нужен был молодой человек приятной наружности и с хорошими манерами. Пуаро считал, что я обладаю всеми этими качествами, и хотел бы, чтобы я поступил к нему на службу.

— Я бы и сам поступил,— извиняющимся тоном объяс-

нил Пуаро,— но не смогу же я изменить внешность до такой степени, чтобы меня не узнали, да и по-английски я говорю не настолько хорошо, чтобы обмануть знающего человека. Я бы даже сбрил усы, если бы был уверен, что это сильно изменит мою внешность.

Я вызвался немедленно попытать удачи.

— Но держу пари,— предупредил я,— что он не согласится взять меня на службу.

— Не волнуйтесь, Гастингс, это уже мое дело. Он согласится. Я достану вам такие рекомендации, что он не сможет вам отказать. Письмо от министра внутренних дел.

Увидев на моем лице скептическое недоверие, он объяснил:

— Однажды я помог министру в одном маленьком деле, которое грозило ему большим скандалом. Мне удалось все уладить без лишнего шума. Он — мой должник и не откажет мне в этой, в сущности, пустяковой услуге.

Потом Пуаро позвал знакомого гримера. Он был мал ростом и как-то странно, по-птичьи, поворачивал свою огромную голову. Он довольно долго рассматривал меня, а потом начал действовать. Когда через полчаса я посмотрел на себя в зеркало, то ахнул от удивления. Специальные ботинки увеличили мой рост, по крайней мере, на пять сантиметров, а костюм был скроен так, что я казался гораздо тоньше, чем был на самом деле. Несколько подправленный изгиб бровей сделал мой взгляд мрачным и совершенно изменил выражение лица. Щеки округлились, и только загар напоминал мне о моем недавнем прошлом. Усы исчезли, а справа во рту поблескивал золотой зуб.

— Теперь вы не капитан Гастингс, а майор Артур Невилль. Да благословит вас Господь, мой друг, поскольку теперь ваш путь лежит в логово врага.

С сильно бьющимся сердцем в назначенный час я прибыл в гостиницу «Савой»¹ и попросил доложить обо мне.

После недолгого ожидания меня проводили наверх в апартаменты, которые занимал Райленд.

Миллионер сидел за столом. Перед ним лежало какое-то письмо — рекомендация министра, сообразил я. Райленда я видел в первый раз, и, нужно признаться, он произвел на меня сильное впечатление. Высокий, сухощавый,

¹ «Савой» — фешенебельная гостиница и ресторан в центре Лондона на улице Странд

с выступающим подбородком и крючковатым носом, глаза — серые и холодные, брови сурово насуплены, густая шевелюра седых волос, в зубах длинная черная сигара (без которой, как я услышал позже, он никогда не появлялся). В общем, весьма колоритный типаж.

— Садитесь,— хриплым голосом буркнул он.

Я сел. Он постучал пальцем по письму, лежавшему перед ним, и сказал:

— Если то, что здесь написано, соответствует истине, вам просто цены нет. В общем, этого мне вполне достаточно. Надеюсь, вы хорошо знакомы с обычаями и нравами светской жизни?

Я заверил, что постараюсь справиться с теми обязанностями, которые будут на меня возложены.

— Учтите: работать вы будете на моей загородной резиденции, куда будут приезжать разные нужные люди: герцоги, графы и виконты. Сможете ли вы встретить их как положено и определить каждому его место за столом? Что-бы все было в соответствии с требованиями этикета?

— Конечно. Это довольно просто.

Мы обменялись еще несколькими общими фразами, и я понял, что принят на службу. Райленду нужен был секретарь-консультант в Англии, а свой американский секретарь и стенографистка у него уже имелись.

Через два дня я уже обосновался в Хаттон-Чейзе. Вилла принадлежала герцогу Лоамширу — миллионер снял ее на шесть месяцев.

Мои обязанности были не слишком обременительными. Однажды я уже был личным секретарем одного из членов парламента, так что на этот раз мне пришлось играть уже знакомую мне роль. Райленд устраивал приемы обычно в конце недели, так что в будни особых хлопот не было. С американским секретарем, его звали Эплбу, мне пришлось встречаться редко. Он был молод, обаятелен и хорошо знал свое дело. Со стенографисткой, мисс Мартин, я встречался чаще. Ей было года двадцать три — симпатичная девица с рыжеватыми волосами и карими глазами, которые обычно были скромно опущены, но, когда она их поднимала, взгляд ее был очень озорным. У меня сложилось впечатление, что она не только не любит хозяина, но и не доверяет ему, однако умело это скрывает. Но однажды, совершенно неожиданно, она вдруг разоткровенничалась и выяснилось, что я был абсолютно прав.

Вполне естественно, что я внимательно приглядывался ко всем, кто был в доме. Вскоре появилось несколько новых слуг: лакей и горничные. Дворецкий, экономка и шеф-повар остались прежние, они работали здесь еще при герцоге. От горничных, конечно, вряд ли что можно было узнать. Я некоторое время приглядывался к Джеймсу, второму лакею, но его приняли, по всей видимости, по рекомендации дворецкого, и он подчинялся главному лакею, а с хозяином практически не общался. Больше всего я подозревал Дэвиса, камердинера Райленда. Этого пригожего малого с изысканными манерами миллионер привез с собой из Нью-Йорка. Кстати, по происхождению Дэвис был англичанином.

Прошло три недели, но за это время я не обнаружил ничего, что могло бы подтвердить причастность Райленда к Большой Четверке. Да, он обладал огромным состоянием и был сильной личностью, но мне все больше казалось, что Пуаро подозревал его совершенно напрасно. А однажды Райленд за обедом вдруг обронил несколько фраз о Пуаро:

— Говорят, что он человек редких способностей, но, право же, какой-то странный. Я предложил ему выгодное дело, он согласился, но в последнюю минуту отказался и этим очень меня подвел. Нет, больше я с ним ни за что не стану связываться.

Я почувствовал, как у меня начали гореть щеки.

Как-то раз Райленд уехал со своим камердинером в Лондон. Мы с мисс Мартин прогуливались в саду после чая, и она рассказала мне довольно любопытную историю. Мне нравилась мисс Мартин, в ней не было ни капли жеманства, с ней было легко и приятно общаться. Я чувствовал, что она хочет мне что-то сказать, и наконец она решилась.

— Вы знаете, майор Невилль, я надумала отсюда уволняться.

Я уставился на нее с откровенным изумлением.

— Да, я понимаю, здесь платят хорошие деньги,— поспешила добавить она,— и многие считают меня последней идиоткой... но я не выношу оскорблений, майор Невилль. Он бранился как последний извозчик... нет, это уже просто невыносимо.

— Райленд оскорбил вас?

Она кивнула головой.

— Он человек раздражительный и может вспылить без причины. Это бывало часто. Но чтобы так разъяриться из-за какого-то пустяка — это в первый раз... Он так смотрел на меня, что я подумала: сейчас убьет... Если бы я сделала что-то ужасное, а то ведь просто какая-то ерунда.

— А что случилось? — сочувственно спросил я.

— Как вы знаете, я каждый день вскрываю письма Райленда, его обычную корреспонденцию. Деловые письма я передаю Элпи, на остальные отвечаю сама, но все письма вскрываю я. Кроме того, иногда приходят письма в голубых конвертах, на которых в углу стоит маленькая цифра четыре, эти письма я... Простите, вы что-то сказали?

Я был так поражен, что едва удержался от восклицания, но тут же, энергично замотав головой, попросил ее продолжать.

— Ну так вот, — продолжала мисс Мартин, — эти странные письма мне строго было приказано не вскрывать, а сразу же передавать Райленду. Я так и делаю. Но вчера было так много писем, что я едва успевала их просматривать. И случайно вскрыла одно из тех, с четверкой. Как только я поняла, что ошиблась, я пошла к Райленду и все ему объяснила. Однако он набросился на меня чуть ли не с кулаками.

— Что же такого особенного было в письме?

— В том-то и дело, что ничего. Прежде чем я сообразила, что ошиблась, я успела его прочесть. Я и сейчас почти дословно помню его содержание.

— Ну уж и дословно, — нарочно усомнился я.

— Да, помню, — сказала девушка и медленно произнесла следующий текст, который я, вроде бы случайно отстав, незаметно записал.

«Уважаемый сэр, считаю необходимым для всех нас срочно осмотреть участок. Нужно встретиться. Предлагаемая цена, включая карьер, если вы согласны, 17 тысяч фунтов стерлингов; 11 % комиссионных много, 4 % вполне достаточно.

Искренне Ваш Артур Леверман».

— Вероятно, — продолжила мисс Мартин, — Райленд собирается купить участок, на котором находится карьер, и не хочет, чтобы об этом знали его конкуренты. Но если человек из-за пустяка приходит в такое неистовство — это опасный человек. Как вы думаете, майор Невилль, что

мне следует предпринять? Что бы вы мне посоветовали? Ведь у вас такой жизненный опыт.

Я ее успокоил как мог, заметив, что, возможно, Райленд страдает расстройством пищеварения, что свойственно людям его конституции. В конце нашей беседы она совсем успокоилась и ушла умиротворенная. Однако сам я был очень далек от спокойствия. Когда я остался один, я вытащил свою записную книжку и внимательно прочел текст письма. Что сие означало? Действительно ли Райленд всего лишь собирался приобрести какой-то карьер для строительных работ и боялся, что кто-то его опередит? Все выглядело вполне естественно — если бы не цифра «четыре» на конверте. Поразмыслив, я пришел к выводу, что напал на след Большой Четверки.

Весь вечер и большую часть следующего дня я ломал голову над текстом, пока наконец меня не осенило. Ключом к разгадке оказалась все та же «четверка». Читая каждое четвертое слово письма, я составил такой текст.

«Необходимо срочно встретиться карьер 17.11.4».

Цифры расшифровывались очень легко. Цифра 17, по всей видимости, означала 17 октября, дату встречи, 11 — время встречи, а цифра 4, я думаю, означала либо подпись таинственного Номера Четыре, либо это был товарный знак Большой Четверки. Место, которое упоминалось в письме, — карьер, я тоже знал: оно находилось примерно в полумиле от дома, пустынное место, идеальное для тайной встречи.

Сначала я вознамерился отправиться туда сам. Раскрыть планы Большой Четверки и утереть нос самому Пуаро было моим сокровенным желанием.

Но потом я одумался. Слишком крупной была ставка, я не мог рисковать: у меня не было морального права действовать в одиночку. Наконец-то у нас появилась возможность узнать замыслы врагов, и нельзя упустить этот шанс... Я напомнил себе, что у Пуаро голова работает гораздо лучше, ему и карты в руки...

Я написал ему письмо, изложив известные мне факты, объяснив, как важно для нас было бы узнать, о чем они там собираются договариваться. Если Пуаро предоставляет это мне, то я готов. На тот же случай, если он захочет приехать сам, я подробно описал ему, как добратся от станции до карьера.

Письмо я отнес на почту в деревню, так как опасался, что вся корреспонденция просматривается.

Весь вечер я был в приподнятом настроении. Никаких гостей, к счастью, не было, и я провел все время в кабинете Райленда. Я предвидел, что не смогу встретить Пуаро на станции, однако был уверен, что освобожусь не позже одиннадцати вечера.

Мои предположения оправдались. В половине одиннадцатого Райленд посмотрел на часы и сказал, что на сегодня достаточно. Я понял намек и тут же удалился. Поднялся на минуту в свою спальню и сразу же по боковой лестнице спустился в сад. Я надел прихваченный с собой плащ, чтобы спрятать белую манишку.

Пройдя до середины сада, я оглянулся и увидел, как Райленд выходит из застекленной двери, ведущей из кабинета в сад. Он явно спешил, так как до намеченного часа оставалось мало времени. Я тоже прибавил ходу и вскоре, запыхавшись, подошел к карьеру. Вокруг не было ни души. Я спрятался в кустах и приготовился ждать.

Через десять минут, ровно в одиннадцать часов, появился Райленд в надвинутой на глаза шляпе и с неизменной сигарой в зубах. Оглянувшись, он шмыгнул куда-то вниз. Прислушавшись, я услышал приглушенный шум голосов со стороны карьера. Вне всякого сомнения, намеченная встреча уже началась. Стараясь не шуметь, я выбрался из кустов и пополз по крутой тропинке вниз — по-пластунски. Теперь только валун отделял меня от собравшихся. Поскольку уже было темно, я рискнул выглянуть из-за своего укрытия и... увидел направленное на меня дуло пистолета.

— Руки вверх,— сказал Райленд,— я вас давно поджидаю.

Он сидел в тени скалы, поэтому я не мог видеть его лица, но тон, каким это было сказано, не предвещал ничего хорошего. В тот же миг я почувствовал, что в затылок мне уперлось еще одно дуло. Райленд опустил свой пистолет.

— Отлично, Джордж, веди его сюда.

Я был взбешен, но старался этого не выдать. Меня подвели к тому месту, где невидимый в темноте Джордж (я думаю, это был Дэйвис) связал меня и засунул в рот кляп.

Потом Райленд снова заговорил... с такой холодной ненавистью, что его голос был просто неузнаваем:

— Это конец для вас обоих. Слишком уж часто вы стали болтаться у нас под ногами. Вы когда-нибудь слышали об оползнях? Два года назад в этом карьере произошел один. Сегодня случится второй. Все для этого готово. Послушайте, ваш друг всегда опаздывает на встречи?

Меня охватил ужас. Пуаро! Если он сейчас здесь появится, то угодит прямо в ловушку. А я не могу предупредить его! Единственное, на что я надеялся,— это то, что он не придаст значения моему письму и остался в Лондоне. В самом деле, если бы он отправился сюда, то был бы уже здесь.

Я надеялся, что мой друг не придет.

Но тут все мои надежды рухнули — я услышал шаги, осторожные, тихие... Я замер в отчаянии. Шаги приближались, и вскоре появился сам Пуаро...

Райленд довольно ухмыльнулся и закричал, размахивая пистолетом: «Руки вверх!» Дэйвис в один прыжок оказался за спиной Пуаро. Ловушка захлопнулась.

— Очень рад видеть вас, мистер Пуаро,— с издевкой произнес американец.

Самообладание Пуаро было потрясающим. Он даже не вздрогнул, только несколько раз огляделся, словно что-то искал.

— Мой друг? Где он?

— Он здесь. Он, как и вы, попал в ловушку Большой Четверки.

И Райленд расхохотался.

— В ловушку? — переспросил Пуаро.

— Вы этого еще не поняли?

— Что это ловушка, я понял давно. Но вы, мосье, не совсем точно выразились. Это ловушка для вас.

— Что?..— Райленд поднял пистолет, и я увидел, как его рука дрогнула.

— Если вы выстрелите, то совершите убийство, которое увидят десятки следящих за вами глаз. Хотите окончить свои дни на виселице? Карьер оцеплен людьми из Скотленд-Ярда еще час назад. Вы проиграли, господин Эйб Райленд.

Пуаро легонько свистнул, и словно по волшебству из-за кустов выскочили полицейские. Они схватили Райленда и его слугу и обезоружили их. Переговорив со старшим офицером, Пуаро взял меня под руку и повел прочь. Когда мы вышли из карьера, он обнял меня.

— Вы живы, слава Богу, живы и невредимы. Это великолепно. Как я проклинал себя за то, что вовлек вас в это опасное предприятие!

— Со мной все в порядке,— сказал я, высвобождаясь.— Но я не совсем понимаю, что произошло. Вы попали в их ловушку, не так ли?

— Конечно, но я долго к этому готовился. Иначе разве я позволил бы вам отправиться в самое логово? Все эти ваши переодевания и вымышленная фамилия выглядели не слишком убедительно.

— Неужели? Но вы мне об этом ни полслова не сказали.

— Я вам говорил, Гастингс, и не один раз, что у вас такая открытая, отзывчивая душа, что обмануть вы можете разве что только самого себя, но никак не окружающих. Вас раскусили сразу же и сделали именно то, на что я рассчитывал,— вот что значит уметь пользоваться серыми клеточками! Вы послужили приманкой для них. И они клюнули. Они подослали к вам девушку. Между прочим, друг мой, ответьте мне, только честно, меня это интересует исключительно с психологической точки зрения: у этой девушки были рыжие волосы?

— Если вы имеете в виду мисс Мартин,— холодно ответил я,— то у нее прекрасные волосы, золотисто-каштановые, с легким медным отливом, но я...

— Ну и молодцы! Вот это работа! Они даже вкусы ваши изучили. Да, мой друг, мисс Мартин из их компании, и в таких делах — она эксперт. Посудите сами. Она слово передает вам содержание секретного письма, приплетая для убедительности ссору с Райлендом. Вы разгадываете шифр, который почему-то оказался на редкость легким, и направляете мне письмо.

Но они не знали одного: я ждал именно этого. Я предупредил Джеппа, а остальное вы видели сами.

Я был несколько уязвлен действиями Пуаро, о чем тут же ему и заявил. Ранним утренним поездом мы вернулись в Лондон.

Я сразу же принял ванну и, предвкушая обильный вкусный завтрак, начал одеваться, когда услышал в гостиной голос инспектора Джеппа. Я набросил халат и поспешил в гостиную.

— Ну и натворили же вы дел на этот раз,— сказал Джепп, когда я вошел в комнату.— Пуаро, если мне не изменяет память, это ваш первый промах.

Выражение лица Пуаро было просто непередаваемым. Джепп продолжал:

— Мы считали, что в Хаттон-Чейзе обосновалась шайка преступников, а на самом деле оказалось, что все это проделки лакея.

— Лакея?..

— Да, лакея, кажется, его звали Джеймсом. Он поспорил со слугами, что сумеет так ловко поддаться под хозяина, что даже те, кто все время толкутся в кабинете — он имел в виду вас, Гастингс,— не сумеют его раскусить, а примут за гангстера или за кого-нибудь из Большой Четверки.

— Но это невозможно! — воскликнул я.

— Не верите? Но это действительно так. Я лично повел задержанного в Хаттон-Чейз и убедился сам, что настоящий Райленд и его камердинер спят, а слуги в один голос подтвердили, что поспорили с лакеем. Вот такой дурацкий розыгрыш.

— Так вот почему он все время держался в тени,— пробормотал Пуаро.

После ухода Джеппа мы с Пуаро переглянулись.

— Теперь мы знаем, Гастингс,— начал Пуаро,— кто Номер Два. Миллионер Эйб Райленд. Трюк с лакеем — ловкий ход, чтобы обезопасить себя в случае провала, а сам лакей...

— Неужели он!..— Я не решался продолжить.

— Номер Четыре — палач-эзекутор,— мрачно подтвердил Пуаро мою догадку.

Глава 9

Тайна «желтого жасмина»

Хотя Пуаро постоянно твердил мне, что мы не теряем времени зря, что мы все больше проникаем в особенности деятельности Большой Четверки, мне лично казалось, что мы все время топчемся на месте.

С тех пор как мы устремились в погоню за Большой Четверкой, они совершили два убийства, похитили физика Холлидея и едва не убили нас с Пуаро,— а мы не только не смогли поймать их, но даже доказать, что все эти преступления были совершены ими.

Пуаро меня успокаивал:

— До сих пор, Гастингс, они смеялись над нами. И у

них были для этого все основания. Но есть у вас, у англичан, одна мудрая пословица: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». А вот кто будет смеяться последним, мы еще посмотрим. И помните, мой друг,— добавил он,— что на этот раз мы имеем дело не с обычными убийцами, а с преступниками редкого ума, я бы смело поставил их на второе место в мире — я имею в виду интеллектуальные способности.

Кто занимает первое место, я уточнять не стал, так как заранее знал ответ. Вместо этого я попытался выудить у него, какие меры он предпринимает в настоящий момент — относительно наших врагов. Он, как обычно, ушел от прямых ответов. Но, насколько я мог судить по отдельным его высказываниям, Пуаро вошел в контакт с секретными службами Индии и Китая, и по их сообщениям, Большая Четверка активизировала свою деятельность.

Мой друг совсем забросил частную практику, он при мне отказался от нескольких выгодных дел, мотивируя свой отказ большой занятостью. Иногда, правда, он вдруг брался за расследование, но, убедившись, что преступление никак не связано с деятельностью Большой Четверки, тут же его прекращал и передавал дело полиции.

Такая ситуация очень устраивала нашего друга из Скотленд-Ярда — инспектора Джеппа. Он пользовался результатами начатых Пуаро расследований, и это помогло ему поймать нескольких опасных преступников, что в конечном итоге принесло ему почет и славу.

В благодарность за это Джепп регулярно информировал Пуаро о тех делах, которые, по его мнению, могли заинтересовать «маленького бельгийца». Однажды ему передали расследование дела, которое журналисты окрестили «тайной «желтого жасмина», и он сразу телеграфировал нам, приглашая Пуаро ознакомиться с имеющимися фактами.

И вот, месяц спустя после моих малоприятных приключений в доме Эйби Райленда, мы уже садимся в поезд, направляющийся в маленький городок Маркет-Хэндфорд в графстве Вустершир¹, где, собственно, и разворачивались загадочные события.

Едва мы расположились в своем купе, Пуаро спросил:

¹ Вустершир — графство в западной части Англии на побережье Ирландского моря

— Что вы думаете об этом деле, Гастингс?

Ответить сразу я не рискнул и, подумав, начал очень осторожно:

— Такое запутанное дело...

— Вы в самом деле так считаете, Гастингс? — оживился Пуаро.

— А разве тот факт, что мы мчимся на всех парах к месту происшествия, не свидетельствует о том, что вы тоже так считаете? Вы ведь тоже думаете, что это не несчастный случай и не самоубийство? Пейнтера конечно же убили?

— Вы меня не поняли, Гастингс. Даже если предположить, что Пейнтер умер в результате несчастного случая, то все равно остается много чего непонятного.

— Это я и имел в виду, когда сказал, что дело очень запутанное, — поспешил вернуть я.

— Давайте вспомним все известные нам факты и постараемся расположить их в хронологическом порядке.

Я принялся излагать события в хронологическом порядке, стараясь не упустить ничего важного.

— Начнем, пожалуй, со сведений о самом Пейнтере. Ему было пятьдесят пять лет. Состоятельный. Образованный. Объездил весь земной шар. За последние двенадцать лет в Англии был всего несколько раз. Устав наконец от кочевой жизни, решил осесть в Англии. Купил маленькое поместье «Крофтлендс» около местечка Маркет-Хэндфорд в графстве Вустершир. Первым делом сообщил об этом своему единственному родственнику, Джеральду Пейнтеру, сыну его покойного младшего брата, и предложил ему переехать жить к нему. Племянник, бедный молодой художник, с радостью согласился, и, таким образом, они прожили вместе около семи месяцев — до самой трагедии.

— Вы отменный рассказчик, Гастингс, — заметил Пуаро. — Если бы я вас не знал и слушал в первый раз, то подумал бы, что вы писатель.

Не обращая внимания на шутливый тон Пуаро, я продолжал:

— В доме Пейнтера жили шесть слуг и его личный камердинер, китаец А Линь.

— Ага, — пробормотал про себя Пуаро. — Значит, китаец А Линь.

— В прошлый вторник Пейнтер вскоре после обеда вдруг неважно себя почувствовал, и одного из слуг послали за врачом. Наотрез отказавшись лечь в постель, Пейн-

тер принял его в своем кабинете. О чем они говорили, никто не знает, но, прежде чем уйти, доктор Квентин сообщил домоправительнице, что для стимуляции сердца он сделал больному укол, и порекомендовал в этот вечер больше хозяина не беспокоить. Затем почему-то начал расспрашивать ее о слугах в доме: откуда они родом, сколько лет работают в доме и прочее.

Домоправительница ответила на все вопросы, но никак не могла понять, зачем это доктору понадобились подобные сведения.

Трагедия обнаружилась на следующий день утром. Одна из горничных, спускаясь по лестнице, почувствовала запах паленого мяса, и ей показалось, что он доносится из кабинета хозяина.

Она попыталась открыть дверь, но та была заперта изнутри. Джеральду Пейнтеру с помощью слуги-китайца удалось взломать дверь. Когда они вошли в кабинет, то увидели ужасающую картину: Пейнтер лежал около камина. Голова его, засунутая в камин, была обуглена до неузнаваемости.

Естественно, что в первый момент они решили, что произошел несчастный случай. Обвиняли только доктора Квентина — за то, что он, по-видимому, дал пациенту какое-то сильнодействующее лекарство и оставил одного — в столь тяжелом состоянии. Но потом они увидели кое-что еще.

На полу рядом с телом лежала газета, выпавшая, по всей вероятности, из ослабевших рук старика. Когда ее перевернули, то увидели, что на ней поперек всей страницы были нацарапаны какие-то слова. Кресло, в котором обычно сидел Пейнтер, было плотно придвинуто к столу, а указательный палец на правой руке покойного был запачкан чернилами. По-видимому, Пейнтер был слишком слаб, чтобы удержать ручку, поэтому он обмакнул палец в чернильницу и из последних сил вывел два слова.

Слова удалось прочесть, но смысл их был абсолютно непонятен: «Желтый жасмин».

Стены «Крофтлендса» сплошь увиты выющимся желтым жасмином, и все думали, что в предсмертном бреду старик вспомнил почему-то про эти цветы. Вездесущие репортеры, жаждущие из любого пустяка сделать сенсацию, вмиг окрестили эту трагедию «Тайной «желтого жасмина», хотя, скорее всего, эти слова не имеют какого-то особого значения.

— Не имеют, говорите? — переспросил Пуаро.— Да, конечно — раз уж вы так считаете...

Я пытливо посмотрел на него, но не увидел в его глазах никакой насмешки.

— Потом,— продолжал я,— во время дознания выяснились кое-какие интересные факты...

— Да, представляю, как разыграет ваше красноречие,— чуть ли не промурлыкал Пуаро.

— Вначале,— стойко продолжал я,— возникли кое-какие подозрения относительно доктора. Во-первых, он не был постоянным врачом Пейнтера, он только подменил доктора Болито, уехавшего на месяц в отпуск. Во-вторых, все единодушно считали, что причиной смерти Пейнтера была непростительная беспечность при оказании помощи. Но показания доктора Квентина оказались подлинной сенсацией. Оказывается, с первых же дней после своего приезда в «Крофтлендс» Пейнтер жаловался на недомогание. Доктор Болито прописал ему какое-то снадобье. Когда же сам Квентин осмотрел Пейнтера, некоторые симптомы его болезни поставили его в тупик. Оказывается, еще до того как его позвал слуга, сам Пейнтер уже вызывал Квентина в тот день и повел себя очень странно: как только они остались одни, шепотом сообщил ему, что чувствует себя вполне прилично и позвал его только потому, что его очень смутил вкус тушеного мяса, приправленного карри ¹, которое подавали за обедом. Он сказал, что, отправив слугу под каким-то предлогом из столовой, переложил то, что осталось, в салатницу, которую и вручил доктору с просьбой отдать все это на анализ.

Хотя Пейнтер и говорил, что чувствует себя хорошо, доктор заметил, что пациент был очень взволнован, видимо, из-за своих подозрений, это же подтверждал и учащенный пульс. Поэтому он и ввел ему успокоительное, а именно: небольшую дозу стрихнина ².

Вот в основном и все. Осталось добавить самое главное: в тушеном мясе после тщательного анализа обнаружили столько опиума, что им вполне можно было отравить несколько человек.

Я замолчал.

¹ Карри — острая индийская приправа из куркумового корня, чеснока и разных пряностей.

² Стрихнин — сильный яд растительного происхождения, бесцветные кристаллы которого плохо растворимы в воде и спирте и очень горькие на вкус.

— Ну и что вы об этом думаете, Гастингс? — спросил Пуаро.

— Трудно сказать. Возможно, смерть произошла все-таки в результате несчастного случая, и тот факт, что кто-то пытался незадолго до этого его отравить,— простое совпадение.

— Но вы так не считаете? Вы думаете, что это все-таки убийство?

— А вы разве нет?

— Моп аті, в отличие от вас, я не собираюсь гадать, убийство это или несчастный случай,— это мы узнаем позже, когда разгадаем тайну «желтого жасмина». Между прочим, вы ничего не упустили?

— Вы имеете в виду те две еле заметные черточки, обозначающие прямой угол — внизу под словами? Я не думаю, что это очень важно.

— Ну что ж, Гастингс, вашу точку зрения на этот счет я выяснил. Хорошо, давайте перейдем от тайны «желтого жасмина» к тайне «тушеного мяса».

— Давайте. Здесь возникает множество вопросов, на которые пока нет ответа. Кто подсыпал отраву в мясо? Почему хотели убить Пейнтера? Готовил это блюдо, по всей видимости, А Линь. Но зачем ему убивать хозяина? А что, если он член какой-нибудь преступной организации? О них сейчас много пишут в прессе. Тайное общество «Желтый жасмин», организованное китайцами... И потом, есть еще Джеральд Пейнтер...

И я многозначительно умолк.

— Да, конечно,— кивнул головой Пуаро.— Есть еще Джеральд. Единственный наследник, между прочим. Но он в тот вечер обедал не дома.

— Он мог заранее подсыпать что-нибудь в кастрюлю,— возразил я.— И специально ушел из дому, чтобы быть вне подозрений.

Мое последнее высказывание пришлось Пуаро по душе. Он посмотрел на меня с одобрением, что делал очень редко.

— Джеральд вернулся поздно ночью,— воодушевленно продолжал я.— Увидев свет в окне кабинета дядюшки, он входит туда и, обнаружив, что его план провалился, толкает старика, и тот падает прямо головой в камин, а потом племянничек наваливается на него всей массой...

— Мистеру Пейнтеру было всего пятьдесят пять лет, он был вполне еще крепкий мужчина, и вряд ли сдался бы так просто...

— Довольно, Пуаро! — не выдержал я. — Мы уже вот-вот приедем. Скажите лучше, что вы сами думаете обо всем этом?

Пуаро улыбнулся и с важным видом произнес:

— Если предположить, что это убийство, то возникает вопрос, почему выбрали такой странный способ? Напрашивается только один ответ — кто-то хотел избежать опознания, поэтому-то лицо и было превращено в головешку.

— Как!.. — воскликнул я — Вы думаете...

— Минуточку терпения, Гастингс, — перебил меня Пуаро. — Я просто излагаю свою версию. Есть ли основания предполагать, что обгоревший мужчина не мистер Пейнтер? Есть ли кто-нибудь еще, за кого можно было бы его принять? Я проанализировал эту возможность и пришел к выводу, что такого человека нет.

— А!.. — разочарованно вздохнул я. — И что тогда?

Глаза Пуаро вдруг слегка заблестели.

— Тогда я сказал себе: «Произошло что-то такое, чего я не понимаю, а раз так, то мне необходимо побывать на месте преступления лично». Вот поэтому мы туда и едем. Не могу же я все время заниматься только Большой Четверкой. А... Кажется, подъезжаем. Где моя одежная щетка? Куда она запропастилась? А, вот она. Друг мой, помогите мне почистить костюм, а потом мы почистим ваш.

— Да-а... — задумчиво протянул Пуаро, когда мы закончили, — слишком опасно увлекаться какой-то одной идеей. Те две черты, перекрещенные под прямым углом? Не кажется ли вам, Гастингс, что он пытался написать цифру четыре?

— Побойтесь Бога, Пуаро, — рассмеялся я.

— Действительно глупость какая-то... Мне теперь везде мерещатся козни Большой Четверки. Хорошо бы отвлечься от всего этого и заняться другим делом. О, кого я вижу! Мистер Джепп собственной персоной!

Глава 10

Расследование в «Крофтлендс»

Действительно, сам инспектор встречал нас на платформе.

— О, мосье Пуаро! — воскликнул он. — Я так и знал, что это дело должно вас заинтересовать. Таинственная история, верно?

Я сразу смекнул, что Джепп попал в затруднительное положение и надеется с помощью Пуаро из него выбраться.

Джепп прибыл на машине, и мы поехали прямо в «Крофтлендс». Это было квадратное белое здание, со всех сторон обвитое самыми разными растениями, в том числе и побегами желтого жасмина, чьи цветы эффектно выделялись на фоне листвы. Увидев, как пристально мы их разглядываем, Джепп также принялся смотреть на них, затем пробормотал:

— Бедный старик, должно быть, бредил в тот момент. Думал, что находится на улице, а не в кабинете.

Пуаро лукаво улыбнулся.

— А как по-вашему, дружище: это убийство или все же несчастный случай?

Инспектор, по-видимому, не ожидал такого вопроса, но, крикнув, ответил:

— Если бы не история с тушеным мясом, я бы подумал, что это типичный несчастный случай. С другой стороны, запихать голову жертвы в камин... Да этот несчастный перевернул бы весь дом своими воплями.

— Ага! — воскликнул вдруг Пуаро — Какой же я глупец! Трижды глупец, Джепп, вы — гений. Вы умнее меня в тысячу раз!

Джепп сначала даже опешил, услышав такой комплимент из уст Пуаро. Затем, покраснев от смущения, пробормотал, что лично сам он так не думает.

Затем он повел нас в кабинет, где нашли тело Пейнтера. Это была просторная комната с низкими потолками, длинными стеллажами вдоль стен и большими широкими кожаными креслами.

Пуаро осмотрел окно, которое выходило на террасу.

— Окно было заперто? — спросил он.

— Сложный вопрос. Когда доктор выходил из комнаты, он просто прикрыл за собой дверь. Утром следующего дня она была заперта на ключ. Кто ее запер? Сам Пейнтер? А Линь утверждает, что окно было на шпингалете. С другой стороны, доктору Квентину показалось, что окно было прикрыто, но не заперто, однако твердо в этом он не уверен. Если бы он знал точно, было бы намного легче. Если старика убили, то убийца вошел либо через дверь — и тогда это кто-то из своих, либо через окно — тогда, возможно, это был посторонний. Когда взломали дверь, то первое, что они сделали, — открыли окно, так как в комнате стоял

тошнотворный запах. Горничная, которая открывала окно, считает, что оно не было заперто, но она настолько ненадежный свидетель, что на ее показания вряд ли можно положиться: сейчас говорит одно, а через полчаса станет утверждать противоположное.

— А ключ?

— Тоже сложный вопрос. Ключ валялся на полу рядом с дверью. Он мог выпасть из замочной скважины, когда дверь взламывали, его мог подбросить кто-то из присутствующих, и, наконец, ключ могли просто подsunуть под дверь, предвzарительно заперев ее.

— В общем, одни догадки.

— Вы правы, мосье Пуаро. К сожалению, это так.

Пуаро огляделся, лоб его был страдальчески нахмурен.

— Не понимаю... Не вижу логики, — бормотал он. — Мелькнула какая-то идея и исчезла. Теперь сплошная темнота. Главное, нет зацепки: не вижу мотива.

— У молодого Джеральда Пейнтера очевидный мотив, — мрачно проворчал Джепп. — Да и характер у него, как я слышал, бешеный. И вообще, малый с претензиями. Да вы сами знаете, что из себя представляет эта богема — ни малейших понятий о морали.

Пуаро не обратил на ворчанье Джеппа никакого внимания. Вместо этого он вдруг понимающе улыбнулся.

— Мой дорогой Джепп, что вы все ходите вокруг да около? Я же прекрасно знаю, что подозреваете вы китайца, хитрец вы этакий. Вы хотите, чтобы я помог вам, но признаться в этом выше ваших сил.

Инспектор расхохотался.

— Сдаюсь, мистер Пуаро. Вас не проведешь. Да, я подозреваю китайца. Только он мог убить хозяина, увидев, что отравить его не удалось.

— Едва ли это он, — деликатно возразил Пуаро.

— Пока, конечно, неясен мотив убийства, — продолжал Джепп. — Но это могла быть и месть за что-нибудь неусветное, поди разберись, что у этих варваров на уме.

— Едва ли, — снова сказал Пуаро. — А преступник ничего с собой не прихватил? Драгоценности, деньги или какие-нибудь ценные бумаги?

— Нет. Ничего такого — нет.

Я насторожился, Пуаро тоже.

— Я имею в виду, ничего ценного, — пояснил Джепп. — Но старик писал какую-то книгу. Об этом мы узнали толь-

ко сегодня — утром пришло письмо от издателей, которые спрашивают, когда получат рукопись. Кажется, он ее только что закончил. Мы с молодым Пейнтером все перерыли, но так ничего и не нашли, должно быть, он ее где-то спрятал.

Глаза Пуаро загорелись знакомым мне зеленым огоньком.

— Как называлась книга? — спросил он.

— Кажется, «Тайная власть в Китае».

— Ага! — воскликнул Пуаро, даже слегка задохнувшись. — Позвольте-ка мне поговорить с А Линем.

Позвали китайца. Он вошел в комнату и остановился, опустив глаза. Его лицо не выражало никаких эмоций, только косичка на затылке едва заметно подрагивала.

— А Линь, — спросил Пуаро, — вам жалко хозяина?

— Очень жалко. Он хорошая хозяина.

— Вы знаете, кто его убил?

— Нет, моя не знает. Моя бы сказала полиция.

На дальнейшие расспросы китаец отвечал безучастным голосом все с тем же каменным лицом. А Линь рассказал, что он сам готовил тушеное мясо с карри, и добавил, что шеф-повар к этому блюду не имел никакого отношения. Я понял, что он даже не подозревает, насколько опасно его признание, но он твердо придерживался своих показаний. Он опять подтвердил, что вечером накануне трагедии окно было закрыто на шпингалет, и если утром оно было открыто, то это сделал сам хозяин. Наконец Пуаро закончил допрос.

— На сегодня хватит. — Когда китаец уже собирался уходить, он задал ему еще один вопрос: — А о желтом жасмине вы ничего не знаете?

— Нет, а что моя должна знать?

Пуаро ничего не ответил.

— А об этом знаке вы тоже ничего не знаете? Он тоже был на газете... — И Пуаро быстро что-то начертил на маленьком столике, покрытом пылью. Я стоял достаточно близко и успел рассмотреть то, что он начертил, — прежде чем он это стер. Две знакомые перекрещенные под углом линии, но рядом еще одна — перпендикулярно к одной из них — получилась четверка. И еще я увидел, как Линь вздрогнул, будто его ударило электрическим током. На его невозмутимом лице на мгновение появился ужас, и он тут же вышел.

Джеппа в комнате не было — он отправился на поиски молодого Пейнтера, и некоторое время мы с Пуаро были одни.

— Большая Четверка! — воскликнул Пуаро. — Опять Большая Четверка! Пейнтер был заядлым путешественником. Много ездил, много видел и знал тоже много. В его книге, вне всякого сомнения, есть что-то о деятельности Ли Чан-йена .. нашего первого Номера, координатора и мозгового треста Большой Четверки.

— Но кто?.. И каким образом?

— Тише. Они идут.

Джеральд Пейнтер показался мне вполне добродушным и безобидным молодым человеком. У него была мягкая рыжая борода и невероятно яркий цветной галстук. Джеральд с готовностью ответил на все вопросы Пуаро.

— В тот вечер я обедал у Вейтлизов. Это наши соседи, — начал рассказывать он. — В котором часу я вернулся домой? Трудно сказать. Думаю, около одиннадцати. У меня был ключ от калитки. Все слуги уже ушли спать, и я, естественно, думал, что дядя тоже спит. Между прочим, мне показалось, что я увидел этого тихоню А Линя — как он свернул за угол дома, но потом понял, что ошибся.

— Когда вы в последний раз видели дядю — до того, как переехали жить к нему?

— Последний раз я его видел, когда мне было лет десять. Потом, как вы знаете, дядя поссорился со своим братом, моим отцом.

— Но он легко вас нашел, не так ли? Хотя с тех пор прошло много лет?

— Ну мне просто повезло: я случайно обратил внимание на объявление его адвоката в газете.

У Пуаро больше вопросов не было.

Затем мы нанесли визит доктору Квентину. Он пригласил нас в свою приемную — к тому времени прием пациентов был уже окончен. Доктор производил впечатление человека очень разумного и симпатичного. Легкая чопорность и пенсне придавали ему некую старомодность, но я подозревал, что методы его лечения были вполне современны.

— Жаль, конечно, что я не помню точно, было ли открыто окно, — сказал он. — А пытаться что-то вспомнить всегда бесполезно: тебе начинает казаться то, чего на самом деле никогда не было. Это свойственно почти всем

людям, не так ли, мосье Пуаро? Я много читал о ваших методах, и — должен признаться — я большой поклонник вашего таланта. Да, я уверен, что именно китаец подмешал опиум в мясо, но он никогда в этом не признается, а доказать это практически невозможно. Но сунуть голову человека в огонь — нет, на такое он не способен. Это не в его характере.

Я обратил внимание Пуаро на это высказывание доктора, когда мы шли по главной улице Хэндфорда.

— Вы думаете, у него был помощник? — спросил я.— Между прочим, нужно сказать инспектору, чтобы установил наблюдение за китаеццем. Эмиссары Большой Четверки очень хитры.

— Джепп уже установил наблюдение не только за китаеццем, но и за племянником. За ними следят с того момента, как было обнаружено тело Пейнтера.

— Но мы-то с вами знаем, что молодой Пейнтер не причастен к убийству.

— Вы всегда знаете больше меня, Гастингс, и это обстоятельство меня удручает.

— Вы старая лиса, Пуаро! — рассмеялся я.— Всегда верны себе — никогда не скажете, что думаете на самом деле.

— Честно сказать, Гастингс, дело для меня совсем ясное, но меня смущает надпись: «желтый жасмин». Я прихожу к мысли, что вы были правы: эти слова не связаны с убийством. В деле, подобном этому, всегда нужно понять: кто на самом деле лжет... Теперь мне все ясно. И все же...

Неожиданно он перешел улицу и вошел в книжный магазин. Через несколько минут он вышел оттуда со связкой книг. Вскоре к нам присоединился Джепп, заходивший в полицейский участок, и мы вместе отправились в гостиницу.

Утром я проснулся довольно поздно. Когда я вошел в гостиную, то увидел там Пуаро, шагающего взад и вперед по комнате.

— Ничего не говорите мне,— возбужденно выпалил он,— пока я не докопаюсь до истины. Да! Мой подход был в корне неверным. Если умирающий пишет какие-то слова, они для него чрезвычайно важны. Все говорят «желтый жасмин» да «желтый жасмин», подумаешь, какой-то вьюнок, его вокруг дома растет видимо-невидимо. А этот вьюнок совсем не так уж прост и мил.

— Ну и что же такое «желтый жасмин»?

— Что такое? Послушайте.— И он открыл книгу, которую держал в руках.— Мой дорогой Гастингс, меня вдруг осенило, что в данном конкретном случае необходимо все тщательно проверить. Вот вы спрашиваете, что же такое «желтый жасмин»? Эта книга дает нам исчерпывающее объяснение.

Он прочел:

— «*Gelsemini Radix*. Корень желтого жасмина. Состав: алкалоиды $C_{22}H_{26}N_2O_3$ — сильный яд, действующий подобно кониину¹, $C_{12}H_{14}NO_2$ действует как стрихнин и т. д. Корень жасмина является сильным средством, подавляющим центральную нервную систему. Затем он поражает главные нервные окончания, а в больших дозах вызывает головокружение и потерю мышечного тонуса. Смерть наступает из-за паралича дыхательных путей».

— Помните, Гастингс, в самом начале нашего расследования Джепп бросил фразу о том, что засунуть голову живого человека в огонь невозможно... конечно же он прав, подумал тогда я, конечно же в огонь положили голову уже мертвого человека...

— Но зачем? Какой смысл?

— Друг мой, если вы выстрелите в мертвого человека, или вонзите в него нож, или ударите по голове, результаты вскрытия покажут, что удары были нанесены уже после смерти. Но если голова этого человека сгорела в огне, то никто и не подумает расследовать истинную причину смерти. Разве кто-нибудь заподозрит, что жертва, чудом избежавшая отравления за обедом, будет умерщвлена ядом вскорости после него? И опять возникает вопрос: кто же все-таки лжет? Я склонен верить А Линю...

— Не может быть,— воскликнул я.

— Вы удивлены, Гастингс? Да, то, что А Линь знает о существовании Большой Четверки, очевидно. Но также очевидно, что он ничего не знал об их планах убить Пейнтера. Он понял это только тогда, когда произошла трагедия. Если бы он сам был убийцей, то уж как-нибудь постарался бы сохранить до конца свою невозмутимость. В общем, я решил поверить в невиновность А Линя, и переключиться на Джеральда Пейнтера. Номеру Четыре ниче-

¹ Конииин — сильный яд растительного происхождения, оказывающий нервно-паралитическое действие.

го не стоило сыграть роль племянника, которого его дядюшка не видел много лет.

— Не может быть! — воскликнул я. — Неужели молодой Пейнтер — это Номер Четыре?

— Нет, Гастингс, не Номер Четыре. Как только я узнал специфические свойства желтого жасмина, мне все стало ясно. И как это я оплошал — ведь ответ напрашивался сам собой.

— Мне лично он до сих пор не напрашивается, — холодно заметил я. — Так уж я устроен.

— Просто вы не желаете обременять работой свои серые клеточки. У кого была возможность подсыпать яд в тушеное мясо?

— У А Линя. Ни у кого больше.

— Ни у кого больше? А что вы думаете о докторе?

— Но он ведь пришел потом?

— Естественно, он пришел потом. В блюде, которое приготовил А Линь, не было и намека на опиум, но запуганный доктором старик мясо есть не стал и, в соответствии с предварительной договоренностью, отдал его Квентину для анализа. А потом Квентин сделал Пейнтеру инъекцию, но не стрихнина... На самом деле он вколол ему сок корня желтого жасмина. Затем он ушел, предварительно вытащив шпингалет на окне. Ночью он возвращается, находит рукопись и сует голову мертвого Пейнтера в огонь. Он не обращает внимания на газету, которая лежала на полу рядом с мертвым телом. Пейнтер догадался, что ему ввели, и попытался дать понять, что с ним расправилась Большая Четверка. Ну а Квентин, прежде чем отдать мясо на анализ, добавляет туда опиум. Он приводит свою версию беседы со стариком, мимоходом упомянув об инъекции стрихнина — на тот случай, если кто-нибудь заметит на руке Пейнтера след от иглы. В результате у полиции возникло две версии: либо несчастный случай, либо попытка отравить Пейнтера опиумом, при этом все подозрения, естественно, должны были пасть на А Линя.

— Но разве доктор Квентин может быть Номером Четыре?

— Я думаю, что может. Существует, конечно, настоящий доктор Квентин, который скорее всего сейчас находится где-то за границей. Номер Четыре подменил его только на короткий отрезок времени. У Пейнтера и доктора Болито все было согласовано заранее. Видимо, врач, который должен был заменить его на время отпуска, в последний момент заболел, вот и появился другой.

Вошел запыхавшийся Джепп. Лицо у него было красное.

— Вы его схватили? — с надеждой спросил Пуаро.

Джепп замотал головой, все еще тяжело дыша от быстрой ходьбы.

— Сегодня утром вернулся из отпуска доктор Болито. Кто-то вызвал его телеграммой, но кто — неизвестно. Доктор Квентин уехал вчера вечером. Но мы его все равно поймаем.

Теперь уже Пуаро покачал головой.

— Очень сомневаюсь, — сказал он и машинально вилкой нарисовал на столе цифру четыре.

Глава 11

Шахматный ребус

Мы с Пуаро часто обедали в маленьком ресторанчике в Сохо¹. В этот вечер, расположившись за своим любимым столиком, мы вдруг увидели инспектора Джеппа. Так как за нашим столиком было свободное место, мы пригласили инспектора присоединиться к нам. С момента нашей последней с ним встречи прошло немало времени.

— Что-то вы совсем нас забыли, — укоризненно заметил Пуаро. — Последний раз мы встречались на деле о «желтом жасмине», то есть больше месяца назад.

— Я был на севере Англии. А вы что поделяваете? Все еще... бегаєте за Большой Четверкой?

Пуаро погрозил ему пальцем.

— А вы все смеетесь надо мной? Смейтесь, смейтесь, но Большая Четверка действительно существует.

— В этом-то я не сомневаюсь, но не думаю, что все это настолько серьезно... Вас послушаешь — так это какой-то вселенский рассадник зла.

— Мой друг, вы напрасно их недооцениваете. Большая Четверка — это самая могущественная преступная организация современности. Какую цель они преследуют, к чему стремятся, не знает пока никто, но такой мощной международной преступной организации еще никогда не существовало. Их главарь — китаец, обладает неожиданным, по-восточному изощренным умом, ему помогают

¹ Сохо — район в центральной части Лондона, где в прошлом часто селились иностранцы, а сейчас сосредоточены рестораны и увеселительные заведения, иногда сомнительного или даже криминального характера

американец — один из богатейших людей мира, и француз-женка — гениальный ученый-физик, что же касается четвертого их поделщика...

Джепп перебил его:

— Я все это знаю. Опять вы оседлали своего любимого конька, мосье Пуаро. Поговорим-ка для разнообразия о чем-нибудь другом, а то у вас уже просто какая-то мания обсуждать этих субчиков. Вас интересуют шахматы?

— Балуюсь иногда. А что?

— Разве вы не слышали о вчерашнем матче? Между двумя гроссмейстерами, и что один из них во время игры скончался.

— Я читал об этом в утренних газетах. Один из игроков, доктор Саваронов, — русский чемпион, а тот, кто умер — насколько я понял, от острой сердечной недостаточности — американец Гилмор Уилсон. А ведь совсем еще молодой, подавал большие надежды.

— Совершенно верно. Несколько лет назад Саваронов победил Рубинштейна¹ и стал чемпионом России. А об Уилсоне говорили, что это чуть ли не второй Капабланка².

— М-да, жутковатая история, — задумчиво сказал Пуаро. — Если я не ошибаюсь, вас она очень насторожила!

Джепп смущенно рассмеялся.

— Вы угадали, мосье Пуаро. Я в недоумении. Уилсон был здоров как бык — никаких жалоб на плохое сердце. И вдруг — острая сердечная недостаточность. С чего бы?

— Вы считаете, что к смерти Уилсона причастен Саваронов! — воскликнул я.

— Едва ли, — сухо ответил Джепп. — Я считаю, что даже в России человек не может убить другого всего лишь из опасения проиграть ему партию в шахматы. И потом, говорят, что Саваронов играет не хуже Ласкера³. Нет, тут дело совсем в другом.

Пуаро задумался.

¹ Рубинштейн и Акиба (1882—?) — известный шахматный гроссмейстер, после 1932 года оставил спорт из-за душевной болезни.

² Капабланка Хосе Рауль (1888—1942) — гроссмейстер, чемпион мира по шахматам в 1921—1928 годах, отличавшийся исключительной быстротой шахматного мышления.

³ Ласкер Эмануил (1868—1941) — шахматный гроссмейстер и теоретик шахматной игры, чемпион мира по шахматам в 1889—1921 годах, игра которого отличалась исключительной изобретательностью

— Ну и что же вы об этом думаете? — спросил он.—
Зачем нужно было Уилсону давать яд? Вы ведь подозреваете, что он был отравлен?

— Думаю, что да. Сердечная недостаточность — таков был официальный диагноз, но на самом деле врач дал понять, что не совсем в этом уверен.

— Ну и когда же состоится вскрытие?

— Сегодня вечером. Все-таки странно, выглядел Уилсон совершенно бодрым и здоровым. И только наклонился вперед, чтобы сделать очередной ход, как вдруг рухнул всем телом на столик и... все.

— Так мгновенно действуют очень немногие яды,— заметил Пуаро.

— Я знаю. Надеюсь, что вскрытие нам поможет. Но кому и зачем понадобилось убивать Уилсона — этого я понять не могу. Скромный, безобидный парень. Только что приехал из Штатов и, естественно, еще не успел нажить врагов.

— Действительно непонятно,— поддакнул я.

— Как бы не так,— улыбнулся Пуаро.— Уверен, что у Джеппа есть своя убедительная версия.

— Да, есть, мосье Пуаро. Я не верю, что яд предназначался Уилсону. Отравить хотели другого.

— Саваронова?

— Да. Когда-то он чуть не погиб — во время большевистской революции. Его даже объявили убитым. Но на самом деле ему удалось бежать. Года три он скрывался в лесах Сибири, пережил страшные испытания, после которых так сильно изменился, что даже его близкие друзья едва его узнали. Он поседел и сейчас выглядит много старше своих лет. Здоровье его сильно подорвано, из дома выходит очень редко. Кстати, он живет около Вестминстера¹, со своей племянницей Соней Давиловой и русским слугой. Вполне возможно, что он до сих пор боится, что за ним охотятся русские. Он никак не соглашался на этот матч. Несколько раз отказывался, и, только когда некоторые журналисты обвинили его в «неспортивном» поведении, согласился. Гилмор долгое время пытался вызвать его на матч и в конце концов своего добился. Эти янки кого хочешь добьют своим упорством. Почему Саваронов

¹ Вестминстер — район в центре Лондона, где расположено здание английского парламента

все время отказывался, спрашиваю я вас, мосье Пуаро? Да потому, что не хотел привлекать к себе внимание. Не хотел оказаться на виду. И отсюда мой вывод: Гилмора Уилсона прикончили по ошибке.

— Кто мог быть заинтересован в смерти Саваронова?

— Думаю, его племянница. Не так давно он получил огромное состояние, завещанное ему женой какого-то сахарного заводчика. Саваронов когда-то в молодости — при старом режиме — вел с ним дела. Эта женщина так и не поверила в то, что Саваронов погиб.

— Где состоялась шахматная игра?

— В доме Саваронова. Он же инвалид, и ему трудно ходить.

— Сколько людей наблюдало за ходом партии?

— Человек десять — пятнадцать.

Пуаро скорчил страдальческую гримасу.

— Бедный мой Джепп. У вас довольно трудная задача.

— Знай я точно, что его отравили, я бы уж постарался ее решить.

— А вам не приходило в голову, что, если ваша версия верна и кто-то действительно пытался отравить Саваронова, он может предпринять вторую попытку?

— Конечно. Двое моих людей следят за домом Саваронова.

— Они будут там весьма кстати, на случай, если в дом проникнет кто-нибудь с бомбой под мышкой,— насмешливо произнес Пуаро.

— Я вижу, дело вас заинтересовало, мосье Пуаро,— заулыбался Джепп.— Не хотите ли пойти со мной в морг и взглянуть на труп до того, как с ним поработает наш доктор? Кроме того, может быть, какая-нибудь булавка для галстука будет тем самым ключом, с помощью которого вы сможете решить этот шахматный ребус.

— Да, кстати о галстуках, дорогой Джепп. Меня все время смущает ваш галстук. Позвольте-ка его немного поправить. Вот так гораздо лучше. А теперь можно и в морг.

Пуаро явно увлекся «шахматным ребусом». Давно я не видел, чтобы он так заинтересовался делом, не имеющим отношения к пресловутой «четверке», и был очень рад, что наконец-то он решил тряхнуть стариной.

В морге, глядя на неподвижное тело, я почувствовал жалость к этому молодому американцу, которого настигла такая смерть.. Пуаро тщательно осмотрел тело. Нигде не

было видно никаких повреждений, только небольшой шрам на левой руке.

— Врач говорит, что это след от ожога,— пояснил Джепп.

Затем Пуаро приступил к осмотру вещей убитого, которые принес полицейский. Их было немного: носовой платок, ключи, записная книжка и какие-то записки. Внимание Пуаро привлек предмет, стоявший немного в стороне.

— Шахматная фигура! — воскликнул он.— Белый слон. Она была у него в кармане?

— Нет. Он так крепко держал ее в руке, что мы едва сумели высвободить. Нужно будет вернуть ее Саваронову, она из его уникального комплекта слоновой кости.

— Позвольте мне самому вернуть этого белого слона хозяину. Это будет прекрасным предлогом для визита.

— Ага! — воскликнул Джепп.— Значит, вы решили заняться этим делом?

— Конечно. Что же мне остается — вы так ловко разожгли мое любопытство.

— Ну и хорошо. А то вы что-то совсем захандрили. Капитан Гастингс, я вижу, тоже доволен?

— Конечно же вы правы,— ответил я и рассмеялся.

Пуаро опять начал осматривать тело.

— Вы ничего больше о нем сообщить не хотите? — спросил он.

— Вроде бы я и так все выложил.

— Вы не сказали, что убитый — левша.

— Вы чародей, мосье Пуаро. Да, он левша. Но как вы узнали? И имеет ли это отношение к делу?

— Нет-нет,— поспешил успокоить его Пуаро.— Не принимайте так близко к сердцу. Я просто хотел вас немного поддеть.

И мы все вместе вышли на улицу.

Следующим утром мы направились навестить Саваронова.

— Соня. Соня Давилова,— мечтательно пробормотал я.— Какое прекрасное имя.

— Вы неисправимы, Гастингс! — воскликнул Пуаро.— У вас в голове одни только женщины. Смотрите, как бы эта Соня Давилова не оказалась нашей с вами давней приятельницей графиней Верой Росаковой.— И он рассмеялся.

У меня испортилось настроение.

— Пуаро, неужто вы в самом деле предполагаете, что...

— Нет-нет, друг мой, я пошутил. Сейчас я совершенно не думаю о Большой Четверке, как считает наш друг Джепп.

Дверь квартиры нам открыл слуга с каким-то застывшим лицом. Казалось, этот человек вообще не в состоянии выражать какие-то эмоции.

Пуаро протянул ему свою визитную карточку, на которой Джепп нацарапал несколько рекомендательных слов, и нас провели в длинную, с низкими потолками комнату, которая была уставлена антикварными вещами, а стены ее были увешаны дорогими картинами. На одной из стен висело несколько чудесных икон, а на полу лежали великолепные персидские ковры. В углу на столе стоял самовар.

Я осмотрел одну из икон, которая мне показалась самой ценной, и повернулся к Пуаро, чтобы поделиться с ним своими соображениями, как вдруг обнаружил его стоящим на коленях — он что-то разглядывал на ковре. Ковер был безусловно очень красив, но такого пристального внимания все-таки не заслуживал.

— Это что, какой-нибудь особенный ковер? — на всякий случай спросил я.

— Ковер? Какой ковер? А... Этот? Да, замечательный, поэтому странно, что кто-то прибил его огромным гвоздем... Нет-нет, Гастингс, — остановил он меня, увидев, что я наклонился к коврику, пытаюсь найти этот гвоздь. — Гвоздя уже нет, осталась только дырка.

Легкий шорох сзади заставил меня обернуться, а Пуаро — вскочить на ноги. В дверях стояла девушка невысокого роста. В ее темно-голубых глазах отражались изумление и легкий испуг. У нее было прекрасное грустное лицо, а ее черные волосы были коротко подстрижены. Говорила она мягким приятным голосом, но с сильным акцентом.

— Прошу прощения, но мой дядя не сможет принять вас лично. Он очень нездоров.

— Какая жалость, но, возможно, вы окажете мне любезность и ответите на мои вопросы? Вы мадемуазель Давилова?

— Да, я Соня Давилова.

— Я собираю кое-какие сведения о том печальном инциденте, который произошел два дня назад в вашем доме. Я имею в виду смерть Гилмора Уилсона. Что вы можете рассказать об этом?

Глаза девушки расширились.

— Он умер от сердечной недостаточности во время партии.

— Полиция не совсем уверена, что это произошло из-за сердца, мадемуазель.

Девушка всплеснула руками.

— Значит, это правда,— сказала она.— Иван был прав.

— Кто такой Иван и почему он был прав?

— Это слуга, который открыл вам дверь. Недавно он мне сказал, что ему кажется, будто Гилмор Уилсон умер не своей смертью — что его отравили, и отравили по ошибке.

— По ошибке?

— Да, яд предназначался моему дяде.

Девушка прониклась к нам доверием и говорила охотно.

— Почему вы так думаете, мадемуазель? Кто может желать смерти вашему дяде?

Она покачала головой.

— Я не знаю. Мне ничего не говорят, и дядя мне не доверяет. Возможно, он прав. Он меня почти не знает. Я приехала сюда совсем недавно, а до этого он видел меня совсем маленькой. Но я чувствую: он чего-то боится. У нас в России полно всяких тайных организаций... Однажды я случайно подслушала нечто такое, что сразу поняла: он боится именно чего-то подобного. Скажите, мосье.— Девушка подошла к Пуаро и, понизив голос, спросила: — Вы слышали когда-нибудь о Большой Четверке?

Пуаро от неожиданности даже вздрогнул, глаза его буквально округлились от удивления.

— Почему вы... что вам известно об этой самой Большой Четверке, мадемуазель?

— Известно, что такая организация существует! Однажды при мне кто-то упомянул это название... Ну а потом я спросила дядю, что оно обозначает. Видели бы вы, как он перепугался! У него задрожали руки, а лицо стало белым как мел. Он их страшно боится, я в этом уверена. И именно они убили этого американца Уилсона.

— Большая Четверка,— пробормотал Пуаро.— Опять Большая Четверка... Да, мадемуазель, вы правы. Ваш дядя в большой опасности, и я должен его спасти. Будьте так любезны, расскажите, как проходил тот матч. Покажите, где стоял шахматный стол, где сидели игроки, где располагались зрители — словом, все, что вспомните.

Девушка прошла в угол комнаты и показала столик, поверхность которого представляла собой шахматную дос-

ку. Белые квадратики явно были покрыты серебром. Это и был тот самый шахматный столик, за которым сидели игроки.

— Его прислали дяде в подарок месяца полтора назад,— объяснила она,— с пожеланием здоровья и побед над соперниками. Стоял он на середине комнаты. Вот здесь...

Пуаро принялся тщательно осматривать столик, что, по моему мнению, было совершенно излишне. И вообще, многие вопросы, которые он задавал, казались мне совершенно бессмысленными, а те, которые были действительно важными, он почему-то не задал. Похоже, неожиданное напоминание о Большой Четверке выбило его из колеи.

Потом Пуаро долго разглядывал место, где стоял столик, затем попросил показать ему шахматные фигуры. Соня принесла коробку с шахматами. Пуаро рассеянно осмотрел несколько фигур.

— Тонкая работа,— задумчиво произнес он.

И опять — ни единого вопроса ни о том, кто присутствовал на матче, ни о том, какие подавали напитки.

Наконец я не выдержал:

— Не думаете ли вы, Пуаро...

Он сразу же перебил меня:

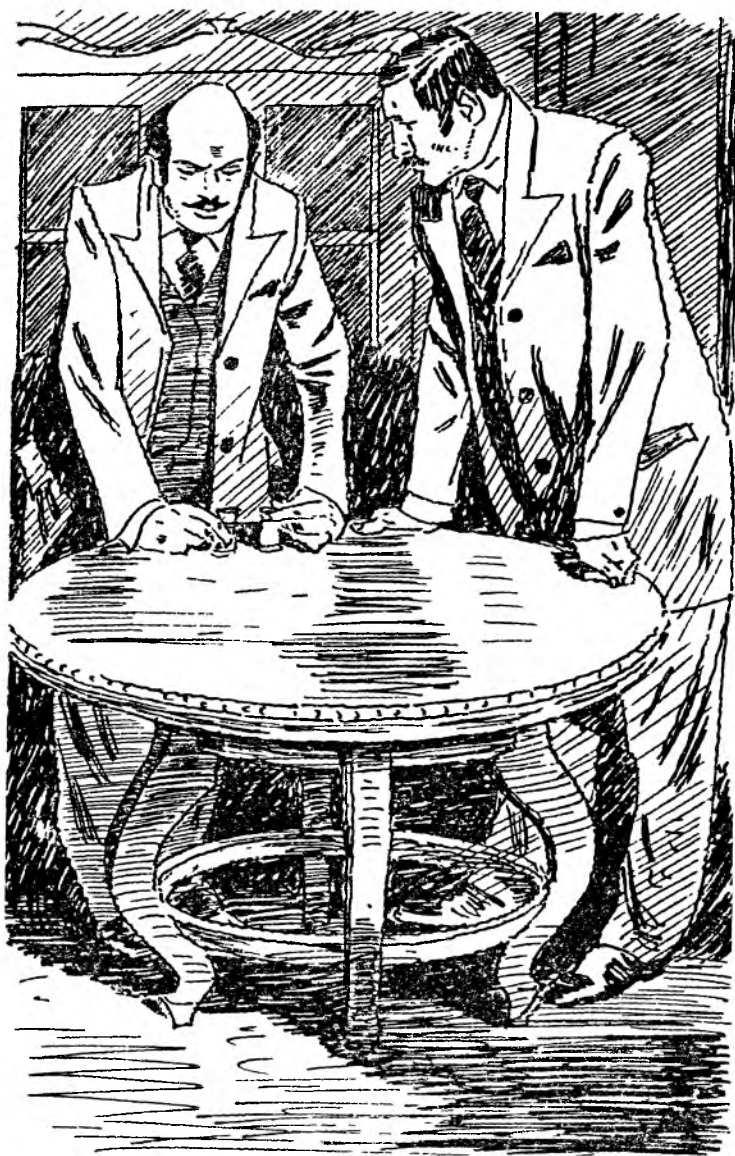
— Не волнуйтесь, топ аті, я все учту,— и снова вернулся к Соне Давиловой: — Мадемуазель, может быть,— в порядке исключения — вы позволите мне повидаться с вашим дядей?

На ее лице появилась слабая улыбка.

— Конечно. Вы же понимаете: сначала я сама должна поговорить с каждым — убедиться, что он не расстроит дядю...

Она ушла. Из соседней комнаты донесся приглушенный разговор, затем девушка вернулась и пригласила нас войти.

На кушетке лежал изможденный старик. Он был высок, лицо его с большими лохматыми бровями и белой бородой было каким-то истощенным, вероятно, на его облике сказались постоянное недоедание и прочие тяготы в прошлом. Гроссмейстер Саваронов обладал незаурядной внешностью. Особенно выразительна была его голова — очень крупная, с высоким лбом. Великий шахматный гений должен был иметь большой мозг. Ничего удивительного в том, что этот человек среди первых на шахматном олимпе.

Пуаро поклонился.

— Мосье Саваронов, могу ли я поговорить с вами наедине?

Саваронов повернулся к племяннице:

— Оставь нас, Соня.

Девушка послушно вышла.

— Итак, я весь внимание, мосье Пуаро.

— Мосье Саваронов, недавно вы получили очень большое наследство. Если вы, скажем, неожиданно умрете, кому все достанется?

— Я составил завешание, в котором все свое состояние оставляю племяннице. Соне Давиловой. Вы предполагаете, что она...

— Я ничего не предполагаю,— перебил его Пуаро,— но мне известно, что до нынешнего ее приезда в Лондон, вы видели свою племянницу, когда она была еще ребенком. Могла найтись охотница сыграть эту роль, причем без особого риска быть разоблаченной...

Саваронов явно был ошеломлен подобными домыслами, но Пуаро не собирался развивать эту тему.

— Об этом достаточно. Мое дело предупредить. А теперь я попросил бы вас рассказать о том роковом матче.

— Что значит «рассказать»?

— Сам я не играю в шахматы, но знаю, что существует множество дебютов, которыми начинается шахматная партия. Один из них, по-моему, гамбит¹ называется, не так ли?

Саваронов улыбнулся:

— Теперь я понял. Уилсон играл испанскую партию — это самое модное сейчас начало, и его довольно часто принимают.

— Как долго продолжалась ваша партия?

— Кажется, был третий или четвертый ход, когда Уилсон неожиданно рухнул на стол — замертво...

Пуаро поднялся, вроде бы собираясь уходить, и как бы невзначай (но я-то знал, как это было важно для Пуаро) спросил:

— Уилсон что-нибудь ел или пил?

— Кажется, виски с содовой.

— Благодарю, мосье, не смею больше вас задерживать.

¹ Гамбит — начало шахматной игры, в котором с целью скорейшего перехода в наступление жертвуют пешкой или фигурой.

Слуга проводил нас к выходу и, уже перешагнув через порог, Пуаро спросил:

— Кто живет в квартире под вами?

— Сэр Чарлз Кингвелл, член парламента. Он сейчас в отъезде, но недавно туда привезли новую мебель.

— Елагодарю вас.

Мы вышли на залитую зимним солнцем улицу.

— На этот раз, дорогой Пуаро, вы, я считаю, не проявили себя должным образом. Ваши вопросы, мягко говоря, были не совсем в цель.

— Вы так думаете, Гастингс? — Пуаро поднял брови. — Интересно, какие бы вопросы задали вы?

Я изложил Пуаро свою точку зрения и, соответственно, необходимые, на мой взгляд, вопросы. Он слушал меня с большим вниманием. Рассуждал я долго и с азартом. Мое красноречие иссякло уже у самого крыльца нашего дома.

— Превосходно, Гастингс, вы очень проницательны, — сказал Пуаро, выуживая ключ из кармана. — Но в этих вопросах не было никакой необходимости.

— Никакой необходимости! — закричал я. — Человеку дают яд, он умирает насильственной смертью, а...

— Ага, — перебил меня Пуаро, хватая со стола какую-то записку. — От Джеппа, так я и думал. — Прочитав, он передал ее мне. Джепп сообщал, что при вскрытии не обнаружено никаких следов яда и причина смерти неизвестна.

— Теперь вы поняли, Гастингс, — сказал Пуаро, — что задавать эти вопросы не было никакой необходимости?

— Вы догадывались об этом?

— Умение предвидеть ход противника — основа успеха, — процитировал Пуаро мое же изречение, высказанное не так давно во время игры в бридж¹. — Моп аті, если догадка подтверждается, можете называть ее предвидением.

— Не будем мелочиться, — примирительно сказал я. — Вы это предполагали?

— Да.

— Почему?

Пуаро сунул руку в правый карман и вытащил белого слона.

¹ Бридж — распространенная в Англии и США карточная игра, в которой принимают участие две пары партнеров.

— Как! — воскликнул я. — Вы забыли вернуть его Сава-
ронову?

— Ошибаетесь, мой друг. Тот белый слон все еще на-
ходится в моем левом кармане. Еще не настало время его
возвращать. А этого я взял из комплекта, который пока-
зала нам Соня Давилова. Итак, у нас два белых слона,
только один из них больше похож на электрического ска-
та...¹

Признаться, я был сильно обескуражен столь смелым
сравнением, но задал всего один вопрос:

— Зачем вы его взяли?

— Я хотел их сравнить, — просто ответил Пуаро и по-
ставил обе фигурки рядом. — Посмотреть — одинаковые ли
они.

— Конечно, одинаковые, — заметил я.

Пуаро разглядывал слонов со всех сторон.

— Кажется, вы правы. Но это еще не факт, так как
нет доказательств вашей правоты. Принесите-ка, пожа-
луйста, мои весы.

Тщательно взвесив обе фигурки, он с торжествующим
видом повернулся ко мне.

— Я был прав. Вы видите! Эркюля Пуаро обмануть
нельзя.

Подбежав к телефону и набрав номер, он застыл в
нетерпеливом ожидании.

— Джемп, это вы? Пуаро у телефона. Не спускайте глаз
со слуги, с этого Ивана. Ни в коем случае не дайте ему
ускользнуть.

Он положил трубку.

— Теперь вы поняли, Гастингс? Уилсон не был отрав-
лен. Его убили электрическим током. В одну из этих фи-
гурок впаян тонкий металлический стержень. Столик был
установлен заранее в определенное место. Когда фигурка
коснулась одного из белых квадратов, — а они были покры-
ты серебром, — Уилсон тут же был поражен электрическим
током. Единственный след, след ожога, остался на его
левой руке, так как он был левша и передвигал фигуры
левой рукой. «Специальный шахматный столик» был, по
сути, дьявольским устройством. Столик, который я осмат-

¹ Электрический скат — хищная морская рыба с плоским
телом и острым хвостом, способная вырабатывать электрические раз-
ряды напряжением до 220 вольт и поражать ими жертву или врага.

ривал, является его точной копией, но не имеет к этому делу никакого отношения. Сразу же после убийства им заменили тот, за которым шла игра. Тот столик проводкой был соединен с квартирой этажом ниже, куда, как вы знаете, была недавно якобы завезена новая мебель, там находится и пульт управления. Но один из организаторов этой операции наверняка и сейчас находится в квартире Саваронова. Эта девушка — агент Большой Четверки. Ее цель — завладеть деньгами Саваронова.

— А Иван?

— Лично я подозреваю, что Иван — это не кто иной, как Номер Четыре.

— Что-о-о?..

— Вы же знаете, что он первоклассный актер и может сыграть любую роль.

Я вспомнил привратника из психолечебницы, мясника из «Гранит-Бангалоу», вежливого доктора — все эти роли были сыграны одним человеком, но какие разные характеры!

— Удивительно, — наконец выдал из себя я. — Все совпадает. Саваронов догадывался о заговоре и поэтому отказывался от игры до последнего.

Пуаро посмотрел на меня. Затем начал ходить взад-вперед по комнате.

— У вас случайно нет книги о шахматах? — неожиданно спросил он.

— Где-то была. Сейчас поищу.

Я пустился в поиски и вскоре вручил книгу Пуаро, который, опустившись в кресло, начал прилежно ее изучать.

Минут через пятнадцать зазвонил телефон. Я поднял трубку. Джепп сообщил нам, что Иван вышел из квартиры с большим пакетом, сел в ожидавшее его такси, и погоня началась. Создалось впечатление, что он старался уйти от преследования. Наконец, уверенный, что скрылся от погони, он направился в большой пустой дом в Хэмпстеде. Дом уже окружен.

Все эти новости я изложил Пуаро, который слушал меня вполуха, а когда я умолк, сказал:

— Послушайте, мой друг. Вот испанская партия: 1. e2 e4, e7 e5, 2. Kgl f3, Kb8 c6; 3. Cf1 b5. И вот здесь возникает проблема третьего хода черных, так как вариантов продолжения очень много. Убит Уилсон был на третьем

ходу — Cf1 b5. Но почему на третьем — можете мне ответить?

Я признался, что не имею об этом ни малейшего представления.

— Вот вы сидите, Гастингс, и слышите, что внизу кто-то сначала открыл дверь, потом ее закрыл. Что вы скажете по этому поводу?

— Кто-то, вероятно, вышел из дома.

— Возможно, но задумывались ли вы над тем, что иногда существуют два взгляда на решение одной и той же проблемы — прямо противоположных. Ведь человек мог и войти. Как тут угадать? И если угадать не удастся, то после то тут, то там начинают вылезать несоответствия, которые, в сущности, и показывают тебе, что ты на неправильном пути.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, — вскочил вдруг с кресла Пуаро, — что я трижды дурак. Быстрее, быстрее поехали на квартиру в Вестминстере. Может быть, еще успеем.

Мы остановили такси. На мои вопросы Пуаро не отвечал. Подъехав к дому, мы помчались наверх. На наш стук никто не ответил, однако, прислушавшись, я услышал из-за двери какие-то стоны.

У привратника внизу оказался запасной ключ, и через несколько минут он вместе с нами вошел в комнату.

Пуаро сразу же ринулся в заднюю комнату. Там стоял тяжелый запах хлороформа. На полу, связанная и с кляпом во рту, лежала Соня Давилова. Лицо ее было прикрыто обрывком ткани, пропитанной хлороформом. Пуаро скинул на пол ткань и начал приводить девушку в чувство. Наконец прибыл врач и сам ею занялся.

А гроссмейстер Саваронов исчез.

— Что все это значит? — недоумевая, спросил я.

— Это значит, что из двух предположений я выбрал неверное. Я вам говорил, что любой мог занять место Сони Давиловой, поскольку дядя не видел ее с малых лет?

— Да.

— То же самое касается и дяди. Изобразить его не так уж и сложно.

— О чем вы?

— Саваронов, видимо, действительно умер во время революции. И тот субъект, который выдавал себя за великого мученика, которого страдания настолько изменили,

что близкие друзья едва узнали его, и который получил огромное состояние...

— Кто же это?

— Номер Четыре. Неудивительно, что он так перепугался, когда Соня призналась ему, что случайно подслушала, как он с кем-то говорил о Большой Четверке. И вот результат — он снова выскользнул из моих рук. Понял, что рано или поздно я нападу на правильный след, и тогда ему не поздоровится. Он отослал слугу с каким-то пустяковым поручением, чтобы отвлечь внимание полиции, усыпил хлороформом девушку и покинул этот дом, прихватив, по всей вероятности, все ценные бумаги, оставленные в наследство Саваронову благодарной вдовой сахарного заводчика.

— Но кто же, в таком случае, пытался его убить?

— Да никто не пытался. Умереть должен был Уилсон.

— Но почему?

— Дорогой Гастингс, Саваронов считался номером два в шахматном мире. А наш гениальный Номер Четыре не знаком даже с азами шахматной игры. Поэтому вполне естественно, что он приложил максимум усилий, чтобы матч не состоялся. Когда же ему это не удалось, судьба Уилсона была предрешена. Никто не должен был догадаться, что «Саваронов» даже не умеет правильно передвигать фигуры. Уилсон любил испанскую партию, и он решил играть ее. Номер Четыре приговорил его к смерти на третьем ходу, так как следующий ход уже предполагал множество вариантов, и предугадать следующий ход противника чрезвычайно сложно.

— Но позвольте, Пуаро,— настаивал я.— Выходит, мы имеем дело с ненормальным? Я готов в качестве варианта принять вашу версию, возможно, вы даже правы, но убить человека просто так, чтобы сыграть роль до конца,— это уж чересчур. Гораздо проще и безопаснее было все-таки не соглашаться. Он мог сказать, что врач запретил ему волноваться, или изобразить из себя затворника.

Пуаро в задумчивости поморщил лоб.

— Естественно, Гастингс, были и другие варианты, но этот — самый надежный. Избавиться от человека — и все пойдет своим чередом. Как ни выбирай, это самое надежное средство. Представьте себя на месте Номера Четвертого. Вот он садится за столик. Не сомневаюсь, что он

побывал не на одном шахматном турнире и знал, как себя вести, как играть роль великого шахматиста. Он садится и делает вид, что обдумывает различные варианты, а сам втайне ликует. Он уверен, что двух ходов, которые он выучил, будет вполне достаточно. Кроме того, я думаю, он был очень горд оригинальностью своего замысла. Уилсон сам выбрал время своей казни — третий ход. Да, Гастингс, теперь я начинаю понимать нашего лицедея, его психологию.

Я пожал плечами.

— Возможно, вы и правы, но какой разумный человек станет подвергать себя риску — если его можно избежать.

— Риск? — переспросил Пуаро. — Но где вы видите риск? Разве Джепп смог бы решить этот шахматный ребус? Нет! Тысячу раз нет! Если бы Номер Четыре смог предусмотреть одну маленькую деталь, не было бы вообще никакого риска.

— И какую же? — заинтригованно спросил я, хотя заранее знал ответ.

— Он не учел, что этим делом займется сам Эркюль Пуаро.

У Пуаро было много положительных качеств, но скромность к их числу не относилась.

Глава 12

Ловушка с приманкой

Была середина января. Обычная зимняя погода для Лондона — грязь и слякоть. Мы сидели с Пуаро в креслах, наслаждаясь теплом весело потрескивавшего камина. Неожиданно я почувствовал на себе его взгляд.

— О чем это вы сейчас думаете? — спросил я.

— Я вспомнил, друг мой, когда вы в середине лета приехали в Лондон, вы сказали мне, что останетесь в Лондоне только на два месяца.

— Неужели так сказал? — смущенно спросил я. — Я ничего такого не помню.

Лицо Пуаро просветлело.

— Да, вы это говорили. И что же заставило вас изменить свои планы?

— Черт возьми, Пуаро, — сердито буркнул я. — Я не со-

бираюсь оставлять вас один на один с этой ужасной компанией — «Бандой Четырех».

Пуаро посмотрел на меня с нежностью.

— Я так и думал. Вы преданный друг, Гастингс. Вы задержались, чтобы помочь мне. Большое спасибо, но ваша жена Синдерелла, ваша маленькая Золушка¹, как вы ее называете, что скажет она?

— Я об этом как-то не думал, но считаю, что она меня поймет. И скажет, что я поступил правильно, не оставив друга в беде.

— Да, я знаю, она тоже очень преданный друг. Но это дело может затянуться надолго, ведь так?

Обескураженный, я кивнул.

— Уже прошло полгода,— заметил я,— а мы все топчемся на месте. Знаете, Пуаро, меня не покидает мысль, что мы должны... ну, словом, что-то предпринять.

— Вы всегда спешите, Гастингс. И что же вы конкретно предлагаете?

Это было похоже на вызов, но отступить я был не намерен.

— Пора нам перейти в наступление,— заявил я,— что мы все это время делали? Отступали. И чего мы в результате достигли?..

— Большого, чем вам кажется, мой друг. Прежде всего, мы установили личности Номера Два и Номера Три и более или менее изучили способы и методы, какими действует Номер Четыре.

Я немного воспрял духом. Если Пуаро так считает, значит, еще не все потеряно.

— Да, да, Гастингс. Мы проделали огромную работу. Вы правы только в том, что у нас нет доказательств, чтобы предъявить обвинение Райленду или мадам Оливье, а без доказательств — кто же нам поверит? Вы помните, как однажды я думал, что загнал Райленда в угол? Но ему удалось выскользнуть, и в этом ему помог Номер Четыре. И тем не менее мое особое мнение о деятельности Большой Четверки знают кое-какие влиятельные люди... даже в правительстве. Лорд Олдингтон, которому я однажды помог вернуть похищенные чертежи новейших подводных лодок,

¹ Синдерелла (Золушка) — героиня народной сказки, наиболее известной в версии французского писателя, поэта и критика Шарля Перро (1628—1703).

осведомлен о всех преступлениях Большой Четверки. И он, в отличие от других, всецело мне верит. Райленд, мадам Оливье и Лин Чан-йен пока гуляют на свободе, но каждый их шаг теперь контролируется.

— А Номер Четыре?

— Я уже вам сказал, Гастингс, что только сейчас начинаю понимать, как он действует. Вы можете надо мной смеяться, но я считаю, что главное — понять характер человека, знать, что он предпримет при определенных обстоятельствах, — в этом залог успеха. У нас своего рода дуэль, только он время от времени показывает, что умеет и на что способен, а обо мне он практически ничего не знает. Он все время на виду, я же — в тени. И чем меньше активности я проявляю, ожидая их действий, тем больше они меня боятся.

— Они оставили нас в покое, — заметил я, — никаких покушений, никаких засад.

— Вот-вот, — согласился Пуаро. — Именно это меня и тревожит. Ведь существует множество способов разделаться с нами, и я уверен, что за это время они могли что-нибудь придумать. Вы поняли, что я имею в виду?

— Какое-нибудь адское устройство? — ахнул я.

— Побойтесь Бога, Гастингс. Я взываю к вашему воображению, а у вас на уме одни бомбы в каминах. А... черт... у меня спички кончились, да и прогуляться нужно перед сном, хотя погода отвратительная. Простите, мой друг, разве можно одновременно читать «Будущее Аргентины», «Душа общества», «Уход за молодняком», «Малиновую улику» и «Охоту в Скалистых горах»? А они у вас разбросаны в разных местах. Какую книгу вы сейчас читаете?

— «Малиновую улику», — смущенно усмехнувшись, ответил я.

— Тогда поставьте остальные на полку. Во всем должен быть порядок. И метод.

Я начал неловко оправдываться, а Пуаро тут же принялся расставлять книги на полках. Закончив, он ушел, а я продолжил чтение «Малиновой улики», которую мне милостиво оставили. Сей шедевр почти меня усыпил, но вдруг в дверь постучалась наша хозяйка, миссис Пирсон.

— Вам телеграмма, капитан.

Я вяло разорвал конверт. Но то, что я прочел, вмиг страхнуло с меня сонливость. Телеграмма была от моего управляющего из Южной Америки.

*«МИССИС ГАСТИНГС ИСЧЕЗЛА ВЧЕРА БОЮСЬ ЕЕ ПОХИТИ-
ЛА КАКАЯ-ТО БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА ЖДУ РАСПОРЯЖЕНИЙ РО-
ЗЫСКАМИ ЗАНИМАЕТСЯ ПОЛИЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НЕТ БРОН-
СЕН»*

Я выпроводил миссис Пирсон из комнаты и, ошеломленный известием, снова и снова перечитывал текст телеграммы. Моя Синдерелла, моя маленькая Золушка похищена. Она в руках этой гнусной шайки, Банды Четырех. Что мне делать?

Пуаро! Мне нужен Пуаро. Он даст мне хороший совет. Он поможет мне сорвать их планы. Он ушел час назад и через несколько минут должен вернуться. Мне нужно терпеливо дожидаться его. Но, подумать только, моя Золушка в руках Большой Четверки!..

Снова раздался стук в дверь, и миссис Пирсон вручила мне еще одно послание.

— Вам записка, капитан. Ее принес какой-то невежественный китаец. Он ждет вас внизу.

Я схватил записку. Она была лаконична.

«Если вы снова хотите увидеть вашу жену, немедленно следуйте за человеком, принесшим эту записку. Никаких письменных или устных сообщений вашему другу, в противном случае ваша жена погибнет».

Внизу вместо подписи стояла большая цифра «4».

Что мне оставалось делать? Как бы вы, читатель, поступили на моем месте?

У меня не было времени на раздумья. У меня была одна задача — вырвать мою Золушку из рук врагов. Я должен подчиниться — я не имею права рисковать ее жизнью. Я пойду за этим китайцем куда угодно.

Это была ловушка. Она означала плен и, возможно, смерть, но на карту была поставлена жизнь самого дорогого для меня человека, и я ни минуты не колебался.

Больше всего меня удручало, что мне не удастся оставить хотя бы пару слов своему другу. Да, только навести его на мой след — и тогда будет хоть какая-то надежда на спасение. Но могу ли я так рисковать? В данный момент за мной никто не следил, и все же я не решался. Ведь китаец мог подняться наверх и проверить, выполнил ли я все их условия. А собственнo, почему он не поднялся?

То, что он даже не соизволил подняться, насторожило

меня еще сильнее. Я так часто сталкивался с могуществом Большой Четверки, что в своем воображении наделял их сверхъестественной силой. Я был уверен, что даже любая девчонка на побегушках может быть их агентом.

Нет, рисковать я не мог. Единственное, что я мог сделать без риска,— оставить телеграмму. Пуаро будет знать, что моя жена исчезла и кто ее похитил.

На эти размышления ушло несколько секунд, потом я схватил шляпу и помчался вниз, где меня ожидал мой провожатый.

Китаец был на удивление рослым. Лицо абсолютно бесстрастное, одежда опрятная, но сильно поношенная. Увидев меня, он поклонился и спросил со специфической певучей интонацией:

— Капитан Гастингс?

— Да.

— Давайте мне, пожалуйста, записку.

Предвидя эту просьбу, я вытащил из кармана записку и молча отдал ее китайцу. Но это было еще не все.

— Вы сегодня получал телеграмми. Тёлько-тёлько. Из Южной Америки, так?

Я вспомнил, как хорошо у них налажена разведка. Или это был заранее рассчитанный ход? Бронсен был вынужден дать мне телеграмму, а они спокойно ждали момента, когда она будет мне доставлена.

Отпираться было бессмысленно.

— Да,— ответил я.— Я получил телеграмму.

— Несите ее. Скоро-скоро.

Я с яростью стиснул зубы, но что мне оставалось делать? Я снова поднялся наверх. Могу ли я довериться миссис Пирсон? Сообщить ей хотя бы о том, что пропала моя жена? Она стояла на лестнице, но неподалеку стояла та девчонка горничная, и я прикусил язык. Если ей было поручено следить за мной, то одно мое слово могло погубить Синдереллу. И я прошел в свою комнату, так ничего и не сказав миссис Пирсон.

Я взял телеграмму и обреченно побрел к двери, но тут мне в голову пришла великолепная идея. Надо оставить какой-нибудь знак! Который враги мои попросту не заметят, а Пуаро сразу все поймет.

Я подошел к книжной полке, взял четыре книги и бросил их на пол. Пуаро, с его любовью к порядку, их наверняка заметит, тем более что сегодня он прочел мне целую

лекцию на эту тему. Затем я бросил в камин полный совок угля, но четыре куска вроде бы обронил с краю каминной решетки. Я сделал все, что мог,— оставалось надеяться, что Пуаро обратит внимание на сигнал.

Я поспешил вниз. Китаец прочел телеграмму, сунул ее в карман и кивком головы приказал следовать за ним.

Путь наш оказался очень долгим. Сначала мы ехали на автобусе, затем на трамвае, все время в сторону востока. Затем шли мимо каких-то странных строений, о существовании которых я никогда и не подозревал. Когда же мы подошли к докам, я сразу понял, что попал в самый центр Китайского квартала.

Мне стало не по себе. А мой проводник то и дело сворачивал в какие-то переулки, пересекал улицы, пока наконец не остановился перед невзрачным обветшалым домом. Он постучал в дверь четыре раза.

Ему тотчас открыли — человек, впустивший нас, тоже был китайцем. Стук захлопнувшейся двери прозвучал погребальным звоном моим последним надеждам. Я был в руках врагов.

Дальше меня повел уже второй китаец. Сначала куда-то наверх, потом вниз по шатким ступенькам, затем через подвал, заваленный какими-то тюками и заставленный бочками, от которых шел запах экзотических восточных пряностей. Всюду царил зловещая таинственная атмосфера — атмосфера таинственного и непостижимого для европейцев Востока.

Неожиданно мой провожатый остановился, отбросил в сторону два стоявших на земле тюка, и я увидел в стене какой-то ход. Китаец знаком показал мне, что я должен идти туда. Ход был длинный и низкий, так что мне приходилось сильно пригибаться. Наконец проход стал шире и выше, и мы оказались в другом подвале. Китаец подошел к стене, постучал четыре раза, и часть стены отделилась, освободив узкий проход. Я протиснулся через него и очутился... в каком-то роскошном дворце из «Тысячи и одной ночи»¹. Длинная комната с низким потолком была сплошь задрапирована шелками, нарядно мерцавшими в ярком свете ламп. Пахло благовониями и восточными пряностями. Вдоль стен стояло пять или шесть обитых китайским шелком кушеток, а на полу лежало несколько ковров

¹ «Тысяча и одна ночь» — сборник сказок, памятник средневековой арабской литературы

работы китайских мастеров. В конце комнаты виднелась ниша, скрытая занавесками. Оттуда раздался мужской голос:

— Вы привели нашего дорогого гостя?

— Да, ваша милость, он здесь.

— Пусть подойдет.

Чья-то невидимая рука раздвинула занавес, и я увидел высокого, худого, одетого в широкие восточные одежды азиата, по всей видимости китайца, восседавшего на высокой тахте с огромными подушками. Судя по длинным ногтям и величественной осанке, китаец был знатного происхождения.

— Садитесь, прошу вас, капитан Гастингс,— сказал он, указав на одну из кушеток.— Очень рад, что вы сразу же откликнулись на мою просьбу прийти сюда.

— Кто вы? — хрипло спросил я.— Ли Чан-йен?

— Конечно нет. Я один из его верноподданных слуг. Я только выполняю его приказы... так же, как остальные его помощники... ну, например, в Южной Америке.

Я вскочил и невольно подался вперед.

— Где она? Что вы сделали с ней?

— Она в совершенно безопасном месте, там ее никто не найдет. Пока она цела и невредима. Вы заметили, я сказал «пока»? — И он рассмеялся дьявольским смехом.

Я содрогнулся от ужаса.

— Что вы хотите? — закричал я.— Деньги?

— Дорогой капитан. Уверяю вас, мы не собираемся покушаться на ваши скромные сбережения. Как вы могли такое подумать? Ваш коллега никогда не заподозрил бы нас в столь глупых намерениях.

— Вы хотели, чтобы я к вам пришел. Я выполнил вашу просьбу. Делайте со мной что хотите, но ее отпустите. Она ничего не знает. Вы схватили ее, чтобы заставить меня явиться сюда, и вот я здесь.

Китаец улыбался, наблюдая за мной своими похожими на щелочки глазами.

— Вы неправильно нас поняли,— наконец соизволил пояснить он.— Наша цель — не вы. С вашей помощью мы надеемся поймать вашего друга, мосье Эркую Пуаро.

— Боюсь, вам не удастся это сделать,— сказал я, рассмеявшись ему прямо в лицо.

— Я предлагаю следующее,— продолжал он, не обращая внимания на мой смех.— Вы напишете мосье Пуаро

письмо — такое, которое заставит его бросить все дела и поторопиться сюда.

— Я не сделаю этого.

— Последствия отказа могут быть совершенно для вас неприемлемыми.

— Плевать я хотел на последствия.

— Вас устроит встреча со смертью?

Я снова содрогнулся от ужаса, но нашел в себе силы не отвести взгляда.

— Можете придержать свои угрозы для трусливых китайцев.

— Это не просто угрозы, капитан. Я вас спрашиваю еще раз: напишете вы письмо или нет?

— Нет, нет и еще раз нет. Можете делать со мной что хотите. Убить меня вы вряд ли решитесь: полиция уже идет по вашим следам.

Мой собеседник хлопнул в ладоши. Как из-под земли появились два китайца, схватили меня под руки. Хозяин сказал им что-то на своем языке, и они потащили меня через всю комнату в угол. Один из них неожиданно остановился и открыл люк в полу. Если бы второй не держал меня крепко за руку, я бы тут же туда свалился. Люк чернел своим мрачным зевом, а снизу доносился шум воды.

— Это река,— небрежно пояснил мой собеседник с другого конца комнаты.— Подумайте, капитан. Если вы снова откажетесь, вы канете в Лету, а над вашей головой сомкнутся черные воды. Последний раз спрашиваю: напишете?

Я не герой, я вполне обыкновенный человек. Должен признаться, что напуган я был до смерти. Этот чертов китаец явно не шутит, а значит, прощай жизнь... Но я пересилил себя и закричал:

— Нет, нет, нет! Идите к дьяволу, не буду я ничего писать! — но голос мой предательски дрожал.

Затем, подготовившись к смерти, я инстинктивно закрыл глаза и начал читать молитву.

Глава 13

Мышь попадает в ловушку

Не так уж часто человеку приходится размышлять о жизни, стоя на пороге вечности, но когда я прошептал молитву, то полагал, что это будут мои последние слова на этой грешной земле. Я настроился на встречу с холод-

ной черной бездной и уже заранее начал ощущать ужас уготованного мне падения в яму.

Но вместо этого я неожиданно услышал гомерический хохот и открыл глаза. По сигналу хозяина меня оттащили от люка и усадили на прежнее место напротив него.

— Вы храбрый человек, капитан Гастингс,— сказал он — Мы на Востоке ценим храбрость. Должен признаться, что другого я от вас и не ожидал, поэтому я продумал второй акт нашего маленького спектакля. Сами вы выдержали испытание смертью, но выдержите ли вы, когда с ней встретится кто-то другой?

— Что вы имеете в виду? — хрипло спросил я, холодея от недоброго предчувствия.

— Вы забыли о даме, которая находится у нас. Прекраснейшая из роз.

Я смотрел на него, не решаясь домыслить то, на что он намекал...

— Я думаю, капитан, что вам лучше написать письмо вашему другу. А вот бланк телеграммы, которую необходимо отправить, чтобы вашу жену освободили. Сами видите: от вашего согласия зависит жизнь вашей жены.

Мой лоб покрылся холодной испариной, а мой мучитель, улыбаясь, продолжал:

— Вот ручка, капитан. Вам нужно только написать письмо. Если нет...

— Если нет? — тупо повторил я.

— Если нет, то ваша возлюбленная умрет, причем в муках. Мой хозяин, Ли Чан-йен, в часы досуга изобретает совершенно новые и оригинальные способы пыток.

— Боже мой! — взревел я.— Вы не посмеете! Негодяи!

— Вы хотите, чтобы я на вас испытал одно из его новшеств? — спросил меня мой мучитель и стал подробно рассказывать об изобретениях своего шефа. Я в ужасе схватился за голову.

— Вижу-вижу, что не хотите. Тогда берите ручку и пишите.

— Вы не посмеете...

— Не говорите того, чему сами не верите, капитан. Пишите.

— И если я напишу?..

— Ваша жена будет освобождена. Телеграмма будет отправлена немедленно.

— Как я узнаю, что вы меня не обманули?

— Клянусь священной могилой моих предков. И потом, судите сами. Зачем нам мучить эту прекрасную женщину? Ведь свою задачу она выполнила.

— А что будет с Пуаро?

— Мы будем держать его, пока не выполним все, что нам нужно, а затем выпустим его на свободу.

— И вы можете поклясться, что отпустите его?

— Один раз я уже поклялся. Этого достаточно.

Мое сердце заныло. Предать друга? Я все еще колебался, но тут перед моими глазами, точно ночной кошмар, предстала ужасная картина: Синдерелла, моя Золушка, в лапах этих китайских изуверов — ее пытаются...

Я чуть не застонал и схватил ручку. Может быть, в письме я как-нибудь сумею предупредить Пуаро, помогу ему избежать ловушки. Это была моя последняя надежда.

Но ей не суждено было сбыться. Китаец встал и подчеркнул вежливым тоном сказал:

— Позвольте мне продиктовать вам текст, капитан.

Он взял листок бумаги, лежавший перед ним, и начал читать:

«Дорогой Пуаро Я напал на след Большой Четверки. Ко мне сегодня пришел какой-то китаец и принес фальшивую телеграмму. К счастью, я не клюнул на эту удочку и сделал вид, что поверил ему. Когда он ушел, я стал следить за ним и, насколько могу судить, довольно умело (он меня не заметил). Посылаю эту записку с парнишкой. Дайте ему полкроны. Я ему обещал, если он сумеет доставить ее вам. Я слежу за домом, куда вошел китаец. Жду вас до шести. Если не придете, я сам попытаюсь проникнуть в дом. Случай настолько подходящий, что я не хочу его упускать, а вы можете не успеть. Если мальчик застанет вас дома, попросите его проводить вас. Спрячьте только ваши знаменитые усы, иначе вас могут узнать Постарайтесь прийти вовремя.

Ваши А.Г.»

Каждое слово, каждая фраза, написанная в письме, приводила меня в отчаяние. Письмо было чертовски умно составлено. Я пораился, как хорошо враги изучили нашу жизнь. Если бы я сам сочинял подобное письмо, я написал бы именно в таком стиле. Упоминание о китайце и о якобы фальшивой телеграмме сводило на нет смысл моего «знака»: четыре книги, сброшенные на пол, и угли. Более того: это подтвердит, что я действительно отправился вы-

слеживать китайца и, не успев написать записку, проинформировал его столь странным образом. Пуаро конечно же решит, что телеграмма — это ловушка и что я могу попасться! Главное в этой затее было время. Пуаро, получив записку, тут же попросит мальчишку проводить его, а мое решение пробраться в дом заставит его поторопиться. Он ведь всегда был невысокого мнения о моих способностях. Он будет совершенно уверен, что я бросился в погоню, как всегда ничего толком не обдумав, и примчится ко мне, чтобы взять инициативу в свои руки...

Но изменить я уже ничего не мог и покорно написал то, что мне было приказано. Внимательно прочитав письмо, китаец одобрительно кивнул головой и передал его одному из слуг, который сразу же исчез за одной из висевших на стене драпировок, — видимо, там был тайный выход.

Затем мой мучитель взял бланк телеграммы и, черкнув на нем несколько слов, протянул мне.

Я прочитал:

«ОСВОБОДИТЕ ПТИЧКУ И НЕ ПОМНИТЕ ЕЙ ПЕРЫШКИ»

Я с облегчением вздохнул и сказал:

— Вы должны отправить ее немедленно.

Он, ехидно улыбнувшись, покачал головой.

— Только когда мосье Эркюль Пуаро будет в моих руках. Только тогда.

— Но вы обещали...

— Если мой замысел провалится, мне снова понадобится ваша жена — чтобы убедить вас помочь нам еще раз.

Я побледнел от гнева.

— Боже мой! Если вы...

Китаец махнул узкой желтоватой ладонью:

— Успокойтесь. Я не думаю, что Пуаро догадается о нашем обмане. Как только он будет здесь, я выполню свое обещание.

— А если вы его опять нарушите?

— Я поклялся могилой предков. Не волнуйтесь. Лучше пока отдохните. Мои слуги выполняют любое ваше желание. — И он вышел, оставив меня в этом странном подземном царстве.

Появился второй слуга-китаец. Он принес питье и еду, но я отказался. У меня было тяжело на душе.

Неожиданно возвратился хозяин, он действительно был довольно рослым. Но, возможно, эту статью и величавость

ему придавал шелковый балахон. Он снова отдал приказания на своем языке, и меня опять повели через длинный коридор и подвал в тот дом, куда меня привели вначале. Окна были закрыты ставнями, но сквозь щели было хорошо видно, что происходит на улице. Расположились мы на первом этаже. Какой-то старик в лохмотьях медленно брел по улице, но когда он дошел до угла и подал какой-то знак, я понял, что это член их шайки.

— Все идет по плану,— одобрительно произнес хозяин.— Эркюль Пуаро попался в ловушку. Он приближается. С ним только мальчик-проводник. А сейчас, капитан Гастингс, вам придется сыграть еще одну роль. Пока вы не подадите ему знак, он сюда не войдет. Как только он поравняется с домом, вы выйдете на крыльцо и подадите знак, что можно входить.

— Никогда! — возмущенно выпалил я.

— Помните, что поставлено на карту, и играйте свою роль до конца. Если Пуаро что-либо заподозрит и не войдет в дом, ваша жена умрет — причем мучительной смертью. Ага! А вот и он.

С бьющимся сердцем, которое обливалось кровью из-за того, что мой друг вот-вот окажется в лапах этих мерзавцев, я глянул в щель. В фигуре, медленно приближавшейся к дому, я сразу же узнал Пуаро, хотя воротник его пальто был поднят, а нижняя часть лица была замотана большим шарфом. Но эта походка, манера держаться, эта чуть склоненная набок яйцевидная голова могли принадлежать только ему.

Это был Пуаро, отчаянно спешивший на помощь и не подозревавший ни о каком подвохе. Рядом с ним несли вприпрыжку какой-то чумазый оборванец.

Пуаро остановился, разглядывая дом, в то время как мальчик что-то ему говорил, показывая на вход. Настала моя очередь действовать.

Я вошел в холл. По знаку хозяина слуга-китаец отодвинул засов.

— Помните, что поставлено на карту,— напомнил мне хозяин.

Я вышел на крыльцо и окликнул Пуаро. Тот поспешил мне навстречу.

— Ага! С вами все в порядке? А я так волновался. Вам удалось попасть внутрь? Дом, конечно, пуст, а? — обратился ко мне Пуаро каким-то придушенным голосом.

— Да,— ответил я, стараясь говорить нормальным голосом.— Где-то, наверное, есть потайной ход. Входите, и мы поищем вместе.

Я повернулся и пошел назад в дом. Ничего не подозревавший Пуаро последовал за мной.

И вдруг меня как будто стукнули по голове. Я вдруг ощутил всю низость своего поступка... Я был самым настоящим Иудой.

— Назад, Пуаро! — закричал я.— Спасайтесь. Это ловушка. Скорее убегайте.

И тут чьи-то сильные руки схватили меня. Слуга-китаец вцепился в Пуаро.

Я увидел, как Пуаро отпрянул назад, поднял правую руку, и... неожиданно раздался сильный взрыв... странный дым начал окутывать меня, я стал задыхаться...

Земля поплыла у меня из-под ног, и я почувствовал, что умираю.

Я приходил в себя очень долго, голова сильно болела, все мышцы онемели. Сначала я увидел лицо Пуаро. Он сидел напротив и с тревогой смотрел на меня. Увидев, что я тоже смотрю на него, он даже вскочил от радости.

— Наконец-то вы пришли в себя, мой дорогой друг. Наконец-то. Как я рад.

— Где я? — спросил я, морщась от боли.

— Где? Посмотрите вокруг.

Я осмотрелся и увидел знакомую обстановку, камин и четыре куска угля на каминной решетке.

Пуаро проследил за моим взглядом.

— Да, мой друг, это была великолепная идея — эти четыре куска угля и четыре книги. Если бы кто-нибудь спросил меня, способен ли мой друг, капитан Гастингс, придумать что-нибудь стоящее, я бы ответил, что иногда ему в голову приходят великолепные идеи.

— Вы поняли, что я хотел сказать?

— Разве я похож на глупца? Конечно же я все понял и разработал соответствующий план. Мне было ясно, что Большая Четверка нашла способ выманить вас из дома. С какой целью? Они вас боялись и хотели от вас избавиться? Ничего подобного. Они хотели использовать вас как приманку, чтобы схватить самого Эркюля Пуаро, единственного, кого они боятся. И я приготовился достойно им отве-

тить. Я набрался терпения и принялся ждать. Наконец их курьер — ничего не подозревавший лондонский оборванец — явился. Я покорно проглотил наживку и поспешил вам на выручку. К счастью, они позволили вам выйти на крыльцо. Я очень боялся, что мне придется сначала разделаться с ними, а потом искать вас, даже не зная, живы ли вы...

— Вы сказали «разделаться с ними»? — слабым голосом переспросил я. — В одиночку?

— В этом не было ничего сложного. «Будь готов к любым испытаниям» — таков, кажется, девиз ваших бойскаутов¹. Вот я и приготовился. Не так давно я оказал маленькую услугу одному знаменитому химику, который участвовал в разработке отравляющих газов. По моей просьбе он приготовил мне бомбочку, маленькую, простенькую бомбочку, которую нужно только бросить, и все: взрыв, клубы дыма, и в радиусе нескольких десятков метров — все в бессознательном состоянии. Когда явился этот чумазый сорванец, я тут же тихонько свистнул — предупредил людей Джеппа — они давно уже были наготове. Они совершенно незаметно сопровождали меня до самого логова, подстраховывая на случай различных неожиданностей. Они же и доставили вас сюда, в нашу квартиру.

— Но как вам удалось не потерять сознание?

— Я, можно сказать, воспользовался случаем. Наш друг Номер Четвертый (это же он так гениально составил письмо) позволил себе посмеяться над моими усами, что мне, в свою очередь, позволило надеть респиратор, который я прикрыл толстым желтым шарфом.

— Синдерелла! — вдруг воскликнул я, с ужасом вспомнив о том, что жена моя все еще во власти наших врагов. — Что с ней? — И со стоном опять потерял сознание.

Когда минуты через две я снова пришел в себя, то увидел встревоженного Пуаро, пытающегося влить мне в рот немного бренди.

— Что с вами, mon ami? Что вас так встревожило?

Я рассказал Пуаро обо всем, что со мной случилось. И будто снова ощутил весь ужас моих злоключений в подземелье.

¹ Бойскауты — члены добровольной ассоциации подростков, проповедующей здоровый образ жизни, христианские ценности, патриотизм. Была создана в 1908 году.

— Боже мой! — воскликнул Пуаро. — Боже мой, что вам пришлось пережить! А я ничего не знал. Но успокойтесь, друг мой. Теперь все будет хорошо.

— Вы ее найдете? Но она ведь в Южной Америке, и, пока вы будете ее разыскивать, она может умереть. Умереть от чудовищных пыток!

— Нет-нет, мой друг. Вы меня не поняли. Она в полной безопасности. Ее никто не похищал!

— Но я получил телеграмму от Бронсена!

— Но Бронсен ее не посылал — в этом-то весь фокус. Вам не приходило в голову, что такой мощной организации, имеющей агентов во всех странах мира, ничего не стоило нанести нам столь коварный удар: похитить малышку Синдереллу, которую вы так любите.

— Нет, не приходило! — ощутив запоздалое раскаянье, ответил я.

— А я это предвидел. Вас я не хотел расстраивать. А потому ничего не сказал, но на всякий случай принял меры предосторожности. Все письма вашей жены отправлены якобы с вашего ранчо, но в действительности ваша жена уже три месяца надежно спрятана в одном тихом местечке.

Я посмотрел на него с недоверием:

— Это правда?

— Боже мой! Конечно правда. Они шантажировали вас, беззащитно обманывая.

Я отвернулся, опасаясь не совладать со своими эмоциями. Пуаро положил мне руку на плечо.

— Хотите вы этого или нет, — в его голосе было нечто такое, чего я раньше никогда не слышал, — но позвольте мне вас обнять. Я знаю, у вас, англичан, это не очень принято... И еще я вам скажу: в этом деле вы проявили себя достойно, и я счастлив, что у меня есть такой надежный друг.

Глава 14

Крашенная блондинка

Результаты газовой атаки Пуаро в Китайском квартале меня разочаровали. Мой мучитель успел скрыться. Когда люди Джеппа прибежали к месту взрыва, то обнаружили в холле только четверых китайцев, находившихся в бессознательном состоянии. Но того, кто мне угрожал, среди них

не было. Позже я вспомнил, что, когда меня вынудили выйти на крыльцо, сам мой мучитель оставался внутри, так что, когда газовая бомба взорвалась, он оказался вне зоны ее действия. Ему ничего не стоило тут же выбраться из дома через один из множества, обнаруженных нами позже, запасных выходов.

От четверых китайцев, попавших в наши руки, мы ничего не узнали. Полиция провела тщательное расследование, но ни единого факта, подтверждающего их связь с Большой Четверкой, так и не было обнаружено. Это были обычные безработные, которые даже имени Ли Чан-йена никогда не слыхали. Они показали, что какой-то богатый китаец нанял их для обслуживания. А чем этот человек занимается и кто он, они не знали.

На следующий день я уже почти оправился от газовой атаки. Только голова еще немного побаливала. Мы с Пуаро отправились в Китайский квартал и провели собственное тщательное обследование дома, в котором меня держали. Он состоял из двух маленьких домиков, соединенных между собой подземным переходом. Первый и второй этажи этих домиков были нежилые, в них не было никакой мебели, а разбитые окна были завешены прогнившими шторами. Джепп уже облазил все подвалы и нашел тот потайной ход в подземную комнату, где я провел неприятные полчаса. Скрупулезное расследование подтвердило, что комната, куда меня приводили, была действительно обставлена в китайском стиле, и, хотя я не слишком разбирался в искусстве, мои впечатления были верными: там были собраны уникальные образцы работы китайских мастеров, будь то обивка мебели, шторы или ковры.

С помощью Джеппа и его людей мы тщательно обыскали это подземное жилище. Я надеялся найти хоть какие-нибудь документы, например, список агентов Большой Четверки или зашифрованные записи их планов, но ничего подобного мы так и не нашли. Единственными документами, попавшими в наши руки, оказались две папки, которые им были нужны явно для того, чтобы состряпать убедительное письмо Пуаро. Это были досье на меня и на Пуаро, содержавшие подробные сведения о наших привычках, характерах, образовании, служебном положении, о наших сильных и слабых сторонах.

Пуаро по-детски обрадовался находке. Мне же она показалась абсолютно бесполезной, тем более что автор этих

изысканий сделал, по-моему, до смешного нелепые выводы. Я, конечно, не мог не высказаться на этот счет.

— Мой дорогой Пуаро,— начал я, когда мы вернулись домой,— теперь вы знаете, что наши противники думают о нас. Они, к слову сказать, преувеличивают ваши умственные способности и недооценивают мои, но я сейчас не об этом, я не представляю, что нам может дать эта не слишком точная информация.

— В самом деле, Гастингс? Но ведь теперь мы знаем, какие из наших слабостей и, естественно, достоинств, известны «Четверке», а стало быть, и то, на что они будут делать ставки в дальнейшем. То есть мы сможем лучше подготовиться к их следующей атаке. Например, вам, мой друг, нужно научиться сначала думать, а потом действовать. И еще! Если вы снова встретите какую-нибудь рыжеволосую красотку и она будет умолять вас помочь ей, не теряйте головы.

Пуаро явно намекал на то, что среди прочих характеристик в моем досье указывалось, что я по натуре человек невыдержанный и, кроме того, весьма равнодушен к молодым женщинам, волосы которых более или менее отдают в рыжину. Глубоко оскорбленный, я чуть было не вспылил, но вовремя вспомнил кое-что из досье самого Пуаро и решил отплатить ему той же монетой.

— Ну а вы? — ласковым голосом начал я.— Что вы собираетесь делать со своим «чрезмерным тщеславием» и «почти болезненной любовью к порядку»? — и увидел, как Пуаро несколько помрачнел.

— Вы правы, Гастингс, наши враги кое в чем переборщили — *tant mieux*¹. Но скоро они и сами это поймут и горько пожалеют. Ну а наше дело — учесть прежние промахи, теперь мы знаем, где действовали неверно. Помните поговорку: «Знать — значит, быть к этому готовым»?

В последние дни Пуаро так часто повторял эту поговорку, что я просто не мог больше ее слышать.

— Да, Гастингс,— продолжал Пуаро,— кое-что мы узнали, но этого, естественно, недостаточно. Мы должны узнать больше.

— Каким же образом?

Пуаро уселся поудобнее в своем кресле, аккуратно положил на край стола брошенный мной коробок спичек, и я понял, что далее последует весьма длинный монолог.

¹ Тем лучше (*фр.*).

— Дело в том, Гастингс, что мы имеем дело с четырьмя совершенно разными по характеру и по статусу людьми. Номер Один — мы о нем знаем только понаслышке. Но сейчас я уже хорошо понимаю особенности его мышления, по-восточному изощренного. Все эти хитроумные трюки, с которыми нам все время приходится сталкиваться,— плод фантазии Ли Чан-йена, это очевидно. Номер Два и Номер Три настолько могущественны и влиятельны, что мы пока ничего не можем с ними сделать. Тем не менее то, что обеспечивает их безопасность, обеспечивает и нашу безопасность тоже. А именно: они настолько у всех на виду, что не могут позволить себе опрометчивых действий. И наконец, мы подошли к последнему члену этой шайки — к Номеру Четыре.

В голосе Пуаро всегда сквозило невольное восхищение, когда речь заходила об этом человеке.

— Номер Два и Номер Три,— продолжал он,— добились успеха во многом благодаря своим талантам и высокому положению в обществе. А Номер Четыре добивается своей цели, пребывая в полной неизвестности. Кто он? Никто не знает. Как он выглядит? Этого тоже никто не знает. Сколько раз мы с вами с ним встречались? Уже пять раз, не так ли? А вы уверены, что при следующей встрече мы наконец-то выведем его на чистую воду?

Я вынужден был покачать головой, так как в эту минуту мысленно представил себе еще раз тех пятерых людей, с которыми меня столкнула судьба. Люди были совершенно разные, но сыграл их один и тот же человек. Привратника из психолечебницы, мужчину в застегнутом до самого подбородка плаще, лакея Эйба Райленда, врача в деле «о желтом жасмине» и, наконец, великого грессмейстера. Никакого сходства друг с другом.

— Не сможем,— согласился я — Похоже, мы зашли в тупик.

— Не скажите, друг мой,— улыбнулся Пуаро.— Не стоит впадать в отчаяние. Кое-что о его внешности мы все-таки знаем.

— Что же именно?

— Мы знаем, что он среднего роста и у него светлые волосы. Если бы он был высокий, смуглый брюнет, то не смог бы изобразить белокурого приземистого доктора. Что же касается лакея Джеймса и шахматного грессмейстера, то их смог бы сыграть даже ребенок. У него наверняка

короткий прямой нос. Такой нос легко изменить с помощью грима. И еще ему не более тридцати пяти лет. Так что, мой друг,— подвел итоги Пуаро,— кое-что мы о нем знаем: светловолосый мужчина лет тридцати—тридцати пяти, отлично умеющий пользоваться гримом, у которого в арсенале целый набор искусственных зубов или челюстей.

— Что? — удивился я.— Как это?

— Да, Гастингс, думаю, это так. У привратника были выщербленные желтые зубы, у молодого человека в Париже — белые и ровные, у доктора зубы чуть выдавались вперед, а у Саваронова были огромные клыки. Ничто так не меняет лицо, как прикус. Теперь вы поняли, что я имею в виду?

— Не очень,— осторожно ответил я.

— Говорят, что профессия человека написана на его лице.

— На его лице написано, что он преступник,— возмутился я.

— Но нельзя отрицать, что он весьма искусный гример.

— Какая разница ..

— Не скажите, Гастингс, вы судите слишком прямолинейно, в театральном мире вас бы не поняли. Разве вы до сих пор не догадались, что наш Номер Четыре в прошлом актер?

— Актер?

— Конечно. Он виртуозно владеет актерской техникой. Однако есть два типа актеров. Первые перевоплощаются в человека, которого играют, а вторые, в сущности, играют самих себя. Из них потом выходят разве что директора театра. Эти бездарности выклянчат себе роль у режиссера, а потом подгоняют ее под себя. А истинным актерам остается изображать мистера Ллойда Джорджа¹ в различных концертах либо всяких нелепых старичков — в труппах с постоянным репертуаром. Мне кажется, что наш Номер Четыре из когорты настоящих. Он истинный артист, наделенный даром перевоплощения.

— Насколько я понял,— сообразил я,— вы хотите установить его личность, связавшись с театральным миром.

— Вы, как всегда, невероятно догадливы, Гастингс

¹ Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945) — премьер-министр Великобритании в 1916—1922 годах, лидер либеральной партии

— Было бы очень неплохо,— холодно заметил я,— если бы эта идея осенила вас пораньше. Мы бы не потеряли так много времени.

— Вы ошибаетесь, *mon ami* Мы потеряли минимум времени. Вот уже несколько месяцев мои агенты занимаются этой проблемой. Они составили для меня список всех актеров с неброской внешностью в возрасте от тридцати до тридцати пяти лет, умеющих играть характерные роли и покинувших театр года два-три назад.

— Ну и что же? — заинтригованно спросил я

— Список получился довольно длинным, и до настоящего момента мы были заняты проверкой. В конечном счете в нем осталось четыре человека.

Пуаро протянул мне лист бумаги. Я прочитал вслух:

«Эрнест Латтрел. Сын приходского священника. Всегда отличался склонностью к аморальным поступкам. Был исключен из школы. Пришел на сцену в двадцать три года. (Далее следовал список ролей, которые он сыграл, даты гастролей и города.) Употребляет наркотики. Четыре года назад уехал, предположительно в Австралию. После отъезда из Англии след затерялся. Сейчас ему тридцать два года, рост пять футов десять с половиной дюймов¹, кожа белая, светлый шатен, нос прямой, глаза серые.

Джон Сейнтмор. Сценический псевдоним Настоящее имя неизвестно. Предполагается, что он кокни², уроженец восточной части Лондона. На сцене с детского возраста. Много выступал в мюзик-холлах. За последние три года сведений о нем нет. Возраст — тридцать три года, рост пять футов десять дюймов, худощавый, белокурый, голубые глаза.

Остен Ли. Фамилия вымышленная. Настоящая фамилия Фоули. Из хорошей семьи. Всегда был артистичной натурой, показал себя неплохим актером в студенческом театре во время учебы в Оксфорде³. Хороший послужной список во время войны. Играл (далее следовал список ролей, которые он сыграл). Увлекался криминологией. Три с половиной

¹ Соответствует примерно 179 см фут — мера длины, равная 30,5 см, дюйм — 2,54 см.

² Кокни — представитель лондонских низов, говоривших на особом наречии, характерном для коренных лондонцев

³ Оксфорд — один из старейших и крупнейших в Великобритании университетов Основан в XIII веке

года назад в результате автомобильной катастрофы перенес нервное потрясение и с тех пор на сцене больше не выступает. Теперешнее местопребывание неизвестно. Тридцать пять лет, рост пять футов девять с половиной дюймов, кожа белая, светлый шатен, глаза голубые.

Клод Даррел. Предполагается, что это его настоящее имя. Происхождение неизвестно. Играл в мюзик-холлах и в репертуарных театрах¹. Близких друзей не имел. В девятнадцатом году находился в Китае. По возвращении в Америку сыграл несколько ролей в Нью-Йорке. Однажды ночью исчез и с тех пор о нем ничего не слышно. По мнению американской полиции, никаких причин скрываться у него не было. Около тридцати трех лет, волосы русые, кожа белая, глаза серые. Рост пять футов десять с половиной дюймов».

— Очень интересно, — сказал я, прочитав бумагу до конца. — И на это ушло несколько месяцев? Всего четыре фамилии. И кого же вы подозреваете?

Пуаро сделал неопределенный жест.

— Пока мне судить трудно. Конечно, нельзя упускать из виду, что Клод Даррел побывал и в Китае, и в Америке. Этот факт мы не можем сбрасывать со счетов, но тем не менее этого недостаточно, чтобы подозревать именно его. Не исключено чисто случайное совпадение.

— И что же мы предпримем дальше? — нетерпеливо спросил я.

— Все идет своим чередом. Каждый день в газетах будут появляться объявления, в которых родственников и друзей этих актеров попросят связаться с моим адвокатом. Даже сегодня нам уже могут... Ага, кто-то звонит. Скорее всего, кто-то ошибся номером и будет долго извиняться, но — как знать...

Я подошел к телефону, стоявшему на столике в углу, и взял трубку.

— Да-да, это квартира мосье Пуаро. Да, я капитан Гастингс. А... это вы, мистер Макнейл (Макнейл и Ходсон были адвокатами Пуаро). Да, конечно. Выезжаем немедленно.

Положив трубку, я повернулся к Пуаро и ликующим голосом сообщил:

— Послушайте, Пуаро. Там к нему пришла приятель-

¹ Имеются в виду театры с постоянным репертуаром.

ница Клода Даррела. Некая мисс Флосси Монро. Макнейл просит вас приехать.

— Едем! — воскликнул Пуаро, исчезая в своей спальне и вынырнув оттуда через минуту со шляпой в руке.

Поймав такси, мы уже через полчаса входили в кабинет адвоката. В глубоком кресле напротив Макнейла сидела уже не первой молодости женщина в несколько потрепанной одежде. Ее волосы были неестественно светлыми, мелкие кудряшки закрывали уши, глаза были грубо подведены. Но она явно забыла подрумяниться и покрасить губы.

— А вот и мосье Пуаро, — приветствовал его Макнейл. — Мосье Пуаро, это мисс Монро, которая любезно согласилась ответить на ваши вопросы.

— О, мисс, я тронут вашим великодушием! — воскликнул Пуаро.

Он подошел к женщине и галантно поцеловал ей руку.

— Мадемуазель, в этой темной душной комнате вы смотрите поистине как благоухающий цветок, — сказал он, не щадя чувств хозяина кабинета.

Комплимент возымел свое действие. Мисс Монро стала пунцовой от удовольствия.

— Что вы, что вы, мистер Пуаро, — засмущалась она. — Я знаю, что вы, французы, любите преувеличивать.

— Мадемуазель, французы, в отличие от англичан, действительно очень восприимчивы ко всему прекрасно-му. Но я не француз, мадемуазель, я бельгиец.

— Я сама родилась в Остенде¹, — сказала мисс Монро.

Далее все, по излюбленному выражению Пуаро, пошло как по маслу.

— И вы можете рассказать нам что-нибудь о Клоде Дарреле? — продолжал Пуаро.

— Одно время я знала его очень хорошо, — начала мисс Монро. — И когда в магазине случайно увидела ваше объявление (а сейчас у меня много свободного времени, и я хожу по магазинам), я сказала себе: кто-то поручил своему адвокату отыскать бедного Клода. Возможно, его ждет наследство. Надо ему помочь. И я поспешила сюда.

Макнейл поднялся с кресла.

— Я оставлю вас на некоторое время, чтобы не мешать вашей беседе.

— Вы очень любезны, дорогой Макнейл, но я бы не

¹ Остенде — морской курорт на северо-западе Бельгии.

хотел злоупотреблять вашим добрым отношением. У меня появилась идея. Приближается час ленча. Может быть, мадемуазель согласится составить мне компанию?

Глаза Флосси заблестели, и я понял, что сейчас она в трудном финансовом положении и бесплатный ленч — это как раз то, что ей нужно.

Мы взяли такси и направились в один из самых дорогих ресторанов Лондона. Пуаро заказал роскошные блюда и повернулся к нашей гостье:

— А как насчет вина, мадемуазель? Вы не против шампанского?

Мисс Монро лишь смущенно потупила взор, что явно означало согласие.

Обстановка за столом была непринужденной. Пуаро то и дело подливал даме вина, намереваясь приступить к главной теме.

— Бедный Даррел,— начал он.— Как жаль, что его нет с нами.

— Да, конечно,— подхватила мисс Монро.— Бедный мальчик! Интересно, что с ним стало.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Очень давно, еще во время войны. Он был забавным парнем, никогда ничего о себе не рассказывал, такой скрытный... Это естественно, ведь, оказывается, он чей-то наследник. А титул он унаследует, мистер Пуаро?

— Нет, речь идет только об имуществе,— ответил не моргнув глазом Пуаро.— И тут очень важно установить личность. Поэтому нам и требуются свидетели, которые бы его хорошо знали. Вы хорошо его знали, не так ли, мадемуазель? Очень хорошо?..

— От вас я скрывать не стану, мистер Пуаро. Вы настоящий джентльмен. Вы умеете заказать даме ленч, которого она заслуживает, не то что нынешние молокососы. Жадность раньше них родилась... И вообще, вы, французы,— большие шалуны, поэтому с вами можно и пооткровенничать.— Она погрозила Пуаро пальчиком и продолжала: — Да, все так и было. Мы с Клоди были молоды и любили друг друга. Да я и сейчас вспоминаю его с нежностью. Нет, он, конечно, не ангел, нет, не ангел и обращался со мной совсем не так, как нужно обращаться с дамой. Все мужчины таковы, когда дело касается денег.

— Помилуйте, мадемуазель,— запротестовал Пуаро,— далеко не все. Вы смогли бы описать его внешность? — Он подлил в ее бокал вина.

— В нем вроде бы не было ничего особенного,— сказала она мечтательно.— Не высокий, но и не маленький, в общем, в самый раз. Одевался как картинка. Глаза голубовато-серые. Волосы — скорее светлые... Но какой актер! Как умел перевоплощаться! Другие ему и в подметки не годились. Да, он достиг бы больших высот, если бы не зависть окружающих. Вы не поверите, мистер Пуаро, как мы, актеры, страдаем из-за этого. Я помню, как однажды в Манчестере...¹

Мы мужественно выслушали длинную, запутанную историю о бесчестном поведении ведущего актера, который не мог простить успеха, выпавшего на долю его партнерши. Пуаро мягко напомнил ей о Клоде Дарреле:

— Все, что вы рассказали нам о вашем друге, мадемуазель, очень интересно. Вы, женщины, очень наблюдательны и замечаете такие детали, на которые мужчины никогда не обратят внимания. Я присутствовал при том, как одна дама опознала мужчину среди дюжины других мужчин, и как, вы думаете, ей это удалось? Она подметила, что, когда он волновался, сразу начинал потирать нос. Разве мужчина смог бы запомнить такую маленькую деталь?

— Да никогда! — воскликнула мисс Монро.— Мы, женщины, действительно очень наблюдательны. Я вспомнила, что у Клода была одна забавная привычка: за столом он машинально начинал катать пальцами хлебный мякиш, чтобы собрать со стола все крошки. По этой примете я бы всегда узнала его.

— А что я говорил! — воскликнул Пуаро.— Только такая утонченная женщина могла на это обратить внимание. А вы ему когда-нибудь говорили насчет этой странной привычки?

— Что вы, нет, конечно. Вы же знаете, какие мужчины гордецы. Они терпеть не могут, когда за ними замечают какие-то не слишком красящие их привычки. Нет, ему я об этом не сказала ни слова. Только посмеивалась про себя: катает человек шарик туда-сюда, а ему самому это и невдомек. Правда, смешно?

Пуаро молча кивнул и взял свой бокал — рука его чуть дрожала.

¹ Манчестер — крупный промышленный центр на северо-западном побережье Англии в графстве Ланкашир.

— При установлении личности иногда сравнивают почерк,— заметил Пуаро.— У вас, несомненно, сохранились какие-нибудь письма Дарелла?

Флосси Монро печально покачала головой:

— Он никогда не писал писем. Ни одного даже самого ксротенького.

— Жаль!

— Хотя постойте. Вот что.— Она вдруг встрепенулась.— У меня есть фотография.

— Фотография?..

Пуаро даже вскочил со стула.

— Правда, очень старая. Она была сделана восемь лет назад.

— Это не имеет значения. Вы позволите взглянуть на нее, мадемуазель?

— Да, конечно.

— И сделать с нее копию? Это не займет много времени.

— Как вам будет угодно.

Мисс Монро поднялась со стула.

— Мне пора идти,— сказала она.— Очень рада была с вами познакомиться, мистер Пуаро, и с вашим другом.

— А фотография? Когда я смогу получить ее?

— Сегодня же ее поищу. Кажется, я помню, куда ее положила. И сразу пришло.

— Огромное спасибо, мадемуазель. С вами так приятно было провести время. Я надеюсь, очень скоро мы сможем встретиться в такой обстановке еще раз.

— С удовольствием,— сказала мисс Монро.— Я всегда к вашим услугам.

— Кажется, у меня нет вашего адреса, мадемуазель?

Флосси Монро открыла сумочку, извлекла оттуда потрепанную визитную карточку, адрес на которой был переречеркнут и внизу карандашом вписан другой, и с поистине светской небрежностью протянула ее Пуаро.

Затем, галантно распрощавшись с дамой, мы отбыли домой.

— Вы действительно считаете, что фотография нам поможет? — спросил я.

— Конечно. Снимки не лгут. Можно его увеличить, и тогда станут видны черты, на которые обычно не обращаешь внимания. Форма ушей, например, ну как ее опишешь словами. Да, наконец-то нам повезло! А потому не мешает на всякий случай подстраховаться.

Он подошел к телефону и набрал номер частного сыскного агентства, услугами которого иногда пользовался. Его распоряжения были четкими и лаконичными: двое детективов должны будут отправиться по указанному адресу, чтобы обеспечить безопасность мисс Монро. Они должны не выпускать ее из виду и действовать по обстановке.

— Вы действительно считаете, что это необходимо? — спросил я, когда Пуаро закончил разговор.

— Вне всякого сомнения, за нами следят, и сейчас они уже наверняка знают, где, когда и с кем мы общались. И кроме того, сколько раз мы уже убеждались, насколько Номер Четвертый обладает обостренным чувством опасности.

Минут через двадцать вдруг раздался звонок. Я поднял трубку.

— Это квартира мистера Пуаро? С вами говорят из больницы Сент-Джеймс. Десять минут назад к нам поступила молодая женщина. Мисс Флосси Монро. Ее сбила машина. Она просит мистера Пуаро приехать. Но он должен выехать немедленно, она в тяжелом состоянии и долго не протянет.

Я передал Пуаро содержание разговора.

— Быстрее, Гастингс! Мы должны успеть.

Через десять минут мы уже были в больнице. Нас провели в отделение «скорой помощи», но в коридоре нас остановила сестра в высокой белой шапочке.

По ее лицу Пуаро все понял.

— Она умерла?

— Шесть минут назад.

Пуаро застыл на месте, не в силах ничего сказать.

Сестра, естественно, не ведавшая об истинной причине его переживаний, начала его успокаивать:

— Она почти не мучилась, бедняжка. Была без сознания до самого конца. Водитель, подлец, даже не остановился. Надеюсь, что кто-нибудь записал его номер.

— Звезды против нас,— вполголоса произнес Пуаро.

— Хотите взглянуть на нее? Тогда следуйте за мной.

Бедная Флосси Монро... У нее был такой безмятежный вид, а на губах застыла легкая улыбка. Обесцвеченные кудри разметались по подушке.

— Да,— прошептал Пуаро.— Звезды против нас, но... может, они тут совсем ни при чем? — Он поднял голову, как будто пораженный какой-то мыслью.— А что, если я

совершенно напрасно сетую на немилость небес, Гастингс? Но если это так... Клянусь вам, мой друг, стоя у смертного ложа этой несчастной, что я их не пощажу! Настанет час!

— В чем дело, Пуаро? — спросил я.

Пуаро повернулся к сестре и попросил показать ему список вещей потерпевшей. Просмотрев его, он воскликнул:

— Вы поняли, Гастингс, вы поняли?

— Что понял?

— В сумочке не обнаружено ключа от квартиры. А он должен был быть. Нет, Гастингс, ее сбили намеренно, хладнокровно, и первым, кто подошел к умирающей, был сам убийца. Он взял ключ из сумочки. Может быть, мы еще успеем. Ему ведь нужно время, чтобы найти то, ради чего он ее убил.

Такси доставило нас по адресу, данному нам Флосси Монро. Это было жалкое, убогое здание в пользующемся дурной славой районе Лондона. Мы не сразу разыскали квартиру мисс Монро, а когда наконец вошли внутрь, сразу поняли: кто-то уже побывал здесь до нас. Ящики шкафов и столов были выдвинуты, а их содержимое разбросано по комнате. Замки были взломаны, а маленький столик сломан и перевернут. Было видно, что этот кто-то страшно торопился, пытаясь что-то найти.

Пуаро внимательно осмотрелся. Неожиданно он наклонился и поднял какую-то вещь. Это была старомодная рамка для фотографий, но — пустая. Он медленно ее перевернул. На обратной стороне был приклеен маленький ярлычок, ценник.

— Цена четыре шиллинга ¹, — прокомментировал я.

— Гастингс, раскройте пошире глаза. Это же новый ярлык. Его налепил человек, взявший фотографию и ни минуты не сомневавшийся, что мы тоже сюда придем. Этот человек — Клод Даррел, он же Номер Четыре.

Глава 15

Катастрофа

После смерти Флосси Монро я начал замечать в Пуаро какие-то изменения. До сих пор он считал себя непобедимым. Теперь, когда Большая Четверка снова утерла ему нос,

¹ Шиллинг — монета, чеканилась до 1971 года; равнялась двенадцати пенсам, или одной двадцатой фунта стерлингов

с ним что-то произошло. Было видно, что нервы его напряжены до предела. Он был то мрачным и задумчивым, то вздрагивал от малейшего шума, как напуганная кошка. Теперь он старательно избегал разговоров о Большой Четверке и переключился на обычные рутинные дела. Но я знал, что втайне он продолжает заниматься Большой Четверкой. Время от времени его навещали какие-то славянского вида люди, и, хотя он ничего не объяснял, я понял, что с помощью этих довольно омерзительных типов он расставляет сети непобедимой «Четверке». Однажды — совершенно случайно — мне попалась на глаза его чековая книжка, и я увидел, что он заплатил кому-то — фамилия была явно русская — большую сумму, большую даже для Пуаро, который зарабатывал достаточно много.

Все свои действия Пуаро держал в секрете. Только все чаще повторял одну и ту же фразу: «Величайшая ошибка, *mon ami*, недооценивать противника». И я понял, что теперь мой друг больше всего на свете боится снова попасть в просак.

Так продолжалось до конца марта, пока однажды утром он не произнес:

— Сегодня, мой друг, вам придется надеть смокинг. Мы идем на прием к министру внутренних дел.

— Неужели? Он попросил вас расследовать какое-то дело?

— Нет. Я попросил его принять меня. Я вам как-то уже рассказывал, что однажды я оказал ему маленькую услугу. С тех пор он неоправданно большого мнения о моих способностях и питает ко мне симпатию, чем я и решил воспользоваться. Как вы знаете, — продолжал Пуаро, — сейчас в Лондоне находится премьер-министр Франции мосье Дежардо, и министр, по моей просьбе, пригласил его принять участие в нашей беседе.

Нас встретил сам министр, его светлость Сидней Краутер, фигура весьма известная в политическом мире. Это был мужчина лет пятидесяти с насмешливыми серыми глазами. Держался он всегда очень просто и дружелюбно, чем и снискал себе всеобщую симпатию.

Около камина стоял высокий худощавый мужчина с черной эспаньолкой¹. У него было очень живое, умное лицо.

¹ Эспаньолка — короткая остроконечная борода

— Мосье Дежардо,— сказал Краутер,— позвольте мне представить вам мосье Эркюля Пуаро, о котором вы, вероятно, уже слышаны.

Француз поклонился и пожал Пуаро руку.

— Кто же не слышал об Эркюле Пуаро,— сказал он.— Он всем известен.

— Вы слишком любезны, мосье,— сказал, поклонившись, Пуаро, но лицо его порозовело от удовольствия.

— А старого друга не хотите поприветствовать? — раздался тихий голос, и из угла комнаты вышел какой-то мужчина.

Это был наш старый знакомый, мистер Джон Инглес. Пуаро сердечно поздоровался с ним.

— А теперь, мосье Пуаро,— сказал Краутер,— мы в вашем распоряжении. Если я правильно понял, у вас есть очень важное сообщение для всех нас.

— Это так, мосье. Начну с того, что сейчас в мире все более активную роль играет крупная преступная организация. Ею руководят четыре человека, которые называют себя «Большой Четверкой». Правильней ее было назвать «Бандой четырех». Номер Один — китаец, некто Ли Чан-йен, Номер Два — американский мультимиллионер, Эйб Райленд, Номер Три — французенка. Номер Четыре, практически никому не известный английский актер Клод Даррел. Этот квартет вознамерился изменить существующий в мире порядок, добиться всюду полной анархии. А потом, воспользовавшись неизбежной неразберихой и паникой, захватить власть, установить личную диктатуру.

— Невероятно,— пробормотал француз.— Райленд связан с какой-то бандой? Не может быть. Это какая-то чудовищная нелепость.

— Послушайте, я расскажу вам о некоторых их проделках,— сказал Пуаро.

Он начал повествование о наших приключениях, а так как все, о чем Пуаро рассказывал, было мне знакомо в деталях, я будто заново мысленно все это пережил.

Дежардо вопросительно посмотрел на Краутера. Тот грустно усмехнулся:

— Да, господин премьер-министр, такая организация действительно существует. Сначала Скотленд-Ярд отрицал ее существование, но потом вынужден был признать правоту Пуаро. Мы не согласны с мосье Пуаро только в одном — в том, что их конечная цель — диктатура, захват власти. Я думаю, он немного преувеличивает.

Пуаро привел десяток фактов, доказывающих справедливость его выводов. Даже сейчас я не имею права рассказывать о них подробно, но речь шла об авариях на подводных лодках, которые произошли месяц назад, а также об авиакатастрофах и вынужденных посадках самолетов. Пуаро утверждал, что ко всем этим случаям причастна Большая Четверка и ее сподвижники. Многие свои злодеяния Большая Четверка совершила при помощи оружия, которое еще неизвестно даже специалистам.

В этот момент премьер-министр задал вопрос, которого мы втайне ждали:

— Вы сказали, что третий член Большой Четверки — француженка? Вы знаете, кто она?

— Вы тоже хорошо ее знаете. Номер Три — это всем известная мадам Оливье...

Услышав имя знаменитой соотечественницы, продолжавшей дело четы Кюри, Дежардо едва не вывалился из кресла; его лицо побагровело от возмущения.

— Мадам Оливье? Невозможно! Это нелепо! И более того — оскорбительно!

Пуаро покачал головой, но не произнес ни слова. Некоторое время премьер-министр испепелял Пуаро гневным взглядом. Потом несколько успокоился и, посмотрев на министра, с каким-то странным выражением дотронулся до лба.

— Мосье Пуаро — великий человек, — заметил он. — Но даже великие люди иногда слишком увлекаются... какой-то одной идеей, не так ли? Ищут всяких тайных агентов там, где их просто не может быть. Вы со мной согласны, господин министр?

Краутер некоторое время молчал.

— Клянусь, не знаю! — наконец сказал он. — Я всегда верил и сейчас безоговорочно верю Пуаро, но такой поворот...

— Этот неуловимый Ли Чан-йен, — перебил его Дежардо, — кто он такой? Хоть кому-нибудь он известен?

— Мне известен, — раздался вдруг голос Инглеса.

Высокий французский гость уставился на него, тот тоже ответил пристальным взглядом, более чем когда-либо напоминая китайского божка.

— Это мистер Инглес, — представил Краутер, — самый опытный наш эксперт по Китаю.

— И вы что-то слышали об этом Ли Чан-йене?

— Пока ко мне не пришел Пуаро, я считал себя

единственным человеком в Англии, кто знает о его существовании. Уверяю вас, господин премьер-министр, что единственный человек в Китае, которого по-настоящему следует опасаться,— это Ли Чан-йен, один из самых блестящих умов современности.

Дежардо был вконец ошарашен. Немного придя в себя, он холодно произнес:

— Может быть, в том, что вы рассказали, и есть доля истины, мосье Пуаро, но что касается мадам Оливье, тут вы роковым образом заблуждаетесь. Она истинная дочь Франции и служит исключительно науке.

Мой друг лишь молча пожал плечами. Потом последовала долгая тягостная пауза, нарушить которую решился Пуаро. Он встал и с чувством собственного достоинства изрек:

— Я хотел, мосье, только предупредить вас. Я предвидел, что вы мне не поверите. Но, по крайней мере, теперь вы будете начеку. Главное, я все сказал, и моя правота будет — увы — подтверждаться новыми диверсиями. Для меня было важно сообщить вам все это как можно скорее... Может статься, что позже мне это сделать уже не удастся.

— Вы хотите сказать...— перебил его Краутер, пораженный мрачной интонацией Пуаро.

— Я хочу сказать, месье,— продолжал Пуаро,— что с тех пор, как я установил личность Номера Четыре, палача-эзекутора Большой Четверки, моя жизнь в опасности. Он ищет меня, чтобы уничтожить любым способом, а он из тех людей, кому удаются подобные миссии. Итак, господа, я с вами прощаюсь. Вот вам ключ, мосье министр, и запечатанный конверт с моим банковским шифром. У меня в портфеле, который хранится в банковском сейфе, собраны все сведения о деятельности Большой Четверки. Там же имеются советы вашего покорного слуги относительно того, что следует предпринять, если случится то, о чем я вас только что предупредил. В случае моей смерти, мосье министр, вы заберете эти бумаги и, если сочтете нужным, воспользуетесь моими советами. А сейчас до свидания, господа.

Дежардо холодно поклонился, а министр вскочил со стула и пожал Пуаро руку.

— Вы убедили меня, Пуаро. То, что вы говорите, выглядит невероятным, но я вам верю. Всецело.

Инглес вышел вместе с нами.

— Я вполне доволен тем, как прошла беседа,— сказал

Пуаро.— Я и не думал, что мне удастся переубедить Дежардо, но теперь я спокоен: если погибну, моя информация не умрет вместе со мной. Что ж, не так уж и плохо!

— Я полностью на вашей стороне,— сказал Инглес.— Между прочим, на днях я еду в Китай.

— А это разумно?

— Нет,— ответил Инглес,— но необходимо. Каждый должен вносить посильную лепту в общее дело.

— Вы храбрый человек! — воскликнул Пуаро.— Если бы это было удобно, я бы обнял вас.

Инглес немного смутился.

— Не думаю,— сказал он,— что в Китае я буду в большей опасности, чем вы в Лондоне.

— Возможно, вы и правы,— признался Пуаро.— Больше всего я опасаясь, как бы они не расправились с Гастингсом. Меня это очень беспокоит.

Я перебил его, заметив, что и сам могу о себе позаботиться.

Вскоре Инглес попрощался с нами и ушел.

Некоторое время мы шли молча. Вдруг Пуаро произнес фразу, которая меня ошеломила:

— Я считаю, что настало время задействовать моего брата.

— Вашего брата? — удивился я.— Я и не знал, что у вас есть брат.

— Вы меня удивляете, Гастингс. Разве вы не знаете, что у всех знаменитых сыщиков есть брат, который был бы более знаменитым, если бы не его природная лень¹.

Бывали моменты, когда трудно было понять, шутит Пуаро или говорит серьезно.

— Как зовут вашего брата? — спросил я, все еще сомневаясь.

— Ахилл Пуаро,— мрачно ответил Пуаро.— Он живет поблизости от города Спа в Бельгии.

— А чем он занимается? — продолжал удивляться я, удержавшись от комментариев относительно странной прихоти мадам Пуаро нарекать своих чад мифологическими именами².

¹ Намек на брата знаменитого Шерлока Холмса, Майкрофта.

² Имя Эркюль восходит к имени героя древнегреческой мифологии Геркулеса, отличавшегося необыкновенной силой и прославившегося своими подвигами. Ахилл (Ахиллес) — имя легендарного греческого героя, одного из храбрейших воинов в Троянскую войну.

— Ничем. Я же вам сказал, что он очень ленив, хотя у него не меньше способностей, чем у меня.

— Он похож на вас?

— В общем, да. Хотя не так красив. И кроме того, он не носит усов.

— Он старше вас или младше?

— Ему удалось родиться в один день со мной.

— Близнецы! — воскликнул я.

— Точно, Гастингс, близнецы. Вы, как всегда, угадали. Ну вот мы наконец и пришли. Давайте займемся ожерельем графини.

Но делу о пропавшем ожерелье пришлось немного подождать, так как нашлось более срочное.

Наша квартирная хозяйка, миссис Пирсон, сообщила нам, что нас ожидает какая-то медицинская сестра, которая хочет видеть мосье Пуаро по весьма срочному делу.

В большом кресле у окна сидела пожилая женщина с приятным лицом, одетая в темно-синюю форменную одежду медицинской сестры. Сначала она говорила очень сбивчиво, но Пуаро сумел ее успокоить, и женщина рассказала следующую историю:

— Понимаете, мосье Пуаро, я раньше никогда не сталкивалась с подобными случаями. Я жила в Ларкской сестринской общине, пока меня не пригласили в этот дом в Хартфордшире¹ — присматривать за хозяином дома, мистером Темплтоном. Хороший дом, приятные люди. Миссис Темплтон намного моложе мужа. У него есть сын от первого брака, который живет с ними. Он не совсем нормальный, не то чтобы «придурковатый», но некоторая отсталость ощущается. Потом меня с самого начала поразила болезнь хозяина. Все вроде хорошо, и вдруг ни с того, ни с сего начинаются боли в желудке и сильная рвота. Но доктор не находит ничего страшного, и вроде бы так оно и есть. Но мне как-то неспокойно. Вот я и...

Она замолчала, и щеки ее вспыхнули.

— Случилось что-то такое, что усугубило ваши опасения? — предположил Пуаро.

— Да.

И она опять замолчала, не решаясь продолжать.

— Я услышала, — наконец заговорила она, — что болтают слуги.

¹ Хартфордшир — графство в Англии к западу и северо-западу от Лондона

- О болезни хозяина?
- Нет-нет, совсем... о другом.
- О миссис Темплтон?
- Да.
- О миссис Темплтон и о докторе, надо полагать?

У Пуаро на такие вещи было особое чутье. Женщина с благодарностью посмотрела на него.

— Поначалу я этим сплетням не придавала значения,— продолжала она.— Но однажды я сама увидела их вместе... в саду...

Она смущенно умолкла, но на лице ее было написано такое возмущение, что спрашивать о том, что она видела в саду, было лишним. Все было ясно без слов.

— Приступы становились все сильнее и сильнее. Доктор Тревес сказал, что это естественное течение болезни и что Темплтон долго не протянет. Я ухаживала за многими больными, у меня солидный опыт — но что-то не припомню таких странных симптомов. Все это очень напоминает...— Она заколебалась.

— Отравление мышьяком? — пришел ей на помощь Пуаро.

Она кивнула.

— И потом,— продолжала миссис Пирсон,— однажды мой пациент бросил одну фразу, которая меня очень удивила. Он сказал: «Они меня прикончат, эти четверо».

— Так и сказал? — встрепнулся Пуаро.

— Да, это были его слова, мосье Пуаро. Правда, в этот момент у него был очередной приступ, он сильно мучился и, может, сам не понимал, что говорит.

— «Эти четверо»,— задумчиво повторил Пуаро.— Кто эти четверо, как вы думаете?

— Не знаю, мосье Пуаро. Я подумала, что он имеет в виду жену, сына, доктора и, может быть, мисс Кларк, компаньонку жены. Вероятно, он решил, что эта четверка объединилась против него.

— Может быть,— озабоченно произнес Пуаро.— Может быть. А как еда? Еда вас не смущала?

— Я тщательно за всем следила. Но иногда миссис Темплтон сама относила ему еду, а потом... ведь были дни, когда у меня был выходной.

— Да, конечно. И у вас нет достаточных доказательств, чтобы обратиться в полицию?

При упоминании о полиции на ее лице отразился ужас.

— Но кое-что мне удалось сделать, мосье Пуаро,— продолжала она.— Вчера у Темплтона почти сразу после супа начались сильные боли, мне удалось отлить немного из тарелки в бутылочку, и я принесла ее с собой. Мне сегодня дали выходной, чтобы я навестила больную мать, сегодня моему подопечному вроде бы получше.

Она протянула Пуаро бутылочку.

— Прекрасно, мадемуазель. Мы тут же отправим это на анализ. Если вы зайдете к нам, ну, скажем, через час, мы сможем либо подтвердить ваши предположения, либо их опровергнуть.

Узнав у посетительницы ее имя и уточнив профессию, Пуаро проводил ее до двери. Затем он написал записку и вместе с бутылочкой куда-то отослал. Потом, к моему величайшему изумлению, позвонил кому-то по телефону и начал проверять анкетные данные нашей посетительницы.

— Да-да, мой друг,— сказал Пуаро, увидев на моем лице изумление.— Береженого и Бог бережет. Не забывайте, что по нашему следу идет Большая Четверка.

Вскоре Пуаро получил подтверждение, что Мейбл Палмер, медицинская сестра по образованию, состоит членом Ларкской сестринской общины, откуда она действительно была послана к Темплтонам.

— Пока все в порядке,— сказал Пуаро.— А вот и мисс Палмер возвращается.

Как раз в это время принесли заключение. Мисс Палмер и я с волнением ожидали, что скажет Пуаро, прочитав его.

— Мышьяк? — еле слышно спросила мисс Палмер.

— Нет,— ответил Пуаро, сворачивая бумагу.

Мы были страшно удивлены.

— Мышьяка в супе не было,— продолжал Пуаро.— Но зато обнаружено изрядное количество сурьмы. Дело настолько серьезно, что мы должны немедленно выехать в Хартфордшир. Может быть, еще успеем.

Было решено, что Пуаро приедет к Темплтонам как частный детектив, чтобы расспросить миссис Темплтон об одном из ее бывших слуг (имя слуги ему подсказала мисс Палмер), который подозревается в хищении драгоценностей.

Когда мы прибыли в Элмстед (так называлось поместье Темплтонов), уже смеркалось. Чтобы не было лишних вопросов, мы позволили мисс Палмер уйти вперед и к дому подошли минут на двадцать позже.

Нас встретила миссис Темплтон, высокая темноволосая женщина. Движения у нее были какими-то резкими, а глаза она старательно отводила. Я заметил, как она вздрогнула, когда Пуаро назвал свою профессию, и с какой готовностью отвечала на все его вопросы. А когда Пуаро — явно с умыслом — рассказал ей об одном деле, в котором жена пыталась отравить мужа, миссис Темплтон едва смогла скрыть свое смятение. Неожиданно она ушла, выдавив из себя извинение.

Какое-то время мы были одни. Затем в гостиную вошел кражистый господин с квадратными плечами и с маленькими рыжими усиками. На его носу водружалось пенсне.

— Доктор Тревес,— представился он.— Миссис Темплтон попросила меня извиниться перед вами за ее неожиданный уход. Она плохо себя чувствует. Нервы. Очень переживает за мужа. Я уложил ее в постель и дал снотворное. Она просила вас с нами отобедать. Мы так много о вас слышали, мосье Пуаро. А вот и Мики!

В комнату неуклюжей походкой вошел молодой человек. У него было круглое лицо, а вздернутые брови придавали ему несколько глуповатый вид. Молодой человек неловко поздоровался с нами за руку, и мы сразу поняли, что это странноватый сынок Темплтонов.

Вскоре нас пригласили к столу. Все сели. Доктор Тревес вышел из комнаты, чтобы принести вина, и вдруг лицо молодого человека совершенно изменилось, став вполне осмысленным. Он наклонился к Пуаро.

— Вы приехали сюда из-за отца,— сказал он.— Я знаю. Я много чего знаю, хотя никто об этом не подозревает. Мать будет только рада, если отец умрет. Тогда она сможет выйти замуж за доктора Тревеса. Она не моя родная мать. Я ее не люблю. Она плохая, она хочет, чтобы отец умер.

Мы были просто ошеломлены и не знали, что ответить. К счастью, в этот момент вернулся доктор Тревес, и все приступили к еде. Разговор за столом как-то не клеился.

Обед подходил к концу, как вдруг Пуаро откинулся на спинку стула и застонал. Лицо его перекосило от боли.

— Боже мой! — закричал доктор.— Что с вами?

— Ничего страшного,— ответил Пуаро.— Небольшой спазм. У меня иногда это бывает. Возраст. Нет, нет, доктор, не беспокойтесь. Сейчас пройдет. Позвольте мне где-нибудь прилечь.

Нас проводили наверх. Пуаро, не раздеваясь, завалился на постель, тяжело дыша.

Я решительно ничего не понимал, но потом все-таки сообразил, что Пуаро специально разыграл этот спектакль, чтобы мы остались наедине.

Как только провожатые ушли, он вскочил на ноги.

— Быстрее, Гастингс, быстрее открывайте окно. Стекла покрыта плющом, так что есть шанс выбраться. Быстрее, пока они ничего не заподозрили.

— Спускаться вниз? По плющу?!

— Да, и как можно скорее. Вы видели, что он вытворял за столом?

— Кто? Доктор?

— Нет, этот малый. С хлебным мякишем. Помните, что рассказывала про Клода Даррела его приятельница? У него привычка за столом скатывать в шарик хлебный мякиш и собирать им крошки. Гастингс, мы попали в ловушку, этот малохольный юнец — не кто иной, как наш заклятый враг Номер Четыре. Так что скорее открывайте окно.

Я не стал спорить. В подобных обстоятельствах разумнее всего молча подчиниться. Стараясь не шуметь, мы спустились на землю и во всю прыть помчались на станцию. Нам повезло: мы успели на последний поезд, отходивший в двадцать тридцать четыре, и около полуночи прибыли в Лондон.

— Опять ловушка! — с горечью произнес Пуаро. — Сколько же людей задействовано в этом спектакле? Я подозреваю, что все почтенное семейство — на службе у Большой Четверки. Неужели они хотели просто заманить нас? Или тут более тонкая игра? Или же они хотели выиграть время, чтобы держать меня на крючке, пока я занимаюсь расследованием. А что они собирались делать дальше?

Он задумался.

У двери нашей квартиры Пуаро остановил меня.

— Минуточку, Гастингс. Позвольте мне все проверить. Я войду первым.

Он вошел и, схватив старую резиновую калошу, нажал на выключатель — я невольно расхохотался. Потом он прошелся по комнате пружинистой кошачьей походкой, готовый к любой неожиданности. Я смиренно стоял на пороге.

— Все в порядке, Пуаро? — наконец не выдержал я.

— Вроде бы, топ аті, вроде бы в порядке. Но давайте убедимся окончательно.

— Черт возьми,— возмутился я.— Позвольте мне закурить трубку, тогда я согласен ждать хоть до утра. А. наконец-то я вас поймал. Вы последний брали спички и не положили коробок обратно, а просто бросили его на стол. Что было бы, если это сделал я?

Я протянул руку. Пуаро предостерегающе крикнул и оттолкнул меня в сторону, но... мои пальцы успели коснуться коробка, и в тот же миг вспыхнуло пламя, раздался чудовишный грохот, в глазах у меня потемнело...

Когда я пришел в себя, первое, что я увидел — тревожное лицо склонившегося надо мной доктора Риджуэя. Это наш с Пуаро старинный друг.

— Не волнуйтесь,— сказал он, облегченно вздохнув.— С вами все будет хорошо. Несчастный случай, знаете ли.

— Пуаро? — с трудом выдавил я непослушными губами.

— Вы в моей приемной. Все теперь будет хорошо.

Он не ответил на мой вопрос, и страшное предчувствие ледяным ужасом наполнило мою душу.

— Пуаро? — снова пробормотал я.— Что с ним?

Мистер Риджуэй понял, что все-таки придется отвечать...

— Вам каким-то чудом удалось спастись. Но Пуаро...

Я застонал, вернее, зарычал от горя.

— Неужели он погиб?

Риджуэй молча кивнул, чувствовалось, что он еле сдерживается.

Отчаяние придало мне сил. Я рывком сел.

— Пуаро больше нет,— сказал я,— но его дух с нами. Я продолжу его дело! Смерть — Большой Четверке! — вскричал я и снова потерял сознание.

Глава 16

Умиравший китаец

Даже сейчас мне трудно рассказывать о тех мартовских событиях. Эркюля Пуаро, этого необыкновенного человека, чуткого друга, замечательного, неподражаемого сыщика, нет больше в живых. В спичечном коробке было

спрятано хитроумное взрывное устройство огромной силы. Расчет был сделан на то, что, увидев небрежно валяющийся коробок, педантичный Пуаро непременно захочет положить его на место, в спичечницу. Взять коробок должен был он! Но случилось так, что этот злосчастный коробок понадобился мне. Я и оказался виновником катастрофы, и теперь меня мучили угрызения совести: я остался жив, а Пуаро погиб. Он-то сразу сообразил, что это ловушка. Ведь он последним брал коробок и не положить его на место просто не мог... Мне действительно сказочно повезло. Меня отбросило взрывной волной в сторону, и я отделался легким сотрясением мозга.

Мне казалось, что я пробыл в беспамятстве всего несколько минут, но на самом деле я пришел в себя только через сутки... Да, только к концу следующего дня я был в состоянии проковылять в соседнюю комнату, где стоял изготовленный из вяза гроб, в котором покоились останки одного из замечательнейших сынов человечества.

Едва ко мне вернулось сознание, я жил только одной мыслью: я должен отомстить Большой Четверке за смерть моего друга, уничтожить ее.

Я думал, что доктор Риджуэй одобрит мои планы, но, к моему великому удивлению, он стал меня отговаривать:

— Возвращайтесь в Южную Америку. Будьте благодарны.— Словом, он мне тактично намекнул, что незачем соваться туда, где сам Пуаро ничего не смог сделать.

Но я был упрям. Стараясь не думать о том, что я, в сущности, всего лишь дилетант, я настроил себя на то, что смогу завершить расследование, начатое Пуаро, так как проработал с ним долгое время и все его методы знал наизусть. Для меня это было делом чести. С моим другом жестоко расправились, и я просто обязан посадить убийц на скамью подсудимых!

Все это я высказал доктору Риджуэю, который терпеливо выслушал мой пылкий монолог.

— Все равно,— подвел он черту,— мое мнение остается прежним: поезжайте домой. Я уверен, что, если бы Пуаро был жив, он посоветовал бы вам то же самое. Заклинаю вас его именем: возвращайтесь на свое ранчо.

Но я уже твердо решил сражаться и еще раз сказал об этом доктору. Печально покачав головой, доктор попрощался со мной и ушел.

Еще месяц я приходил в себя после болезни, а в конце

апреля попросил аудиенции у министра внутренних дел и был им принят.

Министр был очень любезен, но тоже настаивал на моем отъезде, хотя я сразу же предложил ему свою помощь в расследовании деятельности Большой Четверки. Он мягко отказался, сказав, что все бумаги, завещанные Пуаро, уже у него и все необходимые меры будут приняты.

Нашу беседу Краутер завершил пожеланием счастливо-го возвращения в Южную Америку, чем я был несказанно обижен.

Я думаю, долг дружбы обязывает меня описать похороны Пуаро. Это была торжественная и трогательная церемония, было много венков и цветов. Венки были как от людей знатных, так и от простых граждан. Это лишний раз подтверждало, что Пуаро хорошо знали и любили в Англии, которая стала для него второй родиной. Я стоял у могилы и с горечью вспоминал о невозвратимых днях, прожитых вместе с моим другом.

К началу мая я разработал план действий. Я решил придерживаться тактики моего покойного друга, поместив в газетах объявления с просьбой сообщить мне любую информацию о Клоде Дарреле. Однажды вечером, когда я сидел в небольшом ресторанчике в Сохо, просматривая в газетах колонки объявлений, мое внимание привлекла небольшая статья, от которой мне стало не по себе.

Очень кратко в статье сообщалось о таинственном исчезновении мистера Джона Инглеса, возвращавшегося из Шанхая морским путем. Его исчезновение было обнаружено, только когда пароход отошел от Марселя. Высказывалось предположение, что он упал за борт. Статья завершалась выражением искреннего сожаления о случившемся и упоминалось, что Джон Инглес был блестящим знатоком Востока, особенно Китая, где он проработал много лет.

Эта новость подействовала на меня угнетающе. Я был уверен, что и тут не обошлось без Большой Четверки. Опять Большая Четверка...

Какое-то время я пребывал в полной прострации, раздумывая, что же мне следует предпринять, и вдруг увидел, что я не один. За моим столиком сидел худощавый темноволосый пожилой мужчина с болезненным цветом лица и маленькой острой бородкой. Он так тихо подошел, что я даже не заметил, как он уселся за мой стол.

Но повел он себя довольно странно. Неожиданно схватив солонку, он насыпал по краям моей тарелки четыре кучки.

— Прошу прощения, но говорят, что, предлагая соль за столом, вы тем самым выражаете человеку свои соболезнования. Сейчас как раз такой случай. Я надеюсь, что уж вы-то будете благоразумны.

Затем, не говоря ни слова, он взял солонку и насыпал такие же четыре кучки по краям своей тарелки. То, что их именно четыре, не могло не навести на соответствующие размышления. Я внимательно посмотрел на него. Нет, на молодого Темплтона он не был похож, и на лакея Джеймса тоже, словом, ни на одного из тех персонажей, с которыми мне пришлось встретиться раньше. Однако я был уверен, что передо мной — Номер Четыре, собственной персоной. Голос его немного напоминал голос незнакомца, некогда навестившего нас в парижской гостинице.

Я растерянно огляделся, не зная, что предпринять. Как бы прочитав мои мысли, он улыбнулся и покачал головой.

— Не советую вам торопиться. Вспомните ваше фиаско в Париже. Имейте в виду — я принял необходимые меры предосторожности. И позвольте заметить, капитан Гастингс, ваши методы несколько примитивны.

— Вы негодяй, — выдавил я, задыхаясь от гнева. — Форменный негодяй.

— Ну зачем же так — вы слишком возбуждены. Ваш покойный друг сказал бы вам, что умение сохранять спокойствие — залог успеха.

— Как вы смеете говорить о нем, — прошептал я, — о человеке, с которым вы так чудовищно расправились. А теперь вы явились сюда ко мне...

— Я явился сюда с абсолютно мирной целью, — перебил он меня. — Чтобы посоветовать вам немедленно вернуться в Южную Америку. Если вы уедете, то, даю вам честное слово, Большая Четверка вас больше не побеспокоит.

— А если, — я презрительно усмехнулся, — я откажусь следовать вашему приказу?

— Это не приказ. Это, если хотите, предупреждение. — В его голосе прозвучала угроза. — Первое предупреждение, — холодно добавил он. — И мой вам совет: не игнорируйте его.

Неожиданно он встал и быстро направился к двери. Я

вскочил и устремился за ним. И тут, как назло, из-за соседнего столика поднялся какой-то толстяк и загородил мне дорогу. Когда я обошел его, мой противник уже подходил к двери, а на меня вдруг неожиданно налетел официант, который нес груды грязной посуды. Когда я наконец добрался до двери, этого типа и след простыл.

Официант стал извиняться передо мной, а толстяк снова уселся за свой столик и как ни в чем не бывало принялся за очередное блюдо. Вроде бы ничего не указывало, что все это было заранее спланировано. Но втайне я был уверен, что здесь не обошлось без Большой Четверки.

Само собой разумеется, я проигнорировал предупреждение и продолжил поиски. Я получил только два ответа на мое объявление, но они не принесли мне никакой дополнительной информации. Ответы были от двух актеров, которые в разное время играли на сцене вместе с Клодом Дарделом, но ни тот, ни другой не были его друзьями, а главное — они не имели ни малейшего представления о том, где их бывший коллега находится сейчас.

Десять дней все было тихо и спокойно, но на одиннадцатый, когда я выходил из Гайд-парка, весь погруженный в свои мысли, меня окликнул низкий женский голос:

— Капитан Гастингс, не так ли?

Меня сразу насторожил странный акцент.

У тротуара притормозил большой лимузин, из которого выглянула какая-то дама, одетая во все черное. Это была графиня Росакова, которая каким-то образом несомненно была связана с Большой Четверкой. По какой-то особой причине Пуаро всегда был к ней равнодушен. Его привлекала ее яркая индивидуальность. Пуаро как-то признался, что он считает ее особенной женщиной, «одной из тысяч», отличной от других. Тот факт, что графиня была на стороне врагов, ни в малейшей мере не убавлял его восхищения ею.

→ Остановитесь, капитан! У меня есть кое-что важное для вас. И не пытайтесь задержать меня, потому что это бессмысленно и глупо. Вы никогда не отличались особым умом. Да, да, да. Не возмущайтесь, это так. Вы и теперь продолжаете вести себя как глупец, игнорируя наше предложение. Я приехала, чтобы передать вам второе предупреждение. Покиньте Англию — и немедленно. Вы все равно ничего не сможете сделать.

— В таком случае,— холодно заметил я,— почему вы все так упорно добиваетесь, чтобы я уехал?

Графиня пожала плечами. Обворожительный жест, и плечи — тоже обворожительные...

— Что касается меня, то я бы не обращала на вас никакого внимания — делайте что хотите. Но мои шефы опасаются, что вы можете подсказать нужную информацию — тем, кто умнее вас. Отсюда следует: вам необходимо убраться.

Хотя графиня наговорила мне множество обидных вещей, я не выдал своего негодования, так как считал, что она делала это преднамеренно, чтобы вывести меня из себя.

— Нам, конечно, было бы гораздо легче убрать вас, — спокойно продолжала она, — но я иногда очень сентиментальна и уговорила их не трогать вас. Ведь у вас где-то есть симпатичная жена. Да и вашему приятелю, будь он жив, было бы очень грустно, если бы вас убили. Он мне всегда нравился, ваш приятель. Он был очень умный, очень. Если бы борьба была равная, один на один, а не как сейчас, один против четверых, то он, я думаю, одержал бы победу. Признаюсь вам честно, он был моим кумиром. Я послала на его могилу громадный венок из живых роз в знак уважения. Красные розы — самые мои любимые цветы — они отражают мой темперамент.

Я слушал ее молча, со все возрастающим гневом и обидой.

— Вы напоминаете мне мула, — подвела итог нашей беседы графиня, — который все еще брыкается, хотя его уже обуздали. Ладно. Я вас предупредила. Помните — третье предупреждение последует от руки самого Экзекутора...

Она жестом велела шоферу трогать. Скорее машинально я запомнил номер лимузина, совершенно не надеясь, что мне это поможет. Большая Четверка очень предусмотрительна.

Из разговора с графиней я уяснил одно: моя жизнь в опасности. Прекращать борьбу против Большой Четверки я не собирался, но понял, что действовать надо с предельной осторожностью.

Дома я стал обдумывать все случившееся, пытаюсь выбрать наилучший план действий. Зазвонил телефон, я поднял трубку.

— Да. Капитан Гастингс. Кто говорит?

— Говорят из больницы Святого Джилса, — ответил мне резкий голос. — К нам доставили китайца. Тяжело ранен ножом в спину. Долго не протянет. Мы позвонили вам,

потому что в его кармане нашли записку, где были указаны ваше имя и адрес.

В первый момент я растерялся, но потом сказал, что приеду немедленно. Я знал, что больница находится в районе доков, и подумал, что, возможно, этот человек только что вернулся из Китая.

Уже на пути в больницу меня вдруг осенило: а что, если это западня? Этот китаец может быть и подчиненным Ли Чан-йена. Мне вспомнились мои приключения в подземелье. Неужели это снова ловушка?

Поразмыслив немного, я решил, что само посещение больницы мне ничем не грозит. Умиравший китаец, конечно, мог служить приманкой. Видимо, он должен был мне что-то сообщить. Я должен «клюнуть» на его информацию и отправиться прямоком в лапы банды. Ну что ж, надо быть начеку и действовать соответственно обстоятельствам.

Меня сразу же провели к нему. Он лежал совершенно неподвижно, глаза были закрыты, и только заметные колебания грудной клетки показывали, что человек жив. Доктор послушал пульс.

— Пульс почти не прощупывается,— сказал доктор.— Вы его знаете?

Я покачал головой.

— Никогда не видел.

— Тогда почему у него в кармане оказался ваш адрес? Вы ведь капитан Гастингс, не так ли?

— Да, это так, но я и сам ничего не понимаю.

— Странно... По документам, найденным при нем, он — слуга чиновника в отставке Джона Инглеса. Ага, так вы знаете его? — воскликнул доктор, увидев, как я вздрогнул, услышав имя Инглеса.

Слуга Инглеса! Тогда, конечно, я его видел раньше. Но, сами понимаете, европейцу очень сложно отличить одного китайца от другого. Вероятно, Инглес брал его с собой в Китай, но, в отличие от погибшего хозяина, он все-таки добрался до Англии. Возможно, у него имеется какое-то важное известие. Надо во что бы то ни стало узнать, что он хотел сообщить.

— Он пришел в себя? — спросил я. — Он может говорить? Мистер Инглес, его хозяин, был моим хорошим другом, и я думаю, этот парень хотел передать мне письмо от него. Ведь сам Инглес по нелепой случайности утонул десять дней назад — упал за борт парохода.

— Он пришел в себя, но не уверен, что у него хватит сил говорить. Он потерял много крови. Я, конечно, могу ввести ему стимулирующее, но вряд ли это поможет.

Тем не менее доктор ввел больному какой-то препарат, а я сидел у кровати и ждал хоть какого-нибудь слова или знака, которое могло помочь бы мне в борьбе с Большой Четверкой. Время шло, но китаец не шевелился.

И тут меня опять стали мучить подозрения. А что, если это все же ловушка? Возможно, китаец просто играет роль слуги Инглеса? Я где-то читал, что жрецы некоторых китайских сект умеют симулировать смерть. Кроме того, Ли Чан-йен мог найти фанатиков, которые по его приказу готовы расстаться с жизнью... Я должен быть начеку.

В этот момент раненый шевельнулся, потом открыл глаза и пробормотал что-то нечленораздельное. Он с трудом перевел взгляд в мою сторону. Похоже, он не узнал меня, но тем не менее попытался что-то сказать. Кем бы он ни был — врагом или другом, — я обязан выслушать его.

Я наклонился к больному, но не смог ничего разобрать. Мне показалось, что он произнес слово «хэнд», но точно я не был уверен.

Он снова что-то сказал, но опять я уловил только одно слово «Ларго». Я уставился на него в изумлении, так как слово было абсолютно непонятным, но, похоже, связано с предыдущим.

— Хэнделс Ларго? — рискнул предположить я.

Китаец быстро захлопал ресницами, как бы соглашаясь со мной, и добавил еще одно слово по-итальянски «каррозза». Потом он произнес еще несколько неразборчивых слов по-итальянски и, судорожно вздрогнув, замер.

Врач оттолкнул меня от кровати. Все было кончено. Китаец умер.

Потрясенный случившимся, я вышел на улицу. Немного придя в себя, я стал обдумывать загадочные слова, напоследок исторгнутые китайцем.

«Хэнделс Ларго» и «каррозза» Если мне не изменяет память, слово «каррозза» означало экипаж. Что могли означать эти три слова? Умерший был китайцем, а не итальянцем, почему же он предпочел говорить по-итальянски? В самом деле, если бы это был слуга Инглеса, он бы говорил по-английски. Все выглядело очень подозрительно. Разные предположения лезли мне в голову, но я не мог

придумать ничего дельного. Если бы со мной был Пуаро, он бы мигом решил эту проблему.

Я открыл ключом дверь и вошел в комнату. На столе белело письмо. Я небрежно разорвал конверт, но то, что оказалось внутри, страшно меня поразило.

Письмо было из адвокатской конторы.

«Уважаемый сэр! В соответствии с распоряжением мосье Пуаро, который был нашим клиентом, мы посылаем вам письмо. Оно было написано им за неделю до гибели. Мосье Пуаро распорядился вручить его вам спустя определенное время — в случае его смерти.

С уважением... и т. д.».

Я взял вложенный в письмо конверт, на котором знакомым мне почерком было написано мое имя, и с тяжелым сердцем вскрыл его.

«Mon cher ami!¹ — начиналось письмо.— Когда вы получите это послание, меня уже не будет в живых, но прошу вас, не оплакивайте меня. Заклинаю вас выполнить мои указания. Первым делом, немедленно возвращайтесь в Южную Америку. Не упорствуйте. Прошу вас сделать это не из сентиментальных соображений. А потому, что это часть моего плана, плана Эркюля Пуаро. Не буду вдаваться в подробности, так как мой друг Гастингс, обладающий недюжинным умом, и так все поймет.

Смерть Большой Четверке! Да сопутствует вам удача. Навеки ваш

Эркюль Пуаро».

Я несколько раз перечитал это потрясающее послание. Поразительно. Этот удивительный человек настолько точно все рассчитал, что даже его собственная смерть не могла нарушить его планы. И я должен их осуществить — ведомый гением Эркюля Пуаро. Несомненно, там, за океаном, я найду подробные инструкции о том, как мне предстоит действовать в дальнейшем. Постепенно мои враги, удовлетворенные моим отъездом, забудут обо мне. Но я обязательно вернусь, я застигну их врасплох!

Ничто больше не задерживало моего отъезда. Я разослал всем телеграммы, заказал билет и через неделю уже был на борту «Ансонии», направляющейся в Буэнос-Айрес².

¹ Мой дорогой друг! (фр.)

² Буэнос-Айрес — столица Аргентины, крупный порт и торгово-промышленный и культурный центр

Не успел пароход выйти из порта, стюард принес мне записку. По его словам, записку ему передал какой-то очень рослый джентльмен в шубе, сошедший на берег буквально за несколько секунд до отплытия.

Я развернул записку. Она была на редкость лаконичной: «*Вы поступили разумно*». И вместо подписи — большая цифра «4».

Теперь я мог позволить себе улыбнуться.

Море было довольно спокойным. Я хорошо пообедал и, как большинство пассажиров, сыграл партию в бридж. Затем вернулся в каюту и заснул как убитый. Во всяких морских путешествиях мне всегда замечательно спится.

Я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. С трудом разлепив веки, я увидел, что это один из штурманов парохода. Увидев, что я наконец проснулся, он облегченно вздохнул.

— Господи, наконец-то. Ну и работу вы мне задали — никак не мог вас добудиться. Вы всегда так крепко спите?

— В чем дело? — недовольно спросил я, все еще в полудреме. — Что-нибудь с пароходом?

— Я думаю, вам лучше знать, в чем дело, — сухо ответил моряк. — Специальный приказ из Военно-Морского министерства. Вы должны перейти на ожидающий вас эс-минец.

— В открытом океане? — ахнул я.

— Я и сам ничего не понимаю, — ответил штурман. — Впрочем, мне и не положено понимать. Прислали какого-то молодого человека, который должен занять ваше место, а нам приказано молчать. Так мы вас ждем?

Еле скрыв свое изумление, я оделся.

Спустили за борт шлюпку, и я был доставлен на ожидавший меня эс-минец. Там меня радушно приняли, но ничего не объяснили. Сказали только, что командир корабля получил приказ доставить меня в определенное место на бельгийском побережье.

Дальше все происходило как во сне. Я даже не пытался возражать, решив, что все это тоже входит в планы моего покойного друга.

Высадили меня в указанном месте. Там уже ожидала машина, и вскоре я кружил по дорогам Фландрии. Заночевал в какой-то маленькой гостинице в Брюсселе, а утром следующего дня двинулись дальше. Поля и равнины сменялись горами, кое-где появились небольшие леса, и я

понял, что мы приближаемся к Арденнам¹. Неожиданно я вспомнил, как Пуаро однажды рассказывал мне о своем брате, который живет неподалеку от Спа.

До самого города мы не доехали, а, свернув с авто-страды, долго колесили по холмам, пока не въехали в маленькую деревушку. На одном из склонов примостилась небольшая белая вилла. Возле ее зеленых дверей машина остановилась.

Как только я вылез из машины, дверь виллы отворилась и из нее вышел пожилой слуга в ливрее.

— Мосье капитан Гастингс? — обратился он ко мне по-французски. — Вас ожидают. С вашего позволения, я провожу вас.

Он прошел через холл и открыл дверь в комнату, пропуская меня вперед.

Очутившись внутри, я зажмурился, так как комната выходила на запад и в это время суток вся была залита солнцем. Когда мои глаза привыкли к свету, я увидел в углу какого-то джентльмена, приготовившегося принять меня в свои объятия.

И тут сердце мое забилося... Нет, не может быть!

— Пуаро! — воскликнул я, все еще не веря своим глазам. — Вы ли это? — И я первым кинулся его обнимать, на что никогда бы не решился в иных обстоятельствах.

— Конечно, это я, мой дорогой друг. Убить Эркюля Пуаро не так-то просто.

— Но зачем же вы...

— Военная хитрость, Гастингс. Теперь все готово для отражения атаки.

— Но уж мне-то вы могли сказать?

— Нет, не мог. Если бы я вам сказал, вы не смогли бы так блистательно сыграть вашу роль на моих похоронах. А похороны были грандиозные, и организовали вы их с таким размахом, что даже Большая Четверка наконец успокоилась.

— Но знали бы вы, что я пережил...

— Не считайте меня таким уж бессердечным. Это была ложь во благо. Я мог рисковать своей жизнью, но вашей — никогда. После взрыва, когда вы лежали в беспамятстве, мне в голову пришла отличная идея, и осуществить ее мне

¹ Арденны — лесистая возвышенность на юго-востоке Бельгии и Люксембурга.

помог доктор Риджуэй. Я погибаю, а вы возвращаетесь в Южную Америку, но вы... вы упорно подвергали свою жизнь опасности, потому и пришлось организовывать письмо адвоката, чтобы убедить вас уехать. И вот вы здесь, мой друг, и мы вместе будем ждать момента, когда сможем покончить с Большой Четверкой.

Глава 17

Номер Четыре выигрывает снова

Из нашего убежища в Арденнах мы наблюдали за развитием событий в мире. Все новости мы узнавали из газет, которые доставлялись нам в огромном количестве. Кроме того, каждый день Пуаро получал большой конверт, содержащий, по-видимому, что-то вроде доклада. Этих бумаг он мне не показывал, но по его поведению и выражению лица при чтении я догадывался, насколько хорошо или плохо продвигаются наши дела. Сам Пуаро был настроен по-боевому и ни на минуту не сомневался в успешном исходе битвы.

— Я постоянно боялся, — однажды признался мне он, — за вашу жизнь, Гастингс. Мысль, что вас могут убить в любую минуту, постоянно действовала мне на нервы. А теперь я, слава Богу, спокоен. Если даже они обнаружат, что вместо капитана Гастингса в Южную Америку прибыл кто-то другой — а я не думаю, что они пошлют туда для проверки кого-то, кто знает вас лично, — то решат, что вы снова задумали их обмануть, со свойственным вам хитроумием, и не придадут вашему исчезновению особого значения. В моей же смерти они уверены полностью и не будут больше откладывать осуществление своих гнусных планов.

— А что же дальше? — оживился я.

— А дальше, *mon ami*, произойдет воскрешение Эркюля Пуаро. Я появляюсь, когда куранты бьют ровно двенадцать часов, спутываю все их карты — и враг повержен! Пусть знают, как тягаться с самим Эркюлем Пуаро!

Я понял, что тщеславие Пуаро абсолютно неискоренимо, и напомнил ему, что уже несколько раз, будучи на сто процентов уверенным в успехе, он проигрывал партию. Но разубедить Пуаро, когда он уже предвкушает победу, — напрасная трата времени.

— Понимаете, друг мой, — продолжал Пуаро, — нам

надо проделать нечто вроде карточного фокуса. Знаете какого? Вы берете четыре валета, кладете одного сверху колоды, другого — снизу, а остальных в середину. Потом колода перемешивается, и все валеты опять вместе. Старый фокус «с бородой». Вот я и хочу проделать такой же трюк с Большой Четверкой. Раньше было так: я сражаюсь сначала с одним членом Четверки, потом с другим и никогда — со всеми вместе. Вот я и хочу, чтобы они собрались разом, как четыре валета в колоде, и уничтожу их всех одним ударом.

— А что вы собираетесь предпринять, чтобы они собрались вместе? — спросил я.

— Затаиться в засаде и ждать подходящего момента.

— Но это ожидание может затянуться надолго! — проворчал я.

— Вы, как всегда, нетерпеливы, милый мой Гастингс. Но не огорчайтесь. Это долго не протянется. Теперь их ничто не удерживает. Единственный человек, которого они боялись, — мертв. Они начнут действовать самое большее через три месяца.

Когда он произнес слово «мертв», я вспомнил об Инглесе и его трагической смерти. И еще я вспомнил, что забыл рассказать Пуаро о смерти слуги Инглеса.

Пуаро внимательно выслушал меня.

— Слуга Инглеса? Вы говорите, что этот китаец говорил по-итальянски? Удивительно.

— Поэтому-то я и решил, что его подослала ко мне Большая Четверка.

— Если бы они хотели поймать вас на крючок, Гастингс, то их посланник разговаривал бы не по-итальянски, а на пиджин-инглиш¹. Нет, это был действительно слуга Инглеса. Вспомните, пожалуйста, подробнее все, что он говорил.

— Прежде всего он несколько раз упомянул о какой-то «Хэнделс Ларго» и произнес слово «каррозза». Это означает «экипаж», не так ли?

— Да. Больше он ничего не сказал?

— Потом, в самом конце, он пробормотал что-то вроде «Кара» и какое-то женское имя «Зиа». Не думаю, что все это имеет отношение к делу.

¹ Пиджин-инглиш — упрощенная форма английского языка, используемая китайцами при общении с иностранцами.

— Не скажите, друг мой, не скажите. Кара Зиа — это очень важно.

— Но я не вижу...

— Мой дорогой друг, вы, англичане, не слишком сильны в географии.

— При чем тут география? — обиженно спросил я.

— Да, сейчас нам очень бы пригодился мосье Томас Кук¹, — произнес Пуаро и замолчал, как всегда напустив на себя покров таинственности.

Как я ни был раздосадован но все же заметил, что настроение Пуаро значительно улучшилось, как будто он уяснил что-то для себя чрезвычайно важное.

Дни проходили, приятные, но монотонные. Приятные, потому что на вилле была отличная библиотека, а природа вокруг поражала своим великолепием. Монотонные, потому что меня раздражала вынужденная необходимость сидеть сложа руки, вместо того чтобы действовать, и я поражаюсь терпению Пуаро. Так продолжалось до конца июня, когда истек срок предсказанного Пуаро затишья.

Рано утром к вилле подъехала машина. Это было такое редкое явление в нашей уединенной жизни, что я сразу же поспешил вниз. Войдя в гостиную, я увидел, что Пуаро уже там — разговаривает с каким-то симпатичным малым примерно моего возраста.

— Позвольте представить вам, Гастингс, — сказал Пуаро, — капитана Харвея, одного из самых известных сотрудников Интеллидженс сервис.

— Боюсь, совсем неизвестного, — сказал молодой человек, и все рассмеялись.

— Я бы сказал, хорошо известного определенному кругу лиц. Остальные его друзья и знакомые считают его приятным, но несколько глуповатым молодым человеком, у которого на уме одни фокстроты и... какие теперь еще в моде танцы, а?

Все снова рассмеялись.

— Ну а теперь к делу, — уже серьезно сказал Пуаро. — Вы считаете, капитан, что пора?

— Да, сэр. Вчера в Китае что-то произошло. Границы закрыты, телетайпы не работают, радиостанции тоже — никаких сообщений оттуда не поступает.

— Ли Чан-йен начал действовать. А что остальные?

¹ Кук Томас (1808—1892) — основатель широко известного туристического агентства, выпускавшего содержательные путеводители по разным странам

— Эйб Райленд прибыл в Англию неделю назад, затем уехал на континент.

— А мадам Оливье?

— Вчера покинула Париж.

— Она уехала в Италию?

— В Италию, сэр. Судя по имеющейся у нас информации, оба они направляются в то место, которое вы нам указали. А откуда оно вам известно?

— Это не моя заслуга. Здесь поработал Гастингс. Он очень умный, правда, обычно ему удается это скрыть — из скромности... Так что мы очень ему обязаны.

Харвей с уважением посмотрел в мою сторону, мне стало неловко.

— Тогда в путь! Остальное обсудим в поезде, — сказал Пуаро. Он был бледен от волнения. — Наше время пришло. Вы все подготовили?

— Все, что вы сказали. Правительства Италии, Франции и Англии готовы, по вашему сигналу они выступят одновременно.

— Прямо новая Антанта¹, — сухо заметил Пуаро. — Я рад, что Дежардо наконец поверил. Ну вот и все. Отправляемся в путь. Собственно, отправляюсь я один. Вы, Гастингс, остаетесь здесь. И не спорьте.

Я, конечно, не согласился, сказав, что мое место всегда рядом с ним, и в конце концов Пуаро уступил.

Когда мы сели в вагон, Пуаро признался мне по секрету, что он очень рад, что я еду с ним.

— У вас, Гастингс, — сказал Пуаро, — будет особая роль. Очень важная. И без вашей помощи у меня может ничего не получиться. Я очень рад, что вы настояли на своем, так как я не мог не предложить вам остаться на вилле.

— А что, это опасно?

— Да, mon ami, это очень опасно.

Прибыв в Париж, мы проехали на Восточный вокзал и опять сели в поезд. Здесь Пуаро объявил, что мы едем в Больцано², в Итальянский Тироль³.

¹ Антанта (*фр* «согласие») — название объединения государств, возникшего в начале XX века перед Первой мировой войной и ставшего военным союзом против Германии. Первоначально пакт был заключен между Англией и Францией, потом к нему присоединилась Россия, а к началу войны — Япония.

² Больцано — город в Северной Италии в одноименной провинции.

³ Итальянский Тироль — область в Альпах в северной части Италии

Воспользовавшись отсутствием Харвея, я спросил Пуаро, почему он считает, что честь открытия штаб-квартиры Большой Четверки принадлежит мне.

— Это ваша заслуга и Инглеса. Как ему удалось узнать о месте встречи Большой Четверки, я не знаю, но он узнал и послал к нам своего слугу. Сейчас мы направляемся в город Каррерси, который сейчас называется Лаго ди Карецца. Вы понимаете теперь, что из вашего «Кара Зиа», «Кароцца» и «Ларго» нам удалось извлечь нужное название.

— Каррерси? — переспросил я. — Я такого города не знаю.

— Я всегда говорил, что англичане несильны в географии. Каррерси — всемирно известный курорт, расположенный в самом центре Доломитовых Альп¹ на высоте тысяча двести метров над уровнем моря.

— И в этом месте Большая Четверка назначила встречу?

— У них там штаб-квартира. Уже дан сигнал о начале переворота, и теперь они решили, что им всем целесообразно находиться в своем штабе, чтобы отсюда отдавать приказания. Я навел справки и узнал, что небольшая итальянская горнодобывающая фирма, контрольный пакет акций которой принадлежит Эйбу Райленду, в самом центре одного из массивов построила тайное и неприступное убежище. Сейчас они там и по радио отдают приказы своим отрядам. У них тысячи сторонников в каждой стране. Конечно цель — повсеместный захват власти. В Доломитовых Альпах появилось бы правительство вселенских диктаторов. Но в их планы, к счастью, вмешался Эркюль Пуаро.

— И вы во все это верите, Пуаро? Но ведь существуют же армии разных демократических стран, у которых сверхмощное вооружение. Плюс более совершенное государственное устройство.

— Вспомните революцию в Россию, Гастингс. Тут все будет намного страшнее. И не забывайте про фанатичную мадам Оливье, она ведь гений, своими открытиями заткнула за пояс самих Кюри: одни опыты с радием чего стоят. Ей удалось высвободить энергию атома, которую она может использовать для каких угодно целей. Кроме того, насколько я знаю, — продолжал Пуаро, — она проводила опыты по созданию установки, способной сфокусировать мощ-

¹ Доломитовые Альпы — горный массив в Восточных Альпах на северо-востоке Италии, курорт и центр туризма

ный луч разрушительной силы. Насколько она продвинулась в своих опытах, мало кто знает.

А если учесть,— подвел итоги Пуаро,— что в распоряжении Четверки еще и миллиарды Райленда, и изощренный ум Ли Чан-йена, то ясно, что с такой организацией никакое правительство, пусть даже самое совершенное, не справится.

Рассуждения Пуаро заставили меня задуматься. Хотя иногда Пуаро и любил для красного словца сгущать краски, но паникером он никогда не был. В первый раз я понял, какой опасности мы подвергаем себя, направляясь в самое логово врага.

Вскоре вернулся Харвей, и мы продолжили наш маршрут.

В Больцано мы приехали в полдень. Далее можно было ехать только на машине. На центральной площади стояло несколько больших синих автомашин. Мы пересели в одну из них. Несмотря на жару, Пуаро был одет в пальто и закутан в шарф так, что видны были только одни глаза и кончики ушей.

То ли он боялся простудиться, то ли это была мера предосторожности — не знаю. Ехали мы несколько часов. Сначала дорога петляла меж величественных утесов с шумными искрящимися водопадами. Потом мы пересекли не менее живописную долину, потом дорога снова пошла вверх, и наконец нашему взору открылись заснеженные горные вершины, а потом и сосновые леса, росшие на отрогах. Как все-таки прекрасна дикая природа... Одолев несколько витков меж лесистых склонов, мы неожиданно увидели большое здание. Это и была наша гостиница.

Комнаты для нас были заказаны заранее, и Харвей повел нас наверх. Из окон наших апартаментов открывался вид прямо на вершину горы, поросшей густым ельником.

— Это здесь? — вполголоса спросил Пуаро.

— Да,— ответил Харвей.— Это место называется Фелсенский лабиринт: видите вон те громадные валуны, расположенные самым причудливым образом? Среди них проложена тропинка. Чуть правее бывшая каменоломня, а вход в подземелье, я думаю, рядом с каким-нибудь валуном.

Пуаро кивнул.

— Пойдемте, топ аті,— обратился он ко мне.— Пойдемте вниз на террасу и немного погреемся на солнышке.

— Вы считаете, что это разумно?

Пуаро пожал плечами.

Солнце довольно сильно пригревало. Было время чая, но мы выпили кофе со сливками, а потом отправились распаковать вещи. К Пуаро невозможно было подступиться — он весь был в своих мыслях. Изредка он качал головой и тяжело вздыхал.

А у меня из головы не шел некий субъект, который вышел вместе с нами в Больцано и которого ждала машина. Он был маленького роста, но мое внимание он привлек главным образом потому, что, как и Пуаро, был закутан шарфом по самые глаза. Помимо всего прочего, на нем были огромные синие очки. Я был уверен, что это прибыл эmissар Большой Четверки, и поделился своими опасениями с Пуаро. Тот ничего мне не ответил, но, когда посмотрев в окно, увидел, что этот коротышка входит в гостиницу, признал, что, возможно, я и прав.

Я уговаривал Пуаро не спускаться в столовую, а заказать обед в номер, но он не послушался. Мы заняли столик возле окна. Когда мы усаживались, то услышали сначала чье-то восклицание, а потом звук разбившейся тарелки, несколько фасолин попали в сидящего за соседним столиком человека.

На шум появился метрдотель и рассыпался в извинениях.

Когда провинившийся официант принес нам суп, Пуаро спросил:

— Неприятный случай, что и говорить. Но вы не виноваты.

— Вы видели, мосье? Я конечно же не виноват. Тот джентльмен вдруг как вскочит со стула — я подумал, что он хочет на меня броситься, ну и невольно отшатнулся.

Я увидел, как в глазах Пуаро загорелись знакомые мне зеленые огоньки. Когда официант отошел, он сказал:

— Вот видите, Гастингс, какой эффект произвело появление живого и невинного Эркюля Пуаро?

— Вы полагаете...

Внезапно Пуаро схватил меня за руку.

— Смотрите, Гастингс, что он делает,— прошептал он.— Лепит шарик из хлебного мякиша. Это Номер Четыре.

И правда, сидящий за соседним столиком человек, бледный как мел, машинально катал по столу хлебный шарик.

Я тайком его разглядывал. У него было гладко выбри-

тос одутловатое лицо с нездоровой желтизной, под глазами круги, а от носа к уголкам рта спускались глубокие складки.

На вид ему можно было дать от тридцати пяти до сорока пяти лет. Ни малейшего сходства с прежними из встреченных нами персонажей, и, если бы не эта его привычка катать по столу хлебный мякиш, мы бы, конечно, его не узнали.

— Он вас узнал,— прошептал я.— Не нужно было спускаться вниз.

— Мой дорогой Гастингс, этого момента я ждал целых три месяца.

— Чтобы испугать Номера Четвертого?

— Да, но непременно в тот момент, когда он должен либо немедленно действовать, либо на время затаиться. Он выдал себя, но он этого еще не знает, думает, что в теперешнем своем обличье он в безопасности. Как я благодарен Флосси Монро за то, что она вспомнила об этой его привычке.

— И что же дальше? — спросил я.

— Дальше? — переспросил Пуаро.— Итак, он узнаёт, что человек, которого он больше всего боялся, жив. И это в тот момент, когда Большая Четверка уже начала действовать. Мадам Оливье и Эйб Райленд были здесь на лэнче. Все считают, что они уехали в Кортину¹, и только мы знаем, что они укрылись в своем убежище. Как много нам известно? Я думаю, Номер Четыре задает себе именно этот вопрос. Рисковать он не хочет, но ему нужно во что бы то ни стало изолировать меня... Так позволим же ему попросить это сделать. Я готов.

Когда он кончил свой монолог, мужчина, сидевший за соседним столиком, встал и вышел.

— Он удалился,— спокойно заметил Пуаро,— чтобы отдать необходимые распоряжения. Пойдемте на террасу, друг мой, и выпьем наш кофе там. Там гораздо приятнее. Я только схожу за пальто.

Немного встревоженный, я вышел на террасу. Мне не очень нравилась чрезмерная уверенность Пуаро, однако, уговаривал я себя, мы будем начеку и с нами ничего не случится.

¹ Кортина (Кортина д'Ампеццо) — город в Италии в долине Доломитовых Альп, климатический курорт и центр летних и зимних видов спорта.

Через пять минут Пуаро вернулся — уже в пальто и снo-ва так замотанный шарфом, что лица совсем не было видно — торчали только кончики ушей. Он сел рядом и стал потягивать кофе.

— Только в Англии подают такой ужасный кофе,— заметил он.— На континенте знают, как варить кофе, чтобы он не нарушал процесса пищеварения.

Едва он это изрек, как на террасе появился тот господин из-за соседнего столика. Не колеблясь ни минуты, он взял стул и придвинулся к нашему столику.

— Надеюсь, не помешаю вам,— обратился он к нам по-английски.

— Нисколько, мосье,— ответил Пуаро.

Я насторожился. Хотя вокруг нас ходили люди, на душе у меня было беспокойно. Я чувствовал приближение опасности.

Между тем Номер Четвертый изображал из себя заядлого туриста и без умолку говорил об экскурсиях, на которых он побывал, об автомобильных поездках, о местных достопримечательностях...

Затем он вытащил из кармана трубку и закурил. Пуаро, в свою очередь, достал свои тоненькие сигареты. Когда он поднес одну из них к губам, незнакомец наклонился к нему с зажигалкой.

— Пожалуйста, прикуривайте,— сказал он.

Когда он произнес эти слова, все фонари на террасе погасли. Послышался звук бьющегося стекла, потом в нос ударил какой-то едкий запах... и я потерял сознание.

Глава 18

В штаб-квартире Большой Четверки

Через несколько минут я очнулся и понял, что меня волокут под руки двое мужчин и что во рту у меня кляп. Была полная темнота, но я сообразил, что мы находимся в гостинице, а не на террасе. Я слышал кругом возмущенные возгласы на разных языках — люди требовали немедленно зажечь свет. Мы спустились по каким-то ступенькам вниз, потом миновали коридор и через стеклянную дверь вышли на улицу.

Снаружи было чуть светлее, и я увидел, что двое других мужчин тащат еще одного человека, и понял, что это Пуаро.

Действуя ва-банк, Номер Четыре выиграл и этот раунд. Я думаю, что он разбил колбу с хлороформом и усыпил нас, а его помощники, сидевшие за соседними столиками, воспользовавшись темнотой и нашим беспамятством, засунули нам во рты кляпы и заташили в гостиницу. Затем снова выволокли наружу, но уже через черный ход — чтобы сбить преследователей с толку.

Путь, по которому нас тащили, я и сейчас не в силах описать... Около часа нас волокли по какой-то крутой тропинке — все время вверх — среди камней и валунов. Поразительно, что мы там не сломали себе шеи. В конечном итоге мы очутились на какой-то площадке, и нашему взору открылось фантастическое нагромождение скал и гигантских валунов.

Очевидно, это и был Фелсенский лабиринт, о котором нам рассказывал Харвей. Какое-то время мы петляли по этому лабиринту, созданному, казалось, самим дьяволом.

Неожиданно мы остановились, так как наш путь преградила огромная скала. Один из наших похитителей наклонился и, по-видимому, нажал на какой-то рычаг, потому что скала вдруг легко отошла в сторону, и показался узкий тоннель, который вел в глубь горы.

Нас потащили туда. Сначала ход был узкий, потом стал шире, и наконец мы вошли в большую каменную пещеру, залитую электрическим светом. По знаку Номера Четвертого, стоявшего у стены и насмешливо улыбающегося, нас освободили от кляпов и обыскали, вытащив из карманов все, что там находилось, в том числе и пистолет Пуаро.

Сердце мое сжалось. Мы были схвачены врагами. Их было много, нас — двое, безоружных и беззащитных. Это был конец.

— Добро пожаловать в штаб-квартиру Большой Четверки, мосье Пуаро, — сказал Клод Даррел насмешливо. — Очень приятная неожиданность — снова увидеть вас. Но стоило ли возвращаться с того света, чтобы снова туда угодить?

Пуаро не ответил. Я не решался даже посмотреть на него.

— Следуйте за мной! — скомандовал Четвертый. — Хочу порадовать своих коллег. Для них это будет настоящий сюрприз, — добавил он и показал на небольшую дверь в стене. Мы вышли, прошли по коридору и очутились в другой комнате. В конце ее стоял длинный стол с четырьмя кресла-

мн. В первом — пустом — лежала накидка китайского мандарина. Во втором сидел, покуривая неизменную сигарету, Эйб Райленд, в третьем, откинувшись на спинку, полулежала мадам Оливье с ее горящими безумными глазами и монашеским лицом. Четвертое кресло занял Номер Четвертый.

Итак, мы предстали перед Большой Четверкой.

Еще никогда я так сильно не ощущал, насколько реален Ли Чан-йен, насколько могуществен, хотя кресло его было пусто. Даже находясь в далеком Китае, он контролировал события и руководил всеми действиями своей преступной организации.

Увидев нас, мадам Оливье слабо вскрикнула. Райленд же, гораздо лучше владеющий собой, только пыхнул сигарой и удивленно поднял седые брови.

— Мосье Пуаро,— медленно произнес он.— Вот так сюрприз! А мы думали, что вы уже давно в раю. Однако,— в его голосе прозвучали стальные нотки,— игра окончена.

Мадам Оливье не сказала ничего, только глаза ее блистали недобрым светом, и это мне не понравилось, равно как и ее кривая улыбка.

— Мадам и месье,— вдруг раздался спокойный голос Пуаро.— Позвольте пожелать вам доброго вечера!

Все это он произнес таким странным голосом, что я повернулся к нему. Он держался спокойно, только внешность его была какой-то... не совсем его.

Сзади послышался шум раздвигаемых штор, и в комнату вошла графиня Росакова.

— Ага! — сказал Номер Четвертый.— Наша дорогая боевая помощница. Посмотрите, кого мы поймали,— ваш старый дружок.

— Господи! — воскликнула графиня с обычной своей страстностью.— Да это же наш маленький человечек! Похоже, у него, как у кошки, девять жизней. Эх, малыш, малыш, зачем вы опять встряли в это дело?

— Мадам,— Пуаро поклонился ей,— я, подобно великому Наполеону, сражаюсь на стороне больших батальонов¹.

В ее глазах мелькнуло какое-то сомнение, и я понял,

¹ Обыгрывается приписываемый Наполеону Бонапарту афоризм: «Большие батальоны всегда правы». «Быть на стороне больших батальонов» равнозначно «Быть на стороне победителей».

что меня мучило все это время: стоящий возле меня человек не был Пуаро.

Да, он был очень похож на Пуаро. Та же голова яйцевидной формы, та же осанка, та же фигура. Но голос у него был другой, и глаза из зеленых стали темными, и усы... знаменитые усы!

Мои размышления прервал голос графини.

— Вас хотят обмануть, господа! — закричала она. — Этот человек не Эркюль Пуаро.

Номер Четвертый чертыхнулся. Графиня подошла к Пуаро и схватила его за усы.

И они.. остались у нее в руке. А так как на верхней губе человечка виднелся шрам, лицо его сразу же стало совсем другим.

— Это не Эркюль Пуаро, — констатировал Четвертый. — Тогда кто же?

— Я знаю, — вдруг вырвалось у меня, и тут же замолчал, испугавшись, что совершил грубую оплошность.

Но незнакомец сам повернулся ко мне.

— Скажите им, — сказал он, — если вы уверены, что знаете, кто я. Теперь это не имеет значения, фокус удался.

— Это Ахилл Пуаро, — медленно произнес я. — Брат-близнец Эркюля Пуаро.

— Очередной блеф! — выпалил Райленд, но видно было, насколько он потрясен.

— План Эркюля удался полностью, — спокойно сказал Ахилл Пуаро.

— Удался? — зловещим голосом переспросил Номер Четвертый. — Но вы, надеюсь, поняли, что вам-то придется умереть? И очень скоро.

— Да, я это понял. Это вы не способны понять, что ради спасения мира человек может пожертвовать своей жизнью. Во время войны многие жертвовали собой ради спасения родины. А сегодня это готов сделать я.

Я подумал, что Пуаро мог бы сначала поинтересоваться, готов ли я пожертвовать собой, но вспомнил, как он настаивал на том, чтобы я остался на вилле. Так что пенять было не на что.

— Ну и как же вы собираетесь жертвовать вашими жизнями? — насмешливо спросил Райленд.

— Я вижу, — начал Ахилл Пуаро, — что вы еще не поняли суть плана Пуаро. Начну с того, что ваше подземное убежище было обнаружено еще два месяца назад и практи-

чески все нынешние постояльцы гостиницы — это сотрудники служб государственной безопасности различных стран. Все окрестности оцеплены войсками, так что убежать вам не удастся. Операцией руководит сам Эркюль Пуаро. Перед тем как спуститься на террасу и занять место моего брата, я намазал подметки моих туфель специальным составом из семян аниса¹. Собаки уже пущены по следу и наверняка уже у той скалы, где расположен вход в подземелье. Одним словом, сеть расставлена, и вы в нее попали, а с нами можете делать все что хотите. Все равно никому из вас спастись не удастся.

— Вы ошибаетесь,— засмеялась вдруг мадам Оливье, и глаза ее блеснули дьявольским огнем.— Один путь есть: мы сами разрушим наше убежище, как библейский Самсон², и наши враги погибнут под развалинами вместе с нами. Что скажете на это, друзья?

Райленд не сводил с Ахилла Пуаро злобного взгляда.

— А что, если,— хрипло сказал он,— что, если он лжет? Ахилл Пуаро пожал плечами.

— Через час начнет светать, и вы убедитесь, что я сказал правду. Я думаю, наши люди уже подошли к скале, закрывающей вход.

Как только Ахилл Пуаро произнес последние слова, до нас донесся отзвук взрыва, а через минуту в комнату вбежал, бессвязно крича, какой-то человек. Райленд вскочил с кресла и торопливо удалился. Мадам Оливье встала, прошла в дальний угол и исчезла за дверью, которая вела, как я успел заметить, в отлично оборудованную лабораторию, похожую на ту, которую мы видели у мадам Оливье в Париже. Номер Четвертый тоже ретировался, но через минуту вернулся, держа в руке пистолет Пуаро.

— Убежать они все равно не смогут,— ухмыльнулся он,—

¹ Анис — однолетнее растение из семейства зонтичных, родом из Малой Азии, из семян которого добывается душистое анисовое масло

² Имеется в виду библейская легенда (Ветхий Завет, Книга Судей, гл 13—16) израильтянина Самсона Господь наделил огромной силой, таившейся в волосах юноши. Его возлюбленная, Далила, выведала у него эту тайну и остригла у спящего Самсона волосы, предав его подославшим ее филистимлянам. Те ослепили Самсона и заточили в темницу. Но когда волосы отросли и сила вернулась к Самсону, он обрушил храм филистимлян, погубив и себя, и своих врагов

а с этой игрушкой вы будете чувствовать себя уверенней,— добавил он, протягивая пистолет графине, и снова вышел.

Графиня подошла к нам поближе и долго-долго приглядывалась к моему спутнику. Внезапно она расхохоталась.

— Вы очень умны, мосье Ахилл Пуаро,— с издевкой сказала она.

— Мадам, у меня к вам деловое предложение. Как хорошо, что нас оставили одних. Назовите вашу цену.

— Не понимаю, о чем вы... Какую цену? — Она снова рассмеялась.

— Мадам, вы можете вывести нас отсюда тайным ходом. Вот я и прошу назвать цену.

— Моя цена больше, чем вы можете заплатить,— снова рассмеялась графиня.— Меня нельзя купить ни за какие деньги.

— Я не имею в виду деньги, мадам. Вы же сами только что назвали меня умным. Тем не менее практически каждого человека — я позволю себе повторить ваши слова — можно купить. Что вы хотите в обмен на наши жизни и свободу? Я могу выполнить любое, даже самое сокровенное, ваше желание.

— Вы волшебник?

— Если хотите, да.

Графиня вдруг перестала язвительно улыбаться.

— Глупец! — с горечью произнесла она.— Мое сокровенное желание! Разве вы сможете отомстить моим врагам? Вернуть мне молодость, красоту и радость жизни? Или воскресить мертвых?

Ахилл Пуаро с напряженным вниманием слушал ее монолог.

— Вы назвали три желания, мадам. Какое же из этих трех вы выбираете?

— Вы дадите мне эликсир молодости,— иронически рассмеялась графиня.— Хорошо! Я предлагаю вам условие. Когда-то у меня был сын. Найдите мне моего сына, и вы свободны.

— Я согласен. Ваш сын возвратится к вам. Даю слово, слово... Эркюля Пуаро.

— Мой дорогой мосье Пуаро.— Ее тон снова стал насмешливым.— Боюсь, что вы попали в ловушку. С вашей стороны, конечно, очень благородно обещать вернуть мне сына, но я же знаю, что это невыполнимо.

— Клянусь всеми святыми, мадам, что я верну вам его!

— Я вас уже спрашивала, можете ли вы воскрешать мертвых, мосье Пуаро?

— Вы считаете, что ваш сын...

— Мертв? Да, его нет в живых.

— Мадам! Я клянусь вам еще раз, что воскрешу вашего сына.

Графиня остолбенело уставилась на Ахилла Пуаро.

— Вы мне не верите? Принесите мой бумажник, который у меня отобрали.

Она спешно вышла из комнаты и через минуту вернулась с записной книжкой, на всякий случай держа наготове пистолет. Я подумал, что обмануть ее Ахиллу Пуаро вряд ли удастся — графиня была умной женщиной.

— Откройте его, мадам. С левой стороны небольшой кармашек. Нашли? Там лежит маленькая фотография. Взгляните на нее.

Она с недоверчивым видом взяла фотографию, повернула и... вскрикнув, пошатнулась, но устояла на месте. Потом бросилась к Ахиллу Пуаро.

— Где он? Где мой сын?

— Помните о нашем уговоре...

— Да-да. Я вам верю. Скорее! Они могут вернуться каждую минуту.

Схватив его за руку, она потянула его к двери, я еле успевал за ними. Сначала мы шли тем же путем, что и сюда, но потом туннель раздвоился. Графиня, не раздумывая, пошла направо. Мы поспешили за ней.

— Только бы успеть,— шептала она.— Мы должны выйти на поверхность прежде, чем произойдет взрыв.

Мы ускорили шаг. Я понял, что этот туннель проходит под всей горой, и мы должны выйти на ее противоположную сторону. Обливаясь потом, я старался не отставать от Пуаро и графини.

И вдруг впереди забрезжил свет. Он становился все ярче. Прямо у входа росли густые кусты. Раздвинув их, мы вышли на небольшую лужайку. Занималась заря, все было залито розовым светом.

Ахилл Пуаро не соврал насчет того, что местность вокруг горы была окружена. Не успели мы выйти из кустов, как на нас набросились какие-то люди, но, узнав Пуаро, сразу же отпустили.

— Быстрее! — закричал Ахилл Пуаро.— Быстрее уходите! Нельзя терять ни минуты...

Он не успел закончить фразу. Земля под ногами содрогнулась, послышался ужасный рев, казалось, гора взлетает на воздух. Воздушной волной нас всех разбросало в разные стороны.

Наконец я очнулся и обнаружил, что лежу на кровати в незнакомой комнате. Кто-то стоял у окна. Когда он повернулся ко мне, я увидел... Ахилла Пуаро, но вдруг мне показалось... О Боже!

Знакомый ироничный голос развеял мои сомнения.

— Да, дорогой мой друг, это я. А мой любимый братец отбыл домой, точнее, снова ушел в страну легенд. Все время с вами был я. Не все же лавры должны достаться Номеру Четвертому. С него и так хватит. Я закапал в глаза белаадонну, чтобы расширить зрачки, сбрил свои знаменитые усы и наклеил фальшивые, а для убедительности два месяца назад сделал себе шрам на верхней губе. Только такой ценой я мог провести Номера Четвертого. И ведь он поверил, что перед ним не Эркюль Пуаро. И потом, вы оказали мне неоценимую услугу, подтвердив, что я — это Ахилл Пуаро. Целью моего маскарада было заставить их поверить, что Эркюль Пуаро лично руководит операцией. Все же остальное: оцепление, специальный состав на подшовах — было на самом деле.

— Но почему вы не послали какого-нибудь хорошо загримированного актера? — перебил я его.

— Чтобы я позволил вам пойти в самое пекло, лишив своей помощи и дружеской поддержки? Вы слишком плохо обо мне думаете! И, кроме того, я надеялся выбраться оттуда с помощью графини. Эта женщина более смыслена и проницательна, чем вы, Гастингс. Сначала она поверила, что перед ней Ахилл Пуаро. Помните, она воскликнула: «Вас хотят обмануть! Это не Эркюль Пуаро!» Но скоро поняла, что ошиблась. Когда она сказала: «Вы очень умны, мосье Ахилл Пуаро!» — я сразу догадался, что она меня раскусила. И понял, что настал момент пойти с козырной карты.

— Вы имеете в виду этот вздор с воскрешением ее сына?

— Это не вздор, Гастингс. Ее сын уже был у меня.

— Как так?

— Вы же знаете, что мой девиз: «Будь готов ко всему!» Как только я узнал, что графиня стала работать на Большую Четверку и пользуется их доверием, то тщательно изучил ее прошлое. Я узнал, что у нее был сын, которого похитили. Ей сообщили, что он умер. Я проверил все факты. Они не всегда совпадали. Я навел справки и, узнав, что он жив, разыскал его и за кругленькую сумму выкупил у работорговца. Сын графини работал на его подпольном заводе. Мальчик был на грани истощения. Я отправил его в одно надежное место. Там за ним был хороший уход, и, когда он поправился, я сфотографировал его — в новой обстановке на фоне живописного пейзажа. А в нужный момент сделал эффектный ход — согласитесь, это был как раз тот момент...

— Как хорошо, что вы спасли мальчика! — воскликнул я. — Пуаро, вы просто гений!

— Я и сам очень рад, что мне это удалось, так как питаю самую горячую симпатию к этой женщине. Мне было бы очень жаль, если бы она погибла в подполье.

— Мне даже страшно спрашивать, но... что с Четверкой?

— Все тела найдены, их опознали, только Клода Даррела — Номера Четвертого — узнать было очень трудно, голова разлетелась на кусочки. Жаль, что так случилось. Я хотел бы быть уверенным, что это он. Теперь прочтите вот это.

Он протянул мне газету, в которой была отмечена карандашом небольшая статья. В ней сообщалось о самоубийстве Ли Чан-йена, главного инициатора и руководителя неудавшегося заговора.

— Мой великий противник, — мрачно сказал Пуаро. — Так уж распорядилась судьба, что лично с ним мы так и не встретились. Когда он получил известие, что его затея не удалась, то решил уйти из жизни. Самое разумное решение, что еще раз свидетельствует о его незаурядной натуре. Да... жаль, что я так и не увидел истинного лица Клода Даррела, этого палача-эзекутора Большой Четверки. Да, дорогой друг, совместными усилиями мы обезвредили и уничтожили Большую Четверку, самую мощную из всех существовавших когда-либо международных преступных организаций. Теперь вы вернетесь к своей очаровательной жене, а я .. уйду в отставку. Самое большое дело

моей жизни закончено. Всякое другое после него будет казаться просто банальным. Нет, нужно подавать в отставку. Возможно, я уеду в деревню и буду выращивать тыквы. А может быть, даже женюсь и стану таким, как все.

Сказав это, он смущенно рассмеялся. Я надеюсь... Мужчины маленького роста всегда питают симпатию к крупным темпераментным женщинам ..

— Женюсь и стану примерным семьянином,— повторил он.— А вдруг?

ЗАГАДОЧНЫЙ МИСТЕР КИН

РАССКАЗЫ

Перевод
Н КАЛОШИНОЙ

The Mysterious Mr Quin

The Coming of Mr Quin

The Shadow on the Glass

At the Bells and Motley

The Sign in the Sky

The Soul of the Croupier

The Man from the Sea

The Voice in the Dark

The Face of Helen

The Dead Harlequin

The Bird with the Broken Wing

The World's End

Harlequin's Lane

1930

The Love Detective

1950

The Harlequin Tea Set

1971

Глава 1
Явление мистера Кина

В канун Нового года в Ройстон съехались гости

Ближе к полуночи в большой зале остались только взрослые, молодежь, к облегчению мистера Саттертуэйта, отправилась спать

Мистер Саттертуэйт недолюбливал нынешних молодых людей ему претила их грубоватость и постоянное стремление сбиться в кучу Им всем явно доставало утонченности, а с годами в жизни он все более ценил утонченность и изящество

Мистер Саттертуэйт был маленький, сухонький шестидесятидвухлетний господин В его внимательном и странно-шаловливом лице, навевающим смутные воспоминания о сказочных эльфах¹, светилось жадное и неизбывное любопытство делами ближних. Всю свою жизнь мистер Саттертуэйт как бы просидел в первом ряду партера, покуда на сцене перед ним одна за другой разыгрывались людские драмы Он всегда довольствовался ролью зрителя, но теперь, уже чувствуя на себе мертвую хватку старости, стал несколько требовательнее к проходящим перед ним действиям ему все более хотелось чего-то необычного, из ряда вон выходящего

¹ Эльфы — в фольклоре германских народов сказочные воздушные существа, живущие в лесах и на холмах, водят хороводы при лунном свете и доброжелательно относятся к людям

У него несомненно был нюх на такие вещи. Он, как боевой конь, словно чуял, где назревает драма. Так и сегодня весь день, от самого приезда в Ройстон, его не оставляло беспокойство: чудилось, что в доме то ли происходит, то ли вот-вот должно произойти что-то интересное.

Общество собралось немногочисленное: сам радушный хозяин, Том Ившем, и его серьезная, помешанная на политике супруга — в девичестве леди Лора Кин, сэр Ричард Конуэй, солдат, путешественник и охотник; шестеро или семеро молодых людей — мистер Саттертуэйт так и не запомнил их по именам — и Пóрталы.

Вот Пóрталы-то и занимали сейчас мистера Саттертуэйта

Самого Алекса Пóртала он прежде никогда не встречал, но знал о нем все. Он помнил его отца, помнил деда — Алекс же оказался образцовым продолжателем рода. Белокурый и голубоглазый, как все Пóрталы, он в свои сорок без малого лет был в отличной форме, знал толк в играх и был начисто лишен воображения. Типичный отпрыск почтенного английского семейства

Иное дело его жена — австралийка, насколько мистеру Саттертуэйту было известно. Два года назад Пóртал путешествовал по Австралии — там и встретил ее, женился и привез домой. До замужества в Англии ей бывать не приходилось, и однако же, она совершенно не походила ни на одну из известных мистеру Саттертуэйту австралиек.

Сейчас он украдкой наблюдал за ней. Ах, какая интересная женщина! Такая спокойная, но сколько жизни! Да, именно жизни! Она привлекает, даже приковывает к себе внимание, но не красотой — нет, красавицей ее, пожалуй, не назовешь, — а каким-то трагическим обаянием, чарующим всякого — всякого мужчину.

Пока мистер Саттертуэйт-мужчина предавался этим наблюдениям, женское его начало (ибо в натуре мистера Саттертуэйта было немало и женственного) билось над вполне конкретным вопросом: зачем миссис Пóртал красит волосы?

Другой мужчина на его месте, вероятно, вовсе не заметил бы этого. А мистер Саттертуэйт подобные мелочи всегда замечал. Он был озадачен: за свою жизнь он встречал немало брюнеток, высветлявших волосы, однако что-то не мог припомнить ни одной блондинки, которая бы надумала перекраситься в черный цвет.

Все в ней казалось ему загадочным. Он почему-то был уверен, что она либо очень счастлива, либо очень несчастна,— но, к своей досаде, не мог решить, как у нее все обстоит на самом деле. А эта странная напряженность в отношениях с мужем?

«Он ее обожает,— решил про себя мистер Саттертуэйт.— Но, пожалуй что, и немного побаивается.. Да, любопытно! Чрезвычайно любопытно».

Пóртал определенно уже выпил лишнего. Теперь он как-то странно поглядывал на свою жену, когда та смотрела в другую сторону.

«Это нервное,— подумал мистер Саттертуэйт.— Нервы у нее шалют, и она это прекрасно видит, но притворяется, будто все в порядке».

Да, супруги Пóрталы занимали его все больше. С ними творилось что-то неладное, но он никак не мог понять, что именно.

Его размышления прервал торжественный бой больших часов.

— Двенадцать,— объявил Ившем.— Новый год наступил. С Новым годом вас всех! Хотя эти часы на пять минут спешат... Не понимаю, почему дети не захотели остаться встретить Новый год?

— Что-то не верится, чтобы они действительно пошли спать,— спокойно отозвалась его жена.— Скорее всего, подкладывают нам в постель щетки для волос или что-нибудь в этом духе. И отчего это доставляет им такое удовольствие? Не знаю! Нам в детстве ничего подобного и в голову не приходило.

— *Autore temps, autre mœurs*¹,— с улыбкой заметил Конуэй. Высокий, с солдатской выправкой, Конуэй имел много общего с хозяином дома: оба — добрые и прямодушные, и оба без особых претензий на интеллект.

— В детстве,— продолжала леди Лора,— мы обычно становились в кружок, брались за руки и хором пели старинную песню про прежние дни: «Забыть ли старую любовь и дружбу прежних дней»² — какие все-таки трогательные слова!

¹ Иные времена, иные нравы (*фр*)

² Имеется в виду ставшая народной песня «Старое доброе время» на стихи шотландского поэта Роберта Бернса (1759—1796), которую, по традиции, поют на прощание в конце праздничного обеда, митинга и т.п. (*Перевод С. Маршака*)

Ившем занервничал.

— Не надо сейчас об этом, Лора,— пробормотал он и, поспешно отвернувшись, направился в дальний конец залы, чтобы зажечь еще одну лампу.

— Опять я невпопад! — sotto voce ¹ произнесла леди Лора.— Конечно же он вспомнил несчастного мистера Кейпела! Вам не жарко у огня, милая?

Элинор Пóртал вздрогнула.

— Да, спасибо. Пожалуй, я немного отодвинусь.

«Славный у нее голос,— подумал мистер Саттертуэйт.— Низкий, приглушенный — такой долго будет звучать в памяти. Жаль только, что лица ее теперь почти не видно».

— Мистера... Кейпела? — отодвинувшись в тень, снова заговорила она.

— Ну да — бывшего владельца этого дома. Он ведь застрелился... Хорошо, хорошо, дорогой! Не буду, раз ты не хочешь. Разумеется, для моего мужа это был большой удар — он как раз находился здесь, в доме, когда все произошло. Сэр Ричард, вы, кажется, тоже тут были?

— Да, леди Лора.

И тут другие, старинные дедовские часы в углу застонали, засопели, хрипло кашлянули и наконец пробили полночь.

— Счастливого Нового года, Том! — буркнул себе под нос Том Ившем.

Леди Лора решительно свернула вязание.

— Ну, Новый год встретили! — объявила она и, обернувшись к миссис Пóртал, добавила: — Что думаете делать, милая?

Элинор Пóртал торопливо встала.

— Спать, разумеется,— беззаботно ответила она.

«Как бледна,— подумал мистер Саттертуэйт, тоже поднявшись и подходя к столику со свечами.— Днем она выглядела лучше».

Он зажег свечу и со старомодным галантным поклоном подал ее миссис Пóртал. Поблагодарив, она медленно направилась к лестнице.

Тут мистера Саттертуэйта охватил странный порыв: ему вдруг захотелось пойти следом за нею, поддержать ее; непонятно откуда появилось чувство, что этой женщине что-то угрожает. Но порыв прошел, и мистер Сат-

¹ Тихим голосом (*ut*).

тертуэйт устыдился. Кажется, у него самого нервы пошаливают.

Поднимаясь по лестнице, она ни разу не взглянула на мужа, но уже наверху повернула голову и посмотрела на него долгим испытующим взглядом так пристально, что мистеру Саттертуэиту стало не по себе.

Он отметил, что прощается с хозяйкой дома как-то смущенно.

— Будем надеяться, что новый год и в самом деле будет счастливым, — бодро проговорила леди Лора. — Хотя политическая ситуация, как мне кажется, чревата неопределенностью.

— Вы совершенно правы, — серьезно кивал мистер Саттертуэйт. — Совершенно правы.

— Остается пожелать, — не меняя тона, продолжала леди Лора, — чтобы у того, кто первым переступит порог нашего дома, были темные волосы. Вы ведь знаете при мету, мистер Саттертуэйт? Нет? Вы меня удивляете! В Новом году первым в дом должен войти темноволосый — это приносит удачу. Господи, только бы дети не подсунули мне в постель какую-нибудь гадость! От них всего можно ожидать. Такие сорванцы!

И, с сомнением покачав головой, леди Лора величественно двинулась вверх по лестнице.

После ухода женщин кресла пододвинули поближе к пылающим поленьям.

— Ну, говорите, кому сколько! — радушно объявил хозяин, поднимая графин с виски.

Выяснили, «кому сколько», и разговор вновь вернулся к запретной ранее теме.

— Саттертуэйт, вы ведь знали Дерекса Кейпела? — спросил Конуэй.

— Да, немного.

— А вы, Портал?

— Нет! Никогда не встречал.

Ответ Алекса Пóртала прозвучал так неожиданно резко, что мистер Саттертуэйт с удивлением на него посмотрел.

— Не выношу, когда Лора заводит этот разговор, — неторопливо начал Ившем. — Тогда, после случившегося, дом ведь продали какому-то крупному заводчику. А через год он вдруг съехал — что-то ему тут не понравилось. Люди, разумеется, тотчас принялись сочинять всякую чушь насчет привидений и тому подобного, и про дом пошла дурная

слава. Вскоре как раз Лора уговорила меня баллотироваться от Западного Кидлби — нам, понятно, пришлось перебираться в эти края. Надо сказать, подыскать здесь что-нибудь подходящее оказалось не так-то просто. А Ройстон продавался недорого, вот, в конце концов, я его и купил. Все эти сказки о привидениях, конечно, чушь несусветная — но, однако, мало радости без конца выслушивать напоминания о том, что в этом самом доме — в твоём доме — застрелился твой собственный друг. Бедняга Дерек!. Так мы и не узнаем, почему он это сделал.

— Не он первый, не он последний,— сумрачно заметил Алекс Пóртал — И до него многие стрелялись, не объяснившись.

С этими словами он поднялся, чтобы щедрою рукой плеснуть себе еще виски

«Да, с ним явно творится что-то неладное,— сказал себе мистер Саттертуэйт.— Знать бы, в чем тут дело».

— Боже правый, ну и ночка! — заметил Конвей — Слышите, как воет?

— Отменная погодка для привидений! — с беспечным смешком отозвался Пóртал.— Вот уж, наверное, все бесы из преисподней повылезали.

— Послушать леди Лору, так самый чернявый из них должен принести нам удачу,— рассмеялся Конуэй.— Но тихо!.. Что это?

Ветер еще раз жутко взвыл, и, когда все стихло, со стороны запертого парадного явственно послышались три глухих удара: кто-то стучал в дверь.

Все замерли.

— Кого это принесло среди ночи? — воскликнул Ившем.

Гости переглянулись.

— Слуги уже спят,— сказал Ившем.— Пойду отопру.

Он решительно направился к выходу, немного повозился с тяжелыми засовами и наконец открыл дверь. С улицы ворвался порыв ледяного ветра.

В дверном проеме вырисовывался силуэт высокого стройного мужчины. Из-за причудливой игры света, падающего через витраж над дверью, мистеру Саттертуэйту в первую секунду показалось, что на прищельце костюм всех цветов радуги. Но незнакомец уже шагнул в холл — он оказался худощавым брюнетом в обычной дорожной куртке.

— Прошу простить меня за вторжение,— ровным благозвучным голосом заговорил он.— У меня сломалась машина. Собственно, неисправность пустяковая — шофер сам справится, и все же ему придется с ней повозиться как минимум полчаса, а на дворе чертовский холод...

Едва он умолк, Ившем поспешил перехватить инициативу.

— Холод, да еще какой! Заходите, выпьете с нами. С машиной помощь не требуется?

— Нет-нет, спасибо. Шофер знает свое дело. Кстати, моя фамилия Кин — Арли Кин.

— Садитесь, мистер Кин,— пригласил Ившем.— Сэр Ричард Конуэй, мистер Саттертуэйт. Ившем, к вашим услугам.

Мистер Кин раскланялся с присутствующими и сел в кресло, придвинутое гостеприимным хозяином. Теперь блики от огня не попадали на его лицо, и, вероятно, от этого оно казалось неподвижным как маска.

Ившем подбросил в камин несколько поленьев.

— Выпьете?

— Благодарю.

Подавая бокал, Ившем спросил:

— Приходилось вам раньше бывать в наших краях, мистер Кин?

— Да, я проезжал здесь несколько лет назад.

— Вот как?

— Тогда еще этот дом принадлежал человеку по фамилии Кейпел.

— Верно,— кивнул Ившем.— Бедный Дерек Кейпел. Вы были знакомы?

— Да, я знал его.

Тут характер общения Ившема с гостем претерпел неуловимое изменение, заметное разве что для истинного знатока английского менталитета. Если до сего момента в тоне хозяина присутствовала некоторая сдержанность, то теперь от нее не осталось и следа. Мистер Кин знал Дерек Кейпела! Он был другом друга — и как таковой заслуживал полного и безусловного доверия.

— Поразительное дело,— признался Ившем.— Мы как раз об этом говорили. Сказать по чести, так не хотелось покупать этот дом! Отыщись тогда хоть что-нибудь подходящее... Но ничего не нашлось. Когда он застрелился, я ведь был здесь — Конуэй, кстати, тоже — и ей-богу, я

теперь все время боюсь, что его призрак разгуливает по дому.

— Да, необъяснимый случай,— как-то особенно медленно сказал мистер Кин и умолк — точно актер, произнесший важную реплику.

— Необъяснимый — это мягко сказано! — вмешался Конуэй.— Тайна покрытая мраком — вот как это называется. Как тайной была, так тайной и останется.

— Кто знает! — уклончиво заметил мистер Кин.— Простите, что вы сказали, сэр Ричард?

— Я говорю — поразительно! Представьте: мужчина в расцвете сил — счастливый, жизнерадостный, абсолютно беззаботный — ужинает с пятью-шестью приятелями; за ужином весел, полон планов на будущее. И вдруг встает из-за стола, идет в свою комнату, вынимает из ящика револьвер и стреляется. Зачем? Почему? Никто не знает — и не узнает уже никогда.

— Ну, сэр Ричард! — с улыбкой возразил мистер Кин.— Так уж и никогда!

Конуэй недоуменно уставился на него.

— Простите, не понял! Что вы хотите этим сказать?

— Если объяснение пока не найдено — разве это значит, что его никогда не будет?

— Ах, да полно вам! Вовремя не разобрались — а через десять лет и подавно уже концов не найдешь!

Мистер Кин покачал головой.

— Не могу с вами согласиться. В истории, например, происходит как раз обратное: любой историк гораздо точнее опишет вам век минувший, чем тот, в котором живет. Вопрос тут в том, чтобы взглянуть на события с известного расстояния, оценить их истинные масштабы — вопрос относительности, если угодно.

Лицо Алекса Пóртала болезненно дернулось.

— Вот именно, мистер Кин! — подавшись вперед, выкрикнул он.— Именно так! Время не снимает проблемы, только они предстают в другом свете, под иным углом.

Ившем снисходительно улыбнулся.

— Так вы что же, мистер Кин, хотите сказать, что, займись мы сейчас расследованием, так сказать, причин смерти Дерека Кейпела, мы могли бы с таким же успехом докопаться до истины, как и десять лет назад?

— С гораздо большим успехом, мистер Ившем! Отпадает поправка на эмоции, и теперь вы уже способны вспом-

нить события и факты как таковые, вне их субъективной интерпретации.

Ившем недоверчиво хмурился.

— Конечно, понадобится какой-то исходный пункт, — тем же негромким и ровным голосом продолжал мистер Кин. — Как правило, это версия. У вас ведь наверняка есть какая-нибудь версия? Например, у вас, сэр Ричард?

Конуэй задумчиво сдвинул брови.

— Вообще-то есть, конечно, — неуверенно начал он. — Мы думали... да, мы все думали, что в этом деле должна быть замешана... женщина. Обычно ведь как бывает — или женщина, или деньги, так ведь? Ну, с деньгами никаких осложнений быть не могло, с этим у Дерек было все в порядке. Вот и выходит — что же тогда?

Мистер Саттертуэйт вздрогнул. Он немного подался вперед, чтобы вставить в разговор и собственную реплику, но вдруг разглядел наверху, на галерее, неподвижную женскую фигуру. Женщина застыла в неудобной позе, стоя на коленях и прижавшись к перилам, так что заметить ее можно было лишь с того места, где сидел мистер Саттертуэйт. Она явно прислушивалась к их разговору и была так неподвижна, что мистер Саттертуэйт подумал: а не мерещится ли ему все это?

Однако старинный узор на парче ее платья не оставлял сомнений: то была Элинор Портал.

И тут все события этой ночи как бы встали на свои места: мистер Кин был здесь отнюдь не случайным гостем — скорее актером, чей выход на сцену неминуемо должен был последовать за известной репликой... Да, в большой ройстонской зале разыгрывалась драма, ничуть не менее животрепещущая оттого, что одного из актеров уже нет в живых. А в том, что Дерек Кейпел играл в этой пьесе далеко не последнюю роль, мистер Саттертуэйт был глубоко убежден.

И — опять-таки внезапно — на него сошло озарение. Мистер Кин — вот кто все это устроил! Это он ставит пьесу, он раздает актерам текст. Он, находясь в самой сердцевине тайны, дергает за веревочки и приводит марионеток в движение. Он знает все — даже о той несчастной, что застыла сейчас наверху, прижавшись к перилам галереи. Да, он знает все!

Мистер Саттертуэйт из своего уютного кресла с интересом следил за развитием сюжета. Мистер Кин водил кукол, спокойно и умело дергая за нужные веревочки.

— Женщина? — задумчиво проговорил он.— Что ж, это возможно. А за ужином не было разговора о какой-нибудь женщине?

— В том-то и дело, что был! — воскликнул Ившем.— Он ведь объявил нам о своей помолвке, вот в чем весь ужас! Такой был окрыленный... Сказал, правда, что официальное объявление делать еще рано, но вполне определенно намекнул, что намерен вскоре сбросить шкуру старого холостяка.

— Мы, конечно, сразу догадались, кто она,— сказал Конуэй.— Марджори Дилк. Славная была девушка.

Настал, по-видимому, черед мистера Кина высказаться, но он молчал, и его молчание казалось отчего-то многозначительным, будто он подвергал сомнению услышанное. В конце концов Конуэй не выдержал затянувшейся паузы.

— Тогда кто же это мог быть? А, Ившем?

— Не знаю,— медленно заговорил Ившем.— Так... Как же он тогда выразился? Вроде бы хочет сбросить холостяцкую шкуру... но не имеет права назвать имя невесты без ее позволения... а позволить она пока не может. Еще, помню, говорил, что ему невероятно повезло. И что пусть его лучшие друзья знают, что через год в это же самое время он уже будет счастливым супругом. Мы, конечно, решили, что это Марджори. Они ведь дружили, часто встречались.

— Вот только...— начал Конуэй и осекся.

— Что «только», Дик?

— Я хочу сказать, странно все-таки: ведь будь это Марджори, тогда почему сразу не объявить о помолвке? С чего бы это им скрываться? Нет, скорее уж его избранница была женщина замужняя — скажем, разводилась в тот момент с супругом или только что овдовела.

— Да, верно,— кивнул Ившем.— В таком случае о помолвке напрямик не объявишь. И еще, я вот сейчас начинаю припоминать, и выходит, что в последнее время они с Марджори особенно и не виделись. За год до этого — да. А тогда я, помню, еще удивлялся: с чего это они друг к другу охладели?

— Любопытно,— заметил мистер Кин.

— Да-да! Можно было подумать, что кто-то встал между ними.

— Другая женщина,— задумчиво произнес Конуэй.

— Нет, ей-богу,— продолжал Ившем.— Дерек в тот

вечер разошелся прямо-таки до неприличия — шумел, веселился. Будто пьян был от счастья. И в то же время — мне трудно это выразить, но — держался он как-то... вызывающе, что ли.

— Как человек, бросивший вызов судьбе,— угрюмо закончил Алекс Пóртал.

О ком это он — о Дереке Кейпеле? Или о себе? Поглядывая на Пóртала, мистер Саттертуэйт все больше склонился к последнему.

Да, вот кого ему с самого начала напоминал Алекс Пóртал — человека, бросившего вызов судьбе.

От этих соображений его затуманенная изрядным количеством выпитого виски мысль неожиданно метнулась к предмету его тайных наблюдений.

Мистер Саттертуэйт поднял глаза. Она все еще была там — смотрела, слушала, такая же неподвижная, застывшая — словно неживая.

— Вот именно,— отозвался Конуэй.— Кейпел и правда был что-то уж чересчур возбужден — я бы сказал, как игрок, который поставил на карту все,— и неожиданно выиграл, хотя шансы имел почти нулевые.

— Может, набирался мужества перед последним решительным шагом? — предположил Пóртал и, словно повинаясь некой ассоциации, немедленно поднялся за новой порцией виски.

— Ну уж нет,— резко возразил Ившем.— Я поклясться готов, что у него на уме не было ничего подобного. Конуэй прав: Дерек смахивал на игрока, который рискнул, выиграл и никак не мог поверить в свою удачу.

— Да, но через десять минут...— Конуэй обескураженно развел руками.

Помолчали. Наконец Ившем хлопнул ладонью по столу.

— Что-то должно же было произойти за эти десять минут! — воскликнул он.— Должно! Но что? Давайте по порядку. Вот мы сидим, разговариваем. Вдруг посреди разговора Кейпел встает и выходит из комнаты...

— Зачем? — спросил мистер Кин.

Вопрос, казалось, привел Ившема в замешательство.

— Простите, что вы сказали?

— Я просто спросил зачем,— ответил мистер Кин.

Ившем нахмурился, припоминая.

— Вроде бы ничего существенного — так нам казалось в тот момент. Ах да! Принесли почту. Помните, зазвонил колокольчик, и мы еще все так радовались? Мы ведь три

дня сидели без новостей. Тогда как раз бушевала пурга, самая снежная за последние несколько лет. Из-за заносов ни газеты, ни письма не доставлялись. Кейпел пошел узнать, нет ли наконец чего-нибудь, — и вернулся с целым ворохом писем и газет. Развернул газету, просмотрел новости, потом взял письма и поднялся наверх. А минуты через три мы услышали выстрел. Необъяснимо! Совершенно необъяснимо.

— Что ж тут необъяснимого, — пожал плечами Пóртал. — Просто в каком-то письме содержалось неожиданное известие, вот и все. По-моему, вполне очевидно.

— Ну, не думаете же вы, что такая простая мысль не пришла нам в голову. Следовательно, кстати, тоже с этого начал. Но все дело в том, что Кейпел не вскрыл ни единого письма! Все они остались лежать нераспечатанными на туалетном столике.

Пóртал был явно обескуражен.

— Но может быть, он все-таки какое-то письмо вскрыл? Прочитал, а потом уничтожил?

— Нет, это исключено. Конечно, это было бы самое удобное объяснение, но письма, все до единого, остались нераспечатанными. Он ни одно не разорвал, не сжег... Да в комнате и огня не было.

Пóртал покачал головой.

— Как странно!

— Вообще все это было жутко, — тихо сказал Ившем. — Мы с Конуэем услышали выстрел, побежали наверх, а там... Ужас!

— Полагаю, вам ничего не оставалось, как позвонить в полицию? — спросил мистер Кин.

— В Ройстоне тогда еще не было телефона, его провели сюда уже после того, как мы купили дом. А в тот вечер здесь совершенно случайно оказался местный констебль¹. Накануне заблудился любимый пес Кейпела — помните, Конуэй, его вроде бы звали Бродяга? — его чуть пургой не замело. На улице на него наткнулся извозчик, вытащил из сугроба и отвез в полицейский участок. Там Бродягу узнали, и констебль по пути заглянул в Ройстон сообщить об этом. Он вошел на кухню как раз за минуту до того, как раздался выстрел, — так что полицию вызывать не пришлось.

— Боже, какая была метель! — снова заговорил Конуэй. — Ведь тогда, кажется, тоже было начало января?

¹ Констебль — младший полицейский чин

— Скорее, уже февраль. Да, мы как раз собирались ехать за границу.

— Да нет, я точно помню, что январь! Мой скакун, Нед — помните моего Неда? — захромал в конце января, так это уже после всех этих событий!

— Тогда, значит, самый конец января. Надо же, как все забывается! Прошло каких-то несколько лет, и так трудно вспомнить, когда что было.

— Да, трудное дело,— согласился мистер Кин.— Разве что отыщется какое-нибудь заметное событие — для ориентира — скажем, покушение на монарха или какое-нибудь шумное дело об убийстве.

— Ну конечно! — вскричал Конуэй.— Все же случилось как раз перед делом Эпплтона!

— А не после?

— Нет-нет! Вспомните: Кейпел бывал у Эпплтонов и, кстати, гостил у них и той весной, за неделю до смерти старика. Однажды зашел о них разговор, и Дерек все удивлялся, как только его жена — такая молодая, красивая — выносит этого старого скрягу. Тогда еще не было подозрений, что она же сама его и прикончила.

— Черт, а ведь верно! Я сейчас припоминаю, как читал в газете: «Получено разрешение на эксгумацию¹ трупа», — как раз в тот злополучный день. Помню еще, голова у меня была занята этим — но только наполовину, а вторая половина все не могла опомниться от изумления: как это так — несчастный Дерек лежит там наверху совсем один, мертвый...

— Любопытная вещь,— заметил мистер Кин.— В самые критические минуты наше сознание непременно выхватывает из происходящего какую-нибудь незначительную деталь, а потом упрямо возвращается к ней снова и снова, словно она неотделима от переживаний того момента. Какой-нибудь пустяк, рисунок на обоях — а ни за что потом не выкинешь из головы.

— Интересно, что вы именно сейчас об этом заговорили, мистер Кин,— сказал Конуэй.— Мне как раз в этот момент вдруг показалось, что я снова в комнате Дерекса Кейпела. Он лежит мертвый у моих ног, а за окном передо мной огромное дерево и тень от него на снегу. Вот так все

¹ Эксгумация — извлечение из земли тела покойника для более точного установления причин смерти с помощью судебно-медицинской экспертизы

и стоит перед глазами — лунный свет, снег и на снегу — тень от дерева. Ей-богу, мог бы все это нарисовать по памяти, а ведь в ту минуту я и думать не думал, что смотрю на какое-то дерево.

— Он, кажется, занимал большую комнату над парадным? — уточнил мистер Кин.

— Ну да. А дерево — это тот огромный бук, что растет у дороги на повороте к Ройстону.

Мистер Кин удовлетворенно кивнул. Мистер Саттертуэйт испытывал странное волнение. Он нисколько не сомневался, что каждое слово, каждая нотка в голосе мистера Кина исполнена тайного смысла, что он к чему-то клонит — мистер Саттертуэйт не мог еще точно определить, к чему, но ведущая роль ночного гостя в этом спектакле не вызывала сомнений.

После недолгого молчания Ившем вернулся к разговору об Эпплтонах.

— Припоминаю теперь, какой был шум вокруг этого дела. Ее ведь, кажется, оправдали? Надо же, такая интересная блондинка...

Глаза мистера Саттертуэйта, почти против его воли, обратились туда, где у перил застыла коленопреклоненная фигура. Действительно ли она сжалась, как от удара, или ему почудилось? Как почудилось, что чья-то рука плавно, как дирижерская палочка, скользнула вверх и замерла у края стола.

Послышался звон разбитого стекла. Это Алекс Пóртал опять собирался наполнить свою рюмку — но выронил графин.

— Ах... простите! И как это я...

— Ничего, дружище, — прервал его Ившем. — Пустяки. Однако любопытно: миссис Эпплтон — она ведь, помнится, тоже тогда разбила графин? Тот самый, из-под портвейна.

— Да. Старик имел обыкновение каждый вечер за ужином пить портвейн — одну рюмку, ни больше ни меньше. А на другой день после его смерти кто-то из слуг видел, как она вынесла графин на улицу и грохнула его оземь. Ясное дело, поползли слухи. Все ведь знали, что ей за ним не сладко жилось. Молва об этом распространялась все дальше и дальше — и в конце концов его родственники потребовали произвести эксгумацию. И точно, выяснилось, что старик таки был отравлен. Мышьяком, кажется?

— Нет, вроде бы стрихнином. Впрочем, мышьяком,

стрихнином — не все ли равно: яд есть яд! И кроме нее, **подсыпать** его было некому. Миссис Эпплтон, правда, **выиграла** процесс. Но оправдали ее не потому, что она **смогла** представить убедительные доказательства своей невиновности, а скорее от недостатка улик. Повезло, одним словом. Да, тут уж не приходилось сомневаться, чьих рук это дело. А что с ней было после?

— Кажется, уехала в Канаду. А может, в Австралию? Там у нее нашелся то ли дядя, то ли еще какой родственник, предложил поселиться у него. А что ей еще оставалось делать?

Мистер Саттертуэйт никак не мог отвести взгляд от правой руки Алекса Пóртала, сжимающей бокал. Как он в него вцепился!

«Господи, еще немного — и он его раздавит,— подумал мистер Саттертуэйт.— Однако все это ужасно любопытно!»

Ившем поднялся налить себе виски.

— Увы, не очень-то мы подвинулись в выяснении причин самоубийства,— заметил он.— Что ж, мистер Кин, расследование можно считать неудавшимся?

Мистер Кин рассмеялся

Странный это был смех, высокомерный — и вместе с тем печальный. Всем стало не по себе.

— Прошу прощения, мистер Ившем,— заговорил он,— но вы все еще живете прошлым. Вам по-прежнему мешает ваше предвзятое мнение. Я же здесь человек посторонний, почти случайный. Я вижу одни только голые факты.

— Факты? — недоумевающе переспросил Ившем.

— Ну да, факты.

— Что значит — вы видите факты?

— Это значит, что я вижу ряд последовательных событий, которые вы же мне и обрисовали, но сами не вполне уяснили себе их значение. Вернемся еще раз на десять лет назад и попробуем взглянуть на происшедшее непредвзято и без эмоций. Что же мы видим?

Мистер Кин встал и вмиг оказался где-то очень высоко, гораздо выше сидящих. Огонь взметнулся за его спиной.

— Вы ужинаете,— завораживающе-тихим голосом продолжал он.— Дерек Кейпел сообщает вам о помолвке — с Марджори Дилк, как вы подумали в тот момент, хотя сейчас уже не очень в этом уверены. Все замечают, что он необычайно возбужден — как человек, сыгравший ва-банк,

который, по вашим же словам, выиграл при шансах почти нулевых. Раздается звонок в дверь. Он выходит и тут же возвращается с накопившейся за три дня почтой. Писем он не трогает, но газету, как вы сами сказали, просматривает. Прошло уже десять лет, и мы не можем теперь знать, о чем в ней говорилось — о землетрясениях ли на другом конце света или о местных политических кризисах. Нам достоверно известно содержание лишь одной маленькой заметки — а именно той, в которой сообщалось, что три дня назад Министерство внутренних дел санкционировало эксгумацию трупа мистера Эпплтона...

— Что?!

— Дерек Кейпел поднимается к себе и видит что-то из окна своей комнаты,— продолжал мистер Кин — Со слов Ричарда Конуэя нам известно, что окно не было задернуто и что оно выходит на подъездную дорогу. Что же он увидел? Что он мог увидеть такого, что заставило его расстаться с жизнью?

— Да говорите же яснее! Что такого он мог там увидеть?

— Думаю,— отвечал мистер Кин,— что он увидел там полицейского. Того самого, который зашел сообщить насчет собаки — но Кейпел-то об этом не знал! Он просто увидел полицейского — и все.

Над залой повисла долгая пауза — словно всем требовалось время, чтобы переварить услышанное.

— Боже мой! — наконец прошептал Ившем.— Не хотите же вы сказать, что Дерек?.. Но его же не было там в день смерти старика! Эпплтон находился дома вдвоем с женой...

— Но он мог гостить у них, например, за неделю до этого. Соединения стрихнина, за исключением гидрохлорида, плохо растворимы, следовательно, если подсыпать яд в графин с портвейном, то он почти весь опустится на дно и попадет в самую последнюю рюмку — а свою последнюю рюмку портвейна старик мог выпить и через неделю после отъезда Дерека Кейпела.

Глаза Пóртала налились кровью.

— Но зачем она разбила графин? — рванувшись вперед, прохрипел он.— Зачем, а? Скажите, зачем?

Тут мистер Кин в первый раз обратился непосредственно к мистери Саттертуэйту:

— Мистер Саттертуэйт! У вас, мне думается, богатый жизненный опыт. Возможно, вы объясните нам, зачем она это сделала?

Голос мистера Саттертуэйта слегка дрогнул. Наконец-то настал его черед: теперь он тоже был актером, а не зрителем, и ему предстояло произнести одну из ключевых реплик в этой пьесе.

— Насколько я понимаю, — скромно начал он, — Дерек Кейпел был ей... небезразличен. Поэтому — как женщина, я полагаю, порядочная — она попросила его уехать. Когда неожиданно скончался ее супруг, она кое-что заподозрила и, дабы спасти любимого человека, уничтожила возможную улику. Позднее он, вероятно, убедил ее, что все ее подозрения безосновательны, и она даже согласилась выйти за него замуж. Но и тогда она все еще сомневалась — женщины, как мне кажется, многое чувствуют инстинктивно.

Мистер Саттертуэйт сыграл отведенную ему роль.

Внезапно тишину нарушил долгий сдвоенный вздох.

— Господи! — подскочил Ившем. — Что это?

Мистер Саттертуэйт мог бы, конечно, ответить, что это Элинор Пóртал на галерее, но природный артистизм не позволил ему испортить такую эффектную сцену.

Мистер Кин улыбался.

— Моя машина, наверное, уже готова. Благодарю за гостеприимство, мистер Ившем. Думаю, мне удалось кое-что сделать для нашего покойного друга.

Все смотрели на него в немом изумлении.

— А вы не задумывались об этой стороне вопроса? Он ведь любил эту женщину — любил настолько, что ради нее пошел даже на убийство. Когда его настигло, как он полагал, возмездие, он покончил с собой. Только вот не предусмотрел, что ей придется за все расплачиваться.

— Но ее оправдали, — пробормотал Ившем.

— Оправдали за недостатком улик? Сдается мне — хотя, возможно, я и ошибаюсь — что она и сейчас еще .. расплачивается

Пóртал бессильно откинулся в кресле, закрыв лицо руками.

Кин обернулся к Саттертуэйту.

— До свидания, мистер Саттертуэйт. Вы, кажется, большой поклонник драматического искусства?

Мистер Саттертуэйт удивленно кивнул.

— Позволю себе порекомендовать вам Арлекинаду¹. В

¹ Арлекинада — жанр итальянской народной комедии, пантомима, главным персонажем которой и двигателем интриги является Арлекин — клоун, шут, носящий маску и пестрое, из разноцветных лоскутков, усыпанное блестками трико

наше время этот жанр тихо умирает — но, уверяю вас, он вполне заслуживает внимания. Его символика, пожалуй, несколько сложновата, и все же — бессмертные творения всегда бессмертны. Доброй вам ночи, господа! — Он шагнул за дверь, и разноцветные блики от витража снова превратили его костюм в пестрые шутовские лоскутья...

Мистер Саттертуэйт поднялся в свою комнату. Здесь было довольно светло, он пошел прикрыть окно. На дороге за окном маячил удаляющийся силуэт мистера Кина. Но вот из боковой двери выскользнула женская фигурка и устремилась вслед за ним. С минуту они о чем-то говорили, затем женщина повернулась и направилась к дому. Она прошла под самым окном, и мистер Саттертуэйт снова поразился, сколько жизни в ее лице. Она шла, как в счастье, вольшебном сне.

— Элинор! — раздался чей-то голос.

То был Алекс Пóртал.

— Элинор, прости меня! Прости, ты говорила правду, но я — о Боже! — я так до конца и не поверил тебе...

Мистер Саттертуэйт, конечно, интересовался делами своих ближних, однако при этом он все же был джентльменом, что обязывало его закрыть окно. Так он и сделал.

Но пока он его закрывал — без лишней спешки, разумеется, — он слышал голос восхитительный и неповторимый:

— Знаю, Алекс, все знаю. Ты вынес адские муки — как я когда-то. Знаю, что значит любить — и при этом то верить, то не верить... А эти бесконечные сомнения — ты их отмечаешь, а они снова и снова окружают тебя и глумятся над тобой... Все это мне знакомо. Но муки, которые я пережила с тобой, стократ сильнее. Ведь твое недоверие, твой страх отравляли нашу любовь. Этот человек — случайный прохожий — он спас меня. Пойми, я уже не могла этого вынести. Сегодня — сегодня ночью — я собиралась покончить с жизнью... Алекс... Алекс...

Глава 2

Тень на стекле

— Вот послушайте!

Отставив руку с газетой в сторону, леди Синтия Дрейдж зачитала:

«На этой неделе мистер и миссис Анкертон устраивают

прием гостей. В Гринуэйз съедутся: леди Синтия Дрейдж, мистер и миссис Ричард Скотт, кавалер ордена «За боевые заслуги»¹ майор Портер, миссис Стэйвертон, капитан Алленсон и мистер Саттертуэйт».

— Будем хоть знать, кого они приглашали, — небрежно отбросив газету, заметила леди Синтия. — Да уж, в хорошенькой мы оказались компании!

Ответом ей был вопросительный взгляд собеседника — того самого мистера Саттертуэйта, чье имя фигурировало последним в списке гостей. О нем говорили, что если уж он появляется в доме новоиспеченных нуворишей, то, значит, либо там отменное угощение, либо же события вот-вот примут драматический оборот. Мистера Саттертуэйта несказанно занимали комедии и трагедии из жизни его близких.

Леди Синтия, особа средних лет с грубоватыми чертами и изрядным слоем грима на лице, кокетливо ударила его своим наимоднейшим зонтиком, изящно покоившимся у нее на коленях.

— Ну полно, не притворяйтесь! Вы прекрасно меня понимаете. Подозреваю, вы и явились сюда только затем, чтобы получить удовольствие от скандала.

Мистер Саттертуэйт энергично запротестовал. Он и понятия не имеет, о чем это она!

— Не о чем, а о ком! О Ричарде Скотте. Или, может, вы о нем впервые слышите?

— Нет, конечно, не впервые. Он ведь, кажется, охотник на крупного зверя?

— Вот-вот! «На медведя, на тигра и прочее» — как в песенке. Сейчас, правда, за ним самим все охотятся — каждый норовит затащить его в свою гостиную. Анкертоны небось из кожи лезли, чтобы заманить его к себе, да еще с молодой женой. Она прелестное дитя, просто прелестное! Но такая наивная, ей же всего двадцать — а ему должно быть не меньше сорока пяти.

— Миссис Скотт действительно очень мила, — согласился мистер Саттертуэйт.

— Да, бедняжка!

— Почему — бедняжка?

¹ Орденом «За боевые заслуги» награждаются офицеры сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил, а также морской пехоты. Был учрежден в 1886 году.

Леди Синтия бросила на него укоризненный взгляд и продолжала, словно не слыша вопроса.

— Ну, Пóртер тут вообще ни при чем; он типичный африканский охотник — этаким суровый, солнцем опаленный — как положено. Они с Ричардом Скоттом, говорят, друзья до гроба и всякое такое — хотя Скотт, конечно, всегда и во всем был первым. Да, кстати, они ведь как будто и в тот раз охотились вместе...

— В какой — тот?

— В тот самый! Когда с ними ездила миссис Стэйвертон. Нет, сейчас вы мне скажете, что и о миссис Стэйвертон никогда не слышали!

— О миссис Стэйвертон слышал,— с некоторой неохотой признался мистер Саттертуэйт, и они с леди Синтией переглянулись.

— Как это похоже на Анкертонов! — снова заприметила последняя.— Они никогда не станут приличными людьми — светскими то есть. И надо же было умудриться пригласить этих двоих одновременно! Слышать-то они, конечно, слышали и о том, что миссис Стэйвертон тоже много ездила, охотилась, и про книгу ее слышали — и прочая, и прочая. Но разве наши хозяева способны сообразить, чем чреваты такие встречи? Я сама с ними возилась весь прошлый год. Вы не представляете, как я намучилась! Их постоянно надо было одергивать, втолковывать, что-де «это нельзя! То нельзя!». Слава Богу, теперь все уже позади. Да нет, мы не ссорились — упаси Бог, я вообще ни с кем не ссорюсь! — но пусть теперь ими займется кто-нибудь другой. Я всегда говорила, что вульгарность я еще могу стерпеть, но скаредность — никогда.

После этого довольно загадочного высказывания леди Синтия некоторое время помолчала, словно заново переживая скаредность Анкертонов, проявленную, вероятно, по отношению к ней самой.

— Если бы я до сих пор их наставляла,— продолжила она наконец,— я заявила бы им ясно и определенно: нельзя приглашать миссис Стэйвертон вместе со Скоттами! У нее с мистером Скоттом был однажды...— И она многозначительно умолкла.

— А был ли он у них? — спросил мистер Саттертуэйт.

— В Центральной Африке-то, во время их так называемой «охоты»? Ну-у, милый вы мой! Это же всем известно. Меня только поражает, как это у нее хватило наглости принять приглашение Анкертонов.

— Может, она не знала, что Скотты тоже будут? — предположил мистер Саттертуэйт.

— Да нет, боюсь, что знала!

— Вы полагаете?..

— Я полагаю, что она опасная женщина — такая ни перед чем не остановится. Не хотела бы я сейчас оказаться на месте Ричарда Скотта!

— А думаете, его жена ни о чем не знает?

— Совершенно в этом уверена. Но рано или поздно ее просветят, найдется доброжелатель. А-а, вот и Джимми Алленсон! Милый молодой человек! Он спас меня прошлой зимой в Египте — я там чуть не умерла от скуки. Эй, Джимми, идите-ка скорее к нам!

Капитан Алленсон тут же подошел и уселся на газоне подле нее. Это был тридцатилетний красавец с располагающей белозубой улыбкой.

— Хорошо, хоть вы меня позвали, — заметил он. — Скотты воркуют как голубки — я при них — третий лишний, Пóртер пожирает «Филд»¹. Мне уже грозила смерть от тоски в обществе нашей милейшей хозяйки.

Джимми Алленсон и леди Синтия рассмеялись. Мистер Саттертуэйт хранил серьезность: в некоторых отношениях он был до того старомоден, что обычно позволял себе потешаться над хозяевами только уехав домой.

— Бедный Джимми! — посочувствовала леди Синтия.

— Где уж тут приличия блюсти, лишь бы ноги унести! Чуть не пришлось выслушать предлинную историю о фамильном призраке.

— Призрак Анкертонов! — воскликнула леди Синтия. — Какая прелесть!

— Призрак не Анкертонов, а призрак Гринуэйзов, — поправил ее мистер Саттертуэйт. — Они купили его вместе с домом.

— Ах да, — сказала леди Синтия. — Теперь припоминаю. Но он ведь как будто цепями не звенит? Просто маячит в окне, и все.

— Как это — в окне? — заинтересовался Джимми Алленсон.

Но мистер Саттертуэйт не ответил. Через голову Джимми он смотрел на дорожку. Со стороны дома к ним при-

¹ «Филд» — издающийся в Лондоне еженедельный иллюстрированный журнал, печатающий материалы о сельской жизни и сельском хозяйстве, садоводстве, охоте и т. п. Был основан в 1853 году

ближались трое: двое мужчин и между ними стройная молодая женщина. Мужчины на первый взгляд были очень похожи друг на друга: оба высокие, темноволосые с бронзовыми лицами и живыми глазами — однако при ближайшем рассмотрении выяснялось, что сходство их кажущееся. Во всем поведении Ричарда Скотта, знаменитого охотника и путешественника, проявлялась яркая индивидуальность; он просто лучился обаянием. Джон Пёртер, его друг и товарищ по охоте, держался гораздо скромнее, к тому же был покрепче сложен, имел бесстрастное, маловыразительное лицо с почти неподвижными чертами и серые задумчивые глаза. Он, видимо, вполне довольствовался ролью второй скрипки при своем друге.

А между мужчинами шла Мойра Скотт, которая всего три месяца назад звалась Мойрой О'Кеннел: легкая девичья фигурка, мечтательный взгляд больших карих глаз и нимб золотисто-рыжих волос.

«Совсем еще ребенок,— отметил про себя мистер Саттертуэйт.— Кто же посмеет причинить ей боль? Как бы это было гнусно!»

Леди Синтия приветствовала подошедших взмахом своего бесподобного зонтика.

— Садитесь и не мешайте слушать,— приказала она.— Мистер Саттертуэйт рассказывает о призраке.

— Обожаю истории о призраках! — сказала Мойра Скотт и опустилась на траву.

— Призрак дома Гринуэйзов? — спросил Ричард Скотт.

— Да. Вы тоже о нем слышали?

Скотт кивнул.

— Я бывал здесь прежде — до того, как Эллиотам пришлось продать дом,— пояснил он.— «Следящий Кавалер»¹,— так он у них, по-моему, зовется?

— Следящий Кавалер,— завороченно повторила его жена.— Как интересно! Пожалуйста, продолжайте!

Но продолжать мистеру Саттертуэйту, по-видимому, расхотелось. Он уверил миссис Скотт, что во всей этой истории нет решительно ничего интересного.

— Ну вот, Саттертуэйт, вы и попались! — усмехнулся Ричард Скотт.— Своим нежеланием говорить вы вконец ее заинтриговали.

¹ Кавалер — исторически роялист, сторонник короля Карла I Стюарта в эпоху Английской буржуазной революции 1640—1653 годов

По общему требованию мистеру Саттертуэйту пришлось продолжить.

— Право же, ничего интересного, — оправдывался он. — Насколько я понимаю, это история кавалера — какого-то дальнего предка Эллиотов. Его жена завела себе любовника из «круглоголовых»¹. Любовник убил мужа, и преступная парочка бежала. Но, покидая эти места, беглецы в последний раз обернулись и увидели наверху, в окне той комнаты, где произошло убийство, лицо убитого мужа: он неотрывно следил за ними. Вот такова легенда, ну, а сам призрак — это всего-навсего расплывчатое пятно на оконном стекле в той самой комнате: с близкого расстояния оно почти неразлично, но издали создается полное впечатление, что из-за стекла на вас глядит мужское лицо.

— Это которое окно? — оборачиваясь на дом, спросила миссис Скотт.

— Оно с противоположной стороны, — сказал мистер Саттертуэйт. — И уже много лет — точнее говоря, лет сорок — как забито изнутри досками.

— Зачем же было забивать? Вы ведь вроде бы говорили, что призрак по дому не бродит?

— Он и не бродит, — заверил ее мистер Саттертуэйт — А забили... ну, вероятно, просто из суеверия.

Затем он довольно искусно свернул разговор на другие темы. Джимми Алленсон, к примеру, оказался не прочь порассуждать о египетских прорицателях, гадающих на песке.

— Мошенники они все! Напустят туману, наговорят с три короба о прошлом, а спросишь о будущем — ни гугу!

— Мне почему-то казалось — наоборот, — заметил Джон Пёртер.

— По-моему, у них там вообще запрещено предсказывать будущее, — вмешался в разговор Ричард Скотт. — Мойра как-то упросила цыганку ей погадать, так та взглянула на ее руку, вернула шиллинг и сказала, что ничего не берет — или что-то в этом духе.

— Может, она увидела там что-нибудь страшное и не хотела мне говорить, — сказала Мойра.

— Не сгущайте краски, миссис Скотт, — беспечно отозвался Алленсон. — Лично я отказываюсь верить в вашу несчастливую звезду.

¹ Имеется в виду прозвище пуритан, противников короля Карла I, называемых так по их коротко остриженным волосам

«Как знать, как знать...» — подумал про себя мистер Саттертуэйт — и поднял глаза.

Со стороны дома приближались еще две женщины: маленькая черноволосая толстушка в неудачно выбранном наряде грязновато-зеленого цвета и ее спутница — высокая, стройная, в сливочно-белом платье. В первой мистер Саттертуэйт узнал хозяйку дома, миссис Анкертон, о второй он очень много слышал, но до сих пор ни разу еще не встречал.

— А вот и миссис Стэйвертон! — весьма довольным тоном провозгласила миссис Анкертон. — Ну, думаю, представлять никого не нужно — все и так друг друга прекрасно знают!

— Поразительная способность каждый раз сморозить самую чудовищную бестактность, — прошипела леди Синтия, но мистер Саттертуэйт ее не услышал: он смотрел на миссис Стэйвертон.

Гостя держалась легко и непринужденно. Небрежное:

— Привет, Ричард, сто лет с тобой не виделись. Прости, что не смогла приехать на свадьбу. Это твоя жена? Вы, наверное, уже устали знакомиться со старинными друзьями вашего мужа?

Ответ Мойры — сдержанный, несколько смущенный — и вот уже взгляд миссис Стэйвертон обращен на другого старинного друга.

— Привет, Дюн! — В словах, произнесенных с той же легкостью, слышится и неуловимое отличие — теплота, которой не было прежде.

И наконец, внезапная улыбка, которая совершенно ее преобразила. Да, права леди Синтия: это опасная женщина! У нее светлые волосы, синие глаза — такие чистые краски нечасто встретишь среди сирен-обольстительниц¹, — безмятежное, почти равнодушное лицо, медленная тягучая речь и ослепительная улыбка.

Айрис Стэйвертон села — и тут же оказалась в центре всеобщего внимания. Ясно было, что та же участь ожидала бы ее и в любой другой компании.

На этом месте мистера Саттертуэйта отвлекли от размышлений: майор Пóртер предложил прогуляться. Мистер Саттертуэйт — вообще-то не большой любитель прогу-

¹ Сирены — в античной мифологии морские нимфы, своим чарующим пением завлекающие моряков в опасные места на верную гибель

док — не стал возражать, и оба неторопливо двинулись по лужайке.

— Любопытную историю вы нам рассказали,— заметил майор.

— Пойдемте, покажу вам окно,— предложил мистер Саттертуэйт и повел своего спутника вокруг дома.

Вдоль западной стены Гринуэйза располагался аккуратный английский садик — его называли «Укромный», и не без основания: со всех сторон он был надежно укрыт густыми высокими зарослями остролиста¹, и даже ведущая в сад дорожка петляла между изгибами этой колючей зеленой изгороди.

Внутри, впрочем, было очень мило и веяло забытым очарованием строгих цветочных клумб, вымощенных плиткой дорожек и низких каменных скамеечек с искусной резьбой. Дойдя до середины сада, мистер Саттертуэйт обернулся и указал на дом. Почти все окна Гринуэйза выходили либо на север, либо на юг, здесь же, на узкой западной стене, виднелось только одно окно на втором этаже. Сквозь пыльные стекла, к тому же почти сплошь увитые плющом, можно было разглядеть лишь доски, которыми оно было забито изнутри.

— Вот,— сказал мистер Саттертуэйт.

Запрокинув голову, Пóртер посмотрел наверх.

— Гм-м, вижу только какое-то белесоватое пятно на одном из стекол, больше ничего.

— Мы сейчас слишком близко от него,— заметил мистер Саттертуэйт.— На соседнем холме есть одна поляна, вот с нее все и можно увидеть.

Покинув вместе с майором «Укромный» сад, мистер Саттертуэйт резко свернул влево и углубился в лес. На него нашло вдохновение рассказчика, и он уже не замечал, что спутник его рассеян и почти не слушает.

— Когда это окно забили, пришлось, конечно, вместо него проделать другое,— объяснял он.— Новое окно выходит на юг, как раз на ту самую лужайку, где мы с вами только что были. Вот эту-то комнату, по-моему, и отвели Скоттам. Мне потому и не хотелось говорить при всех на эту тему. Ведь миссис Скотт могла разволноваться, узнав, что именно им досталась «комната с привидением».

¹ Остролист — вечнозеленое дерево или кустарник, с глянцевитыми остроконечными листьями и ярко-красными ягодами, которые используются как новогоднее украшение

— Да, понимаю,— сказал Пóртер.

Мистер Саттертуэйт внимательно взглянул на него и понял, что из его рассказа майор не уловил ни слова.

— Очень любопытно,— сказал Пóртер и нахмурился.

Наконец, хлестнув тростью по зеленым верхушкам наперстянки¹, он пробормотал:

— Нельзя было ей приезжать. Нельзя!

Люди часто начинали говорить с мистером Саттертуэйтом в подобной манере. Он казался столь незначительным, что совершенно не воспринимался собеседником. Но слушать он умел как никто другой.

— Да,— повторил Пóртер.— Нельзя было ей приезжать! Шестое чувство подсказывало мистеру Саттертуэйту, что речь идет отнюдь не о миссис Скотт.

— Полагаете, нельзя? — спросил он.

Пóртер медленно и зловеще покачал головой.

— В тот раз я ведь тоже был с ними,— глухо заговорил он,— со Скоттом и Айрис. Она удивительная женщина — и чертовски меткий стрелок.— Пóртер помолчал.— И как только Анкертонам пришлось в голову пригласить их обоих? — неожиданно закончил он.

— По неведению,— пожал плечами мистер Саттертуэйт.

— Это плохо кончится,— сказал Пóртер.— Нам с вами нужно все время быть начеку и держаться к ним поближе.

— Но ведь не станет же миссис Стейвертон ..— начал было мистер Саттертуэйт.

— Я говорю о Скотте,— прервал его майор Пóртер и, помолчав, добавил: — К тому же нельзя забывать и о миссис Скотт.

Мистер Саттертуэйт в общем-то и не забывал о миссис Скотт, но пока его собеседник о ней не упомянул, счел разумным промолчать, не говорить на эту тему.

— Когда Скотт познакомился со своей женой? — спросил он.

— Прошлой зимой в Каире. Все вышло так быстро: через три недели они объявили о помолвке, через шесть обвенчались.

— По-моему, она очень мила

¹ Наперстянка — многолетнее растение с крупными цветами, по форме напоминающими наперсток. В медицине используются его высушенные листья, содержащие дигиталин

— Да, безусловно. И он ее просто обожает — но это ничего не меняет.

И снова он бормотал про себя: «Черт побери, зачем же она приехала...» — и было ясно, что под этим «она» майор Пёртер подразумевает вполне определенную женщину.

Тут как раз они выбрались на поляну, с которой открывался вид на Гринуэйз. Мистер Саттертуэйт остановился и с присущей всем гидам долей гордости протянул руку в направлении дома:

— Взгляните.

Сумерки быстро сгущались, но окно на втором этаже было еще вполне различимо, и там, за стеклом, совершенно отчетливо вырисовывался силуэт мужчины в рыцарской шляпе с плюмажем¹, эпохи Кавалеров.

— Любопытно,— усмехнулся Пёртер.— Действительно любопытно. А что, если стекло вдруг разобьется?

Мистер Саттертуэйт улыбнулся.

— А вот это и есть самое интересное. На моей памяти его меняли по меньшей мере раз одиннадцать, если не больше. Последний раз двенадцать лет назад. Тогдашний владелец дома решил «положить конец рассказням». Но всякий раз результат был один и тот же: пятно появлялось снова. Не сразу: постепенно, мало-помалу — но, как правило, через месяц-другой оно было уже на месте.

Пёртер невольно вздрогнул. Только сейчас он действительно почувствовал интерес к рассказу своего спутника.

— Ну и дела! Чертовщина какая-то. А для чего доски изнутри?

— Видите ли, постепенно эту комнату стали считать проклятой, что ли. Сначала ее занимали Ившемы — и, как нарочно, перед самым их разводом. Потом какое-то время в ней жил Стэнли с женой — как раз тогда он и сбежал со своей певичкой.

Пёртер поднял брови.

— Вот как! Стало быть, опасно не для жизни, а для моральных устоев?

«А вот теперь Скотты,— подумал про себя мистер Саттертуэйт.— Не знаю, не знаю!»

Они молча повернули к дому. По дороге каждый думал о своем. Шли тихо, почти бесшумно ступая по траве,— и вот когда они уже подходили к дому — огибали зеленую

¹ Плюмаж — украшение из перьев на головном уборе

стену остролиста — из глубины «Укромного» сада до них донесся звенящий, гневный голос Айрис Стэйвертон:

— Ты об этом еще пожалеешь! Да, пожалеешь!

Ей отвечал Ричард Скотт, но слишком тихо и невнятно, чтобы можно было что-то разобрать. Потом снова слышался голос женщины. Позже невольным свидетелям разговора пришлось вспомнить ее слова:

— Ревность! Она доводит человека до безумия! Да она и есть безумие! Она ведь и на убийство толкнуть может. Берегись же, Ричард, заклинаю тебя, берегись!

В следующее мгновение она появилась на дорожке перед майором и мистером Саттертуэйтом и, ничего не видя перед собой, словно невменяемая, кинулась к дому.

Мистер Саттертуэйт снова вспомнил, что сказала о ней леди Синтия. Опасная женщина! Впервые он почувствовал неумолимое приближение трагедии, которую невозможно ни предотвратить, ни избежать.

Впрочем, уже к вечеру он устыдился собственных страхов. Чего, собственно, беспокоиться? Миссис Стэйвертон небрежно-равнодушная, как прежде, не проявляла никаких признаков волнения. Мойра Скотт держалась все так же мило и непосредственно. Кстати, обе женщины прекрасно ладили между собой. Сам Ричард Скотт разговаривал громко и оживленно. Словом, все было очень мило.

Озабоченной выглядела одна лишь хозяйка, дородная миссис Анкертон. Она долго поверяла свои горести мистеру Саттертуэйту.

— Вы как хотите, но меня просто дрожь берет. И, скажу вам по секрету, я уже потихоньку от Неда послала за стекольщиком.

— За стекольщиком?

— Ну да — чтобы заменил стекло в этом проклятом окне. Все бы хорошо, Нед им даже гордится — оно, дескать, «придает дому особый шарм». Но я вам прямо скажу: не нравится мне это! Пусть лучше вместо него будет обычное стекло — без всяких там кавалеров в шляпах.

— Но вы забываете... — начал мистер Саттертуэйт. — Впрочем, вам, может быть, и неизвестно: пятно ведь возвращается!

— Ну, не знаю, — пожала плечами миссис Анкертон — Если оно возвращается, это уж, знаете ли, и вовсе ни на что не похоже!

Брови мистера Саттертуэйта поползли вверх, но он промолчал.

— А хотя бы и так,— вызывающе продолжала миссис Анкертон.— Нам с Недом вполне по карману, чтобы раз в месяц — да даже раз в неделю, если надо,— менять стекло.

Мистер Саттертуэйт не нашелся, что возразить. Слишком часто ему приходилось видеть, как все сущее теряется и меркнет перед властью денег, так что, пожалуй, и призрак кавалера вполне мог не выдержать неравной борьбы. Однако явное беспокойство миссис Анкертон показалось ему любопытным. Даже она почувствовала сгущавшееся напряжение в воздухе — только усмотрела в нем отголоски все той же злополучной истории с призраком, а не реальный конфликт между живыми людьми, своими гостями.

Позже в тот же вечер мистеру Саттертуэйту пришлось услышать обрывок еще одного разговора, несколько прояснившего ситуацию. Он уже поднимался в свою комнату по широкой парадной лестнице, когда снизу до него доносились голоса Джона Пёртера и миссис Стэйвертон, сидевших в алькове¹ большой залы. В неподражаемом голосе миссис Стэйвертон звенела легкая досада:

— Да я понятия не имела, что Скотты будут здесь! Знай я об этом, я бы, конечно, не приехала. Но Джон, милый, раз уж я здесь — не уезжать же!..

Поднявшись еще на несколько ступенек, мистер Саттертуэйт уже не мог ничего услышать. «Интересно, правда ли это? — подумал он.— Знала она или нет? И чем все это закончится?»

Он покачал головой.

Однако утром, на свежую голову, ему уже показалось, что вчера он, пожалуй, уж слишком нафантазировал. Некоторое напряжение, конечно, ощущалось — ну и что, это ведь неизбежно при подобных обстоятельствах — но больше-то ничего не было! Все уладилось, и его страхи насчет якобы нависшей угрозы — чисто нервное. Да-да, всему виной нервы — или, может, печень? Точно, печень! Кстати, через пару недель ему ведь уже ехать на воды в Карлсбад².

И вечером, когда начало смеркаться, он по собственному почину предложил майору Пёртеру прогуляться на соседний холм, проверить, как-то миссис Анкертон дер-

¹ Альков — углубление в стене, ниша для мебели (кровати, дивана и т.п.), для статуи и т.д.

² Карлсбад — немецкое название чешского города Карловы Вары, курорта с термальными углекислыми источниками.

жит свое слово: сменили уже стекло или нет. Себе же он сказал: «Моцион и еще раз моцион — вот что мне сейчас нужно!»

Пока они поднимались по лесной тропинке, Пóртер, как всегда, был молчалив, беседу поддерживал в основном мистер Саттертуэйт.

— Сдается мне, мы с вами вчера перестарались,— говорил он.— Навоображали бог весть каких ужасов. В конце концов, надо ведь как-то обуздывать свои чувства, да и, вообще, вести себя соответственно!

— Возможно,— отозвался Пóртер и через минуту добавил: — Как подобает цивилизованным людям.

— То есть?..

— Те, кому долгое время приходилось жить вдали от общества, иногда забывают о приличиях — деградируют, если угодно.

Добрались наконец до поляны. Мистера Саттертуэйта мучила одышка, он очень не любил подниматься в гору.

Обернувшись к окну, он убедился, что лицо кавалера все еще на месте и проступает даже явственней, чем прежде.

— Да, видно, наша хозяйка передумала!

Пóртер лишь мельком взглянул на окно

— Скорее, хозяин заартачился,— равнодушно отозвался он.— Такие господа дорожат фамильными призраками, хотя бы и чужими, и так просто с ними не расстанутся — все ж таки денежки уплачены!

Он немного помолчал, уставившись в одну точку,— но не на дом, а куда-то в гущу обступившего их подлеска — и вдруг спросил:

— А вам не приходило в голову, что цивилизация чертовски опасна?

— Опасна? — Такая неожиданная постановка вопроса поразила мистера Саттертуэйта до глубины души.

— Ну да. В ней ведь нет предохранительного клапана.

Пóртер резко повернулся, и они начали спускаться вниз той же тропинкой, по которой только что поднялись.

— Я, право, не могу уразуметь,— начал мистер Саттертуэйт, с трудом поспевая за размашистыми шагами спутника.— Разве благоразумным людям...— Но неожиданный смех майора окончательно сбил его с толку, и он умолк.

Оборвав смех, Пóртер окинул взглядом своего маленького, благоразумного спутника.

— По-вашему, мистер Саттертуэйт, я говорю ерунду?

Однако есть люди, которые способны предсказывать бую — просто чувствуют ее заранее. И точно так же есть люди, которые могут предсказывать беду. Так вот, мистер Саттертуэйт, беда уже близко. Большая беда! Она может случиться в любой момент. Она...

Он вдруг застыл на месте, вцепившись в локоть мистера Саттертуэйта. И в эту самую минуту, пока они напряженно вслушивались в тишину, до них донеслись два выстрела и вслед за ними крик — женский крик.

— Боже мой! — воскликнул Пóртер.— Вот оно!

Он бросился вниз по тропинке, мистер Саттертуэйт, борясь с одышкой, поспешил за ним. Через минуту они уже выбежали на лужайку близ живой изгороди «Укромного» сада. Навстречу им из-за противоположного угла дома торопились Ричард Скотт и мистер Анкертон. Все четверо одновременно добежали до «Укромного» сада и остановились по обе стороны от входа.

— Это... оттуда,— слабо взмахнул рукой Анкертон.

— Пойдем, посмотрим,— сказал Пóртер и первый свернул в зеленый лабиринт.

Миновав последний изгиб петляющей в зарослях остролиста дорожки, он остановился как вкопанный. Мистер Саттертуэйт заглянул ему через плечо. Ричард Скотт испустил громкий крик.

В «Укромном» саду находились три человека. Двое из них — мужчина и женщина — лежали на траве возле каменной скамейки, третья — миссис Стейвертон — стояла тут же, неподалеку от входа, и расширенными глазами глядела на лежащих. В правой руке она держала какой-то предмет.

— Айрис! — крикнул Пóртер.— Ради Бога, Айрис, что это у тебя?!

Она недоуменно и как-то равнодушно взглянула на предмет в своей руке и, словно удивившись, произнесла:

— Пистолет.

И через несколько секунд — хотя казалось, что прошла целая вечность:

— Я подняла его... с земли.

Мистер Саттертуэйт подошел поближе, туда, где Анкертон и Скотт склонились над лежащими.

— Врача,— бормотал Скотт.— Вызовите скорее врача.

Но врач уже был не нужен. Джимми Алленсон, навсегда оставшийся при мнении, что египетские прорицатели не умеют предсказывать будущее, и Мойра Скотт,

которой цыганка вернула шиллинг, уже погрузились в свой последний — глубокий и вечный — сон.

Осмотром тел занялся Ричард Скотт. Вот у кого были поистине стальные нервы: после вопля отчаяния, вырвавшегося у него в первое мгновение, он уже вполне овладел собой.

— Убита выстрелом сзади, навывлет,— кратко резюмировал он, опуская на землю тело жены.

Затем он приподнял Джимми Алленсона: пуля вошла в грудь и застряла в теле.

Подошел Джон Пóртер.

— Не надо ничего трогать,— угрюмо сказал он.— Пусть до полиции все останется как есть.

— Ах, до полиции! — сказал Ричард Скотт и перевел взгляд на женщину, застывшую у зеленой ограды.

В глазах его вспыхнул недобрый огонь, он шагнул к ней. Но, преграждая путь, наперерез ему двинулся Джон Пóртер. На миг взгляды друзей скрестились как две шпаги.

Пóртер медленно покачал головой.

— Ты ошибаешься, Ричард, это не она,— сказал он.— Да, все против нее — но это не она.

— Тогда откуда,— облизнув пересохшие губы, прохрипел Ричард Скотт,— откуда у нее это?

И снова Айрис Стейвертон тем же безучастным тоном произнесла:

— Пистолет лежал на земле.

— Нужно вызвать полицию,— засуетился Анкертон.— Немедленно! Скотт, может быть, вы позвоните? Да, а кто останется здесь? Кто-то ведь обязательно должен остаться.

Мистер Саттертуэйт, как истый джентльмен, предложил свои услуги. Хозяин принял предложение с явным облегчением и тут же заторопился.

— Пойду сообщу новость дамам — леди Синтии и моей дорогой супруге,— пояснил он.

И мистер Саттертуэйт остался в «Укромном» саду.

«Бедная девочка,— говорил он себе, разглядывая такое юное и — увы! — такое безжизненное тело Мойры Скотт.— Бедная, бедная девочка...»

Ему вспомнилась избитая истина: грехи никогда не проходят даром, рано или поздно за них приходится платить. Ах, так ли уж Ричард Скотт неповинен в смерти своей супруги? Повесят-то, конечно, не его, а Айрис Стейвертон — мистеру Саттертуэйту совсем не хотелось об этом думать,—

но разве нет во всем происшедшем доли и его вины? Грехи никогда не проходят даром...

А платить пришлось ей, невинной девочке.

Мистер Саттертуэйт взирал на нее с глубокой жалостью. Маленькое личико, такое бледное и мечтательное, еще не погасшая полуулыбка на губах; золото кудрявых волос, нежное ушко. Откуда-то капелька крови на мочке. Чувствуя себя едва ли не детективом, он представлял, как во время падения сережка зацепилась за что-то и оторвалась. Наклонившись и вытянув шею, он заглянул из-под низу. Да, так и есть, во втором ушке маленькая жемчужная капелька.

Бедная, бедная девочка.

— Итак, господа,— сказал инспектор Уинкфилд.

Они сидели в библиотеке. Инспектор — мужчина лет сорока с небольшим, в котором с первого взгляда угадывалась недюжинная сила воли и проницательность,— завершал расследование. Он успел опросить почти всех свидетелей и уже сделал для себя соответствующие выводы. В данный момент он выслушивал показания майора Пёртера и мистера Саттертуэйта. Тут же, вперив неподвижный взор выпученных глаз в противоположную стену, сидел мистер Анкертон.

— Итак, господа, если я вас правильно понял, вы возвращались с прогулки,— продолжал инспектор.— Вы шли в направлении дома по тропинке, огибающей так называемый «Укромный» сад слева. Верно я говорю?

— Да, инспектор, совершенно верно.

— Затем вы услышали два выстрела и женский крик.

— Да.

— Вы прибавили ходу и, выбежав из леса, сразу же повернули в сторону «Укромого» сада. Выход из сада один,— по дорожке через живую изгородь перебраться невозможно. Попытайся кто-то выбежать из сада и свернуть налево — он столкнулся бы с вами, направо — его бы непременно увидели мистер Анкертон и мистер Скотт. Так?

— Так,— отозвался майор Пёртер. Он был смертельно бледен.

— Стало быть, все ясно,— сказал инспектор.— Мистер и миссис Анкертон, вместе с леди Синтией Дрейдж, сидели на лужайке перед домом, мистер Скотт находился в бильярдной, что выходит на упомянутую лужайку. В де-

сять минут седьмого на крыльце появилась миссис Стейвертон. Она перекинулась несколькими фразами с сидящими на лужайке и, завернув за угол дома, направилась в сторону «Укромного» сада. Через пару минут оттуда слышались выстрелы. Мистер Скотт выбежал из бильярдной и вместе с мистером Анкертоном поспешил к саду. Одновременно с противоположной стороны прибыли вы с мистером... мистером Саттертуэйтом. В «Укромном» саду, неподалеку от входа, стояла миссис Стейвертон и держала в руке пистолет — тот самый, из которого и были произведены выстрелы. По всей вероятности, она сначала выстрелила сзади в сидевшую на скамейке женщину. Затем капитан Алленсон вскочил и бросился к ней, и, когда он приблизился, она выстрелила ему в грудь. Насколько я понимаю, ранее у нее была — гм-м... — связь с мистером Ричардом Скоттом...

— Гнусная ложь! — сказал Пóртер.

Инспектор ничего не ответил, только покачал головой.

— А что она сама говорит? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Говорит, что направлялась в сад, чтобы посидеть там в одиночестве. Когда уже подходила к концу обсаженной остролистом дорожки, услышала выстрелы и, миновав последний поворот, увидела под ногами пистолет и подняла его. Мимо нее никто не проходил, и в саду, кроме убитых, тоже никого не было.— Последовала многозначительная пауза.— Вот что она говорит, причем настаивает на своих показаниях, хотя я и предупреждал ее об ответственности.

— Если она так говорит — значит, так оно и есть. Я знаю Айрис Стэйвертон! — упрямо заявил майор Пóртер. Лицо его было все так же бледно.

— С вашего позволения, сэръ,— сказал инспектор,— давайте мы обсудим позже. А сейчас я обязан исполнять свой долг.

Пóртер резко обернулся к мистеру Саттертуэйту:

— Ну, а вы? Что же вы-то молчите? Неужели ничем не можете помочь?

Надо сказать, мистер Саттертуэйт был несказанно польщен. К нему, такому незначительному, зывали о помощи — и кто! — сам Джон Пóртер.

Он уже готов был пробормотать в ответ что-то неутешительное, когда в библиотеку вошел дворецкий Томпсон и, смущенно покашливая, подал хозяину карточку на под-

носе. Анкертон все так же мешком сидел на стуле, не принимая участия в разговоре.

— Сэр, я говорил этому господину, что вы вряд ли сможете его сейчас принять,— сказал Томпсон.— Но он мне ответил, что ему назначено и что у него неотложное дело.

Анкертон взял карточку.

— Мистер Арли Кин,— прочитал он.— Ах да, это на счет какой-то картины. Мы с ним действительно договаривались на сегодня, но боюсь, что...

— Как вы сказали? — встрепнулся вдруг мистер Саттертуэйт.— Арли Кин? Поразительно, просто поразительно! Майор Пóртер, вы спрашивали, могу ли я вам чем-нибудь помочь? Думаю, что могу! Этот мистер Кин мой друг — точнее говоря, хороший знакомый. Он необыкновенный человек!

— Детектив-любитель, вероятно,— пренебрежительно заметил инспектор.

— Нет-нет, совсем не то! — возразил мистер Саттертуэйт.— Но у него есть одна прямо-таки сверхъестественная способность: он помогает по-новому взглянуть на то, что вы видели собственными глазами и слышали собственными ушами. Во всяком случае, стóит, по-моему, ввести его в курс дела и послушать, что он нам скажет.

Мистер Анкертон вопросительно взглянул на инспектора, но тот лишь фыркнул и возвел глаза к потолку. Наконец хозяин кивнул дворецкому, дворецкий вышел и тут же вернулся вместе с высоким худощавым незнакомцем.

— Мистер Анкертон? — Гость протянул хозяину руку.— Простите, что навязываюсь вам в такую минуту. Придется нам, видно, отложить наш разговор до лучших времен. А-а, дорогой мистер Саттертуэйт! Вы, я вижу, все такой же любитель драм? — Еще несколько секунд после этого вопроса легкая улыбка играла на губах гостя.

— Мистер Кин,— внушительно начал мистер Саттертуэйт.— Именно сейчас в этом доме разыгрывается самая настоящая драма, и мы с моим другом майором Пóртером хотели бы выслушать ваше мнение.

Мистер Кин сел, и сноп света от лампы с красным абажуром причудливо раскрасил его клетчатое пальто. Однако лицо оказалось в тени — словно гость надел маску.

Кратко изложив обстоятельства дела, мистер Саттертуэйт умолк и, затаив дыхание, ждал авторитетного решения.

Но мистер Кин лишь покачал головой.

— Грустная история,— сказал он.— Настоящая трагедия. И отсутствие мотива преступления делает ее еще загадочнее.

Анкертон удивленно возрился на него.

— Но как же,— начал он.— Ведь миссис Стейвертон угрожала мистеру Скотту. Она страшно ревновала его к жене. А ревность...

— Согласен,— сказал мистер Кин.— Ревность есть одержимость демонами. Однако вы не поняли меня. Я говорю не об убийстве миссис Скотт, а об убийстве капитана Алленсона.

— Вы правы! — вскочил Пóртер.— Вот где слабое место! Да задумай Айрис раздеться с миссис Скотт, что же, она, по-вашему, не нашла бы как подкараулить ее без свидетелей? Нет, мы на ложном пути. Но ведь возможно и другое решение! Хорошо, кроме этих троих в «Укромном» саду действительно никого не было — с этим все ясно, не спорю. Ну, а если все произошло совсем иначе? Представьте: Джимми Алленсон стреляет сначала в миссис Скотт, потом в себя! Падая, он отбрасывает пистолет, а миссис Стейвертон, как она и объяснила, поднимает его с земли. Так ведь могло быть? А?

Инспектор сурово покачал головой.

— Не пойдет, майор Пóртер. Если бы капитан Алленсон стрелял в себя, он должен был приставить пистолет к своей груди, и тогда ткань на его одежде была бы опалена.

— Он мог держать пистолет в вытянутой руке!

— А зачем? Это совершенно бессмысленно! К тому же какой у него мог быть мотив?

— Да мало ли какой? Может, он просто свихнулся,— пробормотал Пóртер, впрочем, без особой убежденности. Потом он снова замолчал и наконец решительно обернулся к гостю: — Так как же, мистер Кин?

Тот развел руками.

— Я ведь не волшебник и даже не криминалист. Но мне кажется, что иногда бывает очень полезно вспомнить свои первые впечатления. Даже если дело зашло в тупик, всегда найдется какая-то зацепка, какое-то мгновение, стоящее перед глазами, когда все остальное уже забылось. Думаю, что из всех присутствующих самым непредвзятым наблюдателем можно считать мистера Саттертуэйта. Итак, мистер Саттертуэйт, постарайтесь сейчас вернуться на несколько часов назад и сказать нам, какой момент вам за-

помнился больше всего. Что вас больше всего поразило? Выстрелы? Или вид лежащих на земле тел? Или пистолет в руке миссис Стейвертон? Не думайте о том, важно это или не важно — просто вспомните.

Мистер Саттертуэйт неотрывно глядел в лицо мистера Кина — как школьник, не совсем уверенно знающий урок.

— Нет,— медленно начал он.— Ни то, ни другое и ни третье. Лучше всего мне запомнилось, как я уже потом стоял над их телами и смотрел сверху на миссис Скотт. Она лежала на боку. Волосы у нее были растрепаны, а на мочке уха капелька крови.

И, едва договорив, он вдруг осознал всю важность сказанного.

— Кровь на мочке? Да, помню,— пробормотал Анкер-тон.

— Вероятно, сережка за что-то зацепилась во время падения,— добавил мистер Саттертуэйт.

Но объяснение прозвучало как-то не очень убедительно.

— Она лежала на левом боку,— сказал Пёртер.— Значит, и кровь была на левом ухе?

— Нет, на правом,— поспешил возразить мистер Саттертуэйт.

Инспектор кашлянул и тоже снизошел до участия в разговоре.

— Я нашел это в траве,— сказал он, показывая памятную золотую петельку.

— Бог ты мой! — вскричал Пёртер.— И отчего же, по-вашему, серьга разлетелась вдребезги? От падения, что ли?! Нет уж, скорее в нее угодила пуля!

— Ну конечно же! — воскликнул мистер Саттертуэйт.— Конечно, пуля!

— Но было всего два выстрела,— возразил инспектор — Согласитесь, одной и той же пулей невозможно задеть человеку ухо и прострелить спину. А если допустить, что первая пуля вышибла ей из уха серьгу, а вторая убила, то как же тогда капитан Алленсон? Ведь не могло же их обоих уложить одним выстрелом? Разве что они стояли близко — совсем близко, лицом друг к другу. Да, но это невозможно! Разве что...

— Вы хотите сказать — разве что они стояли, крепко обнявшись? — загадочно улыбаясь, подсказал мистер Кин.— А почему бы и нет?

Присутствующие удивленно уставились друг на друга.

Алленсон и миссис Скотт? Сама мысль об этом казалась дикой.

— Но они же почти не знали друг друга! — выразил общее недоумение мистер Анкертон.

— Не уверен,— задумчиво проговорил мистер Саттертуэйт.— Они могли знать друг друга гораздо лучше, чем мы полагали. Леди Синтия как-то обмолвилась, что прошлой зимой в Египте Алленсон спасал ее от скуки. А вы,— он обернулся к Пóртеру,— вы ведь сами говорили мне, что Ричард Скотт познакомился со своей женой прошлой зимой в Каире. Возможно, эти двое прекрасно знали друг друга...

— Но они же даже почти не разговаривали,— возразил Анкертон.

— Верно, скорее даже избегали друг друга. Если подумать, это выглядело довольно странно...

И все посмотрели на мистера Кина, словно бы напуганные неожиданностью собственных выводов.

Мистер Кин встал.

— Вот видите, как нам помогло первое впечатление мистера Саттертуэйта! — Он обернулся к Анкертону.— Теперь ваша очередь.

— Простите, не понял.

— Когда я вошел, вы были очень задумчивы. Так вот, мне хотелось бы знать, какая именно мысль вас так угнетала. Возможно, она никак не связана с трагедией — или даже кажется вам несерьезной...— Тут мистер Анкертон едва заметно вздрогнул.— Все равно скажите.

— Отчего же, могу и сказать,— пожал плечами Анкертон.— Хотя это действительно не имеет никакого отношения к делу, да вы же еще, пожалуй, и посмеетесь надо мной. Я думал, что лучше бы моя дражайшая супруга не вмешивалась не в свои дела и не трогала бы это проклятое стекло. У меня такое чувство, будто именно суета с замечной стеклом и навлекла на нас беду!

«Интересно, почему эти двое напротив так устались на него?» — подумал Анкертон.

— А разве стекло уже заменили? — спросил наконец мистер Саттертуэйт.

— Как же, чуть свет стекольник приходил.

— О Боже! — прошептал Пóртер.— Кажется, начинаю понимать. В той комнате, вероятно, не обои, а панельная обшивка?

— Да, но какое это имеет...

Но Пóртер уже сорвался с места и выбежал из библиотеки, успев лишь заметить, что кто-то следует за ним. Он направился напрямик в спальню Скоттов. Как оказалось, это была довольно уютная комната, обшитая светлыми деревянными панелями, с двумя окнами на юг. Пóртер принялся ощупывать обшивку вдоль западной стены.

— Здесь должна быть пружина. Где-то здесь... Ага, вот она! — Раздался щелчок, и одна из панелей, словно тяжелая дверь, отошла от стены. За нею находилось злополучное окно. Все стекла были запыленные, кроме одного — того, что только сегодня вставили. Пóртер быстро нагнулся и подобрал что-то с пола. Когда он разжал пальцы, на ладони у него лежал кончик страусового перышка. Он перевел взгляд на мистера Кина. Тот кивнул.

Пóртер прошел к стенному шкафу и открыл дверцу. На полке лежало несколько шляп, принадлежавших убитой. Он взял в руки одну из них — широкополую Аскотскую шляпу, украшенную причудливыми перьями.

Тихо и задумчиво мистер Кин заговорил:

— Представьте себе человека, который по натуре чудовищно ревнив. Этот человек бывал в доме раньше и знает скрытую в обшивке пружину. Однажды, от нечего делать, он отодвигает панель и выглядывает в «Укромный» сад. Там он видит свою жену с другим мужчиной — уединившихся, как им казалось, от посторонних взглядов. Он сразу понял характер их отношений. Он в бешенстве. Что делать? Он вспоминает рассказы о Кавалере — и в голову ему приходит довольно оригинальная мысль: он идет к стенному шкафу и надевает широкополую шляпу с пером. Уже смеркается, и любой, кто случайно взглянет в сторону окна, наверняка примет его за легендарного Кавалера. Обезопасив себя таким образом, он продолжает наблюдать за ними, и в момент, когда те двое сливаются в объятиях, стреляет. Пуля попадает точно в цель — он ведь прекрасный стрелок. Когда они падают, он стреляет еще раз — на сей раз не так удачно, вторая пуля попадает в мочку ее уха. Затем он швыряет пистолет в окно и, спустившись по лестнице, выбегает через бильярдную из дома.

Пóртер шагнул к нему.

— Но ведь он знал, что она невиновна! — воскликнул он. — Знал — и ни слова не сказал! Почему? Почему?!

— Думаю, что могу ответить почему, — сказал мистер Кин. — Можно предположить — хотя, повторяю, это всего лишь мое предположение, — что Ричард Скотт был когда-

то безумно влюблен в Айрис Стэйвертон — настолько, что и годы спустя при виде ее в нем снова вспыхнуло угасшее пламя любви. Не исключено, что и Айрис Стейвертон полагала когда-то, что была влюблена в него, и однажды даже ездила с ним на охоту... но был там еще один человек — и она его полюбила...

— Еще один? — ошеломленно пробормотал Пóртер. — То есть...

— То есть вас, — с едва заметной усмешкой подтвердил мистер Кин. Он немного помолчал и затем добавил: — Я бы на вашем месте пошел сейчас к ней.

— Иду, — сказал Пóртер.

Он круто повернулся и вышел из комнаты.

Глава 3

В гостинице «Наряд Арлекина»

Мистер Саттертуэйт был недоволен. С утра все шло из рук вон плохо. Выехали поздно, по дороге успели дважды проколоть шину, после чего ошиблись поворотом и долго плутали по безлюдной равнине Солсбери¹. Было уже около восьми, до конечного пункта — замка Марсуик — оставалось еще не менее сорока миль, а тут, как назло, третий прокол!

Пока мистер Саттертуэйт, нахохлившись по-воробыному, семенил взад-вперед перед деревенским гаражом, его шофер вполголоса консультировался с местным экспертом.

— Возни как минимум на полчаса, — высказал свое компетентное мнение последний.

— Хорошо, если так, — с сомнением покачал головой Мастерс, шофер мистера Саттертуэйта. — Я бы сказал, дай Бог минут за сорок пять управиться.

— Что это за... место, в конце концов? — наконец возмутился мистер Саттертуэйт. Будучи человеком воспитанным и от природы тактичным, он в последний момент сдержался и произнес «место», хотя на языке у него вертелось «чертова дыра».

— Кертлингтон-Мэллит.

Название мало что говорило мистеру Саттертуэйту, од-

¹ Солсберийская равнина — равнина к северу от города Солсбери в графстве Уилтшир на юге Англии.

нако в нем чудилось что-то смутно знакомое. Весь Кертлингтон-Мэллит, по-видимому, состоял из единственной улочки с беспорядочно разбросанными домами: по одну сторону располагались почта и гараж, по другую, для равновесия, три магазинчика неизвестного назначения. Впрочем, чуть дальше по дороге мистер Саттертуэйт разглядел еще какую-то вывеску, со скрипом раскачивающуюся на ветру, и настроение его несколько улучшилось.

— Вижу, у вас тут есть гостиница,— заметил он.

— А как же, «Наряд Арлекина»,— отозвался местный механик.— Да вон она!

— Если позволите, сэр,— начал Мастерс,— я бы посоветовал вам в нее заглянуть. Там наверняка можно поужинать — ну, не так, конечно, как вы привыкли...— Тут он виновато умолк, ибо мистер Саттертуэйт привык к самой изысканной французской кухне и держал у себя первоклассного повара, которому платил неслыханное жалованье.— Сами посудите, сэр, раньше, чем через три четверти часа мы не тронемся — это точно. Сейчас уже девятый час. А из гостиницы, сэр, вы бы могли позвонить сэру Джорджу Фостеру, объяснить причину задержки.

— Мастерс, вы, верно, думаете, что можете уладить все на свете! — язвительно заметил мистер Саттертуэйт.

Мастерс, который и правда так думал, почтительно промолчал

В данный момент мистер Саттертуэйт склонен был встретить в штыки любое предложение, однако на скрипучую вывеску гостиницы он все же посматривал с некоторым интересом. Вообще-то он ел мало как птичка, и был к тому же привередлив — но даже и такой человек может в конце концов проголодаться.

— «Наряд Арлекина»,— задумчиво произнес он.— Странное название для гостиницы, не припомню ничего похожего.

— Во всяком случае, гости там точно бывают странные,— буркнул механик.

Он возился в этот момент с колесом, и голос его прозвучал снизу глухо и невнятно.

— Странные гости? Что это значит? — осведомился мистер Саттертуэйт.

Но механик сам, видимо, не очень хорошо представлял, что это значит.

— Ну, такие... придут — уйдут...— уклончиво ответил он.

Мистер Саттертуэйт подумал, что все, кому приходит-

ся останавливаться в гостиницах, почти неизбежно «придут и уйдут», так что определение механика он счел, пожалуй, слишком туманным. Однако любопытство его было все же подстегнуто, да и надо ведь как-то скоротать эти три четверти часа — так почему не провести их, скажем, в «Наряде Арлекина»?

И мистер Саттертуэйт — мелкими шажками, как обычно, — направился в сторону гостиницы. Вдали загроыхало. Взглянув на небо, механик обернулся к Мастерсу.

— Так я и думал — будет гроза.

— Ну-ну! — отозвался Мастерс. — А мне еще сорок миль пилить.

— Да, с ремонтом, пожалуй, можно не торопиться, — усмехнулся механик. — Все равно грозу пережить. Наверяд ли ваш почтенный босс пожелает выезжать под раскаты грома.

— Надеюсь, его там прилично примут, — пробормотал шофер. — Я, пожалуй, и сам бы не прочь зайти перекусить.

— Все будет в порядке, — успокоил механик. — У Билли Джонса стол что надо.

В эту минуту мистер Уильям Джонс, пятидесятилетний богатырь и хозяин «Наряда Арлекина», уже лучезарно улыбался с высоты своего роста маленькому мистеру Саттертуэйту.

— Сейчас приготовим вам славный кусочек мяса, сэр! Да с картошечкой! А сыр у нас — просто объеденье! Пожалуйте в столовую, сэр, — вот сюда. Народу нынче немного — рыбалка кончилась, господа рыболовы только-только поразь-ехались. Но ничего, скоро начнется охота — вот тогда опять будет людно. А сейчас пока всего один гость — мистер Кин ..

Мистер Саттертуэйт замер на месте.

— Кин? — взволнованно переспросил он. — Вы сказали — Кин?

— Ну да, сэр. Он что, ваш друг?

— Что?.. Ах да! Друг, разумеется! — Мистер Саттертуэйт трепетал от волнения. Ему даже в голову не приходило, что это может оказаться какой-нибудь другой мистер Кин, просто однофамилец. О нет, это он, тот самый! И туманная фраза механика насчет гостей, которые «придут и уйдут», сразу же наполнилась каким-то новым смыслом: она как нельзя лучше подходила к старому знакомцу мистера Саттертуэйта. Да и само название гостиницы казалось уже не таким бессмысленным, а, наоборот, вполне подходящим.

— Надо же,— повторял мистер Саттертуэйт.— Какая поразительная встреча! И где!.. Ведь это мистер Арли Кин, верно?

— Совершенно верно, сэр. Сюда пожалуйста, сэр. Да вот и он сам!

Высокий темноволосый человек с улыбкой поднялся из-за стола, и знакомый забываемый голос произнес:

— А-а, мистер Саттертуэйт! Вот так неожиданность!

Мистер Саттертуэйт горячо тряс его руку.

— Рад. Очень рад! Какая удача — машина, знаете ли, сломалась! А вы здесь остановились? Надолго?

— Нет, только переночевать.

— Значит, мне вдвойне повезло! — удовлетворенно объявил мистер Саттертуэйт и, усевшись напротив, обратился на своего друга полный радостного ожидания взор.

Мистер Кин с улыбкой качнул головой.

— Вы так на меня смотрите,— сказал он,— словно ждете, что из моего рукава сейчас начнут выпрыгивать живые кролики. Уверяю вас, ничего такого не произойдет!

— Ах, простите, ради Бога! — несколько смутившись, воскликнул мистер Саттертуэйт.— Гм-м! Должен признаться, я действительно привык относиться к вам как к волшебнику и все время жду от вас чудес!

— Ну, чудеса-то всякий раз демонстрируете вы, а не я! — возразил мистер Кин.

— Да, только без вас у меня ничего не получается. Вероятно, недостает вашего вдохновения!

— Вдохновение — это слишком сильно сказано,— улыбнулся мистер Кин.— Я лишь стараюсь вовремя подать реплику, только и всего.

В эту минуту вошел хозяин с хлебницей и желтым деревенским маслом. Пока он составлял все с подноса на стол, где-то совсем рядом ударила молния и раздался оглушительный раскат грома.

— Ну и погодка, джентльмены!

— Да, в такую грозу...— начал мистер Саттертуэйт и замолчал, недоговорив.

— Как странно,— оживился хозяин.— И я ровно то же самое собирался сказать. Да, вот в такую же грозу, и тоже на ночь глядя, капитан Харуэлл привез домой свою молодую жену — а на другое утро исчез навсегда.

— Ах! — воскликнул мистер Саттертуэйт.— Ну конечно!

Так вот в чем дело! Теперь понятно, почему название Кертлингтон-Мэллит сразу показалось ему знакомым! Ведь

не далее как три месяца назад все английские газеты печатали подробности удивительного исчезновения капитана Ричарда Харуэлла. Мистер Саттертуэйт тоже ломал голову над неразрешимой загадкой и, наравне со всеми своими соотечественниками, строил собственные предположения по этому поводу.

— Конечно,— повторил он.— Это же случилось в Кертлингтон-Мэллите!

— А ведь еще прошлой зимой он приезжал сюда охотиться и останавливался в моей гостинице,— продолжал хозяин.— Прекрасно помню его! Такой видный был молодой господин и, зная, забот-хлопот в жизни не имел. Какой-то негодай с ним расправился — вот что я вам скажу! А как они с мисс Лекуто гарцевали рядышком, когда с охоты возвращались... Вся деревня говорила: быть свадьбе — и пожалуйста, так оно и вышло! Барышня-то какая красавица была! Ее тут все как родную принимали, хоть она и не здешняя — приехала откуда-то из Канады. Да, дело это темное, а теперь уже и не прояснится... Как она тогда убивалась — не передать! Слыхали, поди: продала все гуртом да и уехала за границу. Не стерпела, бедняжка, что все на нее глазели и пальцем показывали: получалось она вроде как без вины виноватая. Эх, темное это дело, ну его к шуту!

Он тряхнул головой и, неожиданно вспомнив о своих хозяйских обязанностях, поспешил вон из комнаты.

— Темное дело,— негромко повторил мистер Кин, и в его тоне мистеру Саттертуэйту послышалась явная насмешка.

— Не предлагаете ли вы нам с вами сейчас разгадать тайну, с которой не справился Скотленд-Ярд? — вызывающе спросил он.

— А почему бы и нет? — пожал плечами его собеседник.— Как-никак прошло три месяца — это в корне меняет дело.

— Все-таки интересно,— медленно произнес мистер Саттертуэйт.— Откуда в вас такая уверенность, что по прошествии времени все должно становиться понятнее?

— Чем больше проходит времени, тем яснее видны истинные масштабы отдельных событий и связь между ними. Все как бы встает на свои места.

Несколько минут оба молчали.

— Не знаю,— наконец нерешительно произнес мистер Саттертуэйт,— смогу ли я теперь точно припомнить факты.

— Думаю, что сможете,— негромко отозвался мистер Кин.

Больше никаких уговоров мистеру Саттертуэйту не потребовалось. Ведь в жизни ему, как правило, приходилось быть зрителем или же слушателем. И лишь в обществе мистера Кина роли менялись — благодарным слушателем становился мистер Кин, а мистер Саттертуэйт как бы выступал на середину сцены.

— Чуть больше года назад,— начал он,— Эшли-Грейндж перешел во владение мисс Элинор Лекуто. Дом старый, красивый, но совершенно запущенный — в нем уже много лет никто не жил. Лучшей хозяйки для дома было не сыскать. Предки ее — французы, эмигрировавшие в Канаду во время революции¹, — прихватили с собой из Франции бесценную коллекцию произведений искусства, из которых многие можно смело считать национальными реликвиями. Вот эта-то коллекция и перешла впоследствии к мисс Лекуто. К тому же она и сама кое-что понимала в искусстве и имела склонность к коллекционированию. Так что когда, после всего случившегося, она решила продать Эшли-Грейндж вместе со всем содержимым, некий мистер Сайрес Дж. Бредбери, миллионер из Америки, не колеблясь, выложил за дом баснословную сумму в шестьдесят тысяч фунтов.

Мистер Саттертуэйт немного помолчал и, словно оправдываясь, добавил:

— Правда, эту часть рассказа можно бы и опустить, она вообще не имеет отношения к последующей трагедии. Мне просто хотелось передать атмосферу, в которой жила молодая миссис Харуэлл.

— Атмосфера — это немаловажная деталь,— серьезно кивнул мистер Кин.

— Итак, представим себе юную леди, которой только что исполнилось двадцать три,— продолжал рассказчик — Она смугла, красива, безупречно воспитана и — не будем забывать! — богата. Она — сирота. В качестве компаньонки с ней проживает некая миссис Сент-Клер — добропорядочная англичанка с безукоризненной репутацией, однако собственными деньгами Элинор Лекуто распоряжается вполне самостоятельно. В охотниках за приданным недостатка нет. Где бы она ни появилась — на балу ли, на охоте —

¹ Имеется в виду Французская буржуазная революция 1789—1799 годов

всюду за нею увивается не менее десятка незадачливых женихов. Сватался, говорят, и молодой лорд Лекан — самая завидная партия в округе, однако сердце красавицы не дрогнуло ни перед кем — во всяком случае, до того момента, пока на горизонте не появился капитан Ричард Харуэлл.

Капитан Харуэлл приехал в эти края поохотиться и остановился в местной гостинице. Вот уж лихой был наездник! Красавец, и удали ему не занимать. Помните, мистер Кин, старую пословицу: «Недолго рядиться — счастливо жениться»? Вот так у них и получилось — во всяком случае, это справедливо для первой части этой пословицы. Не прошло и двух месяцев, как Ричард Харуэлл и Элинор Лекуто обручились.

— Еще через три месяца сыграли свадьбу. После венчания молодожены уехали в свадебное путешествие за границу, а по возвращении готовились обосноваться в Эшли-Грейндже. Домой они приехали, как уже говорил наш хозяин, поздно вечером, когда на дворе бушевала такая же гроза, как сейчас. Может, в том и впрямь был дурной знак? Не берусь судить. Но, так или иначе, на другой день рано утром — около половины восьмого — один из садовников, Джон Матиас, видел капитана Харуэлла в саду. Капитан, с непокрытой головой, шел по садовой дорожке и при этом что-то насвистывал — как видите, полная картина ничем не омраченного счастья. И однако, с этой самой минуты, насколько нам известно, капитана Ричарда Харуэлла больше никто и никогда не видел.

Выдержав эффектную паузу и получив в виде поощрения одобрительный взгляд мистера Кина, мистер Саттертуэйт продолжал:

— Его исчезновение поразило всех. Встревоженная жена лишь на следующий день обратилась в полицию — но, как вам известно, полиции так и не удалось разрешить загадку.

— Зато, наверное, выдвигалось немало версий?

— О, чего-чего, а версий было предостаточно! Большинство склонялось к тому, что капитан Харуэлл был злодейски убит. Хорошо, допустим, — но где же тогда труп? Не мог же он испариться! И каковы мотивы убийства? Капитан Харуэлл, насколько было известно, вообще не имел врагов...

Тут он замаялся, словно его беспокоило еще какое-то

соображение, и он не знал, стоит ли высказывать его вслух. Мистер Кин склонился вперед.

— Стивен Грант,— вполголоса подсказал он.

— Да, как раз о нем я и подумал,— признался мистер Саттертуэйт.— Если я правильно помню, этот юноша служил у капитана Харуэлла конюхом и незадолго до того был уволен с работы за какую-то ничтожную провинность. На другое утро после возвращения молодоженов Стивена Гранта видели в окрестностях Эшли-Грейнджа. Никаких объяснений по этому поводу так от него и не добились. Подозревая, что он может быть причастен к исчезновению капитана Харуэлла, полиция задержала его. Но серьезных улик против Гранта не нашлось, и в конце концов его отпустили. Разумеется, капитан Харуэлл обошелся с ним круто, и он мог иметь на бывшего хозяина зуб — но разве это мотив для убийства? Думаю, полиция просто сочла своим долгом хоть что-нибудь предпринять... Ведь, как я уже говорил, капитан Харуэлл вообще не имел врагов.

— Насколько было известно,— напомнил мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт одобрительно кивнул.

— Мы как раз к этому подходим. А что, собственно, было известно о капитане Харуэлле? Когда следователи из Скотленд-Ярда попытались навести справки, они наткнулись на поразительное отсутствие каких бы то ни было сведений. Кто такой Ричард Харуэлл?

Откуда он взялся? Словно свалился с неба. Все видели, что он прекрасный наездник, видели, что не беден,— но это и все! Никто в Кертлингтон-Мэллите не удосужился разузнать о нем побольше. У самой мисс Лекуто ни родителей, ни опекунов — никого, кто взялся бы проверить состояние дел ее жениха. Так что сама себе хозяйка! У полиции даже сомнений не возникло. Известное дело: богатая невеста и самый обыкновенный проходимец. Все ясно!

— Все, да не все. Родителей и опекунов у нее действительно не было, но зато в Лондоне ее интересы представляла весьма уважаемая адвокатская контора. Показания адвокатов еще больше обескуражили следствие. Оказывается, Элинор Лекуто сразу же пожелала перевести на своего будущего супруга довольно крупную сумму, но тот отказался, заявив, что и сам вполне обеспечен. И действительно, как потом выяснилось, из жениных денег он не взял ни гроша: все ее состояние осталось в целости и сохранности.

— Стало быть, обычное мошенничество отпадает. Но, может, тут кроется какое-то коварство? Вдруг он, к примеру, задумал шантажировать Элинор Лекуто в будущем, когда она пожелает выйти замуж за другого, или что-нибудь в этом духе? Признаться, такое решение казалось мне наиболее вероятным — вплоть до сегодняшнего дня.

Мистер Кин подался вперед, как суфлер, подсказывающий реплику.

— До сегодняшнего дня?

— Да. Сегодня это объяснение кажется мне уже недостаточным. Неясно, как ему удалось столь бесследно исчезнуть, и именно в такой час — в начале рабочего дня, как раз когда вся прислуга расходится по местам? Да еще и без головного убора?

— Но ведь его видел садовник...

— Да, садовник, Джон Матиас. Я вот думаю, может, тут что не так?

— Будь что не так, полиция наверняка бы за это ухватилась,— заметил мистер Кин.

— Да, его неоднократно допрашивали — но он с самого начала до конца повторял одно и то же, да и жена его все подтвердила: вышел в сад в семь часов, обошел теплицы, сделал там, что нужно, и вернулся в свой коттедж без двадцати восемь. А в четверть восьмого слуги слышали, как хлопнула входная дверь — стало быть, в этот момент из дома вышел капитан Харуэлл. Я, конечно, понимаю, о чем вы сейчас подумали...

— Вы уверены? — сказал мистер Кин.

— Ну, почти уверен. Да, за это время Матиас вполне успел бы разделаться со своим хозяином. Но, позвольте, зачем? И куда, в таком случае, он спрятал труп?

Вошел хозяин с подносом.

— Джентльмены, извините, что заставил вас так долго ждать!

Он водрузил на стол блюдо с огромным куском мяса и целой горой хрустящей жареной картошки. Запах мяса и картошки приятно защекотал ноздри мистера Саттертуэйта, он заметно повеселел.

— Выглядит недурно,— сказал он.— Весьма! А мы тут как раз обсуждаем исчезновение капитана Харуэлла. Что стало потом с садовником, Матиасом?

— С Матиасом? Кажется, нашел себе место где-то в

Эссексе¹. Тут оставаться не захотел: кое-кто стал на него косо поглядывать. Хотя лично я думаю, что он вообще ни при чем.

Принялись за мясо: сперва мистер Саттертуэйт, а за ним и мистер Кин. Хозяин, которому, видимо, хотелось поболтать, все не уходил. Мистер Саттертуэйт не преминул этим воспользоваться.

— Скажите-ка, а что за человек этот Матиас? — спросил он.

— Ну, средних лет. Раньше, видать, был здоровяк, да совсем его скрутил ревматизм. Вот ведь хворь! Сколько раз он из-за нее отлеживался, ничего в саду делать не мог. Если рассудить, так мисс Элинора только из милости его и держала, как садовник он уже никуда не годился. От его жены и то больше проку было — та хоть стряпать могла и все старалась помочь по хозяйству.

— А она что из себя представляла? — тут же заинтересовался мистер Саттертуэйт.

Ответ хозяина разочаровал его.

— Ничего особенного. Тоже уже в годах, мрачноватая такая, вдобавок еще и глухая. Да я их почти не знал! До того, как все это случилось, они ведь тут пробыли не больше месяца. Хотя раньше он, говорят, был просто чудесным садовником — привез мисс Элинора прекрасные рекомендации.

— А что, она интересовалась садоводством? — негромко осведомился мистер Кин.

— Да нет, сэр, не сказал бы. У нас ведь тут как: иные хозяйки садовникам платят немалые деньги, да еще и сами целыми днями ползают на коленках, в земле ковыряются. Это уж, по-моему, ни к чему! Да мисс Лекуто и бывала-то здесь только зимой, в охотничий сезон, а все остальное время проводила то в Лондоне, то на этих заграничных курортах — там, говорят, французские барыни лишнего шага не ступят, боятся платье замарать.

Мистер Саттертуэйт улыбнулся.

— А у капитана Харуэлла не было никакой — гм-м... — дамы? — спросил он.

Даже признав свою первоначальную версию негодной, он все же никак не мог от нее отступить.

— Да нет, вроде ничего такого за ним не водилось. Вообще, темное это дело!

¹ Эссекс — графство на юго-востоке Англии

— Ну, а вы? Вы-то сами что думаете?

— Что думаю?

— Да, что?

— Прямо не знаю, что и думать. Похоже, как будто прикончили его, но кто — ума не приложу. Лучше я вам, джентльмены, сыру принесу.

И он удалился тяжелыми шагами, прихватив с собой пустую посуду. Гроза, начавшая было утихать, вдруг разразилась с новой силой. Слепящая молния прорезала небо, и немедленно раздался оглушительный гром. Мистер Саттертуэйт так и подскочил на стуле. Еще не стихли последние раскаты, а в комнату уже входила рослая девушка с обещанным сыром на подносе.

Она была высокая, темноволосая и привлекала внимание некой печальной красотой. Явное сходство с хозяином гостиницы выдавало в ней его дочь.

— Добрый вечер, Мэри,— сказал мистер Кин — Ну и гроза сегодня!

Девушка кивнула.

— Терпеть не могу эти грозы, особенно под вечер,— пробормотала она.

— Что, грома боитесь? — сочувственно улыбнулся мистер Саттертуэйт.

— Грома? Вот еще! Ничего я не боюсь! Но сколько же можно: чуть только где загромыхает — опять все кругом раскудахтались! Надоели, ей богу. Первый, конечно, папа: «А помните, вот в такую же грозу капитан Харуэлл...» — и пошло-поехало, да вы сами слышали.— Она обернулась к мистеру Кину.— Ну скажите, что толку без конца все это пережевывать? Что, нельзя оставить прошлое в покое?

— Пршлое только тогда прошлое, когда оно уже прошло,— сказал мистер Кин.

— А эта история что же, по-вашему, не прошла, что ли? Может, ему попросту исчезнуть захотелось — с господами такое бывает иногда!

— Так вы считаете, он исчез по собственной воле?

— А почему бы и нет? Все умней, чем винить невинного человека! Ведь Стивен Грант славный, добрый парень — разве он мог кого-нибудь убить? Да и с чего бы ему убивать господина капитана, скажите на милость? Ну, выпил чуток лишнего, заговорил с хозяином, видите ли, без должного почтения — так за то и получил расчет. Ну и что?

Устроился в другом месте, не хуже, чем в Эшли-Грейндже. Неужто из-за такой ерунды человека убивать?

— Но ведь полиция признала его невиновным,— возразил мистер Саттертуэйт.

— Полиция! Да кому дело до вашей полиции? Вот он вечером входит в пивную, а все на него как глянут... Вообщето они, конечно, не верят, чтобы Стивен на самом деле Харуэлла порешил, но все-таки сомневаются. Вот и косятся, и этак бочком, бочком от него... Каково-то ему каждый раз видеть, как бывшие приятели его чураются — будто он не такой, как все! А уж о том, чтобы нам с ним пожениться, и не заикайся. Папа тут же: «Ищи-ка ты себе, доченька, другого женишка. Я лично против Стивена ничего не имею, но мало ли что...»

Задохнувшись от возмущения, девушка умолкла.

— Ну разве ж так можно? — немного погодя снова взорвалась она. — Стивен ведь мухи не обидит — а его теперь до конца жизни будут убийцей считать. Он, понятно, мучается, злится — и чем больше злится, тем люди больше задумываются: а вдруг там правда что было?

Мэри снова замолчала. Глаза ее были прикованы к лицу мистера Кина, словно это он вытягивал из нее мучительные признания.

— Может, можно ему чем-нибудь помочь? — забеспокоился мистер Саттертуэйт.

Он искренне огорчился. Действительно, положение у парня незавидное. Выдвинутые против Стивена Гранта обвинения выглядели столь туманно и бездоказательно, что опровергнуть их было бы довольно сложно.

— Помочь? — живо обернулась девушка — Нет уж, кроме правды, ему теперь ничего не поможет! Вот нашелся бы капитан Харуэлл, вернулся бы домой — все бы узнали, в чем было дело...

Тут она умолкла, видимо, сдерживая слезы, — и быстро вышла из комнаты.

— Хорошая девушка, — сказал мистер Саттертуэйт. — А случай весьма печальный. Ах, как бы мне хотелось хоть что-нибудь для нее сделать!

Он сочувствовал ей всей душой.

— Мы и делаем, что возможно, — заметил мистер Кин. — У нас есть еще, по крайней мере, полчаса, пока ремонтируется ваша машина.

Мистер Саттертуэйт в изумлении посмотрел на него.

— Думаете, мы вот так поговорим-поговорим, да и докапоемся до истины? Разве так бывает?

— Вы немало повидали на своем веку,— мрачно изрек мистер Кин.— Гораздо больше многих.

— Да, только жизнь прошла мимо меня,— с горечью отозвался мистер Саттертуэйт.

— Но это обострило ваше зрение. Вы многое видите там, где другие слепы.

— Что ж, это правда,— согласился мистер Саттертуэйт.— Я умею смотреть и видеть!

Он оживился — горечи словно не бывало.

— Я понимаю так,— продолжал он через несколько секунд.— Чтобы добраться до причины, нужно обратиться к следствию.

— Вполне разумно,— одобрительно кивнул мистер Кин.

— Следствие в нашем случае состоит в том, что мисс Лекуто, то бишь миссис Харуэлл, оказывается как бы жена и в то же время не жена. Несмотря на отсутствие мужа она несвободна и выйти замуж во второй раз уже не может. А Ричард Харуэлл при ближайшем рассмотрении оказывается фигурой довольно зловещей человек ниоткуда, чье прошлое покрыто мраком.

— Согласен,— сказал мистер Кин — Вы видите то, что видят все, что просто невозможно не увидеть: все крутится вокруг капитана Харуэлла, личности явно подозрительной.

Мистер Саттертуэйт взглянул на собеседника с некоторым недоумением: последняя его реплика как будто представляла происшедшее в несколько ином свете.

— Итак,— продолжал он,— мы рассмотрели следствия или, если угодно, результат случившегося. Теперь можно перейти...

Но мистер Кин прервал его:

— Вы не остановились на сугубо материальном аспекте проблемы.

— Вы правы,— помедлив, согласился мистер Саттертуэйт.— О нем тоже нужно сказать, хотя бы в общих чертах. В таком случае отметим, что в результате всего этого миссис Харуэлл оказалась как бы соломенной вдовой и не вольна уже вступать в брак; мистер Сайрес Бредбери получил возможность приобрести Эшли-Грейндж со всем содержимым за шестьдесят, кажется, тысяч фунтов; и, наконец, некий господин из Эссекса смог воспользоваться услугами садовника Джона Матиаса. К слову. это вовсе не

означает, что исчезновение капитана Харуэлла было подстроено усилиями эссекского господина или же мистера Сайреса Бредбери.

— Иронизируете,— усмехнулся мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт подозрительно взглянул на него.

— Но вы же не станете спорить...

— Нет-нет, разумеется, не стану,— заверил его мистер Кин.— Это было бы глупо. Итак, что дальше?

— Попробуем на некоторое время вернуться к тому роковому дню. Представим, что все это случилось, скажем, сегодня утром...

— О нет,— улыбаясь, перебил мистер Кин.— Если уж воображать, что нам подвластно само время, то лучше будет направить его течение еще дальше. Положим, исчезновение капитана Харуэлла произошло сто лет назад и что мы с вами оглядываемся на минувшее из две тысячи двадцать пятого года.

— Станный вы человек,— удивленно произнес мистер Саттертуэйт.— В прошлое верите, а в настоящее нет. Почему?

— Недавно вы употребили одно замечательное слово — атмосфера. Так вот, в настоящем атмосфера не ощущается.

— Что ж, может, и так,— задумчиво проговорил мистер Саттертуэйт.— Да, пожалуй, так оно и есть. Настоящее, как правило, воспринимается слишком конкретно.

— Хорошо сказано,— сказал мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт кокетливо раскланялся:

— Вы мне льстите.

— Окинем же взором из будущего весь год, но не текущий — это, пожалуй, было бы пока сложновато — а, скажем, прошлый,— продолжал мистер Кин.— Как бы вы, с вашим умением найти точное слово, определили прошлый год?

Мистер Саттертуэйт на некоторое время задумался: все-таки он дорожил своей репутацией.

— Если девятнадцатый век был наречен впоследствии веком мушек и пудры,— сказал он,— то, думаю, тысяча девятьсот двадцать четвертый справедливо было бы назвать годом кроссвордов и воров-домушников.

— Неплохо,— одобрил мистер Кин.— Но вы, вероятно, имеете в виду Англию, а не всю Европу?

— Насчет кроссвордов я, честно говоря, не в курсе,— отвечал мистер Саттертуэйт,— но вот домушники неплохо

потрудились и на континенте. Помните серию знаменитых краж из французских шато?¹ Вор-одиночка со всем этим ни за что бы не справился. Чтобы попасть внутрь, преступникам приходилось выполнять головокружительные трюки. Поговаривали, что тут орудовала целая труппа акробатов — мать, сын и дочь Клондины. Кстати, однажды я видел их на сцене — поразительное зрелище! Потом они загадочным образом куда-то исчезли... Однако мы удалились от предмета нашего разговора.

— Не очень,— возразил мистер Кин.— Всего лишь перебрались через Ла-Манш.

— Где, по словам нашего хозяина, французские барыни лишний шаг бояться ступить,— засмеявшись, добавил мистер Саттертуэйт.

Повисшая вслед за его словами пауза показалась странно многозначительной.

— Но почему, почему он исчез? — воскликнул наконец мистер Саттертуэйт.— И как? Каким-то непостижимым образом! Фокус какой-то!

— Вот именно, фокус,— сказал мистер Кин.— Точно подмечено — и вполне в духе времени — помните: атмосфера! А в чем конкретно заключается суть фокуса?

— «Проворство рук обманывает зренье»,— без запинки продекламировал мистер Саттертуэйт.

— Вот и ответ! Обман зрения! А уж чем он достигается — проворством ли рук или иными средствами — вопрос второй. Тут все сгодится: пистолетный выстрел, взмах яркого красного платка — любая деталь, которая с виду может показаться важной. И вот — взгляд уже отвлекся от действительных событий и прикован к некоему театральному эффекту, который на самом деле ровно ничего не значит.

Мистер Саттертуэйт подался вперед, глаза его загорелись.

— Верно, верно! Это мысль!..

Помолчав, он продолжал размышлять вслух.

— Пистолетный выстрел... Что в нашем случае могло сыграть роль пистолетного выстрела? Что больше всего захватывает воображение?

От волнения у мистера Саттертуэйта даже дыхание перехватило.

— Исчезновение капитана Харуэлла! — выдохнул он

¹ Шато (*фр*) — старинный феодальный замок.

наконец.— Убрать его — и от всей этой истории ничего не останется.

— Так уж и ничего? А если бы все шло своим чередом, но без такого вот эффектного жеста?

— Вы хотите сказать — если бы мисс Лекуто просто так, без всякой причины, продала Эшли-Грейндж и уехала?

— Вот-вот! Что бы было?

— Ну, полагаю, поползли бы слухи, люди стали бы проявлять повышенный интерес к коллекциям, находящимся... Но стоп! Минутку!

Помолчав, он взволнованно продолжал:

— Вы правы, огни рампы освещают только капитана Харуэлла! А вот мисс Лекуто оказывается из-за этого как бы в тени. Все выясняют: «Кто такой капитан Харуэлл? Откуда он взялся?» Но о ней — коль скоро она потерпевшая сторона — никто не спрашивает. Да полно, верно ли, что она из Канады? И что все эти бесчисленные фамильные ценности достались ей по наследству? Вы были правы, заметив, что мы не слишком удалились от предмета нашего обсуждения — всего лишь перебрались через Ла-Манш. Все эти так называемые «фамильные реликвии», возможно, на самом деле украдены из французских шато и, по большей части являются бесценными произведениями искусства — стало быть, избавиться от них было не так-то просто. Она покупает дом — скорее всего, за бесценок.— переезжает в него и выплачивает кругленькую сумму англичанке с безупречной репутацией, которая согласилась пойти к ней в компаньонки. Затем появляется он. Сценарий расписан заранее. Венчание, таинственное исчезновение мужа, девять дней томительного ожидания. Сердце молодой жены разбито, она готова продать все, что напоминает ей о былом счастье,— что может быть естественнее? Богатый американец разбирается в искусстве. Он видит перед собой прекрасные произведения, несомненно подлинники, среди которых есть поистине бесценные шедевры. Он называет свою цену, она согласна и, печальная и страдающая, навек покидает здешние места. Цель достигнута: ловкость рук — плюс драматический эффект с исчезновением — обман зрения!

Мистер Саттертуэйт, сияя, умолк, но тут же, несколько стусевавшись, добавил:

— Но если б не вы, мне никогда до этого не додумать-

ся. Удивительно действует на меня ваше присутствие! Бывает ведь, рассказываешь о чем то, а истинный смысл событий до тебя не доходит. Вот его-то вы каждый раз и помогаете осознать. И все-таки мне непонятно: как же это Харуоллу удалось вот так взять и исчезнуть. В конце концов, его же разыскивала вся английская полиция!

— Наверняка,— согласился мистер Кин.

— Проще всего было бы спрятаться в Эшли-Грейндже,— рассуждал мистер Саттертуэйт.— Только вряд ли это возможно...

— Думаю, он был где-то очень близко от Грейнджа,— сказал мистер Кин.

Намек не ускользнул от внимания мистера Саттертуэйта.

— В домике Матиаса? — воскликнул он.— Но полиция же наверняка его обыскала!

— И не раз, вероятно,— подтвердил мистер Кин.

— Матиас,— хмурясь, произнес мистер Саттертуэйт.

— И миссис Матиас,— напомнил мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт пристально глядел на собеседника.

— Если орудовавшая тут шайка и впрямь Клондини,— медленно начал он,— то их как раз было трое. Брат с сестрой могли сыграть роли Харуолла и Элинор Лекуто. А мать стало быть, превратилась в миссис Матиас? Но тогда...

— Матиас, кажется, мучился ревматизмом, не так ли? — с невинным видом спросил мистер Кин.

— А-а! — вскричал мистер Саттертуэйт.— Все понятно! Но возможно ли это? Пожалуй, возможно. Слушайте! Матиас пробыл здесь месяц. Из этого месяца последние две недели Харуэлл и Элинор провели в свадебном путешествии и еще две недели накануне венчания предположительно находились в Лондоне. Хороший актер вполне мог осилить одновременно две роли — Харуэлла и Матиаса. В те дни, когда Харуэлл бывал в Кертлингтон-Мэллите, Матиаса весьма кстати скручивал ревматизм, и на подхвате оказывалась миссис Матиас. Ей была отведена очень важная роль — ведь если б не она, могли возникнуть подозрения. Харуэлл, как вы верно заметили, скрывался в домике Матиаса. Он сам и был Матиас! Когда же наконец план удался и Эшли-Грейндж был продан, садовник с женой объявили, что получили работу в Эссексе. С этого момента Джон Матиас и его супруга навсегда сошли со сцены.

Послышался стук в дверь, и в столовую вошел Мастерс.

— Машина у крыльца, сэр,— доложил он.

Мистер Саттертуэйт поднялся. Мистер Кин также встал и, подойдя к окну, раздвинул шторы — в комнату хлынул лунный свет.

— Гроза кончилась,— сообщил он.

Мистер Саттертуэйт натягивал перчатки.

— На следующей неделе я ужинаю с комиссаром,— многозначительно произнес он.— Я изложу ему свою — гм-м! — нашу версию.

— Ее нетрудно будет проверить,— сказал мистер Кин.— Стоит только сравнить коллекции из Эшли-Грейнджа со списком, полученным от французской полиции,— и...

— Да,— согласился мистер Саттертуэйт.— Не повезло, конечно, мистеру Бредберну — но что поделаешь!

— Будем надеяться, что он переживет утрату,— заметил мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт протянул на прощание руку.

— До свидания,— сердечно сказал он.— Не могу передать, как я рад нашей неожиданной встрече. Вы, кажется, завтра уезжаете?

— Возможно, даже сегодня. Я уже закончил здесь все свои дела. Что ж, ходить туда-сюда — таков мой удел.

Мистер Саттертуэйт вспомнил, что уже слышал сегодня эти слова. Очень странно.

Он возвращался к своей машине и своему шоферу. Из открытой двери закусочной доносился густой, уверенный басок хозяина.

— Да, темное дело,— говорил он,— ну его к шуту!

Правда, на сей раз вместо «темное» он употребил другое, более выразительное слово. Мистер Уильям Джонс неплохо разбирался в людях и всегда примеривал фигуры речи к характеру слушателей. На этот раз собравшиеся в закусочной явно предпочитали более сочные выражения.

Мистер Саттертуэйт с наслаждением откинулся на сиденье роскошного лимузина. От сознания одержанной победы его просто распирало. Взгляд скользнул по дочери хозяина — девушка вышла на крыльцо и стояла под скрипучей вывеской гостиницы.

«Она и не догадывается,— усмехнулся про себя мистер Саттертуэйт.— Впрочем, откуда ей знать, что я намерен для нее сделать!»

Над дверью скрипела и раскачивалась на ветру вывеска: «Наряд Арлекина».

Небесное знамение

Судья завершал обращение к присяжным.

— Итак, господа, моя речь подходит к концу. Подсудимому было предъявлено обвинение в убийстве Вивьен Барнаби, и вам, на основании имеющихся фактов, предстоит решить, справедливо ли это обвинение. Вы ознакомились с показаниями слуг и убедились, что между ними нет расхождений в определении момента выстрела. Вы ознакомились с письмом, которое Вивьен Барнаби отправила подсудимому утром в ту самую пятницу, тринадцатого сентября. Серьезность этой улики признается даже защитой. Вы видели, что подсудимый поначалу вообще отрицал, что был в тот день в Диринг-Хилле, и лишь после того, как полиция представила неопровержимые доказательства, был вынужден признать этот факт. Думаю, что причины подобной непоследовательности достаточно понятны. Прямых очевидцев преступления нет. Вам предстоит сделать собственное заключение относительно мотива, средств и возможности его совершения. Версия защитника состоит в том, что некто проник в музыкальную комнату уже после ухода подсудимого и выстрелил в Вивьен Барнаби из ружья, которое подсудимый, по странной забывчивости, оставил у входа. Вы также выслушали рассказ самого подсудимого, из коего явствует, что дорога домой заняла у него в этот вечер целых полчаса. Если вы не удовлетворены объяснениями подсудимого и пришли к твердому убеждению, что в пятницу тринадцатого сентября именно он произвел ружейный выстрел с близкого расстояния в голову Вивьен Барнаби с целью убийства,— тогда, господа присяжные, вы должны вынести приговор «Виновен». Если же, напротив, вы имеете какие-либо основания в этом сомневаться, то ваш долг — вынести оправдательный приговор. Теперь я попрошу вас удалиться в комнату присяжных для совещания. Я жду вашего решения, господа.

Присяжные отсутствовали не более получаса. Вынесенный ими приговор был принят всеми как неизбежное: «Виновен».

Мистер Саттертуэйт выслушал приговор и, задумчиво сдвинув брови, удалился из зала суда.

Вообще-то процессы подобного рода его, как прави-

ло, не привлекали. Он был слишком брезглив по натуре и не находил интереса в омерзительных подробностях заурядного убийства. Однако дело Мартина Уайлда показалось ему не совсем заурядным. Молодой человек, осужденный за убийство, был, что называется, джентльменом, что же касается жертвы — молодой супруги сэра Джорджа Барнаби — мистер Саттертуэйт знал ее лично.

Размышляя о превратностях судьбы, он дошел до конца улицы Холборн и углубился в лабиринты узких улочек и переулков, ведущих к Сохо. В одном из этих переулков находился маленький ресторанчик, известный лишь немногим посвященным, и в их числе почтенному мистеру Саттертуэйту. Ресторанчик был не из дешевых — скорее наоборот, из самых дорогих — и предназначался для трапез законченных *gourmet*¹. Внутри было тихо, презренные звуки джаза никогда не оскорбляли слуха посетителей. Официанты с серебряными подносами неслышно возникали из полутьмы, словно участвуя в некоем таинственном священном обряде. Ресторанчик назывался «Арлекино».

Все еще погруженный в задумчивость, мистер Саттертуэйт свернул в «Арлекино» и направился к уютному месту в дальнем углу, где находился его любимый столик. Благодаря упомянутой уже полутьме он, лишь дойдя до самого угла, разглядел, что его столик уже занят высоким темно-волосым человеком. Лицо посетителя было скрыто тенью, зато фигура была освещена мягкими лучами, струящимися сквозь витражные стекла, и от этого его костюм, сам по себе ничем не примечательный, казался вызывающе-пестрым.

Мистер Саттертуэйт хотел было уже отойти, но в этот момент незнакомец случайно повернулся — и мистер Саттертуэйт узнал его.

— Боже милостивый! — воскликнул он, ибо имел приверженность к устарелым словам и выражениям. — Неужто мистер Кин?!

Мистера Кина он встречал в своей жизни трижды, и каждый раз при этом случалось что-то необычное. И каждый раз мистер Кин каким-то непостижимым образом умел показать в совершенно ином свете то, что до этого было и без него известно.

Мистер Саттертуэйт ощутил приятное волнение. В жизни ему обыкновенно отводилась роль зрителя, и он дав-

¹ Гурман (*фр*)

но уже к этому привык, но иногда — в обществе мистера Кина — ему вдруг начинало казаться, что он вышел на сцену, чтобы сыграть одну из ведущих ролей в некоем спектакле.

— Я так рад вас видеть,— повторял он, сияя всем своим сухоньким личиком.— Очень, очень рад! Не возражаете, если я подсяду к вам?

— Что вы! Напротив,— отвечал мистер Кин.— Как видите, я тоже еще не приступал к обеду.

Выплывший из темноты метрдотель почтительно завис над ними в ожидании заказа. Мистер Саттертуэйт, как и подобает человеку с утонченным вкусом, целиком отдался ответственнейшему делу — выбору блюд. Через несколько минут метрдотель, с легкой улыбкой одобрения на устах, уплыл обратно в темноту, и один из его подручных приступил к священнодействию. Мистер Саттертуэйт обернулся к мистеру Кину.

— Я только что из Олд-Бейли¹,— сообщил он.— Очень печальная история!

— Его признали виновным? — спросил мистер Кин

— Да. Присяжные совещались всего полчаса.

Мистер Кин понимающе кивнул.

— Что ж, это неизбежно, раз факты были против него.

— И все же...— начал было мистер Саттертуэйт и осекся.

— Ваши симпатии на его стороне,— закончил за него мистер Кин.— Это вы собирались сказать?

— Да, пожалуй. Мартин Уайлд — такой с виду славный молодой человек — просто не верится, что он мог.. Хотя, конечно, за последнее время так много славных с виду молодых людей оказалось на деле хладнокровными и жестокими убийцами...

— Даже слишком много,— заметил мистер Кин.

— То есть?

— Слишком много — для самого Мартина Уайлда. Его дело с самого начала рассматривалось как очередное в ряду сходных преступлений: муж стремится избавиться от жены, чтобы жениться на другой.

— Что ж,— с сомнением произнес мистер Саттертуэйт,— факты — вещь упрямая.

— Кстати,— перебил его мистер Кин,— я не очень хорошо знаком с фактами.

¹ Олд-Бейли — центральный уголовный суд в Лондоне, названный по улице, на которой находится

Сомнения мистера Саттертуэйта тотчас же улетучились. Он вдруг ощутил необычайный прилив сил, ему захотелось покрасоваться перед собеседником.

— Так позвольте, я попытаюсь их изложить. Я ведь знаком с семьей Барнаби и знаю кое-какие подробности этого дела... Вы с моей помощью сможете взглянуть на всю историю изнутри, как бы из-за кулис.

Ободряюще улыбнувшись, мистер Кин подался вперед.

— Думаю, мистер Саттертуэйт, лучше вас никто мне этого не расскажет,— доверительно шепнул он.

Ухватившись обеими руками за край стола, мистер Саттертуэйт начал свой рассказ. Он прямо-таки воспарил и чувствовал себя в этот момент настоящим художником — художником, в палитре которого не краски, но слова.

Несколькими быстрыми и точными мазками он обрисовал жизнь в Диринг-Хилле. Сэр Джордж Барнаби — самодовольный старый богач, страдающий ожирением, — вечно занят пустяками: по пятницам днем заводит часы во всем доме, по вторникам с утра оплачивает свои хозяйственные счета и каждый вечер самолично проверяет, заперто ли парадное. Рачительный хозяин, одним словом.

От сэра Джорджа он перешел к леди Барнаби. Здесь мазки его стали чуть менее размашистыми, но от этого не менее точными. Он видел ее всего лишь раз, но у него сложилось о ней вполне определенное впечатление, как о создании живом, трогательно-юном и дерзком. Попавший в западню зверек — вот кого она ему напомнила.

— Она ненавидела его, понимаете? Выходя замуж, она просто не представляла, на что идет. А потом...

По словам мистера Саттертуэйта, она была в отчаянии, металась из одной крайности в другую. Не имея собственных денег, она полностью зависела от своего престарелого супруга. Да, она походила на загнанного зверька, не осознавая еще своей силы, ее красота еще только обещала раскрыться. Однако несомненно, что в душе этого зверька таилась и звериная алчность, заявил мистер Саттертуэйт. Дерзость и алчность, жадное стремление вцепиться в жизнь и вырвать у нее все, что только возможно.

— С Мартином Уайлдом сам я не был знаком,— продолжал он, но слышать о нем слышал. От его дома до Диринг-Хилла не больше мили. Он занимался фермерством — и леди Барнаби тоже то ли интересовалась, то ли притворялась, что интересуется тем же предметом. По-моему, скорее притворялась. Думаю, она просто усмотрела в Мар-

тине свой единственный шанс и уцепилась за него, как ребенок. Что ж, конец у этой истории мог быть только один, и мы уже знаем какой — письма ведь зачитывались в суде. У леди Барнаби, правда, никаких писем не сохранилось, зато сохранились у него. Из ее писем достаточно ясно, что он к ней охладел, — да он и не отрицает этого. К тому же есть другая девушка, тоже из Диринг-Вейла: Сильвия Дейл, дочь местного врача. Видели ее в суде? Ах да, вы не могли ее видеть, вас же там не было... Тогда что вам о ней сказать? Такая милая девушка — хотя, кажется, недалекая. Но зато очень кроткая и какая-то спокойная, что ли. И главное, видно, что у нее доброе, преданное сердце.

Рассказчик взглянул на мистера Кина, ища одобрения, и тот поощрил его улыбкой.

— Последнее ее письмо вы, скорее всего, читали, — продолжал мистер Саттертуэйт. — Оно целиком приводилось в газетах. Написано оно было утром, в ту самую пятницу, тринадцатого сентября. В нем полно отчаянных упреков, каких-то неясных угроз, а в конце она умоляет Мартина Уайлда явиться в Диринг-Хилл вечером, в шесть часов. «Войди в дом через боковую дверь, — пишет она, — я оставлю ее открытой. Никто не должен знать, что ты был у меня. Я буду ждать тебя в музыкальной комнате». Это письмо она передала со слугой.

Мистер Саттертуэйт немного помолчал.

— Как вы помните, сразу после ареста Мартин Уайлд вообще отрицал, что был в тот вечер в Диринг-Хилле. Заявил, что просто ходил с ружьем в лес поохотиться. Но когда полиция предъявила улики, запереться дальше уже не имело смысла: ведь отпечатки его пальцев обнаружили и на входной двери, и на одном из двух бокалов из-под коктейля, что остались на столике в музыкальной комнате. Тогда он признался, что да, он был у леди Барнаби и между ними состоялся весьма бурный разговор, но в конце концов ему удалось ее успокоить. Он клялся, что оставил ружье у двери на улице и что, когда он уходил, леди Барнаби была жива и здорова. Он вышел от нее в четверть седьмого или, может быть, чуть позже и направился прямо домой. Однако свидетели показали, что, когда он вернулся на ферму — а от Диринг-Хилла это, как я уже говорил, не более мили, — было уже без четверти семь. Понятно, что дорога не могла занять у него полчаса. Что касается ружья, он уверяет, что начисто о нем забыл. Маловероятно, конечно, — и все же...

— Все же? — повторил мистер Кин.

— Все же возможно, — закончил свою мысль мистер Саттертуэйт. — Обвинитель, правда, высмеял это заявление, но думаю, что тут он не прав. Я, например, неоднократно наблюдал, как многих молодых людей — особенно таких вот угрюмых, нервных по природе, как Мартин Уайлд, — подобные эмоциональные встряски совершенно выбивают из колеи. Иное дело женщины — те спокойно перенесут любую сцену, причем выглядят и чувствуют себя после этого даже лучше, чем прежде. Они дали выход своим страстям — глядишь, им и полегчало. Но могу представить, каким разбитым, жалким и несчастным чувствовал себя Мартин Уайлд после такого «выяснения отношений»! Наверняка он уходил в полном расстройстве и даже думать забыл об оставленном у порога ружье.

Помолчав еще некоторое время, он снова заговорил:

— Хотя это в общем-то не важно, потому что дальнейшее развитие событий, к сожалению, не вызывает сомнений. Выстрел раздался ровно в двадцать минут седьмого. Его слышала вся прислуга — и повар, и судомойка, и дворецкий, и горничная, и служанка самой леди Барнаби. Когда они все вместе влетели в музыкальную комнату, она лежала, свесившись с подлокотника своего кресла.

Выстрел был произведен в затылок, видимо, с очень близкого расстояния: рассеяние оказалось невелико, и, по крайней мере, несколько дробинок попало в голову.

Он опять умолк

— Полагаю, все домашние давали свидетельские показания на суде? — как бы между прочим спросил мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт кивнул.

— Да. Дворецкий, правда, вбежал в комнату на несколько секунд раньше остальных, но все показания сводятся практически к одному и тому же.

— Стало быть, показания давали все, — задумчиво повторил мистер Кин. — Все без исключений...

— Ах да! — вспомнил мистер Саттертуэйт. — Горничная присутствовала только на предварительном дознании. Потом она уехала, кажется, в Канаду.

— Понятно, — сказал мистер Кин.

Пауза затянулась. В воздухе словно повисла легкая тревога, и стало как-то неуютно

— А почему бы ей, собственно, не уехать? — резко, словно защищаясь, спросил он.

— А почему ей вдруг вздумалось уехать? — слегка пожав плечами, в свою очередь спросил мистер Кин.

Вопрос был неприятный. И мистер Саттертуэйт предпочел уклониться от ответа и вернуться к вещам более понятным.

— Насчет того, кто стрелял, сомнений не возникало. Да, по правде говоря, слуги поначалу все были в растерянности. Ни один человек толком не знал, что делать. Лишь через несколько минут кто-то сообразил, что нужно позвонить в полицию, — но тут выяснилось, что телефон неисправен.

— Вот как, — сказал мистер Кин. — Неисправен телефон?

— Да, — подтвердил мистер Саттертуэйт и внезапно осознал всю значимость сказанного. — Конечно, — задумчиво проговорил он, это могло быть и подстроено. Но какой смысл? Ведь она умерла почти мгновенно.

Мистер Кин ничего не ответил, и мистер Саттертуэйт ощутил некоторую неудовлетворенность от собственного объяснения.

— Кроме молодого Уайлда, подозревать решительно некого, — продолжал он. — Он и сам признает, что вышел из дома всего за три минуты до того момента, когда, по свидетельству слуг, раздался выстрел. А кто еще мог стрелять? Сэр Джордж находился в компании за несколько домов от Диринг-Хилла, доигрывал партию в бридж. Последний роббер¹ закончился в половине седьмого — это абсолютно точно. Итак, он вышел после игры в половине седьмого, а когда вернулся домой, у ворот его уже встретил слуга с новостью... Есть еще секретарь сэра Джорджа, Генри Томпсон. Но он в тот день был в Лондоне и как раз в момент выстрела присутствовал на деловой встрече. Далее, есть Сильвия Дейл, у которой, между прочим, имелся достаточно веский мотив для убийства, — как ни трудно представить ее убийцей. Однако она находилась на станции, проводжала подругу на поезд восемнадцать двадцать восемь — так что она тоже исключается. И, наконец, слуги. Но зачем было кому-то из них ни с того ни с сего убивать хозяйку? Нет, остается только Мартин Уайлд.

Однако в голосе его не прозвучало особой убежденности.

¹ Роббер — финал игры в бридж, розыгрыш двух геймов, после чего производится окончательный подсчет

Обед продолжался в молчании. Мистер Кин был сегодня не слишком разговорчив, а мистер Саттертуэйт сказал уже все, что мог. Но и в самом молчании ощущался какой-то скрытый смысл. Оно было заполнено растущей удовлетворенностью мистера Саттертуэйта, которая странным образом подкреплялась и усиливалась неразговорчивостью собеседника.

Внезапно мистер Саттертуэйт громко положил вилку и нож.

— Ну, а что, если этот молодой человек на самом деле невиновен? — воскликнул он. — Ведь его же повесят!

Эта мысль, по всей видимости, ужаснула его. Однако мистер Кин и теперь не отозвался.

— Но ведь все это не... — начал мистер Саттертуэйт и умолк. — В конце концов, почему бы ей было не уехать в Канаду? — довольно непоследовательно закончил он.

Мистер Кин покачал головой.

— Я ведь даже не знаю, куда именно она уехала, — капризно добавил мистер Саттертуэйт.

— Разве нельзя это выяснить? — осведомился мистер Кин.

— Полагаю, что можно. Дворецкий, должно быть, в курсе. Или, возможно, Томпсон, секретарь.

Он снова помолчал. А когда опять заговорил, голос его звучал почти умоляюще:

— Но ведь я тут совершенно ни при чем.

— Ни при чем? А то, что молодого человека через три недели с небольшим собираются повесить?

— Ну... Ежели так ставить вопрос, то, пожалуй... Да, я вынужден с вами согласиться. Это вопрос жизни и смерти!.. К тому же несчастная девушка... И все-таки... Не подумайте, что у меня нет сердца, — но что тут можно сделать? Положим, я даже разужаю канадский адрес этой горничной — что ж, мне самому туда ехать?

Мистер Саттертуэйт совсем расстроился.

— А я на следующей неделе как раз собирался на Ривьеру¹, — сказал он жалобно.

Устремленный на мистера Кина взгляд яснее ясного говорил: «Пожалуйста, отпустите меня!»

— Вы никогда не были в Канаде?

¹ Ривьера — полоса франко-итальянского побережья Средиземного моря, международный курорт и центр туризма.

— Никогда.

— Очень интересная страна.

Мистер Саттертуэйт нерешительно взглянул на собеседника.

— По-вашему, я должен поехать?

Откинувшись на стуле, мистер Кин прикурил сигарету и, время от времени затягиваясь, неторопливо заговорил:

— Мистер Саттертуэйт, вы ведь, кажется, человек состоятельный... ну, во всяком случае, можете себе позволить иметь увлечение, не считаясь с расходами. Ваше увлечение — драмы из жизни знакомых вам людей. Разве вам никогда не хотелось при этом выйти на сцену и самому сыграть роль? Не хотелось — хоть ненадолго — сделаться властителем судеб, стоять в центре сцены и держать в руках нити жизни и смерти?

Мистер Саттертуэйт подался вперед, снова охваченный давней страстью.

— Вы хотите сказать, что эта сумасбродная поездка в Канаду могла бы... — взволнованно начал он.

— Ну, поездка в Канаду — целиком ваша идея, а не моя! — улыбнулся мистер Кин.

— Вы не должны оставлять меня в такой момент, — проговорил мистер Саттертуэйт. — Каждый раз, как я вас встречаю...

— Да?

— В вас есть что-то такое, что мне непонятно. Возможно, я никогда этого не пойму. Когда мы в последний раз виделись...

— Накануне дня летнего солнцестояния.

Мистер Саттертуэйт смешался, словно угадывая в словах собеседника какую-то не вполне внятную подсказку.

— Так это было накануне дня летнего солнцестояния? — смущенно спросил он.

— Да. Впрочем, не так уж это важно, не будем придавать этому значения!

— Ну, раз вы так считаете... — пробормотал мистер Саттертуэйт. Он смутно чувствовал, что какая-то важная мысль безнадежно ускользает от него. — Когда я вернусь из Канады... — Он запнулся, потом неуверенно продолжил: — Мне бы очень хотелось опять с вами увидеться.

— К несчастью, я не имею в данный момент постоянного местожительства, — с сожалением сообщил мистер Кин. — Зато я часто бываю в этом ресторанчике, и, если

вы будете сюда наведываться, мы непременно снова здесь повстречаемся

Они расстались как старые друзья

Мистер Саттертуэйт был очень взволнован. Он поспешил в Бюро Кука узнать расписание судов. Затем позвонил в Диринг-Хилл. Ему ответил вышколенно-почтительный голос дворецкого.

— Моя фамилия Саттертуэйт. Я представитель — г-м — одной адвокатской конторы. Мы хотели бы навести справки о молодой особе, которая недавно работала у вас горничной.

— Вы, вероятно, говорите о Луизе, сэр? О Луизе Буллард?

— Вот-вот, именно о ней, — подтвердил мистер Саттертуэйт, радуясь, что так удачно выяснил имя интересующей его особы.

— К сожалению, сэр, ее сейчас нет в Англии. Полгода назад она уехала в Канаду.

— А вы можете сообщить мне ее нынешний адрес?

— Увы, к сожалению мы не знаем ее адреса. Но это где-то в горах, какое-то местечко с шотландским названием Банф, кажется. Да, точно, Банф! Ее бывшие подружки — девушки, с которыми она работала здесь — ждали от нее письма, но она так никому и не написала.

Мистер Саттертуэйт поблагодарил и повесил трубку. Он был по-прежнему исполнен энтузиазма, жажда приключений пылала в его груди. Да, он поедет в Банф, и, если Луиза Буллард действительно там, он обязательно, всеми правдами и неправдами, ее разыщет!

На корабле он, к своему удивлению, чувствовал себя прекрасно. Вот уже много лет ему не приходилось путешествовать морем на большие расстояния. Его обычные маршруты ограничивались Ривьерой, Ле Туке¹ с Довилем² да Шогландией. Сознание, что ему предстоит совершить невозможное, придавало его поездке особую прелесть. Как бы посмеялись над ним благоразумные попутчики, узнай об истинной цели его путешествия! Впрочем — вольно им смеяться, они ведь незнакомы с мистером Кином.

В Банфе выяснилось, что разыскать Луизу Буллард не

¹ Ле Туке — город на севере Франции на побережье пролива Па-де-Кале, модный курорт.

² Довиль — фешенебельный курорт на французском побережье пролива Ла-Манш.

представляет труда. Она работала в большом отеле, и спустя двенадцать часов после прибытия парохода мистер Саттертуэйт уже был у нее.

Перед ним стояла несколько бледная, но весьма крепко сбитая женщина лет тридцати пяти. У нее были светлорусые выющиеся волосы, честные карие глаза «Да, умом Луиза, кажется, не блещет,— подумал он,— зато как будто заслуживает доверия».

Она с легкостью поверила, что его прислали уточнить некоторые подробности диригг-хилльской трагедии

— Да, сэр, я прочитала в газете, что мистера Мартина Уайлда осудили. Жаль его, конечно, очень жаль!

Однако никаких сомнений относительно его виновности у нее не было.

— Жаль, такой славный молодой господин! Но грех совершил тяжкий. И хоть о мертвых плохо не говорят — но это во всем ее милость виновата. Сама к нему лгнула, никак не хотела оставить в покое! Ну что ж, теперь они оба наказаны. В детстве, помню, у меня над кроватью висела строка из Библии: «Не искушай Господа своего!»¹ Вот уж воистину так!.. А уже в тот вечер я точно знала: что-нибудь непременно случится — и, пожалуйста вам, так оно и вышло!

— Знали — откуда? — настояжился мистер Саттертуэйт.

— А я, сэр, переодевалась в своей комнате и случайно глянула в окно. Мимо как раз проходил поезд, у него из трубы валил дым. И вдруг, представляете, я вижу, что этот дым напоминает огромную-преогромную руку... Такая страшная белая рука на темно-красном небе. Пальцы такие скрюченные и как будто тянутся за чем-то. Меня аж в дрожь бросило. «И надо ж,— думаю,— такому привидеться! Не иначе, как что-то случится!..» И в ту же минуту — бах! — выстрел. «Вот,— думаю,— и случилось!» Лечу вниз. вбегаю вместе с Керри и со всеми остальными в музыкальную комнату — а она уж там лежит с простреленной головой, и кровь кругом... Ужас! Я потом говорила сэру Джорджу про этот знак на небе — да он только отмахнулся. Да, несчастливый выдался денек, я это еще с утра нутром чуяла. А чего ж вы хотите — пятница, тринадцатое число!..

И так далее в том же духе. Мистер Саттертуэйт был само терпение. Он снова и снова возвращал ее к обстоятельствам убийства, задавал наводящие вопросы и в конце

¹ Ветхий Завет, Второзаконие, гл 6, ст 16

концов был вынужден признать свое поражение. Луиза Буллард выложила все, что знала, и рассказ ее был прост и незатейлив.

Одна интересная, однако, выяснилась подробность. Нынешнее место ей предложил мистер Томпсон, секретарь сэра Джорджа.

Соблазнившись высоким жалованьем, она тут же дала согласие, хотя из-за этого ей пришлось спешно покинуть Англию. На месте ее обустройством занимался некий мистер Денмен, который, кстати, и посоветовал ей не писать своим прежним товаркам в Англию: якобы у нее от этого «могут возникнуть проблемы с иммиграционными службами» — предостережение, в которое она в силу своей непосредственности поверила.

Жалованье у нее действительно было немалое. Упомянутая ею вскользь цифра так поразила мистера Саттертуэйта, что, поколебавшись, он все же решил встретиться с этим мистером Денменом.

У мистера Денмена он без труда выведал все, что тому было известно. Как оказалось, мистер Денмен когда-то встречался с Томпсоном в Лондоне, и Томпсон оказал ему некую услугу. В сентябре секретарь прислал ему письмо, в котором говорилось, что сэр Джордж, по причинам личного характера, желает удалить из Англии одну девушку, и не может ли мистер Денмен подыскать ей работу? Была также переведена изрядная сумма, предназначенная для выплаты надбавки к ее жалованью.

— Обычное дело, с кем не бывает! — сказал мистер Денмен, вальяжно откинувшись в кресле. — Но в общем-то она девушка скромная.

Мистер Саттертуэйт подумал, что дело, пожалуй, не такое уж и обычное. Очень сомнительно, чтобы Луиза Буллард оказалась мимолетной прихотью сэра Джорджа Бэрнаби. Однако зачем-то все же понадобилось выдворить ее из Англии. Зачем, интересно? И кто за этим стоит? Сэр Джордж, поручивший свои дела Томпсону? А может, Томпсон действовал по собственному почину, лишь прикрываясь именем хозяина?

На обратном пути мистер Саттертуэйт все еще размышлял над этими вопросами. Он был мрачен и подавлен: его поездка ничего не дала.

На другой день после приезда, остро переживая неудачу, он направился в «Арлекино». Он почти не надеялся, что ему сразу же удастся увидеться со своим приятелем,

однако, к своему удовольствию, за столиком в углу он увидел знакомую фигуру, и смуглое лицо мистера Арли Кина осветилось приветственной улыбкой.

— Да,— промолвил мистер Саттертуэйт, перекладывая себе в тарелку ломтик масла,— задали вы мне задачку! Послали искать ветра в поле.

Мистер Кин удивленно приподнял бровь.

— Я вас послал? По-моему, это была целиком ваша идея.

— Чья бы она ни была, из нее ровным счетом ничего не вышло. Луизе Буллард рассказать нечего.

Засим мистер Саттертуэйт подробно изложил свой разговор с горничной, а также с мистером Денменом. Мистер Кин слушал молча.

— Лишь в одном наши подозрения подтвердились,— продолжал мистер Саттертуэйт.— Кому-то действительно понадобилось, чтобы она уехала из страны. Но зачем? Не могу понять.

— Не можете? — словно поддразнивая, по своему обыкновению, спросил мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт вспыхнул.

— Вы, верно, считаете, мне надо было быть настойчивее? Уверяю же вас, я не раз выслушал ее от начала до конца. И не моя вина, что ее рассказ абсолютно ничего нам не дал.

— А вы уверены, что так уж ничего и не дал? — спросил мистер Кин.

Удивленно воззрившись на собеседника, мистер Саттертуэйт встретил все тот же знакомый взгляд, насмешливый и печальный.

И, слегка смутившись, неуверенно покачал головой.

Последовала пауза, затем мистер Кин, уже совсем другим тоном, произнес:

— В нашей прошлой беседе вы прекрасно описали всех действующих лиц. Вы, всего в нескольких словах, сумели так мастерски их изобразить, что теперь я почти зримо представляю себе каждого из них. Хотелось бы вот так же представить и место события — прошлый раз оно как-то осталось в тени.

Мистер Саттертуэйт был польщен.

— Место события? То есть Диринг-Хилл? Что ж, это нетрудно. Таких теперь немало построено вокруг больших городов. Знаете, такие краснокирпичные домики, с

«фонарями»¹. Они довольно уродливы снаружи, но вполне комфортны. Типичные дома богачей. И Диринг-Хилл такой же, как все. Не очень большой — акра² два в основании. Внутри все как в гостинице, спальни смахивают на гостиничные номера. При каждой спальне ванна с горячей и холодной водой, кругом золоченые электрические светильники. Все замечательно, но мало похоже на деревенский дом. Чувствуется, что до Лондона всего девятнадцать миль.

Мистер Кин внимательно слушал.

— Поезда, наверное, ходят нерегулярно, — заметил он.

— Да нет, не сказал бы, — оживился мистер Саттертуэйт — Прощлым летом я несколько раз наезжал туда из Лондона. Ездить было очень удобно. Правда, интервал между поездами целый час, но зато каждый час, ровно в сорок восемь минут, отправление от вокзала Ватерлоо — вплоть до десяти сорока восьми вечера.

— Долго ехать до Диринг-Вейла?

— Минут сорок. Остановка в Диринг-Вейле в двадцать восемь минут.

— Ну конечно, — поморщился мистер Кин. — Как же это я запамятовал? Ведь мисс Дейл провожала кого-то в тот вечер как раз на восемнадцать двадцать восемь, верно?

Какое-то время мистер Саттертуэйт ничего не отвечал. Мысль его опять метнулась к нерешенной задаче. Наконец он сказал:

— Вы не могли бы пояснить, что именно вы имели в виду, когда спросили, уверен ли я, что он нам так уж ничего не дал?

Вопрос прозвучал довольно запутанно, но мистер Кин не стал делать вид, что не понял, о чем речь.

— Я просто подумал, что вы, возможно, чересчур много хотели. В конце концов, вы ведь выяснили, что Луизу Буллард намеренно выслали из Англии? Значит, тому были свои причины. И причины эти, скорее всего, надо искать в том, что она вам рассказала.

— А что, собственно, она рассказала? — возразил мистер Саттертуэйт. — И что такого она могла бы рассказать, доведись ей выступить на суде?

— То, что видела.

— И что же она видела?

¹ «Фонарь» — окно в глубоком выступе стены здания. эркер

² Акр — единица измерения площади, равная 4046,86 м²

— Знамение в небе.

Мистер Саттертуэйт остолбенело уставился на собеседника.

— Так вы об этой чепухе?! О небесном знамении, что привиделось этой женщине?

— Что ж,— усмехнулся мистер Кин.— Исходя из того, что нам известно, возможно, это и было небесное знамение.

Последние слова прозвучали несколько торжественно, чем мистер Саттертуэйт был явно озадачен.

— Что за вздор,— сказал он.— Она же сама подтвердила, что это был дым от поезда.

— Интересно, от какого поезда — в город или из города? — задумчиво проговорил мистер Кин.

— Ну, в город вряд ли — он останавливается в Диринг-Вейл без десяти. Скорее всего, из города — этот как раз прибывает в восемнадцать двадцать восемь. Хотя нет! Она же сказала, что выстрел раздался в ту же минуту, а нам известно, что это произошло в двадцать минут седьмого. Не мог же поезд прибыть на десять минут раньше!

— Да, на пригородной линии это маловероятно,— согласился мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт уставился в пространство.

— Может, товарный? — пробормотал он.— Но в таком случае ..

— Согласен. Но в таком случае, зачем было выдвирать ее из Англии? — отозвался мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт глядел на него как заворуженный.

— Восемнадцать двадцать восемь,— медленно произнес он.— Но если так, если выстрел прозвучал в восемнадцать двадцать восемь, тогда почему все показали, что это случилось раньше?

— Ничего удивительного,— сказал мистер Кин — Вероятно, часы в доме отставали.

— Как — все сразу? — с сомнением покачал головой мистер Саттертуэйт.— Ничего себе совпадение!

— Не думаю, чтобы это было совпадение,— отозвался мистер Кин.— Скорее — дело в том, что была пятница.

— Пятница? — бессмысленно повторил мистер Саттертуэйт.

— Ну да, вы же сами говорили, что сэр Джордж всегда заводит часы по пятницам,— чуть ли не извиняющимся тоном пояснил мистер Кин.

— Он перевел их... Он отвел их на десять минут назад,— страхась собственного открытия, прошептал мистер

Саттертуэйт.— А сам пошел играть в бридж. Наверное, он в то утро вскрыл письмо, что написала его жена Мартину Уайлду.— Да, наверняка вскрыл! В восемнадцать тридцать он закончил игру и отправился домой. У порога взял при-слоненное к стене ружье Мартина, вошел в дом и застрелил свою жену. Затем снова вышел, швырнул ружье в кусты, где оно впоследствии и было обнаружено, а когда посланный за ним слуга выбежал из ворот, он как бы только-только выходил от соседа. Да, а что же с телефоном? Ах, все понятно! Он оборвал провод, чтобы сообщение о случившемся не попало сейчас же в полицию — ведь там могли зафиксировать точное время звонка! В таком случае, на суде Уайлд говорил чистую правду. На самом деле он вышел от леди Барнаби в двадцать пять минут седьмого и умеренным шагом вполне мог дойти до фермы за двадцать минут. Да, все ясно! Единственную опасность представляла Луиза, с ее бесконечной болтовней про знамение. В конце концов кто-то мог уловить смысл в ее словах, и тогда — прости-прощай алиби!

— Превосходно! — прокомментировал мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт, окрыленный успехом, повернулся к нему.

— Вот только не знаю: что теперь лучше всего предпринять?

— Я бы посоветовал зайти к Сильвии Дейл,— сказал мистер Кин

— Но,— с сомнением произнес мистер Саттертуэйт,— я ведь уже говорил: мне показалось, что она девушка... гм-м!.. весьма недалекая.

— У нее наверняка есть отец и братья — они сделают все, что нужно.

— Верно,— с облегчением согласился мистер Саттертуэйт

Вскоре он уже сидел перед Сильвией Дейл и подробно излагал все, что ему удалось узнать. Она слушала очень внимательно, не задавая никаких вопросов, но, едва он закончил, тут же поднялась.

— Я должна срочно поймать такси.

— Но, дитя мое!.. Что вы собираетесь делать?

— Я еду к сэру Джорджу Барнаби.

— Но это невозможно! Абсолютно немыслимо! Позвольте мне .

Он распинаясь перед ней довольно долго, однако безуспешно. Сильвия Дейл была тверда в своем решении.

Она позволила ему себя сопровождать, однако осталась глуха ко всем его увещаниям. Входя в городскую контору сэра Джорджа, она оставила своего спутника дожидаться в такси.

Из конторы она вышла только через полчаса. Она выглядела усталой и измученной, милая белокурая головка поникла как цветок без воды. Мистер Саттертуэйт заботливо усадил ее рядом с собой.

— Я победила,— прошептала она и откинулась на сиденье с полужакрытыми глазами.

— Что? — подскочил он.— Но что вы сделали? Что вы ему сказали?

Она выпрямилась.

— Я сказала ему, что Луиза Буллард рассказала все в полиции. Что полиция возобновила расследование и что кто-то видел, как он вошел, а затем вышел из своих ворот вскоре после половины седьмого. Я сказала ему, что игра проиграна... На него жалко было смотреть. Я сказала, что еще есть время исчезнуть, потому что полиция явится за ним не раньше чем через час. Сказала, что, если он подпишет признание, что это он убил Вивьен, я ничего не стану делать, в противном случае я сейчас же начну кричать и вопить, чтобы все кругом узнали правду... Со страху он совсем потерял голову. И подписал эту бумагу не думая.

Она сунула листок в руки мистеру Саттертуэйту.

— Вот, возьмите. Вы знаете, что с этим нужно сделать, чтобы Мартина освободили.

— И правда — подписал! — воскликнул изумленный мистер Саттертуэйт.

— Видите ли, он ведь от природы не слишком умен,— сказала Сильвия Дейл и, поразмыслив, добавила: — Я тоже. Поэтому я знаю, как сама бы повела в подобной ситуации. Меня ничего не стоит запугать, со страху я могу сделать не то, что надо,— а потом жалею.

Девушка зябко поежилась, и мистер Саттертуэйт погладил ее по руке.

— Вам нужно выпить что-нибудь, чтобы прийти в себя. Кстати, здесь неподалеку есть неплохой ресторанчик, называется «Арлекино». Не бывали там?

Она покачала головой.

Мистер Саттертуэйт остановил такси перед дверью ресторана. Пока они шли к дальнему столику в углу, его сердце колотилось в ожидании. Однако столик оказался пуст.

Сильвия Дейл заметила его разочарование.

— В чем дело? — спросила она.

— Ничего, ничего, все в порядке, — поспешил ответить мистер Саттертуэйт. — Просто я надеялся увидеть тут одного моего приятеля. Ну да ничего! В другой раз Надеюсь, мы с ним еще встретимся..

Глава 5

Душа крупье ¹

Мистер Саттертуэйт нежился под лучами солнца на открытой террасе в Монте-Карло ².

Каждый год во второе воскресенье января мистер Саттертуэйт, словно ласточка, отбывал из Англии на Ривьеру. В апреле месяце он возвращался в Англию, май и июнь проводил в Лондоне — и ни разу еще не пропустил Королевского Аскота ³. После матча Итона ⁴ с Хэрроу ⁵ он наносил несколько деревенских визитов, чтобы затем вновь устремиться в Довиль или Ле Туке. Сентябрь и октябрь почти целиком занимала охота, и завершался год мистера Саттертуэйта в столице. Он знал всех, и не будет преувеличением сказать, что все знали его.

Сегодня утром он хмурился. Море было восхитительно синее, сады, как всегда, сказочно-красивы, но вот публика его разочаровывала — какая-то бесцветная, дурно одетая... Встречались, конечно, игроки — пропащие души, коих уже не спасти. С этими мистер Саттертуэйт готов был смириться: все же они составляли неотъемлемую часть местного колорита. Но ему определенно недоставало людей собственного круга, что называется закваски общества, elite ⁶.

¹ Крупье — служащий игорного дома, следящий за игрой, выдающий игрокам их выигрыши и забирающий проигранные ставки

² Монте-Карло — город в княжестве Монако на Лазурном берегу Средиземного моря, известный своим казино

³ Королевский Аскот — проводимые с 1711 года в июне на ипподроме Аскот близ города Виндзора в графстве Беркшир четверодневные скачки, которые являются крупным событием в жизни английской аристократии и на которых обычно присутствует монарх

⁴ Итон — одна из наиболее престижных средних школ, расположенная в городе Итон недалеко от Лондона и основанная в 1440 году

⁵ Хэрроу — одна из старейших мужских привилегированных средних школ, находящаяся в пригороде Лондона и основанная в 1571 году

⁶ Элита (фр.)

— Ах, как все переменилось,— ворчал мистер Саттертуэйт.— Теперь сюда едут все, кому раньше было не по карману. Да и сам я уж, видно, старею... А молодежь — молодежь нынче норовит податься в Швейцарию.

Недоставало ему и безукоризненно одетых иноземных послов с графскими и баронскими титулами, и великих князей, и наследных принцев. Единственный наследный принц, которого он пока что здесь встретил, служил лифтером в одном из второсортных отелей. Недоставало роскошных дам: они еще встречались, но гораздо реже, чем прежде.

Мистер Саттертуэйт всегда прилежно изучал драму под названием Жизнь, но предпочитал костюмы и декорации поярче. Теперь он загрустил. Ценности изменились — а он уже слишком стар, чтобы меняться...

Тут он заметил, что к нему приближается графиня Царнова.

Мистер Саттертуэйт уже много сезонов встречал графиню в Монте-Карло. Сначала она появлялась в обществе великого князя, затем австрийского барона, в последующие несколько лет рядом с нею мелькали какие-то бледные крючконосые евреи с огромными перстнями на пальцах, и вот уже года два, как ее можно было увидеть с мужчинами — преимущественно очень молодыми, почти мальчиками.

Сейчас она тоже прогуливалась в сопровождении очень молодого человека. Мистер Саттертуэйт случайно его знал и огорчился, увидев в обществе графини. Франклин Рудж был американец, типичный выходец из какого-то западного штата: чрезвычайно любознательный, чрезвычайно невежественный, но вполне симпатичный. В нем забавно сочетались свойственные всем его соотечественникам практичность и идеализм. В Монте-Карло он приехал в компании молодых американцев обоего пола, весьма похожих друг на друга. Это был их первый выезд в Старый Свет, и они хвалили и критиковали все кругом без стеснения и без разбора.

Проживающие в отеле англичане им по большей части не нравились — как, впрочем, и они англичанам. Однако мистер Саттертуэйт — с гордостью называвший себя космополитом — отнесся к ним вполне благожелательно. Ему импонировала их напористость и прямота, хотя некоторые их выходки иногда просто приводили его в ужас.

«Стало быть, Франклин Рудж и графиня Царнова,—

усмехнулся он про себя.— Да, пожалуй менее подходящую компанию для юноши придумать трудно».

Когда парочка поравнялась с ним, мистер Саттертуэйт вежливо приподнял шляпу, а графиня кивнула, одарив его обворожительной улыбкой.

Графиня была высокая, ухоженная женщина. Волосы и глаза у нее были черны от природы, а брови с ресницами — такой невиданной черноты, какая природе и не снилась.

Мистер Саттертуэйт, знавший о женских уловках много больше, чем пристало знать мужчине, тут же воздал должное ее искусству макияжа: матовая сливочно-белая кожа не имела, казалось, ни единого изъяна.

Особенно эффектно выглядели едва заметные коричневые тени под глазами. Губы — не вульгарно-алые или малиновые, а изысканного цвета красного вина. На ней было нечто черно-белое, весьма смелого фасона, а в руках розовый зонтик того оттенка, какой считается наиболее выигрышным для цвета лица.

Франклин Рудж чуть не лопался от важности.

«Вот идет молодой глупец,— сказал себе мистер Саттертуэйт.— Впрочем, не мое дело давать ему советы, да он и не станет их слушать. Что ж, и мне в свое время приходилось платить за жизненный опыт».

И все-таки он испытал беспокойство, так как был уверен, что одной милой юной американке, приехавшей вместе со всей компанией, дружба Франклина Руджа с графиней вряд ли по душе.

Он уже собирался удалиться в противоположном направлении, когда заметил, что снизу по тропинке к нему поднимается упомянутая уже американка. На ней был хорошо сшитый строгий костюм с белой муслиновой¹ блузкой и удобные туфли на низком каблуке. В руке она держала путеводитель. Иные ее соотечественницы, побывав в Париже, выезжают из него разодетые в пух и прах. Но не Элизабет Мартин: эта девушка «производила осмотр Европы» самым серьезным и добросовестным образом. Чувствуя в себе тягу к культуре и искусству, она твердо вознамерилась за те деньги, которыми располагала, узнать и увидеть как можно больше.

Впрочем, для мистера Саттертуэйта ее образ вряд ли ассоциировался с культурой или же искусством. Скорее всего, она казалась ему просто очень юной.

¹ Муслин — разновидность тонкой хлопчатобумажной ткани.

— Доброе утро, мистер Саттертуэйт,— сказала Элизабет.— Вы случайно не видели Франклина?.. То есть мистера Руджа?

— Видел, всего несколько минут назад.

— Вероятно, с его другом — графиней,— язвительно заметила девушка.

— М-м-м... Да, с графиней,— вынужден был признать мистер Саттертуэйт.

— Решительно ничего в ней не нахожу,— сердито объявила Элизабет.— А Франклин от нее просто без ума. И чем она его прельстила?

— Она, мне кажется, держится очень мило,— уклончиво ответил мистер Саттертуэйт.

— Вы ее знаете?

— Немного.

— Я прямо беспокоюсь за Франклина,— пожаловалась мисс Мартин.— Обычно он ведет себя вполне разумно. Ни за что бы не подумала, что он способен увлечься этой сиреной. И главное, слова ему не скажи! Никого не слушает, тотчас лезет в бутылку... Скажите, правда хоть, что она графиня?

— Не могу утверждать наверняка,— ответил мистер Саттертуэйт.— Вполне возможно.

— Вот истинно английский ответ! — поморщилась Элизабет.— Знаете, что я вам скажу, мистер Саттертуэйт? В Саргон-Спрингсе, где мы живем, эта графиня смотрелась бы очень странно!

Мистер Саттертуэйт вполне это допускал и потому не стал говорить вслух, что здесь, в княжестве Монако, в отличие от Саргон-Спрингса, графиня вписывается в окружающую обстановку гораздо лучше, нежели мисс Мартин.

Так как он ничего не ответил, Элизабет направилась дальше, в сторону казино, а мистер Саттертуэйт присел на освещенную солнцем скамью. Вскоре к нему присоединился и Франклин Рудж.

Рудж был полон энтузиазма.

— Мне здесь ужасно нравится,— с восторгом наивности объявил он.— Да, сэр! Вот это настоящая жизнь — не то, что у нас в Штатах!

Пожилый собеседник обратил к нему задумчивое лицо.

— Жизнь в общем-то везде одинакова,— возразил он, впрочем, без особого воодушевления.— Она лишь рядится в разные одежды.

Франклин Рудж удивленно заморгал.

— Что-то я вас не пойму.

— И не поймете,— сказал мистер Саттертуэйт.— Для этого вам еще надо пройти долгий-долгий путь... Но, ради Бога, извините! Старикам не следует впадать в нравоучительный тон.

— А-а, пустяки! — Рудж рассмеялся, обнажив два ряда прекрасных зубов.— Зато казино почти не произвело на меня впечатления. Я думал, рулетка — это что-то совсем другое, что-то лихорадочное, волнующее... А оказалось — все довольно скучно и противно.

— Казино — жизнь и смерть для игрока, но зрителю смотреть там не на что,— сказал мистер Саттертуэйт.— Об азартных играх интереснее читать, чем наблюдать за ними.

Молодой человек кивнул.

— Вы, говорят, важная птица, да? — спросил он с такой наивной робостью, что сердиться на него было решительно невозможно.— Вращаетесь в обществе и знаете всех герцогинь, графов, графинь?

— Да, довольно многих,— сказал мистер Саттертуэйт.— А также евреев, португальцев, греков и аргентинцев.

— И аргентинцев? — растерялся мистер Рудж.

— Я просто хотел сказать, что я вращаюсь в английском обществе.

Франклин Рудж задумался.

— Вы, наверное, и графиню Царнову знаете? — спросил он после недолгого молчания.

— Немного,— ответил мистер Саттертуэйт, в точности как отвечал недавно Элизабет.

— Интереснейшая женщина!.. Сейчас все говорят, что аристократия в Европе вырождается. Не знаю, мужчины, может, и вырождаются, но женщины — никоим образом! Ну разве не счастье повстречать такое изысканное создание, как графиня? Умна, очаровательна, аристократка до кончиков ногтей. Ведь за нею поколения и поколения носителей культуры!

— Вот как? — сказал мистер Саттертуэйт.

— А разве нет? Знаете, из какой она семьи?

— Нет,— признался мистер Саттертуэйт.— Должен признаться, я очень мало о ней знаю.

— Она из Радзинских — это один из старейших родов Венгрии,— пояснил Франклин Рудж.— Она прожила такую необычную жизнь! Помните на ней длинную нитку жемчуга?

Мистер Саттертуэйт кивнул.

— Это ей подарил король Боснии за то, что она помогла ему вывезти какие-то секретные документы.

— Я слышал, что ее жемчуга — подарок от короля Боснии, — сказал мистер Саттертуэйт.

Он действительно не раз об этом слышал, так как давнишняя любовная связь этой дамы с Его Королевским Величеством до сих пор была у всех на устах.

— Так я вам еще кое-что расскажу.

Мистер Саттертуэйт слушал, и чем дольше слушал, тем больше восхищался богатым воображением графини Царновой. Это вам не какая-нибудь сирена, как выразилась Элизабет Мартин: на сей счет идеалист был достаточно проникновен. Нет, пройдя сквозь лабиринт дипломатических интриг, графиня осталась, как прежде, холодной и неприступной. Разумеется, враги не раз пытались ее оклеветать!.. Молодой человек трепетал при мысли о том, что ему удалось заглянуть в самое сердце старого режима, где в центре, в окружении принцев и советников, высилась загадочная фигура графини — гордой аристократки, вдохновительницы возвышенных романтических страстей.

— Но сколько же всего ей пришлось вынести от людей! — взволнованно продолжал молодой американец. — Поразительно, но ей ни разу в жизни не встретилась женщина, которая стала бы ей настоящим другом, женщины всю жизнь были настроены против нее.

— Очень возможно, — согласился мистер Саттертуэйт.

— Ну, не подло ли с их стороны? — возмущался Рудж.

— Н-нет, — задумчиво произнес мистер Саттертуэйт. — Не думаю, чтобы это было очень подло. У женщин, знаете ли, обо всем свои понятия, нам не стоит вмешиваться в их дела. Пусть сами между собой разбираются.

— Не могу с вами согласиться, — живо возразил Рудж. — Ведь их недоброжелательность друг к другу есть величайшее из зол! Знаете Элизабет Мартин? Так вот, в принципе она со мной совершенно согласна — мы с нею часто говорили на эти темы. Она, конечно, еще девчонка, зато все понимает как надо. Но чуть доходит до дела — тут же выясняется, что она в точности такая же, как все. Прямо-таки взялась на графиню, о которой знать ничего не знает, и слушать ничего не хочет, как я ни пытаюсь ей что-то втолковать. Разве так можно, мистер Саттертуэйт? Я верю в торжество демократии — а в чем она, демократия, если не в том,

чтобы мужчины относились друг к другу как братья, а женщины — как сестры?..

Он взволнованно умолк. Мистер Саттертуэйт попросил представить себе ситуацию, в которой между графиней и Элизабет Мартин могли бы возникнуть сестринские чувства, — но у него ничего не вышло.

— Графиня же, — продолжал Рудж, — в полном восторге от Элизабет и уверяет, что она совершенно очаровательная девушка во всех отношениях. Ну, скажите, о чем это говорит?

— Это говорит о том, — сухо ответил мистер Саттертуэйт, что она живет на свете гораздо дольше, нежели мисс Мартин.

Тут Франклина Руджа словно прорвало.

— А знаете, сколько ей лет? Так вот, она мне сама сказала. Представьте, не побоялась! Я ведь думал, что ей лет двадцать девять, а она призналась, что тридцать пять, хотя я у нее даже не спрашивал. Она не выглядит на свои года, правда?

Мистер Саттертуэйт, определявший для себя возраст графини где-то между сорока пятью и сорока девятью, лишь удивленно приподнял бровь.

— Не советую верить всему тому, что вы услышите в Монте-Карло, — пробормотал он.

Он достаточно повидал на своем веку, чтобы убедиться, что с юношами спорить бесполезно. Ведь если Франклина покажется, что его собеседник в чем-то неправ, он тут же набросится на него с отвагой молодого рыцаря — разве что собеседник сможет немедленно представить ему неопровержимые доказательства.

— А вот и графиня, — поднимаясь, сказал Рудж.

Графиня приближалась к ним с ленивой грацией, которая ей так шла, и вскоре они сидели на скамейке уже троим. С мистером Саттертуэйтом она держалась мило, но несколько отчужденно. Она очень изящно подчеркивала разницу между ним и собой, обращаясь к нему как к несравненно более компетентному старожилу Ривьеры и спрашивая его мнение по всем вопросам.

Она вела разговор тонко и умно. Уже через несколько минут Франклин Рудж почувствовал, что его ласково, но совершенно определенно просят удалиться, и графиня с мистером Саттертуэйтом остались tête-à-tête¹.

¹ С глазу на глаз (фр.).

Она сложила зонтик и принялась чертить им на земле какой-то узор.

— Мистер Саттертуэйт, вам, кажется, симпатичен этот мальчик?

Она проговорила это тихо, чуть ли не с нежностью в голосе.

— Славный юноша,— уклончиво ответил мистер Саттертуэйт.

— Да, очень,— задумчиво произнесла графиня — Я успела многое рассказать ему о своей жизни

— Вот как,— сказал мистер Саттертуэйт.

— Такие подробности я мало кому раскрывала,— мечтательно продолжала она — Я ведь прожила очень, очень необычную жизнь, мистер Саттертуэйт. Со мною случались такие удивительные вещи, что кое-кто может, пожалуй, и не поверить.

Будучи достаточно догадливым, мистер Саттертуэйт без труда понял, к чему она клонит. В конце концов, все, что она наговорила Франклину Руджу, могло быть и правдой. . Конечно, это маловероятно и в высшей степени неправдоподобно, но ведь возможно же... И ни один человек не может с полной определенностью сказать: «Это не так!»

Он промолчал, и графиня снова устремила мечтательный взор мимо бухты куда-то вдаль.

Внезапно мистер Саттертуэйт увидел ее в каком-то новом, странном свете. Он вдруг ясно осознал, что перед ним не хищница, а всего лишь жалкое, затравленное существо, отчаянно борющееся за место под солнцем. Он украдкой покосился на нее: зонтик был сложен, и в ярком свете солнца в уголках глаз видны усталые морщинки, на виске пульсирует тоненькая жилка.

Он все больше укреплялся в своем убеждении: эта женщина доведена до крайности и будет беспощадна к нему или к любому, кто посмеет встать между нею и Франклином Руджем. Но чего-то он все же не понимал. Ведь денег у нее должно быть достаточно: она всегда роскошно одета, у нее великолепные драгоценности. Значит, дело не в финансовых затруднениях... Может, любовь? Мистеру Саттертуэйту было доподлинно известно, что женщины ее возраста иной раз без памяти влюбляются в юношей... Что ж, возможно. И все-таки — что-то тут не так.

Он догадывался, что этим разговором tête-à-tête она бросает ему перчатку. В нем она усмотрела своего главно-

го противника. Она, видимо, ждала, что он начнет на-шептывать Франклину Руджу какие-нибудь гадости о ней. Нет уж, увольте, улыбнулся про себя мистер Саттертуэйт. Он стреляный воробей, он знает, в каких случаях лучше держать язык за зубами.

А вечером он снова повстречал ее в Серкль-Приве, за рулеткой.

Графиня делала ставку за ставкой, однако счастье ей не улыбалось. Она, впрочем, переносила неудачи с завидным sang froid¹ старого игрока. Пару раз она ставила en plein², потом на красное, потом на вторую дюжину, где немного выиграла, но тут же проиграла опять, потом шесть раз подряд на manque³, но ей решительно не везло. Наконец, равнодушно пожав плечами, она отвернулась.

Выглядела она очень элегантно: длинное золотистое платье с зеленым отливом, на шее знаменитые боснийские жемчуга, в ушах длинные, жемчужные же, серьги.

Мистер Саттертуэйт нечаянно подслушал разговор о ней двух мужчин.

— Вон идет та самая Царнова,— сказал один — Отлично сохранилась, а? И, надо сказать, королевский подарок неплохо на ней смотрится!

Второй, маленький человечек с явно иудейскими чертами лица, с любопытством уставился ей вслед.

— Так это и есть боснийские жемчуга? — спросил он. — En vérité⁴. Как странно! — И тихонько хихикнул про себя.

Дальше мистер Саттертуэйт слушать не мог, потому что в этот момент случайно повернув голову, к своему удовольствию, узнал в одном из посетителей казино своего старого приятеля.

— Мистер Кин, дорогой вы мой! — Он принялся горячо трясти его руку. — Я и мечтать не мог вас здесь встретить!

Смуглое лицо мистера Кина осветилось улыбкой.

— Не удивляйтесь,— сказал он.— Сейчас ведь карнавал⁵, а в это время я бываю здесь довольно часто.

— Правда? Как замечательно!.. Послушайте, стоит ли нам здесь оставаться? По-моему, тут душновато.

¹ Хладнокровием (фр)

² Полную ставку — ставку на номера (фр)

³ Начало — на первые 18 номеров (фр)

⁴ Поистине! (фр)

⁵ Карнавал в Западной Европе проходит накануне Великого поста и соответствует русской масленице

— Да, пожалуй, приятнее будет пройтись,— согласился мистер Кин.— Спустимся в сад.

Выйдя на улицу, оба с жадностью вдохнули свежий воздух.

— Видите, как хорошо,— сказал мистер Саттертуэйт.

— Гораздо лучше,— подтвердил мистер Кин.— И можно спокойно поговорить. У вас ведь найдется, что мне рассказать?

— Да, кое-что есть.

И мистер Саттертуэйт с наслаждением погрузился в тонкости собственного повествования. Как всегда, он немного шеголял своим умением передать атмосферу. Графиня, юный Франклин, непреклонная Элизабет — все вскоре ожили под его быстрыми и точными штрихами.

— Вы несколько изменились с тех пор, как я увидел вас впервые,— выслушав отчет, с улыбкой сказал мистер Кин.

— В какую сторону?

— Прежде вам довольно было того, что вы просто наблюдали за развитием сюжета, а теперь... Теперь вы сами хотите быть участником драмы, играть роль.

— Да,— признался мистер Саттертуэйт.— Но, честно сказать, сейчас я просто не знаю, что тут можно сделать. Может быть,— он запнулся,— вы мне поможете?

— С удовольствием,— сказал мистер Кин.— Подумаем, что можно сделать.

И мистер Саттертуэйт вдруг ощутил странное чувство покоя и надежности.

На следующий день он представил своему другу мистери Арли Кину Франклина Руджа и Элизабет Мартин. Он был рад видеть молодых людей снова вместе. О графине речь не заходила, но за обедом он услышал новость, которая его очень заинтересовала.

— Сегодня вечером в Монте приезжает Мирабель,— взволнованно сообщил он мистери Кину.

— Та самая парижская актриса?

— Да. Последняя фаворитка короля Боснии — о чем вы, впрочем, без меня наверняка знаете, это ведь ни для кого не секрет. Он просто осыпал ее драгоценностями! И вообще, говорят, что она самая дорогостоящая и самая экстравагантная женщина в Париже.

— Интересно будет понаблюдать, как они встретятся сегодня с графиней Царновой.

— Вот именно.

Мирабель оказалась высокой, стройной, прелестной крашеной блондинкой, с нежнейшей кожей бледно-розового оттенка и ярко-оранжевыми губами. Она выглядела чрезвычайно эффектно: наряд ее напоминал оперенье райской птицы, на голой спине болтались драгоценные ожерелья, а левую лодыжку обхватывал тяжелый браслет с огромными сверкающими бриллиантами.

В казино она произвела настоящий фурор.

— Вряд ли вашей графине удастся ее перешеголять, — шепнул мистер Кин на ухо мистеру Саттертуэйту.

Тот кивнул. Ему было любопытно посмотреть, как поведет себя графиня.

Она явилась поздно. Пока она равнодушно шествовала к одному из центральных столов, по залу пробежал шепот.

Она была вся в белом — такие белые марокеновые¹ платья строгого покроя шьют обычно девицам на первый выход в свет. На восхитительно белой шее и руках не было ни единого украшения.

— Что ж, неглупо, — с невольным уважением произнес мистер Саттертуэйт. — Она отказывается от соперничества — и тем самым как бы поднимается над своей соперницей.

Вскоре он и сам подошел к тому же столу в центре зала. Время от времени он развлечения ради делал ставки — иногда выигрывал, но чаще все же проигрывал.

Без конца выпадала третья дюжина — то 31, то 34. Все лихорадочно принялись ставить на последние номера.

Улыбаясь, мистер Саттертуэйт сделал последнюю на сегодня ставку — максимум на 5.

Графиня, в свою очередь, наклонилась над столом и поставила максимум на 6.

— *Faites vos jeux!* — хрипло выкрикивал крупье. — *Rien ne va plus. Plus rien*².

Весело подпрыгивая, шарик побегал по кругу. «Каждый из нас играет сейчас в свою игру, — мелькнуло у мистера Саттертуэйта. — Для одних это муки надежды и отчаяния, для других — пустое развлечение. Одних одолевает скука, другие замерли между жизнью и смертью».

— Стоп!

Крупье склонился над рулеткой.

¹ Марокен — вид плотной шелковой ткани

² Делайте ваши ставки! Прием ставок окончен! Все ставки сделаны! (фр.)

— Numero cinque, rouge, impair et manque ¹.

Мистер Саттертуэйт выиграл!

Крупье сгреб лопаточкой ставки и пододвинул их к мистеру Саттертуэйту. Мистер Саттертуэйт протянул руку за выигрышем. Графиня тоже. Крупье перевел взгляд с одного на другую.

— A Madame ²,— объявил он.

Графиня забрала деньги — мистер Саттертуэйт как джентльмен отступил. Графиня пристально посмотрела на него, он ответил тем же. Двое-трое из стоящих рядом пытались указать крупье на ошибку, но тот лишь нетерпеливо отмахнулся: решение принято, разговор окончен. И хриплый голос опять пронзительно выкрикивал:

— Faites vos jeux, Messieurs et Mesdames ³.

Мистер Саттертуэйт разыскал мистера Кина. Несмотря на проявленную выдержку, в душе он кипел от возмущения.

Мистер Кин выслушал его сочувственно.

— Да, неприятно,— сказал он.— Но такое случается иногда... Кстати, попозже мы договорились встретиться с вашим другом Франклином Руджем. Я решил дать сегодня небольшой ужин.

Все трое встретились в полночь, и мистер Кин изложил свой план.

— Организуем так называемый «ужин-сюрприз»,— объяснил он.— Мы договариваемся о месте встречи, потом расходимся в разные стороны, и каждый должен пригласить на ужин первого, кто ему встретится.

Франклин Рудж был в восторге.

— А если он не согласится?

— Призовите на помощь все свое красноречие.

— Ясно. Где встречаемся?

— Тут неподалеку есть одно кафе, называется «Le Caveau» ⁴. Обстановка там непринужденная, так что можно приглашать кого угодно.

Он объяснил, как туда пройти, и все трое направились в разные стороны. Мистеру Саттертуэйту повезло: он наткнулся на Элизабет Мартин и тотчас же ее ангажировал. Вскоре они разыскали кафе под названием «Le Caveau» и

¹ Номер пять, красное, нечет и начало (фр.).

² Выиграла мадам (фр.).

³ Делайте ставки, господа и дамы (фр.).

⁴ Погребок (фр.).

спустились в небольшой подвальчик, где уже стоял накрытый на шестерых стол и горели свечи в старомодных подсвечниках.

— Мы первые, — объявил мистер Саттертуэйт. — А вот и Франклин... — и осекся.

Франклин вел графиню. Создалась несколько щекотливая ситуация. Элизабет явно не мешало быть полубезнее. Графиня, однако, как дама светская, держалась безупречно.

Последним прибыл мистер Кин, в сопровождении низенького темноволосого человечка в приличном костюме, лицо которого показалось мистеру Саттертуэйту знакомым. Через минуту он узнал: это был тот самый крупье, что допустил сегодня вечером такую непростительную оплошность.

— Позвольте познакомить вас, мосье Пьер Воше, — обратился мистер Кин к компании.

Человечек как будто смутился, но мистер Кин совершил церемонию представления легко и спокойно. Ужин оказался отменным, к нему подали превосходное вино, и атмосфера за столом постепенно становилась менее натянутой. Графиня в основном молчала, Элизабет тоже, зато не умолкая говорил Франклин Рудж. Он рассказал уже множество историй — правда, скорее поучительных, чем забавных. Мистер Кин прилежно наполнял бокалы.

— Вот я вам сейчас расскажу совершенно правдивую историю о человеке, который сумел добиться в жизни успеха, — важно произнес Франклин Рудж.

Для выходца из страны, в которой действовал сухой закон¹, он был не так уж слаб по части шампанского.

Правдивая история изобиловала множеством ненужных подробностей и оказалась, как и большинство правдивых историй, гораздо скучнее любого вымысла.

Едва он закончил, дремавший напротив Пьер Воше, который также успел воздать должное шампанскому, встрепенулся и придвинулся ближе к столу.

— Я тоже хочу рассказать вам одну историю, — заплетаясь языком проговорил он. — Но только это будет история о человеке, который не добился в жизни успеха. Наоборот, он катился вниз. И это тоже — совершенно правдивая история.

¹ Сухой закон — имеется в виду федеральный закон, запрещавший в США в период 1920—1933 годов производство и продажу спиртных напитков.

— Так расскажите ее, мосье,— вежливо попросил мистер Саттертуэйт.

Пьер Воше откинулся в кресле и возвел глаза к потолку.

— История эта начинается в Париже. Там проживал один человек, ювелир. Был он тогда молод, беззаботен и трудолюбив. Ему прочили неплохое будущее. Уже готовилась для него подходящая партия: и невеста как будто не уродина, и приданое за ней приличное. И что вы думаете? Однажды утром он встречает девушку — этакое жалкое, несчастное создание. Уж не знаю, чем она его взяла. Может, конечно, красотой — трудно сказать: слишком ее шатало от голода. Но, как бы то ни было, наш герой был не в силах противостоять ее чарам. О, не подумайте, она была вполне добродетельна, вот только никак не могла найти работу! Во всяком случае, так она ему сказала, а уж правда это или ложь — никому не известно.

Неожиданно из полутьмы раздался голос графини:

— Почему это должно быть ложью? Таких несчастных везде сколько угодно.

— Так вот, молодой человек, как я уже сказал, ей поверил — и женился на ней. Уж поистине, глупее ничего нельзя было придумать! Его родные не пожелали с ним после этого знаться, так как этим поступком он выказал свое к ним неуважение. Однако, женившись на... Жанне — назовем ее так,— он совершил акт милосердия. Он так ей и сказал. Ему казалось, что она должна быть ему благодарна — ведь он стольким для нее пожертвовал!

— Прекрасное начало для семейной жизни бедной девушки,— язвительно заметила графиня.

— Да, он любил ее, но иногда она доводила его просто до бешенства. У нее бывали приступы дурного настроения. И тогда она была с ним холодна, а на другой день вдруг загоралась страстью. Наконец он все понял. Она никогда не любила его! Она вышла за него, просто чтобы выжить... Ему было горько, очень горько, но он изо всех сил старался заглушить в себе обиду. И он все еще думал, что заслуживает ее благодарности и послушания... Последовала размолвка. Она засыпала его упреками — *Mon Dieu* ¹, в чем только она его не упрекала!..

Ну, а дальше вы уже, наверное, догадались. Случилось то, что и должно было случиться. Она ушла от него. Два года он прожил в полном одиночестве, ничего о ней

¹ Боже мой! (*фр.*).

не зная. У него остался единственный друг — абсент¹. Он работал, конечно, но дела в его маленькой мастерской шли кое-как.

И вот однажды он вошел в свою мастерскую и увидел ее. Она сидела и ждала его. Она была одета как на картинке, на пальцах сверкали перстни с драгоценными камнями. Он застыл. О, как колотилось его сердце! Он не знал, как ему быть. Он готов был и убить ее на месте, и заключить в объятия, и швырнуть на пол и топтать ногами, готов был сам броситься к ее ногам... Но ничего этого он не сделал. Вместо этого он взял пинцет и сел за работу. «Что угодно мадам?» — сухо спросил он.

Для нее это было как пощечина. Она ведь не этого от него ждала. «Пьер,— сказала она.— Я вернулась». Он отложил пинцет и взглянул на нее. «Ты хочешь, чтобы я простил тебя? — спросил он.— Чтобы снова взял тебя к себе? Ты искренне раскаиваешься?» — «А ты хочешь, чтобы я вернулась?» — тихо-тихо, еле слышно спросила она.

Он чувствовал, что она готовит ему ловушку. Ему хотелось схватить ее, прижать к себе — но он был уже научен горьким опытом. Он притворился равнодушным.

«Я христианин,— сказал он,— и стараюсь поступать так, как велит мне Церковь». «О,— подумал он,— я унижу ее, я поставлю ее на колени!..»

Но Жанна — будем звать ее так — откинула голову и рассмеялась. Поверьте, это был сатанинский смех! «Ах ты, глупенький мой Пьерушка! — сказала она.— Я же просто хотела тебя подразнить! Взгляни на мое богатое платье, взгляни на эти перстни и браслеты. Мне захотелось немного перед тобой покрасоваться. Я ждала, что ты кинешься меня обнимать, и вот тогда я плюнула в твою рожу и сказала бы, как я тебя ненавижу!»

И она быстро вышла из мастерской. Вот, господа, поверите ли вы, что женщина может быть так порочна? Что она вернулась лишь за тем, чтобы оскорбить меня?

— Нет,— сказала графиня.— Я не поверю. Поверит только слепой дурак. Впрочем, все мужчины слепые дураки.

Пьер Воше продолжал, не обращая на нее внимания.

— И вот молодой человек, о котором я рассказываю, стал опускаться все ниже и ниже. Он все больше пил. Мастерскую его продали за долги. Он превратился в на-

¹ Абсент — полынная водка.

стоящего оборванца. А потом началась война ¹. Только война и спасла его! Она выудила его из трущоб и отучила быть скотом, она вымуштровала и отрезвила его. Он вынес все: холод, боль, смертный страх — и все же не умер, и, когда война кончилась, он снова был человеком.

И тогда, господа, он направился на юг. Его легкие были отравлены газом, и ему сказали, что на юге ему будет лучше. Он перепробовал много занятий — но не стану докучать вам подробностями. Достаточно сказать, что в конце концов он стал крупье, и вот однажды вечером в казино он снова встретил ее — женщину, разрушившую его жизнь. Она не узнала его, зато он узнал. Казалось, что она богата, что у нее есть все,— но, господа, у крупье глаз наметанный!.. И наступил вечер, когда она сделала последнюю в своей жизни ставку. Не спрашивайте меня, откуда я это знаю. Просто знаю, и все. Чувствую. Мне могут возразить: у нее, мол, столько платьев, их можно заложить... Но заложить платья — нет! Это же конец репутации, полный крах! Драгоценности? Опять-таки нет. Разве не был я в свое время ювелиром? Настоящие драгоценности давным-давно уплыли. Королевские жемчуга распроданы по одному и заменены поддельными. Кушать-то надо, и по счетам в отеле извольте платить! Есть, конечно, богатые мужчины — так они видят ее здесь уже много лет. Фи, говорят они, ей же за пятьдесят! За деньги можно посмотреть что-нибудь помоложе...

От окна, где сидела графиня, донесся сдавленный вздох.

— Да, это был роковой момент в ее жизни. Я следил за ней два вечера. Она все проигрывала и проигрывала. И вот конец. Она ставит все, что у нее есть, на один номер. Рядом с нею английский милорд тоже ставит максимум, на соседний номер. Шарик бежит, бежит... Все, она проиграла...

Но наши взгляды встречаются. И что же я делаю? Я рискую своим местом в казино и обманываю английского милорда. «A Madame»,— говорю я и отдаю деньги ей.

— Ах! — Послышался звон стекла: графиня вскочила на ноги и, наклонившись над столом, нечаянно смахнула свой бокал.

— Но зачем? — вскричала она.— Зачем ты это сделал, вот что я хотела бы знать?

¹ Имеется в виду Первая мировая война 1914—1918 годов

Повисла долгая пауза, которая, казалось, не кончится никогда, а они все смотрели и смотрели друг на друга через стол... Это было похоже на дуэль.

Наконец недобрая улыбочка исказила лицо Пьера Воше

— Мадам,— воздев руки к потолку, сказал он.— Существует такое понятие, как жалость...

— Ах, вот как!..

И графиня снова откинулась в кресле.

— Понятно.

Она уже спокойно улыбалась и была опять сама собою.

— Действительно занятная история, правда, мосье Воше? Позвольте, я помогу вам прикурить.

Она ловко скрутила бумажный жгутик, зажгла его от свечи и протянула ему. Он нагнулся к ней через стол, и пламя коснулось кончика его сигареты.

Неожиданно она поднялась.

— А теперь мне нужно уйти. Пожалуйста, не провожайте меня.

Никто и опомниться не успел — а ее уже не было. Мистер Саттертуэйт поспешил было за ней, но его остановило испуганное восклицание француза:

— Разрази меня гром!

Он не сводил глаз с полуобгоревшего жгутика, который графиня бросила на стол. Наконец он его развернул.

— Mon Dieu! — пробормотал он.— Банкнота в пятьдесят тысяч франков! Понимаете? Это же ее сегодняшний выигрыш, это все, что у нее было! И она предложила мне от нее прикурить!.. Потому что она была слишком горда и не хотела ничьей жалости. О, она всегда была дьявольски горда... Прекрасна... Неподражаема!..

Он вскочил на ноги и бросился вслед за нею. Мистер Саттертуэйт с мистером Кином тоже поднялись. Официант невозмутимо приблизился к Франклину Руджу.

— La pote, monsieur¹,— невозмутимо пропел он.

Но мистер Кин вовремя подоспел на выручку и выхватил у официанта листок.

— Элизабет, что-то мне тут тоскливо,— пожаловался Франклин Рудж.— Бред какой-то!... От этих иностранцев у меня голова идет кругом. Не понимаю я их.

Он обернулся к ней.

— Ха, до чего же приятно видеть перед собой хоть одно нормальное, родное, американское лицо.— Голос его стал

¹ Счет, мосье (*фр*)

по-детски жалобным.— Эти иностранцы все такие... чудные.

Молодые люди поблагодарили мистера Кина и скрылись в темноте. Мистер Кин принял у официанта сдачу и улыбнулся мистеру Саттертуэйту. Последний довольно и несколько свысока глядел по сторонам, как сокол после удачной охоты.

— Что ж,— сказал он.— Вечер прошел прекрасно. Думаю, с нашей парочкой теперь все будет в порядке.

— С которой? — спросил мистер Кин.

— То есть как? — Мистер Саттертуэйт несколько опешил.— Хотя... Хотя, возможно, вы и правы — учитывая заразительность примера, и вообще...

Он окончательно смутился.

Мистер Кин улыбнулся, и витраж за его спиной на миг облачил его фигуру в пестрое одеяние, сотканное из разноцветных бликов.

Глава 6

Вышедший из моря

Мистер Саттертуэйт чувствовал, что стареет. И не мудрено, ибо в глазах многих он уже давно был стар. Юноши при его упоминании небрежно переспрашивали: «Кто, Саттертуэйт? Да ему уже должно быть, лет сто. Во всяком случае, никак не меньше восьмидесяти». Даже добрейшая из девушек могла снисходительно обронить: «Бедный мистер Саттертуэйт! Он такой старенький... Думаю, ему уже под шестьдесят!» А обиднее всего, что на самом-то деле ему было шестьдесят девять.

Сам он, впрочем, стариком себя не считал. Шестьдесят девять лет — не старость, а, напротив, прекрасная пора, когда перед человеком еще открыты широчайшие возможности и только-только начинает сказываться приобретенный за годы жизни опыт... Однако ощущение старости — это совсем иное. Это усталость, которая постепенно овладевает сердцем, так что хочется с тоскою спросить себя: да кто же я, в конце концов? Ссохшийся старичок, не наживший за свой век ни жены, ни детей — ничего, кроме коллекции, которая в этот момент кажется почему-то не такой уж и ценной? И никому нет дела, жив я или умер...

Тут мистер Саттертуэйт счел за лучшее прервать свои

размышления как бесплодные и никуда не ведущие. Уж кому-кому, а ему было лучше всех известно, что, будь у него жена, он ее давным-давно уже мог возненавидеть, что дети явились бы постоянным источником тревог и волнений и что любые посягательства на его время и внимание были бы ему крайне неприятны.

«Комфорт и покой,— твердо сказал себе мистер Саттертуэйт.— Только комфорт и покой!.. Вот все, что мне нужно».

Эта мысль напомнила ему о полученном утром письме. Он вынул его из кармана и перечитал еще раз, смакуя каждое слово. Во-первых, письмо было от герцогини, а мистер Саттертуэйт очень любил получать письма от герцогинь. Данное послание, правда, начиналось с просьбы об изрядном денежном пожертвовании в чью-то пользу и без этой надобности вообще вряд ли было бы написано, но сама просьба облекалась в выражения столь изысканные, что мистер Саттертуэйт готов был забыть, что послужило поводом для обращения к нему.

«Итак, Вы покинули нашу Ривьеру,— писала герцогиня.— Как-то Вам живется на этом Вашем загадочном острове? Надеюсь, все не так дорого, как здесь? У нас тут цены подскочили просто до неприличия — Коннотти совсем совесть потерял. Так что, видно, с того года и я на Ривьеру больше не ездок. Не исключено, что если Вы представите благосклонный отзыв, то я тоже проведу следующий сезон на Вашем острове. Конечно, пять дней на корабле — не шутка, но зато я буду абсолютно спокойна: раз уж Вы что-то рекомендуете, значит, это действительно здорово. Ах, Саттертуэйт, Саттертуэйт, этак Вы скоро превратитесь в изнеженного господина, который печется лишь о собственных удобствах!.. Спасти Вас от этой участи может разве только одно — Ваш безмерный интерес к делам ближних...»

Мистер Саттертуэйт сложил письмо и живо представил себе герцогиню с ее обычной скупостью и внезапными приступами неумейной щедрости, с ее колким языком и всплесками бьющей край энергии...

Энергия — вот чего всем нынче так недостает! Он вынул из кармана еще один конверт, из Германии, — от молодой певицы, которой он кое-чем помог.

Письмо ее было полно изъявлений самой искренней признательности.

«Дорогой мистер Саттертуэйт, как мне Вас благодарить? Я просто боюсь поверить, что уже через несколько дней мне предстоит петь Изольду»¹.

Как жаль, что Ольге придется дебютировать в «Тристане и Изольде»! Она славная, старательная девочка, и голос у нее прекрасный, но у нее совсем нет темперамента, нет страсти. «Оставьте нас! Все ступайте прочь! Так желаю я! Я — Изольда!». » Нет, в ней этого нет! Той силы, несгибаемой воли, которая слышится в мощном финальном «Ich Isolde!»².

Что ж, во всяком случае, хоть кому-то он помог! Жизнь на острове нагоняла на него тоску. Ах, зачем он покинул Ривьеру — такую знакомую и родную, где он и сам был всем как родной! Здесь же до него никому нет дела... Им даже невдомек, что перед ними тот самый мистер Саттертуэйт — друг графинь и герцогинь, покровитель писателей и певцов. На острове ему не встретилось ни одной маломальски значительной фигуры ни из высшего общества, ни из мира искусства. Все здесь расценивали друг друга исключительно по тому, кто какой сезон проводит на острове — седьмой, четырнадцатый или двадцать первый.

Глубоко вздохнув, мистер Саттертуэйт вышел из отеля и свернул в сторону голубеющей внизу бесформенной бухточки. Из-за заборов на дорогу с обеих сторон лезли алые ветки цветущей бугенвиллеи³, и мистер Саттертуэйт шел между ними, как сквозь строй. Рядом с этим нахальным великолепием сам он казался себе бесконечно старым и седым как лунь.

— Я стар,— бормотал он.— Я стар, и я устал...

Наконец, к облегчению мистера Саттертуэйта, бугенвиллеи кончились. До моря было уже недалеко. Уличный пес, остановившись на солнышке посреди проезжей части, сладко зевнул, потянулся, сел и начал сосредоточенно чесаться. Вдоволь начесавшись, он встал и обозрел окрестность в надежде увидеть что-нибудь интересенькое.

Под забором была свалена куча мусора — к ней, в радост-

¹ Изольда — персонаж оперы «Тристан и Изольда» немецкого композитора и теоретика искусства Рихарда Вагнера (1813—1883) на сюжет средневековой легенды

² «Я, Изольда!» (нем.)

³ Бугенвиллея — род южноамериканских растений из семейства ночесветных с ползучими побегами и небольшими цветками, заключенными в широкие кроющие листья

ном предвкушении, он и направился. Так и есть, собачий нюх не подвел: вонь от свалки превосходила все ожидания. Он еще раз с вождением принюхался — после чего, подчиняясь непреодолимому порыву, повалился на спину и стал остервенело кататься по зловонной куче. Да, решительно нынче утром он попал в собачий рай! В конце концов, это занятие его утомило, он встал и снова лениво побрел на середину дороги. Вдруг из-за угла без всякого предупреждения на полной скорости вырулил обшарпанный автомобиль, сбил собаку и, не замедляя хода, промчался мимо.

Пес поднялся на ноги, постоял так с минуту, с неммым укором глядя на мистера Саттертуэйта, — и упал. Мистер Саттертуэйт подошел, нагнулся: пес был мертв. Размышляя о том, как жестока и печальна бывает жизнь, мистер Саттертуэйт проследовал дальше. Как странно — в собачьих глазах застыл немой упрек! «О мир! — читалось в них — О добрый прекрасный мир, в который я так верил! За что ты меня так?..»

Мистер Саттертуэйт прошел мимо пальм и беспорядочно разбросанных белых домиков, мимо пляжа из застывшей черной лавы — отсюда когда-то унесло в море знаменитого английского пловца, да и сейчас тут ревел прибой, — мимо естественных каменных ванночек с морской водой, в которых старательно приседали дети и пожилые дамы, воображая при этом, что купаются, мимо всех них, по извилистой дороге, ведущей на вершину утеса. Там, над самым обрывом, одиноко стоял большой белый дом, очень удачно прозванный «La Paz»¹. Его зеленые выцветшие ставни всегда были наглухо заперты. Кипарисовая аллея вела через заросший сад к открытой площадке на краю утеса, откуда так хорошо глядеть и глядеть вниз, в синюю морскую пучину ..

Сюда и направлялся мистер Саттертуэйт. За время своего пребывания на острове он успел полюбить виллу «La Paz». В самом доме он не бывал — да там, по всей видимости, никто и не жил. Мануэль, садовник-испанец, торжественно приветствовал каждого входящего, поднося дамам букетик, мужчинам цветов в петлицу, и темное морщинистое лицо его освещалось улыбкой.

Иногда, глядя на дом, мистер Саттертуэйт размышлял о том, кому бы он мог принадлежать. Чаше всего он рисо-

¹ «Тишина» (исп.)

вал в своем воображении испанскую танцовщицу, которая некогда очаровывала мир своей красотой, а теперь уединилась здесь, чтобы никто не мог видеть ее увядания.

Он почти зримо представлял, как в сумерках она выходит из дома и спускается в сад. Несколько раз он даже порывался расспросить Мануэля, но сдерживался, предпочитая остаться при собственных фантазиях.

Перекинувшись с Мануэлем несколькими фразами, мистер Саттертуэйт милостиво принял от него оранжевый бутон розы и по кипарисовой аллее направился к морю. Станные ощущения возникали у него здесь — над обрывом, на самом краю бездны. Вспоминались сцены из «Тристана и Изольды»: томительное ожидание Тристана и Курвенала¹ из начала третьего акта, потом Изольда, спешащая с корабля, и Тристан, умирающий у нее на руках. Нет-нет! Ольга славная девочка, но из нее никогда не получится настоящая Изольда — Изольда из Корнуолла², умевшая по-королевски любить — и ненавидеть. Мистер Саттертуэйт поежился. Ему было зябко, он чувствовал себя старым и одиноким. Что дала ему жизнь? Да ничего! Меньше, чем тому безродному псу...

Неожиданно его размышления были прерваны. Шагов он не слышал, но краткое «А, черт!» — донесшееся со стороны кипарисовой аллеи, недвусмысленно указывало на присутствие постороннего.

Обернувшись, он увидел перед собой молодого человека, глядевшего на него с явной досадой. Мистер Саттертуэйт узнал в нем англичанина, который вчера поселился в отеле и сразу чем-то привлек его внимание. Мистер Саттертуэйт мысленно назвал его молодым человеком — поскольку тот был моложе большинства проживающих в отеле стариков, — однако на самом деле ему, вероятно, давно уже перевалило за сорок и где-то не слишком далеко маячил полувековой рубеж. И все же определение «молодой человек» очень ему шло — мистер Саттертуэйт ревниво относился к таким тонкостям. Как у иных собак до самой собачьей старости проглядывает щенячья повадка, так и в незнакомце до сих пор сквозило что-то юношеское, незрелое.

¹ Курвенал (Горвенал) — наставник и друг Тристана, персонаж легенды о Тристане и Изольде

² Корнуолл — полуостров на юго-западе Англии и расположенное там графство коренное население — кельты

«Вот человек, который так и не повзрослел по-настоящему», — подумал мистер Саттертуэйт.

Впрочем, внешне незнакомец ничуть не напоминал сказочного Питера Пэна¹. Напротив, это был холеный, раздобревший мужчина, который, по всей видимости, знал толк в удовольствиях и ни в чем себе не отказывал. У него были круглые карие глаза, светлые седеющие волосы, небольшие усыки и красноватое лицо.

Чего мистер Саттертуэйт решительно не мог понять, так это что привело его сюда, на остров. Глядя на этого человека, легко было представить, как он, к примеру, скачет верхом на лошади, охотится, или играет в поло², гольф³ или теннис, или волочит за хорошенькими женщинами. Но охотиться на острове негде, играть, кроме «гольф-крокета»⁴, не во что, а единственная женщина, к которой хоть в какой-то мере применим эпитет «хорошенькая», — стареющая мисс Бэба Киндерсли. Будь он художником, можно бы еще заподозрить, что его привлекли местные красоты, однако мистеру Саттертуэйту с первого взгляда было понятно, что перед ним никакой не художник, а самый заурядный обыватель.

Пока мистер Саттертуэйт таким образом недоумевал, до незнакомца, видимо, дошло, что его краткое восклицание с точки зрения хорошего тона не совсем безупречно, и он поспешил загладить неловкость.

— Прошу прощения!.. Это я от неожиданности. Не думал тут кого-нибудь встретить! — И обезоруживающе улыбнулся.

Улыбка у него была хорошая, открытая и дружелюбная.

— Да, место здесь уединенное, — согласился мистер Саттертуэйт и вежливо подвинулся на край скамьи. Молодой человек принял молчаливое приглашение и сел.

¹ Питер Пэн — герой одноименной пьесы английского писателя и журналиста Джеймса Барри (1860—1937), мальчик, так и не ставший взрослым. Пьеса была впервые опубликована в 1904 году.

² Поло — игра в мяч двумя командами верхом на лошадях, в ходе которой игроки клюшками с длинными рукоятками стремятся забить мяч в ворота противника.

³ Гольф — спортивная игра на поле с лунками, в каждую из которых игроки стараются специальными клюшками загнать резиновый мячик, используя наименьшее число ударов.

⁴ Крокет — игра, в которой принимают участие от двух до восьми игроков, пытающихся провести деревянный шар с помощью деревянных молотков через ряд ворот, расставленных на поле в определенном порядке.

— Уединенное? Вот уж не сказал бы! — возразил он. — Все время такое чувство, что тут кто-то есть.

В голосе незнакомца слышалось скрытая досада. «Интересно, с чего бы? — подумал мистер Саттертуэйт. — Он ведь явно человек дружелюбный, зачем же ищет уединения? Может, у него тут свидание? Не похоже!..» Мистер Саттертуэйт еще раз незаметно окинул собеседника проницательным взглядом. Совсем недавно он уже где-то видел такое же выражение, такое же немое и горькое изумление в глазах. .

— Вы, стало быть, уже поднимались сюда? — сказал мистер Саттертуэйт, просто чтобы что-нибудь сказать.

— Да. Вчера после ужина

— Вот как? А я думал, что по вечерам ворота закрыты.

Молодой человек ответил не сразу и довольно угрюмо:

— Я перелез через забор.

На этот раз мистер Саттертуэйт взглянул на своего собеседника очень внимательно. Будучи по натуре человеком дотошным, он прекрасно помнил, что тот приехал лишь вчера во второй половине дня, а значит, до темноты не имел времени даже разглядеть виллу на дальнем утесе, в отеле же он ни с кем не разговаривал. И однако, как только стемнело, он направился прямо в «La Paz». Почему? Мистер Саттертуэйт невольно покосился на дом с зелеными ставнями, но дом, как всегда, был нем, а ставни закрыты. Нет, разгадка, видно, не там.

— И что, тут действительно кто-то был?

Молодой человек кивнул.

— Да, был один человек, вероятно, из другого отеля. На нем был маскарадный костюм.

— Костюм? Какой костюм?

— По-моему, это был костюм Арлекина

— Что?! — вскинулся вдруг мистер Саттертуэйт.

Собеседник устремил на него удивленный взгляд.

— А что такого? В отелях ведь часто устраивают маскарады.

— Да, конечно, — сказал мистер Саттертуэйт. — Да, конечно, конечно!..

Он перевел дыхание и добавил:

— Простите мне мое волнение. Скажите, вам известно, что такое катализ?

Молодой человек уставился на него в недоумении.

— Первый раз слышу. А что это такое?

— «Химическая реакция, зависящая от присутствия некоего вещества, называемого катализатором, которое само по себе в реакцию не вступает и не изменяется», — без запинки процитировал мистер Саттертуэйт.

— А-а,— неопределенно протянул молодой человек.

— У меня есть один друг — его фамилия Кин, мистер Кин. Так вот это самый настоящий катализатор. Где бы он ни появлялся, там непременно что-то начинает происходить, делаются самые неожиданные открытия и разоблачения... Но сам он при этом ни в чем участия не принимает. И я чувствую, что именно его вы встретили здесь вчера вечером.

— Во всяком случае, он престранный субъект, этот ваш друг. Он меня просто напугал! Представьте: кругом никого, и вдруг, откуда ни возьмись,— человек. Будто из моря вышел.

Взгляд мистера Саттертуэйта невольно скользнул к обрыву.

— Да нет, это, конечно, чепуха — просто у меня возникло такое ощущение,— поправился молодой человек.— Я же понимаю, что на самом деле по этой отвесной стене и муха не проползет.— Он заглянул вниз.— Если отсюда нечаянно сорваться — все, конец.

— Для убийства место самое подходящее,— любезно заметил мистер Саттертуэйт.

Молодой человек, видимо, не сразу сообразил, о чем речь, а потом взглянул на собеседника и несколько расплывчато пробормотал:

— Ну конечно, конечно.

Он сидел, постукивая тростью о землю и хмурясь. Внезапно мистер Саттертуэйт вспомнил, кого он ему напоминает. Это немое изумление во взгляде... Так смотрел пес, которого сбила машина! В собачьих глазах и в глазах молодого человека читался один и тот же жалобный вопрос, один и тот же упрек: «О мир, в который я так верил! За что ты меня так?»

Впрочем, подумал мистер Саттертуэйт, это не единственное сходство между ними. Оба, кажется, вели одинаково приятное и беспечное существование, оба радостно отдавались жизненным удовольствиям и не обременяли себя лишними вопросами. Оба жили сегодняшним днем, и весь мир для них был источником плотских наслаждений — будь то море, небо, солнце или мусорная куча. И что же? Со-

баку сбила машина. А что произошло с молодым человеком?

В этот момент предмет философических раздумий мистера Саттертуэйта заговорил — правда, заговорил скорее сам с собой, нежели с собеседником.

— Вопрос: для чего все это? — горестно сказал он.

Знакомые слова. У мистера Саттертуэйта они всегда вызывали улыбку, так как невольно выдавали присущий человечеству эгоизм: люди склонны считать, что всякое жизненное явление задумано специально для того, чтобы либо ублажить, либо огорчить лично их. Он ничего не ответил, и незнакомец, улыбаясь чуть сконфуженно, сказал:

— Говорят, что каждый мужчина должен в своей жизни построить дом, посадить дерево и вырастить сына.— И, помолчав, добавил: — По-моему, я как-то в детстве закопал в землю желудь.

Мистер Саттертуэйт слегка насторожился. Молодой человек пробудил его любопытство, тот самый непроходящий интерес к делам ближних, в коем уличила его герцогиня. Это было нетрудно. Надо сказать, что в характере мистера Саттертуэйта имелась одна чисто женская черта: он умел слушать, а также умел в нужный момент вставить нужное слово. А потому не прошло и нескольких минут, как он уже выслушивал историю незнакомца.

Жизнь Энтони Косдена — так звали молодого человека — складывалась примерно таким образом, как мистер Саттертуэйт и предполагал. Правда, рассказчик из него был неважный, но мистер Саттертуэйт был из тех слушателей, которые легко восполняют пробелы в повествовании. Выходило, что прожил молодой человек жизнь ничем не примечательную: имел небольшой доход, состоял какое-то время на военной службе, переиграл во все игры и перепробовал все развлечения, какие только возможно; было у него множество друзей и немало женщин. Как известно, такого рода жизнь постепенно может вытравить из человека как мысли, так и чувства. Растительное существование, одним словом. «Что ж,— подумал с высоты своего опыта мистер Саттертуэйт.— Хорошего, конечно, мало, но бывает и хуже. Много, много хуже...» Судьба баловала Энтони Косдена. Иногда, правда, он ее поругивал, но скорее для проформы, а не всерьез. И вдруг...

Наконец-то он добрался до главного и хотя очень сбивчиво и неохотно, но выложил все. Как-то он почувствовал недомогание — так, ничего особенного. Встретился со

своим врачом, тот уговорил его сходить на Харли-стрит ¹ и вот — гром среди ясного неба. Поначалу от него пытались скрыть правду, советовали вести спокойный, размеренный образ жизни, но уже понятно было, что все это ерунда и что ему попросту морочат голову. Приговор был предельно прост и суров: шесть месяцев. Шесть месяцев — вот сколько ему осталось жить.

И круглые карие глаза снова растерянно заморгали. Да, это был страшный удар: И главное — совершенно непонятно, что делать дальше.

Мистер Саттертуэйт понимающе кивал.

Довольно трудно было сразу собраться с мыслями, продолжал Энтони Косден. Как распорядиться оставшимся временем? Не очень-то весело сидеть и дожидаться, когда тебя придут обмывать. Чувствовал он себя пока вполне сносно — пока! Ухудшение, как ему объяснили, должно наступить позже. Какая бессмыслица — ждать смерти, когда ни капельки не хочется умирать! Естественно, лучше всего было бы продолжать жить как жил. Вот только что-то не получается...

Тут мистер Саттертуэйт деликатно вмешался: может быть, есть какая-нибудь женщина, которая?..

Да нет, куда там! Вообще-то женщин у него достаточно, да все не те. Его друзья и подруги — все люди очень жизнерадостные, покойников не любят. У него и у самого не было желания устраивать из последних месяцев своей жизни похоронную процессию. Словом, ситуация складывалась одинаково неприятная для всех, и в конце концов он решил уехать за границу.

— Но почему сюда, на острова? — Мистер Саттертуэйт никак не мог уловить какую-то деталь, какую-то важную подробность, ускользающую от него, но присутствие которой он ощущал всем своим существом. — Вы, вероятно, бывали здесь прежде?

— Да, — неохотно признался Энтони Косден. — Я был тут когда-то давным-давно, в молодости.

Взгляд его, словно против его воли, скользнул через плечо назад — туда, где за деревьями белел дом

— Мне вспомнилось это место, — отвернувшись снова в сторону моря, — сказал он — Один шаг — и вечность!

— И за этим вы вчера и приходили сюда, — невозмутимо произнес мистер Саттертуэйт.

¹ Харли-стрит — улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов

Энтони Косден бросил на него полный смятения взгляд.

— Ну, знаете ли, это уж...— начал было он.

— Вчера вам помешало присутствие какого-то человека, сегодня — мое. Итак, вам уже дважды спасали жизнь.

— Можете считать как вам угодно, но — черт побери! — это моя жизнь, и я волен распорядиться ею, как захочу!

— Расхожая фраза,— констатировал мистер Саттертуэйт

— Впрочем, я вас вполне понимаю,— милостиво согласился Энтони Косден.— Естественно, вам хочется меня отговорить. Я и сам на вашем месте попытался бы любого отговорить, любого, будь я хоть тысячу раз уверен, что он прав... А вы ведь понимаете, что я прав! Уйти быстро, без лишней тяготы, честнее, чем еще полгода мучиться и обременять своим присутствием окружающих. К тому же у меня нет ни одного близкого мне человека.

— А если бы был? — перебил мистер Саттертуэйт
Косден глубоко вздохнул.

— Не знаю. Но и тогда, наверное, так было бы лучше. Хотя что об этом говорить, раз нет ни одной живой души...— И он умолк, недоговорив.

Мистер Саттертуэйт взглянул на него с любопытством. Неисправимый романтик, он снова и снова пытался выяснить, нет ли у Энтони Косдена любимой женщины. Нет, твердо повторил тот. Впрочем, сетовать не на что. Он, в общем, прожил неплохую жизнь, жаль, конечно, что она так быстро кончилась,— но что поделаешь! Во всяком случае, у него было все, чего только можно пожелать. Кроме сына. А хорошо бы иметь сына! Приятно сознавать, что после тебя останется жить твой сын. И все-таки, повторяя он, он прожил неплохую жизнь.

Тут терпение мистера Саттертуэйта лопнуло. Он заявил, что, пребывая на личиночной стадии развития, человек вообще не вправе судить о жизни. Поскольку выражение «личиночная стадия» его собеседнику явно ничего не говорило, он пояснил:

— Вы ведь еще даже не начали жить! Вы только в самом начале жизни...

Косден рассмеялся

— Но послушайте, у меня в волосах уже седина. Мне сорок...

— Это не имеет ровно никакого значения,— оборвал его мистер Саттертуэйт.— Жизнь — это комплекс физического и духовного опыта. Мне, к примеру, шестьдесят де-

ять лет — но за эти свои шестьдесят девять я успел испытать все. Лично ли, понаслышке ли — но я познал все, что только выпадает на долю человека. Вы же похожи на ребенка, который рассуждает о временах года, а сам не видел ничего, кроме снега и льда. Ни весеннего цветения, ни летней истомы, ни листопада — ничего не видел и даже не догадывается, что на свете бывает такое великолепие И вы хотите лишить себя последней возможности узнать все это!

— Вы, верно, забыли, что мне осталось всего шесть месяцев,— суховато заметил Энтони Косден.

— Время, равно как и все прочее,— категория относительная,— возразил мистер Саттертуэйт.— Эти шесть месяцев могли бы стать самыми длинными и наполненными в вашей жизни.

Но Косден, похоже, остался при своем мнении

— На моем месте вы поступили бы так же,— сказал он.

Мистер Саттертуэйт покачал головой.

— Нет,— просто сказал он.— Во-первых, у меня не хватило бы духа. На это нужно мужество, а я не храбрец по натуре. Ну, а во-вторых.

— Что — во-вторых?

— Я для этого слишком любопытен. Мне всегда интересно знать, что будет завтра.

Косден неожиданно рассмеялся и встал

— Не знаю, сэр, как это вам удалось меня так разговаривать!.. Впрочем, не важно. Я, кажется, наболтал лишнего?.. Забудьте.

— И завтра, когда разнесется весть о несчастном случае, мне, вероятно, следует молчать? Чтобы, не дай Бог, кто-нибудь не заподозрил самоубийство?

— Это как вам будет угодно. Но хорошо уже, что вы понимаете: меня вам не остановить.

— Милый юноша,— невозмутимо произнес мистер Саттертуэйт.— Не могу же я к вам прилипнуть, как пресловутый банный лист. Рано или поздно вы все равно от меня отлипнете и выполните свое намерение. Надеюсь, что сегодня вы этого не сделаете... Вы же не захотите, чтобы меня обвинили в том, что я столкнул вас с обрыва?

— Разумеется,— усмехнулся Косден — Если вы непременно желаете здесь остаться...

— Да, я остаюсь,— твердо сказал мистер Саттертуэйт. Косден добродушно рассмеялся.

— Ничего не поделаешь, видно, на сегодня мне при-

дется свой план отменить. В таком случае, я возвращаюсь в отель. Всего хорошего! Возможно, еще увидимся.

И мистер Саттертуэйт остался сидеть на скамейке.

— Та-ак, — задумчиво пробормотал он. — Что же дальше? А ведь что-то будет дальше...

Он встал со скамейки и подошел к самому обрыву, глядя на волны, танцующие далеко внизу. Но сегодня это зрелище его почему-то не вдохновляло, он отвернулся и не спеша вошел в кипарисовую аллею. Оказавшись снова в саду, перед молчаливым, словно уснувшим домом с запертыми ставнями, он в который уже раз принялся гадать, кто же в нем жил и что происходило за этими безмолвными стенами. Поддавшись внезапному порыву, он поднялся по стертым ступенькам крыльца и потянул на себя одну из высоких, от пола до потолка, ставен с облупившейся зеленой краской.

Ставня, к его удивлению, подалась. Тогда, секунду поколебавшись, он рывком отворил ее — и отступил, смущенно ахнув. Сквозь стеклянную дверь на него смотрела женщина. Она была вся в черном, и на голове — черная кружевная мантилья¹.

Отчаянно путаясь в словах, мистер Саттертуэйт заговорил по-итальянски вперемежку с немецким — второпях ему показалось, что это будет ближе всего к испанскому. Ему невыносимо стыдно, сбивчиво объяснил он. Он просит у синьоры прощения. Затем, поскольку женщина не произнесла ни слова, он спешно ретировался.

Он просеменил уже полпути до ворот, когда сзади послышалось резкое, как выстрел:

— Вернитесь!

Окрик прозвучал по-английски и был похож на команду собаке — столько в нем было властности. Мистер Саттертуэйт тотчас же послушно развернулся и засеменил обратно, причем ему даже в голову не пришло оскорбиться или обидеться: он подчинился чисто по-собачьи. Женщина все так же неподвижно стояла в дверном проеме и невозмутимо оглядывала его с головы до ног.

— Англичанин, — сказала она. — Так я и думала.

Мистер Саттертуэйт снова пустился извиняться.

— Знай я, что вы тоже англичанка, я объяснился бы

¹ Мантилья — вуаль или кружевная накидка, которой покрывают голову и плечи женщины в Испании и некоторых других странах.

более членораздельно,— сказал он.— Приношу искренние извинения за мою непростительную выходку. Мне нечем ее оправдать, кроме как излишним любопытством. Просто очень захотелось хоть краем глаза увидеть, каков этот замечательный дом изнутри.

Она вдруг рассмеялась низким грудным смехом и сказала: — Что ж, раз так захотелось — входите!

Женщина отступила в сторону, и мистер Саттертуэйт, ощущая приятное волнение, шагнул в комнату. Внутри было темно, поскольку ставни были закрыты, но гость успел рассмотреть довольно скудную обстановку и на всем толстый слой пыли.

— Не сюда,— сказала она.— Эта комната нежилая.

Она вышла в коридор и отвела его в комнату на противоположной стороне дома. Отсюда был вид на море, в окна светило солнце. Мебель, как и в первой комнате, была простенькая, зато кругом лежали ковры, некогда, видимо, очень дорогие, стояла огромная ширма из испанской кожи и в вазах — живые цветы.

— Выпьете со мной чаю? — спросила хозяйка.— Не беспокойтесь,— тут же добавила она,— чай у меня хороший, и заварят его как следует.

Выглянув в коридор, она крикнула что-то по-испански, потом вернулась и села на диван лицом к гостю. Мистеру Саттертуэйту впервые представилась возможность ее рассмотреть.

Прежде всего, рядом с нею он опять почувствовал себя сухоньким и седеньким старичком, еще старше, чем на самом деле. Хозяйка была женщина высокая, черноволосая, очень смуглая и красивая — хотя, вероятно, уже не первой молодости. Казалось, солнце в ее присутствии светило вдвое ярче. Постепенно по всему телу мистера Саттертуэйта разлилось приятное тепло, будто он грел свои морщинистые руки над огнем. «Видно, в ней столько жизни, что хватает и на тех, кто рядом»,— подумал он.

Он вспомнил ее давешний властный окрик и пожалел, что Ольга, его протеже, не обладает хоть малой толикой этой внутренней силы. «Вот из кого получилась бы великолепная Изольда,— подумал он.— Впрочем, у нее, может статься, ни голоса, ни слуха. Какая все-таки несправедливая штука — жизнь!» Пожалуй, мистер Саттертуэйт все-таки побаивался хозяйки. Он вообще недолюбливал сильных и властных женщин.

В свою очередь, она, подперев руками подбородок,

тоже изучала гостя. По завершении осмотра она кивнула, словно сделала на его счет все необходимые выводы.

— Хорошо, что вы зашли,— заключила она.— Мне как раз хотелось с кем-нибудь поговорить. Вам, ведь, кажется, не привыкать?

— К чему — не привыкать?

— Не притворяйтесь, вы отлично поняли, к чему. К тому, что все изливают перед вами душу.

— Что ж, пожалуй...— сказал мистер Саттертуэйт.

— Вам можно сказать все,— не обращая на его слова никакого внимания, продолжала она.— Вы ведь и сами в душе чуть-чуть женщина и понимаете, как мы думаем, как чувствуем и почему ведем себя порой так нелепо.

Она помолчала. Рослая молодая испанка с улыбкой подала чай — действительно очень хороший, китайский, как с удовольствием отметил мистер Саттертуэйт.

— Так вы здесь живете? — отпив глоточек, поинтересовался он.

— Да.

— Но, видимо, не всегда? Дом ведь по большей части пустует — во всяком случае, так мне объяснили.

— Да нет, я почти все время здесь, просто об этом мало кто догадывается. Я живу только в задних комнатах.

— И давно вы здесь хозяйка?

— Хозяйка уже двадцать два года, а до этого жила здесь еще год.

— Срок немалый,— изрек мистер Саттертуэйт (довольно банальное, как ему самому показалось, замечание).

— Какой срок? Год — или двадцать два года?

— Смотря как их прожить,— чувствуя, что разговор может стать интересным, отвечал мистер Саттертуэйт.

— Вот именно, смотря как,— кивнула она.— Это оказались два совершенно разных времени, никак между собой не связанных. Я даже сейчас не могу сказать, который из них длиннее, а который короче.

С минуту она молча размышляла, потом улыбнулась:

— Я уже очень, очень давно ни с кем не разговаривала. Не стану перед вами извиняться: вы сами сюда пришли, сами захотели приподнять покров... Вы ведь всегда так поступаете, верно? Приоткрываете ставни, заглядываете внутрь и видите людей такими, каковы они есть, без прикрас — если, конечно, они не возражают... А впрочем, хотя бы и возражали! От вас им все равно не скрыть-

ся: вы тогда начнете строить догадки — и наверняка доберетесь до сути.

Мистера Саттертуэйта вдруг потянуло на откровенность.

— Мне шестьдесят девять лет,— сказал он.— Но все, что я знаю о жизни, я узнал из вторых рук. Иногда очень горько это сознавать. Но зато мне известно очень многое.

Она задумчиво кивнула.

— Понимаю. Странная штука жизни! Не представляю, как это — быть всегда только зригелем.

В ее тоне сквозило искреннее недоумение. Мистер Саттертуэйт улыбнулся.

— Вам трудно это представить, потому что ваше место — в самом центре сцены. Вы созданы, чтобы быть примадонной!

— Ах, полно, что вы такое говорите?!

— Но ведь это так! С вами всегда что-то случалось — и всегда будет случаться. Думаю, что в вашей жизни была самая что ни на есть настоящая трагедия... Или я ошибаюсь?

Она сощурилась и пристально посмотрела на него.

— Поживете несколько дней на острове — вам непременно расскажут об одном англичанине, который утонул у подножия этого самого утеса. Расскажут, как он был молод, красив и силен и как его молодая жена смотрела со скалы вниз и видела его гибель.

— Да, мне уже говорили.

— Это был мой муж. Вилла принадлежала ему. Он привез меня сюда восемнадцатилетней девчонкой, а через год волны оттащили его на черные скалы, проволокли по острым камням и изувечили до смерти!..

Мистер Саттертуэйт ахнул. Женщина подалась вперед, не сводя горящих глаз с его лица.

— Трагедия, вы говорите? Попробуйте-ка придумать трагедию ужаснее: молодая жена — всего год как замужем — стоит и беспомощно наблюдает за тем, как ее муж борется за свою жизнь,— и гибнет так... чудовишно.

— Да, это страшно.— Мистер Саттертуэйт был поражен до глубины души.— Я согласен, страшнее действительно ничего не придумаешь.

Запрокинув голову, хозяйка внезапно расхохоталась

— Ошибаетесь,— сказала она.— Бывает и пострашнее. Это когда молодая жена стоит и смотрит вниз с надеждой — хоть бы он утонул!

— Боже правый! — воскликнул мистер Саттертуэйт. — Не может быть, чтобы вы...

— Не может быть? Может! Именно так и было. Я стояла на коленях на самом краю утеса и молилась, молилась. . Слуги-испанцы думали, что я молюсь за его спасение. Как бы не так! Я молила Бога, чтобы он избавил меня от греховных мыслей. Я повторяла без конца: «Господи, помоги мне не желать ему смерти! Господи, помоги мне не желать ему смерти!..» Но Он не помог... Все равно во мне горела одна-единственная надежда.. И она сбылась.

Она немного помолчала, потом тихо, уже совсем другим голосом, продолжала:

— Ужасно, да? Всю жизнь буду это помнить. Я была так счастлива, когда узнала, что он мертв и не сможет больше издеваться надо мной!

— Бедная девочка,— вымолвил мистер Саттертуэйт, глубоко потрясенный.

— Наверное, я была еще слишком молода. Будь я постарше, возможно, вся та... мерзость, которую мне пришлось испытать с ним, не была бы для меня таким ужасным испытанием. Понимаете, ведь ни один человек не знал, каков он на самом деле. При первом знакомстве он настолько покори́л меня своим обаянием, что, когда предложил мне выйти за него замуж, я была счастлива и горда. Все, однако, вышло не так, как я мечтала. С самого начала он принялся надо мной издеваться. Все ему было не так — хотя, поверьте мне, я из кожи лезла, стараясь ему угодить. А потом он пристрастился меня мучить... запугивать — это он любил больше всего. Каких только гадостей он не выдумывал — не хочу даже вспоминать! В его жестокости было что-то патологическое... Наверное, он все-таки был не совсем нормальный. Да, скорее всего именно так! А я была целиком в его власти. Мучить меня сделалось его любимым занятием.— Ее глаза расширились и потемнели — Но страшнее всего для меня была смерть моего ребенка. Я ждала ребенка, а он издевался и издевался надо мной... Это из-за него мой малыш родился мертвым!.. Я тогда и сама чуть не умерла — и все же не умерла... А жаль!..

Мистер Саттертуэйт выдавил из себя что-то невнятное.

— А потом — я уже говорила — пришло избавление. Знаете, как это вышло? Приезжие девицы из отеля стали его подначивать. Местные, правда, пытались отговорить, говорили, что нырять в таком месте — чистое безумие, но он разве станет кого слушать? Ему так хотелось покрасо-

ваться!.. И вот — я смотрела, как он тонул,— и ликовала . Господи, как мог ты такое допустить?

Мистер Саттертуэйт протянул свою сухонькую ладошку, чтобы взять ее за руку,— и она вцепилась в его руку, словно ребенок. Печать прожитых лет словно бы спала с ее лица — и теперь он видел ее милой девятнадцатилетней девушкой.

— Первое время я не могла поверить в свое счастье: дом мой, я могу в нем жить, и никто уже не посмеет надо мной издеваться. Я ведь была сирота, близких у меня не осталось. Как я, где я — никого не интересовало. Что ж, тем меньше проблем! Я осталась жить в этом доме и впервые почувствовала себя здесь как в раю. Поверьте, никогда с тех пор я не была так счастлива и никогда уже не буду. Какое блаженство — проснуться утром и знать, что жизнь прекрасна! Ни боли, ни отчаяния, ни ужаса перед тем, что он еще может сделать. Да, это был настоящий рай ..

И она надолго умолкла.

— А потом? — напомнил наконец мистер Саттертуэйт.

— Наверное, человек никогда не бывает счастлив тем, что имеет. Поначалу мне довольно было одной моей свободы. Но постепенно я начала чувствовать себя как-то... одиноко. Меня не оставляла мысль о моем умершем ребенке. Ах, если бы он был жив! В своих грезах я видела в нем то ребенка, то . игрушку. Мне постоянно не хватало чего-то или кого-то, с кем можно было бы поиграть. Я знаю, это звучит глупо и по-детски, но это было так.

— Понимаю,— без тени усмешки произнес мистер Саттертуэйт.

— Как все случилось дальше, трудно объяснить. Просто случилось — и все. В отеле тогда остановился один молодой англичанин. Как-то по ошибке он забрел в мой сад. На мне в тот момент была мантилья, и он принял меня за испанку. Мне это показалось забавным, и я решила его разыграть. Испанского он почти не знал, едва мог объясниться. Я сказала ему, что хозяйка виллы, английская леди, сейчас в отъезде и что она немного научила говорить меня по-английски. В подтверждение я заговорила на ломаном английском. Это было так забавно и так весело, что даже и сейчас смешно вспоминать. Он принялся со мною заигрывать. Мы решили притвориться, что вилла — это наш с ним дом, мы только что поженились и собираемся здесь жить. Я предложила ему приоткрыть одну из дверных ставен — как раз ту, через которую вы вошли.

Ставня оказалась незаперта, и мы прокрались внутрь. В комнате было пыльно и не убрано, но нам было очень хорошо. Мы делали вид, что мы у себя дома...

Внезапно она прервала рассказ и умоляюще посмотрела на мистера Саттертуэйта.

— Все это было так чудесно — как в сказке. И чудеснее всего знаете что? Что это была как бы игра.

Мистер Саттертуэйт кивнул. Он понимал ее, быть может, лучше, чем она понимала сама себя — одинокую испуганную девочку, твердившую себе, что все это просто игра, и ничего, о чем бы пришлось жалеть, с ней случиться не может.

— Наверное, в нем не было ничего выдающегося. Парень как парень, искал приключений, как все, — но все равно с ним было легко и приятно. И мы продолжали нашу игру.

Она умолкла, снова посмотрела на мистера Саттертуэйта и повторила:

— Мы играли. Понимаете?

Немного помолчав, она продолжила:

— На следующее утро он опять пришел. Я была у себя в спальне и смотрела на него в щель между ставнями. Ему и в голову не пришло, что я в доме. Ведь он думал, что я служанка и живу в деревне. Он стоял в саду и озирался. Накануне он уговаривал меня встретиться с ним еще раз, и я обещала, но на самом деле я и не думала к нему выходить.

У него был очень встревоженный вид. Наверное, он волновался, не случилось ли чего со мной. Мне было приятно, что он из-за меня волнуется. Вообще приятно было его видеть...

Она опять помолчала.

— На следующий день он уехал. Больше я его не встречала... А через девять месяцев у меня родился ребенок. Я была на седьмом небе от счастья: оказывается, можно иметь ребенка — и при этом над тобой никто не издевается и не унижает. Я даже жалела, что не спросила имя того молодого англичанина. Я бы назвала сына в его честь. А то ведь несправедливо, думала я: он подарил мне то, чего я желала больше всего на свете, а сам об этом даже не узнает... Хотя, конечно, я понимала, что, скорее всего, он отнесся бы к этому иначе — не так, как я — и что мысль о ребенке вряд ли бы его обрадовала. Я ведь для него была лишь мимолетным развлечением, не более.

— А что ребенок?

— О, это был чудный малыш! Я назвала его Джон... Жаль, что я не могу вам его показать. Ему сейчас двадцать, он учится на инженера. Я люблю его больше всего на свете! Я ему сказала, что его отец умер еще до его рождения.

Мистер Саттертуэйт пристально следил за хозяйкой. Любопытная история, но какая-то словно недосказанная. Всем существом он чувствовал, что должно быть продолжение.

— Двадцать лет — это много,— осторожно сказал он.— Вам не хотелось снова выйти замуж?

Она покачала головой. По загорелым щекам разлился медленный румянец.

— Вам что, хватало ребенка?

Она подняла глаза, и мистер Саттертуэйт с удивлением увидел, что взгляд ее полон нежности.

— Странные вещи происходят на свете,— задумчиво произнесла она.— Очень странные. Наверное, вы даже не поверите... Хотя нет, вы как раз можете поверить. Отца Джона я не любила — во всяком случае, двадцать лет назад. Думаю, я вообще тогда не понимала, что такое любовь. Я, конечно, рассчитывала, что ребенок будет похож на меня. Увы! Ничего от меня в нем не было. Он оказался вылитый отец. И вот — через ребенка — я узнала этого человека, через ребенка полюбила его. И теперь я люблю его и буду любить всегда. Вы скажете, что я просто фантазерка,— но нет! Я его на самом деле люблю. Появись он тут завтра — я сразу узнаю его, хоть мы и не виделись больше двадцати лет. Любовь к нему превратила меня в женщину. Я люблю его, как женщина любит мужчину. С этой любовью я прожила уже двадцать лет, с ней я и умру.

Внезапно она спросила, и в голосе ее слышался вызов:

— По-вашему, я сумасшедшая, что такое говорю?

— Ах, милая вы моя! — сказал мистер Саттертуэйт и снова взял ее за руку.

— Значит, вы меня понимаете?

— Думаю, что да. Но, мне кажется, вы чего-то недоговариваете. Ведь это еще не все?

Она нахмурилась.

— Да, не все. А вы мастер угадывать! Я сразу поняла, что от вас ничего не скроешь. Но остального я вам рас-

сказывать не стану — просто потому, что вам лучше этого не знать.

Он внимательно посмотрел ей в глаза, и она не отвела взгляда.

«Сейчас проверим,— сказал он себе.— Все нити в моих руках. Я в этом обязательно должен разобраться! Надо только все расставить по своим местам».

Помолчав, он медленно заговорил:

— Думаю, случилось непредвиденное.

Ее веки чуть заметно дрогнули, и он понял, что находится на верном пути.

— Да, после стольких лет случилось что-то непредвиденное,— повторил он. Ему казалось, что он осторожно, ошупью пробирается по темным закоулкам ее души, где она пытается скрыть от него свою тайну.— Сын... Это связано с сыном! Ничто другое не взволновало бы вас так.

По тому, как она затаила дыхание, мистер Саттертуэйт догадался, что нащупал больное место. Он сознавал, что выполняет важную, хотя и не очень приятную миссию. Сидящая напротив женщина сопротивляется, противопоставляя ему свою непреклонную волю.— Ну что ж! Мистеру Саттертуэйту, при всей его кажущейся кротости, тоже упрямства не занимать. К тому же ему помогает святая уверенность человека, делающего нужное, важное дело. В его сознании промелькнула презрительная жалость к тем, кому по долгу службы приходится заниматься раскрытием преступлений. Как они выстраивают версии, как собирают улики, докапываясь до истины, как потом радостно потирают руки в предвкушении скорой разгадки... Ему же единственной подсказкой служит страстное стремление его хозяйки утаить истину: чем ближе он к этой истине подбирается, тем заметнее она нервничает.

— Вы говорите, мне лучше этого не знать? Мне — лучше? И вас это заботит? Надо сказать, вы довольно непоседовательны. Признаться, вас ведь не очень смущает, когда посторонний человек испытывает из-за вас некоторую неловкость? Стало быть, дело не только в этом. Может, узнав что-то лишнее, я стану невольным соучастником? Чего — не преступления ли? Но это абсурд! Мысль о преступлении с вами никоим образом не совместима... Разве что речь идет о преступлении особого рода — о преступлении против собственной жизни.

Веки ее дрогнули и опустились. Наклонясь к собеседнице, мистер Саттертуэйт поймал ее запястье.

— Так, значит, вы действительно задумали себя убить? Она тихонько вскрикнула.

— Господи! Как вы догадались?

— Но почему?! Разве вы устали от жизни? Чушь! Да какая усталость! Вы полны жизни, как никто другой!

Она встала и, отбросив непослушную темную прядь, подошла к окну.

— Хорошо, раз уж вы сами догадались, расскажу остальное. Не надо было вас впускать! Я сразу почувствовала, что вы необыкновенный человек... Да, вы правы, все дело в сыне. Он, конечно, ни о чем не догадывается, но в прошлый приезд он рассказывал мне историю одного своего приятеля, и вот что я поняла. Если он вдруг узнает, что он незаконнорожденный — это его убьет. Ведь он такой гордый! У него есть девушка. Не буду вдаваться в подробности, но скоро он придет домой и захочет узнать все об отце — согласитесь, родители девушки имеют право знать, с кем хочет связать свою судьбу их дочь. Когда он услышит правду, они с ней наверняка расстанутся, он порвет со своими прежними друзьями, замкнется в одиночестве и в конце концов разрушит свою жизнь. О, я знаю, вы сейчас скажете, что нечего делать из этого такую трагедию и что он еще несмышленый юнец и мало что в жизни понимает. Но стоит ли разбираться во всем этом? Люди таковы, каковы они есть. Да, это убьет его... Но если, незадолго до его приезда, со мною произойдет несчастный случай, горе все спишет. Он, конечно, пересмотрит мои письма, ничего там не найдет и посетует, что я так мало успела ему рассказать. Зато он не узнает правды!.. Так будет лучше всего. За счастье надо платить, а мне в жизни выпало так много счастья! Да и цена, в общем-то, невелика — немного мужества, чтобы сделать последний шаг, потом, возможно, еще минута-другая страданий...

— Но, дитя мое!..

— Не спорьте со мной! — вскинулась она. — Мне не нужны ваши доводы. Моя жизнь — это моя жизнь. До сих пор она была важна для моего сына. Но теперь я ему уже не так нужна. У него будет жена... И его еще сильнее потянет к ней, если меня не будет. Жизнь моя бесполезна — зато смерть может принести пользу. Я имею право распорядиться своей жизнью как мне заблагорассудится.

— Вы уверены?

Суровость его тона несколько озадачила ее.

— Раз моя жизнь никому не нужна,— произнесла она, запнувшись,— а я точно знаю, что это так...

Он снова ее перебил:

— Вы не можете этого знать!

— То есть?

— Слушайте. Приведу вам один пример. Человек приходит в некое место, решив покончить с собой. Но, по случайности, в этот же самый момент в этом самом месте находится другой человек. Самоубийца отказывается от своего плана и, таким образом, остается в живых. И вот один человек спас жизнь другому не потому, что был ему очень нужен или много для него значил, а просто потому, что физически присутствовал в нужный момент в нужном месте. И если вы сегодня решите свести счеты с жизнью, то, возможно, когда-нибудь, лет через пять или семь, кто-то другой погибнет или попадет в беду, потому что в тот момент вас не окажется на месте. Скажем, понесет чья-то лошадь — но, увидев вас на пути, свернет в сторону и не затопчет ребенка, играющего на обочине. Ребенок вырастет и станет великим музыкантом или найдет лекарство от рака... Впрочем, последнее не обязательно: он может просто прожить счастливую жизнь.

Женщина в изумлении смотрела на него.

— Станный вы человек. Говорите такие вещи... мне это и в голову не приходило.

— Вы говорите, что ваша жизнь принадлежит только вам,— продолжал мистер Саттертуэйт.— Но разве вы можете с уверенностью утверждать, что вам не отведена некая роль в самой великой пьесе самого великого драматурга? Возможно, вам предстоит появиться лишь под занавес в маленьком незначительном эпизоде, но от вашего выхода в конечном итоге может зависеть исход пьесы, потому что другой актер, не услышав вашей реплики, тоже не выйдет на сцену — и весь стройный замысел творца рухнет!.. Я допускаю, что вы — лично вы — и впрямь не интересны ни одному человеку на свете, но как лицо, появляющееся в нужный момент в нужном месте, вы можете сыграть очень важную роль.

Все еще не сводя с него глаз, она опустила на свое прежнее место.

— Чего вы от меня хотите? — просто спросила она.

Это была победа мистера Саттертуэйта. Теперь слово было за ним.

— Я хочу, чтобы вы пообещали мне хотя бы одно: не совершать ничего безрассудного в ближайшие двадцать четыре часа.

Некоторое время она ничего не говорила, потом ответила:

— Обещаю.

— Хочу попросить вас еще... кое о чем.

— Да?

— Не запирайте окно и будьте сегодня вечером в той комнате.

Она посмотрела на него озадаченно, но все же кивнула.

— Ну вот, а теперь мне пора! — Чувствуя, что напряжение спадает, мистер Саттертуэйт заторопился. — Благослови вас Господь, милая!

Он вышел из комнаты. Рослая испанка, подававшая им чай, проводила его по коридору до боковой двери и некоторое время с любопытством смотрела вслед.

Когда он вернулся в отель, уже начало темнеть. На террасе перед входом сидел лишь один человек — к нему-то и направился мистер Саттертуэйт. Он очень волновался, сердце его колотилось. Он сознавал, как много от него сейчас зависит. Один неверный шаг...

Однако он постарался как мог скрыть свое волнение и заговорил с Энтони Косденом тоном естественным и небрежным.

— Тепло сегодня,— заметил он.— Я, пока был на утесе, совсем забыл о времени.

— Так вы все это время были там?

Мистер Саттертуэйт кивнул. В эту минуту кто-то вошел в отель, и луч света, отразившись от вращающейся двери, на миг осветил лицо Косдена, полное страдания и бесконечного недоумения.

«Ему совсем плохо,— подумал мистер Саттертуэйт.— Мне на его месте было бы легче. Все-таки работа ума и воображения немало значит — она хоть отчасти смягчает боль. Но тупое, беспросветное, животное страдание — что может быть хуже!»

— После ужина я собираюсь на прогулку,— вдруг хрипло проговорил Косден.— Вы... поняли? В третий раз должно повезти. Только, ради Бога, не вмешивайтесь! Я знаю, что вы желаете добра и всякое такое, но уж увольте! Все равно так будет лучше.

Мистер Саттертуэйт выпрямился.

— Я никогда не вмешиваюсь,— отчеканил он, сфор-

мулировав таким образом основной принцип и смысл своего существования.

— Я знаю, что вы думаете...— продолжал Косден, но мистер Саттертуэйт перебил его.

— Прошу меня извинить, но я имею основания в этом сомневаться,— сказал он.— Никто не может знать, что думает другой человек. Некоторые, правда, полагают, что знают,— но они почти всегда ошибаются.

— Ну, возможно, не берусь утверждать,— несколько стушевавшись, пробормотал Косден.

— Содержание наших мыслей принадлежит только нам,— продолжал его собеседник.— И никому не дано указывать, как и о чем нам думать... Но давайте поговорим о чем-нибудь более приятном. Например, о той старой вилле, что стоит на отшибе, вдали от всего света. Бог весть какие тайны кроются за ее сонным очарованием. Сегодня я даже не удержался и подергал одну из ставен...

— Да? — Косден поднял голову.— И она, конечно, оказалась заперта?

— Нет, открыта,— сказал мистер Саттертуэйт и добавил вполголоса: — Третья с краю.

— Что? — воскликнул Косден.— Это же та самая...

Он умолк, но мистер Саттертуэйт успел заметить вспыхнувший в его глазах огонек. Вполне удовлетворенный, он встал и распрощался с собеседником.

Он все-таки немного волновался. Выражаясь театральным языком, он беспокоился, не переврал ли он текст — ведь в этой пьесе ему достались ключевые реплики.

Однако, мысленно проиграв все еще раз, он остался доволен. По дороге на утес Косден непременно захочет проверить, заперта ли ставня. Пройти мимо было бы выше человеческих сил. Раз уж воспоминания двадцатилетней давности привели его сюда, на далекий остров, то эти же воспоминания подтолкнули его к заветной ставне, и тогда... Что тогда?

«Завтра узнаю»,— решил мистер Саттертуэйт и пошел переодеваться к ужину.

На другое утро около десяти часов мистер Саттертуэйт снова входил в ворота сада «La Paz». Улыбчивый Мануэль, пожелав ему доброго утра, вручил положенный бутон. Мистер Саттертуэйт заботливо вставил его в петлицу, после чего повернул к дому. Несколько минут он стоял, разглядывая белые стены, увитые лианой с оранже-

выми цветами, зеленые облупившиеся ставни. Какая тишина!.. Может, ему все это просто померещилось?

Но в этот момент одна из ставен распахнулась, и в проеме появилась та, чья судьба занимала сейчас мистера Саттертуэйта больше всего, и направилась прямо к нему. Она шла легкой стремительной походкой, чуть покачивая бедрами, — казалось даже, не шла, а летела, подхваченная радостной волной. Да она и сама была похожа на аллегорическую ¹ фигуру радости, какие встречаются на фризах ² старинных домов, — глаза ее сияли, щеки горели. Ни тени колебаний или сомнений. Она подошла к мистеру Саттертуэйту, положила руки ему на плечи и поцеловала, потом еще раз, и еще, и еще, и еще. Позже, при воспоминании об этом, ему представлялись крупные темно-красные розы с нежными бархатистыми лепестками. Горячий вихрь из лета, солнца и пения птиц. Жаркая радость и неведомое прежде ощущение силы.

— Я так счастлива! — сказала она. — Вы чудо! Откуда вы узнали? Как вы могли догадаться? Вы просто добрый волшебник из сказки!

От захлестнувшего ее счастья она какое-то время не могла говорить.

— Мы договорились сходить сегодня в консульство и зарегистрировать наш брак, — сказала она после недолгого молчания. — Когда Джон приедет, его отец будет здесь. Мы скажем, что много лет назад произошло недоразумение. Он не станет задавать лишних вопросов! О, я так счастлива, так счастлива, так счастлива!..

Действительно, счастье вздымалось в ней мощным приливом. Его горячая опьяняющая волна подхватила и мистера Саттертуэйта.

— Энтони узнал, что у него есть сын! Оказывается, это для него такое чудо! А ведь я думала, что ему будет все равно. — Она доверчиво заглянула мистеру Саттертуэйту в глаза. — Удивительно, как все прекрасно и счастливо закончилось, правда?

В эту минуту он ясно видел ее — маленькую девочку, верящую в сказки со счастливым концом, где «двое с тех пор жили долго и счастливо».

¹ Аллегория — иносказание, выражение абстрактной идеи в конкретном образе

² Фриз — декоративная горизонтальная полоса под карнизом здания, часто украшенная скульптурами.

Он тихо сказал:

— Если вы наполните счастьем последние месяцы его жизни — это действительно будет прекрасно.

Ее глаза расширились от удивления.

— Послушайте,— сказала она.— Вы что же, думаете, что я дам ему умереть? Теперь, когда он вернулся ко мне через столько лет? Да мало разве людей, от которых доктор давно отказались, а они до сих пор живы? Умереть?.. Ну нет, он не умрет!

Он взглянул на женщину, лучившуюся красотой, силой, энергией и неукротимым мужеством. Да, он тоже слышал, что доктора иногда ошибаются... Кто знает, какую роль в жизни Энтони Косдена может сыграть так называемый субъективный фактор?

— Так вы и правда думаете, что я дам ему умереть? — повторила она, снисходительно усмехнувшись.

— Нет, милая,— очень тихо сказал наконец мистер Саттертуэйт.— Нет, я почему-то так не думаю.

И он пошел по кипарисовой аллее к скамейке над обрывом и увидел там того, кого ожидал увидеть. Мистер Кин, улыбающийся, печальный и непостижимый, как всегда, поднялся ему навстречу.

— Ожидали меня? — поздоровавшись, спросил он.

— Ожидал,— ответил мистер Саттертуэйт.

Они сели на скамейку.

— Судя по вашему виду, вам, кажется, опять выпала роль Провидения? — произнес наконец мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт укоризненно взглянул на него.

— Как будто вам не было известно все с самого начала!

— Ну вот, опять вы обвиняете меня во всеведении,— с улыбкой сказал мистер Кин.

— А если вы ничего не ведали, тогда почему были здесь позавчера вечером — подкарауливали? — парировал мистер Саттертуэйт.

— Ах, вы об этом...

— Да, об этом.

— Я должен был выполнить одну... миссию.

— Что за миссию?

— Помните, вы как-то сами окрестили меня «заступником мертвых»?

— Мертвых? — несколько озадаченно повторил мистер Саттертуэйт.— Я не совсем вас понимаю.

Мистер Кин ткнул длинным тонким пальцем вниз — туда, где у подножия утеса бурлило море.

— Двадцать два года назад здесь утонул мужчина.

— Я знаю. Но я не вижу...

— А что, если этот мужчина все-таки любил свою молодую жену? Любовь способна превратить человека в ангела — или в дьявола... Она по-детски обожала его, но он никак не мог разбудить в ней женщину — и сходил из-за этого с ума. Он терзал ее, потому что любил. Так бывает — и вы не хуже меня это знаете.

— Да,— признал мистер Саттертуэйт,— я сталкивался с чем-то подобным, хотя очень, очень редко.

— Зато вы, наверное, сталкивались с таким явлением, как раскаяние, непреодолимое желание загладить свою вину, чего бы это ни стоило.

— Да, но смерть наступила слишком быстро...

— Смерть! — В голосе мистера Кина послышались явные нотки презрения.— Но ведь вы верите в жизнь после смерти? Так можете ли поручиться, что те же самые страсти и желания, которые управляют людьми здесь, не движут ими и в той, другой жизни? И если желание очень, очень сильно — найдется и посредник, который поможет его осуществить.

Голос его стал постепенно затихать, словно удаляясь.

Мистер Саттертуэйт поежился и встал.

— Мне пора возвращаться в отель,— сказал он.— Если нам по пути.

Но мистер Кин покачал головой.

— Нет,— ответил он.— Я вернусь той же дорогой. какой пришел.

Взглянув через плечо, мистер Саттертуэйт успел увидеть, как его друг подходит к обрыву.

Глава 7

Голос из темноты

1

— Меня немного беспокоит Марджери,— сказала леди Стренли.— Это моя девочка,— пояснила она и печально вздохнула.— Имея взрослую дочь, поневоле начинаешь чувствовать себя старухой.

Мистер Саттертуэйт, на которого изливались эти признания, галантно запротестовал.

— Невозможно поверить! — с поклоном сказал он

— Вы льстец,— обронила леди Стренли, впрочем, не-
сколько рассеянно, словно голова ее была занята чем-то
другим.

Мистер Саттертуэйт окинул одобрительным взглядом
стройную фигуру собеседницы. Даже предательское канн-
ское¹ солнце не высвечивало в ее облике ни единого изъя-
на. С некоторого расстояния она казалась совсем юной,
можно было даже усомниться, выросла ли это женщина
или девочка-подросток. Мистер Саттертуэйт, которому
вообще очень многое было известно, прекрасно знал, что
по возрасту леди Стренли вполне могла бы уже иметь взрос-
лых внуков. Она как бы олицетворяла собою торжество
искусства над природой: благодаря труду над ее восхити-
тельной фигурой и цветом лица обогатилось немало сало-
нов красоты.

Леди Стренли закинула ногу на ногу — поза, изящество
которой выгодно подчеркивали тончайшие шелковые чулки
телесного цвета,— и, закулив сигарету, пробормотала:

— Нет, все-таки меня очень беспокоит Марджери!

— А в чем дело? — спросил мистер Саттертуэйт — Что
случилось?

Леди Стренли обратила на него свои дивные голубые
глаза.

— Вы видели ее когда-нибудь? Нет? Ну, дочка Чарль-
за! — подсказала она.

Если бы в справочниках писалась одна только чистая
правда, то статья о леди Стренли в книге «Кто есть кто?»²
могла бы завершаться такими, например, словами: «Хоб-
би: выходить замуж». Эта женщина шествовала по жизни,
теряя мужей одного за другим. С тремя она развелась, чет-
вертый умер сам.

— Будь она дочкой Рудольфа, я бы еще поняла,— раз-
мышляла леди Стренли — Помните Рудольфа? Он всегда
был неуравновешенным. Через полгода после нашей свадь-
бы я уже была вынуждена обратиться в контору брачного
чего-то там такого — ну, вы меня понимаете. Слава Богу,
теперь все это значительно упростилось.. Помню, мне
пришлось писать ему глупейшее письмо, которое почти от
начала до конца продиктовал мой адвокат. Якобы я прошу

¹ Канн — город-курорт международного значения на юго-вос-
токе Франции на Лазурном берегу Средиземного моря

² «Кто есть кто?» — ежегодный биографический справочник,
издающийся в Англии с 1849 года

его вернуться и сделаю все, что в моих силах, и прочая, и прочая. Но Рудольф был все-таки ненормальный, от него того и жди чего-то непредсказуемого. Он тут же примчался домой — и все испортил, потому что это было совсем не то, что от него требовалось...

Она вздохнула.

— Так что же Марджери? — напомнил мистер Саттертуэйт, тактично возвращая ее к предмету разговора.

— Ах да, я ведь собиралась вам рассказать... Марджери теперь мерещатся какие-то призраки: то ли видятся, то ли слышатся. Никогда бы не подумала, что у нее окажется такое богатое воображение. Она, конечно, хорошая девочка, но — как бы это сказать — немножко скучная.

— Ну что вы, как можно? — невнятно пробормотал мистер Саттертуэйт, вероятно, подразумевая под этим некий расплывчатый комплимент.

— Да, ужасно скучная,— продолжала леди Стренли.— Ей, видите ли, не нужны ни танцы, ни коктейли — ничего из того, чем интересуются приличные молодые девушки, и, вместо того чтобы ездить всюду со мной, она сидит дома и выбирается разве что на охоту.

— Ай-ай-ай! — покачал головой мистер Саттертуэйт.— Значит, с вами она ездить отказывается?

— Ну, я ее, конечно, не заставляю. Честно говоря, не так уж весело разъезжать везде под ручку с дочерью.

Мистер Саттертуэйт попытался представить себе леди Стренли в сопровождении серьезной, вдумчивой дочери, но у него ничего не вышло.

— Я уж не знаю,— оживленно рассуждала леди Стренли,— может, у нее что-то с головой? Мне говорили, что, когда мерещатся голоса, это очень плохой признак... Никаких привидений в Эбботс-Миде сроду не водилось. Старый дом в тысяча восемьсот тридцать шестом году сгорел дотла, и на его месте возвели этакий викторианский¹ особняк. В нем и не может быть никаких привидений — для этого он слишком аляповат и вульгарен!..

Мистер Саттертуэйт кашлянул. Он никак не мог взять в толк, для чего ему все это рассказывают.

— Вот я и подумала,— лучезарно улыбаясь ему, продолжала леди Стренли.— Может быть, вы мне поможете?

¹ Викторианский — характерный для эпохи царствования королевы Виктории (1837—1901), об архитектуре и мебели — массивный, помпезный

— Я?

— Да. Вы ведь, кажется, завтра возвращаетесь в Англию?

— Да,— осторожно подтвердил мистер Саттертуэйт.

— Вы наверняка знакомы с какими-нибудь учеными мужами по этой части? Вы же всех знаете!

Мистер Саттертуэйт улыбнулся. Знать всех было его слабостью.

— Вот и прекрасно! — воскликнула леди Стренли.— Я лично никогда не умела найти общий язык с людьми такого сорта — ну, знаете — серьезные бородатые господа в очках. Они наводят на меня смертельную скуку. В их обществе я и сама выгляжу не лучшим образом

Мистер Саттертуэйт все больше настораживался. Леди Стренли продолжала лучезарно ему улыбаться.

— Стало быть, решено! — радостно заключила она — Вы заедете в Эбботс-Мид, встретитесь там с Марджери и все устроите. Я вам буду бесконечно благодарна! Конечно, если окажется, что Марджери действительно помешалась, я сразу же приеду... А вот и Бимбо!

Ее улыбка из лучезарной превратилась в ослепительную. К ним приближался молодой человек лет двадцати пяти, в белом теннисном костюме. Он был очень хорош собою.

— А я везде тебя ищу, Бэбз,— объявил он

— Как сыграли?

— А!.. Паршиво.

Леди Стренли поднялась и, обернувшись на прощание к мистеру Саттертуэйту, проговорила нежнейшей скороговоркой через плечо:

— Это так великодушно с вашей стороны! Никогда не забуду.

Мистер Саттертуэйт проводил глазами удаляющуюся парочку.

«Интересно,— подумал он,— не собирается ли Бимбо стать номером пятым?»

2

Проводник вагона люкс показывал мистеру Саттертуэйту место, где несколько лет назад произошла железнодорожная катастрофа. Дослушав его вдохновенный рассказ, мистер Саттертуэйт поднял глаза и увидел над плечом проводника знакомую улыбку.

— Мистер Кин, дорогой вы мой! — воскликнул мистер Саттертуэйт, просияв всеми своими морщинками —

Надо же, как совпало — мы оба с вами возвращаемся в Англию, и одним поездом! Вы ведь в Англию, правда?

— Да,— подтвердил мистер Кин.— Там меня ждет довольно важное дело. Когда вы собираетесь ужинать — с первой очередью или позднее?

— Только с первой! Половина седьмого — время, конечно, для ужина нелепое, зато меньше риска для желудка.

Мистер Кин понимающе кивнул.

— Я тоже с первой,— сказал он.— Мы могли бы сесть вместе.

В половине седьмого мистер Кин и мистер Саттертуэйт сидели друг против друга за столиком вагона-ресторана. Изучив с должным вниманием карту вин, мистер Саттертуэйт наконец обратился к собеседнику:

— Последний раз мы с вами виделись... Где же мы с вами виделись? Ах да, на Корсике!¹ Вы тогда исчезли довольно неожиданно.

Мистер Кин пожал плечами.

— Как всегда. Мое дело, знаете ли, прийти и уйти. Да, прийти и уйти...

Последние слова пробудили в душе мистера Саттертуэйта какие-то смутные воспоминания. По спине пробежали мурашки — нельзя сказать, чтобы неприятные, скорее наоборот: такое бывает иногда в предвкушении чего-то необычного.

Мистер Кин поднес к глазам бутылку с красным вином, рассматривая этикетку. С минуту, пока бутылка находилась между ним и светом, красноватый отблеск плясал на его лице.

Мистер Саттертуэйт снова почувствовал знакомую дрожь предвкушения.

— Я тоже должен выполнить в Англии одно поручение,— вспомнил он и широко улыбнулся.— Вы случайно не знакомы с леди Стренли?

Мистер Кин покачал головой.

— Она из очень старинного рода,— сказал мистер Саттертуэйт.— Стренли — одно из немногих семейств, где титул может наследоваться по женской линии, так что она с полным правом именуется баронессой. С этим титулом связана довольно романтическая история.

Мистер Кин сел поудобнее. В проходе раскачивающе-

¹ Корсика — остров в Средиземном море, принадлежащий Франции.

гося вагона появился официант с подносом, и на столике, как по волшебству, возникли чашки с бульоном. Мистер Кин осторожно отпил глоточек.

— По-моему, вы собираетесь одарить меня одной из ваших превосходных зарисовок,— заметил он.— Верно?

Лицо мистера Саттертуэйта засветилось от удовольствия.

— О, леди Стренли действительно замечательная женщина! — сказал он.— Ей, должно быть, уже лет шестьдесят... Да, никак не меньше шестидесяти! Я знал их с сестрой еще девочками. Старшую звали Беатрисой. В те годы они жили в весьма стесненных обстоятельствах — сестры Баррон — Беатриса и Барбара. Господи, как же давно это было! Я и сам был еще юноша!..— Мистер Саттертуэйт вздохнул.— От титула сестер тогда еще отделяло несколько здравствующих родственников. Сам старый лорд Стренли доводился им, если не ошибаюсь, двоюродным братом. Все складывалось как нельзя более романтично. Сначала один за другим поумирали два брата и племянник старика Стренли. Потом была гибель «Уралии» — помните кораблекрушение неподалеку от Новой Зеландии? Сестры Баррон находились на борту. Беатриса утонула, а младшая, Барбара, оказалась в числе немногих спасенных. Через полгода, когда скончался старый лорд Стренли, титул и все состояние перешли к ней. С той поры она стала жить исключительно для себя, ничем, кроме собственной персоны, не занимаясь. Надо сказать, с годами она ничуть не изменилась, и сейчас я узнаю в ней все то же прекрасное, необязательное и бессердечное создание, что и много лет назад. У нее уже было четыре мужа, и в любой момент может появиться пятый.

Далее он перешел к описанию миссии, которую леди Стренли так ловко на него возложила.

— Думаю, надо все-таки заехать в Эбботс-Мид и познакомиться с девицей,— заключил он.— Придется что-нибудь предпринять, поскольку саму леди Стренли образцовой матерью никак не назовешь.— Он задумчиво посмотрел на мистера Кина.— Вот если бы вы могли поехать со мной... Никак не получится?

— Боюсь, что нет,— ответил мистер Кин.— Хотя... Эбботс-Мид ведь, кажется, где-то в Уилтшире?¹

Мистер Саттертуэйт кивнул.

— Я так и думал. Значит, все это время я буду непо-

¹ Уилтшир — графство в южной части Великобритании.

далеку от Эбботс-Мида, и знаете, где? — Он загадочно улыбнулся. — Помните, там есть одна небольшая гостиница «Наряд Арлекина»?

— Еще бы не помнить! — вскричал мистер Саттертуэйт — Так вы будете в ней?

— Да, поживу недельку-полторы или, может быть, чуть подольше. Наведаетесь ко мне — буду очень рад.

И от этого самого обычного приглашения на душе у мистера Саттертуэйта почему-то сделалось легко и спокойно

3

— Дорогая мисс мисс Марджери, — говорил мистер Саттертуэйт. — Поверьте, я и не думаю над вами смеяться

Марджери Гейл слегка нахмурилась. Они сидели в просторном холле Эбботс-Мида. Марджери Гейл, крупная, коренастая девушка, ничем не напоминала свою мать. По всей видимости, она пошла в отца: казалось, в ее родне были одни только сельские сквайры¹, привычные к верховой езде. Вид у нее был здоровый, цветущий и в общем-то абсолютно нормальный. Однако, размышлял мистер Саттертуэйт, семейству Барронов свойственна некоторая душевная неуравновешенность. Марджери могла унаследовать внешность от своего отца и, вполне возможно, некоторые фамильные заскоки — от матери.

— От миссис Кэйсон не знаю уже, куда деваться, — пожаловалась Марджери. — Я вообще ни в каких духов не верю, но эта миссис Кэйсон — есть тут у нас одна такая ярая спиритка² — просто прохожу мне не дает: хочет непременно привести сюда медиума³.

Мистер Саттертуэйт кашлянул, немного поерзал на стуле и изрек голосом председательствующего на суде:

— Итак, проверим еще раз, все ли вы мне сообщили. Первые — как бы это сказать? — странности начали происходить, как я понимаю, месяца два назад, так?

— Около того, — кивнула девушка. — Я стала слышать иногда шепот, а иногда совершенно отчетливый голос, который повторял одно и то же.

¹ Сквайр — английский помещик, землевладелец

² Спиритизм — мистическое учение, основанное на вере в загробное существование душ умерших и возможность контакта с ними через посредника

³ Медиум — лицо, с помощью которого посредством различных манипуляций (верчения стола, блюдечка и т.п.) участники спиритического сеанса пытаются вступить в контакт с миром духов

— А именно?

— «Верни чужое! Верни то, что ты украла!» Я каждый раз включала свет и убеждалась, что в комнате никого нет. В конце концов я так издергалась, что даже попросила Клейтон, мамину служанку, переночевать в моей комнате на диванчике.

— Но голос все равно услышали?

— Да, и что меня больше всего смутило — Клейтон его не слышала.

Мистер Саттертуэйт задумался.

— А как он звучал в тот раз — громко или тихо?

— Совсем тихо, еле слышно, — сказала Марджери — Если Клейтон спала, она, конечно, могла его и не слышать. Она посоветовала мне обратиться к врачу.

Девушка горько усмехнулась.

— Но со вчерашнего вечера даже Клейтон мне верит, — продолжала она.

— А что случилось вчера вечером?

— Я как раз и собираюсь рассказать — об этом я еще никому не говорила. Вчера мы ездили с друзьями на охоту, пришлось много передвигаться верхом. Я страшно устала и очень плохо спала. Мне снился кошмарный сон, будто я падаю на какую-то железную ограду, и острие этой ограды вонзается мне в горло... Проснувшись, я поняла, что так и есть — в шею мне сбоку упирается что-то острое, и кто-то шепчет: «Верни, верни, что украла! Или смерть!..»

— Я закричала и попыталась схватить того, кто шептал, — продолжала Марджери, — но нашарила около себя только пустоту. На крик из соседней комнаты прибежала Клейтон. Так вот, она сказала, что в темноте что-то метнулось мимо нее из комнаты. Она не поняла, что это было, но уверяет, что, во всяком случае, не человек.

Мистер Саттертуэйт в задумчивости глядел на девушку. Да, она несомненно пережила сильное потрясение. На шее с левой стороны он заметил маленький квадратик пластыря. Поймав его взгляд, она кивнула:

— Как видите, это не игра воображения.

— Скажите.. Нет ли у вас... скажем, тайного недоброжелателя? — произнес мистер Саттертуэйт.

— Что вы, какие недоброжелатели! — поморщилась Марджери.

— Кто гостил у вас в последние два месяца?

— Вас, вероятно, интересуют постоянные гости, а не те, кто заезжал в Эбботс-Мид только на выходные? В та-

ком случае могу сказать, что все это время у меня жила Марсия Кин — она моя лучшая подруга и, кстати, отличная наездница. И еще частенько навещался мой кузен Роли Вэйсаур.

Мистер Саттертуэйт кивнул и изъявил желание встретиться с Клейтоном, служанкой леди Стренли.

— Наверное, она у вас давно? — предположил он.

— С незапамятных времен, — подтвердила Марджери. — Она прислуживала маме и тете Беатрисе, еще когда они были девочками. Наверное, поэтому мама ее и держит, хотя для себя она давно уже завела другую служанку, француженку. Клейтон только шьет и периодически выполняет кое-какую пустячную работу по дому.

Она отвела его наверх, и вскоре служанка Клейтон предстала перед ними. Это была худая высокая старуха с аккуратным пробором в седых волосах — воплощение добродетельности.

— Нет, сэр, — заявила она в ответ на расспросы мистера Саттертуэйта. — Ни разу до сих пор не слышала, чтобы в доме водились привидения. По правде сказать, до вчерашнего дня я вообще думала, что все это фантазии мисс Марджери. Но вчера в темноте мимо меня действительно что-то проскользнуло. И знаете, сэр, это было что угодно, но не человек!.. И потом — эта рана на шее... Не сама же она ее себе нанесла!

«Действительно, — подумал про себя мистер Саттертуэйт, не сама ли она ее себе нанесла?» Ему вспомнилось, что девушки, с виду не менее нормальные и уравновешенные, чем Марджери Гейл, вытворяют порой самые невообразимые вещи.

— Бедняжка! — сказала Клейтон. — Но ничего, скоро заживет!.. Это не то, что у меня.

Она показала шрам у себя на лбу.

— Уж сорок лет минуло, а до сих пор не проходит.

— Это у нее после гибели «Уралии», — пояснила Марджери. — Ее тогда балка ударила по голове — так, Клейтон?

— Да, мисс.

— А что вы сами об этом думаете, Клейтон? — спросил мистер Саттертуэйт. — Почему, по-вашему, мисс Марджери вдруг подверглась нападению?

— Мне не хотелось бы говорить, сэр.

Такой ответ для вышколенной служанки был вполне естественным, однако мистер Саттертуэйт не отступал.

— Так что же вы все-таки думаете, Клейтон? — настойчиво повторил он.

— Я думаю, сэр, что когда-то в этом доме было совершено какое-то страшное злодеяние, и, пока с ним не будет покончено, покоя не жди.

Все это она произнесла на полном серьезе, строго, почти сурово глядя на мистера Саттертуэйта выпуклыми голубыми глазами.

Разочарованный мистер Саттертуэйт спустился вниз. Клейтон, как и все кругом, явно считала, что в результате совершенного некогда зла в доме завелось привидение. Такое объяснение мистера Саттертуэйта никоим образом не устраивало. Ведь все странности начали происходить лишь в последние два месяца — кстати, с того самого времени, как в доме обосновались Марсия Кин и Роли Вэйсаур... Хорошо бы узнать об этих двоих поподробнее. Может, все это просто розыгрыш, шутка? Он с сомнением покачал головой. Это была бы слишком уж недобрая шутка.

Принесли почту, и Марджери занялась письмами.

— Нет! — воскликнула она вдруг.— Моя мать просто невозможная женщина! Вот, почитайте! — И она протянула мистеру Саттертуэйту листок.

Послание оказалось вполне в духе леди Стренли.

«Дорогая Марджери!— писала она.— Я ужасно рада, что рядом с тобой оказался милейший мистер Саттертуэйт. Он такой умница, он знаком с лучшими специалистами по всяким там привидениям. Вот пусть они теперь как следует во всем разберутся! Не сомневаюсь, что в их обществе ты чудесно проведешь время, жаль, что я не смогу приехать: я больна. В этих отелях так скверно готовят! Врачи говорят, что у меня пищевое отравление. И правда, несколько дней я чувствовала себя совсем плохо. Спасибо тебе, милая, за шоколадные конфеты — хотя, по моему разумению, присылать в Канны конфеты — затея довольно-таки нелепая. Право, здесь прекрасный выбор кондитерских изделий!

Пока, милая! Сражайся там с нашими семейными призраками и не скучай! Бимбо говорит, что я уже играю в теннис гораздо лучше. Море любви!

Целую, Барбара».

— Хочет, чтобы я непременно называла ее Барбарой,— вздохнула Марджери.— По-моему, это просто глупо.

Мистер Саттертуэйт улыбнулся: неудивительно, что

консервативные взгляды Марджери Гейл иногда очень докучают ее матери. Однако в письме его заинтересовала одна деталь, на которую девушка явно не обратила внимания.

— Вы что, посылали ей коробку конфет? — спросил он.

— Ничего я ей не послала! — Марджери пожала плечами. — Это, наверное, кто-то другой.

Мистер Саттертуэйт посерьезнел. Странное совпадение: кто-то присылает леди Стренли коробку конфет, и у нее тут же случается пищевое отравление. Сама она, по-видимому, никакой связи между первым и вторым не усматривает. А существует ли она, эта связь? Мистер Саттертуэйт склонен был считать, что существует.

Из гостиной вышла высокая темноволосая девушка — Марсия Кин, как ее представили мистеру Саттертуэйту. Она непринужденно улыбнулась маленькому человечку.

— Вы, говорят, приехали ловить новое эбботс-мидское привидение? — нарочито растягивая слова, спросила она. — Бедная Марджери! Мы все тут над нею немного подтруниваем... О, вот и Роли приехал!

К крыльцу подкатил автомобиль, из него чуть не на ходу выскочил высокий белокурый юноша с порывистой мальчишеской повадкой.

— Привет, Марджери! — с порога крикнул он. — Привет, Марсия! Принимайте пополнение! — В залу вместе с ним входили две женщины. В одной из них мистер Саттертуэйт узнал миссис Кэйсон, о которой только что шла речь.

— Марджери, дорогая, умоляю вас меня простить! — с милейшей улыбкой пропела гостья. — Мистер Вэйсаур обещал, что вы не будете сердиться. И вообще, это он надоумил меня прихватить с собой миссис Ллойд. Знакомьтесь — миссис Ллойд! — провозгласила она, махнув рукой в сторону спутницы. — Миссис Ллойд — самый сильный медиум на свете!

Миссис Ллойд без ложной скромности поклонилась и сцепила перед собой пальцы. Это была ярко накрашенная молодая особа довольно заурядной наружности, одетая немодно, зато с претензией. На шее у нее были бусы из лунного камня, на пальцах сверкали кольца и перстни.

Марджери Гейл, насколько мог судить мистер Саттертуэйт, была явно не в восторге от неожиданного вторжения. Она сердито поглядывала на Роли Вэйсаура, но тот, как видно, и не думал смущаться.

— Наверное, ленч уже готов, — сказала Марджери.

— Вот и прекрасно! — воскликнула миссис Кэйсон. — Сразу же после ленча начнем сеанс! Да, у нас найдутся фрукты для миссис Ллойд? Перед сеансом она предпочитает легкую пищу.

Все перешли в столовую. За ленчем миссис Ллойд съела яблоко и два банана, на редкие замечания хозяйки отвечала вежливо, но несколько односложно, а под конец ленча вдруг откинула голову и принялась принюхиваться.

— В доме что-то неладно. Я это чувствую!

— Она совершенно неподражаема, правда? — с умилением проворковала миссис Кэйсон.

— Да, пожалуй, — сухо вато подтвердил мистер Саттертуэйт.

Для проведения сеанса выбрали библиотеку. Хозяйка согласилась с явной неохотой, по-видимому, только ради гостей, не скрывавших предвкушения удовольствия.

Подготовительную часть взяла на себя миссис Кэйсон, которая, по-видимому, знала это дело до тонкости и чувствовала себя как рыба в воде. Стулья были сдвинуты в кружок, окна занавешены, и, наконец, миссис Ллойд объявила, что готова.

— Нас шестеро, — оглядевшись, сообщила она. — Это никуда не годится! Должно быть нечетное число, лучше всего семь. Мои самые удачные сеансы проходили в кругу из семи участников.

— Можно позвать кого-нибудь из слуг, — поднимаясь, предложил Роли. — Попробую откопать дворецкого.

— Лучше Клейтон, — сказала Марджери.

Мистер Саттертуэйт заметил, что по красивому лицу юноши пробежала тень раздражения.

— Почему обязательно Клейтон? — проворчал он.

— Не любишь ты Клейтон, — упрекнула его Марджери.

Роли пожал плечами.

— Это она меня не любит. Просто на дух не переносит. — Он выдержал паузу, но Марджери осталась непреклонна. — Ну хорошо, зовите Клейтон, — сдался он.

Вскоре все уселись в кружок.

Некоторое время тишину нарушало лишь обычное покашливание да поскрипывание стульев. Потом раздался какой-то стук и, наконец, голос индейца чероки¹, через которого миссис Ллойд сообщалась с миром духов.

¹ Чероки — индейское племя, жившее в горной местности юго-востока США и относящееся к ирокезской языковой семье.

— Краснокожий брат хочет говорить дамы и господа добрый вечер. Кто-то здесь очень должен передать сообщение для молодой леди. Дальше краснокожий брат молчать. Говорить дух.

Последовала пауза, потом другой, женский голос тихо спросил:

— Марджери здесь?

Отвечать взялся Роли Вэйсаур.

— Да, здесь.

— Это Беатриса.

— Беатриса? Какая Беатриса?

В ответ, к досаде собравшихся, снова раздался голос индейца чероки:

— Краснокожий брат хочет говорить. Наша жизнь здесь светлый и прекрасный. Мы все много работать. Нужен помогать всем, который еще не здесь.

Снова молчание, и опять тихий женский голос:

— Говорит Беатриса.

— Какая Беатриса?

— Беатриса Баррон.

Мистер Саттертуэйт, волнуясь, подался вперед.

— Беатриса Баррон? Та, что погибла во время крушения «Уралии»?

— Да, я помню «Уралию». Я должна что-то сообщить вам, всему вашему дому. Верните то, что вам не принадлежит!

— Но я не понимаю,— беспомощно сказала Марджери.— Тетя Беатриса, это правда вы?

— Да, это я. твоя тетя.

— Разумеется, это она,— набросилась на Марджери миссис Кэйсон.— Что за неуместная подозрительность? Духи этого не любят.

А мистеру Саттертуэйту вдруг пришло на ум, что это очень легко проверить. Дрожащим от волнения голосом он спросил:

— А вы помните мистера Пербенутти?

В ответ незамедлительно раздался смех.

— Конечно, помню! Бедный Перевернутти!

Мистер Саттертуэйт ошарашенно молчал. Все сходится! Однажды, больше сорока лет назад, он случайно повстречал сестер Баррон на морском курорте. И один их общий знакомый, молодой итальянец, по фамилии Пербенутти, как-то вышел на лодке в море, но не справился с веслами и перевернулся. Беатриса Баррон в шутку окрестила его «мис-

тером Перевернутти». Этот эпизод вряд ли мог быть известен кому-либо из присутствующих, кроме мистера Саттертуэйта.

Миссис Ллойд застонала и беспокойно задвигалась.

— Выходит из транса,— сообщила миссис Кэйсон.— Вряд ли нам сегодня удастся что-нибудь еще из нее вытянуть.

Шторы на окнах были раздвинуты, на участников сеанса снова пролился дневной свет, и стало видно, что по меньшей мере двое из них не на шутку напуганы.

Марджери даже побледнела. Когда наконец удалось спровадить миссис Кэйсон вместе с медиумом, мистер Саттертуэйт попросил разрешения поговорить с хозяйкой наедине.

— Мисс Марджери, хочу задать вам пару вопросов. Скажите, кто должен унаследовать титул и состояние в случае вашей смерти и смерти вашей матери?

— Вероятно, Роли Вэйсаур. Его мать была маминой двоюродной сестрой.

Мистер Саттертуэйт кивнул.

— Он, кажется, часто гостил у вас этой зимой,— мягко сказал он.— Простите, что я спрашиваю, но... он не влюблен в вас?

— Три недели назад он сделал мне предложение,— тихо ответила Марджери.— Я ему отказала.

— Еще раз простите: а вы ни с кем другим не помолвлены?

Девушка зарделась.

— Да, помолвлена! — вызывающе сказала она.— Я собираюсь выйти замуж за Ноэля Бартона. Мама, правда, считает это блажью: ей, видите ли, кажется, что муж-священник — это смешно! А что тут смешного? Священники бывают разные. Посмотрели бы вы на Ноэля, когда он скачет верхом!

— Да-да,— сказал мистер Саттертуэйт.— Да, конечно.

Дворецкий подал телеграмму на подносе. Марджери ее вскрыла.

— О Господи,— вздохнула она.— Завтра приезжает мама. Только ее тут не хватало!..

Мистер Саттертуэйт оставил это излияние дочерних чувств без комментария. Возможно, оно показалось ему вполне естественным.

— Ну что ж,— пробормотал он.— В таком случае я возвращаюсь в Лондон.

Мистер Саттертуэйт был не совсем доволен собой. Загадка-то так и осталась неразрешенной. Конечно, по возвращении леди Стренли он вправе был считать свою миссию законченной, но ведь тайна Эбботс-Мид этим не исчерпывалась! В последнем он нисколько не сомневался.

Однако далее дела неожиданно приняли такой серьезный оборот, к какому мистер Саттертуэйт отнюдь не был готов. О развитии событий он узнал из утренних газет «Баронесса утонула в собственной ванне!» — извещала «Дейли Мегафон». Остальные газеты, хотя и в несколько более деликатной и сдержанной форме, писали о том же: леди Стренли нашли мертвой в ванне. Доктора полагают, что она неожиданно потеряла сознание, в результате чего ее голова соскользнула под воду и она захлебнулась.

Мистера Саттертуэйта такое объяснение не удовлетворило. Вызвав слугу, он совершил свой туалет с непривычной для себя торопливостью, и уже через десять минут его шикарный «роллс-ройс» увозил его из Лондона.

Однако, как ни странно, направлялся он не в Эбботс-Мид, а в находящуюся милях в пятнадцати от него маленькую гостиницу с несколько непривычным названием «Наряд Арлекина». По прибытии мистер Саттертуэйт с огромным облегчением узнал, что мистер Арли Кин еще здесь, и через минуту он уже стоял перед своим другом.

Схватив мистера Кина за руку, он взволнованно заговорил:

— Я в отчаянии. Вы должны мне помочь! Я боюсь, что уже слишком поздно и что следующей жертвой может оказаться эта славная девушка. Поверьте, она действительно очень славная!

— Может, объясните сперва, в чем дело? — улыбаясь, спросил мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт укоризненно взглянул на него.

— Как будто вы сами не знаете, в чем дело! Я абсолютно уверен, что знаете! Ну что ж, извольте.

Он подробно описал свою поездку в Эбботс-Мид и, как всегда в присутствии мистера Кина, получил немалое удовольствие от собственного красноречия. Живописал он ярко и выразительно, в деталях был точен до педантичности.

— Вы же видите, этому надо найти какое-то объяснение. — закончил он и устремил на мистера Кина взгляд, исполненный собачьей преданности.

— Эту задачу все равно придется решать вам, а не мне, —

сказал мистер Кин.— Потому что я этих людей не знаю, а вы знаете.

— Да, сестер Баррон я знал еще сорок лет назад.— с гордостью сообщил мистер Саттертуэйт.

Собеседник кивал так участливо, что он совсем расчувствовался и мечтательно продолжал:

— Помню, как мы смеялись в Брайтоне¹ над этой глупой шуткой: «Пербенутти-Перевернутти». Боже мой, как же я был тогда молод! Столько делал глупостей! Помню, с ними приехала девушка-служанка. Ее звали Элис, такая была милая наивная малышка... Как-то я поцеловал ее в гостиничном коридоре, и одна из сестер чуть меня не застала за этим. Да, как же давно это было!..

Он снова покачал головой, вздохнул и перевел взгляд на мистера Кина.

— Так вы мне не поможете? — жалобно спросил он.— До сих пор...

— До сих пор вам все удавалось только благодаря вашим же собственным усилиям,— возразил мистер Кин.— Думаю, так будет и на этот раз. На вашем месте я бы немедленно отправлялся в Эбботс-Мид.

— Да, конечно,— сказал мистер Саттертуэйт.— Честно говоря, я так и собирался сделать. Вижу, мне не удастся уговорить вас поехать со мной?

Мистер Кин покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Я уже закончил здесь все свои дела и вот-вот уезжаю.

В Эбботс-Мид мистера Саттертуэйта сразу же провели к Марджери Гейл. Марджери, с сухими глазами, сидела в утренней гостиной за столом, заваленным бумагами. По тому, как она с ним поздоровалась, мистер Саттертуэйт понял, что она ему рада, и очень растрогался.

— Только что уехали Роли с Марсией. Мистер Саттертуэйт, все было совсем не так, как думают врачи! Я совершенно, абсолютно убеждена, что ее насильно держали под водой. Ее убили! И тот, кто убил ее, хочет расправиться и со мной. Я нисколько в этом не сомневаюсь. Поэтому.— Она кивнула на лежащую перед ней бумагу.— Я составила завещание,— пояснила она.— Значительные суммы и кое-какая недвижимость не наследуется вместе с титулом, к тому же у меня есть еще и отцовский капитал. Все, что возмож-

¹ Брайтон — фешенебельный приморский курорт в графстве Суссекс на юго-востоке Англии

но, я завещаю Ноэлю. Я уверена, что он распорядится деньгами как надо. Роли же я не доверяю: он живет только ради удовольствий. Вы подпишетесь в качестве свидетеля?

— Но, видите ли,— начал мистер Саттертуэйт,— такой документ следует подписывать в присутствии двух свидетелей, причем они должны ставить свои подписи одновременно с вами...

Однако Марджери эти мелочи показались не стоящими внимания.

— Какая разница! — сказала она. — Клейтон видела, как я подписывала бумагу, а после меня подписалась сама. Я как раз собиралась звонить, чтобы ко мне прислали дворцкого, но тут явились вы.

Мистер Саттертуэйт не нашелся, что возразить. Он отвинтил колпачок своей авторучки и уже собирался начертать внизу своей автограф, как вдруг замер, не донеся пера до бумаги. Имя, написанное строкой выше, вышло в нем какое-то смутное беспокойство: Элис Клейтон.

Он силился вспомнить: Элис Клейтон — с этим именем что-то связано... Что-то, имеющее отношение к мистеру Кину... Вернее, к тому, что он сам недавно рассказывал мистеру Кину.

Вспомнил! Элис Клейтон — так звали ту малышку, служанку сестер Баррон. Малышку?.. Люди с годами меняются, но не до такой же степени! К тому же у той Элис были карие глаза... Комната как-то странно покачнулась, закружилась, мистер Саттертуэйт нащупал стул, и откуда-то, словно издали, раздался взволнованный голос Марджери: «Что с вами? Вам дурно? Ах, Господи, вы больны!..»

Но он уже пришел в себя и, взяв ее за руку, заговорил:

— Милая, теперь мне все ясно. Приготовьтесь услышать поразительную весть. Та, кого вы называете Клейтон, вовсе не Клейтон. Настоящая Элис Клейтон утонула вместе с «Уралией».

Марджери в оцепенении глядела на мистера Саттертуэйта.

— Но... кто же она тогда?

— Думаю, ошибки быть не может. Женщина, которую вы называете Клейтон,— сестра вашей матери, Беатриса Баррон. Помните, вы как-то упомянули, что балка ударила ее по голове? Вероятно, в результате сотрясения она потеряла память, и вот ваша матушка, усмотрев в этом удобную возможность...

— То есть возможность присвоить себе титул? — с горе-

чью переспросила Марджери.— Да, она бы не упустила такого случая. Наверное, нехорошо так говорить о покойной, но такой уж она была человек.

— Из двух сестер Беатриса была старшая,— продолжал мистер Саттертуэйт.— После кончины вашего дяди она должна была унаследовать все, а Барбара ничего. И тогда ваша мать решила объявить раненую девушку своей служанкой, а не сестрой. Позже девушка поправилась и, естественно, поверила, что она Элис Клейтон, служанка. Лишь недавно ее память, вероятно, начала восстанавливаться, но тот удар по голове и проведенные в беспамятстве годы все же не прошли даром: рассудок ее поврежден.

Марджери смотрела на него полными ужаса глазами.

— Она убила маму... И хочет убить меня!..— еле слышно выдохнула она.

— По всей вероятности, это так,— сказал мистер Саттертуэйт.— В ее помраченном сознании живет лишь одна мысль — что у нее украли наследство, что вы и ваша мать отняли у нее то, что по праву принадлежит ей.

— Но... Но Клейтон же старуха!

С минуту мистер Саттертуэйт ничего не отвечал. Перед ним проплывали видения. Седая бесцветная старуха. . Сияющая златовласая красавица в лучах каннского солнца... И это — сестры? Возможно ли? Он вспомнил сестер Баррон: они были так похожи друг на друга! И вот, только из-за того, что судьба их сложилась по-разному...

Он тряхнул головой, вновь поражаясь тому, как удивительна и непостижима бывает порой жизнь.

Обернувшись к Марджери, он тихо проговорил:

— Нам, вероятно, следует подняться к ней.

Они нашли Элис Клейтон в ее маленькой швейной мастерской. Она не повернула к вошедшим головы — и скоро стало понятно почему.

— Сердце сдало,— пробормотал мистер Саттертуэйт, трогая окоченевшее плечо.— Что ж, наверное, это к лучшему.

Глава 8

Лицо Елены

1

Мистер Саттертуэйт приехал в оперу. Он сидел один в просторной ложе первого яруса, на двери которой помещалась табличка с его фамилией. Мистер Саттертуэйт, знаток и почитатель искусств, превыше всего ценил музы-

ку и имел обыкновение ежегодно на весь сезон — по вторникам и пятницам — арендовать ложе в Ковент-Гардене¹.

Ему, однако, редко приходилось сидеть в ней одному. Будучи человеком общительным, он любил окружать себя людьми из высшего общества, к которому принадлежал, или же аристократами от мира искусства, в котором тоже чувствовал себя как рыба в воде. Сегодня он остался в одиночестве по милости одной знакомой графини. Графиня эта была не только достойная женщина и признанная красавица, но и заботливая мать. Ее дети подхватили всем известную, но от этого не менее неприятную хворь — свинку, и графиня осталась дома, чтобы вздыхать и переживать в обществе накрахмаленных нянек. Супруг же, одаривший ее упомянутыми уже детьми и графским титулом, но в остальном полное ничтожество, воспользовался случаем и почел за счастье улизнуть: музыка всегда наводила на него смертную тоску.

Итак, мистер Саттертуэйт был один. Давали «Cavalleria Rusticana»² и «Pagliacci»³ но поскольку «Cavalleria Rusticana» его никогда, не прельщала, он явился к самому занавесу, опустившемуся над смертными муками Сантуццы⁴. И прежде чем публика растеклась по ложам знакомых или отправилась в буфет — оспаривать свои права на лимонад и кофе, он успел навести бинокль на партер, окинуть его опытным взглядом и наметить себе подходящую жертву на ближайший антракт. Вставая с места, он уже имел перед собой четкий план действий. Однако этому плану так и не суждено было осуществиться, так как у выхода из ложи мистер Саттертуэйт натолкнулся на высокого темноволосого человека и, узнав его, издал радостный вопль:

— Мистер Кин!

Он вцепился в руку своего знакомого, словно боясь, что иначе тот запросто растворится в воздухе.

— Вы должны перейти в мою ложу! — категорически заявил мистер Саттертуэйт. — Вы один или с друзьями?

¹ Ковент - Гарден — королевский оперный театр в Лондоне. современное здание которого было построено в 1858 году

² «Сельская честь» (*ит*) — опера итальянского композитора Пьетро Масканьи (1863—1945).

³ «Паяцы» (*ит*) — опера итальянского композитора Руджерио Леонковалло (1857—1919), основоположника оперного веризма, стремящегося к жизненному правдоподобию сценического действия

⁴ Сантуцца — персонаж оперы П.Масканьи «Сельская честь», деревенская девушка, брошенная возлюбленным

— Я один и сижу в партере,— улыбнулся мистер Кин.

— Стало быть, решено! — облегченно вздохнул мистер Саттертуэйт.

Стороннего наблюдателя, если бы таковой случился, его поведение, пожалуй, могло бы позабавить

— Благодарю,— сказал мистер Кин

— Ах, да за что же?! Я так рад встрече с вами! Я и не знал, что вы любите музыку.

— Признаться, у меня есть резон питать особое пристрастие к «Pagliacci».

— Ну конечно,— понимающе закивал мистер Саттертуэйт.— Еще бы вам не питать пристрастия к «Pagliacci»! — Хотя, спроси его, почему, собственно, его друг должен питать пристрастие к «Pagliacci», он вряд ли бы дал вразумительный ответ.

После первого звонка они вернулись в ложу и, наклонившись над барьером, смотрели, как зал постепенно заполняется.

— Взгляните, какая прекрасная головка,— заметил вдруг мистер Саттертуэйт.

Девушка, на которую указывал его бинокль, сидела в партере почти под ними. Лица ее не было видно — только золото гладко зачесанных волос да изгиб шеи.

— Греческая головка! — благоговейно произнес мистер Саттертуэйт.— Классические линии! — Он счастливо вздохнул.— Поразительно, как мало женщин, которых волосы по-настоящему украшают. Сейчас, когда в моду вошли короткие стрижки, это стало еще заметнее.

— Вы наблюдательны,— сказал мистер Кин.

— Да,— согласился мистер Саттертуэйт.— Я умею смотреть и видеть. Эту головку, например, я сразу приметил. Интересно было бы взглянуть на лицо! Впрочем, оно наверняка нас разочарует. Ну, разве что один шанс из тысячи...

Не успел он договорить, как свет стал гаснуть, послышался властный стук палочки о дирижерский пульт, и опера началась. Сегодня пел новый тенор, которого называли «вторым Карузо»¹. Газеты с завидной последовательностью объявляли его то югославом, то чехом, то албанцем, то венгром, то болгаринном. В Альберт-Холле² прошел его кон-

¹ Карузо Энрико (1837—1921) — итальянский оперный певец-тенор

² Альберт-Холл — большой концертный зал в Лондоне, построенный в 1867—1871 годах и названный в честь принца Альберта, мужа королевы Виктории

церт, на котором он исполнял песни своих родных гор. Музыкальный лад этих диковинных песен содержал необычно много полутонов — перед концертом пришлось даже специально перестраивать инструменты — и кто-то из критиков уже окрестил их «чересчур загадочными». Настоящие музыканты, однако, воздерживались от оценок, резонно полагая, что сначала слух должен привыкнуть к новому необычному звучанию. Так или иначе, для многих сегодня было огромным облегчением убедиться, что Йоашбим, как и все, умеет петь на обычном итальянском языке, со всеми положенными чувствительными тремоло¹.

Первый акт закончился, занавес упал, грянули аплодисменты. Мистер Саттертуэйт обернулся к своему другу. Он сознавал, что от него ждут авторитетного суждения, и немного рисовался. В конце концов, как критик он не ошибался почти никогда.

— Несомненный талант,— тихонько кивнув, проговорил он.

— Вы так думаете?

— Голос не хуже, чем у Карузо. Публика не сразу это поймет, поскольку у него пока еще не совсем совершенная техника: иногда он неуверенно начинает, кое-где слишком резко обрывает, но голос — голос потрясающий!

— Я был на его концерте в Альберт-Холле,— заметил мистер Кин.

— Правда? А я вот не выбрался.

— Его «Пастушья песня» произвела настоящий фурор.

— Да, я читал,— сказал мистер Саттертуэйт.— Это та, в которой рефрен² всякий раз обрывается на высочайшей ноте — где-то между ля и си-бемоль? Любопытно!

Йоашбим еще трижды выходил на аплодисменты и с улыбкой раскланивался. Наконец зажегся свет, и зрители потянулись из зала. Мистер Саттертуэйт придвинулся поближе к барьеру, чтобы еще раз взглянуть на девушку с золотыми волосами. Девушка встала, поправила шарфик и обернулась...

У мистера Саттертуэйта вдруг перехватило дыхание. Он знал, что на свете бывают лица, удел которых — вершить историю... Пока она со своим спутником пробиралась между

¹ Тремоло (*ит*, *муз*) — дрожание звука, производимого голосом или инструментом

² Рефрен (*фр*) — повторяющийся припев, фраза или строчки, регулярно повторяющиеся в песне или стихотворении

креслами, мужчины оглядывались и уже не могли отвести от нее глаз.

«Вот она, истинная красота,— сказал себе мистер Саттертуэйт.— Не шарм, не обаяние, не притягательность, не все то, о чем мы так любим порассуждать,— а красота! Вот она, чистота линий. Овал лица, изгиб бровей..»

— «Так вот краса, что в путь суда подвига!»¹,— тихонько пробормотал он. Впервые он почувствовал эту строку настоящему.

Мистер Саттертуэйт оглянулся на гостя. Тот следил за ним с выражением такого понимания и сочувствия, что слова, казалось, были излишни.

— Мне всегда хотелось узнать, каковы эти женщины на самом деле,— только и сказал мистер Саттертуэйт.

— Какие женщины?

— Елены², Клеопатры³, Марии Стюарт.⁴

Мистер Кин задумчиво кивнул.

— Пойдемте прогуляемся,— предложил он.— Может, что-нибудь и прояснится.

Выйдя из ложи, они вскоре увидели тех, кого искали, в фойе между двумя лестничными пролетами. Только сейчас мистер Саттертуэйт обратил внимание на темноволосого молодого человека, спутника девушки. Его лицо, хотя и некрасивое, было по-своему замечательно. Заостренные черты, широкие скулы, несколько выдающийся вперед подбородок. В глубоко посаженных, неожиданно светлых глазах под темными нависающими бровями горело страстное нетерпение.

«Какое необычное лицо,— сказал себе мистер Саттертуэйт.— Интересно!..»

¹ Строка из пьесы «Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста» предшественника Шекспира Кристофера Марло (1564—1593) (акт V, сц 1)

² Имеется в виду Елена Прекрасная, в древнегреческой мифологии дочь Зевса и Леды и жена спартанского царя Менелая. Была похищена троянским царевичем Парисом, что послужило поводом к Троянской войне.

³ Клеопатра (60—30 до н.э.) — последняя царица Египта из династии Птолемеев, любовными связями с римскими военачальниками пытаясь спасти Египет от захвата римлянами. Потерпев поражение, покончила жизнь самоубийством.

⁴ Мария Стюарт (1542—1587) — шотландская королева, возглавлявшая католическую оппозицию против церковной Реформации и против признания королевой Англии Елизаветы Тюдор. Была предана суду и казнена.

Молодой человек сидел наклонясь вперед и что-то оживленно говорил, девушка слушала. Оба явно не принадлежали к тому кругу, в котором мистер Саттертуэйт привык вращаться: скорее их можно было отнести к лондонской богеме. На девушке был какой-то бесформенный балахон из дешевого зеленого шелка, на ногах белые атласные туфельки, уже довольно стоптанные. Молодой человек держался так, словно вечерний костюм его стеснял.

Мистер Саттертуэйт с мистером Кином успели несколько раз продефилировать мимо сидящих. Когда они возвращались к ним по четвертому заходу, к тем двоим присоединился еще один собеседник — тоже молодой, но блондин, по виду обыкновенный клерк. Его появление, по-видимому, вызвало некоторую неловкость. Сам он без конца поправлял галстук и явно чувствовал себя не в своей тарелке, прекрасное лицо девушки сделалось вдруг чрезмерно серьезным, а ее-спутник бросал на непрошеного гостя свирепые взгляды.

— Обычная история, — вполголоса заметил мистер Кин, когда они снова прошли мимо.

— Да, — со вздохом согласился мистер Саттертуэйт. — Готовы сцепиться, словно собаки за кость. Что ж, вероятно, это неизбежно! Так было во все времена, и так будет. А жаль! Ведь красота...

— Он умолк. Красота для мистера Саттертуэита всегда была непостижимым чудом, но говорить сейчас об этом чуде он не мог. Он поднял глаза на мистера Кина, и тот без тени иронии кивнул в ответ.

И они отправились на свои места. Начался второй акт. Когда занавес упал в последний раз, мистер Саттертуэйт оживленно повернулся к своему другу.

— Сегодня сыровато, правда? Я на машине. Позвольте вас, гм-м. . куда-нибудь подвезти.

В этом трогательном «куда-нибудь» проявилась природная деликатность мистера Саттертуэита. Предложи он подвезти мистера Кина «домой», тот, пожалуй, мог бы заподозрить в нем излишнее любопытство: ведь сам он ни о себе, ни о своем доме никогда ничего не рассказывал. Просто поразительно, как мало мистер Саттертуэйт о нем знал!

— Но, может быть, вы тоже на машине? — тактично предположил он.

— Нет, — сказал мистер Кин — Я не на машине.

— Ну, тогда...

Но мистер Кин покачал головой.

— Благодарю вас,— сказал он,— но я предпочитаю добираться самостоятельно. К тому же,— добавил он, загадочно улыбнувшись,— случись что, действовать ведь придется вам, а не мне. Еще раз спасибо — и доброй ночи! Как видите, опять нам с вами пришлось вместе смотреть драму.

Он так быстро ушел, что мистер Саттертуэйт не успел ничего возразить, но в душе почтенного джентльмена зародилось смутное беспокойство. Что за драму имел в виду мистер Кин? «Pagliacci»? Или... другую?

Мастерс, шофер мистера Саттертуэйта, обычно поджидал хозяина на одной из близлежащих улиц: мистер Саттертуэйт не любил ждать, пока рассосется толпа перед театром. И сегодня он, как всегда, свернул за угол и быстро пошел в ту сторону, где должна была стоять его машина. Впереди него шли мужчина с девушкой — мистер Саттертуэйт узнал их без труда... Неожиданно рядом с ними появился третий.

Все произошло в одну минуту. Разгневанный мужской голос. Другой голос — оскорбленный, протестующий. И — драка. Удары, тяжелое прерывистое дыхание, опять удары, величественная фигура полицейского, возникшего невесте откуда... Мистер Саттертуэйт быстро догнал девушку, в испуге прижавшуюся к стене.

— Разрешите,— сказал он.— Вам не следует здесь оставаться.

Взяв девушку под руку, он быстро повел ее по улице. Уходя, она оглянулась.

— Может, мне лучше...— неуверенно начала она.

Мистер Саттертуэйт покачал головой.

— Не нужно вмешиваться, это может оказаться для вас весьма неприятным испытанием. Вас, вероятно, попросят проследовать вместе с ними в полицейский участок. Думаю, ни один из ваших... друзей не хотел бы этого.

Он остановился:

— Вот моя машина. Если позволите, я с удовольствием отвезу вас домой.

Какое-то время девушка колебалась, испытующе глядя на мистера Саттертуэйта, но несомненная респектабельность немолодого джентльмена ее убедила.

— Благодарю вас,— сказала она, садясь в машину.

Мастерс придержал перед нею дверцу.

Выснлив, куда ехать,— девушка назвала адрес в Челси¹,— мистер Саттертуэйт сел рядом с нею на заднем сиденье.

¹ Челси — район в западной части Лондона, излюбленный художниками и писателями

Видя, что девушка погружена в себя и не очень расположена к беседе, он тактично молчал — он вообще не любил навязываться. Вскоре, однако, она повернулась к нему и заговорила сама.

— И зачем люди делают столько глупостей! — произнесла она в сердцах.

— Да, бывает,— согласился мистер Саттертуэйт.

Его невозмутимость помогла девушке прийти в себя. Ей, видимо, очень нужно было выговориться, и она продолжала:

— Я ведь совсем этого не хотела... Ну вот, послушайте, как получилось. Мы с мистером Истни давно уже дружим — с самого моего приезда в Лондон. Он ужасно много времени и сил посвятил моему голосу, кое с кем меня познакомил и вообще столько для меня сделал, что, ей-богу, всего и не перечесать. Музыку он просто обожает! Я так ему благодарна за то, что он пригласил меня сегодня в оперу,— я ведь понимаю, что для него это весьма ощутимые расходы. А потом к нам подошел мистер Бернс и заговорил. Ей-богу же, он ничего такого не сказал, но Фил — ну, то есть мистер Истни — вдруг весь как будто ошетинился. И что он так на него взъелся — ума не приложу! В конце концов, у нас же тут свободная страна! А мистер Бернс вообще всегда со всеми вежлив! . А после, когда мы уже шли к подземке, он опять нас догнал и хотел пойти с нами, но не успел и двух слов сказать, как Филипп вдруг ни с того ни с сего набросился на него с кулаками . Ах, как мне все это неприятно!

— Правда? — с невинным видом спросил мистер Саттертуэйт.

Девушка смутилась, но не сильно. По всей видимости, она не была закоренелой кокеткой. Некое приятное волнение оттого, что из-за нее дерутся мужчины, ей, конечно, не чуждо, размышлял мистер Саттертуэйт, и это вполне естественно — однако досада и беспокойство, кажется, тоже несомненно имеют место. Ситуация прояснилась в следующую минуту, когда, без видимой связи с предыдущим, она вдруг сказала:

— Надеюсь, он не сделал ему слишком больно.

«Интересно,— улыбаясь в темноте, подумал мистер Саттертуэйт,— кто «он» и кому «ему»?»

Желая проверить собственные догадки, он уточнил:

— Простите, вы надеетесь, что мистер... Истни не сделал слишком больно мистеру Бернсу?

Она кивнула.

— Ну да. Господи, какой кошмар! Хоть бы узнать, чем там у них кончилось!..

Машина подъехала к ее дому.

— У вас есть телефон? — спросил он.

— Да.

— Если хотите, я могу все выяснить, а потом вам позвоню.

Лицо девушки прояснилось.

— Ах, как хорошо! Вы так добры!.. Если только это вас не очень затруднит...

— О, несколько!

Еще раз его поблагодарив, девушка назвала свой номер.

— Меня зовут Джиллиан Уэст,— чуть стесняясь, добавила она.

Пока мистер Саттертуэйт, облеченный новым поручением, ехал по ночному Лондону, на губах его играла загадочная улыбка.

«Да, вот вам и «овал лица, изгиб бровей»,— думал он про себя.

Однако обещание свое он выполнил.

2

В следующее воскресенье после обеда мистер Саттертуэйт отправился в Кью-Гарденс¹ «на рододендроны»². Однажды, давным-давно (бесконечно давно, как казалась ему самому), он с одной молодой особой приехал в Кью-Гарденс «на колокольчики»³. Накануне он очень тщательно продумал, как, какими словами он будет просить означенную молодую особу стать его женой. Но в тот самый момент, когда он в сотый раз мысленно повторял эти самые слова и, вследствие этого, несколько рассеянно отвечал на восклицания спутницы по поведению цветущих колокольчиков, случилось нечто непредвиденное. Молодая особа вдруг прервала свои ботанические восторги и призналась мистеру Саттертуэйту — как истинному другу — в своей любви к другому! Мистеру Саттертуэйту пришлось спешно отложить

¹ Кью-Гарденс — большой ботанический сад в западной части Лондона, основанный в 1859 году.

² Рододендрон — альпийская роза, вечнозеленый кустарник из семейства вересковых с белыми или красными цветами, растущий в горных местностях или разводимый как декоративное растение

отрепетированную речь и выудить из глубин собственной души самое искреннее и бескорыстное участие.

Так и закончился роман мистера Саттертуэйта — маленький скромный роман начала викторианской эпохи. Однако в душе мистера Саттертуэйта навсегда осталась сентиментальная привязанность к Кью-Гарденс, и он часто навещался сюда взглянуть на колокольчики или — если задерживался за границей дольше обычного — на рододендроны, и грустил, и вздыхал про себя, и, несмотря на старомодность всех своих переживаний, бывал по-настоящему счастлив.

Сегодня он уже возвращался к воротам сада, когда за одним из столиков, расставленных на лужайке возле закуской, увидел Джиллиан Уэст в компании уже знакомого блондина. Они тоже его узнали. Девушка вспыхнула и, обернувшись к своему спутнику, оживленно о чем-то заговорила. Через минуту мистер Саттертуэйт, сдержанно здороваясь с молодыми людьми за руку, уже принимал скромное приглашение посидеть с ними за чашкой чаю.

— Не могу передать, сэр, как я вам благодарен за то, что вы в тот вечер позаботились о Джиллиан, — говорил мистер Бернс — Она мне все рассказала.

— Да-да, это правда, — кивала девушка. — Вы были так добры!

Мистер Саттертуэйт слушал их с удовольствием. Ему нравилась наивная искренность молодых людей. К тому же, общаясь с ними, он мог как бы заглянуть в новый для себя мир: ведь эти двое открывали ему прежде малознакомый слой общества.

Мистер Саттертуэйт, несмотря на присущую ему сдержанность, умел расположить людей к себе — и вскоре он уже выслушивал историю своих новых друзей. Он заметил, что мистер Бернс по ходу разговора превратился в Чарли, и не очень удивился, узнав, что Чарли с Джиллиан помолвлены.

— Вообще-то, — в новом порыве откровенности признался мистер Бернс, — мы помолвлены только с сегодняшнего дня. Да, Джил?

Бернс работал клерком в какой-то судоходной компании. Он получал приличное жалованье, плюс кое-какие собственные сбережения — так что тянуть со свадьбой не было необходимости.

Мистер Саттертуэйт, кивая, все выслушал и поздравил жениха и невесту.

«Вполне заурядный молодой человек,— подумал он про себя.— Ничего выдающегося. Хороший, честный парень, и в нем много положительных качеств: знает себе цену, но не задается, хорош собою, но не чрезмерно... Конечно, ничего из ряда вон выходящего он никогда не совершит — однако она его, кажется, любит...»

Вслух он произнес:

— А мистер Истни?

Он умолк, но и сказанного оказалось достаточно, чтобы последовала реакция, в целом его не удивившая. Чарли Бернс заметно потемнел лицом, Джиллиан казалась обеспокоенной. Не просто обеспокоенной, подумал он. Пожалуй, даже напуганной.

— Не нравится мне все это,— тихо произнесла девушка. Говоря, она обращалась к мистеру Саттертуэйту, словно чувствуя инстинктивно, что он способен понять переживания, недоступные ее возлюбленному.— Знаете, он ведь так много для меня сделал. Уговорил меня заняться пением, во всем помогал... Я, правда, с самого начала понимала, что голос у меня не бог весть какой. Нет, конечно, кое-какие предложения у меня были...

Она замолчала.

— А также кое-какие неприятности! — закончил за нее Бернс.— Всякой девушке нужно, чтобы о ней кто-то заботился — иначе ее ждут неприятности! У Джиллиан, мистер Саттертуэйт, их было уже много, я бы сказал, даже слишком много! Вы же видите, какая она красавица,— а для девушки это всегда чревато неприятностями...

Постепенно мистер Саттертуэйт уяснил, какого рода «неприятности» имелись при этом в виду. Самоубийство некоего молодого человека (который застрелился из пистолета), необычное поведение управляющего банком (женатого, к слову сказать, человека!), неистовые страсти какого-то незнакомца (этот, по-видимому, просто спятил), безумства старого художника...— Бесстрастным, будничным тоном Чарльз Бернс повествовал о том, какой яркий трагический след оставляла за собою Джиллиан Уэст.

— По-моему,— закончил он,— этот Истни тоже немножко ненормальный. Кто знает, может, не появившись я вовремя, у Джиллиан и с ним бы возникли проблемы?

Он рассмеялся, но смех этот показался мистеру Саттертуэйту несколько натянутым и не вызвал ответной улыбки на лице девушки. Она серьезно смотрела на мистера Саттертуэйта.

— Нет, Фил совсем не такой,— раздумчиво сказала она.— Я знаю, он меня любит, я и сама его люблю — но как друга, не более. Просто не могу представить, что с ним будет, когда он узнает про нас с Чарли! Он... Я боюсь, что он...

Она умолкла, так и не сумев выразить своих опасений.

— Если вам понадобится моя помощь,— сказал мистер Саттертуэйт,— можете на меня рассчитывать.

Ему показалось, что Чарли Бернсу его предложение пришлось не по вкусу, но Джиллиан, не задумываясь, ответила: «Спасибо».

И, пообещав в следующий четверг зайти к девушке на чай, мистер Саттертуэйт распрощался со своими новыми друзьями.

Когда четверг наступил, мистер Саттертуэйт еще с утра почувствовал легкий трепет от предвкушения приятной встречи. «Я стар,— думал он,— но не настолько, чтобы не трепетать при виде такой красоты. Да, такой красоты...» И он тряхнул головой, отгоняя дурные предчувствия.

Джиллиан оказалась одна: Чарли Бернс должен был подойти позже. «Она выглядит счастливее,— подумал мистер Саттертуэйт,— будто камень с души сбросила». Да она и сама в этом призналась.

— Знаете, я так боялась сообщить Филу о нашей помолвке — и совершенно напрасно! Фил оказался гораздо лучше, чем я о нем думала. Он, конечно, был огорчен, услышав новость, но все равно повел себя как настоящий друг. Да, друг! Посмотрите, что он прислал мне сегодня утром! Это к свадьбе. Роскошный подарок, правда?

Да, для молодого человека, находящегося в стесненных обстоятельствах, подарок был действительно роскошный — четырехламповый радиоприемник самого последнего образца.

— Мы оба любим музыку,— объяснила девушка,— и Фил сказал, что теперь, слушая музыкальные передачи, я буду о нем вспоминать. Ну конечно же, буду! Мы ведь так с ним дружили...

— Вы можете гордиться своим другом,— мягко сказал мистер Саттертуэйт.— По-моему, он принял удар как настоящий мужчина.

Джиллиан кивнула, и на глаза ее, кажется, навернулись слезы.

— Он кое о чем меня попросил. Сегодня годовщина нашей с ним первой встречи, и он хочет, чтобы я вечером никуда не ходила с Чарли, а просто осталась бы дома и послушала музыку. Я была так тронута — и сказала, что, конечно, останусь и буду думать о нем с любовью и благодарностью.

Мистер Саттертуэйт кивнул, хотя и несколько озадаченно. Он редко ошибался в людях — а глядя на Филипа Истни, он ни за что бы не подумал, что тот окажется способным на подобные сантименты. Однако девушку эта просьба отверженного возлюбленного, видимо, ничуть не удивила. Мистер Саттертуэйт почувствовал некоторое разочарование. Он, правда, и сам был отчасти сентиментален, но от остального мира ждал большего прагматизма. К тому же сентиментальность была атрибутом его века, теперь же, по его мнению, время ее прошло.

Он попросил Джиллиан спеть, и она не стала отказываться. Дослушав, он сказал, что у нее прекрасный голос — хотя, честно говоря, ему сразу стало ясно, что голос у нее самый что ни на есть заурядный. Возможно, она и добилась бы каких-нибудь успехов на избранной стезе, но только не благодаря своему голосу.

Мистер Саттертуэйт не особенно жаждал видеть мистера Бернса, а потому вскоре захотел уйти. Тут его внимание привлек кубок на камине, который выделялся среди прочих дешевых безделушек, как бриллиант в мусорной куче.

Это был витой кубок тонкого зеленого стекла на длинной изящной ножке, на самом краешке которого повис как бы огромный мыльный пузырь — радужный переливающийся стеклянный шар.

— Это тоже свадебный подарок от Фила, — заметив интерес гостя, пояснила Джиллиан. — По-моему, очень милая вещица. Он работает на какой-то стеклодувной фабрике.

— Превосходная вещь, — с уважением сказал мистер Саттертуэйт — Такой работой могли бы гордиться даже муранские¹ стеклодувы.

Он ушел, чувствуя, как в нем вновь пробуждается интерес к Филипу Истни. Очень, очень необычный молодой

¹ Мурано — остров вблизи Венеции, где с XIII века производилось знаменитое венецианское стекло — сосуды, изящные бокалы, статуэтки и т. п.

человек! И тем не менее, девушка с прекрасным лицом предпочла ему Чарли Бернса. Как все-таки странен и непостижим этот мир!

По дороге мистеру Саттертуэйту пришло в голову, что, вероятно, благодаря удивительной красоте Джиллиан Уэст последняя встреча с мистером Кином обошлась, как ни странно, без последствий. До сих пор каждое появление этого загадочного господина неизменно влекло за собой что-нибудь странное и неожиданное. И, быть может, в надежде разыскать своего неуловимого друга мистер Саттертуэйт свернул в сторону «Арлекино» — небольшого ресторанчика, в котором он однажды встретил мистера Кина и куда мистер Кин, по его собственным словам, часто заглядывал.

В «Арлекино» мистер Саттертуэйт, озираясь, переходил из зала в зал, но ни в одном из них не заметил смуглого улыбающегося лица мистера Кина. Зато он встретил здесь другое знакомое ему лицо — в одном из залов за маленьким столиком сидел Филип Истни.

В ресторанчике было довольнолюдно, и мистер Саттертуэйт решил подсесть к молодому человеку. Он вдруг почувствовал странное возбуждение, словно его захватило как нитку и он втягивается в пестрый узор событий. И вот он уже вплетен в эту пока неведомую ткань. Теперь понятно, что за драму имел тогда в виду мистер Кин!.. Да, драма уже началась, и не последняя роль в ней отведена ему, мистеру Саттертуэйту. Надо только не прозевать свой выход и не перепутать реплики.

Он сел за столик едва ли не с сознанием, что исполняет свой долг. Разговорить Истни оказалось делом нетрудным — тот, видимо, и сам был рад случайному собеседнику. А мистер Саттертуэйт, как всегда, выступал в роли благодарного и внимательного слушателя. Разговор зашел о войне, о взрывчатых веществах и ядах — в последних, как выяснилось, Истни неплохо разбирался, поскольку большую часть войны был занят в производстве отравляющих газов.

Мистер Саттертуэйт слушал с интересом.

Кстати, сообщил Истни, один газ во время войны так и не успели испытать — слишком скоро наступило Перемирие. А на него как раз возлагались самые большие надежды: один-единственный вдох его уже смертелен!.. Молодой человек все больше увлекался собственным рассказом.

Дальше мистер Саттертуэйт свернул разговор к музы-

ке. Худошавое лицо Истни оживилось. Он заговорил свободно и взволнованно, как истинный ценитель. Об исполнении Йоашбима молодой человек отзывался с восторгом, и оба они с мистерам Саттертуэйтом сошлись на том, что нет и не может быть ничего прекраснее настоящего тенора. Истни еще мальчиком слышал Карузо, и это детское впечатление осталось на всю жизнь.

— А вы знаете, что от его голоса лопались бокалы? — спросил он.

— Я всегда полагал, что это выдумки, — улыбнулся мистер Саттертуэйт.

— О нет, я уверен, что это чистая правда! Тут нет ничего невозможного. Все дело в резонансе.

И он принялся разъяснять техническую сторону вопроса. Глаза и щеки его загорелись. Вероятно, предмет разговора волновал его и, насколько мистер Саттертуэйт мог судить, был ему хорошо знаком. Постепенно почтенный джентльмен начал осознавать, что говорит с человеком выдающегося интеллекта, человеком исключительным — возможно, гением. Он пока еще колеблется, решает, по какому руслу пустить свои блестящие способности, — но то, что это гений, сомнению не подлежит.

Мистер Саттертуэйт вспомнил Чарли Бернса и снова поразился выбору Джиллиан Уэст.

К своему удивлению, он вдруг обнаружил, что уже очень поздно, и потребовал счет. Истни поглядывал на него немного виновато.

— Простите, совсем вас заболтал, — сказал он. — Я так рад, что мы случайно оказались за одним столиком. Знаете, мне очень нужно было с кем-нибудь поговорить, — сказал он с каким-то странным смешком.

В нем еще не погасло оживление от разговора, но во всем его облике проглядывало что-то трагическое.

— Было чрезвычайно интересно с вами побеседовать, — сказал мистер Саттертуэйт. — Я узнал много нового для себя.

И, церемонно раскланявшись, он вышел из рестораника. Ночь была темная, и он шел не спеша. Но постепенно у него возникло странное ощущение: ему казалось, что он не один, что кто-то идет с ним рядом. Напрасно он внушал себе, что это самообман, что такого не может быть — наваждение не проходило. Кто-то шел рядом с ним по темной тихой улочке, кто-то, кого видеть он не мог... Почему, почему образ мистера Кина снова маячит перед ним? Зачем его молчаливый друг идет рядом, не отставая ни на

шаг, — хотя стоит лишь скосить глаза, чтобы убедиться, что там никого нет?

К этому назойливому ощущению примешивалось еще одно — тягостное предчувствие беды. Что-то необходимо сделать, и немедленно! Случилось что-то неладное, но мистер Саттертуэйт пока еще властен все исправить...

Ощущение было настолько сильно, что мистер Саттертуэйт даже не пытался ему противостоять. Вместе этого он закрыл глаза и попробовал приблизить к себе образ мистера Кина. Ах, если бы он только мог задать мистеру Кину хоть один вопрос! Но, едва подумав, он уже знал, что это бессмысленно. Что толку задавать мистеру Кину вопросы? «Все нити в ваших руках», — вот что ответил бы ему мистер Кин.

Нити... А какие, собственно, нити? Он принялся распутывать клубок собственных ощущений. Вот, к примеру, предчувствие опасности. Кому грозит эта опасность?

Тут же перед его глазами всплыла четкая картина: Джиллиан Уэст, одна, сидит у радиоприемника в своей комнате.

Сунув монетку проходящему торговцу газетами, мистер Саттертуэйт выхватил свежий номер и отыскал в нем программу Лондонского радио. Ага, стало быть, сегодня по радио концерт Йоашбима: сначала «Salve Dimora»¹ из «Фауста», потом подборка народных песен — «Пастушья песня», «Рыбка», «Олененок» и так далее.

Мистер Саттертуэйт скомкал газету. Теперь, зная, что именно слушает Джиллиан, он как будто яснее представлял себе всю картину. У радиоприемника, одна...

Какая странная просьба! И как она не вяжется с образом Филипа Истни! Ведь в нем нет ни капли сентиментальности. Он человек страстный, горячий, быть может, даже опасный...

Стоп! Опасный — для кого? «Все нити в ваших руках...» Как странно, что именно сегодня он встретил Филипа Истни. Случайно, сказал Истни. Случайно ли? Или же их встреча — лишь часть общего замысла, который уже приоткрывался сегодня мистеру Саттертуэйту?

Он начал продумывать все сначала. Должна быть какая-то зацепка в том, что говорил Истни. Должна быть — иначе откуда это неотвязное чувство, что нужно срочно

¹ Имеется в виду ария Фауста «Привет тебе приют невинный» из 3-го акта оперы «Фауст» французского композитора Шарля Гуно (1818—1893)

что-то предпринять? О чем они говорили? О пении, о войне, о Карузо.

«Карузо.— Мысль мистера Саттертуэйта неожиданно устремилась в другом направлении.— Голос у Йоашбима почти как у Карузо. И Джиллиан сидит сейчас у радиоприемника и слушает, как этот мощный голос разносится по комнате, заставляя дребезжать бокалы...»

У него перехватило дыхание. Да-да, бокалы! Когда Карузо пел, от его голоса лопались бокалы! Он вдруг внезапно представил себе, как Йоашбим поет в Лондонской студии, а в небольшой комнатке в миле от нее лопаются — нет, не бокал, а тончайший кубок из зеленого стекла... От него отделяется и падает на пол хрупкий радужный шар, похожий на мыльный пузырь — возможно, не пустой...

И тут мистер Саттертуэйт, по разумению нескольких случайных прохожих, вдруг лишился рассудка. Он рывком расправил скомканную газету и, едва взглянув на программу передач, сломя голову помчался по тихой улочке. Добежав до угла, он поравнялся с тащившимся вдоль обочины такси, с разбегу прыгнул в машину и выкрикнул адрес, по которому водитель должен доставить его — вопрос жизни и смерти — немедленно!.. Водитель, рассудив, что пассажир хоть и не в своем уме, но, видно, при деньгах, нажал на газ.

Мистер Саттертуэйт откинулся на сиденье. В голове его перепутались обрывки каких-то мыслей, забытые сведения из школьной физики, фразы из сегодняшнего разговора с Истни. Резонанс... Периоды собственных колебаний... Если период вынужденных колебаний совпадает с собственным периодом... Что-то насчет подвесного моста, по которому маршируют солдаты, и вызванные их шагами колебания совпадают с колебаниями моста... Истни всем этим занимался. Истни знает. Истни гений.

Концерт Йоашбима должен начаться в 22.45 — то есть сейчас. Но в программе значится сначала «Фауст», а потом уже «Пастушья песня» с мощной трелью в конце рефрена, от которого... От которого что?

Тон, полутон, оберто¹. У него снова закружилась голова. Он ничего в этом не смыслит — зато смыслит Истни. Господи, только бы успеть!..

Такси остановилось. Мистер Саттертуэйт выскочил из

¹ Обертон (нем; муз) — сопровождающий основной тон более высокий звук, от которого зависит тембр получающегося звука

машины и с прытью молодого атлета взлетел по каменной лестнице на третий этаж. Квартира оказалась незаперта, и мистер Саттертуэйт толчком распахнул дверь. Его приветствовал голос великого тенора. Текст мистер Саттертуэйт помнил, он слышал «Пастушью песню» раньше — правда, в более традиционном исполнении.

«Эй, пастух, что конь твой шибко так идет?..»

Значит, успел! Он ворвался в гостиную. Джиллиан сидела в высоком кресле у камина.

«Байра Миша дочку замуж отдает
— Я скачу на свадьбу поскорей...»

Кажется, она приняла его за сумасшедшего. Он схватил ее за руку и, крикнув что-то нечленораздельное, вытащил, точнее сказать, выволок ее из квартиры на лестничную площадку.

«Я скачу на свадьбу поскорей,
Э-гей!..»

Роскошная верхняя нота прозвучала чисто, сильно, в полный голос — любой исполнитель о таком мог только мечтать. И одновременно с нею раздался еще один звук — нежный звон разбившегося стекла.

В приоткрытую дверь квартиры прошмыгнула бездомная кошка. Джиллиан двинулась было за ней, но мистер Саттертуэйт удержал ее за руку, бормоча при этом что-то не очень вразумительное.

— Нет-нет — это смертельно! Никакого запаха — вы даже ничего не почувствуете. Один вдох — и все конечно... До сих пор точно не изучено, насколько смертоносно его воздействие. Ничего подобного в практике еще не было...

Он повторял слева, слышанные сегодня за ужином от Филипа Истни.

Ничего не понимая, Джиллиан уставилась на него.

Филип Истни проверил время по карманным часам. Половина двенадцатого. Вот уже три четверти часа он выхаживал взад-вперед по набережной. Он взглянул на Темзу и, снова обернувшись, увидел перед собою лицо своего давешнего соседа по ресторанному столику.

— Надо же, — рассмеялся он. — Судьба прямо-таки stalkивает нас сегодня!

— Можете считать это судьбой, если угодно,— сказал мистер Саттертуэйт.

Филип Истни взглянул на него повнимательней, и выражение лица его изменилось.

Что такое? — тихо спросил он.

— Я только что от мисс Уэст,— прямо сказал мистер Саттертуэйт.

— Что такое? — тихо, смертельно тихо повторил тот же голос.

— Мы с ней вынесли из квартиры дохлую кошку.

Некоторое время оба молчали, потом Истни спросил:

— Кто вы?

Настала очередь мистера Саттертуэйта говорить, и он рассказал все от начала до конца.

— Как видите, я успел,— закончил он. Потом, помолчав немного, мягко спросил: — Хотите что-нибудь сказать?

Он ожидал, что сейчас последует взрыв чувств, что начнутся страстные оправдания. Но он ошибся.

— Нет,— тихо сказал Филип Истни и, развернувшись, ушел прочь.

Мистер Саттертуэйт смотрел ему вслед, пока его фигура не скрылась во мраке. Он испытывал невольное уважение к Истни, как художник к художнику, как вечный воздыхатель к истинному влюбленному, как простой смертный к гению.

Наконец, выйдя из оцепенения, он двинулся в ту же сторону, что и Истни. От реки начал подниматься туман. Встретившийся на набережной полицейский оглядел мистера Саттертуэйта весьма подозрительно.

— Вы тут только что всплеска не слышали? — спросил полицейский.

— Нет,— сказал мистер Саттертуэйт.

Полицейский внимательно вглядывался в речную гладь.

— Видно, опять кто-то в воду сиганул,— мрачно буркнул он.— Ну, народ! Топятся и топят.

— Возможно, у них есть на то свои причины,— предположил мистер Саттертуэйт.

— Да какие причины? В основном деньги,— сказал полицейский.— Иногда, правда, женщины,— добавил он, поворачиваясь.— Они, может, сами и не виноваты — просто от некоторых женщин кругом одни неприятности.

— Да, бывают такие женщины,— согласился мистер Саттертуэйт.

Когда полицейский ушел, он присел на окутанную туманом скамью и задумался: может, и Троянская Елена была самая обыкновенная женщина, которой — на счастье или на беду — боги даровали прекрасное лицо?

Глава 9

Мертвый Арлекин

Щурясь на солнышко, мистер Саттертуэйт не спеша шагал по Бонд-стрит¹. Он был, как всегда, тщательно и с большим вкусом одет и в данный момент направлялся в Харчестерскую галерею, на выставку картин некоего Фрэнка Бристоу. Этот новый, доселе не известный художник стал вдруг стремительно входить в моду, и мистер Саттертуэйт, будучи истинным ценителем искусства, не мог такое пропустить.

В галерее его сразу же узнали и встретили с улыбкой, как самого дорогого гостя.

— Доброе утро, мистер Саттертуэйт! Мы не сомневались, что вы скоро к нам пожалуете! Вы знакомы с работами Бристоу? Прекрасный художник! Уникальный, в некотором роде.

Купив каталог, мистер Саттертуэйт миновал арочный вход и оказался в длинном зале, где были развешаны работы художника. То были акварели, но выполненные в такой необычной манере, что напоминали скорее цветные гравюры. Мистер Саттертуэйт не спеша обходил зал, внимательно и в целом одобрительно разглядывая картины, и думал, что молодой человек, пожалуй, заслуживает признания. В его картинах, весьма своеобразных, чувствовался верный глаз и в то же время прекрасная техника. Мистер Саттертуэйт задержался перед небольшим шедевром, на котором был изображен Вестминстерский мост², запруженный автобусами, трамваями и снующими туда-сюда пешеходами. Маленькая, но какая превосходная вещица! Кстати, и название довольно удачное: «Муравейник». И вдруг, пройдя немного дальше, он судорожно сглотнул и застыл на месте, не в силах отвести взгляд от картины.

¹ Бонд-стрит — одна из главных торговых улиц Лондона

² Вестминстерский мост — мост через реку Темзу в центральной части Лондона, где находится Парламент. Был построен в 1854—1862 годах.

Картина называлась «Мертвый Арлекин». На переднем плане был мраморный пол, выложенный черными и белыми квадратами. Посреди пола, широко раскинув руки, лежал Арлекин в черно-красном лоскутном костюме. Арлекин лежал на спине, над ним светилося окно, и за окном на фоне заката вырисовывалась фигура как будто того же самого Арлекина, который глядел на распростертое тело.

Картина взволновала мистера Саттертуэйта по двум причинам. Во-первых, он узнал — или ему показалось, что узнал,— лицо изображенного на ней человека. Арлекин имел явное сходство с неким мистером Кином — знакомым мистера Саттертуэйта, с которым они уже не раз сталкивались при весьма загадочных обстоятельствах.

— Не может быть, чтобы я ошибся,— пробормотал он.— Но, в таком случае, что бы это могло означать?..

Ибо мистер Саттертуэйт успел убедиться, что каждое явление мистера Кина непременно что-нибудь означало.

Как уже говорилось, была и вторая причина, по которой картина заинтересовала мистера Саттертуэйта: он узнал место, где лежал мертвый Арлекин.

— Террасная зала в Чарнли,— сказал себе мистер Саттертуэйт.— Любопытно, любопытно!..

Он еще раз внимательно взглянул на картину, пытаясь разгадать замысел художника. Один Арлекин лежит на полу, другой заглядывает в окно... А может, за окном вовсе не другой, а тот же самый Арлекин? Он медленно двинулся дальше, рассеянно скользя взглядом по картинам, но не видя их, потому что мысль его все еще была прикована к поразившему его сюжету. Жизнь, еще сегодня утром казавшаяся ему несколько поблекшей, вдруг заиграла новыми красками. Он точно знал, что он на пороге необыкновенных и волнующих событий. Развернувшись, он прошагал прямо к столу мистера Кобба, смотрителя галереи, которого знал много лет.

— Хочу приобрести номер тридцать девятый,— сказал он,— если, конечно, картина еще не продана.

Мистер Кобб заглянул в свой журнал.

— Это украшение зала,— шепнул он.— Настоящая жемчужина... Нет, пока еще не куплена! — Он назвал цену.— Прекрасное капиталовложение, мистер Саттертуэйт! Через год вам пришлось бы выложить за нее втрое больше.

— Ну-ну, вы всегда так говорите! — улыбаясь, отвечал мистер Саттертуэйт.

— А разве я хоть раз слукавил? — притворно возмутил-

ся мистер Кобб.— Готов поручиться: вздумай вы хоть завтра распродавать свою коллекцию, среди всех ваших картин не отыщется ни одной, за которую вы выручили бы меньше, чем заплатили!

— Я беру эту вещь,— сказал мистер Саттертуэйт.— Пожалуйста, я сразу выпишу чек.

— Вы не пожалеете! Мы верим в Бристоу.

— Он молод?

— По-моему, лет двадцать семь — двадцать восемь.

— Интересно было бы с ним познакомиться,— сказал мистер Саттертуэйт.— Хорошо, если бы он как-нибудь зашел ко мне поужинать.

— Если хотите, могу дать его адрес. Думаю, он не упустит случая: вы ведь в среде художников человек известный.

— Вы преувеличиваете,— улыбнулся мистер Саттертуэйт и собирался уже отойти, но Кобб его удержал.

— Да вот и он сам! Сейчас я вас познакомлю.

Он встал из-за стола, и они вместе с мистером Саттертуэйтом подошли к рослому, неуклюжему молодому человеку, который, подперев стену, стоял в стороне и взирал оттуда на мир с видом грозным и неприступным.

После формального представления мистер Саттертуэйт, как положено, произнес маленькую речь.

— Я только что имел удовольствие приобрести одну из ваших работ — «Мертвого Арлекина»...

— Ну, на «Арлекине» вы не прогадаете,— не слишком любезно отозвался мистер Бристоу.— Отличная вещь, хоть и не пристало автору себя расхваливать.

— Вещь безусловно отличная,— согласился мистер Саттертуэйт.— Меня очень заинтересовали ваши работы, мистер Бристоу. Я бы назвал их необычайно зрелыми для столь молодого человека. Не откажете ли вы мне в любезности как-нибудь у меня отужинать? Может быть, вы свободны сегодня вечером?

— Может, и свободен,— все так же не затрудняя себя любезностью, отвечал мистер Бристоу.

— Тогда жду вас в восемь,— сказал мистер Саттертуэйт.— Вот моя карточка, тут есть адрес

— Ладно, приду,— пообещал мистер Бристоу и, немного подумав, все же добавил: — Спасибо.

«Молодой человек невысокого мнения о собственной персоне и боится, как бы окружающие с ним не согласились»,— заключил, выходя из галереи на солнечную Бонд-

стрил, мистер Саттертуэйт, вообще редко ошибавшийся в оценке ближних.

Явившись минут в пять девятого, Фрэнк Бристоу обнаружил, что его уже ожидают двое — хозяин и с ним еще один гость: полковник Монктон, как его представили молодому человеку. Ужин подали почти сразу же. Овальный стол красного дерева был накрыт на четверых, и мистер Саттертуэйт счел необходимым дать по этому поводу небольшое объяснение.

— Мне почему-то кажется, что сегодня ко мне может заглянуть один мой приятель — мистер Кин,— сказал он.— Мистер Арли Кин. Вы, кстати, с ним не знакомы?

— Ни с кем я не знаком! — рявкнул Бристоу.

Полковник Монктон уставился на художника с бесстрастным интересом, как на экземпляр медузы незнакомой разновидности. Мистер Саттертуэйт, со своей стороны, делал все возможное, чтобы беседа протекала без осложнений.

— Знаете, почему меня особенно заинтересовала эта ваша картина? Мне показалось, что действие происходит в Террасной зале в Чарнли. Верно? — Художник кивнул.— Как интересно! В былые времена я сам несколько раз гостил в Чарнли. Вы знаете кого-нибудь из членов семьи?

— Нет! — отрезал Бристоу — Члены этой семьи с такими, как я, не якшаются. Я приехал туда в шарабане¹.

— Надо же,— сказал полковник Монктон, просто чтобы что-нибудь сказать.— В шарабане!

— А почему бы и нет? — свирепо вскинулся Фрэнк Бристоу.

Полковник Монктон несколько опешил. Он укоризненно взглянул на мистера Саттертуэйта, как бы говоря: «Допускаю, что такие примитивные формы жизни могут интересовать вас как заядлого натуралиста, но при чем тут я?»

Вслух он сказал:

— По-моему, эти шарабаны просто чудовищны: в них всегда так трясет!

— Когда не можешь позволить себе «роллс-ройс», приходится пользоваться шарабанами,— язвительно пояснил Бристоу.

Полковник Монктон растерянно заморгал. «Да,— подумал, мистер Саттертуэйт,— если мне не удастся помочь

¹ Шарaban — многоместный экипаж с сиденьями в несколько рядов

юноше избавиться от смущения, нас ждет малоприятный вечер!»

— Чарнли всегда меня завораживал,— сказал он.— Но после трагедии я заезжал туда только один раз. Я бы сказал, мрачноватый дом. Дом с привидениями.

— Это верно,— согласился Бристоу.

— Еще бы,— сказал Монктон.— Там этих привидений целых два! По террасе, говорят, бродит Карл Первый¹, причем держит под мышкой собственную голову — не помню, правда, с чего бы это. А каждый раз, как кто-нибудь из Чарнли умирает, появляется Плакальщица с Серебряным кувшином.

— Вздор,— фыркнул Бристоу.

— Их семейству действительно очень не везет,— торопливо вмешался мистер Саттертуэйт.— Четверо из носителей титула умерли насильственной смертью, а последний лорд Чарнли покончил с собой.

— Ужасная история,— мрачно подтвердил Монктон.— Я как раз был там, когда это произошло.

— Это случилось, если не ошибаюсь, четырнадцать лет назад,— сказал мистер Саттертуэйт.— С тех пор дом пустует.

— Оно и понятно,— заметил Монктон.— Представьте, какой это был страшный удар для молодой хозяйки! Они ведь с Реджи всего месяц как поженились, только что вернулись домой из свадебного путешествия. В честь своего возвращения устроили большой бал-маскарад. И вот, как раз когда начали собираться гости, Чарнли заперся в Дубовой гостиной и застрелился. Ну, разве так поступают?.. Простите, что вы сказали?

Он живо обернулся к пустому стулу по левую руку от себя, но тут же, смущенно рассмеявшись, перевел взгляд на мистера Саттертуэйта.

— Послушайте, Саттертуэйт, мне уже черт знает что начинает мерещиться! Представьте, вообразил, будто на этом стуле кто-то сидит да вдобавок еще со мной разговаривает!.. Да,— продолжил он через несколько минут,— для Эликс Чарнли это, конечно, было жуткое потрясение. Она ведь была красавица, и такая веселая, жизнерадостная — просто вся светилась,— а теперь, говорят, сама стала похожа на привидение. Я, правда, уже много лет ее не видел — она, видно, живет в основном за границей.

¹ Карл I (1600—1649)— английский король, казненный во время буржуазной революции

— А мальчик, ее сын?

— Мальчик учится в Итоне. Что уж он там решит, когда достигнет совершеннолетия, — не знаю. Но, думаю, вряд ли захочет поселиться в этом доме.

— Из Чарнли получился бы отличный парк развлечений, — сказал Бристоу.

Полковник Монктон воззрился на художника с нескрываемым отвращением.

— Ну что вы, разве можно? — возразил и мистер Саттертуэйт. — Разве в этом случае вы смогли бы написать вашу замечательную картину? Атмосфера, традиция — все это вещи хрупкие и неуловимые. Они создаются веками! Разрушить их можно в два счета, но восстановить потом будет не так-то легко ..

Он встал.

— Пойдемте в курительную. Там у меня есть несколько фотографий Чарнли, хочу их вам показать.

Одним из увлечений мистера Саттертуэйта была любительская фотография. Он, кстати, являлся автором небезызвестной книги «Дома моих друзей». Все упомянутые в книге друзья были фигурами заметными в обществе, так что читатель, пожалуй, мог заподозрить мистера Саттертуэйта в чрезвычайном снобизме¹, который на самом деле был присущ ему вовсе не в такой степени

— Вот снимок, сделанный мною в прошлом году, — сказал он, передавая фотокарточку Фрэнку Бристоу. — Как видите, ракурс² почти тот же, что и у вашей картины. Обратите внимание на этот ковер. Жаль, что фотография не передает цвета!

— Ничего, я и так его помню, — ответил Бристоу. — Цвет и правда изумительный — горит, как пламя. Но на мраморном полу он все же не смотрится: слишком мал, да и других вещей под цвет ему в комнате нет. Я бы сказал, что он портит все впечатление — словно огромное кровавое пятно на полу.

— Может, это как раз и подсказало вам сюжет вашей картины? — предположил мистер Саттертуэйт.

¹ Снобизм — стремление приобщиться к высшему обществу, чванство

² Ракурс (*фр.; изобр иск*) — положение изображаемых предметов в перспективе с укорочением частей, удаленных от переднего плана

— Не исключено,— задумчиво проговорил Бристоу.— Хотя на вид самое подходящее в этом доме место для трагедии — небольшая комната, смежная с Террасной залой. Она еще обшита деревянными панелями...

— Дубовая гостиная,— сказал Монктон.— Да, это как раз комнатка для привидений! В ней есть исповедальня — в стене возле камина отодвигается одна из панелей. Рассказывают, что когда-то там прятался Карл Первый. Так вот в этой гостиной два человека в разное время были убиты на дуэли, и здесь же, как я уже говорил, застрелился Реджи Чарнли.

Он взял у Бристоу фотографии.

— Да! — сказал он.— Бухарский ковер. Помнится, он стоил тысячи две фунтов. Но когда я в последний раз посетил в Чарнли, он лежал в Дубовой гостиной. Вот там ему и место! А посреди этого клетчатого черно-белого пола он, право же, выглядит глупо.

Мистер Саттертуэйт взглянул на пустующее кресло рядом с собой и задумчиво спросил:

— А когда, интересно, его перенесли на террасу?

— Должно быть, недавно. Я еще помню, об этом шла речь в самый день трагедии. Чарнли сказал тогда, что такие вещи следует хранить под стеклом.

Мистер Саттертуэйт покачал головой.

— Не может быть! Сразу же после трагедии дом был закрыт, так что в нем уже больше ничего не менялось.

Бристоу оставил на время свои нападки и тоже принял участие в разговоре.

— А почему лорд Чарнли застрелился? — спросил он.

Полковник Монктон заерзал в кресле.

— Кто знает.

— Вероятно,— задумчиво произнес мистер Саттертуэйт,— это все-таки было самоубийство.

Полковник изумленно уставился на хозяина.

— Что значит «вероятно»? — воскликнул он.— Разумеется, самоубийство! Милый вы мой, я ведь сам тогда там был!

Мистер Саттертуэйт снова взглянул на пустое кресло и, улыбаясь, по-видимому, какой-то малопонятной для остальных шутке, негромко сказал:

— Иногда годы спустя события видятся яснее, чем в тот момент, когда они происходили.

— Вздор! — перебил Монктон.— Сущий вздор! Разве

можно какие-то полустершиеся в памяти картины видеть яснее, чем то, что происходит перед твоими глазами сейчас?

Но мистер Саттертуэйт вдруг получил поддержку с неожиданной стороны.

— Я, кажется, понимаю, что вы имеете в виду,— сказал художник.— Пожалуй, вы правы. Да-да, по прошествии времени как-то легче сопоставить и оценить. Да и не только это. Тут включаются законы относительности...

— По мне, вся эта Эйнштейнова ¹ относительность яйца выеденного не стоит! — заявил полковник.— Вроде спиритических сеансов, на которые якобы являются духи умерших бабушек! — Он вызывающе оглядел собеседников.— Разумеется, это было самоубийство! — продолжал он.— И я это видел чуть ли не собственными глазами.

— Расскажите нам,— попросил мистер Саттертуэйт.— Чтобы мы тоже могли представить, как все было.

Полковник, успокаиваясь, проворчал еще что-то и поудобнее устроился в кресле.

— Все случилось совершенно неожиданно,— начал он.— Чарнли вел себя как обычно. В доме было полно народу, готовились к балу. И кто бы мог подумать, что ему придет в голову стреляться как раз тогда, когда гости начали съезжаться?

— То есть приличнее было бы подождать, пока они разъедутся? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Конечно, приличнее, чем такое выкинуть!..

— Да, для Чарнли поступок довольно странный,— сказал мистер Саттертуэйт.

— Именно,— согласился Монктон.— Во всяком случае, от него никто такого не ожидал.

— И все-таки это было самоубийство?

— Вне всякого сомнения! Вот послушайте: нас было несколько человек — я, молодая мисс Острандер, Элджи Дарси и еще кто-то. Мы все стояли на лестнице наверху, а Чарнли шел через залу в Дубовую гостиную. Мисс Острандер говорила потом, что якобы у него было какое-то жуткое выражение лица и остановившийся взгляд,— но это, конечно, чепуха, потому что с того места, где мы стояли, лица его вообще не было видно. Но шел он, и правда,

¹ Эйнштейн Альберт (1879—1955) — великий немецкий физик, лауреат Нобелевской премии, создатель общей теории относительности, основ квантовой теории и др.

сгорбившись, как от непосильной ноши. Одна из девушек его окликнула — кажется, чья-то гувернантка, которую леди Чарнли пригласила на бал из милости, — хотела ему что-то сказать. Она крикнула: «Лорд Чарнли, леди Чарнли спрашивает...» — но он даже головы не повернул, вошел в Дубовую гостиную и хлопнул дверью. Потом мы слышали, как в замке повернулся ключ... А через минуту раздался выстрел.

Мы бросились вниз, в холл. Другая дверь из Дубовой гостиной ведет в Террасную залу. Подергали ее — тоже заперта. В конце концов дверь пришлось взломать. Чарнли лежал на полу. Он был мертв, у правой руки лежал пистолет. Что же это, по-вашему, если не самоубийство? Несчастный случай, что ли? Нет уж! Разве что убийство... Но убийства без убийцы не бывает — надеюсь, с этим вы не станете спорить.

— Убийца мог скрыться, — предположил мистер Саттертуэйт.

— Исключено. Если у вас найдется карандаш с бумагой, могу нарисовать вам план дома. В Дубовой гостиной две двери — одна ведет в холл, другая на террасу. Обе оказались заперты изнутри, причем в оба замка были вставлены ключи. Закрыты, и ставни заперты.

Воцарилось молчание.

— Вот так, — подытожил полковник Монктон.

— Да, похоже, что так, — невесело согласился мистер Саттертуэйт.

— И заметьте, — добавил Монктон, — хоть я и сам только что смеялся над спиритами, все же должен сказать, что во всем доме — а особенно в этой проклятой гостиной — атмосфера была чертовски неприятная. Дубовая обшивка в нескольких местах пробита пулями дуэлянтов, на полу какое-то странное пятно, которое снова и снова возникает на одном и том же месте, хотя половицы не раз уже меняли. Думаю, теперь там должно быть еще одно кровавое пятно — от бедного Чарнли...

— А много было крови? — поинтересовался мистер Саттертуэйт.

— Да нет, совсем немного — врач даже удивился.

— Куда он стрелял, в голову?

— Нет, в сердце.

— Непростой способ застрелиться, — заметил Бристоу. — Очень трудно на себе определить, где сердце. Я бы лично не рискнул.

Мистер Саттертуэйт недовольно покачал головой. Он все силился ухватиться за некую мысль, но та упрямо ускользала от него.

— Да,— продолжал полковник Монктон.— Настоящий дом с привидениями — хотя сам я ничего такого, конечно, не видел.

— А как же Плакальщица с Серебряным кувшином? Разве ее вы не видели?

— Нет, сэр, не довелось,— подчеркнуто холодно ответил полковник.— Зато слуги, все до единого, божились, что видели ее собственными глазами.

— Суеверия были проклятьем средневековья,— сообщил Бристоу.— Они еще встречаются в нашей жизни, но мало-помалу общество избавляется от мракобесия.

— А вам не кажется,— мистер Саттертуэйт задумчиво перевел взгляд на пустое кресло,— что из суеверий можно иногда извлечь кое-какую пользу?

Бристоу недоуменно пожал плечами:

— Пользу? Какая польза от суеверий?

— Ну что, Саттертуэйт, надеюсь, я вас убедил? — спросил полковник

— О, вполне! — отозвался мистер Саттертуэйт.— Хотя, конечно, для богатого и счастливого молодого человека, который только что женился и собирается отпраздновать возвращение домой, такой поступок в высшей степени странный и бессмысленный, однако факты — упрямая вещь!.. Да, факты,— еще раз повторил он и нахмурился.

— Думаю, что интереснее всего у этой истории должна быть подоплека,— сказал Монктон.— Но вот ее-то мы как раз и не узнаем. Слухи, правда, ходили всякие — но мало ли что люди болтают!

— Болтали много, но точно не знал никто.— задумчиво кивнул мистер Саттертуэйт.

— Да, детективного рассказика из этой истории явно не получится,— заметил Бристоу.— Кажется, в результате этой смерти никто ничего не выиграл?

— Разве что младенец, который тогда еще не родился,— сказал мистер Саттертуэйт.

— То-то был удар для бедного Хьюго Чарнли,— усмехнулся Монктон.— Когда стало известно, что вдова в положении, ему оставалось лишь сидеть как на гвоздях и ждать, кто родится — мальчик или девочка. Кредиторы его тоже немало поволновались... Но в конце концов их всех по-

стигло жестокое разочарование: у леди Чарнли родился мальчик.

— Как она пережила смерть мужа? — спросил Бристоу.

— Бедняжка... — вздохнул Монктон. — Никогда не забуду! Она не плакала, не рыдала — ничего такого. Наоборот, вся словно заледенела. А вскоре, как я и говорил, закрыла дом и уехала. С тех пор, если не ошибаюсь, в нем никто не живет.

— Остается только гадать, — усмехнулся Бристоу. — Может, тут замешан другой мужчина или другая женщина?

— Очень возможно, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Пожалуй, что скорее женщина, — продолжал Бристоу, — раз прекрасная вдова замуж так и не вышла. Ненавижу женщин, — бесстрастно сообщил он.

Мистер Саттертуэйт слабо улыбнулся. Фрэнк Бристоу заметил его улыбку и тут же ему ответил.

— Можете улыбаться сколько угодно, — заявил он, — но я их ненавижу! Все они одинаковы — везде лезут, всюду вмешиваются, только работать мешают!.. Мне лишь однажды встретилась женщина, по-настоящему... интересная.

— Значит, однажды все-таки встретилась, — кивнул мистер Саттертуэйт.

— Да нет, это совсем не то, что вы думаете! Мы с ней познакомились совершенно случайно, в поезде. В конце концов, — вызывающе добавил он, — разве запрещается знакомиться в поездах? Что в этом дурного?

— Ничего, — успокоил его мистер Саттертуэйт. — Решительно ничего. Поезд — место для знакомства ничуть не хуже других.

— Мы ехали из Северной Англии и оказались в купе вдвоем. Постепенно мы разговорились. Я не спрашивал ее имени и думаю, что мы никогда с ней больше не увидимся. Я даже не уверен, хочу ли я ее видеть. Возможно, это принесло бы лишь разочарование... — Он помолчал, подыскивая слова. — Она была словно не от мира сего. Призрачная — как женщина из горы в галльской сказке¹.

Мистер Саттертуэйт кивнул. Он ясно представил себе

¹ Галлы — группа древних кельтских племен, поселившихся в IV веке до н.э., в Ирландии и, смешавшись с местным населением, положивших начало ирландской народности. Переселившаяся в V—VI веках в Шотландию часть галлов приняла участие в формировании и шотландской народности. Галльские сказки равнозначны ирландским сказкам.

эту картину: такой реальный, земной Бристоу и напротив него серебристо-туманная, призрачная, как он выразился, женщина.

— Люди, наверное, становятся такими, если в их жизни происходит что-то ужасное, почти невыносимое. Они убегают от действительности в свой собственный мирок, а потом, спустя какое-то время, уже не могут из него выбраться.

— И у нее так получилось? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Не знаю, — ответил Бристоу. — Она мне ничего не рассказывала, это мои собственные догадки. Но ведь так всегда: хочешь что-нибудь узнать — догадайся сам.

— Да, — медленно произнес мистер Саттертуэйт. — Догадайся сам.

Дверь открылась, и он с надеждой устремил взгляд на дворецкого, но тот его разочаровал.

— Сэр, вас хочет видеть какая-то дама, по очень срочному делу. Мисс Аспейзия Глен.

Немного удивившись, мистер Саттертуэйт встал. Аспейзия Глен? Он знал это имя — да и кто в Лондоне его не знал? Серия моноспектаклей Аспейзии Глен — «Женщины с шарфом», как называли ее газетчики, — потрясла весь Лондон. С помощью своего шарфа она умела моментально и неузнаваемо меняться. Лоскут материи поочередно превращался то в монашеский чепец, то в платок фабричной работницы, то в крестьянский головной убор, и так много-много раз, и каждое новое воплощение Аспейзии Глен было совершенно непохоже на предыдущие. Мистер Саттертуэйт питал величайшее уважение к ее таланту, но в жизни встречаться с ней ему пока что не приходилось. Визит незнакомой дамы в столь необычный час его даже заинтриговал. Извинившись перед гостями, он вышел за дверь и прошел через залу в гостиную.

Мисс Глен расположилась посередине обтянутого золотой парчой канапе¹, заняв, таким образом, господствующее положение в гостиной. Мистеру Саттертуэйту с первого взгляда стало ясно, что эта женщина намеревается господствовать как над его гостиной, так и над ситуацией. Как ни странно, он сразу почувствовал к ней антипатию — а ведь до сих пор он был ее самым искренним поклонником. В свете лампы Аспейзия Глен казалась ему не такой.

¹ Канапе — небольшой диван с приподнятым изголовьем.

Там она была скорее грустной и задумчивой, чем властной. Однако о женщине, которая сидела сейчас перед ним, у него сложилось совершенно иное впечатление. В манерах гостии чувствовалась жесткость и напористость. Высокая, темноволосая, на вид лет тридцати пяти, она была очень хороша собой и, кажется, собиралась играть на этом.

— Простите меня за мой необычный визит, мистер Саттертуэйт,— низким чарующим голосом заговорила она.— Не стану рассказывать, как давно я мечтала с вами познакомиться — но я рада, что повод наконец нашелся. А что до позднего времени ..— Она рассмеялась.— Знаете, если мне чего-нибудь захотелось, я просто не могу ждать: я должна получить это немедленно!

— Каков бы ни был повод — раз он привел ко мне такую очаровательную гостью, я могу его только приветствовать,— со старомодной галантностью произнес мистер Саттертуэйт.

— Вы очень любезны,— сказала Аспейзия Глен.

— Прежде всего,— сказал мистер Саттертуэйт,— позвольте мне поблагодарить вас за то удовольствие, которое вы неоднократно доставляли мне вашим искусством.

Она одарила его обворожительной улыбкой.

— Перейду прямо к делу. Я была сегодня в Харчестерской галерее и увидела там картину, без которой теперь просто не могу жить! Я, разумеется, тут же решила ее купить, но оказалось, что картина уже куплена вами. И вот...— Она выдержала паузу.— Дорогой мистер Саттертуэйт,— продолжала она,— если бы вы знали, как она мне нужна! Я не могу жить без нее!.. Пожалуйста, назовите цену.— Она с надеждой заглянула ему в глаза.— Мне так много рассказывали о вашей потрясающей доброте! Люди вообще очень добры ко мне и во всем мне потакают. Я знаю, это меня портит — но что делать!..

Так вот, стало быть, каков истинный стиль Аспейзии Глен: то ли женское кокетство, то ли капризы избалованного ребенка. Мистер Саттертуэйт внутренне усмехнулся. Вообще-то столь изощренные методы как будто должны были на него действовать, но — не действовали. Аспейзия Глен ошиблась. Она думала, что перед нею престарелый слизняк, который при виде хорошенькой женщины тут же растает. Однако за стариковской галантностью скрывался трезвый, практический ум. Он умел видеть людей такими, каковы они есть на самом деле,— а не какими им хотелось бы казаться. И сейчас он видел перед собою не оча-

ровательную женщину, движимую прихотью, а безжалостную эгоистку, которая явилась к нему, исполняясь решимости добиться своего — хоть он и не знал пока, для чего ей это нужно. Зато он абсолютно точно знал, что Аспейзия Глен своего не добьется: «Арлекина» он ей не отдаст. И он стал спешно подыскивать подходящий предлог, чтобы его отказ не показался уж слишком грубым.

— Я уверен, что все окружающие при малейшей возможности спешат выполнить любое ваше желание...

— Значит, вы продадите мне картину?

Мистер Саттертуэйт сокрушенно покачал головой.

— Боюсь, что это невозможно. Видите ли...— Он помедлил.— Эту картину я купил в подарок, для дамы.

— Ах!.. Но я уверена...

В этот момент на столе задребезжал телефон. Терпеливо извинившись, мистер Саттертуэйт снял трубку. На том конце провода послышался глухой, очень далекий женский голос.

— Я могу поговорить с мистером Саттертуэйтом? — холодно спросил голос.

— Мистер Саттертуэйт слушает.

— Говорит леди Чарнли, Эликс Чарнли. Мистер Саттертуэйт, мы не виделись с вами много лет, и, думаю, вы меня уже не помните...

— Ну что вы, Эликс! Помню, конечно помню!

— Я хочу вас кое о чем попросить. Сегодня я ходила на выставку в Харчестерскую галерею. Там была одна картина, под названием «Мертвый Арлекин». На ней изображена — вы, вероятно, узнали — Террасная зала в Чарнли. Я хотела купить ее — но оказалось, что ее уже купили вы.— Она помолчала.— Мистер Саттертуэйт, мне бы хотелось иметь эту картину — у меня есть на это свои причины. Вы не согласились бы препродать ее мне?

«Ну, чудеса»,— подумал про себя мистер Саттертуэйт. Отвечая, он порадовался, что Аспейзия Глен могла слышать разговор только на одном конце провода.

— Я буду счастлив, милая, если вы примете от меня этот подарок.— Услышав за своей спиной взволнованный возглас, он торопливо продолжал:— Я купил ее для вас. Да-да, для вас! Но, дорогая Эликс, я бы хотел попросить вас об одном одолжении...

— О, разумеется, мистер Саттертуэйт! Я так вам благодарна!

— Я бы хотел, чтобы вы приехали ко мне,— продолжал он.— Прямо сейчас.

После небольшой паузы она спокойно ответила:

— Я еду.

Повесив трубку, мистер Саттертуэйт обернулся к разгневанной мисс Глен.

— Вы что, говорили о картине? — скороговоркой спросила она.

— Да,— сказал мистер Саттертуэйт.— Дама, которой я ее хочу преподнести, вскоре будет здесь.

Лицо Аспейзии Глен снова прояснилось.

— Значит, я могу попытаться ее уговорить, и она, возможно, уступит картину мне?

— Можете попытаться.

В глубине души он чувствовал странное волнение. Вокруг него разворачивалась драма, исход которой — каков бы он ни был — уже предрешен. Ему, вечному зрителю, предстояло на сей раз сыграть в ней ведущую роль. Он обернулся к мисс Глен:

— Прошу вас, перейдемте в другую комнату — я хочу познакомить вас с моими друзьями.

Он придержал перед нею дверь, и вскоре, проследовав через залу, они вошли в курительную.

— Мисс Глен,— сказал он,— позвольте представить вам моего старого друга полковника Монктона. А это мистер Бристу, автор картины, которая вас так восхитила.

Тут он вздрогнул: из кресла, до сих пор пустовавшего, поднялся еще один гость.

— Вы, кажется, ждали меня сегодня? — сказал мистер Кин.— За время вашего отсутствия я успел познакомиться с вашими друзьями. Очень рад, что все-таки сумел к вам выбраться!

— Дорогой вы мой,— начал мистер Саттертуэйт.— Пока вас не было, я пытался... Но...— Он умолк, словно споткнувшись о насмешливый взгляд мистера Кина.— Позвольте познакомить вас.— И он сделал жест в сторону мисс Глен.— Мистер Арли Кин, мисс Аспейзия Глен.

Дама едва заметно отшатнулась — или ему почудилось? В лице ее промелькнуло странное выражение.

— А, теперь понятно! — воскликнул вдруг Бристу.

— Что понятно?

— Понятно, что меня сразу смутило в вашем друге. Поразительное сходство! — Он с любопытством разглядывал мистера Кина.— Видите? — Он обернулся к мистеру

Саттертуэйту.— Ну же, неужели вы не видите, как он похож на Арлекина из моей картины — того, что заглядывает в окно?

На этот раз ошибки быть не могло: у мисс Глен даже перехватило дыхание. Она отступила на шаг.

— Я говорил вам, что жду гостя,— сказал мистер Саттертуэйт. Голос его звучал торжествующе.— Должен вам сообщить, что мой друг, мистер Кин, человек необыкновенный. Он умеет разгадывать тайны и иногда помогает по-новому взглянуть на все происходящее.

— Вы медиум, сэр? — осведомился полковник Монктон, с сомнением оглядывая мистера Кина.

Тот улыбнулся, покачав головой.

— Мистер Саттертуэйт преувеличивает,— сказал он негромко.— Пару раз при мне ему случалось распутывать довольно сложные ситуации и приходиться к весьма нестандартным умозаключениям. Однако не знаю, почему он ставит это в заслугу мне. Скорее всего, из скромности.

— Нет-нет! — разволновался мистер Саттертуэйт.— Моя скромность тут ни при чем. Просто вы каждый раз заставляли меня увидеть то, что мне следовало бы видеть с самого начала, и я даже видел это — но не понимал того, что вижу...

— Чертовски сложно,— заметил полковник Монктон.

— Совсем нет,— возразил мистер Кин.— Вся штука в том, что нам мало видеть, мы норовим непременно дать толкование тому, что видим,— и чаще всего ошибочное.

Аспейзия Глен нервно обернулась к Фрэнку Бристоу.

— Объясните, пожалуйста,— сказала она,— что вас побудило написать такую картину?

Бристоу пожал плечами.

— Не знаю,— признался он.— Наверное, на меня произвел впечатление сам дом: пустая мрачная гостиная, огромная терраса, все эти разговоры о призраках... Здесь только что рассказывали историю покойного лорда Чарнли — он застрелился. Так вот, попробуйте представить себе такую картину: вы умерли, а ваша душа продолжает жить. Странное ощущение, правда? Теперь представьте, что вы стоите снаружи и заглядываете через окно на террасу... А на террасе лежит ваше собственное тело, и вы все видите.

— Что значит, все видите? — спросила Аспейзия Глен — Что все?

— Ну, все. Вы видите, как...

Дверь отворилась, и дворецкий возвестил о прибытии леди Чарнли.

Мистер Саттертуэйт вышел встретить ее. Они не виделись уже около тринадцати лет. Он помнил, какой она была тогда — юной и порывистой. Теперь же навстречу ему шла как будто сама Снежная Королева — и даже казалось, не шла, а неслась словно снежинка, гонимая порывом ледяного ветра... Светлые волосы, бледное лицо... Она казалась далекой и холодной, почти нереальной.

— Спасибо, что пришли,— сказал мистер Саттертуэйт и повел ее к остальным гостям.

Войдя, она дружески кивнула мисс Глен, по-видимому, признав в ней свою знакомую, но тут же смутилась: мисс Глен явно ее не узнала.

— Простите,— пробормотала Эликс Чарнли,— мне показалось, что я вас уже где-то видела.

— На сцене, вероятно,— сказал мистер Саттертуэйт — Это мисс Аспейзия Глен, леди Чарнли.

— Очень рада знакомству, леди Чарнли,— кивнула Аспейзия Глен.

Ее голос вдруг зазвучал с легким заокеанским акцентом, напомнив мистеру Саттертуэйту о бесчисленных сценических превращениях гостыи.

— Полковника Монктона вы знаете,— продолжал мистер Саттертуэйт.— А это мистер Бристоу...

На щеках леди Чарнли вдруг зажегся слабый румянец.

— С мистером Бристоу мы тоже встречались,— сказала она и улыбнулась.— В поезде.

— ...И мистер Арли Кин.

Он внимательно следил за выражением ее лица, но на сей раз никакого узнавания не последовало. Пододвинув ей кресло, он сел сам, откашлялся и, немного волнуясь, заговорил:

— Для меня, вернее для всех нас, сегодняшний вечер несколько необычен. В центре нашей встречи оказалась картина. И я допускаю... Я думаю, что при желании мы могли бы сегодня кое-что прояснить.

— Саттертуэйт, надеюсь, вы не собираетесь устраивать тут спиритический сеанс? — подозрительно спросил полковник Монктон.— Какой-то вы сегодня странный.

— Нет,— сказал мистер Саттертуэйт.— Никаких сеансов не будет. Но я согласен с моим другом мистером Кином, что, оглядываясь в прошлое, человек может увидеть все так, как оно происходило на самом деле, а не как ему казалось в тот момент.

— В прошлое? — сказала леди Чарнли.

— Да. Речь идет о самоубийстве вашего мужа, Эликс. Я знаю, вам это больно...

— Нет,— прервала его Эликс Чарнли.— Мне не больно. Мне никогда не бывает больно.

Мистер Саттертуэйт вспомнил слова Бристоу: «Она была как будто не от мира сего. Призрачная — как женщина из горы в галльской сказке...»

Он сказал, «призрачная». Да, слово очень точное. Это не Эликс, а призрак Эликс. А где же тогда та, настоящая? Ответ тотчас всплыл сам собою: «В прошлом. От нас, сегодняшних, ее отделяет вот уже четырнадцать лет».

— Милая Эликс,— сказал он,— вы меня пугаете! Вы похожи на Плакальщицу с Серебряным кувшином.

Ах! Кофейная чашечка, задетая локтем Аспейзии Глен, упала со стола и разлетелась вдребезги.

Мистер Саттертуэйт отмахнулся от извинений, его занимала одна мысль: «С каждой минутой мы подбираемся все ближе и ближе... Вот только к чему?»

— Попробуем вернуться в тот вечер, четырнадцать лет назад,— сказал он.— Лорд Чарнли покончил с собой. Но почему? Этого никто не знает.

Леди Чарнли слегка пошевелилась в кресле.

— Леди Чарнли знает,— сказал вдруг Фрэнк Бристоу.

— Да с чего вы взяли? — буркнул полковник Монктон, однако, едва взглянув на женщину, умолк и нахмурился.

Не сводя глаз с художника, словно подчиняясь его воле, леди Чарнли медленно заговорила. Она тихонько покачивала головой, и голос ее казался мягким и холодным — как снег.

— Да, вы не ошиблись. Я знаю. Поэтому, пока я жива, я ни за что не вернусь в Чарнли. И поэтому, когда мой сын Дик просит меня открыть дом, чтобы снова там жить, я отвечаю ему, что это невозможно.

— Объясните же нам, почему, леди Чарнли,— сказал мистер Кин.

Она обернулась к нему, и вдруг, словно подчиняясь гипнозу, заговорила спокойно и ровно:

— Хорошо, если хотите, я объясню. Сейчас все это уже не важно. У него в бумагах я нашла одно письмо... Я сожгла его.

— Какое письмо? — спросил мистер Кин.

— Письмо от девушки. Она тогда была гувернанткой у Мерриамов, и он... он встречался с ней, уже когда мы были

помолвлены, перед самой нашей свадьбой. Бедняжка! Она тоже ждала от него ребенка. Она написала ему об этом, обещала все рассказать мне... Тогда он и застрелился.

И она обвела всех полусонным, усталым взглядом, как ребенок, только что ответивший давно заученный урок.

Полковник Монктон громко высморкался.

— Так вот в чем дело,— пробормотал он.— Да, теперь все ясней ясного.

— Разве? — сказал мистер Саттертуэйт.— Но не ясно одно: почему мистер Бристоу написал такую картину.

— Что вы имеете в виду?

Мистер Саттертуэйт взглянул на мистера Кина, как бы в расчете на поддержку, и, вероятно, получил ее, так как продолжил:

— Я понимаю, что вы можете принять меня за сумасшедшего, однако эта картина оказалась в фокусе нашего внимания не случайно. Ведь именно благодаря ей все мы собрались сегодня вместе. Эта картина должна была быть написана — вот что я имею в виду.

— Вы про эту чертовщину в Дубовой келье?..— начал полковник Монктон.

— Нет,— сказал мистер Саттертуэйт.— Не в гостиной, а на террасе. Да-да, именно так: душа умершего заглядывает в окно и видит свое тело, распростертое на мраморном полу...

— Что совершенно невозможно,— закончил за него полковник,— поскольку тело лежало в Дубовой гостиной.

— А что, если не в гостиной? — сказал мистер Саттертуэйт.— Что, если оно лежало в точности там, где увидел его мистер Бристоу? То есть под этим самым окном на черно-белом мраморном полу террасы?

— Что за ерунду вы говорите? — поморщился полковник Монктон.— Будь оно там, как бы мы могли обнаружить его в Дубовой гостиной?

— Никак,— ответил мистер Саттертуэйт.— Разве что кто-то его туда перенес.

— Но мы ведь сами видели, как Чарнли входил в Дубовую гостиную — как с этим прикажете быть? — осведомился полковник Монктон.

— Вы не видели его лица,— сказал мистер Саттертуэйт.— Насколько я понимаю, вы видели, как в Дубовую гостиную входил мужчина, вероятнее всего, в карнавальном костюме.

— Да, в парчовом балахоне и парике,— подтвердил Монктон.

— Вот-вот. И вы решили, что это лорд Чарнли, потому что так его окликнула девушка...

— Не только поэтому. Ведь когда через несколько минут мы взломали дверь и ворвались в гостиную, там никого не было, один только мертвый лорд Чарнли. Ничего не напишешь, Саттертуэйт, с фактами приходится считаться!

— Да,— вынужден был признать мистер Саттертуэйт.— Думаю, что в наглухо запертой гостиной спрятаться было бы сложновато.

— Но вы как будто говорили, что там есть какая-то исповедальня? — вмешался Бристоу.

— Стойте! — воскликнул мистер Саттертуэйт.— А что, если ..

Одной рукой он сделал всем знак молчать, другую прижал ко лбу и, постояв так некоторое время, медленно и неуверенно заговорил:

— Мне кое-что пришло в голову. Возможно, это всего лишь фантазия, но выглядит она, как мне кажется, довольно правдоподобно. Предположим, что лорда Чарнли застрелили. Это случилось на террасе. Затем убийца — и с ним кто-то еще — перетасили тело в гостиную. Там они оставили его на полу, положив возле правой руки пистолет. Так... Теперь нужно было создать впечатление, что лорд Чарнли покончил с собой. Думаю, это не составило труда. Некто в его маскарадном костюме и парике направляется через зал в гостиную, при этом для верности кто-то из стоящих наверху окликает «лорда Чарнли». Войдя, он запирает обе двери и стреляет из пистолета в стену. Обшивка, как вы помните, и до того была прострелена в нескольких местах, так что еще одну пробоину вряд ли бы кто заметил. Затем убийца прячется в тайник. Дверь взламывают, в гостиную вбегают люди — и всем сразу же становится ясно, что лорд Чарнли покончил с собой. Никаких других предположений даже не возникает.

— По-моему, все это полная ахиня,— заявил полковник Монктон.— К тому же не забывайте, что у Чарнли было достаточно оснований для самоубийства .

— ...что явствует из найденного впоследствии письма,— продолжил мистер Саттертуэйт.— Жестокого и лживого письма, составленного талантливой интриганкой, которая сама надеялась вскоре стать леди Чарнли!

— О ком вы?

— Я говорю о девушке, вступившей в союз с Хьюго Чарнли,— отвечал мистер Саттертуэйт.— Вы ведь знаете, Монктон,— это ни для кого не секрет,— что Хьюго был отъявленный негодяй. Он готов был завладеть титулом любой ценой. Как звали девушку, написавшую это письмо? — обернувшись вдруг к леди Чарнли, спросил он.

— Моника Форд,— ответила леди Чарнли.

— Скажите, Монктон, не Моника ли Форд окликнула тогда лорда Чарнли с лестницы?

— Я, право, как-то не задумывался, но.. пожалуй, что она.

— Не может быть,— пробормотала леди Чарнли.— Я ведь... ходила тогда к ней. Мы говорили, и она подтвердила, что все это правда. После этого я видела ее всего лишь раз, но — не могу поверить, чтобы она все это время ягала.

Мистер Саттертуэйт взглянул на Аспейзию Глен.

— А я могу,— тихо сказал он.— Думаю, в ней тогда уже были задатки очень талантливой актрисы.

— Но вы не учли одного,— сказал Фрэнк Бристоу.— В таком случае на террасе, на полу, должно было остаться кровавое пятно. Они не успели бы его убрать.

— Убрать — нет,— согласился мистер Саттертуэйт.— Укрыть — да, и всего за несколько секунд. Бросить на это место бухарский ковер. Ведь до этого вечера ковра на террасе никто никогда не видел.

— Возможно, вы правы,— размышлял вслух Монктон.— Но ведь все равно, когда-нибудь им пришлось бы смыть кровь?

— Да,— сказал мистер Саттертуэйт.— Например, ночью. Женщина с тазиком и кружкой вполне могла спуститься по лестнице и уничтожить все следы.

— А если бы ее кто увидел?

— Это не имеет значения,— ответил мистер Саттертуэйт.— Мы сейчас говорим о том, как все происходило на самом деле, поэтому я и сказал: «женщина с тазиком и кружкой». Но если бы я исходил из того, кем она казалась в тот момент, я назвал бы ее «Плакальщицей с Серебряным кувшином». — Он встал и подошел вплотную к Аспейзии Глен.— Ведь так все и было, правда? — сказал он.— Теперь все называют вас «женщина с шарфом», а в ту ночь вы сыграли вашу первую роль — роль «Плакальщицы с Серебряным кувшином». Потому вы и смахнули только что со стола кофейную чашечку... Да, увидев картину, вы не

на шутку испугались! Вы решили, что кому-то все известно!..

Белая, дрожащая от гнева рука леди Чарнли протянулась к Аспейзии Глен.

— Вы Моника Форд,— выдохнула она.— Теперь я вас узнала!

Вскрикнув, Аспейзия Глен вскочила на ноги. Она оттолкнула с дороги тщедушного мистера Саттертуэйта и, дрожа, приблизилась к мистеру Кину.

— Да, я не ошиблась. Кому-то все было известно!.. Зачем было ломать комедию, зачем делать вид, будто только сейчас вы до всего додумались? Вы,— она ткнула пальцем в мистера Кина,— вы были там! Вы заглядывали с улицы через окно! Вы видели, что мы с Хьюго сделали. Я знала, я все время чувствовала, что кто-то смотрит... Но когда поднимала глаза — никого не было. Я знала, что кто-то за нами следит. Один раз мне показалось, будто в окне мелькнуло чье-то лицо,— и все эти годы я умирала от страха! А потом я увидела эту картину, на которой за окном стоите вы, и узнала ваше лицо... Все эти годы вы знали! Зачем же вам сейчас понадобилось об этом вспоминать? Скажите, зачем?

— Возможно, затем, чтобы мертвые могли спать спокойно,— сказал мистер Кин.

Внезапно Аспейзия Глен устремилась к двери и уже с порога вызывающе бросила через плечо:

— Можете делать что угодно, мне все равно. Бог свидетель, что я говорю правду. Мне все равно! Я любила Хьюго и помогла ему в этом гадком деле — а он потом меня бросил. Впрочем, он умер год назад. Можете, если хотите, сообщить в полицию, но, как заметил этот божий одуванчик, я неплохая актриса, и меня не так-то легко будет отыскать! — Она вышла, с силой хлопнув дверью,— и в следующую минуту издали донесся стук входной двери.

— Реджи! — вскричала леди Чарнли.— Реджи!.. — Из глаз ее хлынули слезы.— Боже мой, Боже мой!.. Я могу теперь вернуться в Чарнли и жить там вместе с сыном — и я могу сказать ему, каким прекрасным, самым лучшим человеком на свете был его отец!..

— Нужно очень серьезно обдумать, что в первую очередь следует предпринять,— сказал полковник Монктон.— Эликс, дорогая, если вы позволите мне отвезти вас домой, мы могли бы по дороге кое-что обсудить.

Леди Чарнли поднялась. Подойдя к мистеру Саттер-

кузйту, она положила обе руки ему на плечи и очень нежно его поцеловала.

— Так чудесно снова чувствовать себя живой, после стольких лет,— сказала она.— Знаете, я все это время была как мертвая. Спасибо вам, дорогой мистер Саттертуэйт.

И они с полковником вышли из комнаты. Мистер Саттертуэйт задумчиво глядел им вслед, пока Фрэнк Бристоу глухим ворчанием не напомнил ему о себе.

— Конечно, очаровательная женщина,— угрюмо пробормотал молодой человек.— Но теперь она далеко не так интересна, как раньше.

— В вас говорит художник,— отозвался мистер Саттертуэйт.

— Подозреваю, что в Чарнли — если мне вдруг придет в голову туда сунуться — меня ждет, что называется, прохладный прием,— усмехнулся Бристоу.— Впрочем, я не собираюсь лезть не в свои сани.

— Милый юноша! — сказал мистер Саттертуэйт.— Если бы вы чуть-чуть меньше задумывались о том, какое впечатление производите на окружающих,— думаю, вы чувствовали бы себя гораздо спокойнее и счастливее. Вам также не мешало бы освободиться от некоторых своих старомодных представлений — например, что происхождение еще играет в современном обществе какую-то роль. У вас прекрасная внешность, молодые люди вашего типа всегда нравятся женщинам. К тому же, возможно — или даже точно! — вы гений. Попробуйте каждый вечер по десять раз повторять себе это перед сном, а через три месяца поезжайте в Чарнли и навестите леди Чарнли. Это мой вам совет — а я человек старый и, поверьте, кое-чему в жизни научился.

Лицо художника вдруг осветилось обезоруживающей улыбкой.

— Вы просто чертовски добры ко мне,— сказал он и крепко пожал сухонькую ладошку мистера Саттертуэйта.— Я вам страшно благодарен! Ну, мне пора. Еще раз спасибо — это был один из самых необычных вечеров в моей жизни.

Он обвел глазами комнату, словно намереваясь с кем-то попрощаться, и невольно вздрогнул.

— Сэр, а ваш друг, оказывается, уже ушел, а я и не заметил когда. Станный он человек, правда?

— Да, он может неожиданно прийти и так же неожиданно уйти,— сказал мистер Саттертуэйт.— И незаметно — это одна из его особенностей.

— Невидим, как Арлекин,— сказал Бристоу и рассмеялся собственной шутке.

Птица со сломанным крылом

Мистер Саттертуэйт выглянул в окно и поежился. Дождь все лил и лил. Как плохо, что в деревенских домах нет приличного отопления, подумал он. Слава Богу, уже через несколько часов поезд увезет его отсюда в Лондон. Да, только после шестидесяти начинаешь в полной мере оценивать все достоинства столичной жизни.

Сегодня мистер Саттертуэйт особенно остро ощущал свой возраст. Все остальные гости в доме были гораздо моложе его. Четверо из них только что отправились в библиотеку проводить «сеанс столоверчения». Его тоже звали, но он отказался: ему доставляло мало удовольствия мучительно долго высчитывать буквы алфавита, а потом разбираться в их бессмысленных сочетаниях.

Да, в Лондоне все-таки намного приятнее! Хорошо, что он не принял приглашения Мейдж Кили — она звонила с полчасика назад, звала его в Лейделл. Она, конечно, славная девушка, но Лондон лучше.

Мистер Саттертуэйт снова поежился и вспомнил, что в библиотеке почти всегда тепло. Приоткрыв дверь, он тихонько пробрался в затемненную комнату.

— Не помешаю?

— Что это, Н или М? Придется пересчитывать!.. Ну что вы, мистер Саттертуэйт, конечно нет. Знаете, тут такое! Дух, по имени Ада Спайерс, говорит, что наш Джон вот-вот должен жениться на какой-то Глэдис Бан.

Мистер Саттертуэйт устроился в глубоком кресле у камина. Вскоре веки его смежились, и он задремал. Время от времени он сквозь сон слышал обрывки разговора.

— Что значит ПАБЗЛ? Это невозможно — разве что он русский... Джон, ты толкаешь столик — нет, я видела!.. Ага, кажется, явился новый дух.

Он снова задремал, но вскоре проснулся как от толчка, когда до его слуха донеслось новое имя.

— К-И-Н. Правильно?

— Да. Стукнуло один раз — значит, «да». Кин, вы хотите кому-нибудь из присутствующих что-то передать? Да. Мне? Джону? Саре? Ивлину? Нет? Странно, ведь здесь больше никого нет... А-а, может быть, мистеру Саттертуэйту? Отвечает «да». Мистер Саттертуэйт, это вам!

— Что он говорит?

Теперь мистер Саттертуэйт сидел в своем кресле, напряженно выпрямившись. Сна не было ни в одном глазу.

Столик затрясся, и одна из девушек принялась считать.

— ЛЕЙД... Нет, не может быть, чепуха какая-то! Ни одно слово не начинается с ЛЕЙД!

— Продолжайте,— приказал мистер Саттертуэйт так властно и уверенно, что сидящие за столиком беспрекословно подчинились.

— ЛЕЙДЕЛ... И еще одно Л. Так... Кажется, все.

— Продолжайте!

— Скажите, пожалуйста, еще что-нибудь

Молчание.

— По-моему, это все. Столик даже не шелохнется
Какая бессмыслица!

— Да нет,— задумчиво проговорил мистер Саттертуэйт.— Не думаю, чтобы это была бессмыслица.

Он встал и, выйдя из библиотеки, направился прямо к телефону. Соединили довольно быстро.

— Я могу поговорить с мисс Кили? Мейдж, милая, это вы? Я передумал. Если позволите, я приму ваше любезное приглашение. Оказывается, мое присутствие в Лондоне не так срочно, как я полагал... Да-да, к ужину успею.

Он повесил трубку. На его морщинистых щеках вспыхнул румянец. Мистер Кин — загадочный мистер Кин!.. Мистер Саттертуэйт мог по пальцам пересчитать все свои встречи с ним, и каждый раз, когда появлялся этот таинственный господин, случалось что-нибудь неожиданное. Интересно, что же произошло — или вот-вот произойдет — в Лейделле?

Но, что бы это ни было, ему, мистеру Саттертуэйту, работа найдется. Он нисколько не сомневался, что в любом случае в развитии сюжета ему отведена не последняя роль.

Лейделл — большой старый дом — был собственностью Дэвида Кили, человека тихого и неприметного. К таким, как он, ближние нередко склонны относиться как к предметам обстановки. Однако их незаметность для окружающих ни в коем случае не означает отсутствия интеллекта — Дэвид Кили был блестящим математиком и автором книги, абсолютно недоступной для девяноста девяти процентов читателей. Как и большинство интеллектуалов, он не отличался особой живостью характера или личным обаянием. Его даже окрестили в шутку «человеком-невидимкой»: за столом ла-

кеи с подносом могли запросто обойти хозяина, гости час-тенко забывали поздороваться и попрощаться с ним

Иное дело его дочь Мейдж — натура открытая, полная жизни и кипучей энергии. Любому, кто с ней сталкивался, тут же становилось ясно, что перед ним очень даже нормальная, здоровая девушка, к тому же весьма хорошенькая.

Она-то и встретила мистера Саттертуэйта у дверей.

— Как замечательно, что вы все-таки приехали!

— Замечательно, что вы позволили мне приехать, хоть я и поторопился с отказом. Мейдж, деточка, судя по вашему виду, у вас все в полном порядке!

— Ах, у меня всегда все в порядке!

— Я знаю, но сегодня у вас вид просто исключительный — я бы сказал, цветущий. Что-нибудь случилось? Что-нибудь... особенное?

Она рассмеялась и чуть-чуть покраснела.

— Нет, мистер Саттертуэйт, так нельзя! Вы сразу всегда обо всем догадываетесь.

Он взял ее за руку.

— Ага, значит, вы все-таки нашли своего суженого?

Слово было несовременное, но Мейдж не возражала. Ей даже нравилась несовременность мистера Саттертуэйта.

— Честно сказать, да. Этого никто еще не знает — это тайна! Но вам, мистер Саттертуэйт, я не боюсь ее доверить. Вы всегда все умеете понять правильно.

Мистер Саттертуэйт питал особое пристрастие к чужим романам. Он был по-викториански сентиментален.

— Кто этот счастливец, полагаю, лучше не спрашивать? Ну, в таком случае мне остается лишь выразить надежду, что он вполне заслуживает чести, которой вы его удостоиваете.

«Старичок просто прелесть!» — подумала Мейдж.

— Знаете, я думаю, мы с ним прекрасно поладим, — сказала она. — У нас одинаковые вкусы, взгляды — это же очень важно, да? Нет, правда, у нас с ним много общего, мы давно уже все-все друг о друге знаем... И от этого на душе делается так спокойно, понимаете?

— Понимаю, — сказал мистер Саттертуэйт. — Хотя лично мне еще не приходилось видеть, чтобы кто-то о ком-то знал абсолютно все — и именно присутствие некоторой тайны, как мне кажется, и помогает супругам сохранить взаимный интерес...

— Ничего, попробую все-таки рискнуть! — рассмеялась Мейдж, и оба отправились переодеваться к ужину.

Вниз мистер Саттертуэйт спустился последним. Он приехал сюда один, и его вещи распаковывал не его слуга, а это всегда его несколько раздражало. Когда он появился, все уже были в сборе, и Мейдж без лишних церемоний, как стало принято в последнее время, объявила:

— А вот и мистер Саттертуэйт. Все, я умираю от голода! Идемте.

Впереди рядом с Мейдж шла высокая седая женщина довольно яркой наружности. У нее был звучный ровный голос и красивое лицо с правильными чертами.

— Здравствуйте, Саттертуэйт,— сказал мистер Кили.

Мистер Саттертуэйт чуть не подскочил от неожиданности.

— Здравствуйте,— сказал он.— Простите, я вас не заметил.

— Меня никто не замечает,— печально вздохнул мистер Кили.

В столовой все расселись за невысоким столом красного дерева. Мистера Саттертуэйта поместили между молодой хозяйкой и приземистой темноволосой девушкой, громкий смех которой выражал скорее непреклонную решимость быть веселой, чем искреннее веселье. Кажется, ее звали Дорис. Женщины такого типа меньше всего нравились мистеру Саттертуэйту: на его взгляд, их существование с художественной точки зрения ничем не оправдывалось.

По другую руку от Мейдж сидел молодой человек лет тридцати, в котором с первого взгляда можно было угадать сына красивой седовласой женщины.

А рядом с ним...

Мистер Саттертуэйт затаил дыхание.

Трудно было сразу определить, чем она его так поразила. Не красотой — нет, чем-то иным, неуловимым, ускользающим.

Склонив голову набок, она слушала скучноватые застольные разглагольствования мистера Кили. Она была здесь за овальным столом — и в то же время, как показалось мистеру Саттертуэйту, где-то очень далеко отсюда. По сравнению с остальными она выглядела словно бы бесплотной. Она сидела, чуть отклонясь в сторону, и в позе ее была завораживающая красота — нет, больше чем красота... Она подняла глаза, на секунду встретилась взглядом с мистером Саттертуэйтом — и он вдруг нашел слово: волшебство.

Да, в ней сквозило нечто волшебное — словно у обита-

телей Полых Холмов¹, лишь отчасти схожих с людьми. Рядом с ней все сидящие за столом казались слишком материальными.

Вместе с тем она возбуждала в нем жалость и умиление — похоже, ее необычайность угнетала ее самое. Мистер Саттертуэйт искал подходящее определение — и нашел.

«Птица со сломанным крылом», — мысленно произнес он.

Довольный собой, он вернулся к вопросу участия девочек в скаутском движении, надеясь, что Дорис не заметила его рассеянности. Как только она обратилась к своему соседу справа, в котором мистер Саттертуэйт ничего интересного для себя не нашел, он повернулся к Мейдж.

— Что это за женщина рядом с вашим отцом? — тихонько спросил он.

— Миссис Грэм? Хотя нет, вы, вероятно, имеете в виду Мэйбл! Разве вы не знакомы? Это Мэйбл Эннсли. Ее девичья фамилия Клайдсли — она из того самого злополучного семейства.

Мистер Саттертуэйт замер. Да, он был наслышан об этом семействе. Брат застрелился, одна сестра утонула, другая погибла во время землетрясения — как будто всех их преследовал какой-то злой рок. Это, вероятно, младшая из сестер.

Неожиданно его отвлекли от размышлений — это Мейдж дотронулась под столом до его руки. Пока остальные были заняты беседой, она незаметно кивнула на своего соседа слева.

— Это я вам про него, — не очень заботясь о правильности построения фразы, шепнула она.

Мистер Саттертуэйт понимающе кивнул в ответ. Стало быть, молодой Грэм и есть избранник Мейдж. Что ж, судя по тому, что мистер Саттертуэйт успел увидеть — а смотреть он умел, — вряд ли она могла бы найти лучшую партию. Вполне приятный, располагающий и здравомыслящий молодой человек. Оба они молодые, здоровые, что называется, нормальные — и вообще, прекрасно подходят друг к другу.

В Лейделле заведено было по-старинному: дамы выходили из столовой первыми. Мистер Саттертуэйт подсел поближе к Грэму и заговорил с ним. В целом он утвер-

¹ Имеются в виду эльфы и феи — сверхестественные существа из кельтской мифологии. Согласно преданиям их обиталищем были пещеры и древние курганы.

дился в своем первом впечатлении, однако что-то в поведении молодого человека как бы выпадало из общей картины. Роджер Грэм был рассеян, мысли его, казалось, блуждали, рука, ставившая на стол бокал, заметно дрожала.

«Чем-то он сильно обеспокоен, хотя причина для беспокойства не так серьезна, как он воображает,— сказал себе мистер Саттертуэйт.— И все же — что бы это могло быть?»

После еды мистер Саттертуэйт обыкновенно принимал пару пилюль для улучшения пищеварения. На этот раз он забыл прихватить их с собой, поэтому ему пришлось подняться за ними в комнату.

Возвращаясь обратно, он спустился по лестнице и прошел уже полдороги по длинному коридору первого этажа, когда взгляд его случайно упал в открытую дверь застекленной террасы. Мистер Саттертуэйт застыл на месте.

Комната была залита лунным светом, на полу темнел странный узор от оконного переплета. На низком подоконнике, откинувшись в сторону, сидела женщина. Она тихонько перебирала струны гавайской гитары, но не в ритме современных песенок, а ритме старинном, давно забытом, похожем на перестук копыт волшебных коней по каменистым тропам зачарованных холмов.

Мистер Саттертуэйт смотрел как замороженный. На ней было платье из темно-синего шифона со множеством складок, оборок и рюшей, что создавало впечатление оперения птицы. Склонившись над гитарой, она что-то тихонько напевала.

Он вошел в комнату и стал медленно, шаг за шагом, приближаться к ней. Он был уже совсем рядом, когда она подняла глаза. Увидев его, она, как он заметил, ничуть не испугалась и не удивилась.

— Простите, если помешал...— начал он.

— Пожалуйста, садитесь.

Он присел на полированный дубовый стул возле нее. Она продолжала что-то еле слышно напевать.

— Какая колдовская ночь,— сказала она.— Вы не находите?

— Да, я тоже заметил что-то... колдовское.

— Меня послали за гитарой,— сказала она.— Но когда я проходила мимо террасы, мне вдруг захотелось посидеть здесь в одиночестве, при луне.

— Тогда, может быть, мне лучше...— приподнялся было мистер Саттертуэйт, но она остановила его.

— Останьтесь, не уходите... Вы почему-то не нарушаете общей гармонии.

Он снова сел.

— Сегодня очень необычный вечер,— сказала она.— После обеда я долго бродила по лесу и повстречала там одного человека. Он был такой странный: высокий и темный — как заблудшая душа... Солнце уже садилось, красные лучи, пробиваясь меж ветвей, падали на него, и от этого он стал похож на Арлекина

— Да? — Мистер Саттертуэйт наклонился к ней, сердце его забилося.

— Я хотела с ним заговорить — он напомнил мне кого-то из моих знакомых,— но так и не смогла найти его между деревьями.

— Мне кажется, я знаю, кто это был,— сказал мистер Саттертуэйт.

— Вот как? Скажите, он... действительно интересный человек?

— Да, он интересный человек.

Оба замолчали. Мистер Саттертуэйт был недоволен собой. Он чувствовал, что должен что-то предпринять, но не знал что. Он только знал, что это что-то должно иметь отношение к его собеседнице.

— Временами, когда мы чувствуем себя несчастными, нам хочется убежать от окружающих,— заметил он несколько невпопад.

— Да, верно,— начала она, но тут же оборвала себя и усмехнулась.— А, понятно, о чем вы. Но вы ошиблись! Все совсем не так. Мне захотелось сегодня одиночества как раз потому, что я — счастлива!

— Вы... счастливы?

— Да. Страшно счастлива.

Она произнесла это совсем тихо, но мистер Саттертуэйт невольно содрогнулся. Под словом «счастье» это странное создание понимало явно не то, что, например, Мейдж Кили. «Счастье» Мэйбл Эннсли могло, вероятно, означать величайший восторг, порыв, иступление — словом, нечто, лежащее вне понимания обычного человека. Мистер Саттертуэйт смутился.

— Я... не знал,— неловко пробормотал он.

— Разумеется — откуда бы вам это знать? Впрочем, мое счастье пока еще не наступило. Его еще нет — но скоро будет.— Она чуть подалась вперед.— Представьте себе та-

кую картину: вы стоите в густом-прегустом лесу, со всех сторон к вам подступают деревья, от них темно, вам уже начинает казаться, что вы никогда не сможете выбраться отсюда — и вдруг совсем рядом, за деревьями, вам видится страна вашей мечты, сверкающая и прекрасная. Она рядом, надо только выбраться из чащи — и все...

— Многое кажется прекрасным, пока с ним не соприкоснешься вплотную, — сказал мистер Саттертуэйт. — Вещи самые отвратительные могут издали показаться прекраснее всего на свете.

Послышались шаги, мистер Саттертуэйт обернулся. В дверях стоял блондин с туповатым, невыразительным лицом. Это был Джерард Эннсли — за столом мистер Саттертуэйт толком его не разглядел.

— Мэйбл, тебя ждут, — сказал он.

Вся ее одухотворенность мигом погасла.

— Иду, Джерард, — равнодушно отозвалась она, поднимаясь. — Мы немного заболтались с мистером Саттертуэйтом.

Из двери первой вышла Мэйбл Эннсли, за ней мистер Саттертуэйт. В коридоре он покосился через плечо и успел поймать на лице ее мужа выражение безысходной тоски.

«А ведь он все чувствует, — подумал мистер Саттертуэйт — Он чувствует власть над нею неведомых сил. Бедняга!»

Гостиная была ярко освещена. Мейдж и Дорис Коулз шумно набросились на Мэйбл Эннсли:

— Куда это ты запропастилась, негодница?!

«Негодница» опустила на низенький табурет, настроила гитару и запела. Все хором подхватили.

«Возможно ли, — размышлял мистер Саттертуэйт, — что-бы «Моей крошке»¹ посвящалось так много идиотских песен?»

Впрочем, он признавал, что их мелодии, изобилующие синкопами² и подвываниями, были довольно трогательны, хотя и не шли ни в какое сравнение с любым старомодным вальсом.

В комнате было уже очень накурено, похожие мелодии сменяли одна другую...

¹ Имеются в виду популярные песни в ритме блюз американских негров, посвященные «моей крошке» — бэби.

² Синкопа (*греч*) — распространенная в народной музыке американских негров ритмическая форма, заключающаяся в том, что ударение переносится с сильного времени такта на слабое, что придает ритмике особую четкость и динамичность

«Нет беседы,— подумал мистер Саттертуэйт.— Нет хорошей музыки. Нет покоя». Ему захотелось, чтобы в мире стало поменьше шума и суеты.

Внезапно Мэйбл Эннсли, оборвав какую-то песенку, улыбнулась ему и запела Грига:¹

«Мой лебедь прекрасный...»

Это была любимая песня мистера Саттертуэйта. Ему нравилось бесхитростное удивление, звучавшее в конце:

«Ужель ты и впрямь был лишь лебедь?...»

После Грига все начали расходиться. Мейдж предлагала гостям напитки, ее отец, подобрав брошенную гитару, рассеянно пощипывал струны. Гости желали друг другу спокойной ночи и постепенно пододвигались к двери. Говорили все одновременно. Джерард Эннсли уже незаметно ретировался.

Выйдя из гостиной, мистер Саттертуэйт церемонно простился с миссис Грэм. Наверх вели две лестницы: одна была рядом с дверью гостиной, другая — в противоположном конце коридора. Мистер Саттертуэйт направился к дальней лестнице, миссис Грэм с сыном к ближней. Сбежавший раньше всех Джерард Эннсли тоже поднялся к себе по ближней лестнице.

— Мэйбл, прихвати сразу гитару,— посоветовала Мейдж,— не то утром непременно забудешь. Вам ведь в такую рань вставать!

— Идемте, идемте, мистер Саттертуэйт! — затараторила Дорис, хватая его под руку и увлекая за собой.— Рано в кровать, рано вставать...— ну, и так далее!²

Мейдж подхватила его под другую руку, и они втроем дружно побежали по коридору под звонкий смех Дорис. Возле лестницы они остановились подождать Дэвида Кили, который следовал за ними более степенно, выключая по пути свет. Все четверо поднялись наверх.

На другое утро мистер Саттертуэйт уже готовился спуститься к завтраку, когда в дверь тихонько постучали и во-

¹ Эдвард Григ (1843—1907) — норвежский композитор, автор романса «Лебедь».

² Начало известного английского детского стихотворения

Рано в кровать,
Рано вставать —
Горя и хвори.
Не будете знать.
(перев. С.Я Маршака)

шла Мейдж Кили. Лицо ее было смертельно бледно, она вся дрожала.

— Ах, мистер Саттертуэйт, мистер Саттертуэйт! .

— Деточка, что случилось? — Он взял ее за руку.

— Мэйбл Мэйбл Эннсли...

— Да?

Что-то случилось. Но что? Что-то страшное, понял он. Мейдж едва могла говорить.

— Сегодня ночью она повесилась .. У себя в комнате на притолоке. Это такой ужас! — И она разрыдалась.

— Повесилась?.. Невозможно! Непостижимо!

Он постарался как-то утешить ее в своей старомодной манере, после чего поспешил вниз. Внизу он нашел расстроенного и вконец растерявшегося Дэвида Кили.

— Саттертуэйт, в полицию я уже позвонил — доктор сказал, что это обязательно. Он только что закончил осмотр. . осмотр... О Господи, как это все неприятно! Наверное, она была страшно несчастлива, раз так с собой... И эта ее вчерашняя песня — вот уж право, лебединая! Да и сама она была похожа на лебедя. На черного лебедя...

— Да.

— «Лебединая песня», — повторил Кили. — Видно, у нее уже тогда было что-то на уме, да?

— По всей видимости, да. Во всяком случае, очень на это похоже.

Замявшись, он спросил, нельзя ли ему. . Если, конечно...

Хозяин угадал, о чем он так сбивчиво просит.

— Да, разумеется, если хотите. Я и забыл, что людские трагедии — ваша *penchant* ¹.

Он повел мистера Саттертуэйта наверх по широкой лестнице. Наверху сразу же возле лестничной площадки с одной стороны находилась комната Роджера Грэма, с другой — комната его матери. Дверь последней была приоткрыта, и из щели выплывала тоненькая струйка дыма.

Мистер Саттертуэйт слегка удивился. Глядя на миссис Грэм, он ни за что бы не подумал, что эта почтенная дама может курить в столь ранний час. Точнее говоря, он вообще до сих пор не подозревал, что она курит.

Они прошли по коридору до предпоследней двери и остановились. Дэвид Кили вошел в комнату первым, мистер Саттертуэйт за ним.

¹ Склонность (*фр*)

За дверью располагалась небольшая спальня, по видимости, мужская. Боковая дверь вела из нее в смежную комнату. Войдя в эту вторую комнату, они тут же увидели конец веревки, которая все еще болталась на крюке, вбитом в прилодку. А на кровати...

Мистер Саттертуэйт некоторое время глядел на постель, на ворох синего шифона с рюшами и оборками, которые так напоминали птичьи перья. Глянув на лицо, он старался уже ни на что больше не смотреть.

Он перевел взгляд на входную дверь, на которой висел обрывок веревки, а с нее — на боковую дверь.

— Дверь между комнатами была заперта?

— Нет. Во всяком случае, служанка сказала, что нет.

— Эннсли спал? Он что-нибудь слышал?

— Говорит, ничего.

— Трудно представить,— пробормотал мистер Саттертуэйт и еще раз взглянул на лежащее на кровати тело.

— Где он?

— Кто — Эннсли? Внизу, с доктором.

Спустившись вниз, они обнаружили, что прибыл инспектор полиции. Мистер Саттертуэйт был приятно удивлен, узнав в нем своего старого знакомого — инспектора Уинкфилда. Инспектор вместе с врачом поднялся наверх и оттуда через несколько минут передал, что просит всех собраться в гостиной.

Шторы уже были задернуты, и вся комната имела траурный вид. Заплаканная Дорис Коулз то и дело промокала глаза носовым платком. Мейдж выглядела теперь решительно и настороженно — кажется, она уже вполне овладела собой. Миссис Грэм была спокойна, как всегда, и сидела с лицом серьезным и бесстрастным. Больше всех, по видимому, трагедия поразила ее сына: он был просто сам не свой. Дэвид Кили, как обычно, маячил где-то на заднем плане.

Овдовевший супруг сидел один, несколько в стороне от остальных. Он пребывал в странном оцепенении и, кажется, не совсем понимал, что произошло.

Мистер Саттертуэйт, внешне спокойный, на самом деле был переполнен чувством ответственности и сознанием долга, который ему вскоре предстояло выполнить.

Инспектор Уинкфилд, в сопровождении доктора Морриса, вошел в гостиную и закрыл за собою дверь. Откашлявшись, он заговорил:

— Произошло печальное событие. Да, очень печаль-

ное событие. Поэтому я обязан задать всем вам несколько вопросов. Думаю, возражений не будет. Начну с мистера Эннсли. Простите мой вопрос, сэр, но я хочу знать, не высказывала ли ваша супруга намерения покончить с собой?

Мистер Саттертуэйт открыл уже было рот, но, поразмыслив, закрыл его опять. Время еще есть, решил он. Не стоит спешить.

— Покончить с собой?.. Н-нет, по-моему, нет.

Ответ прозвучал до такой степени нерешительно, что все собравшиеся в гостиной украдкой бросили на Эннсли удивленные взгляды.

— Вы что, не совсем уверены, сэр?

— Нет.. То есть уверен. Не высказывала.

— Понятно. А вы знали о каких-либо ее переживаниях?

— Нет. Нет, я... не знал.

— И она вам ничего такого не говорила? Например, что что-то ее угнетает?

— Н-нет... Ничего такого не говорила.

Что бы там инспектор ни подумал, вслух он не сказал ничего. Вместо этого он перешел к следующему вопросу:

— Опишите вкратце события вчерашнего вечера.

— Вечером мы все... разошлись по своим комнатам. Я сразу уснул и ничего не слышал. Сегодня утром меня разбудил визг служанки. Я бросился в смежную комнату и увидел, что моя жена.. что она...

Голос его совсем замер. Инспектор кивнул.

— Ну-ну, довольно, можете не продолжать. Где и когда вы в последний раз видели свою жену вчера вечером?

— В последний раз... внизу.

— Внизу?

— Да. Мы выходили из гостиной все вместе, но я поднялся к себе, когда остальные еще прощались внизу.

— И вы больше ее не видели? Разве она не пожелала вам спокойной ночи, поднявшись в свою комнату?

— Когда она пришла, я уже спал.

— Но она направилась вверх лишь на несколько минут позже вас, так ведь, сэр? — Инспектор взглянул на Дэвида Кили.

Тот кивнул.

— Ее не было еще, по крайней мере, полчаса,— упрямо заявил Эннсли.

Взгляд инспектора скользнул к миссис Грэм.

— А к вам она не заходила, мадам?

То ли мистеру Саттертуэйту показалось, то ли действительно миссис Грэм на мгновение замаялась и лишь через секунду ответила с обычной уверенностью:

— Нет. Я прошла прямо в свою комнату и заперла за собой дверь. Я ничего не слышала.

— Так вы говорите, сэр,— инспектор снова принялся за Эннсли,— что спали и не слышали никаких звуков. Но ведь дверь между вашими комнатами как будто оставалась открытой?

— Да... кажется, так. Но ей незачем было проходить через мою комнату — в ее спальню из коридора ведет своя дверь.

— Но даже и в этом случае, сэр, вы должны были что-то услышать! Она, вероятно, хрипела, билась об дверь...

— Нет!

Тут уж мистер Саттертуэйт не выдержал. Лица собравшихся удивленно обернулись к нему. Он покраснел и стал даже заикаться от волнения.

— Прошу меня извинить, инспектор... Но... я должен сказать. Вы идете по ложному пути! По совершенно ложному пути. Миссис Эннсли не покончила с собой — я абсолютно в этом уверен. Ее убили!

Воцарилась мертвая тишина, потом инспектор Уинкфилд тихо спросил:

— Что привело вас к такому выводу, сэр?

— Я... просто в этом уверен. У меня такое ощущение.

— Но, сэр, чтобы с уверенностью такое утверждать, одних ощущений мало — должны быть и основания.

Надо сказать, что для самого мистера Саттертуэйта вполне достаточным основанием было вчерашнее таинственное послание от мистера Кина. Однако, понимая, что полицейского инспектора этим не убедишь, он принялся топорливо подыскивать подходящее объяснение.

— Видите ли, вчера вечером я беседовал с ней... И она сказала, что очень счастлива. Да, именно так — что она очень и очень счастлива! Разве стала бы она такое говорить перед тем, как покончить с собой?

И, уже чувствуя себя победителем, добавил:

— К тому же она возвращалась в гостиную за гитарой, чтобы не забыть ее утром. Самоубийцы, как правило, о таких вещах не беспокоятся.

— Да, пожалуй, вы правы,— признал инспектор и обернулся к Дэвиду Кили: — Она забрала с собой гитару?

Математик пытался вспомнить.

— Да, кажется, забрала. Наверх она поднималась с гитарой в руке. Точно, она как раз заворачивала по лестнице, когда я выключил внизу свет.

— Как?! — воскликнула Мейдж. — Но вот же она!

И в подтверждение своих слов указала на стол, где мирно покоилась гавайская гитара.

— Любопытно, — заметил инспектор и, круто повернувшись, прошагал к звонку.

Дворецкому приказано было разыскать служанку, убравшую комнаты утром. Служанка вскоре явилась и ответила совершенно однозначно: придя утром в гостиную, она первым делом вытерла пыль с гитары.

Отпустив ее, инспектор сурово сказал:

— Я бы хотел поговорить с мистером Саттертуэйтом наедине. Остальные могут идти, однако прошу всех оставаться в Лейделле.

Едва за вышедшими закрылась дверь, мистер Саттертуэйт торопливо заговорил:

— Инспектор, я... Я уверен, что вы прекрасно владеете ситуацией. Да, прекрасно владеете! Просто мне показалось, что раз у меня, как я уже говорил, возникло такое сильное ощущение...

Инспектор поднял руку, видимо, желая прекратить дальнейшие оправдания.

— Мистер Саттертуэйт, вы совершенно правы. Ее убили.

— Так вы знали?.. — разочарованно произнес мистер Саттертуэйт.

— Есть кое-какие детали, которые насторожили доктора Морриса. — Он взглянул на доктора, присутствующего тут же. Тот кивнул. — На шее оказалась не та веревка, которой она на самом деле была удушена. Та была гораздо тоньше — что-то вроде проволоки, вероятно. Эта проволока прямо-таки врезалась в кожу, а сверху уже наложился след от веревки. Ее попросту удушили, а уже потом повесили, чтобы представить как самоубийство.

— Но кто же мог?..

— Вот именно, кто? — сказал инспектор. — В этом весь вопрос. А что вы скажете о муже, который уснул, даже не пожелав жене спокойной ночи, и ничего не слышал — хотя находился тут же, за стеной? По-моему, нам далеко ходить не придется. Надо только выяснить, как они между собою ладили. Вот в этом-то, мистер Саттертуэйт, вы и должны нам помочь. Вы тут человек свой и можете то, чего не

могу я. Так вот, выясните, какие между супругами были отношения.

— Но я не намерен...— гордо выпрямившись, начал мистер Саттертуэйт.

— Это уже будет не первое убийство, которое вы можете нам раскрыть. Помните дело миссис Стренджуэйз? Поистине, сэр, у вас нюх на такие вещи!

Верно, нюх у него был.

— Постараюсь сделать все возможное,— тихо сказал он. Неужели действительно Ричард Эннсли убил свою жену? Мистеру Саттертуэйту припомнился его вчерашний жалкий взгляд — взгляд человека, который любил и страдал. А мало ли на что может толкнуть человека страдание?..

Впрочем, у этого дела ведь должна быть и другая сторона. Мэйбл говорила ему, что только-только выбирается из темного леса. Она была переполнена ожиданием счастья — притом не тихого и благопристойного счастья, а счастья самозабвенного, счастья-экстаза...

Если Джерард Эннсли говорил правду, то вечером после его возвращения Мэйбл еще, по крайней мере, полчаса не входила в свою комнату. Однако Дэвид Кили видел, как она поднималась по лестнице. В этом крыле всего две комнаты, мимо которых она должна была пройти: комната миссис Грэм и комната ее сына.

Ее сына? Но ведь они с Мейдж...

Если бы между ними что-то было, Мейдж наверняка бы догадалась. Хотя нет, она не из тех, кто догадывается. В общем нет дыма без огня. Дыма...

Вспомнил! Запах дыма из двери спальни миссис Грэм ..

Дальше он действовал не раздумывая. Вверх по лестнице, вот комната миссис Грэм... В комнате никого. Мистер Саттертуэйт запер дверь изнутри.

Он направился прямо к камину. В золе чернел целый ворох истлевших бумажек. Осторожно разглаживая их пальцем, он наконец обнаружил в самом низу несколько уцелевших обрывков, по-видимому, писем.

Несмотря на то, что обрывки были обгоревшие и разрозненные, кое-что можно было прочитать.

«Роджер, милый мой, жизнь может быть так прекрасна . Я и не знала...»

«...думаю, что Джерард знает... конечно, очень жаль, но что я могу поделать? Для меня не существует никого, кроме тебя, Роджер... Скоро мы будем вместе».

«О чем ты собираешься рассказать ему в Лейделле, Роджер? В письме ты выразился как-то странно — но я все равно не боюсь...»

Мистер Саттертуэйт достал конверт из ящика стола и осторожно сложил в него все обрывки. После этого он отпер дверь — и, распахнув ее, столкнулся лицом к лицу с миссис Грэм.

Момент был неприятный, и в первую секунду мистер Саттертуэйт несколько растерялся. Однако он тут же взял себя в руки и принял, вероятно, самое правильное решение, объяснив все как есть.

— Миссис Грэм, я произвел у вас обыск и кое-что нашел. В камине уцелело несколько обрывков писем...

В лице ее мелькнуло тревожное выражение. Мгновение — и все прошло, однако мистер Саттертуэйт успел это заметить.

— ...писем миссис Эннсли, адресованных вашему сыну...

Она немного помедлила и ответила довольно спокойно:

— Верно. Я решила, что их лучше всего сжечь.

— Почему?

— Мой сын в ближайшее время собирается жениться. Эти письма — а после самоубийства несчастной их могли предать гласности — принесли бы ему только страдания и неприятности.

— Но ваш сын мог сжечь их и сам.

Она не нашлась, сразу, что ответить, и мистер Саттертуэйт воспользовался моментом, чтобы продолжить наступление:

— Вы увидели их у него в комнате, принесли к себе и сожгли. Почему? Да потому что вы боялись, миссис Грэм!

— Я не имею привычки бояться чего бы то ни было!

— Возможно, но ведь в данном случае положение было безвыходное.

— Я вас не понимаю.

— Вашего сына могли арестовать. За убийство.

— Убийство?!

Она смертельно побледнела. Мистер Саттертуэйт торопливо продолжал:

— Вы слышали, как вчера вечером миссис Эннсли зашла в комнату вашего сына. Он говорил ей раньше о своей помолвке? Насколько я понимаю, нет. Значит, сказал вчера! Они поссорились, и тогда...

— Это ложь!

Оба они так увлеклись словесной перепалкой, что не заметили и не услышали, как сзади подошел Роджер Грэм.

— Мама, все в порядке. Не беспокойся. Мистер Саттертуэйт, зайдите, пожалуйста, ко мне.

И мистер Саттертуэйт, вслед за молодым человеком, шагнул к нему в комнату. Миссис Грэм, даже не делая попыток последовать за ними, ушла к себе. Роджер Грэм закрыл дверь.

— Послушайте, мистер Саттертуэйт, насколько я понимаю, вы думаете, что я убил Мэйбл — что я задушил ее здесь, в моей комнате, а потом, когда все спали, тихонько отнес тело наверх и инсценировал самоубийство?

Мистер Саттертуэйт долго не сводил с него взгляда и ответил несколько неожиданно:

— Нет, я так не думаю.

— Что ж, спасибо и на этом. Я... я не мог бы ее убить. Я любил ее. А может, и нет — не знаю. Все так запутано, что я и сам не могу разобраться. Мейдж... Мейдж мне очень дорога... давно люблю ее. Она такая славная! Мы очень друг к другу подходим. С Мэйбл все было иначе... Она была для меня... как наваждение. По-моему, я даже ее боялся.

Мистер Саттертуэйт кивнул.

— Это было как экстаз, как какое-то безумие... Все равно из этого ничего бы не вышло. Такие порывы — они быстро проходят. Теперь я понимаю, что значит быть в плену у наваждения...

— Да,— задумчиво сказал мистер Саттертуэйт.— Вероятно, так оно и было.

— Я хотел наконец от всего этого избавиться.. И вчера вечером собирался сказать об этом Мэйбл.

— Но не сказали?

— Нет, не сказал,— помедлив, ответил Грэм.— Клянусь, мистер Саттертуэйт, что после того, как все мы разошлись из гостиной, я больше ее не видел.

— Я верю,— сказал мистер Саттертуэйт.

Он встал. Роджер Грэм не убивал Мэйбл Эннсли. Он мог предать ее, но не убить. Он ее боялся, боялся этого призрачного, загадочного наваждения. Он познал неутолимую страсть — и отвернулся от нее. Неясной мечте, способной завести его бог весть куда, он предпочел надежную, благоразумную Мейдж, с которой, он был уверен, у него все «выйдет».

Он был благоразумный молодой человек и как таковой **никогда** интересовал мистера Саттертуэйта — ибо сей джентльмен воспринимал жизнь как художник и тонкий ценитель.

Оставив Роджера Грэма в его комнате, он спустился вниз. В гостиной никого не было. Гитара Мэйбл лежала на табурете возле окна. Мистер Саттертуэйт взял ее в руки и рассеянно провел по струнам. Он был почти не знаком с гавайской гитарой, но по звуку догадался, что инструмент безбожно расстроен. Он попробовал подкрутить колки.

В этот самый момент в гостиную вошла Дорис Коулз. Она поглядела на мистера Саттертуэйта с нескрываемым осуждением.

— Бедная гитара! — сказала она.

Уловив упрек, пожилой джентльмен почувствовал, как в нем выиграло упрямство.

— Настройте ее, пожалуйста, — попросил он и добавил: — Если, конечно, вы умеете.

— Разумеется, умею! — сказала Дорис, возмущенная предположением, что она чего-то не умеет.

Взяв у него гитару, она проворно провела рукой по струнам, но только повернула колок, как струна с жалобным звуком лопнула!

— Ой, как же так!.. Ах... Странно, это не та струна! Это «ля» — она должна быть следующей. Почему она здесь? Она же не должна стоять здесь! Кто мог поставить ее сюда?! Ну и ну!.. Кто же мог сделать такую глупость?

— Наверное, тот, — сказал мистер Саттертуэйт, — кто считает себя самым умным.

Он произнес это таким тоном, что Дорис недоуменно уставилась на него. Мистер Саттертуэйт забрал у девушки гитару, снял лопнувшую струну и, зажав ее в кулаке, вышел из гостиной.

Дэвида Кили он нашел в библиотеке.

— Вот, — сказал мистер Саттертуэйт и протянул ему струну.

Кили взял ее в руку.

— Что это?

— Струна. — Он помолчал немного, затем спросил: — А что вы делали с той, другой?

— С какой — другой?

— С той, которой ее задушили! Ловко придумано, ничего не скажешь. Все произошло очень быстро — пока мы

все разговаривали у дверей, Мэйбл вернулась в гостиную за своей гитарой. Струну вы сняли еще раньше — пока вертели гитару в руках. Вы набросили петлю ей на шею и задушили. Потом вышли, заперли дверь и догнали нас в коридоре. Позже, ночью, вы еще раз спустились вниз и избавились от трупа, инсценировав самоубийство. Тогда же вы натянули новую струну — да только струна оказалась не той! Вот в чем ваша ошибка.

Кили молчал.

— Почему вы это сделали? — спросил мистер Саттертуэйт.— Ради Бога, скажите мне, почему?!

Мистер Кили рассмеялся, и от его мерзкого хихиканья мистеру Саттертуэйту сделалось не по себе.

— Потому,— сказал он,— что это же было так просто! И еще потому, что на меня никто никогда не обращает внимания. Им нет до меня дела — вот я и решил над ними посмеяться!..

Он опять тихонько захихикал и посмотрел на мистера Саттертуэйта безумным взором.

Мистер Саттертуэйт почувствовал огромное облегчение от того, что в этот момент в комнату вошел инспектор Уинкфилд.

Спустя двадцать четыре часа мистер Саттертуэйт уже сонно покачивался в вагоне лондонского поезда. Очнувшись от дремоты, он обнаружил, что напротив сидит высокий темноволосый человек, но почти не удивился неожиданной встрече.

— Мистер Кин, дорогой, это вы?!

— Да, я.

— Мне стыдно смотреть вам в глаза,— сказал мистер Саттертуэйт.— Я потерпел фиаско.

— Вы думаете?

— Я не смог ее спасти.

— Но вы же разгадали загадку?

— Да, это верно. Конечно, не будь меня, кого-то из этих молодых людей могли бы заподозрить в убийстве или даже осудить... Во всяком случае, возможно, я кого-то спас. Но ее — это странное, волшебное существо...— Голос его дрогнул.

Мистер Кин взглянул на него в упор.

— По-вашему, смерть есть величайшее зло, которое грозит человеку?

— Величайшее зло?.. Нет, не...

Мистеру Саттертуэйту припомнились Мейдж и Роджер Грэм.. Лицо Мэйбл в лунном свете, безоблачное, неземное счастье .

— Нет,— согласился он — Наверное, смерть не есть самое большое зло.

Он снова вспомнил смятые складки синего шифона, похожие на перья.

Птица со сломанным крылом.

Когда он поднял глаза, напротив уже никого не было. Мистер Кин исчез.

Однако кое-что от него осталось.

На сиденье лежала грубо выточенная фигурка птицы из непрозрачного синего камня. Пожалуй, она не представляла большой художественной ценности, и все же .

В ней было что-то магическое.

Так сказал мистер Саттертуэйт — а он кое-что понимает.

Глава 11

Конец Света

На Корсике мистер Саттертуэйт оказался по милости герцогини. Признаться, здесь он чувствовал себя не в своей стихии. На Ривьере он, во всяком случае, имел все удобства — которые для почтенного джентльмена всегда значили немало. Но, как ни дорожил он своими удобствами, он также дорожил и дружбою герцогинь. Да, у мистера Саттертуэйта, человека достойного, вполне безобидного и в целом положительного, была эта слабость: он любил цвет общества. Герцогиня Лит как раз и представляла самый что ни на есть цвет. Родословная у нее была идеальна: отец герцог, супруг герцог — и ни одного чикагского мясника.

В остальном же она была вполне заурядная и неприметная с виду старушка, более всего любившая украшать свои платья черным стеклярусом¹. У нее было множество бриллиантов в старомодной оправе, которые она носила точно так же, как в свое время ее мать — то есть цепляла их на себя без разбору, куда попало. Кто-то однажды предположил, что герцогиня становится посреди комнаты, а ее служанка ходит вокруг нее и пригоршнями швыряет в нее брошки

¹ Стеклярус — род бисера, разноцветные короткие трубочки из стекла, нанизываемые на нить для украшения

Она щедро жертвовала деньги на всяческие благотворительные нужды и искренне заботилась о своих иждивенцах и различного рода попрошайках, однако в мелочах была очень прижимиста. Она, например, любила прокатиться за чужой счет и, делая покупки, всегда яростно торговалась.

Теперь герцогине приспичило ехать на Корсику. Канны наскучили ей, к тому же она рассорилась с Мануэлем — владельцем отеля из-за цен на комнаты.

— Вы, Саттертуэйт, едете со мной, — не терпящим возражения тоном объявила она. — В наши годы нам с вами можно уже не бояться сплетен.

Мистер Саттертуэйт был втайне польщен. Прежде ему вообще не приходилось бояться сплетен — для этого он был фигурой слишком незначительной. Сплетни о них с герцогиней? Недурно!

— Там очень живописные места, — сказала герцогиня. — И корсиканцы — сущие бандиты! К тому же, говорят, все так дешево... Наш Мануэль совсем обнаглел! Таких надо сразу ставить на место. Пусть не думают, что порядочные люди согласятся терпеть этот грабёж — я ему так прямо и сказала!..

— По-моему, туда лучше всего долететь самолетом, — сказал мистер Саттертуэйт. — Из Антибского¹ аэропорта.

— Однако, это может встать нам в копеечку, — осадил его герцогиня. — Выясните это, ладно?

— Непременно, герцогиня.

Мистер Саттертуэйт все еще пребывал в радостном возбуждении, невзирая на то, что в путешествии ему явно отводилась роль престарелого мальчика на побегушках.

Узнав стоимость авиабилета, герцогиня наотрез отказалась лететь.

— И они надеются, что я выложу такие деньги за опасный перелет на каком-то дурацком самолете?

И мистру Саттертуэйту пришлось целых десять часов терпеть неудобства морского путешествия. Во-первых, он решил, что, коль скоро отплытие назначено на семь вечера, то на борту пассажирам будет предложен ужин. Однако никакого ужина не было. Во-вторых, ночью начался шторм, и маленький пароходик болтало из стороны в сто-

¹ Антибы — небольшой город на Лазурном берегу Франции к востоку от Канн

рону. В итоге, высаживаясь рано утром в Аяччо¹, мистер Саттертуэйт был ни жив ни мертв.

Герцогиня, напротив, выглядела свежей и отдохнувшей. Ее никогда не смущали некоторые неудобства, если они позволяли ей что-нибудь сэкономить. Вид бережливой с пальмами в лучах восходящего солнца вызвал в ней новый прилив энтузиазма. Местные жители, кажется, высыпали встречать пароходик в полном составе. Пока спускались сходни, с берега доносились взволнованные выкрики и советы.

— On dirait, que jamais avant on n'a fait cette manoeuvre la!² — с видом знатока заявил толстый француз, стоявший неподалеку.

— Мою служанку, дуреху, всю ночь тошнило,— сообщила герцогиня.

Мистер Саттертуэйт улыбнулся побледневшими губами.

— По мне, это просто перевод продуктов,— бодро продолжала герцогиня.

— А что, были какие-то продукты? — ревниво поинтересовался мистер Саттертуэйт.

— У меня с собой случайно оказалось печенье и плитка шоколада,— пояснила герцогиня.— Когда стало понятно, что ужина не будет, я все отдала ей. Простолюдины всегда бывают недовольны, когда их вовремя не покормить!

Победные возгласы зевак возвестили о том, что сходни наконец спущены, бандитского вида корсиканцы дружно, как кордебалет³ из театра музыкальной комедии, бросились на палубу и начали силой вырывать у пассажиров багаж.

— Пойдемте, Саттертуэйт,— сказала герцогиня.— Мне нужна горячая ванна и кофе!

Мистеру Саттертуэйту было нужно то же самое, однако и тут ему не совсем повезло. В дверях отеля путешественников с поклоном встретил управляющий, и их тут же провели в комнаты. Герцогине достался номер с ванной, а вот в номере мистера Саттертуэйта таковой не оказалось, и ему было предложено воспользоваться ванной в чьем-нибудь номере. Рассчитывать на то, что вода в столь ранний

¹ Аяччо — главный город Корсики

² Говорят, что никогда раньше здесь не делали такого маневра (фр.)

³ Кордебалет — балетные артисты, исполняющие групповые танцы

час окажется горячей, не приходилось. Ему принесли кофейник, и он выпил чашечку крепкого черного кофе. Через открытое окно в комнату лился наполненный благоуханием свежий утренний воздух. День сверкал ослепительной зеленью и синевой.

Гарсон, принесший кофе, торжественно взмахнул рукой, обращая внимание постояльца на вид из окна.

— *Ajaccio*,— с пафосом произнес он.— *Le plus beau port du monde!*¹ — И тотчас удалился.

Глядя на снежные вершины, белеющие над синевой бухты, мистер Саттертуэйт склонен был с ним согласиться. Он допил кофе, лег на кровать и вскоре уснул.

За обедом герцогиня пребывала в прекрасном настроении.

— Саттертуэйт, это как раз то, что вам нужно,— объявила она.— А то вы держитесь за свои драгоценные привычки, как старая дева! — Она обвела лорнетом столовую.— Надо же,— воскликнула она,— тут, оказывается, Наоми Карлтон-Смит!

Она указала на ссутуленную спину девушки, одиноко сидящей за столиком у окна. У девушки были черные, неровно подстриженные волосы и платье, сшитое, похоже, из мешковины.

— Художница? — спросил мистер Саттертуэйт. Он был мастер угадывать, кто есть кто.

— Художница,— кивнула герцогиня.— Во всяком случае, так себя именует. Я думала, она все еще слоняется неизвестно где. У девицы ни гроша за душой — зато такая гордячка! И к тому же с причудами, как все Карлтон-Смиты. Дочь моей покойной кузины.

— Она, стало быть, из Ноултонов?

Герцогиня кивнула.

— Родственники ее терпеть не могут,— добавила она уже по собственной инициативе.— Девушка-то она неглупая, но повадилась проводить время в Челси и там спуталась с каким-то прохвостом — он писал то ли стихи, то ли пьесы, то ли еще бог знает какую ерунду — в том же духе. Конечно, его писанину никто не покупал — и тогда он додумался у кого-то украсть драгоценности... На том и попался. Не помню точно, сколько ему дали. Кажется, лет пять. Да вы, наверное, слышали: это же было прошлой зимой.

¹ Аяччо! Красивейший порт мира! (*фр*)

— Прошлой зимой я был в Египте,— пояснил мистер Саттертуэйт.— Весь январь я проболел гриппом, и врачи настояли, чтобы я ехал поправить здоровье в Египет... Так что — увы! — я многое пропустил.

В его голосе звучало неподдельное сожаление.

— По-моему, она хандрит,— сказала герцогиня, снова наведя на девушку лорнет.— Ну уж нет, этого я не потерплю!

На пути к выходу она остановилась у столика мисс Карлтон-Смит и легонько похлопала девушку по плечу.

— Эй, Найоми, ты меня как будто не узнаешь?

Найоми без особого энтузиазма поднялась.

— Ну что вы, герцогиня, я вас узнала, как только вы вошли! Просто я подумала, что вы меня можете не узнать.

Она лениво растягивала слова, ничуть не утруждая себя хорошим тоном.

— Как закончишь обедать, выйди на террасу. Мне нужно с тобой поговорить,— сказала герцогиня.

— Хорошо,— сказала Найоми и зевнула.

— Чудовищные манеры,— обронила герцогиня, направляясь к двери.— Как у всех Карлтон-Смитов.

Выбрав место на солнышке, они заказали себе кофе. Минут через пять из отеля неторопливо вышла Найоми Карлтон-Смит. Она небрежно уселась на стул рядом с ними, не слишком элегантно вытянув ноги.

У нее был торчащий подбородок и глубоко посаженные серые глаза. «Какое странное лицо,— подумал мистер Саттертуэйт.— Умное и несчастливое. Лицо, которому недостает лишь самой малости, чтобы быть красивым».

— Ну, Найоми,— бодро начала герцогиня.— Чем ты все это время занималась?

— Да так, ничем. Убивала время

— Писала что-нибудь?

— Немного.

— Покажи-ка.

Найоми усмехнулась. Властный тон герцогини ее нимало не задел — скорее, позабавил. Она вернулась в отель и вскоре появилась снова с весьма увесистой папкой.

— Но предупреждаю вас, герцогиня,— сказала она,— они вам не понравятся. Впрочем, можете говорить что угодно — меня это не слишком огорчит.

Заинтересовавшись, мистер Саттертуэйт подсел поближе, а подсев, проявил еще больший интерес. Герцогиня качала головой с нескрываемым осуждением.

— Не могу разобрать, где тут что,— жаловалась она.— **Боже** милостивый, Найоми, разве бывает море — или **небо** — такого цвета?

— Я их так вижу,— лаконично ответила девушка.

— Фу! — рассматривая следующую работу, поморщилась герцогиня.— Аж мурашки по коже!

— Так и должно быть,— сказала Найоми.— Вы, сами **того** не желая, сделали мне комплимент.

Это был странный, вихреобразный набросок опунции ¹, которую здесь можно было узнать с большим трудом. Кое-где на грязно-зеленых пледах алмазами на солнце вспыхивали яркие разноцветные искры. То был стремительный водоворот порочной, мясистой, загнивающей плоти.

Невольно пожившись, мистер Саттертуэйт отвел взгляд и обнаружил, что Найоми следит за его реакцией.

— Вы правы,— понимающе кивнула она.— Действительно страшная гадость.

Герцогиня откашлялась.

— Нынче, кажется, стало очень легко писать картины,— уничтожающе заметила она.— Не нужно мучиться, добиваться сходства. Знай швыряй себе краску на холст — уж не знаю чем, но, во всяком случае, не кистью...

— Мاستихином...²— с довольной улыбкой вставила Найоми.

— Главное — не жалеть красок,— продолжала герцогиня.— Тяп-ляп — и пожалуйста вам, картина готова! И все говорят: «Ах, как замечательно!» Нет уж, меня этим не проймешь! Я предпочитаю...

— Эдвина Ландсира ³, — подсказала Найоми.— И что-бы на холсте всякие там лошадки, собачки...

— А почему бы и нет? — вскинулась герцогиня — Чем тебе не нравится Ландсир?

— Да нет, он мне нравится,— сказала Найоми.— И вы мне нравитесь, герцогиня. И вообще, как поверху гля-

¹ Опунция — растущее в жарких странах растение из семейства кактусовых, цветущее желтыми, красными или пурпурными цветами

² Мастихин (*um*) — пластинка в виде лопатки или ножа, применяемая художниками для нанесения грунта, удаления краски с полотна и т.п.

³ Ландсир Эдвид (1802—1873) — английский художник, лучшие картины которого не просто изображали животных и птиц, но передавали их характеры и эмоции.

нешь, все в жизни выглядит мило, гладко и лучезарно. Вас, герцогиня, я очень уважаю: вы сильная женщина. В вашей жизни чего только не было — и всякий раз вы выходили победительницей. Зато те, кому довелось быть побежденными, видят жизнь с другой стороны — и это тоже по-своему интересно.

Герцогиня не сводила с девушки озадаченного взгляда.

— Не могу взять в толк, что ты такое говоришь! — объявила она наконец.

Мистер Саттертуэйт все еще рассматривал наброски. В отличие от герцогини, он мог оценить технику и был приятно удивлен.

— Мисс Карлтон-Смит, нельзя ли купить у вас что-нибудь? — подняв глаза, спросил он.

— Берите любую за пять гиней, — равнодушно ответила девушка.

С минуту поколебавшись, он выбрал набросок опунции с цветами алоэ. На переднем плане желтело яркое пятно мимозы, кругом по всему листу были беспорядочно разбросаны алые цветки алоэ, а позади с безжалостной точностью чередовались продолговатые лепестки опунции и зазубренные листья алоэ.

Мистер Саттертуэйт поклонился.

— Мисс Карлтон-Смит, я с огромным удовольствием — и, вероятно, с немалой выгодой для себя — покупаю у вас эту вещь, — сказал он. — Думаю, когда-нибудь я выручу за этот эскиз гораздо больше — если, конечно, надумаю его продать.

Девушка наклонилась посмотреть, что он выбрал, после чего взглянула на него уже с некоторым уважением. Кажется, она вообще впервые заметила его присутствие.

— Это лучший из моих набросков, — сказала она. — Ну что ж, я рада.

— Не знаю, — пожала плечами герцогиня. — Может, вы и правы — вам виднее. Я слышала, что вы разбираетесь в живописи... Только не говорите мне, что вот эта мазня — искусство, я все равно вам не поверю!.. Впрочем, довольно об этом. Я приехала сюда на несколько дней и хочу еще осмотреть остров. Найоми, у тебя ведь есть машина?

Девушка кивнула.

— Прекрасно! — сказала герцогиня — Вот завтра куда-нибудь и съездим.

— Но в ней только два места.

— Ничего страшного! Я думаю, сзади найдется откидное сиденье и для мистера Саттертуэйта.

Мистер Саттертуэйт вздохнул. Сегодня утром он успел испытать на себе, что такое дорога по-корсикански.

— Боюсь, что моя машина вам не подойдет,— задумчиво взглянув на него, сказала Найоми.— Она просто развалюха, я купила ее за бесценок. Меня одну она еще кое-как тащит в горку — да и то со скрипом,— а вот пассажиров уж точно не потянет... Впрочем, здесь можно взять машину напрокат.

— Напрокат? — презрительно переспросила герцогиня.— Вот еще! А кто этот господин с желтоватым лицом, который подъехал перед самым обедом на четырехместной машине?

— По-моему, вы имеете в виду мистера Томлинсона. Это отставной судья из Индии.

— Тогда понятно, откуда такая желтизна,— кивнула герцогиня.— А я уж забеспокоилась, не желтуха ли. С виду он вроде человек порядочный. Надо с ним поговорить.

Когда мистер Саттертуэйт вечером спустился к ужину, герцогиня в черном бархатном платье и в полном блеске своих бриллиантов уже о чем-то увлеченно беседовала в холле с господином из Индии. Властным кивком она подозвала его к себе.

— Идите сюда, мистер Саттертуэйт. Мистер Томлинсон рассказывает такие интересные вещи! И главное — представьте себе — он собирается свозить нас завтра в своей машине на экскурсию!

Мистер Саттертуэйт посмотрел на нее с искренним восхищением.

— Нам пора на ужин,— сказала герцогиня — Подсаживайтесь к нашему столу, мистер Томлинсон, и мы с удовольствием дослушаем ваш рассказ!

— Вполне приличный господин,— высказалась она некоторое время спустя.

— У которого к тому же вполне приличная машина,— парировал мистер Саттертуэйт.

— Фу, какой грубиян! — сказала герцогиня и весьма ощутимо щелкнула его по пальцам черным выцветшим веером, который всегда носила с собой.

Мистер Саттертуэйт даже поморщился от боли.

— Найоми тоже едет с нами,— сообщила герцогиня,— на своей машине. Девочка вся словно в скорлупе! Не то

чтобы эгоистка, нет, но — вся в себе! Ее как будто никто и ничто не интересуется. Вы ведь тоже такого мнения?

— Не уверен,— медленно сказал мистер Саттертуэйт — То есть, я хочу сказать, интересы людей всегда на что-то направлены. Бывают, конечно, отдельные личности, которые живут только собой,— но, тут я с вами согласен, она не из их числа. Собой она как раз совсем и не интересуется. Однако у нее, кажется, сильный характер — а значит, скорее всего, она натура целеустремленная. Я сначала подумал, что ее цель — живопись, но, по-видимому, нет. И еще... у нее такой отрешенный взгляд. Я никогда не встречал людей с таким взглядом. Это весьма опасно.

— Опасно? Что вы хотите этим сказать?

— Дело в том, что она, вероятно, одержима какой-то навязчивой идеей — а это всегда опасно.

— Саттертуэйт,— сказала герцогиня,— перестаньте молоть чепуху — и слушайте меня. Завтра мы с вами...

И мистер Саттертуэйт вернулся к наиболее привычной для себя роли — роли слушателя.

На следующее утро они выехали довольно рано. Все, что было нужно для обеда, прихватили с собой. Найоми — поскольку она прожила на острове уже полгода и все здесь знала — было поручено прокладывать путь. Когда девушка уже находилась в машине, к ней подошел мистер Саттертуэйт.

— Может быть, мне все-таки можно с вами? — с надеждой спросил он.

Она покачала головой.

— Там мягкие сиденья, и вам будет гораздо удобнее. А в моем драндулете придется подсакивать на каждой кочке.

— Да-да, конечно, и на подъеме тяжеловато...

— Да нет,— усмехнулась Найоми.— Подъем тут ни при чем. Просто я не хотела, чтобы вы тряслись на откидном сиденье. Вполне можно было бы нанять машину — герцогиня в состоянии себе это позволить. Но куда там, наверное, скаредней ее никого не сыщешь в Европе!.. Впрочем, она все равно что надо, и я ее очень люблю.

— Значит, мне все-таки можно с вами? — оживился мистер Саттертуэйт.

Она окинула его чуть удивленным взглядом.

— Но почему непременно со мной?

— Ах, нужно ли спрашивать? — Мистер Саттертуэйт отвесил старомодный поклон.

Она улыбнулась, но покачала головой.

— Конечно, я польщена,— сказала она задумчиво — Но... будет все же лучше, если вы поедете с герцогиней Так что сегодня — нет.

— Что ж, тогда как-нибудь в другой раз,— вежливо согласился мистер Саттертуэйт.

— В другой раз? — Она неожиданно рассмеялась — как ему показалось, довольно странным смехом.— Ну что ж, в другой так в другой! Там будет видно.

Вскоре все расселись по местам и тронулись в путь. Ехали сначала по городу, потом долго огибали бухту, затем петляли по острову, переправились через речку, снова выехали на морское побережье, испещренное мелкими песчаными бухточками. Наконец начался подъем. Дорога вилась серпантинном все выше и выше, от крутых поворотов захватывало дух. Голубая бухта осталась далеко внизу, а еще дальше, по другую ее сторону, сверкал на солнце сказочно-белый Аяччо.

Поворот, опять поворот. Пропасть оказывалась то справа, то слева. Постепенно у мистера Саттертуэйта начала кружиться голова, потом его стало подташнивать. Машины ползли все выше и выше по узкой горной дороге.

Похолодало. Ветер дул теперь прямо с заснеженных вершин. Мистер Саттертуэйт поднял воротник пальто и застегнулся до подбородка.

Вскоре стало совсем холодно. Внизу, за гладью голубой бухты, в теплых солнечных лучах нежился Аяччо, но здесь, наверху, все было в серых облаках. Мистеру Саттертуэйту уже расхотелось куда бы то ни было ехать, он затосковал по гостинице с паровым отоплением и уютными креслами.

Впереди упрямо карабкался по серпантину маленький автомобильчик Найоми. Все выше, выше. Весь мир остался далеко внизу: склоны гор, долины между ними. Здесь же — лишь снежные вершины да резкие, как удар хлыста, порывы ветра. Наконец Найоми остановила свою машину и обернулась.

— Все,— сказала она.— Приехали! Конец Света. Кажется, сегодня не лучший день для такой прогулки.

Все выбрались из машин. Перед ними раскинулась маленькая деревушка — в пять-шесть домов — с внушительным названием, запечатленном внушительными буквами на придорожном столбе: «КОТИ ЧЬЯВЕРИ».

Найоми пожала плечами.

— Гораздо лучше подходит: Конец Света.

Она шла немного впереди, мистер Саттертуэйт догнал ее и пошел рядом. Вскоре дома кончились, и дорога оборвалась. Как Найоми и говорила, здесь был конец, край земли, за которым начиналась Великая Пустота. Позади вилась белая лента дороги, впереди не было ничего, лишь далеко-далеко внизу синело море... Мистер Саттертуэйт перевел дыхание.

— Какое странное место. Такое ощущение, что здесь можно увидеть что угодно или... или кого угодно...

Тут он умолк, потому что на большом валуне прямо перед собой заметил сидящего к ним спиной человека. Человек смотрел на море. До этого момента они его не видели, поэтому его появление показалось им чуть ли не волшебством, будто он возник просто из ничего.

— Не могу понять... — начал мистер Саттертуэйт. Но в этот момент незнакомец обернулся и мистер Саттертуэйт увидел его лицо. — Мистер Кин, вы? Ну и чудеса! Мисс Карлтон-Смит, позвольте представить вам моего друга мистера Кина. Поистине замечательный человек!.. Не спорьте, мистер Кин, замечательный! Вы всегда появляетесь в самый критический момент...

Он замолчал, смутно чувствуя, что высказал какую-то страшно важную мысль, но, хоть убей, не мог понять какую.

Найоми чуть снисходительно, как всегда, протянула мистеру Кину руку.

— Мы приехали сюда на пикник, — сообщила она, — но, боюсь, скоро промерзнем здесь до костей.

Мистер Саттертуэйт поежился:

— Хорошо бы где-нибудь укрыться от ветра.

— Боюсь, от него тут нигде не укроешься, — возразила Найоми. — Впрочем, надо искать.

— Да, думаю, стоит. — Мистер Саттертуэйт обернулся к мистеру Кину. — Знаете, как мисс Карлтон-Смит окрестила это местечко? Конец Света. По-моему, вполне подходяще, да?

Мистер Кин несколько раз медленно кивнул.

— Да, и наводит на размышления. Думаю, каждый человек хоть раз в жизни попадает в такое место, из которого пути нет.

— О чем вы? — резко спросила Найоми.

Он обернулся к ней.

— Обычно ведь у нас всегда есть какой-то выбор, не так ли? Вправо-влево, вперед-назад... Здесь же позади дорога, а впереди — пустота.

Несколько секунд девушка пристально смотрела на него, потом поежилась, как от холода, отвернулась и зашагала обратно по дороге. Мужчины вскоре догнали ее. На ходу мистер Кин продолжал говорить тоном обычной светской беседы:

— Ваша машина та, что поменьше, мисс Карлтон-Смит?

— Да.

— Вы сами ее ведете? Наверное, нужно немало хладнокровия, чтобы быть за рулем на такой дороге. Здесь ужасные повороты. Мгновенье замешательства, неполадка в тормозах — и с обрыва вниз, вниз, вниз... Ведь это так просто!..

Они наконец присоединились к остальным, и мистер Саттертуэйт представил своего друга. Неожиданно кто-то дернул его за руку. Это оказалась Найоми.

— Кто он такой? — требовательно вопрошала она, оттащив его в сторону.

Мистер Саттертуэйт несколько опешил.

— Да я и сам не знаю. То есть знаю-то я его уже давно, несколько лет, и время от времени мы с ним встречаемся, но сказать, чтобы я действительно его знал ..

Он замолчал, вконец запутавшись, впрочем, девушка и не слушала его. Она стояла опустив голову, сжав кулаки.

— Он все знает,— сказала она.— Все. Откуда он все знает?

Мистеру Саттертуэйту нечего было ответить. Он лишь безмолвно смотрел на нее, не в силах понять, что с ней такое творится.

— Я боюсь,— прошептала она.

— Бойтесь мистера Кина?

— Боюсь его глаз. Он все видит .

На щеку мистера Саттертуэйта упало что-то влажное и холодное. Он поднял глаза.

— Надо же! — удивленно воскликнул он.— Снег!

— Да, славный мы выбрали денек для пикника,— сказала Найоми.

Ей все-таки удалось взять себя в руки.

Однако, что же делать? С неба повалил густой снег,

который, по-видимому, и не думал прекращаться. Все заволновались, и каждый начал предлагать, что делать дальше. Наконец мистер Кин предложил то, что как будто бы всем понравилось. За домами виднелась небольшая закусочная, сложенная из грубых камней. Туда все и потянулись

— Провизия у вас с собой,— сказал мистер Кин.— А там, если повезет, нам заварят по чашечке кофе.

Помещение было маленькое и темное — в единственное окошко свет почти не пробивался,— зато от очага разливалось приятное тепло. Пожилая корсиканка как раз подбросила хворосту, огонь вспыхнул, на миг осветив помещение, и вошедшие увидели, что, оказывается, их успела опередить еще одна компания.

В конце длинного дощатого стола сидели три человека. Вся обстановка показалась мистеру Саттертуэйту какой-то нереальной, а эти трое — в особенности.

Женщина, сидевшая за столом, походила на герцогиню, точнее говоря, на классический образ герцогини. Это была просто-таки идеальная светская дама, каких принято изображать на сцене. С гордо поднятой аристократической головой, благородными седиными. Мягкая ткань серого платья красивыми складками ниспадала на пол. Одна рука, белая и узкая, подпирала подбородок, в другой она держала круассан¹, намазанный паштетом из гусиной печени. Справа от седовласой дамы сидел человек, изысканно одетый. У него было очень бледное лицо, очень черные волосы и очки в роговой оправе. В данный момент он сидел, откинув голову и воздев левую руку к потолку, словно намереваясь что-то продекламировать.

Слева от дамы располагался лысый улыбчивый человек, на которого, раз взглянув, никто больше уже не обращал внимания.

Последовала короткая заминка, после чего герцогиня — настоящая герцогиня — взяла инициативу в свои руки.

— Какая ужасная буря, не правда ли? — выступая вперед, благожелательно произнесла она и улыбнулась особой проникновенной улыбкой, которая очень помогала ей при работе в комитете по борьбе с беспризорностью и тому подобных благотворительных организациях.— Кажется, она

¹ Круассан — булочка из слоеного теста в форме полумесяца, рогалик

и вас застигла в пути? Но все равно, Корсика — чудесный уголок! Я приехала только вчера утром.

Черноволосый встал, и герцогиня тотчас милостиво опустилась на его место.

— А мы здесь уже неделю,— заговорила дама, сидевшая за столом.

Мистер Саттертуэйт вздрогнул. Однажды услышав такой голос, уже невозможно его забыть. Пронизанный волнением и легкой грустью, он шел как будто из самого сердца и тут же заполнил собою все помещение. Мистеру Саттертуэйту показалось, что она произнесла что-то значительное, незабываемое, исполненное тайного смысла.

— Знаете человека в роговых очках? — торопливо шепнул он мистеру Томлинсону.— Это мистер Вайз, продюсер.

Отставной судья взглянул на мистера Вайза с явной неприязнью.

— Продюсер — это значит производитель? — уточнил он.— Он, стало быть, производит детишек?

— О, Господи, каких детишек? — отшатнулся мистер Саттертуэйт, шокированный упоминанием знаменитого имени в столь вульгарном контексте.— Пьесы!

— Я, пожалуй, пойду подышу,— сказала Найоми.— Здесь слишком жарко.

Мистер Саттертуэйт даже вздрогнул от ее резкого хрипловатого голоса. Она пошла к двери, смотря перед собой каким-то невидящим взглядом. По дороге она отодвинула мистера Томлинсона, но на самом пороге путь ей преградил мистер Кин.

— Вернитесь и сядьте,— властно приказал он.

К удивлению мистера Саттертуэйта, девушка, немного поколебавшись, подчинилась. Она вернулась к столу и села в противоположном конце, подальше от остальных.

Мистер Саттертуэйт добрался наконец до мистера Вайза.

— Возможно, вы не помните меня,— начал он.— Моя фамилия Саттертуэйт...

— Ну, конечно же! Дорогой вы мой! — Выбросив вперед длинную костлявую руку, продюсер до боли сжал ладонку мистера Саттертуэйта.

— Надо же, где довелось встретиться! . Да, мисс Нанн вы, разумеется, знаете?..

Мистер Саттертуэйт чуть не подпрыгнул на месте. Неудивительно, что голос показался ему знакомым. Тысячи

зрителей по всей Англии трепетали при звуке этого удивительного, божественного голоса. Розина Нанн! Самая эмоциональная актриса Англии! Мистер Саттертуэйт тоже находился под ее неотразимым обаянием. Никто не умел так играть, как она, раскрывать все тончайшие нюансы. Он всегда считал ее интеллектуальной актрисой, способной понять и глубоко прочувствовать каждую роль.

То, что он не узнал ее с первого взгляда, было вполне простительно. Розина Нанн отличалась непостоянством вкусов. Свои первые двадцать пять лет она прожила блондинкой. Из поездки по Штатам вернулась с локонами цвета воронова крыла и серьезно занялась трагедией. По всей вероятности, амплу «великосветской дамы» было ее последним капризом.

— А вот, знакомьтесь, мистер Джадд, супруг мисс Нанн,— сказал Вайз, небрежно указывая на лысого.

Насколько мистер Саттертуэйт припоминал, супругов у Розины Нанн перебивало несколько. Этот, стало быть, последний.

Мистер Джадд деловито извлекал какие-то пакеты из продуктовой корзины.

— Намазать еще, дорогая? — обратился он к жене.— Тот паштет был, пожалуй, жидковат, этот как будто погуще — как раз такой, как тебе нравится.

Розина Нанн протянула ему свой круассан, пробормотав:

— По части съестного Генри у меня просто чудодетей! Все продовольственные вопросы я предоставляю ему.

— Всякую тварь надо кормить! — засмеялся мистер Джадд и похлопал жену по плечу.

— Обращается с ней, как с собакой,— сокрушенно шепнул продюсер на ухо мистеру Саттертуэйту.— Кормит чуть ли не с рук. Все-таки странные существа, женщины!.

Мистер Саттертуэйт с мистером Кином принялись распаковывать свои припасы. На столе появились яйца вкрутую, холодная ветчина и швейцарский сыр. Герцогиня и мисс Нанн негромко вели беседу. Можно было расслышать отдельные фразы, произносимые глубоким контральто актрисы.

— Нужно взять круассан, развернуть его, чуть-чуть поджарить, понимаете? Потом тоню-усенький слой мармелада!.. Потом свернуть — и в духовку. На минутку, не больше. Получается просто восхитительно!

— Эта женщина живет, чтобы есть,— шепнул мистер Вайз.— Исключительно ради этого! Ни о чем другом думать она не способна. Помню, когда репетировали «Поездку к морю» — знаете: «И мне там будет так хорошо и спокойно...»¹, — я никак не мог добиться от нее нужного эффекта. Наконец я велел ей думать о мятных сливках — она обожает мятные сливки,— и что же? Представьте себе, все вышло как надо! Появился этот ее нездешний мечтательный взгляд, который так берет за душу...

Мистер Саттертуэйт молчал, припоминая.

Сидящий напротив Томлинсон откашлялся, решив участвовать в разговоре.

— Вы, говорят, производите пьесы, да? Я, признаться, сам люблю иногда подремать на какой-нибудь пьеске. Вот хотя бы «Писака Джим» — помните? Вот то была вещь!

Мистера Вайза передернуло.

— О, Господи! — застонал он.

— ...И маленький зубчик чеснока,— внушала мисс Нанн герцогине.— Расскажите своей кухарке. Прелесть!..

Она счастливо вздохнула и обернулась к мужу.

— Где же, в конце концов, икра, Генри? — спросила она капризно.— Я ее так и не видела!

— Да ты чуть не сидишь на ней,— весело отозвался мистер Джадд.— Ты же сама поставила ее на стул позади себя.

Розина Нанн торопливо водворила икру на стол и лучезарно улыбнулась всей компании.

— Генри у меня просто сокровище! Я такая рассеянная, никогда не помню, куда что кладу.

— Помнишь, как ты однажды засунула свои любимые груши в мешок с банными принадлежностями? — подмигнул Генри.— А потом забыла его в отеле. Да, мне в тот день пришлось попотеть: звонки, телеграммы...

— И, в конце концов, мои груши ко мне вернулись,— мечтательно произнесла мисс Нанн.— А вот мой опал..²

По лицу ее пронеслась тень невыразимой печали.

Уже не раз в присутствии мистера Кина у мистера Саттертуэйта возникало ощущение, что он словно бы играет роль в какой-то пьесе. И сейчас это ощущение появилось

¹ «Поездка к морю» — пьеса (1905) ирландского драматурга и поэта Джона Миллингтона Синга (1871—1909).

² Опал — полупрозрачный минерал, окрашенный в разные цвета, некоторые разновидности которого являются драгоценными камнями.

вновь. Все происходящее казалось ему какой-то фантазмагорией¹, реальным было лишь одно: каждому здесь была отведена определенная роль, а после слов «мой опал» должна последовать его собственная реплика. Он наклонился вперед:

— Ваш опал, мисс Нанн?

— Генри, у нас есть масло? . Спасибо. Да, мой опал Его ведь у меня украли. . да так и не нашли.

— Расскажите, пожалуйста,— попросил мистер Саттертуэйт.

— Понимаете, я родилась в октябре, и опал должен приносить мне счастье. Но мне хотелось, чтобы это был не просто опал, а что-нибудь необыкновенное! Я долго искала — и наконец мне встретился этот камень. Мне сказали, что это один из самых красивых опалов в мире. Возможно, не самый крупный — примерно с двухшиллингую монетку — но цвет, но блеск!..

Она вздохнула. Мистер Саттертуэйт заметил, что героиня почему-то беспокойно ерзает на стуле, но мисс Нанн уже было не остановить. Она продолжала, и благодаря неподражаемому богатству ее интонаций рассказ ее звучал как старинная печальная сага².

— Его украл у меня молодой человек, которого звали Алек Джерард. Он писал пьесы.

— Кстати, весьма недурные,— авторитетно заметил Вайз.— Да что говорить, я сам однажды полгода держал у себя какую-то его пьесу.

— Вы ее произвели? — осведомился мистер Томлинсон.

— Произвел? — удивился мистер Вайз.— Нет, разумеется! Но, представьте, одно время серьезно об этом подумывал.

— Там была прекрасная роль для меня,— вздохнула мисс Нанн.— Пьеса называлась «Дети Рахили» — хотя собственно героини по имени Рахиль в ней не было. Как-то он зашел в театр, чтобы переговорить со мной о роли. Он мне даже понравился — такой приятный, скромный с виду молодой

¹ Фантастасмагория (*фр с греч*) — причудливые, беспорядочные видения, проносящиеся перед воспаленным воображением человека во сне или в бреду

² Сага — в скандинавском фольклоре эпическое повествование, баллада

человек. Помню,— ее прекрасные глаза подернулись мечтательной дымкой,— он купил мне в буфете мятные сливки... Опал лежал на столике в моей уборной. Молодой человек сказал, что бывал прежде в Австралии и немного разбирается в опалах. Он еще поднес его к свету, чтобы получше рассмотреть. Вот тогда-то он, верно, и сунул его в карман. Вскоре после его ухода я заметила, что опал исчез. Тут началась такая шумиха, помните?

Она обернулась к мистеру Вайзу.

— Еще бы не помнить,— буркнул мистер Вайз.

— У него дома нашли пустой футляр,— продолжала актриса.— И потом, он как раз тогда был на мели — и вдруг на следующий день у него, откуда ни возьмись, появилась приличная сумма, которую он внес в свой банк. Он объяснил это тем, что якобы его друг удачно поставил за него на скачках — но друга этого так и не нашли. Насчет футляра он сказал, что, вероятно, прихватил его по рассеянности. Вот уж, по-моему, совершенно бездарное объяснение — можно было бы придумать что-нибудь похитроумнее... Мне пришлось давать показания на суде, мои портреты печатались во всех газетах. Рекламный агент уверял меня, что все прекрасно, что лучшей рекламы вообще не придумаешь — но я бы предпочла свой опал!

И она грустно покачала головой.

— Может, попробуешь консервированных ананасов? — спросил мистер Джадд.

Мисс Нанн просияла.

— Где они?

— Я их только что тебе передал.

Мисс Нанн посмотрела на столе, пошарила у себя за спиной, но нашла лишь серую шелковую сумочку. Тогда она нетерпеливо подняла с пола большую лиловую сумку, тоже из шелка, и, к удовольствию любознательного мистера Саттертуэйта, начала методично выкладывать на стол ее содержимое.

На свет появились: пудреница, губная помада, футлярчик для драгоценностей, моток шерсти, еще одна пудреница, два носовых платка, баночка шоколадного крема, нож с эмалевой ручкой для разрезания бумаги, маленькая темно-коричневая деревянная шкатулочка, пять писем, грецкий орех, лоскуток розового крепдешина, обрывок ленты и недоеденный круассан. Последними явились консервированные ананасы.

— Эврика,— тихонько пробормотал мистер Саттертуэйт.

— Что вы сказали?

— Ничего,— торопливо ответил мистер Саттертуэйт.— Какой красивый нож!

— Да, мне он тоже нравится. Мне его кто-то подарил — не помню кто.

— А это индийская шкатулка,— заметил мистер Томлинсон — Хитроумная штучка, да?

— Тоже чей-то подарок,— сказала мисс Нанн.— Она у меня уже давно. Она все время стояла на туалетном столике в моей уборной... Впрочем, что в ней красивого?

Шкатулка, выточенная из темного дерева, открывалась сбоку. А сверху помещались две деревянные пластинки, свободно вращающиеся в обе стороны.

— Красивого, может, и мало,— усмехнулся мистер Томлинсон — Зато, ей-богу, вы ничего подобного не видывали!

Заволновавшись, мистер Саттертуэйт подался вперед.

— Скажите, а почему вы назвали ее хитроумной? — спросил он.

— А что, разве не так? — Судья обернулся к мисс Нанн. Та непонимающе смотрела на него.

— Полагаю, не стоит всем демонстрировать этот фокус, да?

Мисс Нанн все еще не понимала.

— Какой фокус? — спросил мистер Джадд.

— Боже правый, неужто не знаете?

Судья обвел глазами озадаченные лица.

— Подумать только! Ну-ка дайте мне ее на минутку!.. Спасибо.

Он открыл шкатулку.

— Так. Теперь мне нужно что-нибудь не очень большое, что можно в нее положить. Вот, кусочек сыру подойдет. Прекрасно! Кладем его внутрь, закрываем

Он немного повертел шкатулку в руках.

— Теперь смотрим...

Он снова открыл шкатулку. Она была пуста

— Вот эта да! — ахнул мистер Джадд.— Как вы это сделали?

— Очень просто. Надо перевернуть шкатулку вверх дном, левую пластину развернуть на сто восемьдесят градусов, а правую установить по центру. А теперь, чтобы сыр

появился снова, надо вращать в противоположную сторону — правую пластину на сто восемьдесят градусов, левую по центру, и все это, держа шкатулку вверх дном. И тогда — оп ля!..

Шкатулка открылась — и над столом пролетел вздох изумления. С сыром было все в порядке, он лежал в шкатулке — но рядом с ним лежало что-то еще — что-то круглое, переливающееся всеми цветами радуги.

Послышался волнующий звук чистейшего контральто:
— Мой опал!

Розина Нанн поднялась во весь рост, прижав руки к груди.

— Мой опал! Но как он там оказался?

Генри Джадд смущенно закашлялся.

— Гм-м, Рози, девочка моя, я, честно говоря, думаю, что ты сама его туда положила!

В этот момент кто-то встал в темноте из-за стола и ощупью вышел на улицу. Это была Найоми Карлтон-Смит. За ней вышел мистер Кин.

— Но... Когда я могла?.. Неужели...

Мистер Саттертуэйт наблюдал, как мучительно до нее доходила истина. На это потребовалось минуты две, не меньше.

— Неужели в прошлом году, в театре?

— Ну, Рози, милая,— виноватым тоном говорил Генри.— У тебя ведь действительно есть привычка всегда что-то вертеть в руках! Вспомни хотя бы сегодняшнюю икру . Мыслительный процесс мисс Нанн продолжался.

— Значит, я машинально сунула его в шкатулку?.. А потом случайно ее перевернула, и тогда... тогда .— До нее дошло наконец — Но ведь тогда выходит, что Алек Джерард ни в чем не виноват... О! — Душераздирающий возглас разнесся по всей зале.— Какой ужас!

— Ну что ж,— сказал мистер Вайз — Можно еще все исправить.

— Да, но ведь он уже год как в тюрьме!..

Неожиданно она резко повернулась к герцогине и спросила:

— Кто эта девушка, которая только что вышла отсюда?

— Мисс Карлтон-Смит, она была помолвлена с мистером Джерардом,— сказала герцогиня.— Она... очень тяжело пережила эту историю.

Мистер Саттертуэйт незаметно выскользнул за дверь.

Снег перестал. Найоми сидела на низкой каменной оградке. В руке она держала альбом для зарисовок, рядом лежали цветные мелки. Тут же стоял мистер Кин.

Она протянула альбом мистеру Саттертуэйту — и он увидел незаконченный, но, несомненно, талантливый рисунок: в вихре кружащихся снежинок — фигура человека.

— Как хорошо,— сказал мистер Саттертуэйт.

Мистер Кин взглянул на небо.

— Буря кончилась,— сказал он.— Дорога, наверное, все еще скользкая, но, думаю ничего неожиданного быть не должно?

— Ничего неожиданного не будет,— сказала Найоми. В ее тоне чудился какой-то не вполне понятный для мистера Саттертуэйта смысл. Она обернулась — и вдруг одарила его ослепительной улыбкой.— Мистер Саттертуэйт, если захочет, может ехать обратно в моей машине!

Только сейчас он понял, до какой крайности простиралось ее отчаяние.

— Что ж, мне пора,— засуетился мистер Кин.

— Куда же он? — пробормотал мистер Саттертуэйт, растерянно глядя ему вслед.

— Вероятно, туда, откуда пришел,— каким-то странным тоном ответила Найоми.

— Но... Но там же ничего нет,— сказал мистер Саттертуэйт, ибо мистер Кин направлялся к тому самому месту у обрыва, где они недавно его увидели.— Вы же сами говорили, что это Конец Света!..

Он вернул ей альбом.

— Это очень здорово,— сказал он.— Вам удалось ухватить самую суть. Только — гм-м... Только почему вы изобразили его в маскарадном костюме?

Их глаза на секунду встретились.

— Я так его вижу,— сказала Найоми Карлтон-Смит.

Глава 12

Улица Арлекина

Мистер Саттертуэйт так до конца и не понимал, что заставляет его ездить к Денменам. То были люди не его круга. Они не принадлежали ни к высшему свету, ни к артистической элите — словом, самые заурядные обыватели. Мистер Саттертуэйт познакомился с ними в Биариц-

де¹ и принял их приглашение. Приехав в гости, он тут же смертельно заскучал, однако вскоре почему-то приехал опять и вот теперь едет снова.

Почему? — спрашивал он себя двадцать первого июня, выезжая из Лондона на своем «роллс-ройсе».

Джону Денмену, человеку солидному и в деловом мире весьма уважаемому, было около сорока. Ничто не сближало его с мистером Саттертуэйтом — ни общество, в котором они общались, ни, тем более, взгляды на жизнь. В сфере своей деятельности он, пожалуй, был весьма неординарным человеком, однако вне ее был малоинтересен и начисто лишен воображения.

«Зачем я туда еду?» — опять спросил себя мистер Саттертуэйт, и единственный пришедший на ум ответ показался ему столь туманным и незначительным, что он почти не удостоил его вниманием. Ответ этот заключался всего-навсего в следующем: его заинтересовала одна из комнат большого добротного дома Денменов, а именно гостиная миссис Денмен.

Нельзя сказать, чтобы она выражала индивидуальность своей хозяйки. Точнее, насколько мистер Саттертуэйт мог судить, у этой женщины не было индивидуальности. Ему вообще до сих пор не встречались лица, до такой степени лишенные какого бы то ни было выражения. Он знал, что по происхождению она русская. В начале Первой мировой Джон Денмен оказался в России, воевал вместе с русскими, после революции едва успел унести ноги, привез с собой в Англию русскую беженку, оставшуюся без гроша, и, невзирая на недовольство родни, таки женился на ней.

Комната миссис Денмен сама по себе была ничем не примечательна. Она была обставлена крепкой, добротной мебелью стиля «хепплауйт»² и подошла бы скорее мужчине, чем женщине. Лишь один предмет в ней решительно не соответствовал остальной обстановке: китайская лаковая ширма с росписью, выполненной в кремовых и розоватых тонах. Таким экспонатом мог бы гордиться любой музей. То была поистине редкостная вещь, мечта коллекционера.

¹ Биариц — город во Франции на берегу Бискайского залива, международный курорт.

² «Хепплауйт» — стиль мебели XVIII века, преимущественно из красного дерева, с овальными или веерообразными спинками кресел, изогнутыми ножками и подлокотниками и изящной отделкой (по имени столяра-краснодеревщика Джорджа Хепплауйта).

Здесь, на сугубо английском фоне, она казалась совершенно неместной. Ей бы служить главным украшением комнаты, в которой все прочие детали дополняли бы ее и перекликались бы с ней. И, однако же, мистер Саттертуэйт не мог упрекнуть Денменов в отсутствии вкуса: все остальное в доме было продумано до мелочей, все прекрасно сочеталось между собой.

Мистер Саттертуэйт потрянул головой. Этот, казалось бы, пустяк почему-то не давал ему покоя. Именно он, и ничто другое, по-видимому, и заставлял мистера Саттертуэйта снова и снова возвращаться в этот дом. Может, эта китайская ширма в английской гостиной — всего лишь женская прихоть? Однако, вспоминая миссис Денмен, флегматичную женщину с несколько резковатыми чертами лица, правильно и без малейшего акцента говорящую по-английски, мистер Саттертуэйт никак не мог связать ее образ с подобными капризами.

Машина наконец подкатила к дому, и мистер Саттертуэйт выбрался из нее, все еще размышляя о загадке китайской ширмы. Дом Денменов назывался «Эшмид» и занимал около пяти акров Мелтонской пустоши, что милях в тридцати от Лондона, на высоте около пятисот футов¹ над уровнем моря. В этих краях оседают люди преимущественно солидные и респектабельные.

Дворецкий встретил мистера Саттертуэйта с надлежащим почтением. Мистер и миссис Денмен в настоящий момент отсутствуют, сообщил он, они на репетиции, но просят мистера Саттертуэйта до их возвращения чувствовать себя как дома.

Мистер Саттертуэйт кивнул и, вняв просьбе хозяев, направился в сад. Рассеянно оглядывая цветочные клумбы, он не спеша брел по тенистой дорожке и вскоре оказался возле каменной ограды с калиткой. Калитка была не заперта, мистер Саттертуэйт шагнул на улицу и огляделся.

Перед ним лежала прелестная улочка — зеленая, тенистая, с высокой живой изгородью по обе стороны — классическая сельская улочка, петляющая то вправо, то влево. Мистер Саттертуэйт припомнил штемпель на конверте: «Эшмид, улица Арлекина» — и местное ее название, как-то вскользь упомянутое миссис Денмен.

¹ Фут — мера длины, равная 30,48 см

— Улица Арлекина,— тихонько пробормотал он.— Интересно...

Он свернул за угол.

Впоследствии он не раз спрашивал себя, почему, встретив за поворотом своего загадочного друга мистера Арли Кина, он почти не удивился. Они пожали друг другу руки.

— Стало быть, и вы здесь,— сказал мистер Саттертуэйт.

— Да, я тоже в гостях у Денменов,— ответил мистер Кин.

— Вы — в гостях?

— Да. Вас это удивляет?

— Н-не то чтобы...— запнувшись, проговорил мистер Саттертуэйт.— Но... мне кажется, вы нигде не гостите подолгу.

— Ровно столько, сколько нужно,— без улыбки сказал мистер Кин.

— Понимаю,— кивнул мистер Саттертуэйт.

Несколько минут оба шли молча.

— Эта улочка — она...— начал мистер Саттертуэйт и смолк.

— Она моя.

— Я почему-то так и подумал,— торопливо сказал мистер Саттертуэйт.— Но здесь называют ее еще и по-другому: улица Влюбленных — слышали?

Мистер Кин кивнул.

— Впрочем,— мягко заметил он,— думаю, что улица Влюбленных найдется в каждой деревне.

— Вероятно,— вздохнул мистер Саттертуэйт.

Внезапно он почувствовал, что сам он — старомодный, сморщенный, отживший свое человечек — лишний на этой улице, где с обеих сторон буйно разрастается и зеленеет молодая поросль.

— Куда же, интересно, она ведет? — неожиданно для себя спросил он.

— Куда ведет? А вот сюда.

За последним поворотом открылся обширный пустырь, а почти у самых их ног зияла глубокая мусорная яма. Там, на дне, блестели на солнце консервные банки, под ними виднелись, уже не блестящие, ржавые банки, старые ботинки, грязные обрывки газет и всякий ненужный хлам.

— Свалка! — негодуя воскликнул мистер Саттертуэйт и от волнения тяжело задышал.

— Иногда на свалке можно увидеть поистине прекрасные вещи,— усмехнулся мистер Кин.

— Знаю, знаю,— закивал мистер Саттертуэйт и чуть смущенно процитировал: — «И сказал Господь: принесите мне две вещи, самые прекрасные в этом городе...» Помните продолжение?

Мистер Кин кивнул.

Мистер Саттертуэйт перевел взгляд на полуразрушенный домик, прилепившийся над обрывом на самом краю ямы.

— Надо же было кому-то построить дом в таком месте,— заметил он.— Представляю, какой у них был вид из окна.

— Думаю, в те годы свалки еще не было,— возразил мистер Кин.— По-моему, здесь как раз жили Денмены, когда они только-только поженились. Они перебрались в большой дом лишь после того, как родители умерли. А бывший их домик разрушился, когда здесь, на пустыре, начали разрабатывать карьер — но, как видите, так ничего и не разработали.

Они повернулись и пошли в обратную сторону. Мистер Саттертуэйт улыбнулся.

— Наверное, и правда, теплыми летними вечерами по этой улочке, обнявшись, бродят влюбленные...

— Вероятно.

— Влюбленные,— задумчиво повторил мистер Саттертуэйт. В тоне его не было традиционного смущения англичанина, рискнувшего заговорить о любви: очевидно, сказывалось присутствие мистера Кина.— Вы ведь немало сделали для влюбленных, да, мистер Кин?

Тот молча поклонился в ответ.

— Вы спасали их от страданий, более того — от смерти. И даже мертвых умели защитить.

— Все это делали вы — вы, а не я.

— Какая разница! — сказал мистер Саттертуэйт.— Какая разница! — настойчивее повторил он, ибо собеседник молчал.— Просто,— не знаю уж почему,— но вы предпочитаете действовать через меня, моими руками, и никогда не действуете напрямую.

— Иногда бывает,— сказал мистер Кин, и в голосе его послышались какие-то новые, незнакомые нотки.

Мистер Саттертуэйт невольно поежился. «Похолодало, что ли?» — подумал он, однако солнце светило по-прежнему ярко.

В этот момент из-за поворота показалась девушка в

розовом ситцевом платье — светловолосая, голубоглазая и очень миленькая. Мистер Саттертуэйт признал в ней Молли Стэнзуэлл, которую встречал здесь и раньше.

Она приветственно помахала ему рукой.

— Джон с Анной только что вернулись, — издали крикнула она. — Они знали, что вы должны вот-вот приехать, но никак не могли пропустить репетицию.

— А что за репетиция? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Сегодня вечером будет маскарад, или не знаю уж, как его назвать, — но с песнями и танцами, как положено. Мистер Мэнли — вы его, кажется, видели, у него тенор — так вот, он будет петь Пьеро¹, а я Пьеретту². Приедут двое профессиональных танцоров — на роли Арлекина и Коломбины³, как вы понимаете... И еще будет большой хор девочек. Леди Рошеймер занималась с деревенскими девочками — у нее просто талант по этой части. И музыка неплохая, хотя, по-нынешнему, почти без мелодий... Клод Уикем — знаете такого композитора?

Мистер Саттертуэйт кивнул, ибо, как уже говорилось, он знал всех. Он многое знал и о Клоде Уикеме — восходящей звезде в мире музыки, и о леди Рошеймер — дородной еврейке, питавшей слабость к молодым людям от искусства. Он также все знал о сэре Леопольде Рошеймере, который хотел, чтобы его жена была счастлива, но, в отличие от большинства мужей, не мешал ей быть счастливой так, как ей самой хочется.

Клода Уикема они нашли за чаем у Денменов. Он непрерывно что-то говорил, при этом запихивая в рот все без разбору и беспорядочно размахивая длинными белыми руками, которые у него, казалось, сгибались в обе стороны. Глаза композитора близоруко щурились из-за больших очков в роговой оправе.

Джон Денмен, крепкий цветущий мужчина, разве что чуточку расположенный к полноте, тоскливо выслушивал

¹ Пьеро — традиционный персонаж французского кукольного театра, одетый в свободное белое одеяние с длинными рукавами и большими пуговицами, с густо напудренным лицом.

² Пьеретта — традиционный персонаж французского кукольного театра, подруга Пьеро.

³ Коломбина — традиционный персонаж итальянской народной комедии, возлюбленная Арлекина, первоначально веселая и предприимчивая крестьянская девушка-служанка, позднее остроумная изящная субретка.

его рассуждения. С появлением двух друзей музыкант переключился на мистера Саттертуэйта как более благодарного слушателя. Анна Денмен тихо сидела за чайником. Лицо ее, как всегда, ничего не выражало.

Мистер Саттертуэйт украдкой взглянул на хозяйку. Высокая, худощавая, даже чресчур. У нее были черные волосы с пробором посередине, широкоскулое лицо без тени косметики, обветренная кожа,— видно, что эта женщина не привыкла с утра до вечера заниматься своей наружностью. С виду безжизненная, неподвижная, как манекен,— и все же...

«У нее совсем не простое лицо,— подумал мистер Саттертуэйт.— В нем что-то есть... Есть — и в то же время нет! Что-то тут не так! Что-то не так».

— Прошу прощения, что вы сказали? — спросил он у Клода Уикема.

Клод Уикем, обожавший звук собственного голоса, с удовольствием начал свою тираду сначала.

— Россия,— заявил он,— вот единственная страна в мире, достойная внимания. Они не побоялись, пошли на эксперимент! Да, пусть это был эксперимент над человеческими жизнями — но ведь эксперимент же! И это прекрасно!..— Он затолкал в рот бутерброд целиком и тут же закусил его шоколадным эклером, которым только что оживленно размахивал.— Взять хотя бы русский балет,— с набитым ртом продолжал он. Тут, вспомнив о хозяйке, он обернулся к ней. Вот что она, к примеру, думает о русском балете?

Этот вопрос, очевидно, был всего лишь прелюдией к пункту более важному, а именно к тому, что сам Клод Уикем думает о русском балете, однако ответ ее оказался столь неожиданным, что оратор начисто сбился с мысли.

— Я его ни разу не видела.

— Что?! — Он уставился на нее, открыв рот.— Но... Как же...

— Я сама танцевала до замужества,— тем же монотонным, невыразительным голосом продолжала она.— А теперь...

— Не вариться же, право, всю жизнь в одном котле! — вставил ее муж.

— Балет! — Она повела плечом.— Я знаю все его секреты. Он мне неинтересен.

— О!..

Клоду Уикему понадобилось некоторое время, чтобы вновь обрести свой апломб, после чего он продолжил прерванные рассуждения.

— Кстати, о человеческих жизнях,— сказал мистер Саттертуэйт,— и об экспериментировании над ними. Все-таки этот эксперимент дорого обошелся России!

Клод Уикем круто развернулся в его сторону.

— Я знаю, кого вы сейчас вспомнили! — вскричал он. — Карсавину!¹ Бессмертную, единственную Карсавину! Вы видели, как она танцевала?

— Трижды,— сказал мистер Саттертуэйт.— Два раза в Париже и один в Лондоне... Ее невозможно забыть!

Он произнес это чуть ли не с благоговением.

— Я тоже видел ее на сцене,— сказал Клод Уикем.— Мне было десять лет, и дядя как-то взял меня с собой в театр. Она была божественна! Я буду помнить ее до конца дней своих!.. — И он в сердцах зашвырнул в клумбу недоженную булочку.

— В одном берлинском музее есть ее статуэтка,— сказал мистер Саттертуэйт.— Отличная работа, передает ощущение этой ее необыкновенной хрупкости — будто она может рассыпаться от одного-единственного прикосновения. Я видел, как она танцевала в «Лебедином озере»², видел ее Коломбину³ и умирающую нимфу...⁴ — Он помолчал, качая головой.— Это была гениальная балерина! Пройдут годы и годы, прежде чем родится другая такая... И ведь она была еще так молода! А погибла нелепо и бессмысленно в первые же дни революции.

— Безумцы! Дураки! Обезьяны!.. — захлебываясь чаем, рычал Клод Уикем.

— Я училась вместе с Карсавиной,— сказала миссис Денмен,— и довольно хорошо ее помню.

— Она была... прекрасна, да? — спросил мистер Саттертуэйт.

¹ Карсавина Тамара Платоновна (1885—1978) — русская балерина, танцевавшая в Мариинском театре в Санкт-Петербурге, затем в труппе «Русский балет» С. П. Дягилева в Париже

² Имеется в виду балет «Лебединое озеро» (1876) П. И. Чайковского (1940—1893).

³ Карсавина танцевала партию Коломбины в ряде балетных постановок, в частности в балете «Арлекинад» (1900) итальянского композитора Риккардо Дриго (1846—1930), много лет проработавшего в России

⁴ Имеется в виду балетная миниатюра «Умирающий лебедь» французского композитора Шарля Сен-санса (1835—1921)

— Да,— тихо сказала миссис Денмен.— Она была прекрасна.

Когда Клод Уикем наконец отбыл, Джон Денмен вздохнул с таким облегчением, что его жена рассмеялась.

— Я вас понимаю,— кивнул мистер Саттертуэйт.— Но, несмотря ни на что, этот юноша умеет писать настоящую музыку.

— Да? — сказал Денмен.

— Несомненно. Другое дело, надолго ли его хватит.

— То есть? — не понял Денмен.

— К нему слишком рано пришел успех — юношам это, как правило, вредит. Я не прав? — Он обернулся к мистери Кину.

— Вы всегда правы,— сказал мистер Кин.

— Пойдемте в мою комнату,— пригласила миссис Денмен.— Там нам будет удобнее.

Она первая направилась к лестнице, остальные последовали за ней.

При виде китайской ширмы у мистера Саттертуэйта перехватило дыхание. Он поднял глаза и обнаружил, что миссис Денмен наблюдает за ним.

— Вы, говорят, всегда правы,— задумчиво кивнув, проговорила она.— Что вы скажете о моей ширме?

В ее вопросе ему вдруг послышался некий потаенный смысл, и, отвечая, он слегка волновался.

— Она...— он запнулся, подыскивая слова,— восхитительна. Более того, она бесподобна.

— Вы правы! — Сзади подошел Денмен.— Мы ее купили вскоре после нашей женитьбы. Она досталась нам за десятую часть настоящей стоимости, и все равно нам пришлось потом год выкарабкиваться из долгов. Помнишь, Анна?

— Да,— сказала миссис Денмен.— Помню.

— Собственно говоря, нам вообще не стоило ее покупать — во всяком случае, тогда. Теперь, конечно, другое дело. На днях на аукционе Кристи¹ распродавали прекрасные китайские вещицы, тоже лаковые. Как раз то, что надо для этой комнаты — можно было бы обставить ее всю в китайском стиле, а старую мебель убрать. Так представьте, Саттертуэйт, моя жена даже слышать об этом не захотела!

¹ Имеется в виду лондонская аукционная фирма, торгующая преимущественно произведениями искусства.

— Мне нравится моя комната именно такой,— сказала миссис Денмен и посмотрела на мужа.

Мистеру Саттертуэйту опять почудилось, что эти слова — и этот взгляд — таят в себе некий скрытый смысл, но он опять не смог его разгадать. Оглядевшись, он впервые обратил внимание на то, что в комнате нет ничего личного — ни фотографий, ни цветов, ни безделушек — вообще никаких признаков того, что она принадлежит живому человеку. И если бы не китайская ширма, так явно ни с чем не вязавшаяся, ее можно было бы принять за образец мебелировки гостиной в каком-нибудь мебельном магазине.

Когда он поднял глаза, хозяйка, чуть наклонясь вперед, смотрела на него с улыбкой.

— Слушайте,— сказала она. На секунду в ней проступило что-то не английское, чужестранное.— Говорю это вам, потому что вы поймете. Когда мы покупали эту ширму, мы платили за нее не только деньгами — любовью. Мы любили ее за то, что она была такая восхитительная и бесподобная — и ради этой своей любви отказывались от многого другого, в чем мы тогда очень нуждались — и чего у нас не было... А за те китайские вещицы, о которых говорит мой муж, мы можем заплатить только деньгами — потому, что больше у нас ничего нет.

Денмен рассмеялся.

— Ну, как знаешь,— сказал он, однако тон его выдавал легкую досаду.— Все равно среди английской мебели она не смотрится. Мебель, конечно, хорошая, добротная и настоящая — как-никак, «хепплауйт», а не какая-нибудь подделка! — но в общем-то ничего особенного.

Она кивнула.

— Особенного ничего. Добротная, настоящая и английская,— тихо произнесла она.

Мистер Саттертуэйт пристально взглянул на нее. Кажется, он начинает улавливать за ее словами упрямо ускользающий смысл. Английская мебель... Яркая красота китайской ширмы... Ах нет, он снова упустил нить.

— На улице мне встретилась мисс Стэнуэлл,— заметил он между прочим.— Она сказала, что собирается петь Пьеретту в вашем сегодняшнем представлении.

— У нее, кстати, отлично получается,— сказал Денмен.

— У нее смешные ноги,— сказала Анна.

— Глупости! — оборвал ее муж.— Все женщины одина-

ковы, Саттертуэйт,— не выносят, чтобы при них хвалили другую. А Молли девушка красивая — так что, понятно, каждая женщина норовит вонзить в нее жало.

— Я говорила о том, как она танцует,— чуть удивленно сказала Анна Денмен.— Да, она очень хорошенькая, но ужасно смешно перебирает ногами. И не пытайтесь меня переубедить — слава Богу, я кое-что в этом понимаю.

Мистер Саттертуэйт тактично вмешался.

— Насколько я понял, к вам приезжают настоящие танцоры?

— Да, ведь в спектакле есть чисто балетные сцены. Князь Оранов должен привезти их на своей машине.

— Сергей Оранов?

Это Анна Денмен удивленно подняла голову.

— Ты знаешь его? — обернулся к ней муж.

— Да, знала... В России.

Джон Денмен, как показалось мистеру Саттертуэйту, забеспокоился.

— А он тебя узнает?

— Да. Он меня узнает.

Она тихо и торжествующе засмеялась. Странно, но теперь в ней не было ничего от безжизненного манекена. Она без смущения смотрела на мужа, затем сказала:

— Значит, танцоров привезет Сергей. Что ж, он всегда увлекался балетом.

— Понятно,— резко сказал Джон Денмен и, повернувшись, вышел из комнаты.

Мистер Кин последовал за ним. Анна Денмен прошла к телефонному аппарату, сняла трубку и назвала номер. Мистер Саттертуэйт собирался незаметно уйти, но она сделала ему рукой знак остаться.

— Я могу поговорить с леди Рошеймер? Ах, это вы! Это Анна Денмен. Скажите, князь Оранов еще не приехал?.. Что?.. Что?! О Боже! Какой ужас!..

Некоторое время она слушала, потом тихо повесила трубку и обернулась к мистеру Саттертуэйту.

— С ними произошел несчастный случай. Да и неудивительно, раз Сергей был за рулем! Он, видимо, ничуть не изменился за эти годы... Балерина не сильно пострадала, у нее только ушибы, но она слишком взволнована и не сможет сегодня танцевать. А у ее партнера сломана рука. Сам Сергей в порядке — воистину черт бережет своих.

— А как же сегодняшний спектакль?

— Да, вы правы, друг мой!.. Придется это решать.

Анна села на стул и задумалась. Лишь через некоторое время она подняла глаза на своего гостя.

— Я плохая хозяйка, мистер Саттертуэйт,— совсем вами не занимаюсь.

— Уверяю вас, в этом нет необходимости! Хотя... Мне хотелось бы вас кое о чем спросить.

— Да?

— Откуда вы знаете мистера Кина?

— Он часто бывает здесь,— медленно проговорила она.— Кажется, у него тут неподалеку какие-то владения.

— Да, он мне сегодня говорил...

— Он...— Она замолчала. Глаза хозяйки и гостя встретились.— Думаю, что вы лучше меня знаете, кто он такой,— закончила Анна Денмен.

— Я?

— А разве нет?

Мистер Саттертуэйт опять ощутил беспокойство. Эта женщина определенно вносила разлад в стройную гармонию его души. Она, казалось, ждала от него каких-то признаний, к которым он еще не был готов.

— Да, знаете,— повторила она.— Думаю, вы почти все знаете, мистер Саттертуэйт.

Лесья всегда опьяняла мистера Саттертуэйта, однако на сей раз слова хозяйки его почему-то не тронули. Он смиренно покачал головой.

— Что может знать человек? — сказал он.— Немного. Почти ничего.

Она молча кивнула в ответ и вскоре, не глядя на него, заговорила задумчиво, словно сама с собой.

— Если я вам что-то скажу — вы не будете смеяться? Впрочем, нет, вы не будете... Представьте себе, что вам, для того чтобы заниматься своим... делом, своим ремеслом, пришлось бы вообразить нечто такое, чего на самом деле не существует,— вообразить некоего человека. Вы понимаете, это всего лишь выдумка, полет фантазии, не более. Но однажды...

— Что — однажды?

Мистер Саттертуэйт почувствовал живейший интерес.

— Однажды ваша фантазия оживает! То, что вы раньше себе лишь представляли, чего на самом деле не может быть, оказывается реальностью... Что это, безумие? Скажите мне, мистер Саттертуэйт, безумие это — или вы тоже верите, что такое возможно?

— Я... — По какой-то непонятной причине он не мог выдавить из себя ни звука. Слова как будто прилипли к гортани.

— Впрочем, все это глупости, — сказала Анна Денмен и стремительно вышла из комнаты, оставив мистера Саттертуэйта наедине с его невысказанным ответом.

Когда он спустился к ужину, миссис Денмен беседовала с гостем — высоким темноволосым мужчиной средних лет.

— Князь Оранов — мистер Саттертуэйт.

Они поклонились друг другу. У мистера Саттертуэйта мелькнула мысль, что его появление, кажется, прервало какой-то разговор, который уже не возобновится. Однако никакой неловкости из-за этого не возникло. Русский гость легко и естественно рассуждал о близких и понятных мистеру Саттертуэйту вещах. У него был прекрасный художественный вкус, а вскоре к тому же выяснилось, что у них с мистером Саттертуэйтом много общих знакомых. Появился Джон Денмен, и разговор перекинулся на более конкретные вопросы. Оранов выразил свое сожаление по поводу несчастного случая.

— И все-таки знаете — я не виноват! Я люблю ездить быстро — что верно, то верно, — но я неплохо вожу. Просто так уж вышло. Судьба!.. — Он пожал плечами. — Все под Господом ходим!

— Это в вас говорит русский характер, Сергей Иванович, — заметила миссис Денмен.

— А в вас откликается, Анна Михайловна, — парировал гость.

Мистер Саттертуэйт обвел глазами всех троих. Джон Денмен держится отчужденно. Светлые волосы, бледное лицо — типичный англичанин. Двое других до странности похожи друг на друга — оба худощавые, смуглые, темноволосые... Эта сцена что-то ему напоминает, но что? А, вспомнил! «Валькирия», первый акт. Зигмунд и Зиглинда, такие похожие друг на друга — а рядом, словно чужой, Хундинг¹. В голове мистера Саттертуэйта зашевелилась догадка: так вот почему мистер Кин сегодня здесь?.. Он

¹ «Валькирия» — вторая часть оперной тетралогии «Кольцо Нибелунгов» немецкого композитора, дирижера, музыкального писателя и театрального деятеля Рихарда Вагнера (1813—1883), сюжет которой построен на основе древнескандинавского эпоса и средневековых немецких легенд Зигмунд, Зиглинда и Хундинг — персонажи оперы Зигмунд и Зиглинда — влюбленные, не знающие, что они брат и сестра, Хундинг — нелюбимый муж Зиглинды

твердо верил: где появляется мистер Кин, там неизбежно что-то произойдет. Что ж, стало быть, намечается банальный любовный треугольник?..

Мистер Саттертуэйт почувствовал смутное разочарование. Пожалуй, он ожидал большего.

— Как вы договорились, Анна? — спросил Денмен — Спектакль, вероятно, придется отложить? Я слышал, ты звонила Рошеймерам?

Она покачала головой.

— Нет. Ничего откладывать не будем.

— Но как же — без балета?..

— Ты прав, Джон, Арлекинады без Арлекина с Коломбиной, конечно, не получится, — суховато согласилась Анна Денмен. — Коломбину станцюю я.

— Ты? — Он был явно удивлен и, как показалось мистеру Саттертуэйту, даже раздосадован.

Она спокойно кивнула.

— Не беспокойся, Джон, я тебя не подведу. Ты забываешь — все-таки это была моя профессия.

«Какая сложная штука человеческий голос, — подумал мистер Саттертуэйт. — Одно говорит, другое недоговаривает... Знать бы что!»

— Ладно, — нехотя согласился Джон Денмен — Это решает половину проблемы. Но как насчет второй половины? Где ты найдешь Арлекина?

— А я его уже нашла. Вот он!

И она указала рукой на дверь, где как раз в этот момент появился мистер Кин. Он улыбнулся ей в ответ.

— Боже правый, Кин! — воскликнул Джон Денмен. — И вы туда же! Ни за что бы не подумал, что вы что-нибудь в этом смыслите!..

— Мистер Кин может представить рекомендации знатока, — сказала Анна. — За него поручится мистер Саттертуэйт.

Она улыбнулась мистеру Саттертуэйту, и тому волею неволей пришлось что-то отвечать.

— Да-да, я ручаюсь за мистера Кина, — растерянно забормотал он.

Денмен переключился на другие вопросы:

— После спектакля будет костюмированный бал. Вот еще морокка! Придется ведь и вас во что-нибудь нарядить, Саттертуэйт.

Тут уж мистер Саттертуэйт решительно замотал головой.

— Думаю, мой почтенный возраст меня извинит.— Но тотчас у него возникла блестящая мысль, и он накинул на руку салфетку.— Перед вами, господа, немолодой лакей, знававший лучшие времена! — И рассмеялся.

— Что ж, неплохое занятие,— заметил мистер Кин.— Можно многое увидеть.

— А мне придется натянуть какое-нибудь дурацкое тряпье,— обреченно произнес Денмен.— Слава Богу, сегодня хоть не жарко... Ну, а вы? — Он взглянул на Оранова.

— У меня с собой костюм Арлекина,— сказал князь и на секунду задержал взгляд на лице хозяйки.

Последовала неловкая пауза — или, возможно, она лишь показалась неловкой мистеру Саттертуэйту.

— Этак, пожалуй, мы все втроем можем нарядиться Арлекинами! — рассмеялся Денмен.— У меня тоже есть старый костюм Арлекина. Мне сшила его жена вскоре после свадьбы, тоже для какого-то маскарада.— Он оглядел собственную грудную клетку.— Правда, я не очень уверен, что смогу теперь в него влезть.

— Да,— сказала его жена.— Ты уже не сможешь в него влезть.— И снова тон ее говорил гораздо больше, чем слова.

Она взглянула на часы.

— Если Молли сейчас не появится, не будем больше ждать.

Но в этот момент дворецкий сообщил, что девушка здесь. Она уже переделалась в свое белое с зеленым платье Пьеретты. «Что ж, оно ей к лицу»,— подумал мистер Саттертуэйт.

Молли была полна энтузиазма по поводу своего предстоящего выступления.

— Я так волнуюсь! — объявила она, когда после обеда подали кофе.— А вдруг я забуду слова? Или у меня голос задрожит?

— У вас прелестный голос.— сказала Анна.— Я бы на вашем месте о нем не беспокоилась.

— А я все равно беспокоюсь! Хорошо, хоть о танцах не нужно переживать: в конце концов, в собственных ногах мудрено запутаться, ведь правда?

Вопрос был обращен к Анне, но та лишь посоветовала ей:

— Спойте что-нибудь мистеру Саттертуэйту. Вот увидите, он вас успокоит.

Молли прошла к пианино и запела старинную ирландскую балладу. В гостиной зазвенел ее свежий мелодичный голосок.

«Ах, милая Шийла, что смотришь в огонь так уныло.
Скажи мне, моя смуглянка, скажи, кого ты там видишь?» —
«Того, кто меня любит, и того, кто меня разлюбит.
И за ними тень еще одного — того, кто меня погубит »

Песня продолжалась. Когда Молли кончила петь, мистер Саттертуэйт ободряюще закивал.

— Миссис Денмен права: у вас прелестный голос, может быть, не хватает техники, зато сколько чувства, непосредственности .

— Верно! — согласился Джон Денмен — Так что вперед, Молли, и не трусь! И вообще, пора уже нам отправляться к Рошеймерам.

Все разошлись по своим комнатам — переодеться. Решили идти пешком, благо вечер был восхитительный, а до дома Рошеймеров не больше двухсот ярдов¹.

Мистер Саттертуэйт ненадолго остался в гостиной вдвоем со своим другом

— Странная вещь, — начал он, — но ее песня почему-то напомнила мне о вас «И за ними тень еще одного » В этом есть какая-то тайна, а сталкиваясь с тайной, я всякий раз думаю о вас

— Неужто я такой таинственный? — улыбнулся мистер Кин

Мистер Саттертуэйт убежденно закивал

— Даже очень. Представьте, до сегодняшнего дня я и не подозревал, что вы профессиональный танцор!

— Правда? — сказал мистер Кин.

— Вот послушайте! — сказал мистер Саттертуэйт и тихонько напел любовную тему из «Валькирии». — Вот что крутилось у меня в голове, когда я за обедом наблюдал за этой парочкой!

— За какой парочкой?

— Как — за какой? За князем Орановым и миссис Денмен. Вы разве не заметили, как она сегодня преобразилась? В ней... В ней будто ставни внезапно распахнулись, и показался свет. .

— Да, — сказал мистер Кин. — Вполне возможно.

— Сюжет давно известный, — заметил мистер Саттертуэйт — Разве не так? Этих двоих слишком многое объединяет. Они из одного и того же мира, к ним приходят одинаковые мысли, одинаковые сны... Нетрудно догадаться,

¹ Ярд — мера длины, равная 91,44 см

как все получилось. Десять лет назад Денмен был, вероятно, молод, смел, хорош собою — одним словом, фигура вполне романтическая. К тому же он спас ей жизнь — так что, думаю, все произошло само собой. А что теперь? Теперь он сорокалетний мужчина, respectable и вполне добропорядочный, но — как бы это сказать?.. Ничего особенного. Примерно как его хваленая хепплауайтовская мебель, «английская и добротная». Он такой же заурядный англичанин, как эта хорошенькая девушка с ее непоставленным, но звонким голосом... Ах, мистер Кин, можете улыбаться, но вы не станете отрицать, что я прав!

— Я ничего не отрицаю. В том, что вы видите, вы всегда правы. И все же...

— Все же что?

Мистер Кин склонился к собеседнику, и его темные печальные глаза встретились с глазами мистера Саттертуэйта.

— Неужели жизнь вас так ничему и не научила? — едва слышно выдохнул он.

Этот разговор оставил мистера Саттертуэйта в таком смущении и в такой задумчивости, что, когда он наконец выбрал для себя подходящий галстук и спустился вниз, выяснилось, что остальные, не дождавшись его, уже ушли. Он прошел через сад и уже ступил было за знакомую калитку, когда прямо перед собой, на залитой лунным светом улочке, увидел мужчину и женщину, слившихся в объятиях.

В первую секунду он подумал...

Но потом он разглядел. Это были Джон Денмен и Молли Стэнуэлл. До его слуха донесся хриплый, страдающий голос Денмена:

— Я не могу жить без тебя... Что нам делать?

Мистер Саттертуэйт развернулся, чтобы тихо уйти, но чья-то рука легла ему на плечо. У калитки рядом с ним оказался еще кто-то, кто тоже все видел.

Ему довольно было раз взглянуть на ее лицо, чтобы понять, как глубоко он заблуждался во всех своих выводах.

Она крепко вцепилась в его плечо и не разжимала пальцев, пока те двое не ушли и не скрылись за поворотом. Потом он услышал собственный голос как бы со стороны. Он говорил ей что-то утешительное, бормотал какие-то глупости, просто смехотворные рядом с муками, которые он угадывал за ее молчанием. Она произнесла всего несколько слов.

— Пожалуйста,— сказала она,— не оставляйте меня.

Мистер Саттертуэйт был очень расстроган. Стало быть, и он кому-то нужен. И он продолжал говорить нелепые, ничего не значащие слова, потому что это все же было лучше, чем ничего не говорить. Они вместе дошли до дома Рошеймеров. Пальцы ее то и дело сжимались на его плече и он видел, что она рада его обществу. Она убрала руку, только когда они уже совсем пришли.

— А теперь,— сказала она, высоко подняв голову — я буду танцевать. Не бойтесь за меня, друг мой. Я буду танцевать!

И, круто повернувшись, она ушла. Мистера Саттертуэйта перехватила леди Рошеймер, вся в заботах и в бриллиантах, и передала его Клоду Уикему.

— Это провал! Полный провал! Проклятье, каждый раз одно и то же! Все эти деревенские клуши воображают, что умеют танцевать... Со мной даже никто не посоветовался!..— Он наконец нашел слушателя, который кое-что понимает в искусстве, и теперь говорил и говорил не умолкая. Эта необузданная вакханалия жалости к самому себе прервалась лишь с первыми звуками музыки.

Мистер Саттертуэйт отбросил все посторонние мысли и был теперь только настороженным критиком. Уикем, конечно, невыносимый дурак, но он умеет писать музыку легкую, нежную, таинственную, как сказочная паутина, и при этом без тени слащавости.

Декорации были прелестные: леди Рошеймер никогда не скупилась для своих протезе. Сцена выглядела как настоящий кусочек Аркадии¹, световые эффекты придавали действию требуемый оттенок нереальности.

На сцене, как в незапамятные времена, танцевали два персонажа. Изящный Арлекин в маске взмахивал волшебной палочкой, блески на его костюме переливались в лунном свете... Белая Коломбина кружилась, как бессмертная, неувядаемая мечта...

Мистер Саттертуэйт выпрямился в кресле. Однажды он все это уже видел. Да, несомненно...

И вот он уже далеко от гостинной леди Рошеймер — в берлинском музее, возле статуэтки бессмертной Коломбины...

¹ Аркадия — область в центральной части Пелопоннеса (Греция), в античной литературе изображавшаяся как райская страна с патриархальной простотой нравов.

Арлекин с Коломбиной продолжали свой танец. Им принадлежал весь мир, и они танцевали в нем.

Лунный свет. Появляется еще одна фигура. Это Пьеро бредет по лесу и поет, обращаясь к луне. Он видел Коломбину и потерял покой. Двое танцующих исчезают, но Коломбина успевает оглянуться. Она услышала живой голос человеческого сердца.

Пьеро бредет прочь, его песня стихает вдали.

Следующую сцену танцуют деревенские девочки: это пьеро и пьеретты. Появляется Молли в роли Пьеретты. Танцевать она не умеет, тут Анна Денмен права, зато голосок ее свеж и звонок. Она поет «Танцуй, Пьеретта, на лугу».

Хорошая мелодия, одобрительно кивнул мистер Саттертуэйт. Уикем не считал для себя зазорным сочинять время от времени и песенки, коль в них бывала нужда. Искусство деревенских девочек по большей части вызывало у почтенного критика лишь содрогание, однако он по достоинству оценил самоотверженные труды леди Рошеймер.

...Они пытаются втянуть Пьеро в свой танец. Он отказывается и бредет дальше — влюбленный, вечно жаждущий соединиться с предметом своей любви. Вечереет. Танцующие Арлекин с Коломбиной то появляются, то снова исчезают, но пьеро и пьеретты не замечают их: эти двое невидимы для толпы. Наконец все расходятся, утомленный Пьеро засыпает на зеленом берегу. Арлекин и Коломбина танцуют над ним. Внезапно он просыпается и видит Коломбину. Он упрашивает, уговаривает, умоляет ее...

Она замирает в растерянности. Арлекин манит ее за собой — но она его уже не видит. Она слушает Пьеро, его зазвучавшую с новой силой любовную песню... Она падает в его объятия, занавес опускается.

Второй акт, домик Пьеро. Коломбина сидит у очага. Она кажется бледной и усталой. Она прислушивается — к чему? Пьеро поет ей, он пытается вновь обратиться к себе ее сердце и мысли. Сумерки сгущаются. Слышен гром... Коломбина оставляет свою прялку. Она в смятении, она уже не слушает Пьеро. В ней звучит ее собственная музыка — музыка Арлекина и Коломбины... Она очнулась!.. Она все вспомнила.

Раскат грома. В двери стоит Арлекин. Пьеро не видит его, но Коломбина с радостным смехом вскакивает со сво-

его места. К ней подбегают дети, но она отталкивает их. С новым раскатом грома стены рушатся и Коломбина, кружась, уносится в ночь вместе с Арлекином...

...Темнота, и в этой темноте слышна мелодия песенки, которую пела когда-то Пьеретта. Медленно светлеет. Снова домик Пьеро. Пьеро и Пьеретта, седые и состарившиеся, сидят в креслах перед очагом. Звучит счастливая, но приглушенная музыка. Пьеретта кивает в такт. Через окно падает сноп лунного света, и вместе с ним появляется мотив давно забытой песенки Пьеро. Пьеро тревожно вздрагивает во сне.

...Волшебная тихая музыка. Возле домика появляются Арлекин и Коломбина. Дверь распахивается, и Коломбина, танцуя, попадает в дом. Наклонясь над спящим Пьеро, она целует его в губы.

Снова удар грома... Коломбина уже кружится снаружи. В центре сцены освещенное окно, через которое видно, как танцующие фигуры Арлекина и Коломбины медленно растворяются во тьме. Они все дальше, дальше...

Падает бревно. Пьеретта в гневе вскакивает со своего места, бросается к окну и задергивает занавеску. Этим неожиданным диссонансом все заканчивается.

Мистер Саттертуэйт неподвижно сидел среди выкриков и аплодисментов. Наконец он встал и вышел из зала. На пути ему встретилась взволнованная, разгоряченная Молли Стэммуэлл — она принимала комплименты, — потом Джон Денмен, который пробирался сквозь толпу с по-новому горящими глазами. Молли подошла к Джону, но он, едва ли сознавая, что делает, отстранил ее: он искал другую.

— Моя жена... Где моя жена?

— Кажется, она вышла в сад.

Однако отыскал ее в конце концов не он, а мистер Саттертуэйт. Она сидела на каменной скамье под кипарисом. Приблизившись к ней, престарелый джентльмен повел себя по меньшей мере странно. Он встал перед нею на колени и поднес ее руку к губам.

— Ах, — сказала она. — Вам понравилась, как я танцевала?

— Вы танцевали... так, как вы танцевали всегда, мадам Карсавина.

Она затаила дыхание.

— Значит, вы... догадались?

— На свете есть лишь одна Карсавина — и, однажды

увидев, ее уже невозможно забыть... Но почему? Скажите, почему?..

— А что еще я могла сделать?

— То есть?.. Объясните!

— Мне кажется, вы должны понять — вы ведь знаете жизнь.— Она говорила очень просто. Теперь все для нее было просто.— Видите ли, великая балерина может, конечно, иметь друзей, возлюбленных — только не мужа. А Джон... Он ни о чем таком даже слышать не хотел. Он хотел, чтобы я принадлежала ему вся целиком, как никогда не могла бы принадлежать Карсавина.

— Я понимаю вас,— сказал мистер Саттертуэйт.— Я вас понимаю. И вы подчинились?

Она кивнула.

— Вы, должно быть, очень сильно любили,— тихо сказал он.

— Вы так решили, потому что я пошла ради него на такую жертву? — рассмеялась она.

— Не только поэтому. Еще потому, что вы пошли на нее с таким легким сердцем.

— Да... Возможно, вы правы.

— И что же теперь? — спросил мистер Саттертуэйт.

Улыбка сошла с ее лица.

— Теперь? — Она немного помолчала, потом, повысив голос, сказала куда-то в темноту: — Это вы, Сергей?

Князь Оранов вышел из-под деревьев на освещенную лунной лужайку. Он взял ее за руку и без смущения улыбнулся мистеру Саттертуэйту.

— Десять лет назад я скорбел по Анне Карсавиной,— просто сказал он.— Для меня она была как... мое второе «я». Сегодня я снова ее нашел — и больше уже с ней не расстанусь.

— Ждите меня через десять минут в конце улицы,— сказала Анна.— Я приду.

Оранов кивнул и снова отступил в темноту. Балерина обернулась к мистеру Саттертуэйту. На губах ее трепетала улыбка.

— Друг мой, вы как будто чем-то недовольны?

— Кстати,— не отвечая на вопрос, сказал он,— вы не видели своего мужа? Он искал вас.

Легкая тень пробежала по ее челу, однако голос звучал твердо:

— Что ж... Очень возможно.

— Я видел его глаза. В них...— Он осекся.

Но Анна не дрогнула.

— Ничего удивительного. Волшебная музыка и лунный свет пробудили ушедшие воспоминания... Но это лишь минутная слабость — не более. Скоро пройдет.

— Стало быть, мне не нужно ничего говорить? — Он почувствовал себя старым и утомленным.

— Десять лет я жила с тем, кого любила, — сказала Анна Карсавина. — Теперь я уйду с тем, кто все эти десять лет любил меня.

Мистер Саттертуэйт ничего не сказал. Ему действительно больше нечего было сказать. К тому же такое решение представлялось ему самым простым... Вот только оно ему почему-то совсем не нравилось... На плечо ему снова легла ее рука.

— Вы правы, друг мой... Но третьего не дано. Каждый хочет повстречать идеальную, вечную любовь. Но звучит музыка Арлекина... Ни один возлюбленный не идеален, потому что все смертны. А Арлекин — он невидим, он всего лишь миф, фантазия, разве только...

— Что? — спросил мистер Саттертуэйт. — Разве только что?

— Разве только имя его — Смерть.

Мистер Саттертуэйт вздрогнул. Она отступила в сторону и растворилась в темноте.

Неизвестно, сколько он так просидел, но внезапно до него дошло, что он теряет драгоценные минуты. Он вскочил и засеменил по дорожке. Он не задумывался, куда направиться: его влекло туда помимо воли.

Выбежав на улицу, он проникся странным ощущением нереальности. Волшебный лунный свет, волшебная ночь... И две фигуры, медленно идущие по улице в его сторону.

Оранов в костюме Арлекина — так мистер Саттертуэйт подумал в первое мгновение. Но когда они проходили мимо него, он понял, что ошибся. Этот стройный силуэт, эта легкая раскачивающаяся походка могла принадлежать лишь одному человеку — мистру Кину.

Легко, словно не касаясь земли, они прошли дальше по улочке. Вскоре мистер Кин оглянулся, и мистер Саттертуэйт, к своему изумлению, увидел не лицо мистера Кина, а чужое, незнакомое... Хотя нет, не совсем незнакомое. Ах да! Таким, вероятно, могло быть лицо Джона Денмена до того, как он был избалован и обласкан жизнью. Лицо, в котором горит нетерпение и безрассудство и угадываются черты мальчишки — и возлюбленного...

До него долетел ее счастливый звенящий смех Он глядел им вслед и видел вдали огни маленького домика над обрывом. Он глядел, глядел и, как во сне, не мог отвести взгляда...

От сна его пробудила чья-то рука. Кто-то, подошедший сзади, схватил его за плечо и развернул к себе лицом. Это оказался Сергей Оранов. Он был бледен и сильно взволнован.

— Где она? Где? Она обещала прийти — но ее нет.

— Мадам только что прошла по этой улице, одна.

Это ответила служанка миссис Денмен, стоявшая в тени за калиткой. Она поджидала свою хозяйку с шалью.

— Я стояла тут и видела, как она прошла мимо,— пояснила она.

— Одна? — хрипло спросил мистер Саттертуэйт — Вы сказали — одна?

Глаза служанки расширились от удивления.

— Ну да! Разве не вы, сэр, только что говорили с ней?

Мистер Саттертуэйт вцепился в руку Оранова.

— Скорее,— прошептал он.— Я... я боюсь.

Они вместе поспешили по улочке, князь по дороге торопливо что-то говорил:

— Она удивительное существо. Ах, как она сегодня танцевала! И этот ваш друг — кто он?.. Впрочем, все равно, но он замечательный, прекрасный танцор. Раньше, когда она танцевала Коломбину Римского-Корсакова¹, она так и не нашла для себя идеального Арлекина. Ни Моргунов, ни Кваснин — никто ей не подходил. И тогда она знаете что придумала? Она мне как-то призналась... Она стала танцевать не с настоящим партнером, а с неким воображаемым Арлекином, которого на самом деле никогда не было. Она говорила, что это сам Арлекин пришел танцевать с ней. Вот эта ее фантазия и делала ее Коломбину такой прекрасной ..

Мистер Саттертуэйт кивал. В голове его трепетала одна мысль.

— Скорее,— сказал он.— Мы должны успеть Обязаны успеть! Они миновали последний поворот и остановились у глубокой мусорной ямы. В яме они увидели то, чего там прежде не было,— тело женщины. Поза ее была

¹ Римский - Корсаков Николай Андреевич (1844—1908) — русский композитор, педагог, дирижер, писатель, общественный деятель, член творческого содружества «Могучая кучка»

прекрасна. Она лежала с запрокинутой головой, широко раскинув руки. Мертвое лицо в лунном свете сияло победной красотой.

Как из тумана выплыли давешние слова мистера Кина: «на свалке можно увидеть поистине прекрасные вещи»... Теперь-то мистер Саттертуэйт их понял.

Оранов бормотал что-то бессвязное. По его лицу катились слезы.

— Я любил ее. Я всегда любил ее... — Он почти слово в слово повторял то, о чем сегодня думал мистер Саттертуэйт. — Мы с ней были из одного и того же мира. У нас были одинаковые мысли, одинаковые сны. Я любил бы ее всегда

— Откуда вы знаете?

Князь глядел на него молча, видимо, смущенный резким тоном собеседника.

— Откуда вы знаете? — повторил мистер Саттертуэйт. — Все влюбленные думают так, и все так говорят! Но лишь один...

Обернувшись, мистер Саттертуэйт едва не наткнулся на мистера Кина. В величайшем волнении он схватил своего друга за руку и оттащил в сторону.

— Так это были вы? — сказал он. — Вы только что шли с ней рядом?

Мистер Кин немного помолчал и тихо ответил:

— Считайте так, если вам угодно.

— Но служанка вас не видела!..

— Да. Служанка меня не видела.

— Но я же видел! Как это могло быть?

— Возможно, благодаря цене, которую вы заплатили, вы можете теперь видеть то, чего не видят другие.

Мистер Саттертуэйт с минуту остоленело глядел на него, потом вдруг задрожал как осиновый листок.

— Где мы? — прошептал он. — Что это за место?

— Я уже говорил вам сегодня: это моя улица.

— Это улица Влюбленных, — сказал мистер Саттертуэйт. — И по ней проходят люди.

— Да, рано или поздно большинство людей проходит по ней.

— И что же они находят... в конце?

Мистер Кин улыбнулся и указал на полуразвалившийся домик на краю ямы.

— Свалку — или дом своей мечты... Кто знает? — вкрадчиво сказал он.

Мистер Саттертуэйт внезапно вскинул голову, ему хотелось кричать, протестовать, он чувствовал себя обманутым.

— Но ведь я...— Голос его дрогнул.— Я так и не прошел по вашей улице...

— Вы жалеете об этом?

Мистер Саттертуэйт затрепетал. Его друг вырос, казалось, до невероятных размеров. Что-то страшное, угрожающее замаячило перед мистером Саттертуэйтом... Удовольствие, скорбь, отчаяние. Его душа, такая маленькая и уютная, в ужасе сжалась.

— Вы жалеете? — повторил свой вопрос мистер Кин. От него повеяло чем-то пугающим.

— Нет,— простонал мистер Саттертуэйт,— н-нет.

И вдруг, овладев наконец собой, крикнул:

— Но я умею видеть. Может, я и в самом деле только зритель Драмы Жизни — но я вижу то, что невидимо для других. Вы же сами только что это сказали, мистер Кин.

Но мистер Кин исчез.

Любовные перипетии

Мистер Саттертуэйт задумчиво поглядывал на своего собеседника. Странная дружба связывала этих двоих. Полковник — как всякий уважающий себя сельский джентльмен — главнейшим делом своей жизни почитал охоту. В Лондоне, куда ему иногда приходилось выбираться по долгу службы, он с трудом выдерживал две-три недели. Мистер Саттертуэйт, напротив, был жителем сугубо городского, знатоком французской кухни, дамских нарядов и всегда был в курсе последних столичных сплетен. Этот господин всегда со страстью предавался изучению человеческой натуры, у него был дар совершенно особого рода, а именно дар наблюдателя жизни.

Словом, с полковником Мелроузом — которого дела ближних не очень-то занимали, а всяких там эмоций и прочих сантиментов вообще терпеть не мог — их как будто ничто не объединяло. Тем не менее они дружили: в первую очередь потому, что в свое время дружили их отцы. Кроме того, у них было много общих знакомых и одна общая нелюбовь к выскочкам-нуворишам.

Было уже около половины восьмого, друзья сидели в уютном кабинете полковника Мелроуза. Хозяин увлеченно и обстоятельно рассказывал своему гостю об одном из прошлогодних выездов на верховую охоту. Мистер Саттертуэйт, чьи знания о лошадиных статях черпались в основном из воскресных визитов на конюшню — эта освященная

веками традиция еще сохранилась в отдельных сельских домах, — внимал со своей всегдашней вежливостью.

Резкий телефонный звонок прервал занимательную беседу. Мелроуз подошел к столу и снял трубку.

— Полковник Мелроуз слушает.— Голос и весь облик хозяина тут же изменились: вместо вдохновенного охотника у аппарата стоял страж закона, взыскательный и суровый.— В чем дело?

Некоторое время он слушал молча, после чего решительно закончил разговор:

— Все ясно, Кертис. Сейчас буду.— Он обернулся к своему гостю.— Убит сэр Джеймс Дуайтон. Тело найдено в библиотеке его собственного дома.

— Что?! — Мистер Саттертуэйт оторопел от неожиданности.

— Я должен немедленно ехать в Олдеруэй. Не хотите составить мне компанию?

«Ну да, Мелроуз ведь начальник полиции графства», — вспомнил мистер Саттертуэйт.

— Боюсь, не помешаю ли... — неуверенно начал он.

— Никоим образом. Звонил инспектор Кертис. Хороший, честный малый, но дурак. Соглашайтесь — я буду только рад. Дело, судя по всему, прескверное.

— Убийцу уже задержали?

— Нет, — лаконично ответил Мелроуз, и за этой лаконичностью чуткое ухо мистера Саттертуэйта уловило что-то недосказанное.

Мистер Саттертуэйт постарался припомнить все, что когда-либо слышал о Дуайтонах.

Покойный сэр Джеймс немного не дотянул до шестидесяти. Седые жидкие волосы, красное, в прожилках, лицо. Чванливый старикашка — заносчивый и бесцеремонный. Врагов у такого могло оказаться сколько угодно. Поговаривали, что к тому же он был скуп сверх всякой меры.

А леди Дуайтон? Образ ее послушно всплыл перед мысленным взором мистера Саттертуэйта: стройная красавица, юная и золотоволосая. В памяти закопошились обрывки каких-то сплетен, намеков... «Ах, вот, значит, отчего полковник Мелроуз так сразу помрачнел. Впрочем, — тут же одернул себя мистер Саттертуэйт, — нечего давать волю воображению».

Пять минут спустя он уже сидел рядом с Мелроузом, и

двухместный автомобиль полковника уносил их в ночную темень.

Полковник был человек немногословный. Они успели проехать не меньше полутора миль, когда он наконец заговорил.

— Полагаю, вы их знаете? — без всяких предисловий осведомился он.

— Дуайтонов? Не очень хорошо. Но, разумеется, кое-что о них слышал.— Впрочем, такого человека, о котором бы мистер Саттертуэйт не слышал, надо было еще поискать.— С сэром Джеймсом я встречался лишь однажды, а вот жену его приходилось видеть не раз.

— Она недурна собой,— заметил Мелроуз.

— Красавица! — авторитетно заявил мистер Саттертуэйт.

— Вы так считаете?

— Чисто ренессансный тип! — воодушевляясь, заговорил мистер Саттертуэйт.— Прошлой весной я видел ее в любительских спектаклях — ну, вы знаете, ежегодная благотворительная деятельность,— так вот, я был поражен. Ничего современного — чистый Ренессанс! ¹ Так легко представить ее во дворце какого-нибудь дожа ² — прямо Лукреция Борджиа... ³

Тут машину слегка тряхнуло, и мистер Саттертуэйт осекся. «Странно,— подумал он,— отчего это мне вдруг вспомнилась Лукреция Борджиа? И именно сейчас, когда...»

— А Дуайтона случайно не отравили? — неожиданно для самого себя брякнул он.

Мелроуз кинул на него искоса несколько удивленный взгляд.

— С чего вы взяли?

— Да... в общем, сам не знаю,— смешался мистер Саттертуэйт.— Так как-то, подумалось.

¹ Ренессанс — французское название эпохи Возрождения, культурно-исторической эпохи в странах Западной Европы XIV—XVI веков, сменившей эпоху средневековья. Эпоха расцвета наук и искусств, возрождения интереса к античности, к многообразию и многоцветию мира

² Дож — глава республики в средневековой Венеции и Генуе.

³ Лукреция Борджиа (1478—1519) — представительница аристократического итальянского рода, которую отец, глава Римской Католической Церкви Александр VI, и брат, известный политик, Чезаре Борджиа часто использовали в своих политических интригах

— Нет, его не отравили,— мрачно усмехнулся Мелроуз.— Ему, если вам угодно знать, проломили череп.

— Вот оно что,— глубокомысленно кивнул мистер Саттертуэйт.— Тупым тяжелым предметом.

Мелроуз досадливо поморщился.

— Послушайте, Саттертуэйт, вы прямо как сыщик из дешевого детективчика. Сэра Джеймса просто ударили по голове. Бронзовой статуэткой.

— А-а,— протянул мистер Саттертуэйт и умолк.

— А Поля Делангуа вы случайно не знаете? — спросил Мелроуз после паузы, растянувшейся еще на несколько минут.

— Знаю. Красивый юноша.

— Да уж,— проворчал полковник.— Красавчик. Дамский любимчик.

— А вам, я вижу, он не по душе?

— Не по душе.

— Странно, что он вам не нравится. Он ведь прекрасный наездник.

— Трюкач он, а не наездник. Кривляется в седле, будто иностранец какой.

Мистер Саттертуэйт едва сдержал улыбку. Бедняга Мелроуз! Вот что значит англичанин до мозга костей! Сам мистер Саттертуэйт гордился широтою собственных взглядов и смотрел на британский консерватизм со снисходительностью истинного космополита.

— Так он сейчас гостит в ваших краях? — спросил он.

— Гостил,— поправил Мелроуз.— У Дуайтонов. Но неделю назад сэра Джеймса, говорят, выставил его из Олдеруэя.

— Почему?

— Вероятно, застал со своей женой... Что за черт?!

Резкий поворот — сокрушительный удар.

— Здешние перекрестки самые опасные во всей Англии,— проговорил Мелроуз, переведя дух.— Но все равно, тот парень должен был просигнализировать, мы ведь ехали по главной дороге... Впрочем, ему, кажется, пришлось хуже нашего.

Полковник выбрался из машины, пассажир другой машины тоже вышел. Обрывки их разговора доносились до Саттертуэйта.

— Да, это, конечно, моя вина,— говорил незнакомец.— Но дело в том, что я не очень хорошо знаю эти ме-

ста, а тут, как нарочно, кругом ни одного указателя — видите, нигде нет, что впереди выезд на главную дорогу.

Полковник, явно смягчившись, что-то ответил. Они вместе склонились над пострадавшей машиной, в которой уже копался шофер, и дальше разговор принял сугубо технический характер.

— Что ж, тут возни на полчаса, не меньше,— заключил наконец незнакомец.— Но не стану вас задерживать. Хорошо хоть, с вашей машиной ничего серьезного.

— Собственно говоря...— начал было полковник, но ему не дали закончить.

Мистер Саттертуэйт неожиданно выпорхнул из машины, как птаха из клетки, и в величайшем волнении схватил незнакомца за руку.

— Так и есть! То-то мне ваш голос сразу показался знакомым! — восклицал он.— Это поразительно! Просто поразительно!..

— Что поразительно? — спросил полковник Мелроуз.

— Мелроуз, это же мистер Арли Кин. Вы наверняка о нем слышали — я столько раз рассказывал!

Полковник Мелроуз явно не мог припомнить никаких рассказов, но любезно решил не уточнять. Мистер Саттертуэйт тем временем продолжал весело щебетать:

— Сколько же мы с вами не виделись? Позвольте, позвольте...

— С того вечера в «Наряде Арлекина»,— подсказал мистер Кин.

— В наряде арлекина? — удивился полковник.

— «Наряд Арлекина» — это такая гостиница, — пояснил мистер Саттертуэйт.

— Странное название для гостиницы.

— Скорее старинное,— возразил мистер Кин.— В прежние времена, говорят, этот пестрый наряд гораздо чаще можно было встретить в Англии, чем сегодня.

— Да, прежде очень может быть,— несколько неопределенно пробормотал Мелроуз. Он растерянно моргнул. Из-за причудливой игры света — белого от фар одной машины и красного от заднего фонаря другой — ему вдруг померещилось, что и сам мистер Кин одет в какие-то пестрые лоскутья. Но это была, конечно, только игра света.

— Однако не можем же мы бросить вас на дороге,— волновался мистер Саттертуэйт.— Вы поедете с нами! У нас хватит места для троих, — правда, Мелроуз?

— Гм-м, конечно.— Голос полковника звучал не совсем уверенно.— Вот только,— заметил он,— вы не забыли, Саттертуэйт? Мы же едем по делу.

Мистер Саттертуэйт замер на месте. Возбуждение его, видимо, достигло апогея, мысли в голове с лихорадочной быстротой сменяли друг друга.

— О да! — воскликнул он.— Как же я сразу не догадался? Наше столкновение на ночной дороге отнюдь не случайно! Уж поверьте, мистер Кин! Где вы, там нет места случайностям.

Мелроуз в немом изумлении глядел на своего друга.

— Помните,— вцепившись в локоть полковника, продолжал мистер Саттертуэйт,— я как-то рассказывал вам историю своего приятеля Дерека Кейпела? Ну, что никто не мог разобраться в мотивах его самоубийства? Это же мистер Кин тогда все распутал — а сколько других дел было с тех пор!.. Он заставляет людей видеть то, что как будто у всех на виду, но без него этого почему-то никто не видит. Удивительнейший человек!

— Дорогой мистер Саттертуэйт, вы заставляете меня краснеть,— с улыбкой проговорил мистер Кин.— Насколько мне помнится, все эти дела распутали вы, а не я.

— Только благодаря вам,— с видом непоколебимой убежденности заявил мистер Саттертуэйт.

— Гм-да.— Полковник Мелроуз, начинавший терять терпение, откашлялся.— Мы не можем больше задерживаться. Пора ехать,— и решительно направился к машине.

Нельзя сказать, чтобы он был в восторге от того что Саттертуэйт, в своей непонятной лихорадке, навязывал ему совершенно незнакомого человека — но веских возражений в голову как-то не приходило, к тому же им действительно пора было спешить.

Мистер Саттертуэйт галантно предоставив мистеру Кину место в середине, сам сел возле дверцы. Места и правда оказалось достаточно для всех троих, так что им даже не пришлось особенно тесниться.

— Так вас, мистер Кин, интересуют преступления? — спросил полковник, стараясь быть любезным.

— Не совсем.

— Что же тогда?

Мистер Кин улыбнулся.

— Спросим мистера Саттертуэйта. Знаете, он ведь тонкий наблюдатель.

— Думаю. — медленно проговорил мистер Саттертуэйт, — то есть, возможно, я ошибаюсь, но... Думаю, что мистера Кина больше всего интересуют... любовники.

На последнем слове — коего ни один англичанин не произнесет без смущения — мистер Саттертуэйт залился краской, и сакраментальное слово прозвучало у него как-то виновато, словно в кавычках.

— О-о,— озадаченно сказал полковник и умолк, решив про себя, что этот приятель Саттертуэйта, кажется, подозрительный субъект.

Он незаметно покосился на мистера Кина. Да нет, с виду вроде человек как человек, довольно молодой. Смугловат, правда, но в целом несколько не похож на иностранца.

— А теперь,— торжественно объявил мистер Саттертуэйт,— я должен изложить вам наше сегодняшнее дело.

Он говорил около десяти минут. Едва различимый в темном углу мчащегося сквозь ночь авто, он наслаждался пьянящим чувством собственного могущества. Что из того, что в жизни он всего лишь зритель? В его распоряжении слова. Они ему подвластны. Он волен сплести из них узор, причудливый узор, в котором оживет и красота Лоры Дуайтон — белизна обнаженных рук, золото волос,— и темная, загадочная фигура Поля Делангуа, любимца дам. Фоном же пусть послужит древний Олдеруэй, незбылемо стоящий на английской земле со времен Генриха VII¹, если не раньше; Олдеруэй, обсаженный стриженными тисами², за которыми тянутся хозяйственные постройки и темнеет пруд — в былые времена по пятницам монахи вытаскивали из него жирных карпов.

Всего несколько точных, четких штрихов — и готов портрет сэра Джеймса Дуайтона, прямого потомка старинного рода де Уиттонов. Эти де Уиттоны всегда славились своим умением выкачивать деньги из всей округи и складывать их в кованые сундуки, так что, когда наступили черные времена и многим английским семействам пришлось потуже затянуть пояса, богатство Олдеруэя ничуть не оскудело.

И вот финал! С самого начала и до конца мистер Сат-

¹ Генрих VII (1485—1509) — первый английский король из династии Тюдоров

² Тис — вечнозеленое хвойное дерево (или кустарник), растущее в районе с теплым климатом

тертуэйт был уверен в благосклонности слушателей. Теперь он смиренно ждал заслуженной похвалы, и она не заставила себя ждать.

— Вы настоящий художник, мистер Саттертуэйт.

— Я...— Блестящий рассказчик неожиданно ступевался.— Я просто старался быть точным.

Они уже несколько минут, как миновали главные ворота олдериуэйского парка и теперь подъезжали к парадному крыльцу. По ступенькам навстречу машине спешил констебль.

— Добрый вечер, сэр. Инспектор Кертис в библиотеке.

Мелроуз взбежал на крыльцо, его спутники последовали за ним. В просторном вестибюле их встретил насмерть перепуганный старик дворецкий. Мелроуз на ходу кивнул ему:

— Добрый вечер, Майлз. Печальное событие.

— Вы правы, сэр,— заметно дрожащим голосом отвечал дворецкий.— Просто не укладывается в голове. Как подумаю, что какой-то злодей...

— Да-да, конечно,— не дослушал Мелроуз.— После поговорим,— и, не останавливаясь, прошагал дальше.

В библиотеке его почтительно приветствовал инспектор, огромный детина солдафонского вида.

— Скверное дельце, сэр. До вашего приезда я ничего не трогал. Отпечатков нет, чисто сработано. Так что убийца, судя по всему, не новичок.

Мистер Саттертуэйт скользнул взглядом по сгорбленной фигуре за огромным письменным столом и торопливо отвел глаза. Удар был нанесен сзади, со всего размаху, череп раздроблен — в общем, зрелище малопривлекательное.

Само орудие убийства валялось на полу: бронзовая статуэтка высотой около двух футов, в пятнах невысохшей крови на основании. Мистер Саттертуэйт наклонился, чтобы рассмотреть ее получше.

— Венера¹,— вполголоса сообщил он.— Стало быть, Венера явилась виновницей его гибели.

Образ был не лишен поэзии, есть о чем поразмышлять на досуге.

¹ Венера — в древней Италии первоначально богиня весны и садов, позднее — богиня любви, соответствующая греческой Афродите

— Все окна заперты,— продолжал докладывать инспектор.— изнутри.

Последовала многозначительная пауза.

— Значит, все-таки кто-то из своих,— неохотно заключил начальник полиции.— Ну что ж, будем разбираться.

Убитый был одет в костюм для гольфа, сумка с битами небрежно брошена на широкую кожаную кушетку.

— Прямо с поля пришел,— пояснил инспектор, проследив за взглядом шефа.— В пять пятнадцать закончил игру — и прямо сюда. Дворецкий подал ему чай, а после чая он позвонил, чтобы лакей принес тапочки. Пока что выходит, что этот самый лакей как раз и видел его последний — живого.

Мелроуз кивнул и вернулся к изучению письменного стола.

От сильного сотрясения многие из настольных украшений опрокинулись, некоторые разбились. Заметно выделялись большие часы темной эмали, лежавшие посреди стола

Инспектор откашлялся.

— А вот тут нам, что называется, повезло так повезло. Видите — стоят. Ровно половина седьмого. сэр! Вот вам и время совершения преступления. Редкостная удача, сэр!

Полковник долго всматривался в лежащие на боку часы

— Да уж точно, редкостная,— сказал он наконец и, помолчав немного, добавил: — Даже чересчур редкостная. Не нравится мне это, инспектор.

Он обернулся к своим спутникам.

— Нет, черт возьми, больно уж все гладко получается — догадываетесь, о чем я? — Он заглянул в глаза мистера Кина, словно ища поддержки.— В жизни так не бывает.

— Вы хотите сказать,— уточнил мистер Кин,— что часы так не падают?

Мелроуз озадаченно уставился на него, потом снова обернулся к часам. Часы, как всякий предмет, неожиданно лишившийся привычного достоинства, имели вид жалкий и виноватый. Полковник бережно поднял их и поставил на ножки, после чего изо всей силы стукнул кулаком по краю стола.

Часы покачнулись, но устояли. Мелроуз нанес столу еще один сокрушительный удар, и часы — медленно, словно нехотя — завалились назад.

Мелроуз решительно обернулся к инспектору:

— В котором часу было обнаружено тело?
— Около семи, сэр.
— Кем?
— Дворецким
— Позовите его,— приказал Мелроуз.— Мне нужно с ним поговорить. Кстати, а где леди Дуайтон?

— У себя в комнате, сэр. Служанка говорит, что она просто убита горем и никого не хочет видеть.

Мелроуз кивнул, и инспектор Кертис отправился выполнять приказ шефа. В ожидании дворецкого мистер Кин задумчиво глядел в камин, и мистер Саттертуэйт последовал его примеру. Некоторое время он шурился на тлеющие поленья, потом его внимание привлек какой-то блестящий предмет у самого края каминной решетки. Наклонившись, он подобрал узенький осколок изогнутого стекла.

— Сэр, вы меня звали? — послышался от двери дрожащий голос дворецкого.

Мистер Саттертуэйт опустил осколок в жилетный карман и обернулся.

Старик дворецкий неуверенно топтался на пороге.

— Садитесь, садитесь,— приветливо встретил его Мелроуз.— Э-э, голубчик, да у вас все поджилки трясутся! Вижу, вы еще не оправились от потрясения.

— Это верно, сэр.

— Ну ничего, я вас надолго не задержу. Так вы говорите, хозяин вернулся после гольфа в начале шестого?

— Да, сэр, и сразу приказал подать ему чай в библиотеку. А когда я зашел за подносом, велел прислать Дженнинга — это его лакей, сэр.

— Не помните, который тогда был час?

— Минут десять седьмого, сэр.

— Так, и что потом?

— Потом я передал, что было велено, Дженнингу, сэр, и ушел. А в семь часов захожу сюда, чтобы закрыть окна и задернуть портьеры, а тут уже...

— Ну-ну, об этом не надо,— поспешно прервал его полковник.— Скажите лучше, вы не касались тела? Ничего в комнате не трогали?

— Что вы, сэр! Я тут же бросился к телефону, звонить в полицию.

— Так. А что вы потом делали?

— Потом я велел Жанетте — это служанка ее милости, сэр,— сообщить ее милости о случившемся.

— А что, сами вы хозяйку нынче вечером вовсе не видели? — спросил полковник как бы между прочим, но чуткий слух мистера Саттертуэйта уловил в его голосе неприязнь.

— Во всяком случае, не говорил с ней. После этого страшного известия ее милость не выходила больше из своей комнаты.

— Это понятно. А до того вы ее видели?

Вопрос был задан, что называется, в лоб, и все заметили, что дворецкий замялся, прежде чем ответить.

— Разве что мельком, сэр... Когда она спускалась по лестнице.

— Она заходила в библиотеку?

Мистер Саттертуэйт затаил дыхание.

— Думаю... кажется, да, сэр.

— В котором часу?

Тишина сделалась почти оглушительной. «Интересно, осознает ли старик, как много зависит сейчас от его ответа?» — успел подумать мистер Саттертуэйт.

— Где-то в половине седьмого, сэр.

Полковник Мелроуз глубоко вздохнул.

— Спасибо, достаточно, Майлз. И пожалуйста, пришлите ко мне Дженнингса, лакея.

Лакей явился по вызову без промедления. Кошачья походка. Узкое длинное лицо. Похоже, хитроватый и скрытный тип.

«А парень-то, кажется, себе на уме,— подумал мистер Саттертуэйт.— Такой запросто уколошит хозяина — лишь бы все было шито-крыто».

Пока лакей отвечал на вопросы полковника, мистер Саттертуэйт ловил каждое слово, но все как будто сходилось: Дженнингс принес хозяину мягкие кожаные тапочки, забрал спортивные ботинки и ушел.

— Куда вы направились потом?

— Вернулся в комнату для прислуги, сэр.

— В котором часу вышли от хозяина?

— Думаю, в четверть седьмого или чуть позже, сэр.

— Где вы были в половине седьмого?

— В комнате для прислуги, сэр.

Кивком отпустив лакея, полковник Мелроуз вопросительно взглянул на Кертиса.

— Все правильно, сэр. Я проверял. Примерно с шести двадцати до семи он находился в комнате для прислуги.

— Значит, он отпадает,— не без сожаления произнес Мелроуз.— Да и какой у него может быть мотив?

Все выжидающе смотрели друг на друга.

Молчание было прервано стуком в дверь.

— Войдите,— отозвался полковник.

На пороге стояла обмирающая от страха служанка леди Дуайтон.

— Прошу прощения, но... Ее милость только что узнала о приезде господина полковника и хочет его видеть.

— Разумеется,— сказал Мелроуз.— Я немедленно иду к ней. Проводите меня.

Но тут чья-то рука отодвинула девушку в сторону, и в дверном проеме возникла совершенно иная фигура.

Всем присутствующим Лора Дуайтон показалась пришельцей из другого мира. На ней было длинное облегающее платье из тускло-голубой парчи, сшитое в средневековом стиле. Длинные золотисто-рыжие волосы расчесаны на прямой пробор и собраны в простой узел на затылке: найдя свой стиль еще в ранней юности, леди Дуайтон никогда не стригла волос.

Одной рукой она держалась за дверной косяк, чтобы не упасть; в другой у нее была книга. «Как мадонна с полотна какого-нибудь представителя позднего Дученто»,— пронеслось в голове у мистера Саттертуэйта.

Она слегка качнулась, и полковник Мелроуз тут же подскочил к ней.

— Я пришла, чтобы сообщить вам... Чтобы сообщить... — низким грудным голосом начала она.

Мистер Саттертуэйт смотрел как замороженный. Сцена была так драматична — он даже забыл, что все это происходит в жизни, а не на театральных подмостках.

— Не волнуйтесь, мадам, прошу вас! — Заботливо поддерживая леди Дуайтон за талию, Мелроуз увлек ее в маленькую проходную комнатку, смежную с вестибюлем. Кин и Саттертуэйт последовали за ними.

Стены комнатки были задрапированы старинным выцветшим шелком. Леди Дуайтон опустилась на низкий диванчик терракотового цвета и, закрыв глаза, бессильно откинулась на подушки. Мужчины терпеливо ждали. Наконец она открыла глаза, села прямо и тихо, еле слышно, сказала:

— Это я убила его. Вот что я пришла вам сообщить. Это я его убила.

В напряженной тишине мистеру Саттертуэйту на миг почудилось, что сердце у него в груди перестало биться.

— Леди Дуайтон.— заговорил Мелроуз.— Вы пережили тяжелое испытание и, видимо, еще не вполне владеете собой. Вряд ли вы сейчас понимаете, что говорите

«Может, одумается, пока еще не поздно?» — подумал мистер Саттертуэйт.

— Нет, я прекрасно понимаю, что говорю. Это я застрелила своего мужа!

У двух из присутствующих в маленькой комнатке мужчин вырвалось невольное «ах», третий не проронил ни звука. Лора Дуайтон упрямо расправила плечи.

— Надеюсь, все слышали мои слова? Я спустилась в библиотеку и застрелила своего мужа. Я признаю себя виновной.

Книга, которую она все еще держала в руке, скользнула на пол. Из нее выпал нож для разрезания страниц, в форме старинного кинжала с камнями на рукоятке. Мистер Саттертуэйт машинально поднял его и положил на столик. «Опасная игрушка,— подумал он про себя,— таким и убить можно».

— Итак?— В голосе Лоры Дуайтон уже слышалось нетерпение.— Что вы намерены делать? Арестуете меня? Уведете в тюрьму?

Полковник Мелроуз не сразу обрел дар речи.

— Ваше заявление, леди Дуайтон, слишком серьезно. Я вынужден просить вас побыть некоторое время у себя в комнате, пока я... Гм-м, пока я не отдам необходимых распоряжений.

Леди Дуайтон кивнула и поднялась с дивана.

Она шагнула было к двери, когда послышался голос мистера Кина:

— Леди Дуайтон, а что вы сделали с револьвером?

На миг холодная уверенность, кажется, покинула ее, она озадаченно остановилась.

— Я... уронила его на пол. Хотя нет, наверное, я выбросила его в окно... Впрочем, не помню. Да и какая разница? Я вряд ли воображала, что делаю. Теперь ведь это уже не важно, правда?

— Да, пожалуй, не важно,— не стал настаивать мистер Кин.

Во взгляде леди Дуайтон как будто промелькнула тревожная тень — но она лишь выше подняла голову и вели-

чественно удалась. Мистер Саттертуэйт, беспокоясь, как бы она не лишилась чувств, поспешил следом. Однако, пока он семенил к двери, леди Дуайтон успела подняться до середины лестницы: от ее неуверенности не осталось и следа. Перепуганная служанка все еще торчала за дверью.

— Позаботьтесь о своей хозяйке,— строго сказал ей мистер Саттертуэйт.

— Да, сэр.— Девушка послушно двинулась за златовласой красавицей, но тут же снова обернулась.— Умоляю вас, сэр, скажите: они его подозревают?

— Кого — его? — не понял мистер Саттертуэйт.

— Дженнингса, сэр. Поверьте, сэр, он и мухи не обидит!

— Дженнингса? С чего вы взяли? Нет, конечно. Ну ступайте же, ступайте за ней!

— Да, сэр.— И девушка резво избежала вверх по лестнице, а мистер Саттертуэйт возвратился в комнату с шелковыми драпировками.

— Провалиться мне на этом месте,— мрачно рассуждал полковник Мелроуз.— Что-то здесь не так. Прямо как в романе каком-нибудь!

— Все как-то ужасно неправдоподобно,— согласился мистер Саттертуэйт.— Похоже на сцену из спектакля.

Мистер Кин кивнул.

— Да, вы же большой любитель театра, верно, мистер Саттертуэйт? Вы сумеете оценить хорошую игру.

Мистер Саттертуэйт посмотрел на него очень внимательно.

В комнате повисла тишина. Где-то вдалеке послышался резкий отчетливый звук.

— Похоже на выстрел.— Полковник Мелроуз поднял голову.— Наверное, сторож. Видно, и она, скорее всего, что-нибудь такое услышала, спустилась вниз посмотреть... Ближе к телу подходить не решилась — вот и подумала, что...

— Мистер Делангуа, сэр!

Это был голос старого дворецкого.

— А? — Мелроуз обернулся.— Что такое?

— Пришел мистер Делангуа, сэр,— виновато повторил дворецкий.— Просит разрешения с вами поговорить.

Мелроуз откинулся на спинку стула и хмуро сказал:

— Пригласите.

Уже через минуту Пол Делангуа стоял в дверях маленькой комнатки. Полковник оказался прав: в нем действительно было что-то от иностранца: слишком изяшные жесты, слишком смуглое лицо, слишком близко посаженные глаза. В нем тоже было что-то от Ренессанса — это, видимо, и сближало их с Лорой Дуайтон.

— Добрый вечер, господа.

Вошедший картинно поклонился.

— Не знаю, что за дело вас сюда привело, мистер Делангуа,— не очень любезно начал полковник.— Но, думаю, вряд ли оно имеет отношение к сегодняшнему...

Делангуа рассмеялся.

— Ошибаетесь, полковник! Имеет, и самое непосредственное.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать,— теперь голос Делангуа звучал тихо и серьезно,— что я пришел сдать себя в руки правосудия — это я убил сэра Джеймса Дуайтона.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? — еще угрюмее спросил Мелроуз.

— Вполне.

Взгляд молодого человека задержался на столике возле дивана.

— Но что...— начал полковник.

— Что заставило меня явиться с повинной? Раскаяние, угрызения совести — называйте, как хотите! Главное, что я его заколол — можете в этом не сомневаться.— Он кивнул на столик.— Вот и орудие убийства. Леди Дуайтон случайно оставила его в книге, чем я и воспользовался.

— Минуточку,— вмешался полковник Мелроуз.— Так вы утверждаете, что закололи сэра Джеймса вот этим? — Он поднял кинжал для всеобщего обозрения.

— Совершенно верно. Как вы понимаете, в библиотеку я проник через окно. Все оказалось очень просто — он как раз сидел ко мне спиной. Удалился я тем же путем.

— Тоже через окно?

— Разумеется.

— В каком часу?

— В каком часу? — Делангуа поколебался. — Со сто-рожем я разговаривал в четверть седьмого — да, в этот момент как раз ударил церковный колокол. Значит, из окна я выпрыгнул... по всей видимости, где-то около полови-ны седьмого.

На губах полковника заиграла мрачноватая усмешка.

— Вы правы, молодой человек,— сказал он.— Половина седьмого — это как раз то, что надо. Вы ведь уже слышали об этом от прислуги? М-да, тем не менее мы имеем престранное убийство!

— Почему?

— Слишком много людей в нем признается...

Молодой человек явственно затаил дыхание.

— Кто еще в нем признался? — Он, видимо, старался сдерживать дрожь в голосе, но это ему не вполне удалось.

— Леди Дуайтон.

Делангуа откинул голову и рассмеялся несколько деланным смехом.

— Леди Дуайтон просто несколько истерична! — беспечно объявил он.— На вашем месте я бы не придавал значения ее словам.

— Пожалуй, я так и поступлю,— кивнул Мелроуз.— Но тут есть еще одна загвоздка.

— Какая же?

— Видите ли, леди Дуайтон призналась в том, что она застрелила сэра Джеймса, вы — что закололи его кинжалом. Однако, к счастью для вас обоих, его не застрелили и не закололи. Ему попросту раскроили череп.

— Боже правый! Но ведь это невозможно! Разве женщина...— Он вдруг прикусил губу.

Мелроуз удовлетворенно кивнул.

— Столько раз читал о таком,— заметил он, пряча ухмылку.— Но воочию сталкиваться пока не приходилось.

— О чем вы?

— О чем? Да вот о таких полоумных парочках! Он, видите ли, думает на нее, она на него — и ну выгораживать друг друга!.. Однако придется нам с вами начать все сначала.

— Лакей! — осенило вдруг мистера Саттертуэйта.— Ведь служанка мне только что... А я и внимания не обратил! — Он запнулся, стараясь привести мысли в порядок.— Она волновалась, не подозреваем ли мы лакея. Возможно, у него все-таки был мотив — просто мы о нем не знаем. А она знает.

Полковник Мелроуз насупился и позвонил в колокольчик.

— Пожалуйста,— сказал он явившемуся дворецкому, — попросите леди Дуайтон оказать нам любезность и явиться сюда еще раз.

Все молча дожидались прихода хозяйки.

При виде Поля Делангуа она покачнулась и словно протянула руку, пытаясь за что-то ухватиться. Полковник Мелроуз тотчас поспешил ей на помощь.

— Все в порядке, леди Дуайтон. Пожалуйста, не волнуйтесь.

— Я не понимаю... Зачем здесь мистер Делангуа?

Делангуа шагнул к ней.

— Лора, Лора! Зачем ты это сделала?

— Зачем... что?

— Я все знаю. Ты пошла на это ради меня. Ты ведь думала, что это я... В конце концов, это было бы естественно. И все же... О, мой ангел!

Полковник Мелроуз многозначительно кашлянул. Он вообще не любил разных там эмоций, а уж подобных представлений тем более терпеть не мог.

— Если мне будет позволено вмешаться, леди Дуайтон, вы с мистером Делангуа счастливо отделались. Он, видите ли, тоже явился «признаваться» в совершении убийства, — да не волнуйтесь вы так, не совершал он его! А теперь — хватит играть в кошки-мышки, пора наконец выяснить истину. Итак, леди Дуайтон, дворецкий утверждает, что в половине седьмого вы направились в библиотеку, — верно ли это?

Лора кинула быстрый взгляд на Делангуа, тот кивнул.

— Говори правду, Лора, — сказал он. — Это единственное, что нам остается.

— Хорошо, я скажу, — сказала она, глубоко вздохнув, и опустилась на стул, который едва успел пододвинуть мистер Саттертуэйт.

— В половине седьмого я действительно спустилась вниз. Войдя в библиотеку, я увидела...

Она судорожно сглотнула.

— Так, — мистер Саттертуэйт, наклонившись, легонько похлопал ее по руке. — Стало быть, вы увидели?..

— Мой муж сидел спиной к двери, навалившись всем телом на письменный стол. Его голова... И эта лужа крови... Ах, нет!

Она закрыла лицо руками. Начальник полиции сочувственно склонился вперед.

— Простите, леди Дуайтон. Так вы решили, что мистер Делангуа его застрелил?

Она кивнула.

— Прости меня, Поль,— проговорила она.— Но ведь ты сам говорил, что... что...

— Что пристрелю его как собаку,— угрюмо закончил за нее Делангуа.— Помню даже день, когда я это сказал. Тогда я впервые узнал о том, как он над тобой издевается.

Полковник Мелроуз, однако, упорно гнул свою линию.

— Если я вас правильно понял, леди Дуайтон, из библиотеки вы поднялись к себе и... гм-м... никому ничего не сказали. Не спрашиваю вас сейчас, почему,— меня интересует другое. Вы подходили к письменному столу? Трогали тело?

Она содрогнулась.

— Нет! Нет. Я тут же выбежала из комнаты.

— Так, понятно. Вы можете точно назвать время, когда это было?

— К себе в спальню я вернулась ровно в половине седьмого.

— Ну что ж.— Мелроуз обвел глазами собравшихся.— Значит, где-то в шесть двадцать пять сэр Джеймс был уже мертв. Так что время на часах было совсем другим — как мы и подозревали с самого начала. К тому же убийца допустил одну оплошность — бросил часы совсем не так, как они должны были упасть на самом деле. Стало быть, остаются дворецкий и лакей. Насчет дворецкого у меня лично нет и тени сомнения: это не он. Скажите, леди Дуайтон, а у Дженнингса, лакея, с вашим мужем не было никаких конфликтов?

Лора Дуайтон отняла руки от лица.

— Не знаю, можно ли назвать это конфликтом... Но как раз сегодня утром Джеймс сказал мне, что увольняет Дженнингса. Он поймал его на мелком воровстве.

— Ага! Кажется, подбираемся к сути. Значит, Дженнингсу грозило увольнение без письменной рекомендации? Для прислуги это серьезно.

— Вы говорили что-то о часах,— сказала Лора Дуайтон.— Может быть... Если вы хотите уточнить время... Не уверена, что это поможет, но все-таки... Джеймс, когда играл, всегда имел при себе карманные часы. Может, они разбились, когда он упал?

— Это мысль,— медленно проговорил полковник.— Боюсь... Кертис!

Инспектор кивнул и мигом исчез за дверью. Вернулся он через минуту, держа на ладони серебряные часы: когда

играют в гольф, игроки, как правило, носят такие в кармане для мячей, и на крышке у них выгравированы такие же линии, как на мячах.

— Вот, сэр.— Он предъявил добычу шефу.— Только вряд ли они нам помогут. Видно, что сделаны на совесть, такие еще поди разбей.

Полковник забрал у него часы и поднес к уху.

— Гм-м, тем не менее они стоят.

Он отшелкнул крышку, и все увидели под ней вдребезги разбитое стекло.

— Вот оно! — торжествуя произнес полковник.

Стрелки часов показывали ровно четверть седьмого.

— Превосходный портвейн, полковник,— похвалил мистер Кин.

Было половина десятого, запоздалый обед в доме полковника Мелроуза только что завершился. Мистер Саттертуэйт прямо-таки сиял.

— Вот видите, мистер Кин, я оказался совершенно прав,— посмеиваясь, сказал он.— Вы сегодня выехали на нашу дорогу отнюдь не случайно! Вы спасли двух безумцев, которые чуть было не влезли головой в петлю.

— Вы ошибаетесь,— возразил мистер Кин.— Я и не думал их спасти.

— Так вышло, что это не понадобилось,— согласился мистер Саттертуэйт.— Но все ведь висело на волоске. Никогда не забуду, как леди Дуайтон произнесла: «Я убила его». Того, как они были сказаны, я и на сцене никогда не слышал.

— Тут, пожалуй, я вынужден с вами согласиться,— заметил мистер Кин.

— Я думал, такое бывает только в романах,— повторил полковник, кажется, в двадцатый раз за сегодняшний вечер.

— А разве нет? — спросил мистер Кин.

Полковник удивленно уставился на него.

— Но вы же все видели своими глазами...

— И заметьте, — мистер Саттертуэйт, с бокалом портвейна в руке, откинулся на спинку стула,— леди Дуайтон была великолепна — просто великолепна! — но в одном все же ошиблась: решила с чего-то, что ее супруга не иначе как застрелили. И Делангуа тоже хорош: думает, раз на столе

лежит какой-то нож, то им непременно сэра Джеймса и закололи? Но ведь это чистая случайность, что нож вообще выпал из книги леди Дуайтон.

— Думаете? — сказал мистер Кин.

— А представьте,— продолжал мистер Саттертуэйт,— если бы каждый из них просто признался в убийстве, не уточняя, чем оно было совершено, — что тогда?

— Тогда бы им, чего доброго, поверили,— как-то странно улыбнулся мистер Кин.

— Ну точно как в каком-нибудь романе,— опять изрек полковник.

— Да,— согласился мистер Кин.— Вероятно, отсюда они и почерпнули свою замечательную идею.

— Очень возможно,— оживился мистер Саттертуэйт.— Прочитанное возвращается к нам порой самым неожиданным образом. Разумеется, часы с самого начала не внушали нам доверия,— продолжал он, обращаясь к мистеру Кину.— Ведь яснее ясного, что их можно перевести вперед или назад.

— Вперед,— повторил мистер Кин, и после паузы: — Или назад.

Его тон словно бы подбадривал мистера Саттертуэйта, как и взгляд его темных блестящих глаз.

— Но стрелки часов были переведены вперед,— сказал мистер Саттертуэйт.— Это-то мы уже выяснили.

— Думаете? — снова спросил мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт все пристальнее вглядывался в смуглое лицо.

— Вы хотите сказать,— медленно заговорил он,— что кто-то, наоборот, отвел назад стрелки карманных часов? Позвольте, но зачем? Нет, это совершенно невозможно!

— Отчего же невозможно? — пробормотал мистер Кин.

— Ну, во всяком случае, бессмысленно. Кому, по-вашему, это было нужно?

— Полагаю, тому, у кого есть алиби на это время.

— Черт меня подери! — взревел вдруг полковник.— Ведь Делангуа же нам как раз и показал, что в шесть пятнадцать он разговаривал со сторожем!

— Да, он назвал именно это время,— подтвердил мистер Саттертуэйт.

Они с полковником переглянулись, и у обоих одновременно возникло странное чувство, будто твердая почва ухо-

дит у них из-под ног. Все факты и события, казавшиеся такими понятными, стремглав понеслись по кругу, при этом оборачиваясь к ним какими-то новыми, неожиданными гранями,— а в самом центре этого калейдоскопа темнело смуглое, улыбающееся лицо мистера Кина.

— Но в таком случае ..— начал Мелроуз,— в таком случае...

— Все было наоборот,— опередил его мистер Саттертуэйт, отличавшийся большей гибкостью ума.— Все так или иначе оказалось подстроено — против лакея... Да нет, не может быть,— спохватился он.— Ерунда какая-то! Тогда зачем им вообще было брать вину на себя?

— Вот именно, зачем?.. Однако, пока они этого не сделали, оба были под подозрением, верно? — В голосе мистера Кина появилась некая мечтательная умиротворенность.— Вы точно подметили, полковник,— все как в романе. Именно из романа они и позаимствовали весь этот сюжет. Они ведь поступили так, как всегда поступают невинные герой и героиня. Неудивительно, что и полковник сразу же счел их невинными — как-никак, за ними сила литературной традиции. Мистер Саттертуэйт, со своей стороны, без конца сравнивал происходившее с театром. И оба вы, несомненно, были правы. Все это мало правдоподобно и не имеет отношения к реальной жизни — вы оба, сами того не сознавая, повторяли эту мысль снова и снова. Если бы они добивались правдоподобия, им пришлось бы выдумать что-нибудь получше.

Полковник и мистер Саттертуэйт слушали его с самым безутешным видом.

— Да, им надо было бы быть поумнее,— проговорил наконец мистер Саттертуэйт.— И кстати, я припоминаю, в семь часов дворецкий ведь спускался в библиотеку, чтобы закрыть окна? Стало быть, им полагалось быть открытыми...

— Они и были открыты, когда через одно из них проник Делангуа,— кивнул мистер Кин.— Он одним ударом убил сэра Джеймса, а потом — уже вдвоем — они довели дело до конца...

Он взглянул на мистера Саттертуэйта, как бы приглашая его дорисовать картину убийства, и тот заговорил — поначалу не очень уверенно:

— Пожалуй, прежде всего они разбили большие часы

и уложили их на стол... Да, вероятно, так. Потом перевели стрелки на карманных часах и разбили стекло. Потом он выбрался наружу, а она заперла все окна изнутри. Я только одного не пойму: чего ради они разбили карманные часы? Разве недостаточно было настольных.

— Такой ход был чересчур очевидным,— возразил мистер Кин.— Его легко можно разгадать.

— Зато с карманными часами чересчур заумный. Мы ведь и подумали-то о них совершенно случайно...

— Разве? — сказал мистер Кин — Помнится, нам очень помогла подсказка ее милости.

Мистер Саттертуэйт застыл с открытым ртом

— Тем не менее,— мечтательно продолжал мистер Кин. — есть один-единственный человек, который ни за что не забыл бы о карманных часах,— лакей. Лакею лучше всех прочих известно, что лежит в карманах у его хозяина. Но он ничего не сказал. Переведи лакей стрелки на больших часах — он бы уж не забыл и про карманные... Нет, эти двое не знатоки человеческой натуры! Им далеко до мистера Саттертуэйта.

Мистер Саттертуэйт горестно качал головой.

— Как же я ошибся! — пробормотал он.— Решил, что вы явились спасти влюбленных!..

— Так оно и есть,— улыбнулся мистер Кин — Только не этих двоих — других. Вы, возможно, не обратили внимания на служанку ее милости? Она, правда, не шуршала парчой и не разыгрывала трагических сцен — но все же она очень милая девушка и, кажется, по-настоящему любит своего Дженнингса. Думаю, господа, что спасение ее влюбленного теперь целиком в ваших руках.

— Но мы не можем представить никаких доказательств,— мрачно буркнул полковник.

Улыбка озарила лицо мистера Кина.

— Мистер Саттертуэйт может.

— Я? — изумленно переспросил мистер Саттертуэйт.

— Смешно. Вы можете доказать, что часы сэра Джеймса разбились отнюдь не в его кармане. Прежде всего, нельзя вдребезги разбить стекло, не открыв при этом крышку. Не верите — попробуйте сами. Кто-то вытащил их из его кармана, откинул крышку, отвел стрелки назад, ударил по стеклу, а потом уже закрыл часы и вернул их на место. Вот только он не заметил, что один осколок при этом выпал.

— О Боже! — вскричал мистер Саттертуэйт. Рука его сама дернулась к жилетному карману, в глубине которого он нащупал заостренный осколок изогнутого стекла.

Наконец-то наступила его минута.

— Это стеклышко, — провозгласил мистер Саттертуэйт, — поможет мне спасти человека от виселицы

Чайный сервиз «Арлекин»

Мистер Саттертуэйт был вне себя. Сбывались самые его худшие опасения. Самое обидное, он ведь прекрасно знал, что доверять можно только старым машинам: надежным и испытанным. Конечно, у них свои недостатки, но они, по крайней мере, известны, предсказуемы и, как следствие, не фатальны. А эти новые автомобили! Сплошные окошки и куча непонятных приспособлений! Чего стоит одна панель! Блестит, конечно, здорово, но пока разберешься, что там к чему... Руки лихорадочно мечутся между бесчисленными переключателями: противотуманные фары, дворники, глушитель и так далее и тому подобное. При этом все — в самых неожиданных местах. И когда это сверкающее совершенство вдруг выходит из строя, механик флегматично цедит сквозь зубы: «Отличная машина, сэр, просто замечательная! Последнее слово техники. Только еще не обкатана. Я бы сказал, сэр, ха-ха, у нее просто режутся зубки».

Ха-ха. Очень смешно. Ничего себе младенец! Дожив до преклонного возраста, мистер Саттертуэйт вовсе не собирался нянчиться с новорожденными. Если вы покупаете машину, считал он, это должна быть надежная и проверенная машина, уже обкатанная машина, можно сказать, взрослая машина.

Мистер Саттертуэйт ехал за город к друзьям, чтобы провести у них выходные, но, едва его новенькая машина

выбралась из Лондона, как мотор начал сдавать и пришлось срочно сворачивать в ближайшую авторемонтную мастерскую — выяснять, что с ним такое.

Пока его шофер неспешно беседовал с механиком, мистер Саттертуэйт, точно тигр, метался поодаль. Вчера он клялся по телефону, что будет ровно в четыре и ни минутой позже: нет ничего хуже, чем откладывать из-за опаздывающего гостя вечерний чай.

Он мрачно хмыкнул и попытался думать о чем-нибудь приятном. Что толку расхаживать взад и вперед, многозначительно поглядывая на часы, и кудачтать, точно снесшая яйцо наседка?

О чем-нибудь приятном... Было ведь что-то такое совсем недавно. Что-то, промелькнувшее за окном... Что-то, что очень ему понравилось и наверняка запомнилось бы, не начнись тогда вся эта суета с машиной

Что же это было? Слева — нет, кажется, справа. Да, точно справа, они еще ехали тогда по деревне. Как раз проезжали почту. Он еще подумал, что надо бы позвонить Эдисонам предупредить, что опаздывает. Почта как почта. А вот рядом... Соседняя дверь — нет, скорее, через одну. Что-то до боли знакомое. Он еще вспомнил тогда. . что же он вспомнил? Господи, вот мучение! Какой-то цвет... даже несколько цветов. Да-да, именно сочетание цветов. И слово. Оно напомнило ему о прошлом. О чем-то очень приятном. Не просто увиденном, а пережитом. Но о чем же, о чем? Где это было? Ответ так и просился на язык. Да повсюду же! На островах, на Корсике: в Монте-Карло, когда он наблюдал, как крупные крутит колесо рулетки; за городом, наконец. В разных-разных местах. С ним еще был кто-то... Да, кто-то еще. Без кого ничего бы и не случилось...

Наконец-то! Он вспомнил. Если бы можно было... Его мысли прервал появившийся шофер. За ним следовал механик.

— Это не займет много времени, сэр,— бодро заявил шофер.— Минут десять — двадцать... Около того.

— Ничего серьезного,— сообщил механик тягучим голосом деревенского жителя.— Просто машина еще не обкатана. Я бы сказал, сэр, ха-ха, у нее режутся зубки.

Мистер Саттертуэйт даже не хмыкнул. Изданный им звук был самым настоящим скрежетом зубовым. Выражение довольно распространенное, но истинное его значение он понял только с годами — когда разболталась верх-

няя пластинка. Зубы: молочные, потом постоянные, затем больные, под конец и вовсе искусственные, а теперь — вот — машинные. Поистине, вся жизнь вертится вокруг зубов.

— Отсюда до Довертон-Кингсбурна рукой подать, — сообщил шофер. — Возьмите такси, сэр, они здесь есть. А я пригоню машину, как только будет готова.

— Нет! — неожиданно взорвался мистер Саттертуэйт.

Его глаза горели, а в голосе звучали такая власть и сила, что механик с шофером невольно попятились.

— Пойду, — уже спокойнее продолжил мистер Саттертуэйт, — прогуляюсь. Когда сделаете, найдете меня в трактире «Арлекин». Мы его проезжали по дороге. Он ведь так называется? — повернулся он к механику.

— Да, сэр, только... Только это не очень хорошее место, — пробормотал тот.

— Тем лучше, — величественно изрек мистер Саттертуэйт и, развернувшись, решительно зашагал прочь.

Оставшиеся проводили его недоуменными взглядами.

— Вообще-то он у меня тихий, — извиняющимся тоном проговорил шофер. — Просто не понимаю, что на него нашло.

Лучшим в селении Кингсбурн, определенно, было его название. Остальное представляло из себя маленькую деревеньку с одной улицей, несколькими домами и парой магазинов, причем разницы между всеми этими сооружениями, не считая вывесок, не было ни малейшей. Обычная мирная деревенька. Ни красот, ни достопримечательностей. Естественно, любое яркое пятно сразу бросается в глаза и надолго запоминается. Мистер Саттертуэйт подошел к почте. Ничего особенного: ящик для писем, стандартный набор газет и открыток. Но рядом... Рядом было то, что привлекло его внимание раньше и привело сюда теперь. Трактир «Арлекин». Неожиданно мистер Саттертуэйт занервничал и сам себе удивился. Так разволноваться из-за какого-то там названия! Что-то уж больно впечатлительным стал он под старость. «Арлекин». Ну, собственно, и что?

Механик оказался прав. Внутреннее убранство трактира совершенно не способствовало аппетиту. Пожалуй, там еще можно было перекусить или выпить кофе — но не более того. Мистер Саттертуэйт хотел уже было развернуться и уйти, как что-то привлекло его внимание. Половина помещения была отдана под магазин керамики. Не унылый

и серый антикварный магазин с никому не нужными вазочками, пылящимися на стеклянных прилавках, а вполне современный магазин с выходящей на улицу витриной, переливающейся всеми цветами радуги. Среди прочего там красовался чайный сервиз. Большие разноцветные чашки и блюда: синие, красные, желтые, зеленые, розовые, фиолетовые.

— Настоящий парад красок,— подумал мистер Саттертуэйт.

Так вот что отпечаталось в его памяти, когда они проезжали по этой улице! На ценнике значилось: «Чайный сервиз «Арлекин».

Ну конечно же: «Арлекин»! Именно это слово он и пытался вспомнить. Веселые цвета, цвета арлекина.

«Уж не знак ли это?» — подумалось вдруг ему.

Знак свыше. Глупо, конечно, но как увлекательно! А вдруг здесь и вправду окажется его старый друг, мистер Арли Кин? Сколько же воды утекло с тех пор, как они виделись в последний раз? Ох, много! Тогда мистер Кин исчез, растворился на неприметной сельской тропинке, которую все называли «Дорогой влюбленных». Мистер Саттертуэйт давно уже привык, что судьба дарит ему одну — иногда две — встречи с мистером Кином в год. В этом году надеяться на встречу, похоже, уже не приходилось.

И тут, в убогом трактире, в глухой деревушке Кингсбурн им вдруг овладело предчувствие, что он может все-таки встретить мистера Арли Кина.

«Глупость какая,— сказал он себе.— Даже странно. Вот уж действительно: с годами начинаешь потихоньку выживать из ума».

Он никогда не скрывал от себя, что ему мучительно недостает мистера Кина, олицетворявшего для него чуть не все лучшее и значительное из прожитой жизни. Ему не хватало этого человека, который мог появиться где угодно, когда угодно, и чье появление всегда означало, что с мистером Саттертуэйтом вот-вот произойдет нечто захватывающее. В общем-то не совсем даже с ним, но что без него никогда бы и не случилось. Это-то и было самое интересное.

Рядом с этим человеком мистер Саттертуэйт чувствовал себя... совсем другим. Благодаря одному только слову, оброненному мистером Кином, ему в голову приходили великолепные идеи. Он начинал замечать, сопостав-

лгать, думать. И, в результате, делать именно то, что единственно и следовало предпринять.

Мистеру Кину стоило только усесться напротив, ласково улыбнуться, и в голове мистера Саттертуэйта начинали роиться мысли и образы, в которых он сам, Саттертуэйт, представлял уже совершенно иным. Это был Саттертуэйт, обладающий множеством друзей, среди которых попадались и герцогини, и епископы — и прочие люди с немалым весом в обществе. Саттертуэйт всегда был немножко снобом, и ему льстило общение со знатными семьями, многие века неофициально властвовавшими в Англии. Впрочем, молодые люди, не обладающие весом в обществе, тоже могли рассчитывать на его участие, но для этого они должны были предварительно попасть в беду или влюбиться — в общем, тем или иным образом нуждаться в его помощи. И он, Саттертуэйт, действительно мог им помочь. Благодаря мистеру Кину.

Сейчас же, когда того не было рядом, мистер Саттертуэйт был вынужден, как последний обыватель, разглядывать витрину сельского магазинчика, продающего современный фарфор, чайные сервизы и, разумеется, керамические кастрюльки.

— Ладно,— сказал себе мистер Саттертуэйт,— зайду. Не зря же я тащился в такую даль. Все равно машину будут чинить еще бог знает сколько. Уж наверное, здесь интереснее, чем в мастерской.

Еще раз взглянув на витрину, он неожиданно для себя решил, что это очень хороший фарфор. Качественный и добротный. Как в старину.

Его мысли тут же устремились в прошлое. Герцогиня Лейтская. Старая добрая герцогиня! Как добра она была тогда к своей служанке: они плыли на Корсику, и у несчастной разыгралась морская болезнь. Никогда до этого он не представлял, что эта женщина может быть кротка как ангел. Уже на следующий день к ней вернулся ее буйный нрав, который, кстати сказать, ее домочадцы переносили без единого звука протеста. Мария, Мария. Старая добрая Мария Лейтская... Умерла несколько лет тому назад. Ах, вот оно что! У нее тоже был сервиз «Арлекин». Такие же большие разноцветные чашки. Черные, желтые, красные и мрачноватого, на его взгляд, красновато-коричневого оттенка — ее любимого. У нее даже был рокингемский чайный сервиз с золотой росписью по красновато-коричневому фону.

— Да,— вздохнул мистер Саттертуэйт,— вот это было время! Выпить, что ли, здесь кофе? Разумеется, он на три четверти будет состоять из молока, а остальным окажется сахар, но все лучше, чем ничего.

Он вошел внутрь. Трактир был почти пустым.

— Видимо,— решил мистер Саттертуэйт,— для любителей чая еще не пришло время. Впрочем, оно, похоже, и вовсе уже прошло. Кто теперь пьет чай? Разве что старики, да и те у себя дома.

В углу шепталась какая-то парочка, за столиком у стены лениво сплетничали две женщины.

— А я ей говорю,— важно и мрачно изрекла одна из них,— что так не годится. «Я этого не потерплю»,— так ей прям и сказала. Вот и Генри со мной согласен.

— Бедный Генри,— подумал мистер Саттертуэйт.— Попробовал бы он не согласиться. На редкость отталкивающая особа. Подружка, впрочем, не лучше.

Он отвернулся и подошел к прилавку магазина.

— Можно взглянуть?

— Конечно, сэр,— услужливо ответила продавщица.— У нас как раз очень хороший товар.

Мистер Саттертуэйт принялся рассматривать разноцветные чашки. Повертел в руках одну, вторую, снял с полки молочный кувшин, полюбовался фарфоровой зеброй; провел пальцем по очень даже недурной пепельнице... Услышав звук отодвигаемых стульев и обернувшись, он увидел, что сельские леди, продолжая сплетничать, расплатились и двинулись к выходу. Как только они вышли, в дверь вошел высокий мужчина в темном костюме и уселся за освободившийся столик спиной к мистеру Саттертуэйту. Со спины человек казался стройным и сильным. Впрочем, из-за скудного освещения трудно было сказать с уверенностью. Обычная фигура, возможно, немного мрачная. Мистер Саттертуэйт снова повернулся к прилавку.

«Надо бы купить что-нибудь,— подумал он,— а то неудобно перед продавщицей».

И в этот момент солнце наконец вышло из-за туч. До этого мистеру Саттертуэйту как-то не приходило в голову, что магазин кажется мрачным из-за недостатка солнечного света. Он вспомнил, что за все время поездки солнце так ни разу и не выглянуло. Теперь же, когда в разноцветное, похожее на церковный витраж, окно ворвались лучи солнечного света, фарфор заиграл всеми цветами радуги.

«Сейчас такие уже почти и не встретишь», — подумал мистер Саттертуэйт, разглядывая окно.

Солнце, залившее трактир, сыграло странную шутку с костюмом сидевшего у стены мужчины, расчертив темную ткань светлыми ромбами красного, синего, зеленого и желтого цвета. И неожиданно для себя мистер Саттертуэйт осознал, что перед ним тот, кого он надеялся найти. Интуиция не подвела его. Теперь он знал, кто сидит за столиком. Знал настолько хорошо, что ему не нужно было даже взглянуть ему в лицо, чтобы убедиться в своей правоте. Он повернулся спиной к прилавку, подошел к столику и, обойдя его, уселся напротив мужчины.

— Доброе утро, мистер Кин, — сказал он. — А я ведь знал, что это вы.

— Вы всегда все знаете, — улыбнулся тот.

— Давненько не виделись, — заметил мистер Саттертуэйт.

— Разве время имеет значение? — осведомился мистер Кин.

— Нет, наверное. То есть конечно нет.

— Позвольте предложить вам что-нибудь прохладительное.

— А оно, думаете, здесь есть? — с сомнением спросил мистер Саттертуэйт. — И только не говорите мне, что пришли сюда за этим.

— Откуда человеку знать, зачем он пришел куда-то?

— Знаете, — улыбнулся мистер Саттертуэйт, — а я уже почти и забыл вашу манеру общаться. Как вы меня вечно подталкиваете и заставляете думать. Или делать.

— Я? Заставляю? Помилуйте! Вы и сами всегда прекрасно знали и что делать, и почему делать именно это.

— Да, но только когда вы были рядом.

— О нет, — небрежно отмахнулся мистер Кин. — Я здесь ни при чем. Вы же знаете: я просто проходил мимо — только и всего. Прохожу и сейчас.

— Мимо Кингсбурна.

— Мимо Кингсбурна. А вот вы — нет. У вас есть цель. Верно?

— Ну да. Собираюсь навестить старого друга — не видел целую вечность. Теперь он уже совсем старик, недавно у него был удар — едва оправился. Так что кто знает...

— Он живет один?

— К счастью, уже нет. Его семья вернулась из-за границы. Точнее, то, что от нее осталось. Так что вот уже

несколько месяцев они живут вместе. Знаете, я так рад, что наконец их увижу! Я ведь не всех даже знаю.

— Вы имеете в виду детей?

— И внуков.

Мистер Саттертуэйт вздохнул. На мгновение ему стало жаль, что у него самого нет ни детей, ни внуков, ни правнуков. Обычно он об этом не думал.

— Здесь делают хороший кофе,— сказал мистер Кин.— Действительно хороший. Все остальное, как вы и догадались, лучше не пробовать. Но чашечку хорошего кофе всегда можно выпить, не правда ли? Давайте так и поступим, тем более что вскоре, полагаю, вам придется продолжить свое путешествие.

В дверях появилась маленькая черная собака. Она подошла, села рядом со столиком и посмотрела на мистера Кина.

— Ваша? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Да. Это Гермес. Познакомьтесь.

Он погладил собаку по голове.

— Скажи Али, пусть сделает кофе,— проговорил он.

Собака направилась к двери и скрылась в подсобке. Понесся отрывистый звонкий лай. В дверях тут же показался смуглый молодой человек в зеленом свитере.

— Кофе, Али,— сказал мистер Кин.— Два.

— По-турецки, если не ошибаюсь? — улыбнулся Али и исчез.

Собака вернулась и устроилась рядом с хозяином.

— Рассказывайте,— начал мистер Саттертуэйт.— Где были, что делали? Что-то давно вас не было видно.

— Но ведь я уже говорил, что время несущественно. Я запоминаю только обстоятельства. Надеюсь, вы тоже не забыли, при каких обстоятельствах мы встречались в последний раз?

— Ужасно,— вздохнул мистер Саттертуэйт.— Не хочется даже вспоминать.

— Вы про смерть? Но она вовсе не обязательно трагедия. Я уже как-то говорил об этом.

— Да,— согласился мистер Саттертуэйт.— Та смерть, о которой мы говорим, может, и не была трагедией. Но все-таки...

— Но все-таки жизнь лучше. Здесь вы, разумеется, правы,— согласился мистер Кин.— Абсолютно правы: жизнь лучше. Никто не хочет, чтобы умирал тот, кто молод, счастлив или мог бы таковым стать. Никто не желает это-

го. Вот почему мы и должны спасать жизнь, когда предоставляется такая возможность.

— И вы... хотите ее мне предоставить?

— Я? Вам?

Длинное печальное лицо Арле Кина осветилось улыбкой.

— Я никогда и ничего не предоставлял вам, друг мой. Вы сами прекрасно знаете, что должны делать, и всегда это делаете. При чем же тут я?

— Э, нет,— возразил мистер Саттертуэйт.— Меня не проведешь. Но все-таки, где вы пропадали все это... что я называю временем?

— Можно сказать: везде и нигде в особенности. Какие-то города, страны, приключения. Но я ведь, как обычно, просто проходил мимо... Скорее, рассказывать должны вы. Нет-нет, не о том, что делали, а о том, что собираетесь... Вот, например, сейчас. Куда вы едете? Кого увидите? Кто они, эти ваши друзья?

— Конечно, я расскажу, и расскажу с удовольствием, поскольку только об этом и думаю. Когда долго кого-то не видишь, всегда волнуешься, как пройдет встреча.

— Конечно,— кивнул мистер Кин.

Появился Али, улыбаясь, поставил перед ними кофе в маленьких чашечках с восточным узором и удалился. Мистер Саттертуэйт с удовольствием сделал первый глоток.

— Сладок как любовь, черен как ночь, горяч как ад. Так, кажется, говорят арабы?

Мистер Кин улыбнулся и кивнул.

— Итак, куда я еду... Ну хорошо, хоть и сомневаюсь, что это имеет какое-то значение. Как я уже говорил, намерен повидать старого друга и познакомиться с его новой семьей. Зовут его Том Эдисон. В юности мы были очень дружны, но потом жизнь, как это бывает, разбросала нас в разные стороны. Он пошел по дипломатической линии, уехал за границу, работал в разных странах. Изредка я ездил к нему в гости, иногда мы встречались, когда он приезжал в Англию. В самом начале карьеры он оказался в Испании и женился там на местной девушке. Такая темно-волосая красавица. Пилар ее звали. Он безумно ее любил.

— У них были дети?

— Двое. Обе — дочери. Светленькую, похожую на отца, называли Лили. Я был ее крестником. Вторая, Мари, была вылитая мать. Впрочем, с детьми я виделся редко. Два или три раза в год устраивал вечеринки в честь Лили, иногда

навешал ее в школе. Это был прелестный, совершенно очаровательный ребенок. Она была очень привязана к отцу, а уж тот от нее и вовсе без ума. Потом началась война (не мне вам о ней рассказывать), и мы встречались все реже. Лили вышла замуж за военного, летчика-истребителя. До недавнего времени я даже не знал его имени. Саймон Джиллиат. Командир эскадрильи Джиллиат.

— Он погиб?

— Нет-нет. Жив. Ушел в отставку и вместе с Лили уехал в Кению — как и многие другие. Они обосновались там и жили счастливо. Вскоре у них появился сын, мальчик по имени Роланд. Потом, когда он уже учился в школе в Англии, я видел его пару раз. В последнюю нашу встречу ему было, думаю, лет двенадцать. Славный малыш. Волосы рыжие, как у отца. Безумно хочется посмотреть, что из него получилось. Сейчас ему двадцать три — двадцать четыре. Время летит так быстро.

— Женат?

— Нет. Пока нет.

— Собирается?

— Кажется, да. Том писал о какой-то девушке, кажется, кузине. Ну, а младшая дочь, Мария, вышла за местного врача. Я с ними, к сожалению, так и не сошелся. Умерла при родах. Бабушка назвала ее малышку Инесс. Испанская кровь. Я вас еще не утомир?

— Нет-нет, продолжайте. Все это очень интересно.

— Разве? — удивился мистер Саттертуэйт, с внезапным подозрением всматриваясь в лицо мистера Кина. — Но почему вас так интересует эта семья?

— Просто хочется составить о ней представление.

— Ну что ж. Они живут, как я уже говорил, в Довертон-Кингсбурне. Их особняк называется так же. Такой красивый старый дом. Впрочем, ничего особенного. Туристов, например, туда не заманишь. Ну, вы понимаете. Именно такой дом строит себе англичанин, хорошо послуживший стране и теперь наслаждающийся заслуженным отдыхом. А Том всегда любил деревню. Он же заядлый рыболов и охотник. Ох, и славно же мы с ним проводили время в юности! А в Довертон-Кингсбурне я мальчишкой проводил все школьные каникулы. До сих пор вспоминаю. Другого такого места нет. И дома тоже. Знаете, каждый раз, подъезжая к нему, я нарочно делаю крюк... Там есть такая большая аллея... И в просвет между деревьями вид совершенно незабываемый. Посидишь у речки, вспомнишь

былые деньки. Том всегда был заводилой. Таким и остался. А я... Что я? Обычный холостяк.

— Это совершенно не так,— возразил мистер Кин.— Вы, скорее, Друг. Человек, который умеет дружить.

— Хорошо бы. Но, боюсь, вы мне просто льстите.

— Отнюдь. Вы на редкость дружелюбный человек. А для этого нужно не так уж мало: и собственный опыт, и способность им поделиться, и многое-многое другое. О вас, кстати, можно было бы написать целую книгу.

— Только главным героем в ней стали бы вы

— Вряд ли,— отозвался мистер Кин.— Я всего лишь тот, кто проходил мимо. Не более. Однако же продолжайте.

— Это начинает напоминать настоящую семейную хронику. Так вот, я уже говорил, что мы могли годами не видеться, оставаясь при этом друзьями. Иногда я заезжал к Тому с Пилар — до того, как она умерла. К сожалению, это случилось слишком рано. Навешал Лили, свою крестницу, виделся с Инесс. Тихая скромная девушка, живущая вместе с отцом (вы помните, он доктор) в деревне.

— А ей сейчас сколько?

— Думаю, девятнадцать — двадцать. Надеюсь, мы с ней подружимся.

— Итак, в целом, это счастливая хроника?

— Не совсем. Моя крестница Лили, уехавшая в Кению с мужем, погибла там в автомобильной катастрофе, оставив после себя годовалого Роланда. Саймон, ее муж, был убит горем. Это была по-настоящему счастливая пара. Во второй раз он женился на молодой вдове. Думаю, оно и к лучшему. Она была вдовой командира эскадрильи, его погибшего друга. У нее тоже остался ребенок, примерно того же возраста, что и Роланд,— может, месяца на три постарше. Похоже, второй брак Саймона тоже оказался счастливым. Я, конечно, с ними не виделся, поскольку они продолжали жить в Кении. Мальчиков воспитывали как братьев. В Англии они ходили в одну школу, а каникулы обычно проводили в Кении. Мы много лет не виделись. Потом... Вы же знаете, что произошло в Кении. Некоторым удалось там остаться, многие уехали в Западную Австралию и обосновались там. Некоторые же вернулись домой, в Англию.

Саймон Джиллиат с женой и двумя детьми тоже вынуждены были уехать из страны, вдруг ставшей для них чужой. Старый Том Эдисон давно уже звал их к себе, и теперь они решили принять его приглашение. И вот они

приехали: зять Тома с новой женой и их двое детей — хотя, какие они теперь дети? Молодые люди! Они вернулись, живут все вместе, и они счастливы. Внучка Тома, Инесс Хортон, как я уже говорил, живет в деревне с отцом-врачом и много времени проводит в Довертон-Кингсбурне с дедом. У них прекрасные отношения. Кажется, они все там счастливы. Том уже много раз приглашал меня приехать повидаться с ними. Ну, и вот я наконец сумел выбраться на выходные. Страшновато, конечно, после стольких лет увидеть старого друга... Все думаешь: а вдруг в последний раз? Однако, как я понимаю, сам он не унывает. И потом, я сильно скучаю по Довертон-Кингсбурну: с этим домом у меня связано столько воспоминаний... Если прожил жизнь зря и остался в итоге ни с чем, как это случилось со мной, только и остается, что старые друзья и воспоминания о счастливой юности... Вот только ..

— Что такое? Вас что-то тревожит?

— Честно говоря, очень боюсь разочароваться. Вдруг того, что я помню, уже нет? За это время дом мог стать совсем другим: могли пристроить новое крыло, вырубить сад — да мало ли что? Столько лет минуло!

— Думаю, этого не случится,— сказал мистер Кин.— В любом случае, у вас останутся воспоминания. Думаю, это хорошо, что вы туда едете.

— А знаете, что я тут придумал? — воскликнул вдруг мистер Саттертуэйт.— Поедьте со мной! Составьте мне компанию. Поверьте: это совершенно удобно. Том Эдисон — самый гостеприимный человек на свете. Мои друзья — его друзья. Поедьте! Вы просто должны поехать. В конце концов, я настаиваю.

Разволновавшись, он чуть не столкнул со стола чашку и лишь чудом успел ее подхватить.

Услышать ответ ему помешал звон подвешенного над дверью колокольчика. Вошедшая женщина была уже немолода, но все еще привлекательна: каштановые волосы, тронутые сединой, и та изумительно гладкая кожа цвета слоновой кости, которая часто встречается у рыжеволосых женщин с голубыми глазами. Заметно было, что она тщательно следит за фигурой. Окинув посетителей трактира небрежным взглядом, она стремительно направилась к прилавку.

— О! — воскликнула она, не совсем еще отдышавшись.— Вы его еще не продали?

— Сервиз? Да, миссис Джиллиат, вчера как раз привезли новую партию.

— Как удачно. Я все волновалась, что не успею. Даже мотоцикл у мальчиков взяла. Слава Богу, никого из них не было дома. Представляете: сегодня гости, а утром разбивается несколько чашек. Будьте добры, подберите мне синюю, зеленую, ну и, пожалуй, красную. Думаю, этого будет достаточно.

— Конечно, миссис Джиллиат. Прямо беда с этими сервизами. Так трудно подобрать нужный цвет...

Мистер Саттертуэйт с интересом наблюдал за этой сценой. Когда продавщица упомянула имя Джиллиат, он тут же сообразил. Ну конечно! Как он сразу не догадался? Поколебавшись, он поднялся с места и подошел к женщине.

— Простите,— обратился к ней он,— вы ведь миссис Джиллиат из Довертон-Кингсбурна?

— Да. Верил Джиллиат. А вы? — спросила она в свою очередь, нахмурившись.

Мистер Саттертуэйт решил, что она ему нравится. Возможно, лицо слишком уж волевое для женщины, но зато умное. Вот, значит, кто занял место Лили. Не так, конечно, красива, но, бесспорно, хороша. И энергии, ей, кажется, не занимать...

На лице миссис Джиллиат появилась улыбка.

— Ах да, конечно. У Тома же есть ваша фотография. Вы, должно быть, тот самый гость, которого мы ждем. Мистер Саттертуэйт?

— К вашим услугам,— любезно подтвердил тот.— Вы не ошиблись. Кстати, сразу должен извиниться за опоздание. Представляете, сломалась машина, сейчас над ней колдуют в гараже.

— Сочувствую. Но волноваться совершенно не из-за чего. До ужина еще уйма времени, а, если понадобится, мы его и отложим. Я тут случайно. Может, вы слышали... я тут говорила... у нас разбилось несколько чашек, так что пришлось приехать за новыми. Обычная история: стоит пригласить гостей, и непременно произойдет что-нибудь непредвиденное.

— Ваша покупка, миссис Джиллиат,— вернулась продавщица.— Упаковать?

— Да нет, заверните получше в бумагу — и достаточно.

— Если нам по дороге, я вас подвезу,— предложил мистер Саттертуэйт.— Машину вот-вот починят.

— Как мило с вашей стороны. Я бы с радостью, но,

понимаете, мотоцикл... Мальчики собирались на нем куда-то вечером. Жутко расстроятся, если не пригнать его обратно.

— О, позвольте представить вам,— спохватился мистер Саттертуэйт.— Мой старый друг, мистер Кин. Случайно встретил его здесь и как раз пытаюсь уговорить поехать со мной. Как вы думаете, Том ведь сможет его устроить?

— О да, разумеется,— ответила Берил Джиллиат.— Уверена, он будет только рад новому знакомству. Или они уже знакомы?

— Нет,— впервые подал голос мистер Кин,— не имею счастья быть знакомым с мистером Эдисоном, хотя много о нем слышал.

— Тогда приезжайте, доставьте нам удовольствие. Мы будем очень рады.

— К сожалению,— ответил мистер Кин,— у меня назначена встреча.

И, посмотрев на часы, добавил:

— На которую, похоже, я уже начинаю опаздывать. Вот так всегда и бывает, когда встречаешь старого друга.

— Пожалуйста, миссис Джиллиат,— сказала продавщица.— Уверена, довезете их в целости.

Берил Джиллиат осторожно положила пакет в сумку и повернулась к мистеру Саттертуэйту.

— Ну, тогда до встречи. Чай подадут не раньше четверти шестого, так что можете не спешить. Очень рада, что наконец-то познакомилась с вами. Столько слышала о вас от Саймона и свекра!

Она небрежно попрощалась с мистером Кином и быстро вышла из магазина.

— Спешит,— заметила продавщица.— Как всегда, впрочем. Просто невероятно, сколько она всего успевает за день.

С улицы донесся треск мотоцикла.

— Интересная женщина,— проговорил мистер Саттертуэйт.— Правда?

— Не без того,— отозвался мистер Кин.

— Так вы едете?

— Я только прохожу мимо,— напомнил мистер Кин.

— Но мы еще увидимся?

— И очень скоро. Вы меня узнаете.

— И вы... больше ничего не хотите мне сказать? Объяснить?

— Объяснить что?
— Ну, хотя бы, почему я встретил вас именно сейчас?
— Вы уже столько знаете,— улыбнулся мистер Кин,— что добавить практически нечего. Впрочем, думаю, одно слово может вам пригодиться.

— Какое еще слово?
— Дальтонизм,— ответил мистер Кин, улыбаясь.
— Что-что? — нахмурился мистер Саттертуэйт.— Да нет, я знаю, только никак не могу вспомнить...

— Ну что ж, до свидания,— сказал мистер Кин.— Вон ваша машина.

Обернувшись, мистер Саттертуэйт увидел, что у дверей трактира действительно остановился его автомобиль. Как ни грустно ему было расставаться с мистером Кином, но он не хотел больше заставлять своих друзей ждать.

— Я могу что-то для вас сделать? — грустно спросил он.
— Для меня? — удивленно переспросил мистер Кин.— Разумеется, ничего.

— Возможно, для кого-то другого?
— Думаю, да. Весьма вероятно.
— Кажется, я догадываюсь, о чем вы.
— Очень на это надеюсь. Очень,— сказал мистер Кин.— Помните: я в вас верю. Вы много знаете и способны наблюдать и проникать в суть явлений. И вы нисколько не изменились, уверяю вас.

Его рука на мгновение задержалась на плече мистера Саттертуэйта. Затем он вышел и быстро зашагал по деревенской улице в направлении, противоположном Довертон-Кингсбурну. Мистер Саттертуэйт в свою очередь вышел и сел в машину.

— Надеюсь, проблем больше не будет,— сказал он.
Шофер пообещал, что нет.
— Тут уж рукой подать, сэр. Мили три, максимум — четыре. Все идет как по маслу.

Они проехали до конца улицы и свернули на дорогу.
— Три, максимум четыре мили,— зачем-то повторил шофер.

— Дальтонизм,— не слушая его, пробормотал мистер Саттертуэйт.

Слово совершенно ничего ему не говорило, хоть он и чувствовал, что слышал его раньше.

— Довертон-Кингсбурн,— тихонько проговорил он, прислушиваясь к своим ощущениям.

Ничего не изменилось: это название означало для него то же, что и всегда: место, где тебя ждут и где тебе всегда рады. Куда всегда приятно приехать — даже теперь, когда там нет многих, кого он знал. Но старый Том все еще там. Старина Том. Сразу вспомнились трава, озеро, речка и далекое детство.

Чай пили в саду. Между ливанским кедром и красноватым буком, расположившимся у подножия ведущей с веранды лестницы, накрыли два белых резных столика и расставили плетеные стулья с мягкими разноцветными сиденьями и шезлонги для тех, кто любит устроиться поудобней. Зонтики от солнца отбрасывали на них густую тень.

Солнце начинало уже клониться к закату, смягчая сочную зелень аккуратно подстриженной лужайки и обводя золотой каймой листья старого бука. Огромный кедр величественно раскинул свои ветви на фоне розовеющего неба.

Том Эдисон ждал своего друга, расположившись в большом плетеном кресле. В глаза мистеру Саттертуэйту бросилось, что на его немного отечных подагрических ногах надеты разноцветные тапочки: один красный, другой зеленый.

«Старина Том все такой же,— подумал мистер Саттертуэйт.— Совершенно не изменился».

И тут его осенило. Конечно же, он знал, что означает то слово. Как он мог забыть?

— А я уж думал, ты так никогда и не явишься, старый хрыч,— проворчал Том Эдисон.

Это был статный старик с широким лицом и глубоко посаженными серыми живыми глазами. Широкие плечи говорили о все еще недюжинной силе. Его улыбающееся лицо лучилось радушием.

«Все такой же»,— снова подумал мистер Саттертуэйт.

— Будем здороваться сидя,— заявил Том Эдисон.— Чтобы выбраться из этого кресла, мне нужны трость и двое здоровых парней. Ты ведь уже знаком с нашей компанией, так? Саймона, конечно, тоже помнишь?

— Да, разумеется. Столько лет прошло, как мы виделись, а вы практически не изменились,— вежливо обратился мистер Саттертуэйт к Саймону Джиллиату — стройному симпатичному мужчине с копной рыжих волос.

— Жаль, что вы не успели навестить нас в Кении,—

сказал тот.— Вам бы понравилось. Там было на что посмотреть. Впрочем, кто знал, что все так обернется? Я-то думал, мои кости останутся в той земле.

— Да у нас и здесь неплохое кладбище,— вмешался Том Эдисон.— И реставраторы до церкви не добрались, и строители пока тоже. Так что места на всех хватит — это вам не город, соседей подкладывать не станут.

— Ну что за мрачные разговоры? — укоризненно перебила его Берил Джиллиат.— А вот и наши мальчишки. Вы ведь уже знакомы с ними, мистер Саттертуэйт, правда?

— Боюсь, надо знакомиться заново,— вежливо улыбнулся тот.

Последний раз он видел их, когда забирал из подготовительной школы. Родства между мальчиками не было, но тогда их часто принимали за братьев. Оба рыжеволосые, почти одного роста... Роланд, вероятно, унаследовал цвет волос отца, Тимоти — матери. Друзья не разлей водой.

Теперь же, когда им было, по прикидкам мистера Саттертуэйта, лет двадцать — двадцать пять, отчетливо проявились различия. Роланд совершенно не походил на своего дедушку, как, впрочем, не считая рыжих волос, и на отца. Не был он похож и на Лили, свою мать. Если уж на то пошло, на нее куда больше походил Тимоти. Тот же высокий лоб, светлая кожа, тонкая кость...

— А я Инесс,— раздался приятный глубокий голос.— Вы меня, наверное, уже и не помните. Так давно это было...

«Красивая девушка,— решил мистер Саттертуэйт.— Смуглая-то какая!»

Он вспомнил, как много лет назад был шафером на свадьбе Тома Эдисона и Пилар.

«Испанская кровь заговорила,— подумал он.— Да, тут не ошибешься. Этот горделиво вскинутый подбородок, смуглая кожа, аристократизм».

Ее отец, доктор Хортон, стоял рядом. Этот сильно сдал со времени их последней встречи.

«Приятный, доброжелательный человек. И врач хороший. Скромный, надежный. Очень привязан к дочери,— подумал мистер Саттертуэйт.— Сразу видно, как он ею гордится».

Мистер Саттертуэйт почувствовал, как на него нахлынуло ощущение огромного счастья. Все эти люди, даже

те, кого он не знал раньше, казались ему старыми добрыми друзьями. Красивая темноволосая девушка, два рыжих парня, Берил Джиллиат, хлопотавшая над чайным подносом... Сейчас она расставляла чашки с блюдами и отдавала распоряжения служанке, чтобы та несла из дома печенье и бутерброды. Замечательный стол! Продумано все до мелочей.

Молодые люди предложили мистеру Саттертуэйту сесть между ними. Тот с готовностью согласился. Ему давно уже хотелось поговорить с ними, посмотреть, есть ли в них что-нибудь от старого Тома Эдисона. Лили... Как бы он хотел, чтобы и Лили была сейчас здесь!

«Вот я и вернулся в свою молодость,— подумал мистер Саттертуэйт.— В то время, ему, мальчишке, здесь всегда были рады. И родители Тома, и его тетя, и другие родственники, и даже двоюродный дедушка. Сейчас членов семьи поубавилось, но все же это та же семья. Том в своих дурацких домашних тапочках, красном и зеленом. Совсем уже старый, но веселый и совершенно счастливый. Еще бы: с такой-то семьей! И дом — такой же или почти такой же, каким был всегда. Может, не такой ухоженный, однако лужайка превосходна. Деревья разрослись, но сквозь листву вдалеке все так же видна река. Возможно, стоило бы покрасить дом заново. В конце концов, Том далеко не бедняк. Земли у него — дай бог каждому. Вкус у него неприхотливый, тратит он мало... За границу почти не ездит, не путешествует. Иногда устраивает небольшие приемы для приезжающих погостить друзей, как правило, старых — и все. Гостеприимный дом.

Мистер Саттертуэйт немного развернул стул, чтобы лучше видеть пространство между домом и рекой. Внизу виднелась мельница, на другом берегу реки — поле с традиционным соломенным пугалом. На какое-то мгновение мистеру Саттертуэйту показалось, что оно как две капли воды похоже на его друга мистера Арле Кина.

«А может быть,— неожиданно подумал мистер Саттертуэйт,— это он и есть?»

Мысль, конечно, дикая, но все же... Создателю пугала удалось как нельзя лучше передать присущую мистеру Кину элегантность, без которой прекрасно обходилось большинство виденных мистером Саттертуэйтом огородных пугал.

— Разглядываете наше страшилище? — спросил Тимоти.— У него даже имя есть. Арли. Арли-Барли.

— Да ну? — переспросил мистер Саттертуэйт. — Как интересно.

— Что интересно? — заинтересовался Роланд.

— Больно уж оно похоже на одного моего знакомого. Его, кстати, тоже зовут Арле..

Молодые люди переглянулись и затаили:

Арли-Барли строг и суров,
Арли-Барли не любит воров.
Арли-Барли велик и ужасен
И для воришек страшно опасен.

— Бутерброд с огурцом, кусочек пирога? — предложила Берил Джиллиат.

Мистер Саттертуэйт выбрал домашний пирог и положил его рядом со своей чашкой красновато-коричневого цвета — того самого, которым так восхищался в магазине. Сервиз изумительно смотрелся на столе. Желтый, красный, синий, зеленый...

«Наверное, у каждого своя любимая чашка», — подумал мистер Саттертуэйт.

Он уже заметил, что Тимоти пьет из красной, а Роланд — из желтой. Возле чашки Тимоти лежал какой-то предмет, в котором мистер Саттертуэйт не сразу узнал пенковую трубку. Заметив, что гость разглядывает ее, Роланд сказал:

— Тим привез ее из Германии и курит днями напролет. Помяните мое слово, он наживет себе рак!

— А ты не куришь, Роланд?

— Нет уж, спасибо. Ни сигарет, ни травки.

Инесс подошла к столику и села напротив Роланда. Молодые люди наперебой принялись ее угощать. Завязался веселый разговор.

Мистер Саттертуэйт чувствовал себя совершенно счастливым среди этой молодежи. Они, правда, не собирались общаться с ним больше, чем того требовала обычная вежливость, но он к этому и не стремился. Ему просто нравилось слушать их и пытаться понять каждого. Вскоре у него появилось подозрение — а потом и уверенность, — что оба молодых человека равнодушны к Инесс.

«Ничего удивительного, — подумал он. — Собственно, иначе и быть не могло. Они же соседи. Симпатичные молодые люди, красивая девушка...»

Он обернулся. На холме за деревьями виднелся дом доктора Хортона. Совершенно такой же, каким он его

запомнил в свой последний приезд сюда лет семь или восемь тому назад.

Он посмотрел на Инесс. Кого же из молодых людей она выбрала? Или есть кто-то третий? Собственно говоря, с чего он взял, что она обязательно должна была влюбиться в одного из них?

С возрастом мистер Саттертуэйт ел все меньше, и вскоре он уже отодвинул свой стул от стола, чтобы спокойно наблюдать за окружающими.

Берил Джиллиат все еще хлопотала.

«Слишком уж она суетится,— подумал он.— Посидела бы хоть минутку спокойно — всем было бы лучше. В конце концов, я и сам не без рук».

Берил Джиллиат действительно не сиделось на месте. Она то и дело вскакивала, предлагала гостям печенье, уносила и наполняла чашки, обносила всех по кругу пирожными.

«Что-то уж больно она нервничает»,— подумал мистер Саттертуэйт.

Он взглянул в сторону кресла, на котором устроился Том Эдисон. Тот исподлобья наблюдал за хозяйкой.

«Недолюбливает,— решил мистер Саттертуэйт.— Точнее, откровенно не любит. Впрочем, чего и ожидать? Ведь она заняла место его дочери. Лили... Моя прекрасная Лили!»

Неожиданно ему показалось, что она здесь, что она тоже присутствует за столом. Нет, конечно, ее здесь не было, и все же... Все же он чувствовал ее присутствие.

«Наверное, возраст,— вздохнув, подумал мистер Саттертуэйт.— Хотя, что ж тут такого, если она спустилась посмотреть на сына?»

Он с нежностью посмотрел на Тимоти и тут же опомнился. Сыном Лили был Роланд. Тимоти — сын Берил.

«Интересно, а Лили знает, что я здесь? Наверное, ей бы хотелось со мной поговорить,— подумал мистер Саттертуэйт и тут же оборвал себя: — Ну что за глупости лезут мне нынче в голову!»

Искоса взглянув на пугало, он лишний раз убедился, что оно выглядит в точности как его друг Арле Кин. Закатный свет, игра теней и красок... И маленькая черная собака, что-то очень уж похожая на Гермеса, гоняется за птицами.

«Все дело в цвете,— подумал мистер Саттертуэйт и снова повернулся к столу.— Но почему я здесь? Зачем? Есть ведь какая-то причина...»

Он был почти уверен, что ощущает за столом напряжение, источником которого могли быть как все сразу, так и кто-то один. Вот Берил Джиллиат, миссис Джиллиат... Явно нервничает. Чуть не на грани срыва. Том? Ничего такого. Но его ничем и не прошибешь. Счастливчик... Владеть такой красотой, Довертоном. Иметь внука, которому можно будет все это оставить. Интересно, что бы он сказал, женись Роланд на Инесс? Многие считают, что брак столь близких родственников нежелателен. Хотя, если взять историю, братья и сестры веками женились друг на друге без всяких последствий.

«Да полно! — успокаивал себя мистер Саттертуэйт. — Что может случиться? И потом, я здесь... Лезет же всякое в голову! Более мирной сцены трудно и представить. Чай, цветные чашки. Да, сервиз «Арлекин». Белая пенковая трубка возле красной чашки».

Берил что-то сказала Тимоти. Тот кивнул, встал и пошел к дому. Берил убрала несколько стульев, пошепталась с Роландом и предложила доктору Хортону глазированное пирожное.

Мистер Саттертуэйт наблюдал за ней. Он чувствовал, что должен наблюдать. Проходя мимо стола, она взмахнула рукой, и красная чашка, упав со стола, разбилась о железную ножку стула. Берил огорченно вскрикнула и принялась убирать осколки. Потом направилась к подносу с чаем, вернулась назад и поставила на стол голубую чашку с блюдцем. Передвинула пенковую трубку, положив ее рядом с чашкой. Принесла чайник и налила чай. Ушла.

Инесс тоже ушла и теперь беседовала с дедушкой. За столом остался один мистер Саттертуэйт.

«Господи, — терзался он. — Ну что здесь может произойти?»

Стол с разноцветными чашками... Вернувшийся Тимоти... Волосы в точности такие же рыжие и выющиеся, как у Саймона Джиллиата, горят на солнце. Недоуменно посмотрел на стол и пошел к месту, где лежала пенковая трубка — возле голубой чашки.

Подошедшая Инесс рассмеялась.

— Тим, оставь мою чашку в покое. Твоя — красная.

— Не мели чепухи, — возмутился тот. — Что я, свою чашку не знаю? Может, скажешь, и трубка не моя?

Внезапно в мозгу мистера Саттертуэйта что-то вспыхнуло. Разрозненные части сложились в одно целое. Все

было предельно ясно. Он надеялся только, что это он сошел с ума, а не мир, позволивший сотворить такое.

Он стремительно поднялся и, подойдя к столу, резко сказал Тимоти, уже поднесшему чашку к губам:

— Поставь на место! Поставь, тебе говорят!

Тимоти недоуменно поднял на него глаза. Тут же подоспел доктор Хортон:

— Что такое, Саттертуэйт?

— Чашка. С ней что-то неладно. Из нее нельзя пить.

Хортон поднял брови:

— Послушайте...

— Я знаю, что говорю,— упорствовал мистер Саттертуэйт.— У него была красная чашка. Она разбилась, и ее заменили голубой. Он ведь не различает цветов, так?

Доктор Хортон слегка замялся.

— Вы имеете в виду... Ну, как и Том?

— Да. Вам, надеюсь, известно, что Том не различает цветов?

— Ну да, естественно. Все это знают. Стоит взглянуть на его тапочки.

— Вот и парень такой же.

— Но... Да нет, что вы. Это же наследственное. Если с кем и могло быть то же, так это с Роландом. Но он в порядке.

— Дальтонизм,— сказал мистер Саттертуэйт.— Так это, кажется, называется?

— Ну да.

— Женщины ей не подвержены, но способны передавать по наследству. Лили дальтоником не была, а ее сын мог бы.

— Но, дорогой мой, ее сын — Роланд. Я понимаю, что они очень похожи. И возраст, и цвет волос... Вы, часом, не перепутали?

— Нет,— ответил мистер Саттертуэйт.— Не перепутал. И сходство, поверьте, тоже от меня не укрылось. Но теперь я знаю точно: матерью Тима была вовсе не Верил. Ею была Лили. Настоящий сын Берил — это Роланд. Мальчики были совсем маленькими, когда Саймон женился во второй раз, не так ли? Женщине, растящей двух младенцев, очень легко поменять их местами, особенно, если оба они рыжие. Тимоти — сын Лили, а Роланд — сын Берил. Берил и ее первого мужа, Кристофера, и он никак не может быть дальтоником. Поверьте, я знаю, что говорю!

Он видел, как Хортон переводит взгляд с одного на другого. Тимоти, не понимая, в чем дело, с озадаченным видом смотрел на свою чашку.

— Я видел, как она ее покупала,— продолжал мистер Саттертуэйт.— Выслушайте меня, дружище. Вы обязаны меня выслушать. Мы давно знакомы. Разве я когда-нибудь ошибался?

— Ну, нет, в общем. Что-то не припомню.

— Заберите у него чашку. Отнесите ее в лабораторию и проверьте, что в ней. Я видел, как Берил покупала ее в деревенском магазинчике. Она уже тогда знала, что разобьет красную чашку и заменит ее голубой. А Тимоти никогда не узнает, что они были разного цвета.

— Полагаю, вы сумасшедший, Саттертуэйт. Но я сделаю то, о чем вы просите. Не знаю уж почему.

Хортон приблизился к столу и потянулся к чашке.

— Позволь взглянуть.

— Пожалуйста,— растерянно ответил Тимоти.

— Она, кажется, треснула. Ну да, точно.

По лужайке к ним быстро шла Берил. Подойдя, она резко остановилась.

— Что... что вы делаете? Что тут происходит?

— Да ничего,— невозмутимо ответил доктор, глядя ей прямо в глаза.— Хочу вот показать мальчикам небольшой эксперимент с чашкой чаю.

Ее лицо окаменело. В глазах застыл ужас.

— Пойдете со мной, Саттертуэйт? — продолжил доктор.— Это быстро. Проверка качества современного фарфора. Недавно было сделано очень интересное открытие.

Ни на секунду не умолкая, он пошел к дому. Мистер Саттертуэйт последовал за ним. Молодые люди, переговариваясь, потянулись следом.

— Как думаешь, Ролли, что это док затеял? — спросил Тимоти.

— Понятия не имею,— отозвался тот.— Вид у него какой-то странный. Ну да ладно. Потом узнаем. Пошли за мотоциклом.

Берил Джиллиат резко повернулась и быстро пошла к дому. Том Эдисон окликнул ее:

— Что-то случилось, Берил?

— Да нет, ничего,— ответила она.— Забыла кое-что.

Том Эдисон вопросительно посмотрел на Саймона.

— Что это с твоей женой?

— С Берил-то? Да ничего, по-моему. Забыла, наверное, что-то к столу.

— Тебе помочь? — крикнул он ей вслед.

— Нет-нет. Я скоро.

Проходя мимо сидящего в кресле старика, она громко и внятно проговорила:

— Старый идиот. Снова перепутал тапки. Один красный, другой — зеленый. Кошмар какой-то!

— Опять я провинился, — сокрушенно вздохнул Том Эдисон. — А мне казалось, они одинаковые. Странная штука, правда?

Берил быстро прошла мимо.

Подойдя к воротам, мистер Саттертуэйт и доктор Хортон услышали звук удаляющегося мотоцикла.

— Уехала, — сказал доктор Хортон. — Точнее, сбежала. Вам не кажется, что нам следовало ее остановить? Вдруг она вернется?

— Нет, — ответил мистер Саттертуэйт. — Думаю, не вернется.

— Может, — задумчиво добавил он, — так оно и лучше.

— Кому?

— Это старый дом, — медленно проговорил мистер Саттервей, — и старая семья. Хорошая семья. Вряд ли им захочется огласки и скандала. Я думаю, лучше позволить ей уйти.

— А ведь Том ее не любил, — заметил доктор Хортон. — Никогда не любил. Всегда был вежлив и добр, но никогда не любил ее.

— Думайте лучше о парне, — посоветовал мистер Саттертуэйт.

— О парне? Вы имеете в виду...

— Да, второго, Роланда. Вряд ли ему нужно знать, кто его настоящая мать и что она пыталась сделать.

— Но зачем ей это? Чего ради?

— Значит, вы больше не сомневаетесь?

— Нет. Теперь нет. Я видел ее глаза. Вы правы, Саттертуэйт. Но в чем же причина?

— Деньги, полагаю, — ответил мистер Саттертуэйт. — Скорее всего, у нее не было своих денег. Ее первый муж, Кристофер Иден, был славным парнем, но без гроша за душой. А к сыну Лили, прямому наследнику Тома Эдисона, переходит большое состояние. Действительно большое. Недвижимость сильно выросла в цене. И мало кто сомне-

нается, что большая ее часть перейдет к внуку. Вот Берил Джилиат и решила, что этим внуком должен быть ее сын. Обычная жадность.

Мистер Саттертуэйт обернулся.

— Там что-то горит,— воскликнул он.

— Бог ты мой, действительно горит! А-а, это просто пугало в поле. Какой-нибудь сорванец поджег. Ничего страшного. Стогов там поблизости нет. Сгорит и погаснет.

— Да,— протянул мистер Саттертуэйт.— Вы, пожалуй, идите, доктор. Думаю, в лаборатории я вам не помощник.

— Я и так уже почти уверен, что именно обнаружу. Я не про химическую формулу, я про содержимое. В голубой чашке — смерть.

Мистер Саттертуэйт вышел за ворота и направился к горящему пугалу. Солнце уже клонилось к горизонту, все вокруг было окрашено в цвета заката.

— Вы снова проходили мимо,— тихо проговорил он и вздрогнул, заметив рядом с догорающим пугалом стройную женскую фигурку в бледно-жемчужном одеянии. Она двинулась навстречу мистеру Саттертуэйту, и он застыл, не в силах двинуться или оторвать от нее глаз.

— Лили,— прошептал он.— Лили...

Он видел ее так ясно... Лили. Правда, слишком далеко, чтобы можно было разглядеть лицо, но он и так знал, что это она. Только, подумал он, окажись сейчас кто-нибудь рядом, вряд ли бы он увидел ее тоже. Тихо, почти шепотом, он произнес:

— Все хорошо, Лили. Твой сын в безопасности.

Она остановилась и поднесла к губам руку. Он не видел ее улыбки, но знал, что она улыбается. Она послала ему воздушный поцелуй, медленно повернулась и пошла прочь.

— Снова уходит,— прошептал мистер Саттертуэйт,— и уходит с ним. Конечно, они ведь принадлежат одному миру. Приходят только, когда дело касается любви или смерти. Или того и другого вместе.

Он знал, что больше не увидит Лили. Но, возможно, еще повстречает мистера Кина? Он повернулся и пошел по лужайке к чайному столику с оставленными на нем разноцветными чашками, к ждавшему его другу. Он был уверен, что Берил не вернется. Довертон-Кингсбурну больше ничто не угрожало.

По лужайке пронеслась маленькая черная собачка. Задыхаясь и виляя хвостом, она подбежала к мистеру Саттертуэиту. Из-за ошейника торчал клочок бумаги. Мистер Саттертуэйт наклонился, вытащил его и расправил. Цветным карандашом там от руки было написано:

«Поздравляю! До следующей встречи

А.К.»

Собака убежала.

— Спасибо, Гермес,— растроганно проговорил мистер Саттертуэйт, глядя, как она мчится через поле, догоняя тех, кто уже скрылся из виду, но кто, он знал точно, недавно прошел совсем рядом.

ТРИНАДЦАТЬ ЗАГАДОЧНЫХ СЛУЧАЕВ

РАССКАЗЫ

Перевод под редакцией
И БОРИСОВА

The Thirteen Problems

**The Tuesday Night Club
The Idol House of Astarte
Ingots of Gold
The Bloodstained Pavement
Motive v Opportunity
The Thumb Mark of St Peter
The Blue Geranium
The Companion
The Four Suspects
A Christmas Tragedy
The Herb of Death
The Affair at the Bungalow
Death by Drowning**

1932

Часть первая

Глава 1

Вечерний клуб «Вторник»

— Д-да, загадочные случаи! — Рэймонд Уэст выпустил изо рта облако дыма и, любуясь им, со смаком повторил — Загадочные случаи...

Сказав это, он удовлетворенно огляделся. Широкие черные балки под потолком и добротная старинная мебель, создававшие атмосферу старины, импонировали вкусам Рэймонда Уэста. Он был писателем, и дом тети, Джейн Марпл, всегда казался ему достойным обрамлением собственной персоны. Он взглянул в сторону камина, возле которого в большом кресле сидела хозяйка. На ней было черное муаровое¹ платье со множеством оборок на талии и брабантскими² кружевами, каскадом ниспадающими с груди. На руках — черные кружевные митенки³. Черная шляпка подчеркивала снежную белизну волос. Она вязала что-то белое, мягкое и пушистое. Ее словно выцветшие голубые глаза — кроткие и добрые — изучали внимательно гостей.

Взглянув на слегка улыбающегося Рэймонда, она тут же перевела взгляд на брюнетку с короткой стрижкой —

¹ Муар — плотная шелковая ткань с волнообразным отливом

² Брабантские — по названию провинции в средней части Бельгии, которая издавна славилась производством кружев

³ Митенки — женские перчатки без пальцев

Джойс Ламприер, художницу с необычными, не то свет-ло-карими, не то зелеными, глазами. Затем она посмотре-ла элегантного и умудренного опытом сэра Генри Клите-ринга и напоследок обратила свой взор на двух оставшихся: доктора Пендера, пожилого приходского священника, и мистера Петерика, адвоката,— высохшего маленького че-ловечка, который, никогда не снимая пенсне, всегда, одна-ко, смотрел поверх стекол. Мисс Марпл еще раз обвела всех их взглядом и, счастливо вздохнув, принялась наби-рать очередной ряд петель.

Мистер Петерик слегка откашлялся — что всегда делал перед тем, как что-то сказать — и повернулся к Рэймонду: — Как-как? Загадочные случаи? Вы о чем?

— Да ни о чем,— вмешалась Джойс Ламприер — Про-сто Рэймонду нравится, как это звучит, точнее, как это звучит у него.

Рэймонд окатил ее возмущенным взглядом, но она только откинула назад голову и рассмеялась.

— Он ведь у нас жутко важный, скажите, мисс Марпл,— не унималась она.— Вы-то знаете.

Мисс Марпл только мягко улыбнулась.

— Жизнь сама по себе очень загадочный случай,— глу-бокомысленно изрек священник.

Рэймонд выпрямился и раздраженно швырнул сигаре-ту в камин.

— Вы неправильно меня поняли,— сказал он — Я имею в виду вполне определенные случаи, в которых никто так и не разобрался: реальные события, так и оставшиеся без объяснения.

— Кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать, доро-гой,— кротко произнесла мисс Марпл — Не далее как вче-ра с миссис Каррадерз как раз произошло нечто подобное. Она купила в лавке Эллиота две банки маринованных кре-веток, потом зашла еще в пару магазинов. . а придя до-мой, обнаружила, что креветок в сумке нет. Она, разуме-ется, обошла все эти магазины, но креветки словно сквозь землю провалились.

— Очень подозрительная история,— с серьезным ви-дом заметил сэр Генри.

— Тут, конечно, может быть несколько объяснений,— продолжила мисс Марпл, слегка краснея — Например, кто-то их ..

— Тетя!— возмутился Рэймонд — Ну при чем тут кре-

етки? На свете случаются и весьма загадочные убийства, и поистине необъяснимые исчезновения людей. Думаю, сэр Генри при желании мог бы рассказать нам немало полезных случаев

— Только я их никогда не рассказываю,— мягко сказал сэр Генри, до недавнего времени — комиссар Скотленд-Ярда.— Это не в моих правилах.

— Потому полагаю, что большинство их полиция так и не раскрыла,— подмигнула Джойс Ламприер.

— Ну, к этому-то как раз все давно привыкли,— вкрадчиво заметил мистер Петерик.

— Интересно,— продолжал Рэймонд,— при каком складе ума лучше всего удается раскрывать преступления? Мне всегда казалось: полицейским просто не хватает воображения.

— Сугубо дилетантская точка зрения,— сухо заметил сэр Генри.

— Ну, что касается психологии и воображения, писателям тут просто нет равных,— улыбнулась Джойс, с иронией кланяясь Рэймонду, сохранявшему полную невозмутимость.

— Литературные труды дают мне возможность заглянуть внутрь человека,— важно пояснил он.— Позволяют улавливать оттенки и порывы души, простому обывателю недоступные ..

— Знаю, дорогой, твои книжки такие умные!— подтвердила мисс Марпл.— Только неужели, по-твоему, люди настолько несимпатичны? У тебя ведь, кажется, все герои такие?

— Милая тетя,— с достоинством произнес Рэймонд.— Каждый вправе думать что хочет, и Боже меня упаси навязывать кому-то свою точку зрения.

— Ну а по-моему,— сосредоточенно считая петли, продолжала мисс Марпл,— люди в большинстве своем ни плохи и ни хороши. Они просто недостаточно умны, только и всего.

Мистер Петерик снова откашлялся.

— На мой взгляд, дорогой Рэймонд, вы переоцениваете роль воображения,— заявил он.— Мы, юристы, прекрасно знаем, как это опасно. Слишком уж далеко оно может завести. Факты, объективные факты — вот единственный путь к истине.

— Да ну! — тряхнула головкой Джойс.— Я не согласна. Я женщина, а у женщин, в отличие от мужчин, есть

интуиция. Кроме того, я еще и художник и как художник вижу то, что вам недоступно. Опять же, по роду занятий мне приходится сталкиваться со множеством людей самых разных характеров и сословий. Так что жизнь, я знаю, возможно, получше даже мисс Марпл, лишенной возможности наблюдать страсти, бушующие в большом городе.

— Вот здесь вы заблуждаетесь, милочка,— живо возразила мисс Марпл.— Страстей и у нас хватает.

— Сейчас модно подсмеиваться над священниками,— заметил доктор Пендер.— Но знаете: нам приходится выслушивать такие признания... нам открываются такие стороны человеческой натуры, которые для других — тайна за семью печатями.

— Итак,— подытожила Джойс,— все собравшиеся, похоже, большие знатоки человеческих душ. Почему бы нам не основать клуб? Сегодня у нас что? Вторник? Давайте собираться раз в неделю, по вторникам, у мисс Марпл. Вечерний клуб «Вторник»! И каждый будет предлагать для обсуждения какую-нибудь головоломную загадочную историю, разгадка которой ему известна. Сколько нас тут? М-м... пятеро. Надо бы еще одного...

— Вы забыли обо мне, голубушка,— кротко напомнила мисс Марпл.

Джойс мгновенно справилась с возникшей неловкостью.

— Замечательно, мисс Марпл. Я просто как-то не подумала, что вас это тоже может заинтересовать.

— Но это же так увлекательно!— воскликнула мисс Марпл.— Особенно в обществе таких умных джентльменов. Боюсь, мне трудно будет с ними тягаться даже несмотря на то, что годы, проведенные в Сент-Мэри-Мид, позволили мне составить неплохое представление о человеческой натуре.

— Несомненно, ваше участие будет весьма ценным,— галантно заметил сэр Генри.

— Кто же начнет? — спросила Джойс.

— Коль скоро тут присутствует профессионал...— начал доктор Пендер, почтительно кланяясь бывшему комиссару полиции.

Сэр Генри помолчал, глубоко вздохнул, закинул ногу на ногу и начал:

— Так сразу и не припомнишь ничего интересного. Впрочем, был один случай, который, кажется, подой-

дет. Около года назад об этом было в газетах. Дело так и не раскрыли. И представьте — несколько дней назад объяснение попало ко мне в руки. Случай весьма тривиальный. Трое ужинали. Среди прочего ели консервированных омаров¹. Вскоре все трое почувствовали недомогание. Вызвали врача. Двое выкарабкались, а вот третьего спасти не удалось.

— Ого! — воскликнул Рэймонд.

— Как я сказал, случай вроде бы тривиальный, — продолжал сэр Генри. — Смерть наступила в результате обычного пищевого отравления — так записано в свидетельстве о смерти, — и тело предали земле. Но на этом история не закончилась.

— Пошли слухи, правда? — спросила мисс Марпл. — Так всегда бывает.

— Да, пошли слухи. Теперь опишу вам участников этой драмы. Супружеская пара, скажем, мистер и миссис Джонс. Компаньонка жены, назовем ее мисс Кларк. Мистер Джонс — коммивояжер фармацевтической фирмы. Интересный мужчина лет пятидесяти. Его жена — эдакая тихоня лет сорока пяти. Ее приятельница мисс Кларк — жизнерадостная толстушка под шестьдесят. Во всех троих — ничего примечательного.

Осложнения возникли совершенно неожиданно.

Накануне злополучного ужина мистеру Джонсу пришлось заночевать в Бирмингеме². А в тот день в номерах гостиницы как раз сменили промокательную бумагу на пресс-папье. На следующий день убиравшаяся в его номере горничная от скуки принялась с помощью зеркала разбирать отпечатавшиеся на бумаге слова. Оказалось, мистер Джонс писал какое-то письмо. Несколько дней спустя, когда сообщение о смерти миссис Джонс появилось в газетах, горничная рассказала своим подружкам о том, что ей удалось прочесть: «Полностью завишу от жены... после ее смерти я буду... сотни и тысячи...»

Возможно, вы помните, что незадолго до того слушалось громкое дело об отравлении. Муж отравил жену.

¹ Омар — крупный морской рак, который водится у северных берегов Европы и мясо которого высоко ценится из-за прекрасных вкусовых качеств

² Бирмингем — крупный промышленный центр в графстве Уорикшир в средней части Англии

Воображение горничных тут же разыгралось. Для них все было предельно ясно: мистер Джонс задумал избавиться от жены и заполучить сотни тысяч фунтов! В городке, где жили Джонсы, у одной из горничных немедленно обнаружили родственники, с которыми она тут же и поделилась возникшими подозрениями. Те, в свою очередь, с готовностью отписали ей о своих давних сомнениях в невинности отношений упомянутого Джонса и дочери местного врача, довольно привлекательной особы лет тридцати трех. Начал разгораться скандал. Поступила петиция министру внутренних дел. В Скотленд-Ярд посыпались анонимные письма с обвинениями Джонса в убийстве жены. Мы ни минуты не сомневались, что все это лишь досужие сплетни, тем не менее, с общего согласия, провели эксгумацию трупа. Это был один из случаев общего и в общем-то ни на чем не основанного предубеждения. Но, представьте, оно оказалось оправданным. Повторная экспертиза установила, что причиной смерти явилось отравление мышьяком. Теперь Скотленд-Ярд интересовал вопрос, откуда этот мышьяк мог взяться.

— О! — воскликнула Джойс. — Как интересно! Как раз то, что надо.

— Естественно, главное подозрение падало на супруга, известного своей расточительностью и равнодушием к женскому полу при полном отсутствии собственных средств. Смерть жены принесла ему — пусть не сотни тысяч, но все же весьма солидную сумму — восемь тысяч фунтов. Мы, не привлекая особого внимания, выяснили, насколько обоснованны слухи о связи Джонса с дочерью врача. Оказалось, их отношения прекратились еще за два месяца до смерти миссис Джонс. Сам врач, человек в городе весьма уважаемый, был крайне расстроен результатами повторного вскрытия. Он вспомнил, что, когда его вызвали — уже около полуночи, — боли в животе были у всех троих, но состояние миссис Джонс было особенно серьезным, и он тут же послал к себе домой за опиумом, в качестве обезболивающего. Спасти несчастную не удалось, но у него и мысли не возникло, что совершено преступление. Он был убежден, что причиной смерти стало отравление ботулизмом¹. На ужин, кроме омаров, подавали салат,

¹ Ботулизм — тяжелое отравление при употреблении продуктов, зараженных особым микробом, который развивается при отсутствии кислорода и выделяет смертельно опасный яд

бисквитное пирожное с кремом, хлеб и сыр. К сожалению, от омаров ничего не осталось, а консервную банку успели выбросить. Он расспрашивал служанку — Глэдис Линч, но та только плакала и повторяла, что консервы на вид были совершенно нормальными.

Таковы факты, оказавшиеся тогда в нашем распоряжении. Если даже Джонс и подсыпал жене яд, вряд ли он сделал это за ужином, поскольку все трое ели одно и то же. И еще: он вернулся из Бирмингема, когда стол уже был накрыт и, следовательно, не мог подложить что-либо в пищу заранее.

— А компаньонка? — спросил Джойс. — Эта жизнерадостная особа?

— Уверяю вас, ее мы тоже не забыли, — кивнул сэр Генри — Но у нее не было ни малейшего мотива. Миссис Джонс не завещала ей ни цента. Мало того, после ее смерти мисс Кларк пришлось начинать все с нуля и искать себе новое место

— Да, пожалуй, о ней можно забыть, — разочарованно протянула Джойс.

— Вскоре один из моих помощников докопался до нового факта, — продолжал сэр Генри. — После ужина мистер Джонс пошел на кухню и, объяснив, что жена плохо себя чувствует, велел приготовить рисовый отвар, который сам и отнес ей в спальню. Казалось, найдена серьезная улика.

Адвокат одобительно кивнул.

— Налицо мотив, — загнул он один палец. — возможность, — загнул он второй, — и, наконец, памятуя о его службе в фармацевтической фирме, доступ к яду!

— И отсутствие твердых моральных устоев, — внушительно добавил священник.

Рэймонд Уэст взглянул на сэра Генри:

— Почему же вы его сразу не арестовали?

Сэр Генри чуть заметно улыбнулся:

— Случилась неприятность. Все шло как по маслу, и мы как раз уже собирались арестовать Джонса, когда мисс Кларк показала на допросе, что отвар выпила не миссис Джонс, а она сама.

Оказывается, она, как обычно, зашла вечером в спальню миссис Джонс. Та сидела в кровати, чашка с отваром стояла рядом. «Что-то я неважно себя чувствую, — сказала она — Не стоило мне есть этих омаров на ночь. Вот, попросила Альберта принести мне отвара, а теперь расхоте-

лось». — «Напрасно, — ответила мисс Кларк. — Прекрасный отвар. Глэдис отличная кухарка, хороший отвар — чтоб без комков — редко кто может приготовить. Сама бы с удовольствием выпила, а то в животе совсем пусто».

Тут следует пояснить, — сказал сэр Генри, — что мисс Кларк очень беспокоилась о своей фигуре и сидела, как теперь говорят, на голодной диете. «Ну так и пей, — сказала ей миссис Джонс. — Господь сотворил тебя полной, а ему, наверное, виднее. Пей, — говорит, — это тебе не повредит». Миссис Кларк тут же и выпила всю чашку, разбив в пух и прах нашу версию о том, что миссис Джонс отравил ее муж. К тому же Джонс вполне удовлетворительно объяснил происхождение слов, отпечатавшихся на промокательной бумаге. Сказал, что писал брату в Австралию ответ на его просьбу одолжить денег. Ну, и напомнил ему, что полностью зависит от жены и сможет помочь только после ее смерти. И что, мол, сотни и тысячи людей находятся в таком же положении.

— Стало быть, версия полностью отпала? — спросил мистер Пендер.

— Да, абсолютно, — подтвердил сэр Генри
Наступило молчание.

— И это всё? — спросила наконец Джойс.

— Год назад это было всё. Разгадку этой истории Скотленд-Ярд получил — совершенно неожиданно — только теперь, и через два-три дня об этом, вероятно, можно будет прочесть в газетах.

— Разгадку... — медленно повторила Джойс. — Давайте немного поразмыслим, а потом по очереди выскажемся.

Рэймонд Уэст кивнул и засек на своих часах время.

Когда пять минут истекли, он взглянул на доктора Пендера:

— Может быть, вы начнете?

— Должен признаться, я затрудняюсь, — ответил Пендер. — Думаю, муж все же дал ей яд, но, вот как он это сделал, ума не приложу.

— А вы, Джойс?

— Компаньонка! — решительно заявила Джойс. — Точно она! Откуда нам знать ее мотивы? Толстая, старая, некрасивая... Это еще не значит, что она не могла влюбиться в Джонса. Хотя, конечно, она могла ненавидеть миссис Джонс и по другим причинам. Только представьте, каково это — быть компаньонкой: вечно стараться угодить,

не сболтнуть лишнего, день за днем молча глотать обиды. Ну, и однажды она не выдержала и убила свою хозяйку. Вероятно, подложила мышьяк в чашку с отваром, а потом сказала, что сама его выпила.

— Мистер Петерик?

— Трудно сказать. Имеющиеся факты не позволяют мне составить определенное мнение.— Адвокат профессиональным жестом соединил кончики пальцев.

— И однако, придется, мистер Петерик,— сказала Джойс.— Таковы правила игры.

— Факты, как говорится,— вещь упрямая,— задумчиво протянул адвокат,— но, вспоминая аналогичные ситуации, я прихожу к выводу, что это все-таки муж. Что касается мисс Кларк, она по тем или иным причинам его возмущает. Возможно даже, что между ними существует некая договоренность. Скажем, прекрасно понимая, что, если мистера Джонса осудят, ее ожидает нищета, она соглашается показать на допросе, что сама выпила отвар. При условии, что ей за это заплатят определенную сумму. Если все было именно так, то, должен заметить, это чрезвычайно редкий случай. Чрезвычайно редкий.

— Не могу согласиться ни с кем из вас,— сказал Рэймонд.— Вы забыли о чрезвычайно важном обстоятельстве. Дочь врача! Вот вам моя версия случившегося: все трое почувствовали себя плохо. Послали за доктором. Он видит, что страдания миссис Джонс, которая съела больше других, поистине непереносимы, и посылает, как известно, за опиумом. Заметьте: не сам идет, а посылает. И кто же дает посылному лекарство? Естественно, его дочь. Возможно, она сама его и готовит. Она любит Джонса, и в этот момент в ней пробуждаются все худшие инстинкты. Она понимает, что может сделать его свободным. И наспиговывает пилюли мышьяком! Вот что я думаю.

— Ну, а теперь, сэр Генри, скажите: как оно было на самом деле? — нетерпеливо спросила Джойс.

— Минутку,— остановил ее сэр Генри.— Мы еще не выслушали мисс Марпл.

Мисс Марпл покачала головой.

— Какая грустная история,— сказала она.— Я сразу вспомнила мистера Харгрейвза. Его жена тоже ни о чем не подозревала, пока он не умер. Только тогда и выяснилось, что все свое состояние он завещал какой-то женщине, с которой, оказывается, давно жил и от которой имел пяти-

рых детей. Когда-то давно она служила у них горничной, а после того, как ее рассчитали, мистер Харгрейвз снял ей дом в соседней деревне... Разумеется, это не помешало ему остаться церковным старостой¹ и одним из самых уважаемых людей города.

— Милая тетушка, ну при чем тут покойный мистер Харгрейвз? — прервал ее Рэймонд.

— Мне просто показалось, обстоятельства очень схожи. Нет, разве? — робко спросила мисс Марпл. — Полагаю, девушка во всем сообразна?

— Какая еще девушка? — простонал Рэймонд.

— Глэдис Линч, конечно. Надеюсь, Джонса повесят за то, что он сделал из бедняжки убийцу. Боюсь только, ее повесят тоже.

— А я боюсь, вы несколько заблуждаетесь, мисс Марпл, — мягко произнес мистер Петерик.

Но мисс Марпл упрямо покачала головой и повернулась к сэру Генри:

— Я ведь не ошиблась, правда? Все ведь так ясно... Слова «сотни и тысячи» на промокательной бумаге... И потом, пирожные на десерт. Это же просто бросается в глаза

— Что бросается? — не выдержал Рэймонд.

— Обычно кухарки посыпают этим горошком² пирожные с кремом. Услышав о пирожных, я тут же вспомнила «сотни и тысячи» из письма Джонса. Ведь мышьяк был именно в горошке. Джонс оставил его девушке и велел посыпать пирожные.

— Но как же? — воскликнула Джойс. — Ведь их ели все.

— Не совсем, — возразила мисс Марпл. — Компаньонка была на диете, а сам Джонс просто счистил горошек и не стал есть крем. Все было продумано до мелочей. Но какая бессердечность!

Все недоверчиво посмотрели на сэра Генри.

— Мисс Марпл попала в точку, — медленно проговорил он — Глэдис, как это бывает, оказалась в положении, и Джонс решил избавиться от жены. После ее смерти они собирались пожениться. Он дал девушке горошек с мышья-

¹ Церковный староста — должность на общественных началах, ежегодно выбирается среди прихожан Англиканской церкви

² Разноцветный сахарный горошек для украшения тортов и пирожных называется «Сотни и тысячи».

ком, чтобы она украсила им пирожные. Глэдис Линч скончалась неделю назад. Умерла при родах, как и ее ребенок. Поскольку к тому времени Джонс нашел себе новую подружку, умирая, она во всем призналась.

— Великолестно, тетушка! — воскликнул Рэймонд, поднимаясь с места — Один ноль в вашу пользу. И как это вы догадались! Никогда бы не думал, что тут замешана кухарка.

— Ох, милый, ты даже не представляешь, сколько разных людей я на своем веку повидала,— сказала мисс Марпл.— Такие, как Джонс, не думают ни о чем, кроме собственного удовольствия. Как только я услышала, что в доме была хорошенькая девушка, то сразу поняла, что Джонс просто не мог оставить ее в покое. Все это так печально, что не хочется даже и говорить. Передать не могу, каким ударом это было для миссис Харгрейвз... я про завешание ее мужа. В городке девять дней только об этом и говорили.

Глава 2 **Святилище Астарты¹**

— Ну хорошо, доктор Пендер, а вы нам что расскажете? Старый священник смущенно улыбнулся.

— Я прожил мирную жизнь,— сказал он.— В ней не было ничего из ряда вон выходящего. Пожалуй, я лишь однажды был свидетелем таинственного случая. Когда был совсем молодым.

— О! — подзадорила его Джойс Ламприер.

— Это запомнилось мне на всю жизнь,— продолжил священник.— Даже теперь, стоит мне только вспомнить этого человека, смертельно раненного непонятным оружием, меня охватывает ужас.

— Кажется, он уже начинает охватывать и меня,— жалобным голосом вставил сэр Генри.

— Поверьте: тогда мне было совсем не до смеха. С тех пор я уже никогда не смеялся над суевериями. Так вот: существуют места, пользующиеся дурной или доброй сла-

¹ Астарта — греческое наименование главной финикийской богини Ашторет (Ашерат). Почиталась как богиня земного плодородия, материнства и любви, а также как богиня прибывающей луны. Изображалась в виде обнаженной женщины с коровьими рогами, с руками, прижатыми к груди или к бедрам, а иногда в одеянии, с короной на голове и с тамбурином.

вой, и порой они очень даже соответствуют своей репутации.

— Вот «Лиственницы», например, на редкость несчастливый дом,— заметила мисс Марпл.— Старый мистер Смидерс выехал из него, потеряв все свое состояние. Потом дом купили Карслейки — и что же? Джонни Карслейк свалился с лестницы, сломав при этом ногу, а миссис Карслейк так захворала, что ей пришлось ехать лечиться во Францию. Сейчас дом купил Верден, и я слыхала, бедняге уже срочно нужно оперироваться.

— Думаю, немалую роль тут играют слухи,— многозначительно заметил Петерик.

— Я лично знал парочку «призраков»,— усмехнулся сэр Генри.— Должен сказать, на редкость крепкие ребята.

— Однако,— сказал Рэймонд,— дайте же доктору Пендеру продолжить.

Джойс поднялась и выключила обе лампы. Теперь комната освещалась только мерцающим светом камина.

— Соответствующая атмосфера создана,— сказала она,— можно продолжать.

Доктор Пендер улыбнулся ей, снял пенсне и, устроившись в кресле поудобнее, принялся рассказывать:

— Кто-нибудь из вас бывал в Дартмуре? Поместье, о котором идет речь, находится неподалеку. Несмотря на то, что и поместье превосходное, и окрестные пейзажи удивительно живописны, прежний владелец несколько лет не мог сбыть его с рук. В конце концов его купил человек по фамилии Хейден, сэр Ричард Хейден. Я знал его по колледжу, и мы, хоть несколько лет и не виделись, сохранили с ним дружеские отношения. Поэтому я с удовольствием принял приглашение приехать к нему в «Тихую рощу» — так называлось его приобретение.

Общество собралось небольшое. Сам Ричард Хейден, его двоюродный брат Эллиот Хейден и леди Маннеринг с бледной и довольно бесцветной дочерью Виолеттой. Потом еще капитан Роджерс с женой — такие заядлые лошадиники с обветренными лицами, для которых лошади и охота — единственный смысл жизни. Кроме того, был еще молодой доктор Саймонс и некая мисс Диана Эшли. О ней я немного знал. Ее фотографии часто мелькали в светской хронике. Забыть ее, поверьте, было невозможно: высокая, темноволосая, с бледно-матовой кожей и узкими, чуть раскосыми глазами, придающими ей какое-то восточ-

ное очарование. Голос у нее тоже был необыкновенный — глубокий и чистый, как колокольчик.

Я сразу понял, что мой приятель, Ричард Хейден, сильно ею увлечен и что все затеяно исключительно ради нее. Что чувствовала она, понять было решительно невозможно. Ветер — и то постояннее. То она часами напролет разговаривала только с Ричардом, не замечая никого вокруг, то вдруг — уже на другой день — одаривала своим расположением его двоюродного брата Эллиота, как будто совершенно забыв о существовании Ричарда, или неожиданно начинала смущать тихого скромного доктора Саймонса самыми многозначительными улыбками.

На следующее утро после моего приезда хозяин показывал нам поместье. В самом здании не было ничего особенного: построенный на века добротный прочный дом из девонширского гранита. Такому любая непогода нипочем. Как говорится, без претензий, но с удобствами. Из окон было видно Мур, дальше простирались холмы, упирающиеся на горизонте в изъеденные ветром скалы.

Поблизости виднелись следы жилищ каменного века¹ — круги от фундамента. На соседней возвышенности находился курган, где недавно велись раскопки и была даже обнаружена кое-какая бронзовая утварь. О них нам с жаром поведал Хейден, оказавшийся страстным любителем археологии. Оказывается, там нашли останки пещерных людей эпохи неолита², памятники друидов³, следы пребывания римлян и даже древних финикийцев⁴.

«Но, пожалуй, самое интересное, — сказал Хейден, — находится здесь. Вы знаете, это место называется «Тихая роща». Нетрудно догадаться о происхождении этого названия. Вон там, — показал он, — местность была довольно

¹ Каменный век — культурно-историческая эпоха в развитии человечества, когда орудия труда и оружие изготавливались главным образом из камня

² Неолит — продолжение каменного века в период VIII—III тысячелетий до н.э., когда происходил переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству.

³ Друиды — каста жрецов у древних кельтских народов, населявших некогда Британские острова, хранители религиозных верований и культов, врачеватели, учителя и прорицатели

⁴ Финикийцы — народ, населявший в древности Финикию, государство на восточном побережье Средиземного моря, одними из первых вела активную морскую торговлю

пустынной: лишь скалы, вереск да папоротник. Но уже примерно в ста ярдах от дома была посажена густая роща. Она существует и сейчас. На место погибших деревьев тут же сажали новые, поэтому она сохранилась примерно такой же, какой была, скажем, во времена финикийских поселенцев. Пойдемте, полюбуемся на это».

Мы последовали за ним. Когда мы вошли в рощу, я ощутил какую-то необычную подавленность. Думаю, на меня так подействовала тишина. Казалось, вокруг нет ни одной птицы. Почему-то стало страшно. Я увидел, что Хейден смотрит на меня с загадочной улыбкой.

«Ничего не чувствуете, Пендер? — спросил он. — Подавленности, например? Или смутной тревоги?»

«Мне здесь не нравится», — только и ответил тогда я.

«Ничего удивительного. Это место было оплотом одного из древнейших врагов вашей веры. Это роща Астарты».

«Астарты?»

«Астарты, Иштар или Ашерат — это уж как вам нравится. Лично я предпочитаю ее финикийское имя — Астарты. Если не ошибаюсь, в Англии существует еще одна роща Астарты — на севере, на Уолле. Доказательств у меня нет, просто очень бы хотелось верить, что настоящая, подлинная роща Астарты находится именно здесь. Что здесь среди деревьев Астарты находились священные обряды».

«Священные обряды... — мечтательно повторила Диана Эшли с отсутствующим видом. — Интересно, как это было?»

«Наверняка что-нибудь неприличное, — заявил капитан Роджерс, почему-то хихикнув. — Сплошной разврат, могу себе представить».

Хейден словно его и не слышал.

«В центре рощи, должно быть, стоял храм, — продолжил он. — Настоящий храм мне, конечно, не по карману, но кое-что мне все же удалось».

В этот момент мы вышли на небольшую поляну, где было установлено нечто отдаленно напоминающее беседку из камня. Диана Эшли вопросительно посмотрела на Хейдена.

«Я нарек это сооружение святилищем, — сказал он. — Святилищем Астарты».

Мы вошли внутрь. В центре, на неотесанном столбе черного дерева возвышалась маленькая изящная скульптура: сидящая на льве женщина с рогообразным полумесяцем на голове.

«Астарта Финикийская,— сказал Хейден.— Богиня луны».

«Богиня луны! — восхищенно вскричала Диана.— Послушайте, а давайте устроим сегодня вечером оргию. С переодеванием и всем прочим! Придем сюда и при свете луны совершим обряд Астарты».

Меня вдруг передернуло, и Эллиот, двоюродный брат Ричарда, обернулся.

«Не нравится, падре?»¹

«Да,— решительно ответил я,— не нравится».

Он посмотрел на меня с любопытством.

«Но это ведь просто дурачество. Откуда Дику² знать, что это и правда священная роща? Ему просто хочется верить во все эти выдумки. Да если даже...»

«Что если даже?...»

«Ну,— он смущенно засмеялся,— вы же, надеюсь, в это не верите? Вы ведь священник».

«По-вашему священники не должны в это верить?»

«Разве можно относиться к таким вещам всерьез?»

«Как вам сказать. Я знаю одно: я вообще-то человек не слишком впечатлительный, но с тех пор как мы вошли в эту рощу, я не могу избавиться от какого-то странного ощущения... предчувствия несчастья, что ли».

Он с настороженным видом оглянулся.

«Да,— сказал он.— Здесь и впрямь что-то не так. Я понимаю, что вы имеете в виду, но, по-моему, это лишь игра нашего воображения. А вы что на это скажете, Саймонс?»

Доктор помолчал с минуту. Затем невозмутимо ответил:

«Мне здесь не нравится. Объяснить почему — не могу. Но не нравится».

В этот момент к нам подошла Виолетта Маннеринг.

«Ужасное место! — вскричала она.— Просто отвратительное! Прошу вас, уйдите отсюда».

Мы пошли обратно. Оглянувшись, я увидел, что Диана Эшли замешкалась. Она стояла перед святилищем и внимательно разглядывала скульптуру.

День выдался прекрасный, не просто теплый, а даже

¹ Падре (*um*) — отец, титулование католического священнослужителя в романских странах

² Дик — сокращенно от имени Ричард

жаркий, и предложение мисс Эшли было принято единодушно. Тут же началась подготовка: как всегда, перешептывание и смех, как всегда, костюмы изготавливались втайне, и вот, когда все собрались на ужин, началось настоящее веселье. Роджерс с женой изображали пещерных людей эпохи неолита (что объяснило таинственное исчезновение ковриков от камина), Ричард Хейден нарядился финикийским моряком, его двоюродный брат изображал главаря бандитов, доктор Саймонс оказался шеф-поваром, леди Маннеринг — сестрой милосердия, а ее дочка — пленницей-черкешенкой. Лично я нарядился монахом и буквально изнемогал от жары. Диана Эшли вышла последней и несколько разочаровала нас всех. Она просто завернулась в черное бесформенное домино.

«Незнакомка,— кокетливо сообщила она,— вот я кто. А теперь, ради Бога, давайте за стол».

После ужина все высыпали наружу. Вечер стоял просто дивный: теплый, спокойный и тихий. Взошла луна.

Мы прогуливались и болтали друг с другом, время шло быстро. Наверное, только через час мы обнаружили, что с нами нет Дианы.

«Не могла же она лечь спать!» — воскликнул Ричард Хейден.

«Минут пятнадцать назад я видела, как она пошла в ту сторону». — Виолетта Маннеринг показала на рощу, мрачно темневшую в лунном свете.

«Интересно, что это она задумала? — сказал Ричард Хейден. — Готов поклясться, какой-то розыгрыш. Что ж, пойдемте посмотрим».

Заинтригованные, мы поспешили за ним. Честно говоря, мне совсем не хотелось идти в эту темную и зловещую рощу. Словно кто-то меня удерживал. Почему-то я был твердо уверен, что это очень опасное место. Кажется, не я один чувствовал нечто подобное, но никто так и не решился признаться в этом вслух. Деревья росли так плотно, что лунный свет с трудом пробивался сквозь их кроны. Вокруг слышались какие-то шорохи, шепот, вздохи. В общем, было по-настоящему жутко, и вся наша компания, не сговариваясь, держалась вместе.

Выйдя на открытую поляну посреди рощи, мы остановились как вкопанные: на пороге святилища стояла женщина, с ног до головы укутанная в прозрачный газ; в ее роскошных темных волосах тускло мерцал золотистый полумесяц.

«Бог мой!» — выдавил Ричард Хейден. На его лбу выступили капельки пота.

Наблюдательнее остальных оказалась Виолетта Маннеринг.

«Да ведь это Диана! — воскликнула она. — Но что с ней? Господи, она на себя не похожа!»

Женщина простерла перед собой обе руки, сделала шаг навстречу и заговорила чарующе-мелодичным голосом:

«Я жрица Астарты. Не смейте приближаться ко мне, в моих руках смерть».

«Пожалуйста, дорогая, не надо, — стала умолять ее леди Маннеринг. — Нам и так страшно. В самом деле страшно».

Ричард бросился вперед.

«Бог мой, Диана! — закричал он. — Ты великолепна!»

Виолетта была права: Диана выглядела совсем другой. В глазах появился жестокий блеск, на губах — странная, словно чужая, улыбка.

«Безумец! — вскричала она. — Не приближайся к богине. Коснешься меня — и умрешь!»

«Ты великолепна, Диана! — восторженно повторил Хейден. — Только хватит, прошу тебя. Все это мне не нравится».

Он двинулся к ней, и она предостерегающе вскинула руку.

«Остановись! — воскликнула она. — Еще шаг — и чары Астарты покарают тебя».

Ричард Хейден засмеялся и сделал шаг. И тут... тут произошло нечто странное. Хейден на мгновение замер, затем словно споткнулся обо что-то и рухнул навзничь. Подниматься он как будто и не собирался.

Внезапно раздался истерический хохот Дианы. В полной тишине он звучал очень зловеще.

Эллиот, выругавшись, бросился вперед.

«Это уже слишком, — прорывал он, — поднимайся, Дик, хватит!»

Но Ричард так и остался лежать. Эллиот подбежал к нему, опустился перед ним на колени и осторожно перевернул его. Потом склонился, всмотрелся в его лицо и резко поднялся на ноги — его слегка покачивало.

«Доктор, — позвал он. — Доктор, ради Бога, сюда. Он... кажется... он мертв».

Саймонс бросился вперед, а Эллиот, волоча ноги, вернулся к нам и принялся изумленно рассматривать свои ладони.

И в этот момент раздался дикий вопль Дианы.

«Я убила его! — кричала она. — Убила! Боже мой! Я ведь не хотела!»

И — рухнула без сознания.

«Давайте уйдем! Ну давайте уйдем отсюда! — испуганно попросила миссис Роджерс. — Здесь страшно. Я чувствую, здесь может случиться все что угодно!»

Эллиот крепко сжал мое плечо.

«Так не бывает, — отчетливо прошептал он. — Говорю вам, этого не может быть. Человека нельзя так убить. Это... это противоестественно».

«Наверняка есть какое-то объяснение, — попытался успокоить его я. — Может, у вашего брата было слабое сердце, и он не знал об этом. И тут такое потрясение».

«Вы не понимаете, — перебил он, протягивая мне свои руки. На них были красные пятна. — Какое потрясение? Дика закололи. Закололи прямо в сердце. Должно быть, какое-то оружие, а его... его нет».

Я пристально взглянул на него. В этот момент Саймонс, осматривавший тело, поднялся и подошел к нам. Он был бледен и немного дрожал.

«Безумие, просто безумие, — проговорил он. — Что же это за место такое? Как это могло случиться?»

«Стало быть, это правда?» — спросил я.

Он кивнул.

«Такую рану можно было нанести длинным тонким кинжалом. Но... там нет кинжала».

Мы посмотрели друг на друга.

«Должен быть, обязательно должен быть, — упорствовал Эллиот Хейден. — Он, наверное, где-то в траве. Надо просто поискать».

Мы обыскали все вокруг — безрезультатно.

«Диана что-то держала в руках, — неожиданно заявила Виолетта Маннеринг. — Что-то вроде кинжала. Я видела. Он еще сверкнул, когда она им грозила».

«Ричард был от нее больше чем в трех ярдах», — возразил Эллиот Хейден, покачав головой.

Леди Маннеринг склонилась над распростертой на земле девушкой.

«Сейчас у нее в руках ничего нет, — заявила она, — и на земле тоже. Тебе не показалось, Виолетта? Лично я ничего такого не видела».

Доктор Саймонс подошел к мисс Эшли.

«Надо отнести ее в дом,— сказал он — Роджерс, вы можете?»

Мы отнесли так и не приходившую в себя девушку домой. Потом вернулись за телом сэра Ричарда.

Доктор Пендер, извинившись, прервал рассказ и оглядел слушателей.

— Теперь, спасибо детективам,— сказал он,— все знают, что тело надо оставлять там, где его обнаружили. Это известно каждому уличному мальчишке. Но в то время все это было как бы в новинку, и мы отнесли тело Ричарда Хейдена в его спальню. Дворецкого отправили на велосипеде вызвать полицию.

Эллиот отвел меня в сторону.

«Послушайте,— сказал он — Я вернусь в рощу. Надо отыскать оружие».

«Если оно вообще было»,— неуверенно ответил я

Он сильно сжал мою руку и неожиданно встряхнул

«Опомнитесь, падре! Вы забили себе голову какой-то ерундой! Неужели вы и впрямь думаете, что его убили какие-то чары? Сейчас я пойду туда и выясню, что случилось на самом деле».

Я пытался отговорить его, но безрезультатно. Одна мысль о мрачной роще наводила на меня ужас. Меня мучило предчувствие, что надвигается еще одно несчастье. Но Эллиот уперся. Подозреваю, он и сам боялся, только не хотел в этом признаться. Вооружившись до зубов, он ушел, твердо решившись узнать, что же на самом деле случилось.

В ту жуткую ночь никто даже и не пытался уснуть. Приехала полиция. Они даже не скрывали своего скептического отношения и все порывались допросить мисс Эшли. Но тут им пришлось иметь дело с доктором Саймонсом. Он был категорически против. Хотя мисс Эшли и оправилась от обморока или что там с нею случилось, он дал ей сильное снотворное, и до следующего дня ее ни в коем случае нельзя было тревожить.

Эллиота Хейдена хватились только в семь утра. Саймонс вдруг спросил меня, где он. Когда я объяснил ему, что затеял Эллиот, Саймонс еще больше помрачнел.

«Зачем он туда пошел? Это . это слишком рискованно».

«Вы же не хотите сказать, что и с ним что-то случилось?»

«Надеюсь, что нет. Но думаю, падре, лучше нам в этом убедиться».

Мне понадобилось собрать все свое мужество, чтобы отважиться на эту прогулку. Вдвоем мы снова отправились в эту проклятую рошу. Все время звали Эллиота. Потом вышли на поляну. В раннем утреннем свете она казалась какой-то размытой и призрачной. Неожиданно Саймонс сжал мою руку, и у меня вырвался сдавленный крик. Только недавно мы видели здесь тело Ричарда, лежащего ничком в лунном свете. Сейчас на том же самом месте лежал Эллиот Хейден.

«Бог мой! — вырвалось у Саймонса. — И он тоже!»

Только на этот раз все было предельно ясно. Длинный тонкий кинжал все еще оставался в теле.

«Сердце не задето. Удар пришелся в плечо. Этот парень — везунок, — облегченно вздохнул доктор, осмотрев Эллиота. — Черт знает что такое. Но, по крайней мере, он жив и сможет нам все рассказать».

Но как раз этого Эллиот Хейден сделать и не смог. Его рассказ был крайне туманен. По его словам, он долго и безуспешно искал кинжал и, в конце концов оставив поиски, остановился у святилища. К тому моменту он уже был почти уверен, что кто-то за ним внимательно наблюдает из-за деревьев. Поначалу он думал, что это ему только кажется, но избавиться от этого ощущения ему не удавалось. А потом он вдруг ощутил какое-то дуновение. Точно порыв холодного ветра. Казалось, это шло из святилища, и он заглянул туда. Увидел маленькую фигуру богини, и тут произошло что-то странное. Возможно, ему это только показалось, но фигура как будто стала расти, а потом его что-то толкнуло — словно удар в лоб — и сбilo с ног. Падая, он почувствовал острую жгучую боль в левом плече. Больше он ничего не помнил.

Кинжал идентифицировали. Оказалось, он был найден при раскопках кургана, и Ричард Хейден купил его. Где он хранился — в доме или в святилище, никто не знал.

Полиция считала — разубедить ее так и не удалось, — что Ричарда заколола мисс Эшли. Но, поскольку все в один голос утверждали, что она не приближалась к нему ближе чем на три ярда, предъявить ей обвинение не было никакой возможности. Таким образом, эта трагедия так и осталась неразгаданной.

Воцарилось молчание.

— Даже и сказать нечего, — подала голос Джойс Ламп-

риер.— Жуть какая-то. Уму непостижимо У вас-то самого есть объяснение, доктор Пендер?

— Есть,— кивнул старик.— Только оно не совсем обычное, да и объясняет далеко не все.

— Знаете, я несколько раз бывала на спиритических сеансах,— сказала Джойс.— Можете говорить что угодно, но там происходят очень странные вещи. Думаю, и в вашем случае все объясняется особым гипнозом. Может, девушка и в самом деле на какое-то время стала жрицей Астарты и заколола вашего друга кинжалом. Может, метнула его...

— Или это был дротик,— добавил Рэймонд Уэст.— В конце концов, лунный свет обманчив. У нее могло быть в руках копьё, которым она заколола его на расстоянии. Кроме того, я бы не исключал возможности массового гипноза. Я хочу сказать, вы были настроены на что-то сверхъестественное, и ничего другого увидеть уже не могли.

— В мюзик-холле я видел немало удивительных трюков с оружием и с ножами,— заговорил сэр Генри.— По моему, кто-то просто спрятался в чаще и метнул оттуда нож или кинжал. Довольно ловко метнул, конечно. Для этого нужно обладать немалой сноровкой. Признаю, выглядит не слишком реалистично, но это, пожалуй, единственная возможность. Помните, второму молодому человеку казалось, что кто-то следит за ним? Что касается утверждения леди Маннеринг, будто мисс Эшли держала в руках кинжал, что никто больше не подтверждает, тут тоже нет ничего удивительного. По опыту знаю: расспроси пятерых людей об одном и том же — и получишь пять совершенно различных историй.

Мистер Петерик кашлянул.

— Все эти предположения упускают из виду одну существенную деталь,— заметил он.— А именно: куда исчезло оружие. Едва ли мисс Эшли могла незаметно вынуть из тела дротик или копьё, когда все на нее смотрели. Если же кинжал метнул скрывавшийся в чаще убийца, он бы так и остался на месте. Думаю, лучше отбросить все эти надуманные версии и строго придерживаться фактов.

— И о чем же говорят факты?

— Ну... одно представляется очевидным. Если с человеком, которому был нанесен удар, никого не было, единственный, кто мог нанести этот удар,— он сам. Таким образом, налицо самоубийство.

— Да с какой же это стати ему было совершать самоубийство? — скептически спросил Рэймонд Уэст.

Адвокат откашлялся.

— Ну, об этом опять же можно только догадываться, — сказал он, — а догадки в настоящий момент меня не интересуют. Мне кажется, что, если исключить всякие сверхъестественные силы — в которые я категорически отказываюсь верить, — это единственное возможное объяснение случившемуся. Он заколол себя сам и, падая, выдернул кинжал и отбросил его в кусты. Трудновато, конечно, но, полагаю, осуществимо.

— Не берусь ничего утверждать, — вступила в беседу мисс Марпл, — поскольку все это действительно очень странно, но порой случаются прямо-таки невероятные вещи. В прошлом году, например, на приеме у леди Шарпли один мужчина, игравший в часовой гольф¹, зацепился за цифру, упал и потерял сознание чуть ли не на пять минут.

— Но, дорогая тетя, — мягко заметил Рэймонд, — его ведь не закололи, верно?

— Конечно нет, дорогой, — ответила мисс Марпл. — К этому я и веду. Несомненно, сэра Ричарда могли заколоть одним-единственным способом, и мне очень бы хотелось знать, обо что именно он споткнулся. Неужели о корни дерева? Он ведь мог засмотреться на девушку, а при лунном свете немудрено споткнуться обо что угодно.

— Так вы говорите, существует только один способ, которым могли убить сэра Ричарда? — переспросил священник, с любопытством взглянув на мисс Марпл.

— Все это так грустно, что не хочется даже об этом и говорить. Он ведь был правой? Неужели я ошиблась? Но ведь чтобы нанести себе удар в левое плечо, он непременно должен был быть правой. Знаете, этот бедняга Джек Бейнз во время войны тоже прострелил себе ногу. Сразу после этого ужасного сражения у Арраса². Он мне все рассказал, когда я навещала его в госпитале. Как ему было стыдно! Всегда его жалела. Думаю, этот несчаст-

¹ Часовой гольф — малый гольф на площадке с разметкой, напоминающей часовую циферблат с двенадцатью цифрами, игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки

² Аррас — город во Франции в департаменте Па-де-Кале, где во время Первой мировой войны шли ожесточенные бои между армией союзников и немецкими войсками

ный Эллиот Хейден тоже немного выиграл от своего злодеяния.

— Эллиот Хейден? — поразился Рэймонд. — Вы считаете, это он?

— А разве это мог сделать кто-то еще? — искренне удивилась мисс Марпл. — Нет, конечно, если забыть про факты и принимать всерьез всяких там языческих богинь, от которых добра уж точно не жди, как мудро выразился доктор Петерик... Эллиот подошел к нему и перевернул. Чтобы совершить преступление, ему достаточно было повернуться к вам спиной и достать кинжал из-за пояса. Помните, в молодости я танцевала с одним юношей... Так вот он нарядился главарем банды, и просто не передать, как мне мешались все эти его ножи и кинжалы. У него их штук четыре было, не меньше.

Все взгляды устремились на доктора Пендера.

— Правду я узнал, — сказал он, — только через пять лет после трагедии. Мне написал сам Эллиот Хейден. Оказалось, он догадывался, что я его подозреваю. Он написал мне, что поддался внезапному искушению. Будучи обычным адвокатом, он безнадежно любил Диану Эшли. Он знал, что после смерти Ричарда унаследует его титул и деньги. Тогда многое могло бы измениться. Склонившись над братом, он вынул из-за пояса кинжал... Он написал, что не успел даже ни о чем подумать. Просто нанес удар и снова сунул кинжал за пояс. А себя он ранил, чтобы отвести подозрения. Он писал мне накануне отъезда с экспедицией на Северный полюс — на случай, как он выразился, если он не вернется. Не думаю, чтобы он действительно собирался возвращаться. Знаю только, что преступление и в самом деле не принесло ему счастья. Мисс Марпл совершенно права. «Вот уже пять лет, — писал он, — я живу как в аду. Одна надежда, что когда-нибудь мне удастся искупить свою вину. Хотя бы достойной смертью».

Наступила тишина.

— И он действительно погиб достойно, — сказал сэр Генри. — Вы изменили имена, доктор Пендер, но я, кажется, догадываюсь, о ком вы рассказывали.

— И все-таки, — продолжал священник, — не думаю, что тут можно ограничиться только рациональным объяснением. Я по-прежнему считаю, что роша оказывала дурное влияние на тех, кто в нее вторгался. Оказала она его и на Эллиота Хейдена. До сих пор не могу вспомнить о святилище Астарты без содрогания.

Глава 3

Золотые слитки

— Не знаю, подойдет ли история, которую хочу рассказать вам я,— начал Рэймонд Уэст.— Ведь у меня нет даже ее разгадки... Но обстоятельства случившегося настолько невероятны, что решительно стоит их выслушать. Возможно, все вместе мы и сумеем в них разобраться.

Все это случилось два года назад, когда я поехал на Троицу¹ в Корнуолл к человеку по имени Джон Ньюмэн.

— В Корнуолл? — отрывисто переспросила Джойс Ламприер.

— Да, а что?

— Нет, ничего особенного. Просто моя история тоже про Корнуолл, про рыбацкую деревеньку под названием Рэтхоул. Надеюсь, мы не собираемся рассказывать об одном и том же?

— Нет. В моем случае деревня называется Полперран. Это на западном побережье Корнуолла. Места там дикие и скалистые. За несколько недель до своего приезда туда я и познакомился с Джоном, который сразу показался мне чрезвычайно интересным человеком. Умный, независимый, с богатым воображением. Возможно, слишком уж легко увлекающийся... Во всяком случае, благодаря этому качеству он не задумываясь арендовал «Пол-хаус». Прекрасный знаток елизаветинской эпохи², он так красочно и наглядно расписывал мне передвижения испанской «Армады»³, точно сам при этом присутствовал. Что это? Реинкарнация?⁴ Возможно, возможно.

— Все-таки ты у меня неизлечимый романтик, дорогой,— ласково проговорила мисс Марпл.

¹ Троица — один из главных праздников Англиканской церкви, восьмое воскресенье после Пасхи.

² Имеется в виду эпоха правления Елизаветы I, королевы Великобритании (1558—1603). Это был период расцвета искусства и культуры, а также роста морского могущества Великобритании в борьбе с Испанией за ее американские владения.

³ «Армада» — военный флот, направленный в 1588 году испанским королем Филиппом II против Англии и потерпевший поражение.

⁴ Реинкарнация — в некоторых мистических верованиях способность богов, духов, святых принимать облик человека, животного или даже неодушевленного предмета

— Уж чего-чего, а этого за мной никогда не водилось. — возмутился Рэймонд. — Но этот Ньюмэн был попросту одержимым, чем меня и притягивал. Ни дать ни взять ходячий анахронизм¹. Так вот, он рассказал мне, что один из кораблей «Армады», перевозивший из испанских владений золото — просто несметные сокровища, — разбился у побережья Корнуолла на известных своим коварством Змеиных скалах. На протяжении ряда лет, говорил мне Ньюмэн, предпринимались попытки поднять корабль и достать ценности. Насколько я понимаю, такие попытки происходят сплошь и рядом, хотя в большинстве случаев все эти затонувшие сокровища оказываются только мифом. Потом этим занялась какая-то компания, но она быстро обанкротилась, и Ньюмэну удалось перекупить права на разведработы — или не знаю точно как там это называется — практически за бесценок. Он очень увлекся этой затеей. По его словам, дело было только за новейшей научной аппаратурой. Золото там, и у него не было ни тени сомнений, что его можно достать.

Слушая его, я все думал, почему так получается... Ну, что удача всегда идет навстречу тому, кто и без того богат и счастлив, и кому, по большому счету, эти деньги без надобности. Должен признаться, азарт Ньюмэна заразил и меня. Я так и видел, как гонимые штормом галионы вылетают на мель, разбиваясь о чернеющие скалы. «Галионы»² само по себе звучит так романтично... А уж «Испанское золото» способно равно заморозить как школьника, так и умудренного жизнью взрослого человека. К тому же в то время я работал над романом, некоторые эпизоды которого относились к шестнадцатому веку, и меня радовала перспектива заполучить драгоценные колоритные детали от хозяина «Пол-хауса».

В пятницу утром я отправился с Паддингтонского вокзала, предвкушая приятную и полезную поездку. В купе оказался еще один пассажир — в углу напротив. Высокий, с военной выправкой. Я не мог избавиться от ощущения,

¹ Анахронизм — пережиток старины, а также нарушение хронологической точности, ошибочное отнесение событий одной эпохи к другой.

² Галион — большой испанский торговый или военный корабль с тремя или четырьмя палубами, перевозивший золото из Америки в Европу.

что где-то его уже видел. В конце концов я вспомнил. Моим попутчиком был инспектор Бадгворт. Я познакомился с ним, когда работал над серией статей об исчезновении Эверсона.

Я напомнил ему о себе, и вскоре мы уже мило беседовали. Когда я сообщил ему, что еду в Полперран, к моему удивлению, оказалось, что он направляется туда же. Чтобы не показаться назойливым, я не стал расспрашивать его о целях этой поездки, а заговорил о себе, упомянув мельком затонувший испанский галеон. К еще большему моему удивлению, инспектор знал о нем практически все.

«Да это же «Хуан Фернандес»!» — пренебрежительно воскликнул он. Ваш знакомый будет далеко не первым, кто угробил деньги на то, чтобы достать оттуда золото. Все это золото — романтические бредни».

«Может, скажете, и вся эта история бредни? — спросил я. — И никакого корабля здесь отродясь не было?»

«О нет, корабль здесь затонул, в этом никаких сомнений, — отвечал инспектор, — и не он один. Вы бы поразились, узнай, сколько крушений произошло в этой части побережья. Собственно, одно из них и сделало нас попутчиками. Полгода назад именно здесь затонул «Отранто».

«Помнится, я читал об этом, — заметил я. — Надеюсь, пассажиры спаслись?»

«Пассажиры — да, а вот кое-что еще спасти не удалось. Мало кто знает, но «Отранто» вез золото».

«Да?» — заинтересовался я.

«Естественно, мы тут же привлекли водолазов, но золото успело исчезнуть, мистер Уэст».

«Исчезнуть? — изумился я. — Как это?»

«В этом-то и вопрос, — сказал инспектор. — Пробоина пришлась как раз на специальную кладовую. Так что водолазы проникли туда без всякого труда... и нашли кладовую пустой. Вопрос только, украли ли золото до крушения или это сделали после? И было ли оно вообще?»

«Любопытный случай», — заметил я.

«Не то слово, особенно если понять, о чем идет речь. Ведь слитки золота — это вам не бриллиантовое кольцо, их в карман не спрячешь. Слиток золота — штука громоздкая и увесистая, его так просто с собой не прихватишь. Так что или этот фокус провернули еще до отправки судна, или уже после крушения. Ну, а мне теперь со всем этим разбираться».

Ньюмэн встретил меня на вокзале и все извинялся, что приехал за мной на грузовичке, а не на автомобиле. Машину понадобилось подремонтировать, и ее отогнали в Труро.

Я сел рядом с ним, и мы принялись петлять по узким улочкам рыбацкой деревни. Выбравшись из нее, мы проехали вверх по крутому склону, потом еще немного по серпантину и наконец достигли ворот с гранитными столбами. Это и был «Пол-хаус».

Места там великолепные: крутой обрыв, с которого открывается изумительный вид на море. Основному строению лет триста или четыреста, а к нему пристроено современное крыло. За ним идут сельскохозяйственные угодья. семь или восемь акров.

«Добро пожаловать в «Пол-хаус», — улыбнулся Ньюмэн, вводя меня в дом, и, с гордостью указывая на прекрасно выполненную копию испанского галиона с раздутыми ветром парусами, висевшую над входной дверью, добавил: — «Золотой галион», символ этого жилища».

Больше всего мне запомнился первый вечер. Хозяин показал мне старинные рукописи с описанием «Хуана Фернандеса», карты, на которых пунктиром был отмечен его маршрут, схемы подводной аппаратуры и многое-многое другое. Я был пленен всем этим окончательно и бесповоротно.

Я, в свою очередь, рассказал ему о встрече с инспектором Бадгвортом.

Ньюмен очень заинтересовался.

«Странные здесь люди, на побережье, — задумчиво произнес он. — Контрабанда и поиск затонувших сокровищ у них в крови. Когда корабль идет ко дну у их берега, они расценивают его не иначе как свою законную добычу. Есть тут один интересный экземпляр, обязательно вам его покажу».

Утро выдалось солнечное. Ньюмэн отвез меня в Полперран и познакомил со своим водолазом. Такой угрюмый детина по фамилии Хиггинс. Лицо абсолютно невыразительное, изъясняется исключительно междометиями.

После того как они обсудили какие-то технические детали, мы все вместе отправились в «Три якоря». Большая кружка пива немного развязала язык этому молчуну.

«Вот, детектив заявился. Из самого из Лондона, — бурчал он. — Твердит, будто на судне, что потопло у нас в

ноябре, была пропасть золота. Ну и что? Будто на нем свет клином сошелся».

«Ваша правда, мистер Хиггинс,— вмешался хозяин «Трех якорей».— И тонули, и будут тонуть».

«Я о чем и толкую, мистер Келвин»,— согласился Хиггинс.

Я принялся с любопытством рассматривать хозяина. Фигура была колоритная: смуглый, черноволосый, на удивление широкоплечий. Глаза налиты кровью и, будто этого мало, все время бегают. Я заподозрил, что это и есть упомянутый Ньюэном интересный экземпляр.

«Ни к чему нам, чтоб всякие чужаки околачивались на нашем побережье»,— довольно злобно продолжал тот.

«Вы имеете в виду полицию?» — улыбнулся Ньюэн.

«И полицию тоже,— буркнул этот тип, награждая нас многозначительным взглядом.— Так-то вот, мистер!»

«Послушайте, Ньюэн, а ведь это прозвучало совсем как угроза»,— сказал я, когда мы возвращались домой.

Он засмеялся:

«Глупости, кому от меня здесь вред?»

Я только покачал головой. В этом трактиршике чувствовалось что-то злобное и необузданное. Видно было, что от него можно ждать чего угодно.

Наверное, именно с того момента мною овладело беспокойство. Первую ночь я еще проспал нормально, но следующую... Сон совсем не шел.

Наступило воскресенье: мрачное, угрюмое. Небо покрылось тучами, слышались раскаты грома. Я никогда не умел скрывать своих переживаний, и Ньюэн тут же заметил мое подавленное настроение.

«Да что с вами сегодня такое, Уэст? Вы просто комок нервов».

«Не знаю,— ответил я.— Просто на душе скверно».

«Это из-за погоды»,— сказал он.

«Да, наверно»,— ответил я, не вдаваясь в подробности.

Днем мы вышли на моторной лодке Ньюэна в море, но начался такой ливень, что единственным желанием, которое у нас осталось, было поскорее вернуться домой и переодеться во все сухое.

Вечером мое беспокойство усилилось. За окном бушевал шторм. К десяти буря утихла. Ньюэн выглянул в окно.

«Проясняется,— отметил он.— Не удивлюсь, если через полчаса шторм утихнет. Может, прогуляемся попозже?»

«Ужасно в сон клонит.— Я зевнул.— Не выспался. Думаю лечь сегодня пораньше».

Так я и сделал. Поскольку в предыдущую ночь я совершенно не выспался, то очень скоро забылся тяжелым сном. Видно, я так и не избавился от смутного чувства тревоги. И меня одолевали кошмары. Бездонные пучины, мрачные пропасти, над которыми я блуждаю... И все время сознание того, что один неверный шаг — и я погиб. Когда я очнулся, часы показывали восемь. Голова невыносимо болела, испытанный во сне ужас все еще держал меня в своих цепких объятиях. И настолько он был сильным, что, открыв окно, я подумал было, что кошмар продолжается: первое, что я увидел, был человек, роющий могилу.

Я в ужасе отпрянул, и мне даже понадобилось какое-то время, чтобы взять себя в руки. Выглянув в окно снова, я с облегчением понял, что могильщик — это садовник Ньюмэна, а «могила» предназначена для трех кустов роз, лежавших неподалеку в ожидании, когда их заботливо посадят в землю.

Садовник, взглянув наверх, увидел меня и приподнял шляпу:

«Отличное утро, сэр. Просто замечательное».

«Надеюсь, что так»,— скептически ответил я.

Однако утро действительно выдалось превосходное. Ярко светило солнце, а безоблачное и голубое небо предвещало чудесную погоду на весь день.

Насвистывая, я спустился к завтраку. У Ньюмэна в доме не было прислуги. Человек он был неприветливый, и с хозяйством вполне справлялись две немолодые уже женщины — родные сестры, жившие по соседству. Вот и сейчас, войдя в комнату, я застал одну из них. Она как раз ставила на стол кофейник.

«Доброе утро, Элизабет,— поздоровался я.— Мистер Ньюмэн еще не спускался?»

«Должно быть, ушел рано утром, сэр,— ответила она.— Когда мы пришли, его не было».

Меня снова начали одолевать дурные предчувствия. Я уже привык, что Ньюмэн спускается к завтраку довольно поздно, и с трудом мог себе представить, чтобы он ни свет ни заря отправился на прогулку. Весь во власти сомнений, я заглянул в его спальню и обнаружил, что постель даже не тронута. Беглый осмотр комнаты заставил меня задуматься и еще кое о чем. В комнате не было смокинга, в котором Ньюмэн был вчера вечером.

Теперь я был уверен, что мои предчувствия не напрасны. Значит, вчера Ньюмэн все же отправился на прогулку и по какой-то причине до сих пор не вернулся. Но почему? Что с ним могло случиться? Неужели произошло несчастие? Я решил немедленно отправиться на поиски.

Через пару часов я собрал большую группу помощников, и мы начали поиск по всем направлениям — и у обрыва, и на скалах внизу, но никаких следов Ньюмэна нам обнаружить не удалось.

В конце концов, отчаявшись, я разыскал инспектора Бадгворта. Выслушав меня, он помрачнел.

«Думаю, дело нечисто,— проговорил он.— Есть здесь несколько подозрительных субъектов. Видали Келвина, хозяина «Трех якорей»?»

Я ответил, что да, имел такое удовольствие.

«А вам известно, что он только четыре года как вышел из колонии? Оскорбление действием».

Я ответил, что несколько этим не удивлен.

«Насколько я понял, здешние жители считают, что ваш приятель слишком любит совать нос в чужие дела. Единственная надежда на то, что до крайностей не дошло».

Мы продолжили поиск с удвоенным рвением. Только к вечеру наши усилия были вознаграждены. Мы обнаружили Ньюмэна в глубокой канаве в дальней части его собственного имения. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам, во рту торчал скомканный носовой платок.

Он совсем обессилел и все стонал от боли. Только после того, как ему растерли запястья и лодыжки и дали глотнуть виски, он смог рассказать, что с ним произошло.

Прошлым вечером около одиннадцати часов он вышел пройтись. Прогулялся немного вдоль обрыва и вышел на то место, которое из-за большого количества пещер называют «Убежищем контрабандистов». Там он заметил нескольких человек, выгружающих что-то из маленькой лодки, и спустился взглянуть, в чем дело. Груз, по-видимому, был тяжелым, и его с трудом волокли в одну из самых дальних пещер.

Ньюмэн заинтересовался. Стараясь оставаться незамеченным, он подобрался поближе, пытаясь угадать, что именно они тащат. Потом кто-то крикнул — явно кого-то предупреждая, и тут же на него навалились два дюжих типа. Они избили Ньюмэна до потери сознания. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит в грузовике, кото-

рый куда-то мчится, подпрыгивая на многочисленных рытвинах и ухабах. Он был уверен, что его везут в деревню, и глазам своим не поверил, когда автомобиль свернул в ворота его собственного дома. Здесь его похитители, пошептавшись друг с другом, вытащили его и бросили в глубокую канаву, где искать человека никому и в голову не придет. После этого грузовик укатил. Ему показалось, что выехали они в другие ворота, через те, которые на четверть мили ближе к деревне. Он не мог описать нападавших, понял только, что это были моряки и, судя по говору, корнуоллцы.

Инспектор Бадгворт встрепнулся.

«Будьте уверены, тут-то они и запрятали золото! — воскликнул он. — Достали с затонувшего корабля и держат где-то в укромной пещере. Знают, шельмы, что мы уже обыскали все пещеры в «Убежище контрабандистов» и теперь идем дальше. Вот, видно, и перетаскивали свое добро в пещеру, где мы уже побывали. Знают ведь, что второй раз мы туда уже не сунемся. Теперь пиши пропало: мистер Ньюмэн застукал их как минимум восемнадцать часов назад, а значит, у них было достаточно времени, чтобы замести следы. Сомневаюсь, что мы теперь что-то найдем».

Тем не менее инспектор срочно организовал поиски: очевидно было, что золото действительно у кого-то из местных воришек, которые его перепрятали. Но у него не было и намека на месторасположение нового тайника.

Одна зацепка, впрочем, все же была. Он сам навел меня на нее следующим утром.

«По этой дороге редко проезжают машины, — объяснял он, — поэтому в нескольких местах мы обнаружили четкие следы шин. Один из протекторов поврежден и оставляет очень характерный отпечаток. Вот смотрите: здесь похитители вашего друга заезжали в ворота, а здесь, — показал он чуть приметный след у других ворот, — выезжали. Рисунок тот же. Так что никаких сомнений, — это та самая машина, которая нам нужна. Вы спрашиваете, зачем они выехали через дальние ворота? Мне кажется, это совершенно ясно: возвращались в деревню. А в деревне собственные грузовики есть у двоих — от силы троих. Причем один у Келвина, хозяина «Трех якорей».

«А кем Келвин был раньше?» — спросил Ньюмэн.

«Забавно, что вы об этом спросили. Водолазом».

Мы с Ньюмэном переглянулись. Головоломка, казалось, разрешалась сама собой.

«Вы не видели Келвина среди тех, кто разгружал лодку?» — спросил инспектор.

Ньюмэн покачал головой:

«Боюсь, не смогу ответить. Я и понять-то толком ничего не успел, не то что разглядеть».

Инспектор любезно разрешил мне пойти с ним к «Трем якорям». Гараж находился в переулке, главный вход был заперт, но, свернув на аллею, мы обнаружили маленькую дверь, оказавшуюся незапертой. Поверхностного осмотра шин инспектору было достаточно.

«Клянусь Юпитером! — ликовал он. — Вот же она, та самая отметина, на заднем левом колесе. Ну, мистер Келвин, теперь вам точно не выкрутиться».

Рэймонд Уэст смолк.

— Ну? — нетерпеливо потребовала Джойс. — Пока что я не вижу тут ничего загадочного... Вот если бы золота не нашли...

— Его и не нашли, — сказал Рэймонд. — И Келвина, естественно, тоже не посадили. Не по зубам он им оказался, как я понимаю. Просто не представляю, как он выкрутился. Разумеется, на основании улики — отметины на шине — его тут же арестовали. Но произошла неожиданная осечка. Прямо напротив въезда в гараж находился коттедж, который на лето сняла одна дама-художница.

— Ох уж эти дамы-художницы! — рассмеялась Джойс.

— И не говорите! Ну вот, так совпало, что она несколько недель болела, и поэтому к ней приходили две сиделки. Та, что дежурила в ночную смену, всю ночь просидела у окна в кресле. Шторы были подняты, и она клянется, что не могла не увидеть автомобиль, выезжающий из гаража. Но в ту ночь она его не видела.

— Что ж с того? — фыркнула Джойс. — Заснула небось. Они всегда спят.

— Такое, в общем, действительно случается, — начал мистер Петерик, — но мне представляется, мы принимаем на веру факты, даже не поразмыслив над ними как следует. Прежде чем принимать к сведению показания сиделки, следует убедиться в их добросовестности. Не люблю я так кстати появляющихся алиби. Есть в них что-то... сомнительное.

— Имеются также показания художницы, — продолжал Рэймонд. — У нее были сильные боли, и она тоже практически не спала. И обязательно услышала бы, если грузо-

вик действительно выезжал: мотор у него очень мощный, а ночью после бури было особенно тихо.

— М-да,— хмыкнул священник.— Это, несомненно, подтверждает показания сиделки. А у самого-то Келвина было алиби?

— Он заявил, что в десять вечера лег спать, что подтвердить или опровергнуть никто, разумеется, не смог.

— Да спала ваша сиделка,— снова вмешалась Джойс,— и больная тоже. Больным всегда кажется, что они ночь напролет не сомкнули глаз.

Рэймонд Уэст вопрошающе посмотрел на доктора Пендера.

— Знаете, а мне этот Келвин даже симпатичен,— сказал тот.— Думаю, это тот самый случай, когда «дурная слава впереди бежит»: он же был в заключении. Ведь, кроме отметины на шине, которая, спору нет, слишком примечательна, чтобы быть простым совпадением, и сомнительного прошлого, против него ничего нет.

— Ну а вы, сэр Генри?

Сэр Генри покачал головой.

— Со мной обычная история,— засмеялся он.— Я слышал об этом деле. Так что лучше пока помолчу.

— Идем дальше... Тетя Джейн, неужели вам нечего сказать?

— Минуточку, дорогой,— пробормотала мисс Марпл,— а то я собою со счета. Две с накидом... три лицевые... одну снимаем... две с накидом... Ну, все. Так что ты говоришь, дорогой?

— Ваше мнение, тетя?

— Но, дорогой, боюсь, оно придется тебе не по вкусу. Я ведь знаю: молодежь не любит, когда ей говорят такие вещи. Лучше я помолчу.

— Глупости, тетя Джейн, выкладывайте.

— Ну хорошо, дорогой.

Мисс Марпл отложила вязанье и взглянула на племянника.

— Я считаю, что тебе следует быть разборчивее при выборе знакомых. Ты у меня такой доверчивый, так легко поддаешься обману... Наверное, это потому, что ты писатель, а все писатели такие впечатлительные... Ну что это еще за история с испанским галионом? Ты же взрослый мальчик! Хотя, конечно, ты ведь знал этого человека без году неделю.

Сэр Генри вдруг разразился неудержимым хохотом и шлепнул себя по колену.

— Поделом тебе, Рэймонд,— веселился он.— Мисс Марпл, вы великолепны! Так вот, Рэймонд, вашего приятеля на самом деле зовут по-другому, и в настоящий момент он вовсе не в Корнуолле, а совсем даже в Девоншире — в Принстаунской тюрьме, если уж быть точным. Взяли мы его, правда, не по делу о краже золота с «Отранто», а за ограбление хранилища одного лондонского банка. Потом занялись им вплотную и обнаружили большую часть украденного золота. Оно, представьте, было зарыто в саду «Пол-хауса». Неплохо придумано. По всему побережью Корнуолла рассказывают истории про крушение галионов, полных золота. Это объясняло появление водолаза, объяснило бы потом и появление золота. Не хватало только козла отпущения. Келвин идеально подходил на эту роль. Ньюмэн прекрасно разыграл свою маленькую комедию, в которой наш друг, Рэймонд, будучи известным писателем, сыграл роль безупречного свидетеля.

— А отметина на шине? — не сдавалась Джойс.

— Ох, дорогая, я, конечно, ничего и не смыслю в моторах,— начала мисс Марпл,— но, знаете, очень часто наблюдала, как люди меняют колеса, и мне показалось, что вполне ведь можно было снять колесо с грузовика Келвина, вытащить его через маленькую дверь в переулок и надеть на грузовик мистера Ньюмэна. Выехать на грузовике через одни ворота на берег, погрузить на него золото и привезти через другие ворота. А потом вернуть колесо на грузовик мистера Келвина, а в это время кто-нибудь связал бы мистера Ньюмэна и оставил в канаве. Не слишком, конечно, приятно... И искали его, похоже, дольше, чем он рассчитывал. Думаю, этот так называемый садовник его и связал.

— Почему же «так называемый» садовник, тетя Джейн? — удивился Рэймонд.

— Но как же он мог настоящим? — в свою очередь удивилась мисс Марпл.— Садовники в Духов понедельник¹ не работают. Кого угодно спросите.

Она улыбнулась и свернула вязанье.

— Именно это и натолкнуло меня на след,— добавила

¹ Духов понедельник — понедельник после воскресенья Святого Духа (седьмое воскресенье после Пасхи) отмечается Англиканской церковью и до 60-х годов XX века был нерабочим днем

она и ласково посмотрела на Рэймонда.— Вот был бы у тебя свой дом, дорогой, и собственный садик, ты бы и сам догадался.

Глава 4

Кровь на мостовой

— Как ни странно,— начала Джойс Ламприер,— мне не очень-то хочется рассказывать эту историю. Случилось это давно: пять лет назад, если уж быть точной, но я помню все до сих пор. Со стороны все это выглядело совершенно безобидно, но на самом деле... На самом деле это был настоящий ужас. Так странно... Я тогда написала один этюд¹. Он очень точно отражает это состояние. На первый взгляд — обычная зарисовка извилистой корнуоллской улочки. Но стоит присмотреться, и даже в ее изгибе вам начинает мерещиться что-то зловещее. Я ни разу не выставляла его на продажу. Честно говоря, я и сама-то боюсь на него смотреть. Нарочно забросила в самый дальний угол студии, лишь бы не видеть.

Это местечко называлось Рэтхоул. Такая маленькая забавная рыбацья деревенька; очень живописная, даже, на мой взгляд, слишком... Очень уж там пахнет патриархатом. Эдакий корнуоллский Чайный дом. И коротко стриженные девушки в блузах пишут маслом девизы. На пергаменте!² Старомодно, мило, но до того уж убого!

— Знаю, знаю,— с тяжким вздохом подтвердил Рэймонд — И проходу нет от туристов. Даром что дороги плохие. В любой мало-мальски живописной деревушке от них просто спасу нет.

Джойс кивнула.

— Точно. До Рэтхоула тоже нужно добираться по узкой и невероятно крутой дороге. Так я продолжаю. Я приехала туда, чтобы пару недель поработать. В Рэтхоуле есть старая гостиница «Полхарвит армс». Считается, что это единственное здание, уцелевшее после обстрела испанцами в тысяча пятьсот каком-то году³.

¹ Этюд — предварительный набросок, преимущественно с натуры

² Пергамент — материал из телячьей кожи, употреблявшийся до изобретения бумаги, а также сорт плотной бумаги, не пропускающий жиров и влаги

³ Имеются в виду морские сражения между Англией и Испанией в 1588 году

— Не было там никакого обстрела,— сурово возразил Рэймонд Уэст.— Относитесь к истории с уважением, Джойс.

— Что, правда не было? А мне говорили, они расставили пушки по всему побережью и стреляли, пока от домов ничего не осталось. Ну ладно, в конце концов, это не важно. Гостиница там просто чудо: такое старинное здание с портиком¹ и колоннами. Я выбрала подходящее местечко и уже принялась было за работу, как вдруг на дороге, что спускается с холма, появилась эта машина. Она подъехала и, естественно, остановилась прямо у гостиницы. Вот только этого мне и не хватало! Вышли двое — мужчина и женщина. Я их как следует даже не рассмотрела. Помню только, на женщине было платье совершенно безумного розовато-лилового цвета и такая же шляпка. Мужчина вскоре вернулся и, к великому моему удовольствию, отогнал машину на набережную. И вот, стоило мне снова взяться за кисть, как с холма, петляя, спускается очередная машина! В этой сидит какая-то особа, и на ней самое веселенькое платьице, какое только я видала в жизни. Сплошь в огромных алых цветочках, а на голове у нее огромная соломенная шляпа — кубинская, что ли? — и тоже алая. Только эта не стала парковаться у гостиницы, а сразу проехала дальше, туда, где уже стояла первая машина. Ну вот, там она выходит, и мужчина начинает орать:

«Кэрол, не верю своим глазам! Надо же было повстречаться в такой глуши! Сколько лет! А я тут с Марджори. Это моя жена. Ты просто обязана с ней познакомиться!»

И они бок о бок направляются к гостинице. Смотрю, а та уже вышла из дверей и идет им навстречу.

Я успела мельком разглядеть эту Кэрол, когда она проходила мимо. Сплошная пудра и губная помада. Я еще подумала — просто подумала — что вряд ли Марджори сильно обрадуется такому знакомству. Марджори я вблизи не видела, но издали она не показалась мне слишком уж большой модницей. Довольно чопорная, как я поняла, особа.

Нет, дело, конечно, ее, просто я считаю своим долгом упомянуть об этом. Ну вот, они остановились недалеко от меня, и я невольно услышала кое-что из их разговора. Мужчина — как выяснилось, его звали Деннис —

¹ Порттик — крытая галерея с колоннами, прилегающая к зданию

предлагал взять лодку и прокатиться на ней вдоль побережья. Все расписывал какую-то пещеру. Мол, до нее не больше мили, а крастота неописуемая. Кэрол тут же загорелась, но предложила отправиться туда пешком через скалы. Сказала, что ее укачивает. В конце концов они сошлись на том, что Кэрол пойдет туда по тропинке через скалы, а Деннис и Марджори возьмут лодку и доберутся по воде.

Потом они заговорили о купании, и мне тут же захотелось поплавать. Утро выдалось на редкость жаркое, да и работа у меня не клеилась. Поэтому я без труда убедила себя, что при дневном освещении здание будет смотреться гораздо эффектнее, быстренько собралась и отправилась на уже облюбованный мною маленький пляжик. В противоположном направлении от пещеры. Вволю там накупалась, потом немного подкрепилась — ну там, всякая всячина: консервированный язык, помидоры, — и к полудню вернулась к гостинице, полная решимости взяться за дело.

Казалось, весь городишко дрыхнет. Кстати сказать, при ярком свете здание действительно смотрелось лучше. Гораздо контрастнее, если вы меня понимаете. Судя по тому, что на балконе одного из номеров сушились два купальных костюма — синий и алый, купальщики уже вернулись.

Я все билась над правым крылом гостиницы, которое почему-то никак мне не давалось, и, когда наконец подняла голову от мольберта, обнаружила, что пейзаж изменился. У одной из колонн гостиницы как по волшебству появился какой-то тип — рыбак, судя по экипировке. И у него была такая огромная черная борода, что лучшей натуры для свирепого испанского шкипера трудно было и представить. Я принялась его спешно зарисовывать, пока он не двинулся с места, хотя, казалось, он готов был подпирать эту колонну вечно.

Так что, когда он наконец от нее отклеился, я уже успела нарисовать все что хотела. Оказалось, в движение его привело желание пообщаться со мной. Ох, чего он мне только не наговорил! Для начала он сообщил мне, что Рэтхоул самое замечательное место на свете. То, что я и не думала возражать, меня не спасло. Мне пришлось выслушать удивительно нудную историю обстрела — я хочу сказать, разрушения — деревни, а потом и рассказ о том, как хозяин «Полхарвит армс» — погибший последним — был заколот шпагой испанского офицера на пороге собствен-

ного дома: его кровь, представьте, забрызгала мостовую и целых сто лет никому не удавалось оттереть этих пятен.

Этот рассказец плюс духота и какая-то сонная атмосфера создавали на редкость тягостное впечатление. Голос у него был вкрадчивый, и, казалось, за каждым словом скрывается непонятный, но крайне неприятный подтекст. Держался он чуть ли не заискивающе, но при этом в глазах у него было что-то такое, что я невольно вспомнила об ужасах инквизиции¹ и всех жестокостях, совершенных испанцами.

Он рассказывал, я, стараясь не обращать на него внимания, продолжала писать, когда вдруг поняла, что, задумавшись, нарисовала то, чего на самом деле не было. На залитой солнцем мостовой, у самого входа в гостиницу, на моей картине отчетливо виднелись пятна крови. Я просто не верила, что рука могла сыграть со мной такую шутку, но, взглянув еще раз на площадь перед гостиницей, поняла, что дело не в этом. Рука прилежно написала то, что видели мои глаза — капли крови на светлой мостовой.

Несколько секунд я не могла оторвать взгляда от этих пятен. Потом закрыла глаза и твердо себе сказала: «Не будь идиоткой, там нет никакой крови». Но, когда я открыла их снова, она там была.

Мне стало не по себе, и я довольно грубо оборвала излишняя рыбака.

«Послушайте,— сказала я,— у меня довольно плохое зрение. Вы не глянете? Там на мостовой что — кровь?»

А он так жалостливо на меня глянул и говорит:

«Теперь уже нет, леди. Ее уже почитай лет как пятьсот отмыли».

«Конечно, конечно,— сказала я,— но сейчас там...» И замолчала. Поняла, что он действительно не видит этих пятен. Но я-то их видела! Я тут же стала собираться. Руки у меня тряслись бог знает как.

Пока я занималась этим, в дверях гостиницы появился мужчина, приехавший утром на машине, и принялся растерянно оглядываться по сторонам. Его жена вышла на

¹ Инквизиция — следственный и карательный орган Католической Церкви для борьбы с еретиками. Существовал с XIII века и был упразднен к XIX веку. Особой жестокостью отличалась испанская инквизиция в XV—XVI веках.

балкон и сняла купальный костюм. Он направился было к машине, но вдруг повернул назад и, перейдя улицу, обратился к рыбаку:

«Послушай, дружище, ты случайно не видел: леди, что приехала утром на второй машине, уже вернулась?»

«Это у которой платье с цветами? Нет, сэр, не видел. Знаю только, что утром она пошла через скалы к пещере».

«Знаю, знаю, мы же купались вместе. А потом она пошла пешком назад, и с тех пор я ее не видел. Она давно должна была вернуться. Скажите, дорога там, в скалах, не опасна?»

«Это, сэр, зависит от того, где идти. Лучше, конечно, ходить с человеком, знающим эти места». Он явно имел в виду себя и принялся было развивать эту тему, но мужчина попросту отвернулся и быстро направился к гостинице.

«Марджори! — крикнул он жене, которая все еще оставалась на балконе. — Кэрол до сих пор не вернулась. Помоему, это странно, да?»

Что она ему ответила, я не расслышала. Слышала только, как он сказал:

«Но мы не можем больше ждать. Так мы не успеем в Пенритар. Ты уже собралась? Я сейчас подгоню машину».

Вскоре они укатили, а я все никак не могла избавиться от мысли, что пятна крови существуют не только в моем воображении. Поэтому, как только они уехали, я подошла к гостинице и тщательно осмотрела мостовую. Разумеется, никаких пятен на ней не оказалось. Ровным счетом никаких. Плод моего воспаленного воображения. Только почему-то все это начинало казаться мне все более и более подозрительным. Я даже не заметила, как ко мне снова подобрался этот рыбак.

«Послушайте, леди, а вы действительно видели здесь кровь?» — спросил он с каким-то жадным любопытством.

Я кивнула.

«Очень странно, очень странно. Знаете, у нас здесь существует поверье, что если кто-то увидит здесь кровь » Он замолчал.

«То что тогда?» — не удержалась я.

«Говорят,— продолжил он своим вкрадчивым голосом с характерными корнуоллскими интонациями, только без всякого акцента и местных словечек,— говорят, что, если кто-нибудь увидит здесь кровь, в течение суток произойдет убийство. Кто-то умрет».

Не могу передать вам, какой меня охватил ужас. Я сразу почувствовала, как по спине побежали мурашки

А он все не унимался.

«В церкви, леди, есть интересная доска, на ней отмечают даты смерти...»

«Спасибо. Довольно»,— решительно сказала я, резко повернулась и пошла по улице к коттеджу, где снимала комнату. Не успела я дойти, как увидела, что вдали по тропинке через скалы идет женщина — Кэрл. Она торопилась. На фоне серых камней она казалась каким-то ядовито-красным цветком. Я еще подумала, что цвет ее шляпки очень напоминает кровь, и тут же себя одернула. В самом деле: нельзя же быть такой впечатлительной!

Затем я услышала шум ее машины. Мне почему-то казалось, что она тоже поедет в Пенритар, но ее машина свернула налево, в противоположном направлении. Я проводила ее взглядом и, не знаю почему, вздохнула с облегчением. Рэтхоул, казалось, снова погрузился в сон

— Если это все,— сказал Рэймонд Уэст, когда Джойс умолкла,— я готов с ходу дать объяснение. Причина проста: несварение желудка. После еды пятна перед глазами обычное дело.

— Нет, не все,— сказала Джойс.— Слушайте, что было дальше. Через два дня я прочитала в газете заметку под заголовком «Трагедия у моря». Там говорилось, что миссис Дейкр, жена капитана Денниса Дейкра, утонула во время купания неподалеку от бухты Лэдер. Они с мужем проживали там в гостинице. Днем они собрались идти купаться, но поднялся холодный ветер, и капитан Дейкр решив, что для купания слишком свежо, отправился с несколькими знакомыми поиграть в гольф. Миссис Дейкр решила отправиться купаться одна. Так как она долго не возвращалась, муж забеспокоился и, бросив гольф, отправился со своими знакомыми на пляж. Там они нашли ее одежду, но следов самой леди не обнаружили.

Ее тело было найдено только спустя неделю — его выбросило на берег на некотором расстоянии от места происшествия. На голове была глубокая рана. Вскрытие показало, что она и явилась причиной смерти. Официальная версия гласила, что женщина нырнула и ударилась головой о камень. И, насколько я понимаю, случилось это ровно через сутки после того, как я увидела на мостовой кровь

— Я протестую,— вмешался сэр Генри — Это не зага-

дочный случай, это... мистика какая-то. Мисс Ламприер, вы, может, медиум, а?

Мистер Петерик, как всегда, сначала откашлялся.

— Меня несколько настораживает одна деталь, — начал он — Рана на голове. Полагаю, не исключена возможность злого умысла. Однако не вижу данных, на которые можно бы было опереться. Галлюцинации или видения — это уж как вам угодно их называть — мисс Ламприер феномен, безусловно, примечательный, но мне не совсем понятно, на чем, по ее мнению, мы должны строить свои умозаключения.

— Несварение желудка и совпадение, — сказал Рэймонд. — Впрочем, мы ведь даже не знаем, о тех ли самых постояльцах писалось в газете. И потом, насколько я понимаю, проклятия, или как их там, распространяются только на местных жителей.

— А мне сдается, что здесь не обошлось без этого испанского шкипера, — заявил сэр Генри. — Но полностью согласен с мистером Петериком: мисс Ламприер дала нам слишком мало сведений.

Джойс повернулась к доктору Пендеру. Тот смущенно улыбнулся.

— Рассказ очень интересный, но вынужден присоединиться к сэру Генри и мистеру Петерику: данных, чтобы делать какие-либо выводы, явно недостаточно.

Джойс с надеждой посмотрела на мисс Марпл, и та ласково ей улыбнулась.

— Джойс, душечка, я думаю, вы все же не совсем правы, — сказала она. — Хотя, конечно, это только мое мнение. Я имею в виду, что мы, женщины, обращаем на одежду куда больше внимания, чем мужчины. Поэтому, думаю, не совсем честно было предлагать им такую задачу. Им же и в голову не придет, что весь фокус в быстром переодевании! Эта женщина мне просто омерзительна. Хотя мужчина даже еще больше.

Джойс изумленно уставилась на мисс Марпл.

— Тетушка! Простите... мисс Марпл, — поправилась она. — Мне кажется... я даже уверена, что вы все знаете.

— Но ведь мне было гораздо проще, милочка, — ответила та. — Я здесь у себя, в спокойной домашней обстановке. А каково вам было разбираться во всем этом на месте! Вдобавок, вы, художники, такие впечатлительные! А сидя дома в уютном кресле, да еще с вязаньем на руках, обращаешь внимание только на факты. Кровь на тротуар могла

закапать только с висевшего на балконе купального костюма. А поскольку он был алый, эта преступная парочка и не заметила, что он был весь в крови. Бедняжка, она ведь была так молода!

— Простите, мисс Марпл,— прервал ее сэр Генри.— Вы не хотите немного нам пояснить? Миссис Ламприер, по всей видимости, предмет разговора совершенно понятен, но, должен признаться, мы, мужчины, находимся в полном недоумении.

— Тогда я расскажу вам конец этой истории,— сказала Джойс.— Это было уже годом позже. Я отдыхала в небольшом курортном городке на восточном побережье и писала этюды. И вдруг увидела знакомую сцену. Неподалеку от меня какие-то мужчина и женщина повстречали женщину в ярко-красном, вернее даже пунцовом, платье. Все то же самое: «Кэрол, не верю своим глазам! Вот это встреча! Сколько лет! Ты не знакома с моей женой? Джоан, это моя старинная приятельница мисс Хардинг».

Мужчину я узнала сразу же. Это был тот самый Деннис, которого я видела в Рэтхоуле. Жена, конечно, была уже другая, но точно такого же типа, как и погибшая Марджори: молодая, скромно одетая, ничем не примечательная. Мне показалось, что я схожу с ума. И когда они заговорили о купании, знаете, что я сделала? Я отправилась прямехонько в полицейский участок. Решила: пусть хоть в сумасшедший дом упрячут, мне уже все равно. К счастью, все обошлось. Там уже был человек из Скотленд-Ярда, который как раз занимался этим делом. Ох, противно даже рассказывать! В общем, оказалось, Деннис Дейкр давно уже был на подозрении у полиции. Кстати, Деннис Дейкр было одним из его имен — он менял их в зависимости от обстоятельств. Знакомился с тихими, скромными девушками, у которых почти не было родственников и друзей, женился на них, страховал их жизнь на большие суммы, а потом... Это ужасно. Эта якобы случайно встречавшаяся ему приятельница — Кэрол — была его настоящей женой. Они всегда действовали по одному и тому же сценарию. Благодаря этому полиция и вышла на их след,— страховые компании заподозрили неладное. Обычно он приезжал со своей новой женой в какое-нибудь тихое местечко, потом появлялась Кэрол, и они вместе отправлялись купаться. Несчастную жертву убивали, Кэрол надевала ее платье, и они вдвоем возвращались в лодке обратно. Затем они всех опрашивали, не вернулась ли Кэрол. Как

только они выезжали из деревни, Кэрол быстро переодевалась в свое безвкусное, огненно-красное цветастое платье, ярко красила глаза и губы и возвращалась пешком в гостиницу, после чего также уезжала. Приехав на условленное место, она отправлялась на пляж и, определив направление течения, оставляла одежду убитой в подходящем месте, после чего одевалась в свое цветастое ситцевое платье и спокойно дожидалась, пока все успокоится и ее муж присоединится к ней.

Я думаю, когда они убили Марджори, кровь попала на купальный костюм Кэрол, а так как он был мокрый и красный, они этого не заметили. Ну, и когда его развесили на балконе, с него и накапало на мостовую.

Девушку передернуло.

— Эти капли до сих пор стоят у меня перед глазами.

— Ну вот,— сказал сэр Генри.— Теперь я припоминаю. Настоящее имя преступника было Девис. Я просто забыл, что одной из его вымышленных фамилий была Дейкр. Ловкая была парочка. Мне всегда казалось невероятным, что никто не замечает подмены. Но думаю, мисс Марпл права: люди скорее запоминают во что человек был одет, нежели лицо. Вот преступники и пользовались этим, а мы, даже подозревая Девиса, никак не могли его уличить.

— Тетушка Джейн, ну как вам это удастся? — возмущился Рэймонд, глядя на мисс Марпл широко открытыми глазами.

— Просто я все больше и больше убеждаюсь, что все на свете, в сущности, когда-то уже случилось. Знала я некую миссис Грин... Так вот она похоронила пятерых детей, и все они были застрахованы. Вот и напрашиваются всякие сравнения...

Она сокрушенно покачала головой.

— Даже у нас, в деревне, столько зла.. Надеюсь, дорогие мои, вам никогда не придется узнать, сколько его во всем мире.

Глава 5

Мотив и возможность

Мистер Петерик начал с того, что откашлялся — гораздо многозначительнее, чем обычно.

— Боюсь, после всех этих удивительных историй моя покажется вам слишком уж незамысловатой,— извиняю-

щимся тоном начал он — Сразу скажу: никаких кровавых пятен в ней нет, и тем не менее, на мой взгляд, это очень интересный и захватывающий случай. К счастью, его разгадка мне известна.

— Уж не юридическая ли казуистика? — испуганно осведомилась Джойс Ламприер. — Не какое-нибудь «дело Барнэби против Скиннера», слушавшееся году эдак в одна тысяча восемьсот восемьдесят первом?

Мистер Петерик строго глянул на нее поверх пенсне, но, не выдержав, рассмеялся.

— Нет-нет, моя милая. Вам совершенно нечего опасаться. История, которую я собираюсь рассказать, настолько проста и незатейлива, что в ней может разобраться любой.

— И никаких юридических терминов, обещаете? — потребовала мисс Марпл, угрожающе взмахивая спицей.

— Избави Боже, — заверил ее мистер Петерик.

— Ну ладно, хоть и с трудом верится. Так мы слушаем.

— История касается моего бывшего клиента. Я буду называть его мистер Клоуд — Саймон Клоуд. Человек он был очень и очень состоятельный. Жил, к слову сказать, здесь неподалеку. Большой дом... Его единственный сын погиб на войне, оставив после себя совсем маленькую дочку. Ее мать умерла при родах. Естественно, девчушка жила у деда, который просто души в ней не чаял. Малышка Крис могла веревки из него витить. Никогда я не встречал такого полного самоотречения. И словами не передать, что с ним было, когда девочка — ей шел двенадцатый годик — подхватила где-то воспаление легких и умерла.

Можно сказать, Саймон Клоуд продолжал жить только по привычке. Вскоре скончался один из его братьев, оставив своих детей в на редкость стесненных обстоятельствах. Саймон Клоуд великодушно забрал их к себе. Вот так в его доме и появились Грейс, Мэри и Джордж. Старик был добр и щедр к ним, но, похоже не испытывал и малой толики той любви и привязанности, которые пришлись на долю его внуки. Для Джорджа нашлась работа в ближайшем банке. Грейс вскоре вышла замуж за некоего Филиппа Гаррода, молодого, но уже подающего большие надежды химика. Мэри, тихая замкнутая девушка, осталась жить в доме и заботилась о своем дяде. Думаю, она любила его, хотя в силу природной сдержанности предпочитала никак не проявлять своих чувств. Насколько я знаю, они жили

тихо и мирно. Да, чуть не забыл... После смерти маленькой Кристобель Саймон Клоуд пришел ко мне и поручил составить новое завещание. По этому завещанию все его состояние — весьма, кстати сказать, солидное — поровну делилось между племянником и племянницами: каждый получал по трети.

Шло время. Однажды, случайно повстречав Джорджа Клоуда и невзначай спросив о дяде, которого давно не видел, я был неприятно удивлен мрачным выражением, тут же появившимся на его лице.

«Хоть бы вы на него повлияли,— мрачно сказал он, и на его честном простоватом лице отразились замешательство и тревога.— Эти спиритические сеансы добром не кончатся».

«Какие еще сеансы?» — тут же насторожился я.

Тогда Джордж рассказал мне, что мистер Клоуд, совершенно случайно заинтересовавшись этим явлением, постепенно начал входить во вкус, а после того, как он познакомился с этой американкой, называющей себя медиумом, некой Эвридикой Спрагг, дело приняло серьезный оборот. Эта мошенница возымела над Саймоном Клоудом огромную власть. Она практически постоянно находилась в доме и проводила бесконечные сеансы, во время которых Саймону, безумно скучавшему по умершей внучке, незримо являлся ее дух.

Скажу прямо: я не отношусь к числу тех, кто безоговорочно отрицает спиритизм. Я уже не раз говорил здесь, что доверяю только фактам. Уверен, что, если научно подойти к этому явлению, беспристрастно взвесив все «за» и «против», выяснится много такого, что никак нельзя отнести на счет мошенничества и от чего можно было бы пренебрежительно отмахнуться. Поэтому, можно сказать, я верю и не верю одновременно.

Нельзя, впрочем, отрицать и того, что спиритизм — весьма удобное средство для разного рода жульничеств. Из того, что я услышал об этой Эвридике Спрагг, я понял, что Саймон Клоуд попал в руки мошенницы самой высокой пробы. Я всегда считал мистера Клоуда человеком здравомыслящим, в известной степени даже проницательным, но понимал, что, когда дело касалось отношения старика к умершей внучке, нет ничего легче, чем заставить его выдать желаемое за действительность.

Чем дольше я обдумывал ситуацию, тем меньше она

мне нравилась. Я любил молодых Клоудов, Мэри и Джорджа, и прекрасно понимал, чем для них может обернуться новое увлечение их дяди.

Найдя какой-то предлог, я заглянул к ним домой. Было очевидно, что миссис Спрагг обосновалась там надолго и как самая дорогая гостья, пользующаяся непрерываемым авторитетом. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы мои опасения подтвердились. Это была немолодая уже особа, одетая крикливо и вызывающе. Она поминутно поминала «возлюбленных, ушедших от нас в мир иной» и откровенно играла на чувствах несчастного старика.

Кроме того, она привезла с собой своего мужа, мистера Абсалома Спрагга, худого высокого мужчину с меланхоличным выражением лица и довольно вороватым взглядом.

Я осторожно расспросил Саймона о его новых знакомых. Он был в восторге! Эвридика Спрагг — изумительная женщина! Ниспослана ему Богом в ответ на его мольбы! Деньги для нее ничто, и единственное, что ей надо от жизни, — возможность помочь страждущим сердцам. Маленькую Крис она любит как мать, и это тогда, когда он сам готов относиться к этой женщине как к дочери. Он даже рассказал мне некоторые подробности: как он слышал голосок Крис, сообщивший, как же ей там чудесно с мамочкой и папочкой. Хотя, сколько я помнил Кристобель, подобные умильные словечки были совершенно не в ее характере. Мало того, по словам Саймона, девочка настойчиво утверждала, что «мама и папа любят дорогую миссис Спрагг».

«Однако, — оборвал он себя, — вы, кажется, смеетесь, мистер Петерик?»

«Да что вы! Отнюдь. Есть множество занимающихся спиритизмом людей, которым я доверяю безоговорочно, как, впрочем, и любому рекомендованному ими лицу. Полагаю, у этой вашей миссис Спрагг отличные рекомендации?»

Саймон снова разразился потоком благодарственных слов по поводу этой особы. Она ниспослана ему Богом. Он повстречал ее на водах, где провел летом два месяца. Случайная встреча, но поистине судьбоносная!

Я был искренне огорчен. Мало того, что подтвердились самые мои худшие опасения, я еще и совершенно не видел выхода из этой ситуации. Как следует поразмыс-

лив, я все же решился написать Филиппу Гарроду — мужу старшей из племянниц Саймона. Я постарался быть сдержанным и объективно обрисовать ему ситуацию, выразив опасение, что подобная женщина может вредно повлиять на старика. Попросил также познакомить Клоуда с какими-нибудь действительно достойными уважения медиумами. Мне почему-то казалось, Филипп Гаррод сумеет что-либо предпринять.

Тот действовал быстро. Он сразу понял то, чего не сумел понять я: состояние здоровья Саймона Клоуда внушает самые серьезные опасения. Филипп Гаррод оказался человеком практичным: мысль, что его жену, равно как и ее сестру с братом, могут лишить законного наследства, очень ему не понравилась. На следующей же неделе он прикатил в компании самого профессора Лонгмана. Лонгман был крупным ученым, и именно благодаря его увлечению спиритизмом общественное мнение вынуждено было относиться к этому феномену с серьезностью. Это был не только талантливый, но и чрезвычайно честный и порядочный человек.

К сожалению, результаты этого визита были плачевны. За все время своего пребывания в доме Лонгман так и не сказал ничего определенного. Он присутствовал на двух сеансах — подробностей не знаю, — но все время уклонялся от их обсуждения, и лишь позже написал Филиппу Гарроду письмо. В нем он признавал, что бессилён уличить миссис Спрагг в мошенничестве, хотя — но это его личное мнение — «голоса» духов действительно были поддельными. Он писал также, что, если мистер Гаррод сочтет уместным, он может показать это письмо своему дяде, и предлагал свести мистера Клоуда с абсолютно благонадежным медиумом.

Филипп Гаррод отнес письмо дяде, но результат оказался совершенно не тем, на какой он рассчитывал. Старик пришел в неописуемую ярость. Все это обычные интриги! Миссис Спрагг святая! Завистники хотят оклеветать ее! Она предупреждала его о черной зависти, в атмосфере которой вынуждена жить. Если уж на то пошло, сам Лонгман признал, что никакого мошенничества нет! Эвридика Спрагг поддержала его в трудную пору его жизни, и он не даст ее в обиду, даже если для этого придется порвать с семьей. Эта святая и бескорыстная женщина значит для него больше, чем кто бы то ни было в мире!

Филиппа Гаррода буквально вышвырнули из дома. Этот припадок ярости плохо отразился на здоровье Клоуда. Его состояние заметно ухудшилось. Он слег. Было ясно, что ему уже не подняться, и смерть только избавит его от страданий.

Через два дня после той ссоры старик сам меня вызвал, и я спешно к нему отправился. Клоуд лежал в постели и, даже на мой неискушенный взгляд, был совсем плох.

«Мне осталось совсем немного,— заметно задыхаясь, произнес он.— Молчи, Петерик, молчи. Я знаю. И перед смертью хочу выполнить долг перед существом, сделавшим для меня больше, чем кто-либо в этом мире. Я хочу переписать свое завещание».

«Хорошо, я немедленно составлю требуемый документ и вышлю вам»,— ответил я.

«Э, нет, дорогой, так не пойдет,— прохрипел он.— Может, я и до утра не дотяну. Я здесь на бумажке написал, чего мне надо,— Клоуд пошарил у себя под подушкой,— а вы уж скажите, если что не так».

Он достал лист бумаги, покрытый какими-то каракулями. Вскоре я в них разобрался. Он оставлял по пять тысяч фунтов племянницам и племяннику, а все остальное — Эвридике Спрагг. «С благодарностью и любовью».

Я был возмущен и расстроен, но поделаться ничего не мог. О сумасшествии и речи не шло: голова у старика работала не хуже, чем у других.

Клоуд позвонил служанкам. Тут же явились горничная Эмма Гонт — пожилая женщина, много лет проработавшая в доме и теперь самоотверженно ухаживавшая за больным, и кухарка Луси Дейвид — пышущая здоровьем особа лет тридцати. Саймонд Клоуд в упор взглянул на них из-под кустистых бровей.

«Я хочу, чтобы вы засвидетельствовали мое завещание. Эмма, подай мою авторучку».

Горничная открыла ящик стола и принялась там рыться.

«Да не в этом,— раздраженно проворчал старик.— Будто не знаешь, что она всегда лежит в правом ящике!»

«Да нет же, сэр, как раз в левом»,— ответила та, протягивая ему ручку.

«Значит, ты ее просто не туда положила, когда брала в прошлый раз,— пробурчал старик.— Терпеть не могу, когда вещи не кладут на место».

Продолжая ворчать, он взял у нее ручку, переписал

подправленный мной черновик на чистый лист и распи-сался. За ним свои подписи поставили Эмма Гонт и Луси Дейвид. Я сложил завешание и положил его в плотный голубой конверт, который всегда ношу с собой. Полагаю, вы знаете, что завешание обязательно должно быть напи-сано на самой обычной бумаге.

Когда служанки уже выходили из комнаты, Клоуд с перекошенным от удущья лицом рухнул на подушки. Я в испуге отшатнулся, а Эмма Гонт не раздумывая бросилась к кровати. Однако старику полегчало, и он слабо улыб-нулся:

«Все в порядке, Петерик, не волнуйтесь. Если я и умру, то сделаю это с легким сердцем, ибо сделал все, что хотел».

Эмма взглядом спросила меня, можно ли ей идти. Я кивнул, и она повернулась к двери, но неожиданно оста-новилась и подняла что-то с пола. Это был голубой кон-верт, который я, должно быть, выронил от неожиданно-сти. Она подала его мне, и я сунул его в карман пальто.

«Знаю, Петерик, вам все это не по душе,— заговорил Саймон Клоуд, когда Эмма ушла.— Но вы, как и осталь-ные, не в силах справиться с предубеждением».

«Предубеждение здесь ни при чем,— возразил я.— Впол-не возможно, миссис Спрагг именно та, за кого себя вы-дает, и мне решительно нечего было бы возразить, оставь вы ей некоторую сумму в знак признательности. Но, по-слушайте, Клоуд, лишать наследства в пользу чужого че-ловека собственную плоть и кровь — вот это мне действи-тельно не по душе».

Сказав это, я повернулся и ушел. А что мне еще оста-валось?

Мэри Клоуд встретила меня в холле.

«Выпейте на дорогу чайку, сэр. Это же недолго»,— ска-зала она и повела меня в гостиную.

В камине горел огонь, комната выглядела уютно и при-ветливо. Мэри помогла мне снять пальто. Потом вошел ее брат — Джордж. Он взял у нее пальто, сложил на стуле в дальнем конце комнаты и, вернувшись к камину, возле которого Мэри накрыла стол, уселся вместе с нами. Ка-ким-то образом разговор коснулся именина. В свое время Саймон Клоуд заявил, что не желает тратить на него время и передал бразды правления Джорджу. Теперь беднягу страшно тяготила такая ответственность, и я, чтобы успо-коить его, предложил пройти в кабинет и посмотреть, все

ли бумаги в порядке. После чая мы так и поступили, причем Мэри Клоуд тоже при этом присутствовала.

Где-то через четверть часа я собрался уходить и пошел в гостиную за пальто. В комнате была миссис Спрагг. Она стояла на коленях возле стула с пальто и, как мне показалось, бессмысленно теребила ковер. Увидев меня, она сильно покраснела и поспешно вскочила на ноги.

«Вечно этот ковер топорщится,— пожаловалась она.— Беда, да и только! Не хочет лежать как надо, и все тут».

Я молча взял пальто, надел его и только тут заметил, что конверт с завещанием выпал из кармана и валяется на полу. Я снова положил его в карман, попрощался и ушел.

Дальше опишу свои действия подробно. Вернувшись в контору, я прошел в свой кабинет, снял пальто и достал завещание из кармана. Когда я стоял у стола с конвертом в руке, зашел мой секретарь. Кто-то желал поговорить со мной по телефону, а мой аппарат сломался. Вместе с секретарем я вышел в приемную и пробыл там минут пять, не больше.

Когда я закончил разговор, секретарь сказал мне, что меня желает видеть некто Спрагг и сейчас он дожидается в моем кабинете.

Я вернулся к себе. Мистер Спрагг сидел у стола. Он тут же вскочил и с излишним, на мой взгляд, пылом принялся трясти меня за руку. Затем сбивчиво и путано заговорил. Говорил он долго. По-видимому, это была попытка как-то оправдать себя и свою жену. Он боялся, что люди начнут говорить... Ну, вы понимаете. Вот и нес всякую чушь. Что все знают, какое у его жены чуткое сердце, светлые помыслы и так далее и тому подобное. Боюсь, я не слишком с ним церемонился. Полагаю, в конце концов мне удалось дать ему понять, что его визит неуместен, потому что он, как-то поспешно завершив беседу, ретировался. Тут я вспомнил, что оставил завещание на столе, взял его, заклеил конверт и убрал в сейф.

А теперь я перехожу к самой сути. Два месяца спустя мистер Саймон Клоуд умер. Не стану вдаваться в подробности, просто констатирую факт: когда я вскрыл конверт с завещанием, там оказался чистый лист бумаги.

Он сделал паузу, окинул взглядом лица слушателей и лукаво улыбнулся.

— Вы, конечно, понимаете, о чем речь? Два месяца запечатанный конверт лежал в моем сейфе. К нему никто

не имел доступа. С того момента, как завешание подписали, и до того, как я спрятал его в сейф, времени прошло не так много. Итак, кто же все-таки успел это сделать, у кого была такая возможность и в чьих интересах это было?

Напомню основные моменты: завешание подписано мистером Клоудом, и я кладу его в конверт — первый этап. Затем кладу конверт в карман пальто. Пальто с меня сняла Мэри и отдала Джорджу — на моих глазах. Пока я находился в кабинете, у миссис Эвридики Спрагг было достаточно времени, чтобы вытащить конверт из кармана и ознакомиться с его содержимым. То, что конверт оказался на полу, а не в кармане, свидетельствует о том, что именно так она и поступила. И тут мы оказываемся перед любопытным фактом: у нее была возможность уничтожить завешание, но не было мотива. Ведь Клоуд почти все оставлял ей! Заменяв завешание чистым листом бумаги, она тем самым лишала себя наследства, ради которого, собственно, и затеяла всю эту историю. У ее супруга также была возможность подменить документ — когда он оставался один на один с этим документом у меня в офисе. Но здесь та же ситуация. Итак, перед вами любопытная задачка: два человека, у которых была возможность подменить завешание на чистый лист бумаги, но не было для этого мотива, и двое, у которых мотив был, но не было никакой возможности. Добавлю, что не стоит исключать из числа подозреваемых и Эмму Гонт. Она души не чаяла в молодых хозяевах и терпеть не могла Спраггов. Не сомневаюсь, что она попыталась бы совершить подлог, если бы могла. Но, подняв с пола конверт, она тут же отдала его мне. Возможности вскрыть его или ловко подменить другим у нее не было. Конверт я принес из конторы, и второй такой вряд ли бы нашелся у обычной горничной.

Он, сияя, еще раз оглядел слушателей.

— Вот моя маленькая загадка. Надеюсь, я изложил все достаточно ясно. Теперь интересно было бы услышать, что вы на это скажете.

Ко всеобщему удивлению, мисс Марпл звонко рассмеялась. По-видимому, что-то в рассказе мистера Петерика сильно ее позабавило.

— Что с вами, тетя Джейн? Может, поделитесь? — язвительно поинтересовался Рэймонд.

— Да нет, ничего, я просто вспомнила маленького Томми Саймондса. Жуткий, знаете, озорник.. Иногда

такое выкинет — со смеху умрешь. Никогда не знаешь, чего от него ждать. Впрочем, когда у ребенка такое херувимское личико, можно быть уверенным, что ничего, кроме проказ, от него ждать не приходится. Представляете: на той неделе в воскресной школе он вдруг спрашивает учительницу: «Мисс Дерстон, а как правильно говорить: желток в яйцах белый или желтки в яйце белые?» И та принимается объяснять, что говорить надо: желтки в яйцах белые или желток в яйце белый. А этот хитрец задумчиво так ей говорит: «А я всегда думал, что желток в яйце желтый!» Ну не озорник?! Шутка старая как мир, это еще в моем детстве проделывали.

— Смешно, дорогая тетя Джейн, действительно смешно, — смягчился Рэймонд, — только не имеет никакого отношения к истории, которую нам рассказал мистер Петерик.

— Да как же не имеет? — поразились мисс Марпл. — Подвох-то ведь тот же самый. А еще адвокат!

Она укоризненно покачала головой.

— Поразительно! Вы и в самом деле все поняли? — оживился тот.

Она молча написала несколько слов на клочке бумаги, сложила и передала ему.

Прочитав записку, мистер Петерик восхищенно посмотрел на мисс Марпл.

— Послушайте, — проговорил он, — для вас вообще существует что-нибудь неразрешимое?

— Просто я отлично знаю все эти фокусы, — скромно ответила мисс Марпл. — Сама так в детстве развлекалась.

— Что-то я никак не пойму, — вмешался сэр Генри. — Здесь что, какой-то юридический фокус?

— Ну что вы, — возразил мистер Петерик. — Все гораздо проще. Не слушайте мисс Марпл. У нее особый взгляд на вещи.

— Итак, нужно докопаться до истины, — принялся рассуждать Рэймонд Уэст. — Конечно, выглядит все довольно просто. Рассуждая логически, к конверту притрагивались пять человек. Ясное дело, Спрагги могли подсуетиться, но слишком уж очевидно, что им это без надобности. Остаются трое. И каждый мог преспокойно проделать то, что фокусники творят прямо у вас на глазах. Думаю, завешание подменил Джордж Клоуд, пока нес пальто в дальний конец комнаты.

— А я думаю, что девица! — возразила Джойс. — На-

верняка горничная побежала и тут же ей все рассказала, а она нашла другой голубой конверт и попросту их поменяла.

Сэр Генри покачал головой.

— Не согласен,— медленно начал он.— Такие вещи под силу только фокусникам, да и то на сцене или в романах. В реальной же жизни, особенно в присутствии такого человека, как наш друг мистер Петерик... нет, невозможно. У меня есть кое-какая версия — повторяю, только версия. Мы знаем, что незадолго до того в доме побывал профессор Лонгман, который, впрочем, так и не высказал своего вердикта... Логично предположить, что его визит сильно встревожил Спраггов. Если Саймон Клоуд не посвящал их в свои дела — что вполне вероятно,— они могли подумать, будто Клоуд послал за мистером Петериком совсем из других соображений. Возможно, они решили, что мистер Клоуд уже изменил завешание в пользу Эвридики Спрагг, а теперь, в результате разоблачений профессора Лонгмана или же призывов Филиппа Гаррода к его родственным чувствам, решил переписать его заново и с этой целью послал за мистером Петериком. В этом случае логично предположить, что на подмену решилась миссис Спрагг. Она делает это, но в самый неподходящий момент входит мистер Петерик, и, не успев прочесть документ, она поспешно уничтожает его, бросив в камин.

Джойс замотала головой.

— Да ни в жизнь бы она его не сожгла не прочитав!

— Вообще-то, пожалуй, да,— признал сэр Генри.— Но если до сих пор у меня еще оставалась какая-то надежда, что... м-м... мистер Петерик устоял перед искушением помочь Провидению самолично, теперь...

Он развел руками, и все рассмеялись. Сам мистер Петерик, однако, даже не улыбнулся.

— Удивительно бестактное предположение.— довольно сухо заметил он.

— А что нам скажет доктор Пендер?

— Не стану утверждать, что успел составить какое-то определенное мнение. Думаю, подмену осуществили либо миссис Спрагг, либо ее муж. Что касается мотива, здесь я полностью согласен с сэром Генри. Если миссис Спрагг не успела прочесть завешание до ухода мистера Петерика, она оказалась в затруднительном положении: ведь признаться в своем поступке она уже не могла. Правда, тогда она, скорее всего, положила бы завешание в бумаги мистера

Клоуда, чтобы оно обнаружилось после его смерти, но... Но ведь его не нашли. Хотя, возможно, на него случайно наткнулась Эмма Гонт и из преданности хозяевам уничтожила.

— Думаю, объяснение доктора Пендера самое правдоподобное,— заявила Джойс.— Не так ли, мистер Петерик? Адвокат покачал головой.

— Продолжу с того, на чем остановился. Я был поставлен в тупик, как и все вы, и пребывал в полном недоумении. Не думаю, что я сумел бы самостоятельно добратсья до истины. Скорее всего, нет. Но меня просветили — и сделали это довольно деликатно.

Приблизительно через месяц после этих событий я обедал с Филиппом Гарродом. Мы разговорились, и уже после обеда он упомянул о любопытном случае, который привлек его внимание.

«Мне хотелось бы рассказать это именно вам, Петерик. Разумеется, строго конфиденциально»,— сказал он.

«Разумеется»,— ответил я.

«Один мой приятель, имевший большие виды на наследство от дальнего родственника, был сильно опечален тем, что, как выяснилось, родственник этот вознамерился отказать имущество совершенно недостойной особе. Боюсь, мой приятель оказался не слишком щепетильным в выборе средств. В доме была девушка, преданная интересам тех, кого я называю законной стороной. Он дал ей ручку, заправленную соответствующим образом. Девушка должна была положить ее в ящик письменного стола в комнате хозяина. Не в тот, где обычно лежала ручка, а в соседний, чтобы ее случайно не нашли. И когда хозяину понадобилось бы засвидетельствовать подпись на каком-либо документе и он попросил бы ручку, она должна была подать ему ту ручку, которую ей дал мой приятель. Вот и все, что ей нужно было сделать. Никаких других указаний мой друг ей не давал. И девушка в точности это выполнила».

Он умолк и спросил:

«Надеюсь, я вам не наскучил своим рассказом?»

«Напротив,— отозвался я.— Сроду не слышал ничего интересней».

Наши взгляды встретились.

«Вы моего приятеля, конечно, не знаете?»

«Конечно нет»,— ответил я.

«Тогда все в порядке», — улыбнулся Филипп Гаррод.

Петерик выдержал паузу и с улыбкой сказал:

— Вы уже догадались, в чем дело? Ручка была заправлена симпатическими чернилами — водным раствором крахмала, в который добавлено несколько капель йода. Это густая черно-синяя жидкость, практически неотличимая от чернил, только написанное ею исчезает через четыре-пять дней.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Симпатические чернила, — кивнула она. — Старый трюк. Столько глупостей понаписала ими, когда была девочкой.

Она с улыбкой обвела всех взглядом и погрозила мистеру Петерику пальцем.

— Все же это было не совсем честно, мистер Петерик, — сказала она. — Впрочем, чего и ожидать от адвоката?

Глава 6

Пальцы Святого Петра

— Теперь ваш черед, тетя Джейн, — сказал Рэймонд Уэст.

— Да-да, тетя Джейн, думаю, от вас мы вправе ожидать чего-то совершенно особенного.

— Напрасно смеетесь, мои дорогие, — улыбнулась мисс Марпл. — Думаете, в нашей глуши не может случиться ничего интересного?

— Боже избави! Теперь-то я прекрасно знаю, что деревенская жизнь отнюдь не безмятежна. Отнюдь, — с чувством произнес Рэймонд. — После ваших рассказов про Сент-Мэри-Мид даже мировые катастрофы начинают казаться докучными пустяками.

— Человеческая натура, дорогой, в сущности, везде одинакова, — заметила мисс Марпл. — Просто в деревне есть возможность внимательнее наблюдать за нею.

— Вы неподражаемы, тетя Джейн! — воскликнула Джойс. — Кстати, вы не сердитесь, что я вас так называю? Почему-то мне это кажется вполне естественным.

— И почему бы? — улыбнулась мисс Марпл, заставив девушку покраснеть, а Рэймонда Уэста закашляться и смущенно заерзать на стуле.

Мисс Марпл внимательно осмотрела обоих и, улыбнувшись, милосердно опустила глаза к своему вязанию.

— Конечно, моя жизнь не слишком богата событиями, но порою мне таки приходилось решать задачки, которые она передо мною ставила, и некоторые из них были далеко не так просты. Рассказывать о них — занятие неблагодарное, поскольку они касаются событий чересчур уж обыденных и вряд ли вам интересных. Ну например: кто сделал дырку в кошелке миссис Джоунз? Или почему миссис Симс только один раз надела свою новую шубку? А между тем для того, кто хочет понять человеческую природу, это очень любопытные факты. Впрочем, для вас у меня тоже, кажется, есть подходящий случай — с мужем моей племянницы, бедняжки Мейбл...

Произошло это не то десять, не то пятнадцать лет назад. Теперь, слава Богу, все это в прошлом и давно забыто. У людей короткая память — на их же счастье, как мне думается.

Мисс Марпл прервала рассказ, удивленно взглянула на свое вязание и пробормотала:

— Чуть не сбилась. Раз, два, три, четыре, пять, потом три накида. Нет, все правильно. Так на чем я остановилась? Ах да, бедняжка Мейбл...

Мейбл — моя племянница. Замечательная девушка. Действительно, замечательная, только, как бы это сказать... со странностями. Совершеннейший пустяк может превратить в настоящую трагедию и тогда уже от расстройства наговорить такого, что самой же потом становится стыдно. Ну так вот, в двадцать два она вышла за некоего мистера Денмана. Должна сказать, я всегда считала, что они друг другу не пара, и очень надеялась, что это знакомство ничем не кончится. Очень уж у мистера Денмана был тяжелый характер. Ясно было, что он-то ее причуды терпеть не станет. И потом, мне рассказывали, у них в роду душевнобольные... Но в те времена девицы были такими же упрямыми, как сейчас и какими, похоже, всегда будут. Мейбл вышла-таки за него замуж.

После этой свадьбы мы редко с ней виделись. Так, пару раз она заезжала ко мне в гости — не больше. Правда, постоянно приглашала меня к себе, но, честно сказать, не люблю я оставаться в чужом доме, так что всегда находила какие-нибудь отговорки. Они прожили вместе десять лет, и вдруг мистер Денман внезапно умер. Детей у них не было, и все его деньги остались Мейбл. Я, разумеется, тут же ей написала и была уже совершенно готова навестить ее, выра-

зи она такое желание, но из ее ответного письма я яснее ясного поняла, что вдова отнюдь не убита горем а, скорее, даже напротив. Зная, что последнее время они не ладили, я нисколько этому не удивилась. Но не прошло и трех месяцев, как я получила от Мейбл прямо-таки истерическое письмо. Она умоляла приехать, писала, что обстоятельства складываются как нельзя хуже и что долго она так не выдержит.

— Что ж,— продолжала мисс Марпл,— с тяжелым сердцем, поместив Клару в кошачий пансион, а столовое серебро и кружку короля Карла — в банк, я отправилась в путь. Мейбл я нашла в отчаянном состоянии. Дом, где она жила, «Долина мирт», был довольно большой и удобный. Имелась кухарка, горничная, а кроме того, еще и сиделка, ухаживавшая за старшим Денманом, тестем Мейбл, который был, как это деликатно определила Мейбл, «капельку не в себе». В основном он вел себя тихо и благопристойно, но временами на него что-то накатывало, и он вытворял просто невообразимые вещи. Я ведь уже говорила, с психикой у семьи Денменов определенно было не все в порядке.

Встреча с Мейбл меня просто потрясла. Ее было не узнать: сплошной комок нервов! Я даже не решилась прямо спросить у нее, что случилось. Пришлось действовать исподволь. В письмах она часто упоминала каких-то своих новых знакомых — Галахеров. Осведомившись о них, я, к своему удивлению, услышала, что Мейбл и знать их больше не желает. Я назвала еще несколько имен — ответ был тем же. Я попыталась убедить ее, что нелепо в ее годы вести жизнь затворницы, порывать с друзьями и предаваться мрачным раздумьям. Тут-то ее и прорвало.

«Да не я это, это все они! Тут ни один человек теперь не желает со мной разговаривать! Когда я иду по Хай-стрит¹, все переходят на другую сторону, лишь бы со мной не здороваться. Точно я прокаженная! Тетя, это ужасно, я этого не вынесу! Вот продам дом и тут же уеду за границу! Ну почему? Почему меня выживают из собственного дома? Я ведь никому ничего плохого не сделала».

Передать не могу, как я расстроилась. Я тогда вязала

¹ Хай-стрит — распространенное в Англии название главной улицы в городе или в районе крупного города, на которой расположены учреждения, магазины, кафе и т.п.

шарф для старой миссис Хей, так от волнения даже потеряла две петли. Потом еще долго не могла их отыскать...

«Мейбл, дитя мое, что-то я ничего не понимаю. Что-то случилось?» — спросила я.

А надо вам сказать, Мейбл и в детстве была страшной упрямницей. Я из кожи вон лезла, пытаюсь добиться от нее ответа, а она только и делала, что твердила о злых языках, о жалких людишках, которым нечем заняться, кроме как сплетнями, но которые все почему-то слушают.

«Теперь мне многое стало понятным,— сказала наконец я.— О тебе сплетничают, милочка. И ты прекрасно знаешь, в чем дело. Так что, пожалуйста, говори, все как есть». Так прямо ей и сказала.

«Но это такой ужас»,— простонала Мейбл.

«Конечно, ужас,— согласилась я.— Только меня-то этим не удивишь и тем более не испугаешь. Я на своем веку чего-чего только не наслушалась. Ну? Так что они там придумали?»

Вот тут наконец все и выяснилось.

Походило на то, что смерть Джеффри Денмана, точнее ее внезапность, породила разные слухи. Если уж говорить откровенно — чего я, собственно, от Мейбл и добивалась, — многие думали, что она отравила мужа.

А вы сами знаете: если уж разговоры пошли, прекратить их практически невозможно. Причем в лицо вам, конечно, никто ничего не скажет, так что вам вроде как и опровергать нечего... Но, чем дальше, тем все это становится неприятнее, а поди попробуй заставь всех этих болтунов замолчать! Я-то твердо знала, что Мейбл никого отравить не способна. Значит, она сделала какую-то глупость, за которую теперь расплачивается, и настолько ей плохо, что она готова бежать из собственного дома...

«Нет дыма без огня,— настаивала я.— Ты должна сказать мне, с чего все началось. Должно же было быть что-то такое?»

Мейбл совершенно растерялась и только повторяла, что ничего, ровным счетом ничего такого не было. Просто очень уж неожиданно Джеффри умер. За ужином он был совершенно здоров, а ночью ему вдруг стало плохо. Тут же вызвали доктора, но тот уже ничего не мог сделать. Муж скончался буквально через несколько минут после осмотра. Свидетельство о смерти гласит, что она наступила в результате отравления грибами.

«Ну хорошо,— не сдавалась я.— Внезапная смерть, конечно, вполне достаточный повод для сплетен. Но наверняка было и еще что-то? Может, вы с Джеффри ссорились? Или выясняли отношения?»

Она призналась, что да, ссорились. Утром, за завтраком.

«И слуги, конечно, слышали?» — спросила я.

«Их не было в комнате».

«Ну, милочка,— заметила я,— значит, они просто подслушивали у дверей».

Я-то знаю, как она начинала визжать, впадая в истерику. Да и Джеффри Денман, правду сказать, если что было не по нем, особенно не сдерживался.

«Так из-за чего вы поссорились?» — допытывалась я.

«Да как всегда. Вечно одно и то же. Изо дня в день. Началось с какой-то мелочи. А потом он разошелся и говорил мне жутких гадостей. Ну, я и высказала ему все, что о нем думала».

«Значит, поругались крепко?»

«Это он начал...» — принялась оправдываться Мейбл.

«Дитя мое,— сказала я ей тогда,— кто начал, теперь уже не важно. Речь не об этом. В таких местечках, как ваше, личных проблем не бывает — все они в той или иной мере достояние окружающих. Вы с мужем все время ссорились. Так что, когда утром вы повздорили особенно сильно, а ночью он внезапно скончался... Это все, или было еще что-нибудь?»

«Не понимаю: разве этого мало?» — пробурчала Мейбл.

«Более чем достаточно, моя милая. Но если ты надела еще каких-нибудь глупостей, то уж, Бога ради, не скрывай этого от меня. Ты же знаешь: я сделаю все, что в моих силах, лишь бы тебе помочь».

«Мне не поможет никто и ничто,— обреченно произнесла Мейбл,— кроме разве смерти».

«Не теряй веры в Провидение, милочка,— сказала я — И кроме того, я совершенно уверена, что ты что-то от меня скрываешь».

Уж я-то ее знала: она даже в детстве вечно хоть что-то да не договаривала. Но Господь вволю снабдил меня временем и терпением, и в конце концов я своего добилась. Оказывается, тем самым утром она ходила в аптеку покупать мышьяк. И, естественно, расписалась в аптечной книге, о чем аптекарь, разумеется, счел своим долгом немедленно оповестить окружающих.

«Кто ваш врач?» — спросила я.

«Доктор Ролинсон».

Я как-то видела мельком этого Ролинсона. Честно говоря, он показался мне жуткой развалиной. Кроме того, жизненный опыт не позволяет мне верить в непогрешимость врачей. Конечно, и среди них попадаются вполне приличные люди, но даже эти редкие исключения напроочь неспособны понять, чем именно вы больны. Так что лично я предпочитаю обходиться своими силами.

Я тут же составила план, по которому необходимо было действовать. Надела шляпку и отправилась к этому Ролинсону. Он оказался именно таким, каким я его себе представляла: стариком в общем-то безобидным и доброжелательным, но рассеянным, до ужаса близоруким, тугим на ухо и к тому же неимоверно обидчивым. Стоило мне упомянуть о смерти Джеффри Денмана, как выяснилось, что грибы — это страсть доктора, и мне пришлось выслушать целую лекцию о различных их видах, пересыпанную различными мудреными названиями. Он сказал, что расспрашивал кухарку, и та призналась, что один или два гриба показались ей тогда «немного подозрительными», но она решила, что, раз из лавки, они обязаны быть хорошими. Только вот чем больше она о них потом думала, тем более подозрительными они ей казались.

«И чего только не припомнят эти кухарки, если как следует постараются,— подумала я тогда.— И что, если задуматься, они были оранжевыми, а если припомнить хорошенько, то и вовсе с подозрительной красной сыпью!

Когда врач прибыл на место, Денман не мог ни говорить, ни глотать и скончался буквально через несколько минут. Доктор, по-видимому, не сомневался в своем заключении, но делал он это из упрямства или по убеждению, сказать было трудно.

Я тут же отправилась домой и спросила Мейбл, для чего она купила мышьяк.

«Была же у тебя какая-то цель?» — сказала я.

Мейбл разрыдалась:

«Я хотела покончить с собой. Я была так несчастна»

«Мышьяк сохранился?» — допытывалась я.

«Нет, я его выбросила».

Я сидела и мысленно прокручивала услышанное

«А что произош ло, когда ему стало плохо? Он гозвал тебя?»

«Нет. — Мейбл покачала головой. — Он стал изо всех сил трясти колокольчик. Дороти, горничная, которая живет в доме, услышала и разбудила кухарку. И уже тогда они вместе отправились к Джеффри. Увидев его, Дороти страшно напугалась. Он что-то бессвязно бормотал, бредил. Она оставила с ним кухарку и прибежала ко мне. По одному ее виду я сразу поняла, что с мужем что-то ужасное. Как назло, Брустер, которая ухаживает за старым Денманом и точно знает, что делать в таких случаях, в ту ночь не было. Так что я послала Дороти за врачом, а сама присоединилась к кухарке. Только через несколько минут я не выдержала Тетя, это было так страшно! И я убежала к себе в комнату и заперлась там».

«Как же ты могла! — не сдержалась я. — Можешь не сомневаться, это тоже сыграло свою роль. Кухарка уж конечно всем об этом рассказала. Ну и ну! Должна признать, дела и впрямь плохи».

Потом я стала расспрашивать прислугу. Кухарка принялась было рассказывать о грибах, но я ее остановила. Они у меня уже в печенках сидели. Вместо этого я заставила ее — как и кухарку — в подробностях вспомнить о том, что было с их хозяином в ту ночь. Обе в один голос заявили, что у него, по-видимому, были чудовищные боли, что он не мог глотать, пытался прохрипеть что-то, но нес полную околесицу и ничего более-менее осмысленного так и не сказал.

«Что за околесицу?» — поинтересовалась я.

«О какой-то рыбе, верно?» — спросила у Дороти кухарка. Та подтвердила:

«Да, все говорил: уберите рыбу! Мол, что-то она у него там выпила. Бред какой-то. Я так сразу поняла, что он, бедный, тронулся».

Приходилось согласиться. смысла в его последних словах и впрямь было маловато. Больше я у них ничего не стала спрашивать. Оставалась еще миссис Брустер, и я отправилась к ней. Это оказалась изможденная женщина лет под пятьдесят.

«Жаль, меня не было в ту ночь, — сокрушалась она. — Видно, ему никто даже и не пытался помочь, пока не пришел врач».

«Может, Джеффри и бредил, — с сомнением заметила ей я, — но что-то не припомню, чтобы это входило в симптоматику пищевых отравлений».

«Трудно сказать», — ответила Брустер.

Я поинтересовалась, как чувствует себя ее пациент.

Она покачала головой.

«Довольно скверно».

«Слабость?»

«Нет, физически он в полном порядке. Только вот со зрением прямо беда. Может, болезнь мозга и прогрессирует, но он еще всех нас переживет. Я говорила им, что старика давно следует положить в клинику, но миссис Денман и слышать об этом не хочет».

Впрочем, у Мейбл всегда была добрая душа.

Итак, я выяснила все что могла и после долгих раздумий решила, что есть единственный выход. Учитывая, что пересудов становилось все больше, надо было решаться на эксгумацию тела и *post-mortem*¹. Только это еще и могло унять злые языки.

Мейбл, конечно, заупрямилась. Главным образом, из сентиментальных соображений — тревожить покойного и все такое. Но я таки на своем настояла.

Я не хочу вдаваться в подробности, скажу только, что мы добились соответствующего разрешения, но результаты вскрытия, или как оно там называется, оказались далеко не такими определенными, как нам бы того хотелось. Следов мышьяка не было — это говорило в нашу пользу. Но дословно заключение гласило: «точная причина смерти не установлена».

Но понимаете, нас это решительно не устраивало. Теперь в округе говорили о редких ядах, которые невозможно обнаружить и о прочем подобном вздоре. Я повидалась с прозектором², производившим вскрытие, и задала ему парочку вопросов. Он всеми силами пытался уйти от ответов, но в конце концов ему пришлось признаться: «ядовитыми грибами тут и не пахнет». Я спросила его, а какой яд мог бы привести к подобному исходу. Он пустился в длинные объяснения, которые, признаюсь, я пропустила мимо ушей. Но смысл был тот, что подобная картина смерти могла быть вызвана каким-то сильным растительным алкалоидом».

Потом мне пришло в голову, что если Джеффри Денман унаследовал от отца душевную болезнь в скрытой фор-

¹ После смерти (*лат*) — т.е. патологоанатомическое исследование человеческого тела после смерти для установления причин смерти.

² Прозектор — специалист патологоанатом, проводящий вскрытие трупов

ме, разве не мог он совершить самоубийство? Когда-то он занимался медициной и прекрасно разбирался в ядах.

Не то чтобы я была совершенно в этом уверена, но это было единственное объяснение, которое пришло мне тогда в голову. Моя голова совершенно отказывалась придумать что-то еще.

Должна признаться (полагаю, это жутко развеселит молодежь), что, когда я попадаю в затруднительную ситуацию, я начинаю повторять про себя одну цитату из Библии. Повторяю и повторяю, где бы ни находилась: на улице, на рынке... Святое Писание всегда меня выручает. Я понимаю, вам кажется, что я несу какую-то чепуху, не имеющую никакого отношения к данной истории... Это не совсем так. В детстве этот наказ Господа висел прямо над моей кроватью: «Ищите и обрящете»¹. В то утро, о котором я рассказываю, я шла по Хай-стрит и, не переставая, повторяла эти священные слова. Даже глаза закрыла ненадолго. А когда открыла, что же я, по-вашему, увидела?

Заинтригованные слушатели не сводили с мисс Марпл глаз. Кто поглядывал на нее с плохо скрытым скептицизмом, кто со снисходительной улыбкой, но ответа не угадал никто.

— Я увидела, — торжественно произнесла мисс Марпл, — витрину рыбной лавки, и в ней — груды свежей пикши².

— Вот так так! — воскликнул Рэймонд Уэст. — Ничего себе знак свыше! Да еще в ответ на священное заклинание. Кучка свежей пикши!

— Да, Рэймонд, — строго проговорила мисс Марпл. — Свежей пикши. И, пожалуйста, не богохульствуй. Перст Божий вездесущ. Я посмотрела на черные пятнышки — отпечатки пальцев Святого Петра³. Знаете, существует такая легенда о пальцах Святого Петра. И все тут же встало на свои места. Просто до этого мне не доставало веры, истинной веры Святого Петра. Ну, и стоило соединить их: свою веру и рыбу...

Сэр Генри с подозрительной поспешностью уткнулся в носовой платок. Джойс закусила губу.

¹ Библейская цитата (Евангелие от Матфея, гл 7, ст. 7—8)

² Пикша — рыба семейства тресковых, у которой над грудными плавниками большие черные пятна. Водится в умеренных водах бассейна Атлантического океана

³ Согласно легенде апостол Петр, поймав такую рыбу, нашел у нее во рту монетку, а черные пятна на рыбе — следы от пальцев апостола (Евангелие от Матфея, гл 26—27)

— Что же произошло? А то, что я вспомнила одну деталь: кухарка и горничная вспомнили, что умирающий говорил о рыбе, которая что-то там выпила. Теперь я была убеждена, абсолютно убеждена, что разгадка скрыта в этих словах. Домой я вернулась полная решимости добраться до истины.

Мисс Марпл сделала паузу.

— Вам никогда не приходило в голову,— продолжила она,— как важен в разговоре так называемый контекст? В Дартмуре есть местечко под названием «Пасмурное». Если в разговоре с местным крестьянином вы произнесете эти слова, он, скорее всего, решит, что вы говорите о местных каменных кругах¹, хотя вы, вероятнее всего, будете иметь в виду хмурое утро. И наоборот, если вы имеете в виду каменные круги, человек приезжий, услышав обрывок вашего разговора, наверняка решит, что речь идет именно о погоде. Собственно говоря, пересказывая разговор, мы на самом деле никогда не повторяем его слово в слово — мы только передаем его смысл своими словами, которые — с нашей точки зрения — означают то же самое.

Я решила встретиться с кухаркой и с Доротой с каждой в отдельности. Я спросила кухарку, уверена ли она, что ее хозяин говорил именно: «выпила рыба». Та была совершенно в этом уверена.

«Он говорил про рыбу вообще,— допытывалась я,— или про какую-то рыбу в частности?»

«Вообще-то,— подтвердила кухарка,— он действительно называл какую-то рыбу, только какую вот, сейчас и не вспомнить. «Выпила», а дальше эта... Ну как ее? У нас ее еще едят... Окунь, что ли? Или шука?.. Нет, с какой-то другой буквы.

Дороти тоже припомнила, что хозяин говорил о какой-то определенной рыбе.

«Какая-то съедобная была рыба,— сказала она.— А вот почему «пила»?»

«Так он сказал «пила» или «выпила»?»

«Мне кажется, «пила». А там кто ж его знает, поди запомни в точности такую вот бессмыслицу... Да, вроде бы он говорил «пила»... да-да, точно «пила». А сама рыба начиналось с «к»... но только не камбала, нет... и не кета...»

А дальше произошло то, чем я до сих пор горжусь,— сказа-

¹ В подлиннике речь идет о двух разных английских словах, совпадающих по звучанию «погода» и «валун»

на мисс Марпл.— И, как мне кажется, имею на это полное право. Я ведь совершенно не разбираюсь в лекарствах. От них только один вред. У меня есть старый, еще от бабушки, рецепт пижмового¹ чая, так он один будет получить всех ваших таблеток, да... Но я знала, что в доме есть несколько книг по медицине, и в одной из них был алфавитный указатель лекарств. Я, видите ли, думала, что Джеффри принял какой-то яд и пытался произнести его название.

Я просмотрела указатель сначала на букву «в», а потом и на букву «к». Ничего, что имело бы сколько-нибудь сходное звучание. Я стала читать лекарства на букву «п» и почти сразу же нашла... Что бы вы думали?

Она оглядела слушателей, предвкушая их изумление.

— Пилокарпин!² Вот вы поняли бы человека, почти уже неспособного шевелить языком и пытающегося произнести это слово? Что и говорить тогда о полуграмотной кухарке, в жизни его не слыжавшей? Естественно, она разделила его на понятные ей «пила» и «карп»!

— Вот это да! — выдохнул сэр Генри.

— Никогда бы до этого не додумался, — признался доктор Пендер.

— Чрезвычайно интересно, — заметил мистер Петерик. — Чрезвычайно.

— Я быстро раскрыла нужную страницу, — продолжала мисс Марпл, — и прочла все о пилокарпине: о его действии, побочных эффектах и так далее, но не нахожу ничего, что могло бы мне пригодиться, и вдруг нахожу следующую фразу: «используется как противоядие при отравлении атропином»³.

Очень сложно объяснить, что произошло дальше. Это было как озарение. Я и раньше-то сомневалась, что Джеффри Денман способен на самоубийство. Теперь же все факты сложились в четкую картину. Это была уже не догадка, это было единственно возможное решение!

— Даже и пытаться не стану что-нибудь угадать, — сказал Рэймонд. — Вы просто рассказывайте дальше, тетя Джейн, ладно? Так что за озарение там на вас нашло?

¹ Пижма — многолетнее растение с желтыми цветками, собранными в соцветия. Отвары и настои из листьев и цветов используются в народной медицине.

² Пилокарпин — крупный промышленный центр в графстве Уорикшир в средней части Англии.

³ Атропин — алкалоид, получаемый из листьев белладонны, ядовитого многолетнего растения семейства пасленовых.

— Я, конечно, почти совсем ничего не понимаю в медицине,— скромно сказала мисс Марпл,— но так уж вышло, что как раз свойства атропина мне хорошо известны. Когда у меня ухудшилось зрение, врач прописал мне сульфат атропина. В общем, я немедленно направилась наверх, в комнату старого Денмана, и без всяких обиняков прямо его спросила:

— Мистер Денман, зачем вы отравили сына?

Он долго молча на меня смотрел. Я еще успела подумать, что даже в таком возрасте он остается довольно привлекательным мужчиной, как он вдруг разразился поистине дьявольским хохотом. Ну уж до того злобным и жутким, что у меня просто кровь в жилах начала стынуть. Лишь однажды мне довелось слышать нечто подобное, когда несчастная миссис Джонс помутилась рассудком.

«Ну, точно, отравил. Перехитрил его. Не таким уж и умным он оказался. Хотел упрятать меня в сумасшедший дом! С плеч долой — из сердца вон! Слышал, как они это обсуждали. Мейбл-то была против, Мейбл за меня, но куда ей против моего сыночка? В конце концов он бы на своем настоял — всегда настаивал. Но — я его опередил, опередил своего чудесного любящего Джеффри. Хи-хи! Пробрался ночью вниз. Чего же проще? Брустер не было. Моя кровиночка спала. у кровати стоял стакан с водой: он всегда просыпался среди ночи и пил. Я вылил воду — хи-хи! — и опрокинул пузырек своих капель в стакан. Ну, думаю, проснется и хватанет их спросонья. Их там со столовую ложку было — более чем достаточно. Он и выпил! Ну, а утром ко мне уже приходят с новостью. Небось всю ночь голову ломали, как бы это так поделикатнее изложить, чтобы я не слишком расстроился. Хи-хи. Ха».

— Вот так,— заключила мисс Марпл.— На этом история и заканчивается. Несчастного старика, разумеется, поместили в сумасшедший дом. Он и в самом деле не ведал, что творит. Люди узнали правду и почувствовали, наверное, что-то вроде неловкости. В самом деле: подумать такое на Мейбл! От желающих изъяснить свое почтение отбоя не было. Спасибо Джеффри: если бы он не понял, что за вещество проглотил и не пытался бы попросить противоядие, его смерть так и осталась бы для всех загадкой. Кстати, если я не ошибаюсь, существуют совершенно определенные признаки отравления атропином — расширенные зрачки, например, но, как я говорила, очень уж близорук был доктор Ролинсон... Бедняга! А ту книжку я до сих пор

читаю. Такие интересные сведения можно почерпнуть! Например, там рассказывается о признаках отравления *птомаином*¹ и атропином. Так картина почти одинаковая! А свежая пикша теперь постоянно напоминает мне про отпечатки пальцев Святого Петра.

Наступила очень длинная пауза.

— Дорогая мисс Марпл,— прервал молчание мистер Петерик.— Моя дорогая мисс Марпл, вы просто удивительный человек.

— Что до меня, мисс Марпл, я намерен рекомендовать вас Скотленд-Ярду в качестве консультанта,— торжественно заявил сэр Генри.

— И все-таки, тетя, одной вещи вы точно не знаете,— сказал Рэймонд.

— Вот в этом ты ошибаешься, мой дорогой,— невозмутимо отозвалась мисс Марпл.— То, что произошло прямо перед обедом... Или я ошибаюсь? Вы с Джойс отправились любоваться закатом к изгороди из жасмина. Наша молодежь тоже очень любит это местечко. Вот и молочник просил там у Энни разрешения объявить о помолвке...

— Тетя! — с досадой воскликнул Рэймонд.— Вы убиваете весь романтизм момента. Ну при чем тут молочник с Энни? У нас все совершенно по-другому!

— Вот тут, мой дорогой, ты ошибаешься,— ласково улыбнулась ему мисс Марпл.— На самом деле все мы удивительно похожи. К счастью, мы этого не понимаем.

Часть вторая

Глава 1

Синяя герань

— Когда я был здесь в прошлом году...— начал сэр Генри Клитеринг и умолк.

Хозяйка дома, миссис Бантри, посмотрела на него с любопытством. Экс-комиссар Скотленд-Ярда, их старый приятель, гостил у них с мужем в их имении, расположенном неподалеку от Сент-Мэри-Мид. Миссис Бантри только

¹ Птомаин — вызывающий острое желудочно-кишечное заболевание яд, который выделяют некоторые микроорганизмы в испорченных или недоброкачественных пищевых продуктах

что спросила у него, кого бы он хотел видеть шестым приглашенным на сегодняшний ужин.

— Итак? — произнесла миссис Бантри, ожидая продолжения.— Когда вы были здесь в прошлом году...

— Скажите, а вы знаете мисс Марпл? — спросил сэр Генри.

Миссис Бантри удивилась. Этого она никак не ожидала.

— Знаю ли я мисс Марпл? Да кто же ее не знает! Типичная старая дева. Довольно мила, но... безнадежно старомодна. Вы хотите, чтобы мы пригласили ее на ужин?

— Вы удивлены?

— Признаться, да. Никогда бы не подумала... Но, вероятно, этому есть объяснение?

— И очень простое. Когда я был здесь в прошлом году, мы взяли за обыкновение обсуждать разные загадочные случаи. Нас было пятеро или шестеро. Все это было затеей Рэймонда Уэста. Он же писатель! Ну, и каждый по очереди рассказывал какую-нибудь таинственную историю, разгадку которой знал он один. Состязались, так сказать, в дедуктивных умопостроениях: кто ближе всех окажется к истине.

— И что же?

— Мы и не предполагали, что мисс Марпл пожелает к нам присоединиться, но, из вежливости разумеется, предложили. И тут произошло нечто неожиданное. Почтенная дама перешеголяла нас всех!

— Да что вы!

— Чистая правда. И, поверьте, без особых усилий.

— Не может быть. Она ведь почти и не выезжала из Сент-Мэри-Мид.

— Зато, как она говорит, там у нее были неограниченные возможности изучать человеческую натуру как бы под микроскопом.

— Ну, не знаю,— с сомнением протянула миссис Бантри.— Преступников тут и днем с огнем не сыщешь. Под микроскопом! А не испытать ли нам ее после ужина? У Артура есть отличная история с привидением. Мы были бы ей крайне признательны, сумей она растолковать нам, в чем дело.

— Вот уж не думал, что Артур верит в привидения.

— Ох! Ну конечно же он не верит. Вот потому-то вся эта история и не дает ему покоя. Потом, это случилось с

его другом, а уж человека приземленнее Джорджа Притчарда еще поискать... Бедный Джордж... Правда это или нет, но закончилось все это для него очень печально.

— Так правда или нет?

Миссис Бантри промолчала и неожиданно заявила:

— Знаете, я так люблю Джорджа! Да его все любят. Невозможно поверить, что он... но бывает ведь: самые приличные люди совершают совершенно немыслимые поступки...

Сэр Генри кивнул. Ему как никому другому было известно, что «немыслимые» поступки совершаются куда чаще, чем кажется.

Вечером, когда все расположились за столом, миссис Бантри с несколько большим, чем обычно, интересом разглядывала пожилую даму, сидевшую по правую руку от ее мужа. На мисс Марпл были черные кружевные митенки, изящно наброшенное на плечи *fichu*¹ из старинных кружев и кружевная накладка, венчающая ее белоснежные волосы. Она оживленно беседовала с пожилым доктором Ллойдом о работном доме и местной медицинской сестре, особе весьма небрежной и вообще не внушающей ни какого доверия.

Миссис Бантри никак не могла избавиться от подозрения, что сэр Генри попросту пошутил. Впрочем, на него это не было похоже... И однако, поверить, что он рассказывал о мисс Марпл чистую правду... Нет, это было выше ее сил.

Ее взгляд остановился на муже, который завел разговор о лошадях с Джейн Хелльер — популярной актрисой. Джейн, в жизни еще более прекрасная (если такое возможно), чем на сцене, периодически ахала: «Нет? В самом деле? Надо же! Как замечательно!» Это при том, что о лошадях она не знала ровным счетом ничего по той простой причине, что они ее совершенно не интересовали.

— Артур, — обратилась к мужу миссис Бантри. — Ты доведешь бедняжку Джейн до нервного срыва. Оставь лошадей в покое, расскажи ей лучше про привидение. Ну, ты знаешь... та история с Джорджем Притчардом.

— Долли! Ты уверена...

— Сэр Генри тоже хочет послушать. Я уже успела его заинтриговать нынче утром.

¹ Треугольная накидка (*фр*)

— О, пожалуйста! — сказала Джейн — Я просто обожаю истории с привидениями.

— Ну... — замялся полковник Бантри. — Я, собственно, никогда особо не верил в сверхъестественное, но тут... Кажется, никто из присутствующих не знаком с Джорджем Притчардом? Это замечательный человек. Его жена — она, бедняжка, уже нас покинула — была для него поистине тяжким грузом. Знаете, она принадлежала к числу тех больных — заметьте, я не отрицаю, что она действительно серьезно болела, — которые выжимают из своего недуга всё. Капризная, требовательная и непредсказуемая, она жаловалась на свою участь с утра до вечера и нисколько не сомневалась, что Джордж просто обязан постоянно быть в ее полном распоряжении. Причем, что бы он ни делал, — все было плохо... Готов поклясться, что любой другой на его месте через пару недель такой жизни взял бы топор и навсегда избавил ее от мучений. Ведь ты не скажешь, что это не так, Долли.

— Отвратительная была особа, — подтвердила миссис Бантри. — Если бы Джордж Притчард разможил ей голову, любая женщина, оказись она судьей, тут же бы его оправдала.

— Не знаю точно, как это все началось: Джордж в подробности не вдавался. Насколько я понимаю, миссис Притчард всегда питала слабость к разного рода ясновидцам, прорицателям и гадалкам. Джордж и это сносил с истинно христианским смирением. Он относился к этому так: раз это приносит ей хоть какое-то утешение, то и слава Богу. Но и особого восторга по этому поводу он, естественно, тоже не проявлял, что служило для его жены лишним поводом для обид.

Сиделки в доме не задерживались. Миссис Притчард меняла их как перчатки. Была, правда, одна молоденькая сестра, с удивительным благоговением относившаяся к разного рода предсказаниям и тому подобной ерунде... Так вот ее миссис Притчард одно время даже вроде как любила. Потом неожиданно разочаровалась и заменила на сиделку, которую уже однажды успела уволить. Сестра Коплинг была уже пожилой женщиной, накопившей богатый опыт общения с неуравновешенными пациентами. Сестра Коплинг, по мнению Джорджа, была из тех женщин, с которыми можно ладить. Сохраняя полную невозмутимость, она ловко справлялась со вспышками раздражения и истериками его жены.

Ленч всегда подавался миссис Притчард навстречу, и, занимая ее таким образом, Джордж и сестра Коплинг могли договориться о второй половине дня. Строго говоря, сестра была свободна от двух до четырех, но «в виде одолжения» частенько задерживалась и дольше — если Джорджу нужен был свободный вечер. Но в тот раз она собиралась в Голдерс-Грин повидать родственницу и задержаться никак не могла. Джордж, уже договорившийся о партии в гольф, ужасно расстроился.

Сестра Коплинг принялась его успокаивать: «Да сегодня мы тут совершенно без надобности, мистер Притчард. Ваша жена подыскала на вечер компанию поинтереснее».

«Это кого же?..»

«Да Зариду. Это медиум, предсказывает будущее...»

«Опять! — простонал Джордж. — Какая-то новенькая?»

«О да! Я так понимаю, ее порекомендовала вашей жене моя предшественница, сестра Карстерс. Сама миссис Притчард ее и в глаза не видела. Попросила меня написать ей и пригласить на сегодня».

«Ну, по крайней мере, я смогу поиграть в гольф», — сказал Джордж и ушел, отчасти даже благодарный так кстати появившейся прорицательнице.

Вернувшись домой, он нашел миссис Притчард в состоянии крайнего возбуждения. Она лежала на софе — как, впрочем, всегда — и то и дело подносила к носу флакон с нюхательной солью.

«Джордж! — воскликнула она. — Я ведь тебя предупреждала про этот дом! Я почувствовала неладное, едва переступила его порог. Ты что же, не помнишь?»

«Что-то не очень».

«А ты никогда не помнишь того, что связано со мной. Мужчины вообще бессердечны, а ты особенно».

«Успокойся, Мэри, дорогая, ты несправедлива ко мне».

«Так вот, то, что я говорила тебе давно, эта женщина почувствовала сразу! Она... так и отпрянула... если ты понимаешь, что я имею в виду... Вошла в дверь и сказала: «Здесь — зло. Зло и опасность. Я чувствую».

«Ну, сегодня ты не зря заплатила своему медиуму», — не подумав, улыбнулся Джордж.

Его жена немедленно закрыла глаза и изо всех сил потянула носом из флакона.

«Боже! Как ты меня ненавидишь! Когда я умру, у тебя, верно, будет праздник».

Джордж запротестовал, но она перебила его:

«Можешь смеяться, но я все-таки расскажу тебе. Этот дом убьет меня — Зарида так прямо и сказала».

Все расположение Джорджа к упомянутой Зариде мигом улетучилось. Он-то знал, что стоит жене уверовать в этот бред, и переезд неизбежен.

«Что еще сказала эта женщина?» — сухо осведомился он.

«Она не могла долго говорить: была слишком расстроена. Но кое-что все-таки сказала. У меня на столике в стакане стояли фиалки. Она показала на них и вскрикнула: «Уберите их прочь! Прочь! Никаких синих цветов! В вашем доме не должно быть синих цветов! Помните, синие цветы для вас — смерть!»

А ты ведь знаешь, — добавила миссис Притчард, — я действительно никогда не любила синий цвет. Всегда чувствовала, что он мне вреден».

Джордж был достаточно благоразумен и промолчал, что первый раз об этом слышит. Он спросил только, что эта таинственная Зарида собой представляет. И миссис Притчард с удовольствием принялась ее описывать.

«Густые черные волосы, собранные на затылке, мечтательные полужакрытые глаза, черные круги вокруг них, а рот и подбородок скрыты черной вуалью. Говорит немного нараспев, с заметным иностранным акцентом, по-моему, испанским».

«Ну что ж, в общем вроде все как и положено», — бодро заметил Джордж.

Миссис Притчард тут же снова закрыла глаза.

«Ну вот, мне сразу стало хуже, — сказала она. — Вызови сиделку. Твоя бессердечность меня убивает, и ты это прекрасно знаешь».

Через два дня после этой сцены сестра Коплинг подошла к Джорджу и мрачно сказала:

«Зайдите к миссис Притчард. Она получила письмо, которое ее очень сильно расстроило».

Он поднялся к жене.

«Прочти», — сказала она, протягивая ему письмо.

Джордж прочел. Оно было написано большими черными буквами на сильно надушенной бумаге.

«Я видела будущее. Верьте мне: час близок... Бойтесь полной луны. Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — смерть...»

Джордж хотел было рассмеяться, но, поймав предостерегающий взгляд сиделки, сдержался и довольно неловко пробормотал:

«Она тебя просто запугивает, Мэри. Послушай, ведь ни синих примул, ни синих гераней не бывает».

Но миссис Притчард только плакала и причитала, что дни ее сочтены. Джордж с сиделкой вышли на лестницу.

«Чушь какая!» — вырвалось у него.

«Конечно», — подтвердила та.

Однако что-то в ее тоне его насторожило, и он взглянул на нее повнимательнее.

«Но вы же... вы же не верите?..» — вырвалось у него.

«Нет-нет, мистер Притчард. Конечно нет. Все эти предсказания сплошная чушь. Но... но какой в этом смысл? Прорицатели зарабатывают своими предсказаниями. А эта женщина запугивает миссис Притчард без всякой видимой причины. Никак не пойму: зачем ей это? И еще одно...»

«Да?»

«Миссис Притчард говорит, что Зарида ей кого-то напоминает».

«Кого бы это?»

«Словом, мне это не нравится, мистер Притчард, совсем не нравится».

«Вот уж не думал, что вы так суеверны».

«Я не суеверна, я просто чувствую, что здесь что-то не так».

Прошло еще четыре дня, и произошел первый инцидент. Чтобы объяснить его, надо описать комнату миссис Притчард.

— Это ты лучше предоставь мне, — прервала его миссис Бантри. — Так вот: комната у нее была оклеена этими новомодными обоями. Цветы, цветы и еще раз цветы. Такое ощущение, будто попала в клумбу. Глупость, конечно, страшная. Я хочу сказать, не могут они все цвести одновременно...

— Не придирайся, Долли, — заметил ее муж. — Все и так знают, что ты одержима цветами.

— Но ведь это абсурд, — возмущалась миссис Бантри. — Собрать вместе колокольчики, нарциссы, люпины и астры!

— Да, дизайнер был явно не силен в ботанике, — согласился сэр Генри. — Но продолжайте же.

— Так вот: среди этого моря цветов были желтые и розовые примулы... Ой, извини, Артур, это ведь ты рассказываешь...

Полковник Бантри продолжил историю:

— Однажды утром миссис Притчард начала звонить в колокольчик как одержимая. Мигом примчалась прислуга. Все были уверены, что у нее приступ. Ничего похожего. Она сидела в постели и истерично тыкала пальцем на обои. И там, среди примул, теперь была одна синяя.

«Ой,— воскликнула мисс Хельер,— мне как-то не по себе!»

Джордж попытался убедить жену, что этот цветок был на обоях и раньше, но ему это не удалось. Миссис Притчард была твердо уверена, что до того самого утра никакой синей примулы там не было. К тому же накануне как раз было полнолуние, и миссис Притчард не помнила себя от страха.

— Я встретила Джорджа Притчарда в тот самый день, и он рассказал мне все,— вмешалась миссис Бантри.— Я пошла проведать миссис Притчард и, как могла, постаралась ее успокоить. Куда там! Я ушла с тяжелым сердцем. Помню, еще повстречала Джин Инстоу и поделилась с ней новостями. «Что, в самом деле так расстроилась?» — удивилась Джин. Я ей сказала, что миссис Притчард настолько суеверна, что вполне может умереть от страха.

А Джин, надо вам сказать, девица довольно своеобразная. Возьми да и ляпни в ответ: «А может, оно и к лучшему. Вам так не кажется?» И таким еще безразличным тоном, что я была просто в шоке. Нет, я понимаю, теперь это в моде — вести себя вульгарно и вызывающе, только я никак не могу к этому привыкнуть. А Джин ухмыльнулась и говорит:

«Да что вы так напряглись-то? Это ж правда. Разве у нее жизнь? И сама не живет, и мужу не дает. Напугать ее до смерти — лучше и не придумашь».

Я говорю: «Джордж с ней так терпелив». А она: «Да, уж если кто заслужил награду, так это Джордж Притчард. Привлекательный малый. Вот и последняя их сиделка тоже так думала. Как ее? Карстерс, что ли? Хорошенькая такая. То-то они с хозяйкой и не поладили».

И очень мне, знаете, не понравилось, каким тоном Джин все это сказала. Тут поневоле призадумалась...— Миссис Бантри сделала многозначительную паузу.

— Конечно, дорогая,— спокойно произнесла мисс Марпл.— Всегда возникают вопросы .. А мисс Инстоу тоже хорошенькая? Наверное, и в гольф играет?

— Просто замечательно, и не только в гольф. И такая милая, просто душка: волосы светлые, а глаза ну прямо цвета неба. И кожа нежная. Все, конечно, знали, что она и Джордж Притчард... То есть это если бы сложились обстоятельства по-другому. Они так подходили друг к другу...

— И они были друзьями? — спросила мисс Марпл.

— О да, и хорошими.

— Может быть, Долли, я все же дорасскажу? — обиженно проговорил полковник Бантри.

— Да-да, Артур, извини, возвращайся к своим приключениям, — согласилась миссис Бантри.

— Остальное я слышал лично от Джорджа, — продолжал полковник. — Понятно, что с тех пор мысли миссис Притчард были заняты следующим полнолунием. Она даже отметила его на календаре и, когда он наступил, заставила сначала сестру, а потом и Джорджа тщательно исследовать обои. Убедилась, что розы на обоях розовые или на худой конец красные, выпроводила их и тщательно заперла дверь.

— А к утру несколько цветков посинели, — догадалась мисс Хельер.

— Совершенно верно, — подтвердил полковник Бантри. — Или почти верно. Синей стала одна роза, как раз у нее над головой. Это потрясло даже Джорджа, хоть он и уверял всех, что это чья-то глупая шутка. Сам-то он прекрасно знал, что миссис Притчард заперла дверь на ночь, да и перемену обнаружила раньше всех, раньше даже сестры Коплинг.

Он, похоже, и сам уже начинал верить во всякие сверхъестественные штуки, только даже себе не хотел в этом признаться. И, вопреки своему обыкновению, категорически отказывался потакать капризам жены.

«Мэри, прекрати строить из себя дурачку, — заявил он — Вся эта чертовщина — вздор и чепуха».

Прошел месяц. Миссис Притчард успокоилась и даже стала меньше капризничать. Догадываюсь даже почему: бедняжка была настолько суеверна, что попросту смирилась с неизбежным. Только все повторяла: «Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — смерть». Целыми днями лежала и разглядывала на обоях соцветия розово-красной герани, самой близкой к ее постели. Обстановка в доме становилась совершенно невыносимой. Настроение хозяйки передалось даже ее си-

делке За два дня до очередного полнолуния она явилась к Джорджу и стала уговаривать его увезти жену из дома Джордж пришел в ярость

«Да хоть бы они все посинели и приняли очертания дьявола, от этого никто не помрет!» — заорал он на нее

«Не скажите. Нервное потрясение может оказаться для миссис Притчард смертельным».

«Чушь!» — отрезал Джордж.

Он всегда был немного упрямым. Подозреваю, он считал, что жена сама все это подстраивает, движимая какой-то навязчивой идеей.

Наконец наступила развязка. Тем вечером миссис Притчард как обычно заперлась в своей спальне. Она была неестественно спокойна. Сестра хотела дать ей чего-нибудь тонизирующего, сделать укол стрихнина, но миссис Притчард отказалась. Мне кажется, она находила какое-то извращенное наслаждение в своих страхах. Джордж говорит, что так оно и было.

Миссис Притчард всегда просыпалась около восьми. Утром колокольчик не прозвенел. В восемь тридцать было все так же тихо. Тогда сиделка сама постучала к ней в дверь. Не получив ответа, она пошла за Джорджем и убедила его выломать дверь. Тот принес стамеску и кое-как открыл замок.

Поза распростертого на постели тела не оставляла никаких сомнений. Джордж позвонил врачу. Тот явился, но все, что ему оставалось, — только констатировать смерть. Остановка сердца, как определил доктор, произошла восемь часов назад. Под рукой миссис Притчард лежал флакончик нюхательной соли, а одна из розово-красных гераней на стене была теперь ярко-синей.

— Какой ужас! — вздрогнула мисс Хелльер.

Сэр Генри нахмурился:

— И никаких дополнительных деталей?

Полковник Бантри покачал головой, но миссис Бантри напомнила:

— Газ.

— Что газ? — спросил сэр Генри.

— Когда пришел врач, он обнаружил, что газовая горелка в камине привернута неплотно. Однако запах был настолько слабый, что это не могло иметь значения.

— Разве мистер Притчард и сиделка не заметили запаха, когда вошли в первый раз?

— Сестра говорила, что легкий запах был, Джордж говорит, что не было, но что, войдя в комнату, он как-то странно себя почувствовал, объясняя это, впрочем, состоянием шока. Вероятно, так оно и было. Что же касается газа, запах был едва уловим и отравления произойти не могло.

— На этом история заканчивается?

— Нет. Пошли разговоры. Слуги, например, слышали, как миссис Притчард говорила мужу, что он ее ненавидит и будет радоваться, если она умрет. Эти слуги, как выяснилось, вообще много чего слышали. В том числе и как на отказ переехать в другой дом она однажды сказала: «Очень хорошо, надеюсь, когда я умру, все поймут, что меня убил ты». И как назло, за день до этого Джордж готовил какой-то химикат, чтобы вывести сорняки на садовой дорожке, а один из слуг видел, как он потом нес жене стакан кипяченого молока.

Слухи множились с невероятной скоростью. Доктор выдал свидетельство, но оно никого не удовлетворило. Какие-то невразумительные медицинские словечки, ничего толком не объясняющие. Словом, не прошло и месяца, как бедняжку зарыли, а уже поступила просьба об эксгумации, которую тут же удовлетворили.

— Помнится, аутопсия¹ ровным счетом ничего не дала,— сказал сэр Генри.— Прямо-таки исключительный случай: дым без огня.

— В общем, все это очень странно,— сказала миссис Бантри.— Предсказательницу Зариду, например, никто больше не видел. Кинулись по ее адресу — там о ней и не слышали.

— Как появилась из туманной сини,— сказал полковник,— так туда и сгинула. Хм-м... Сини. Надо же было так сказать!

— И что интересно,— продолжила миссис Бантри.— Эта молоденькая сестра Карстерс, которая, как считали, и рекомендовала Зариду, никогда о ней не слыхала.

Все переглянулись.

— Загадочная история,— сказал доктор Ллойд.— Предположения, предположения, и ничего конкретного...

Он покачал головой.

¹ Аутопсия — вскрытие трупа с диагностической или научной целью

— А мистер Притчард женился на мисс Инстоу? — вкрадчиво спросила мисс Марпл.

— Почему вы об этом спрашиваете? — заинтересовался сэр Генри.

— Мне кажется, это очень важно,— ответила мисс Марпл, поднимая на него свои кроткие голубые глаза.— Так они поженились?

Полковник Бантри покачал головой:

— Ну, мы... Честно говоря, мы все этого ждали, но вот уже полтора года, а они и видятся-то, кажется, далеко не каждый день.

— Это важно,— повторила мисс Марпл.— Это крайне важно.

— Значит, вы думаете о том же, о чем и я!— радостно воскликнула миссис Бантри.— Значит, по-вашему...

— Долли!— оборвал ее муж.— Я запрещаю тебе это говорить. Нельзя обвинять человека, не имея никаких доказательств.

— Ну не будь ты таким, Артур. Вечно мужчины боятся сказать лишнее. В общем, может, это только моя фантазия, но, по-моему, предсказательницей была переодетая Джин Инстоу. Разумеется, она хотела лишь подшутить. Нисколько не сомневаюсь, что она сделала это не со зла. Откуда же ей было знать, что миссис Притчард окажется настолько глупа, что умрет от страха? Вы ведь это подумали, мисс Марпл, правда?

— Нет, милая, не совсем,— сказала мисс Марпл.— Видите ли, если бы я собралась кого-то — не приведи Господи — убить... что совершенно исключено, поскольку мне даже ос жалко, хоть я и знаю, что уничтожать их совершенно необходимо... Надеюсь, садовник делает это по возможности гуманно... да... собственно, о чем это я говорила?

— Если бы вы захотели кого-то убить,— подсказал сэр Генри.

— Ах да... Тогда я ни в коем случае не стала бы полагаться на какой-то там испуг. Нет: иногда люди действительно умирают от страха, но твердо на это рассчитывать представляется мне в высшей степени неразумным: даже самые нервные люди куда смелее, чем кажутся. Я избрала бы что-нибудь понадежнее, тщательно обдумав все детали.

— Мисс Марпл,— сказал сэр Генри,— вы меня путаете. Надеюсь, я никогда не попаду в число ваших врагов. Уве-

рен: задумай вы меня устранить, ваш план был бы настолько безупречен, что у меня не осталось бы ни единого шанса.

Мисс Марпл наградила его суровым взглядом.

— Мне кажется, я достаточно ясно дала понять, что подобное просто не может прийти мне в голову. Сейчас я только пытаюсь поставить себя на место, э-э... определенной личности.

— Вы имеете в виду Джорджа Притчарда? — спросил полковник Бантри. — Исключено! Хотя даже медсестра подозревает беднягу. Я виделся с ней примерно через месяц после эксгумации. Она ничего не говорит прямо, но слишком очевидно, что она считает Джорджа так или иначе ответственным за смерть жены.

— М-да уж, — сказал доктор Ллойд. — Возможно, она не так уж далека от истины. Сестры-сиделки шестым чувством чувствуют, кто виноват. Только у них нет доказательств. Сестер — их не проведешь.

Сэр Генри подался вперед:

— Мисс Марпл... Извините, что отвлекаю вас, но мне почему-то кажется, что сейчас вы нам все объясните.

Мисс Марпл вздрогнула и слегка покраснела.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я как раз думала об этой медицинской сестре. Крайне сложная проблема.

— Сложнее даже, чем с синей геранью?

— Вообще-то вся загвоздка в примулах, — задумчиво протянула мисс Марпл. — Миссис Бантри говорит, они были желтыми и розовыми. Нет, если синей вдруг стала розовая примула, тогда все очень даже сходится, но вот если это случилось с желтой...

— Розовая, — подтвердила миссис Бантри, удивленно взглянув на мисс Марпл.

— Тогда понятно, — вздохнула мисс Марпл, печально покачивая головой. — И снадобье для ос, и остальное. Газ, опять же...

— Вам что: снова припомнились какие-то деревенские истории? — поинтересовался сэр Генри.

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Скорее, неприятности, связанные с медицинскими сестрами. Они ведь тоже живые люди, но им приходится постоянно подавлять истинные свои чувства, подлаживаться под больных... И потом, эти неудобные воротнички... Ничего удивительного, что порой они совершают довольно странные поступки.

— Вы имеете в виду сестру Карстерс? — спросил слегка удивленный сэр Генри.

— Да нет же, другую: сестру Коплинг. Это ведь она служила в доме раньше. Понимаете, очень уж ей приглянулся мистер Притчард. Он ведь, как я поняла, очень хорош собой... Наверное, она, бедняжка надеялась... но не стоит об этом. Думаю, она и не подозревала о существовании мисс Инстоу. А узнав, решила отомстить. Отомстить любой ценой. Но письмо выдало ее с головой, правда?

— Какое еще письмо?

— Ну то... которое она будто бы написала предсказательнице по просьбе миссис Притчард. Предсказательница-то пришла, только потом выяснилось, что по указанному адресу ее отродясь не было. Понятно, сестра Коплинг никакого письма не писала. Остается предположить, что Зарида — это она и есть.

— Про письмо-то я и забыл,— удивленно сказал сэр Генри.— Да, это очень важная деталь.

— Смелый шаг,— продолжила мисс Марпл.— Ведь миссис Притчард могла узнать ее, несмотря на весь этот маскарад. Хотя... в таком случае можно было легко обратить все в шутку.

— А что вы имели в виду,— спросил сэр Генри,— когда сказали, что, будь вы на ее месте, ни за что не положились бы на испуг?

— Я-то? — переспросила мисс Марпл.— Ну, что все эти предупреждения и синие цветы, говоря военной терминологией, были всего лишь камуфляжем¹.

— Да что же тогда, по-вашему, случилось на самом деле?

— Вы уж меня простите,— сказала мисс Марпл извиняющимся тоном,— но я снова об осах. Бедняжки: стоят такие прекрасные летние деньки, а они гибнут тысячами! Помню, видела как-то, как садовник перемешивает цианистый калий в бутылке с водой. Удивительно похоже на нюхательную соль! А если это налить во флакончик из-под соли да поставить, где он обычно стоит... Бедная леди часто ею пользовалась. Помните: вы говорили, флакончик нашли у нее под рукой. Ну и вот... А когда мистер Притчард пошел вызывать врача по телефону, сестра заменила его и немножко открутила газовую горелку. Газ очень хорошо перебивает запах миндаля, хотя, конечно, его и так вряд ли бы кто почувствовал. Где-то я слышала, что циан-

¹ Камуфляж — маскировка, действие для обмана противника.

нистый калий довольно быстро и бесследно выводится из организма. Хотя, возможно, я и ошибаюсь. Во флаконе вполне могло быть что-то другое. Но ведь это, в сущности, ничего не меняет, правда?

Мисс Марпл замолчала.

Джейн Хелльер подалась вперед:

— А синяя герань? А другие цветы?

— У сестер ведь всегда есть лакмусовая бумажка,— сказала мисс Марпл.— Ну для этих... для анализов. Не слишком приятная тема, так что не будем об этом говорить...

Она слегка покраснела.

— Мне ведь тоже приходилось когда-то ухаживать за больными. Так вот, от кислоты бумажка краснеет, а от щелочи — синеет снова. Ну долго ли натереть такой покрасневшей бумажкой цветок на обоях? И когда бедная леди воспользуется своей нюхательной солью, пары нашатырного спирта тут же заставят такой цветок посинеть. Совершенно гениальная идея! Ну, а с геранью... Думаю, когда дверь взломали, она все-таки была еще красной. Думаю, на нее обратили внимание позже, когда сестра уже успела поменять флакончики и на минутку поднести нашатырный спирт к обоям.

— Ничего себе! Можно подумать, вы лично при этом присутствовали! — воскликнул сэр Генри.

— Кто меня беспокоит,— сказала мисс Марпл,— так это бедный мистер Притчард и та милая девушка, мисс Инстоу. Они ведь, наверное, подозревают друг друга... Видите, даже встречаться перестали. А жизнь такая короткая!

Она покачала головой.

— За них можете не беспокоиться,— улыбнулся сэр Генри.— У меня с самого начала было кое-что припрятано в рукаве. Сестру Коплинг недавно арестовали по обвинению в убийстве престарелого пациента, оставившего ей наследство. Преступление было совершено посредством цианистого калия, которым она подменила нюхательную соль. Как видите, методы те же. Так что мисс Инстоу и мистер Притчард могут забыть о своих подозрениях как о дурном сне.

— Ну разве не замечательно?! — воскликнула мисс Марпл.— Я, конечно, не про убийство. Это-то как раз очень грустно. Сразу вспоминаешь, как все-таки много зла в этом мире! И стоит хоть раз поддаться искушению... Пожалуй, я все-таки поговорю с доктором Ллойдом о его медсестре.

Глава 2

Компаньонка

— А вы, доктор Ллойд? — проговорила мисс Хелльер. — У вас нет в запасе какой-нибудь жуткой истории?

Улыбка, которой она наградила при этом доктора, по вечерам завораживала публику. Джейн Хелльер нередко называли первой красавицей Англии, хотя ее ревнивые коллеги и не упускали случая тут же заметить: «Вот вам и секрет успеха. Актриса из Джейн, к сожалению, никакая. Не хватает, знаете ли, куража, если вы понимаете, что я хочу сказать. Но глаза, конечно, восхитительные».

И вот теперь эти восхитительные глаза были устремлены на скромного стареющего холостяка, вот уже пять лет довольствующегося врачебной практикой в Сент-Мэри-Мид.

Машинально одернув жилет, явно ему уже тесноватый, доктор принялся лихорадочно рыться в своей памяти, чтобы, Боже упаси, не разочаровать прекрасное создание.

— Сегодня я намерена с головой окунуться в атмосферу преступлений, — мечтательно произнесла Джейн.

— Вот и отлично, — поддержал ее хозяин дома полковник Бантри. — Просто здорово!

Он раскатисто рассмеялся — как это почему-то принято у военных — и повернулся к жене.

— А как тебе эта идея, Долли?

Миссис Бантри, даже вырванная из задумчивости, всегда была готова поддержать светскую беседу. Поэтому она с не совсем уместным жаром тут же согласилась:

— Разумеется, великолепно! Я всегда за!

— Неужели, дорогая? — подала голос мисс Марпл, в глазах которой играли смешинки.

— Понимаете, мисс Хелльер, в Сент-Мэри-Мид крайне редко встречается что-то из ряда вон выходящее. Тем более преступления, — извиняющимся тоном выдавил из себя наконец доктор Ллойд.

— Вы меня удивляете, — вмешался отставной комиссар Скотленд-Ярда сэр Генри Клитеринг, поворачиваясь к мисс Марпл. — Каждый, кто хоть раз пообщался с нашей уважаемой мисс Марпл, знает, что Сент-Мэри-Мид просто рассадник преступности и порока.

— Господь с вами, сэр Генри, — запротестовала мисс Марпл, стремительно краснея. — Ничего подобного я не

говорила. Я только заметила, что человеческая натура везде, в сущности, одинакова, будь то в городе или в деревне. Просто здесь больше возможностей наблюдать.

— И потом, доктор,— капризным голоском проговорила Джейн Хелльер,— вы же не всю жизнь здесь прожили. Вы ведь весь свет объездили. Наверняка бывали в тех местах, где преступления действительно совершаются!

— Конечно, конечно,— растерянно пробормотал доктор Ллойд,— разумеется...

Он вдруг просиял:

— Да, да... Вспомнил!

Он с облегчением откинулся на спинку кресла.

— Случилось это довольно давно. Настолько давно, что многое уже стерлось из памяти. Как бы то ни было, история весьма странная. Весьма... Что же касается развязки, то она и вовсе ни на что не похожа...

Мисс Хелльер немного пододвинула к нему свое кресло, стремительным движением подвела губы и замерла в ожидании. Остальные тоже приготовились слушать.

— Не знаю, знакомы ли вам Канарские острова¹,— начал доктор.

— Прекрасное, должно быть, место,— откликнулась Джейн Хелльер.— Это ведь где-то... то ли в Южных морях², то ли в Средиземном море?

— Я был там проездом, когда направлялся в Южную Африку,— заметил полковник.— Пик Тенериф³ в лучах заката — поистине незабываемое зрелище.

— Да, только история, которую я хочу вам рассказать, случилась не там. Это было на Гран-Канари. С тех пор прошло уже много лет. В ту пору пошатнувшееся здоровье заставило меня оставить практику в Лондоне и уехать за границу. Я обосновался в столице Гран-Канари — Лас-Пальмасе, обзавелся клиентурой и в общем неплохо устроился. Мягкий климат, солнце круглый год, отличные пляжи — а я страсть как люблю поплавать — с каждым днем мне нравилось там все больше и больше. В Лас-Пальмас заходят суда со всего света, и я завел привычку каждое утро прогуливаться по пристани, причем, клянусь вам, испыты-

¹ Канарские острова — принадлежащая Испании группа островов у северо-западного побережья Африки.

² Южные моря — традиционное название южной части Тихого океана, всех морей, расположенных к югу от экватора.

³ Тенериф — вулканический остров в группе Канарских островов.

вал при этом удовольствие ничуть не меньшее, чем пред-
ставительницы прекрасного пола находят в посещении
шляпных магазинов.

Да, так вот: в Лас-Пальмас заходят суда со всего света.
Иногда через час-другой они уже плывут дальше, иногда
остаются в порту по нескольку дней. В «Метрополе» — это
крупнейший отель в городе — можно встретить путешествен-
ников со всех концов света. Даже те, кто направляются на
расположенный по соседству Тенериф, считают своим дол-
гом заглянуть на несколько дней в Лас-Пальмас.

История, о которой пойдет речь, началась именно в
этом отеле. Это случилось январским вечером. Помнит-
ся, был четверг. Мы с другом, устроившись в ресторане
«Метрополя» за небольшим столиком, смотрели на танцу-
ющие пары. Среди них были люди разных национально-
стей, но в основном — испанцы, хотя немало и англичан.
Когда оркестр заиграл танго, на площадке остались только
шесть пар, сплошь испанцы. Как они танцевали! Мы про-
сто не могли отвести от них глаз. Особенно выделялась одна
женщина — высокая, стройная, грациозная. Своими дви-
жениями она напоминала мне прирученного ягуара. Было
во всем ее облике что-то хищное, едва ли не пугающее. Я
заметил это своему другу. Тот кивнул.

«С такими вот женщинами вечно что-то и случается,—
сказал он.— Судьба никак не оставляет их в покое».

«Красота вообще штука опасная», — заметил я.

«Дело не только в красоте, — возразил он.— Есть что-то
такое еще... От нее ведь просто исходит ощущение опасно-
сти. Точно тебе говорю: с ней ли, из-за нее ли, но какое-
то несчастье точно случится. Я же говорю: судьба ни за что
не оставит ее в покое. Она просто обречена вечно оказы-
ваться в центре событий. Это чувствуется».

Он помолчал и с улыбкой добавил: «Вот посмотри на ту
парочку — уж с ними-то точно ничего не случится. Про-
сто созданы для тихой семейной жизни».

Я взглянул — это были путешественницы с парохода
«Холланд Ллойд», прибывшего в порт вечером; его пасса-
жиры только начали появляться в ресторане.

Две женщины, которых имел в виду мой друг, относи-
лись к тому типу заядлых путешественниц, который часто
можно встретить за границей. По виду им было лет по со-
рок. Обе — небольшого роста; одна — светленькая и пух-
лая, другая — худощавая и темноволосая. Никакой косме-
тики... Неброские, но добротные твидовые костюмы, уве-

ренные манеры знающих себе цену англичанок... В общем, ничего особенного. Типичные представительницы своего класса. На достопримечательность, не отмеченную бедкером¹, такие и смотреть не станут. Попадая в новый город, первым делом отыскивают английскую библиотеку и англиканскую церковь. Какая-нибудь из них — если не обе — наверняка пописывает этюды. И, хоть они объездили полсвета, с ними, как подметил мой друг, скорее всего, так никогда и не случится ничего необычного. Признаться, танцующая испанка вызвала у меня куда больший интерес. В ее полуприкрытых глазах, казалось, мерцал отблеск какой-то тайны...

— Бедняжки, неужто так просто и сидели? — неожиданно вздохнула Джейн Хелльер. — Это же так глупо: отказывать себе в удовольствиях. Надо было им потанцевать. Вот взять хоть Валентину с Бонд-стрит — она же великолепна! Даже Одри Денман ходит смотреть на нее. А ведь Одри... Видели ее в пьесе «Ступенька вниз»? Она там в первом действии школьницу играет. А ей ведь за пятьдесят! Собственно, практически шестьдесят, как я недавно узнала...

— Рассказывайте дальше, доктор, — потребовала миссис Бантри. — Я обожаю истории о таинственных испанках.

— Простите, — возразил доктор Ллойд, — но про испанку уже всё.

— Как это?!

— Вот так. И я, и мой друг ошиблись. Ничего волнующего с ней не случилось. Вышла замуж за конторского служащего из пароходной компании. К моменту моего отъезда с острова у нее уже была куча ребятишек. Вдобавок, она порядком располнела.

— Совсем как дочка Израэля Питерса, — заметила миссис Марпл. — Вечно ей поручали играть мальчиков, такие у нее были стройные ножки. Все говорили, что она плохо кончит, но она бросила сцену, вышла замуж за коммивояжера и совершенно остепенилась.

— Сельская вариация на испанскую тему, — вполголоса заметил сэр Генри.

— Нет, нет, — продолжил доктор, — моя история о двух англичанках.

¹ Бедкер — путеводитель, пользующийся большой популярностью. Выпускается одноименным немецким издательством, по имени основателя издательства Корса Бедкера (1801—1859).

— Неужели с ними что-то случилось? — спросила мисс Хелльбер.

— И очень скоро. На следующий же день.

— Да ну? — изумилась миссис Бантри.

— Любопытства ради я заглянул тогда в книгу для приезжающих и отыскал их имена. Мисс Мэри Бартон и мисс Эйми Даррант из Литтл Паддокс, Уохтон Уир. Мне и в голову не могло прийти, что очень скоро я вновь встречу эти имена, но уже совсем при других, и куда более трагических, обстоятельствах.

На следующий день мы с друзьями на машине отправились в другой конец острова купаться. Там есть просто идеальное место для купания — Лас-Нивес, если мне не изменяет память. Такая уютная маленькая бухта. Но, поскольку мы немного задержались с выездом, пришлось по дороге заехать пообедать, в Лас-Нивес мы попали только к вечеру — перед самым чаем.

Когда мы приехали, нас поразила толпа на берегу. Казалось, все население деревушки высыпало на пляж. Увидев нас, люди бросились к машине и принялись что-то возбужденно кричать. Поскольку испанский мы знали плохо, то не сразу поняли, в чем дело.

В конце концов они кое-как растолковали нам, что две ненормальных англичанки решили искупаться, и одна из них, заплыв слишком далеко, начала тонуть. Вторая поспешила к ней на помощь и тоже стала тонуть. Хорошо, что кто-то их увидел, быстро подплыл на лодке и вытащил обеих.

Я выскочил из машины и с трудом пробился через толпу. Поначалу я их даже не узнал. Немного уже располневшая женщина в черном купальнике и полностью закрывающей волосы шапочке стояла на коленях возле другой. Она была страшно испугана и все пыталась сделать подруге искусственное дыхание, но у нее мало чего получалось. Когда я сказал, что я врач, у нее вырвался вздох облегчения. Я посоветовал ей немедленно отравиться в ближайший дом, вытереться и надеть сухую одежду. Одна из моих спутниц вызвалась ее проводить. Тут же забыв о ней, я занялся ее подругой, но все мои попытки вернуть ее к жизни оказались тщетны.

Оставалось только сообщить об этом ее подруге. Зайдя в дом, где ее временно приютили, я наконец-то узнал в ней одну из вчерашних посетительниц ресторана. Она восприняла известие довольно спокойно. Вероятно, потрясе-

ние было слишком сильным, чтобы она вполне осознала происшедшее.

«Бедная Эйми,— сказала она.— Она так ждала этого, так мечтала попасть к морю. И она ведь прекрасно плавает. Не понимаю, как это могло случиться. Ну почему, доктор?»

«Судорога, очевидно,— предположил я.— Попробуйте вспомнить, как все это произошло».

«Ну, мы плавали, наверное, уже минут двадцать, и я почувствовала, что начинаю уставать. Я повернула к берегу, а Эйми сказала, что еще чуточку поплавать. Потом слышу: она зовет на помощь. Я назад к ней. Она уже едва держалась и едва ли понимала, что делает. Вцепилась в меня изо всех сил, и мы обе тут же ушли под воду. Если бы не мужчина в лодке...»

«Спасти утопающего очень трудно»,— заметил я.

«Какой ужас! — потерянно произнесла мисс Бартон.— Мы только вчера приехали. Хотели позагорать и немного отдохнуть. Как все ужасно получилось!»

Я попросил ее поподробнее рассказать о погибшей, чтобы по мере возможности избавить ее от неизбежных формальностей с испанскими властями.

Погибшую звали Эйми Даррант. Она была компаньонкой мисс Бартон уже около пяти месяцев. Они прекрасно ладили. О детстве и родственниках Эйми вспоминать не любила, так что об этом мисс Бартон ничего мне рассказать не могла. Знала только, что Эйми рано осиротела, ее взял на воспитание дядя, и уже с двадцати одного года ей пришлось самой зарабатывать на жизнь. Вот, собственно, и все, что я узнал.

Доктор немного помолчал и повторил:

— Вот, собственно, и все.

— Как все?— возмутилась мисс Хелльер.— Это что же, и есть ваша «таинственная история»? По-моему, это самый обычный несчастный случай.

— Думаю, все же последует продолжение,— успокоил ее сэр Генри.

— Да,— ответил доктор Ллойд.— Продолжение последует. Понимаете, я, конечно, расспросил о случившемся рыбаков и других жителей деревушки, которые были свидетелями трагедии. И одна женщина рассказала мне любопытную вещь. Тогда я, правда, не придавал ее словам никакого значения, но позже мне пришлось о них вспомнить. Так вот, эта женщина уверяла, что мисс Даррант вовсе не

тонула, когда звала на помощь. Как раз наоборот: подруга, подплыв, схватила ее за волосы и потащила под воду. Ничего себе утвержденьице, правда? Я объяснил его тем, что с берега все могло выглядеть иначе. Мисс Бартон, вероятно, пыталась высвободиться из мертвой хватки утопающей, чтобы не погибнуть вместе с ней, — с берега вполне могло показаться, что она нарочно топит компаньонку.

Еще раз повторю: тогда я не придавал ее словам никакого значения.

Поскольку родственников у Эйми Даррант не осталось, узнать о ней было довольно-таки затруднительно. Вместе с мисс Бартон мы осмотрели вещи покойной, но нашли только один адрес, по которому и написали письмо. Оказалось, это адрес хозяйки, у которой она снимала комнату и хранила свои вещи. Хозяйка, к сожалению, не могла сообщить нам ничего полезного. Она и видела-то свою квартирантку только один раз — когда договаривались о комнате. Та еще сказала, что ей хочется иметь уголок, куда можно в любой момент вернуться. Все ее имущество состояло из нескольких предметов старинной мебели, двух-трех подшивок репродукций и сундука, набитого купленными на распродажах отрезами. И практически никакой одежды. Еще хозяйка припомнила, что мисс Даррант рассказывала ей о родителях, умерших в Индии, и воспитывавшем ее дяде — священнике, но вот с какой стороны он приходился ей дядей, она не знала, так что никаких родственников найти нам так и не удалось.

Как видите, никакой таинственности тут не было — сплошная, и довольно досадная, неопределенность. В конце концов, на свете немало гордых и скрытных одиноких женщин.

Среди ее вещей в Лас-Пальмасе мы обнаружили две старые выцветшие фотографии. Но, когда их вставляли в рамку, их обрезали, и фамилии фотографа не сохранилось. Кроме того, мы нашли старинный дагеротип, запечатлевший ее мать, а может — и бабушку.

У мисс Бартон сохранились два рекомендательных письма, причем имя одного из поручителей вообще ничего ей не говорило, а второго она вспомнила лишь с большим трудом. Какая-то дама, уехавшая в Австралию... Мы ей написали и очень долго ждали ответа, а когда он пришел, это было очередным разочарованием. Ничего нового мы не узнали. В письме сообщалось, что мисс Даррант была у нее компаньонкой, что она очень расторопная и на ред-

кость милая женщина, но о ее родственниках и личной жизни ей ничего не известно.

Вот и все. Могу добавить, что меня насторожили два момента: то, что об Эйми Даррант никто ничего не знал, и странное утверждение той женщины. Можно еще, пожалуй, добавить и третье: в моей памяти почему-то запечатлелось лицо мисс Бартон, когда я поднял голову от бездыханного тела ее компаньонки и посмотрел ей вслед. Она тогда обернулась, и на ее лице было написано смятение, граничащее с ужасом.

Тогда я считал это вполне естественным, и лишь позже понял, что этих двух женщин не связывали никакие личные отношения. Тем более там не было и дружбы. Собственно говоря, у мисс Бартон совершенно не было причин так убиваться. Смерть компаньонки могла огорчить ее, расстроить — но не более того.

Тогда откуда эта мучительная тревога? Я снова и снова задавал себе этот вопрос, пытаюсь найти ответ. И не мог. Одна мысль никак не давала мне покоя... Что, если та женщина говорила правду? Что, если Мэри Бартон действительно утопила Эйми Даррант? Вот посмотрите: их вытаскивают из воды, выносят на пустынный обычно пляж, где нет ни спасателей, ни пунктов медицинской помощи... И тут появляюсь я — человек, которого она меньше всего ожидала там встретить. Врач! И к тому же англичанин! Ведь сколько известно случаев, когда удавалось вернуть к жизни людей, пробывших под водой гораздо дольше Эйми Даррант... И в такой момент она вынуждена уйти, оставив меня наедине с ее жертвой! Тогда понятно, почему на ее лице отражалась такая смертельная тревога. Оживи Эйми Даррант, она могла рассказать, что случилось в действительности.

— Господи! — вырвалось у Джейн Хелльер. — Вот теперь мне по-настоящему страшно.

— Вот именно, — согласился доктор Ллойд. — В таком ракурсе история приобретала на редкость зловещий характер, а личность Эйми Даррант становилась еще загадочнее. Кто она, эта Эйми Даррант? Почему эта ничем не примечательная женщина могла оказаться жертвой своей хозяйки? Что кроется за роковым купаньем? Она пробыла компаньонкой Мэри Бартон всего несколько месяцев. И вот они вместе едут за границу, и на следующий же день после приезда происходит трагедия! Я решил, что этого

просто не может быть. Тогда, в ресторане, они произвели на меня такое положительное впечатление... В общем, я предпочел забыть о своих догадках.

— И вы так ничего и не предприняли? — спросила мисс Хелльер.

— Дитя мое, что же мне оставалось? Свидетелей не было... Большинство очевидцев подтверждало рассказ мисс Бартон. А мои подозрения основывались только на личном впечатлении, на выражении ужаса, промелькнувшем и тут же исчезнувшем на лице мисс Бартон. Я уже сомневался, не привиделось ли это мне. Единственное, что я мог сделать — и сделал, — это попытаться найти родственников Эйми Даррант. Как вы уже знаете, из этого ничего не вышло. Даже встреча с хозяйкой комнаты, которую она снимала, оказалась совершенно безрезультатной.

— И все же вы не могли отделаться от мысли, что здесь что-то неладно, — заметила Марпл.

Доктор кивнул.

— И, честно говоря, меня это мучило, — сказал он. — Я все повторял и повторял себе, что безнравственно подозревать в таком страшном преступлении порядочную и невинную женщину. Чтобы как-то искупить свою вину, я всячески помогал ей, пока она оставалась на острове. Уладил формальности с местными властями... В общем, сделал все, что сделал бы на моем месте любой англичанин для своего соотечественника. Несмотря на это, она явно чувствовала, что я отношусь к ней с подозрением.

— И долго она еще оставалась на острове? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Недели две, не больше. Дней через десять после похорон мисс Даррант она уже отправилась обратно в Англию. Сказала, что потрясение оказалось слишком сильным, чтобы оставаться там на зиму, как собиралась первоначально.

— И она действительно была очень расстроена? — спросила мисс Марпл.

Доктор задумался.

— Пожалуй, я бы так не сказал, — осторожно ответил он.

— Она случайно не располнела еще больше? Вы не заметили? — обронила мисс Марпл.

— Странно, что вы об этом спрашиваете. Я как-то не задумывался... Хотя... Да, наверное... Немного.

— Вот ужас-то! — вздрогнув, сказала Джейн Хелльер. — Точно насосалась крови своей жертвы.

— Впрочем, я, может, не совсем к ней справедлив,— продолжил доктор Ллойд.— Перед самым отъездом она все же сделала попытку поделиться со мной тем, что могло бы в корне изменить ситуацию. Вероятно, совесть просыпается слишком медленно, и требуется изрядное время, чтобы она проснулась совсем.

Накануне отъезда с Канарских островов она попросила меня заглянуть к ней вечером. Я пришел. Первым делом она от всей души поблагодарила меня за помощь. Я, разумеется, ответил ей, что на моем месте так поступил бы каждый порядочный человек.

Она немного помолчала, а потом вдруг спросила:

«Как вы думаете, доктор, можно ли оправдать того, кто берется собственными руками вершить правосудие?»

Я ответил, что вопрос, конечно, сложный, и тем не менее я уверен, что нет. Закон есть закон, и нужно его соблюдать.

«Даже, если закон бессилен?»

«Я не совсем вас понимаю».

«Это трудно объяснить. Что, если человек решается на противоправное — преступное даже — действие из совершенно благих побуждений?»

Я заметил ей, что большинство преступников именно так и оправдывают свои поступки.

Она даже отпрянула от меня, и я расслышал, как она тихо простонала:

«Это ужасно, ужасно».

И тут же уже совершенно спокойным голосом попросила у меня снотворного.

«Совершенно не могу с тех пор спать. Такое потрясение!»— объяснила она.

«И только? Вы уверены, что причина действительно в этом? Вас ничего не мучит, в голову не лезут всякие мысли...»

«Это какие же?» — резко переспросила она, глядя мне прямо в глаза.

«Ну, бессонница частенько бывает вызвана тревогой»,— невозмутимо пояснил я.

«Тревогой о будущем или о прошлом, доктор?»

«И то, и другое».

«Прошное разве вернешь? Что толку о нем тревожиться! Что было, то было. Бесполезно! Лучше не вспоминать. Не думать».

Я выписал ей легкое снотворное и попрощался. По дороге домой я все время размышлял над ее словами. «Разве вернешь...» Кого вернешь? Или что?

Думаю, тот наш последний разговор в некоторой степени подготовил меня к развязке всей этой истории. Разумеется, я и предвидеть не мог, что случится, но, когда это произошло, оно уже не было для меня полной неожиданностью.

Мэри Бартон не произвела на меня впечатление раскаявшейся грешницы — скорее, женщины, готовой ради своих убеждений на все. По крайней мере, до тех пор, пока она в них верит. И еще мне почему-то казалось, что наш с ней разговор стал началом конца этой веры, так долго служившей оправданием ее совести.

Вскоре я прочел в газете следующее. Это случилось в одном из частных корнуоллских курортов. Как всегда в конце марта, отдыхающих было немного, развлечений еще меньше, поэтому странное поведение одной дамы, некой мисс Бартон, сразу стало объектом их пристального внимания. Ночами напролет она бродила по своему номеру, разговаривая вслух и мешая соседям спать. Вскоре она явилась к местному викарию. Решительно заявив ему, что она совершила некое преступление, затем она как будто передумала, стремительно поднялась и вышла, сказав, что зайдет в другой раз. Викарий отнес этот визит за счет поврежденного рассудка несчастной и никаких мер не принял.

Однако на следующее утро мисс Бартон исчезла. В ее номере нашли адресованную коронеру записку следующего содержания:

«Вчера я пыталась рассказать все викарию, признаться ему... Мне не позволили. Она запретила. Сказала, есть только один способ все исправить — уйти из жизни. Жизнь за жизнь. Я должна разделить ее участь — исчезнуть в морской пучине.

Я думала, обстоятельства оправдывают меня — теперь понимаю, что ошибалась. Получить прощение Эйми я могу единственным способом: последовать за нею...

Прошу никого не винить в моей смерти.

Мэри Бартон».

В одной из отдаленных пещер на берегу обнаружили ее одежду. Все говорило за то, что она разделась и заплыла в море. Там очень сильное течение...

Тело так и не нашли. По истечении положенного в та-

ких случаях срока Мэри Бартон была автоматически признана погибшей. Поскольку никакого завещания она не оставила, все ее состояние — а она была очень богатой женщиной — отошло ближайшей родственнице: двоюродной сестре, проживающей с семьей в Австралии. Газеты без колебаний связали ее смерть с трагедией на Канарских островах. Гибель подруги, пошатнувшаяся психика и так далее... По делу о смерти Мэри Бартон суд вынес формальное и обычное в таких случаях заключение: самоубийство на почве временного помешательства.

Такова трагедия Эйми Даррант и Мэри Бартон. И здесь занавес опускается.

Воцарившуюся тишину нарушил протестующий возглас Джейн Хелльер:

— Доктор! На самом интересном месте! Ради Бога, продолжайте.

— К сожалению, мисс Хелльер, жизнь сама решает, где ей поставить точку. Продолжения у меня нет.

— Но я хочу знать продолжение!— капризно заявила Джейн.

— Тогда, мисс Хелльер,— вступил в разговор сэр Генри,— придется пошевелить мозгами. Нам предстоит решить загадку доктора Ллойда: почему Мэри Бартон убила свою компаньонку?

— Да мало ли почему!— живо откликнулась Джейн Хелльер.— Можно придумать тысячу причин... Она могла просто ее разозлить... Или вот еще: ревность. Правда, доктор Ллойд не упомянул ни одного мужчины. Но, сами понимаете: пароход... Эти морские путешествия... Ну что вам объяснить!

Мисс Хелльер прервала рассуждения и надолго замолчала, предоставив собравшимся сочувственно пожелать лучшего содержимого ее прекрасной головке.

— У меня тоже есть несколько предположений,— сказала наконец миссис Бантри.— Но, кажется, внимания заслуживает только одно. Я думаю, отец мисс Бартон когда-то разорил отца Эйми Даррант, и дочь решила отомстить. Ой, нет, снова я все перепутала! Тут ведь богатая хозяйка убивает бедную компаньонку, да? Значит, дело не в деньгах... А-а, ну тогда все ясно! У мисс Бартон был младший брат, который застрелился из-за несчастной любви к Эйми Даррант. Ну вот... Мисс Бартон терпеливо ждала своего часа. Наконец Эйми осталась без средств к суще-

ствованию, мисс Бартон взяла ее в компаньонки, увезла на Канары и там рассчиталась. Ну как?

— Замечательно! — восхитился сэр Генри. — Единственное «но»: а вдруг у мисс Бартон не было младшего брата?

— Дедукция говорит, что был, — возразила мисс Бантри. — Иначе исчезает мотив. Так что обязательно должен был быть брат, причем младший. Это же элементарно, Ватсон!

— Умница, Долли, — вмешался ее муж. — Жаль, что это всего лишь предположение.

— Разумеется, — согласилась миссис Бантри. — А мы только и можем что предполагать. Доказательств-то нет! У тебя, кстати, и предположения небось приличного нету!

— Честно говоря, нет. Но, думаю, мисс Хелльер была очень недалеко от истины, предположив, что здесь замешан мужчина. Я бы даже сказал, священник. Обе вышивали ему ризы или что они там носят, и он предпочел ту, что поднесла ему Даррант. Ну, что-то в этом роде. И в конце, заметьте, она снова идет к священнику. Святые отцы вообще влекут женщин как запретный плод. Старо как мир.

— Я бы предложил более... деликатное объяснение, — сказал сэр Генри. — Должен предупредить, это не более чем догадка. Так вот: думаю, у мисс Бартон всегда была... скажем так, ранимая психика. Такие люди встречаются куда чаще, чем вы можете себе представить. Болезнь прогрессировала и со временем развилась в настоящую манию, заставив мисс Бартон твердо уверовать в то, что истинное ее предназначение — избавлять мир от зла: от падших женщин, к примеру.

Мы же ничего не знаем о прошлом мисс Даррант. Вполне возможно, она тоже когда-то принадлежала к их числу. Мисс Бартон узнала об этом и решила ее уничтожить. Потом начала сомневаться в справедливости своего поступка, мучиться угрызениями совести... Ее самоубийство явно свидетельствует о психической неуравновешенности. Вы согласны со мной, мисс Марпл?

— Боюсь, что нет, сэр Генри, — с извиняющейся улыбкой ответила та. — Думаю, как раз этот ее поступок говорит о незаурядном уме и немалой изобретательности.

Ее прервало радостное восклицание Джейн Хелльер:

— Ну как же я сразу не догадалась! Дайте я скажу! Конечно, иначе и быть не могло. Шантаж! Эта компаньонка

ее шантажировала. Только чего же тут умного, мисс Марпл: взять и лишить себя жизни? Ничего себе изобретательность!

— Потерпите немного,— улыбнулся сэр Генри,— и мисс Марпл наверняка расскажет вам сходный случай из жизни Сент-Мэри-Мид.

— Ну вот, опять вы смеетесь, сэр Генри,— укоризненно заметила мисс Марпл.— И совершенно напрасно: была у нас здесь такая миссис Траут, так она, представьте, получала пенсию сразу за трех пожилых дам. Все три были из разных приходов, и единственное, что их объединяло,— это то, что все три к тому времени уже давно умерли.

— Весьма изобретательная особа,— согласился сэр Генри.— Только ее делишки не проливают никакого света на нашу загадку.

— Разумеется,— сказала мисс Марпл,— для вас не проливают. Но есть ведь и очень бедные семьи, в которых пенсия по старости — огромное подспорье. Нет, я понимаю: тому, кто с этим не сталкивался, понять трудно. Я, собственно, имела в виду другое... В таких делах главное — сходство. Все пожилые женщины похожи друг на друга как сестры.

— Да? — недоверчиво переспросил сэр Генри.

— Ах, я всегда все так плохо объясняю! Я ведь что хочу сказать... Когда доктор Ллойд впервые увидел этих двух англичанок, он и знать не знал, кто из них кто. Думаю, и в отеле этого не знали. Разумеется, через день-другой все бы разобрались... Но, поскольку на следующий же день одна из них утонула, то, назови себя вторая мисс Бартон, думаю, никому и в голову бы не пришло, что это... не так.

— Значит, вы думаете... — медленно проговорил сэр Генри.— Тогда понятно...

— Это же единственное разумное предположение. Только что наша дорогая миссис Бантри совершенно справедливо заметила: зачем богатой хозяйке убивать свою компаньонку? Жизнь подсказывает, что логичнее предположить обратное.

— Неужели все так и было? — недоверчиво спросил сэр Генри.— Погодите, мне нужно это осознать.

— Разумеется,— продолжила мисс Марпл,— потом ей пришлось носить одежду мисс Бартон, которая, вероятно, была ей несколько тесновата, благодаря чему могло показаться, что она еще больше располнела. Вот почему я и

спросила об этом доктора. Мужчине наверняка покажется, что женщина раздалась, ему и в голову не придет, что она вынуждена носить костюм на пару размеров меньше.

— Но какой смысл был Эйми Даррант убивать свою хозяйку? Должна же она была понимать, что ей не удастся скрывать обман вечно.

— Ей пришлось скрывать его лишь несколько месяцев, — напомнила мисс Марпл. — Которые она провела в путешествиях, стараясь держаться подальше от тех, кто мог бы ее узнать. Именно это я имела в виду, когда говорила, что к определенному возрасту женщины становятся очень похожи друг на друга. Думаю, никто и не заметил, что фотография в паспорте не ее. Вы же знаете эти паспортные фотографии! А в марте она отправляется на небольшой, малолюдный курорт и ведет себя там так... эксцентрично, что, когда находят ее «предсмертную записку» и оставленную на берегу одежду, никому и в голову не приходит задать себе самый обычный при подобных обстоятельствах вопрос.

— Это какой же? — спросил сэръ Генри.

— Где тело? — ответила мисс Марпл. — Вообще-то это всегда наводит на определенные подозрения, но она очень тонко сумела отвлечь внимание всевозможными уловками, таинственными намеками и мнимым раскаянием. Но ведь суть от этого не меняется: тела не нашли, и это перевешивает все прочее...

— Так вы думаете... никакого раскаяния не было? — спросила миссис Бантри — Вы хотите сказать, что на самом деле она не утопилась?

— Ни в коем случае, — сказала мисс Марпл. — Она, как и миссис Траут, о которой я вспоминала, очень ловко запутала все следы. Но, раз уж я ту вывела на чистую воду, мне не сложно было оценить и этот трюк с раскаянием. Зачем же ей было топиться? Если я еще способна что-то понимать, она просто уехала в свою Австралию.

— Способны, мисс Марпл, еще как способны, — закивал головой доктор Ллойд. — Эта история преподнесла мне еще один сюрприз. Он дождался меня в Мельбурне. Это было серьезным потрясением...

— Вы имеете в виду развязку, о которой говорили?

— Да, — кивнул доктор Ллойд. — Мисс Бартон или, если вам угодно, Эйми Даррант, крупно не повезло. Одно время я работал судовым врачом, и однажды, сойдя на берег

в Мельбурне, нос к носу столкнулся с женщиной, которая, как я был уверен, утонула на Корнуолле. Думаю, она поняла, что терять ей нечего, и решилась на смелый поступок: рассказала мне все. Странная это была женщина... Абсолютно никаких моральных принципов. Она была старшей из девяти детей в очень бедной семье. В Англии жила их богатая кузина, и звали ее — вы уже догадались, не так ли? — мисс Бартон. После смерти родителей дети обратились к ней за помощью, но получили отказ: мисс Бартон, видите ли, недолюбливала их отца. Тем временем трое младшеньких нуждались в лечении. Лечение стоило дорого, а семья отчаянно нуждалась. Наверное, именно тогда у Эйми Бартон и созрел план убийства. Она уехала в Англию и какое-то время служила в разных домах гувернанткой. Получив необходимые рекомендации, она смогла наконец — уже под именем Эйми Даррант — устроиться компаньонкой мисс Бартон. Чтобы войти в роль, она даже сняла комнату и купила кое-какую мебель. Оставалось только ждать удобного случая... Дальше вы уже знаете. После трагедии на Канарах и мнимого самоубийства она вернулась в Австралию, чтобы вскорости унаследовать состояние мисс Бартон, приходившейся ей ближайшей родственницей.

— Весьма дерзкое и продуманное до мелочей преступление, — заметил сэр Генри. — Если бы открылось, что на Канарах с мисс Бартон была ее родственница, ей не удалось бы избежать подозрений. Но вымышленное имя и инсценированное самоубийство помогли ей замести следы. Да, тонкая работа, доложу я вам.

— И что же с ней было дальше? — спросила миссис Бантри. — Как вы поступили, доктор?

— С точки зрения закона я не располагал достаточными уликами. Собственно говоря, у меня их нет и сейчас. Но я был у нее дома, познакомился с ее семьей... Это очень дружная семья. Все они просто боготворили свою старшую сестру и не имели ни малейшего представления о том, какое страшное преступление она совершила. Доказать я ничего не мог — так стоило ли рушить всю их жизнь ради своих амбиций? И потом, я знал, что, несмотря на цветущую внешность, дни этой женщины сочтены. Я не считал себя вправе что-то менять. Мисс Эйми Бартон умерла через полгода после нашей последней встречи. Раскаялась она перед смертью, нет ли — этого я не знаю.

— Конечно нет,— завершила его миссис Бантри.

— Скорее всего, действительно нет,— поддержала ее мисс Марпл.— Миссис Траут, например, и не подумала.

— Как интересно!— вздохнула мисс Хелльер, завороченно качая своей чудесной головкой.— Только я не совсем поняла: кто же все-таки кого утопил? И эта миссис Траут... Она-то где была в это время?

— Да все здесь же, дорогая,— ласково ответила мисс Марпл.— Жила себе в нашей деревне и занималась разными гадостями.

— А-а, в деревне! — протянула мисс Хелльер.— А разве в деревне случается что-нибудь стоящее? Если бы я жила в деревне,— добавила она, немного подумав,— то, наверное, вообще бы ничего не понимала.

Глава 3

Четверо подозреваемых

Разговор в гостиной коснулся нераскрытых и, как следствие, оставшихся безнаказанными преступлениях. У каждого: и воинственного полковника Бантри, и его полноватой супруги, и восхитительной Джейн Хелльер, и застенчивого доктора Ллойда было на этот счет собственное мнение. Даже почтенная мисс Марпл не осталась в стороне. И только тот, кто, несомненно, мог рассказать об этом куда больше других, а именно, оставшой комиссар Скотленд-Ярда сэр Генри Клитеринг лишь молча подкручивал — или, вернее, поглаживал — свои усы и загадочно улыбался собственным мыслям.

— Сэр Генри!— не выдержала наконец миссис Бантри.— Поскольку вы упорно молчите, придется спросить самой. Много ли преступлений остается безнаказанными?

— Вы про газетные заголовки типа «Скотленд-Ярд снова сел в лужу», которые так любят наши газетчики?

— Ну, это, я полагаю, капля в море числа дел раскрытых,— заметил доктор Ллойд.

— Да, вы правы. О раскрытых преступлениях — а их сотни — и о понесших наказание преступниках сообщают гораздо реже. Но ведь речь, как я понял, не об этом? Не о преступлениях нераскрытых, а о преступлениях попросту неизвестных. Это совершенно разные вещи. Как можно обвинять Скотленд-Ярд в том, что он не сумел раскрыть

преступление, о котором не знал? О котором, собственно, и никто не знает?

— Но таких преступлений, вероятно, не так уж много,— заметила миссис Бантри.

— Вы думаете?

— Сэр Генри, но не будете же вы уверять, что их пруд пруди?

— А по-моему,— заметила мисс Марпл с истинно английской невозмутимостью,— именно так оно и есть.

— Э, послушайте, уважаемая...— начал полковник Бантри.

— Конечно,— не обращая внимания на реплику полковника, продолжала мисс Марпл,— на свете полно не слишком умных людей, и, стоит им совершить первую серьезную ошибку, как это немедленно обнаруживается. Встречаются, однако, и по-настоящему умные люди, и страшно даже представить, что они могли бы натворить, не имея прочных нравственных устоев.

— Да,— согласился сэр Генри,— но на самом-то деле их тоже немало. Знали бы вы, как часто преступление всплывает наружу лишь благодаря совершенно нелепой случайности. Невольно задаешься вопросом: а если бы не это, узнал бы кто-нибудь о нем вообще?

— Но это же чудовишно, Клитеринг!— воскликнул полковник Бантри.— Просто чудовишно.

— Вы думаете?

— А вы что же: нет? Несомненно, безнаказанность — серьезнейшая социальная проблема, с которой...

— Вы говорите о безнаказанности,— перебил его сэр Генри,— однако же это не совсем так. Да: такие преступления не караются законом, но в природе все взаимосвязано, и официальный приговор — лишь частный случай возмездия. Я знаю: фраза, что не бывает преступления без наказания, звучит слишком банально, однако же я глубоко убежден, что это именно так.

— Так-то оно так,— протянул полковник Бантри,— но это несколько не снижает важности раскрытия... или обнаружения... необнаруженных...

Он растерянно умолк.

Сэр Генри улыбнулся.

— Уверен, девяносто девять человек из ста согласятся с вами,— сказал он.— Только, знаете, оказывается, на практике куда важнее обнаруживать не вину, а именно неви-

новность. Вот этого общество пока никак не может осознать.

— Не понимаю, о чем это вы,— сказала Джейн Хелльер.

— А я так вас понимаю,— вступила в разговор мисс Марпл.— Когда миссис Трент обнаружила, что из ее сумочки пропали полкроны, она отчего-то даже и не сомневалась, что монетку украла приходящая служанка, миссис Артур. Конечно, супруги Трент, будучи людьми мягкими и зная, что у той куча детей и муж-пьяница, не стали ее увольнять. Тем не менее относиться к ней по-прежнему они уже не могли. С тех пор несчастную миссис Артур уже никогда не оставляли в доме одну. Естественно, она это чувствовала. Потом ее начали сторониться в деревне... И вдруг выяснилось, что на самом деле монетку украла гувернантка. Миссис Трент случайно увидела ее в зеркале, когда она снова рылась в ее сумочке. Зеркало и приоткрытая дверь... Чистейшая случайность, хотя лично я предпочитаю называть это Провидением. Думаю, сэр Генри имел в виду именно это. Люди всегда ищут самое простое решение, не задумываясь о том, что преступником, как правило, оказывается человек, меньше всего на эту роль подходящий,— прямо как в детективах! Я правильно уловила вашу мысль, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл, совершенно. В вашем случае служанке еще повезло. Ее невиновность была доказана. А ведь некоторые обречены так и прожить всю жизнь под тяжестью ничем не заслуженного подозрения.

— Вы имеете в виду какой-то конкретный случай, сэр Генри? — поинтересовалась миссис Бантри.

— Собственно говоря, да, и весьма необычный случай, миссис Бантри. Мы точно знали, что совершенно убийство, и не имели ни малейшей возможности доказать это.

— Яд! — выдохнула Джейн Хелльер.— Неизвестный науке яд!

Доктор Ллойд тревожно заерзал в своем кресле, и сэр Генри поспешил его успокоить.

— Нет. Никакого яда, никаких южноамериканских индейцев с отравленными стрелами. Все гораздо хуже. Мы столкнулись с делом настолько обыденным, что сама его заурядность исключала всякую возможность установления истинного преступника. Человек упал с лестницы и сломал себе шею. С виду — самый обычный несчастный случай, какие происходят каждый день.

— А на самом деле?

Сэр Генри раздраженно пожал плечами

— Кто знает? Может, толкнули сзади или натянули поперек лестницы бечевку, которую убрали после Боюсь, этого мы уже никогда не узнаем.

— Но откуда тогда такая уверенность, что это не было несчастным случаем? — проницательно спросил доктор.

— Слишком долгая история. Но вы правы: мы точно знали, что все это было подстроено. И в то же время — повторяю — не было никаких шансов установить, кто это сделал. Ни одной четкой улики. Вы спросите, почему я вспомнил этот случай? Видите ли, возможность подстроить падение была у четырех человек. Виновен из них один, но, пока истина не установлена, тень ужасного подозрения падает на всех четверых.

— Думаю, лучше уж нам выслушать эту вашу историю целиком, — сказала миссис Бантри.

— Что ж, — согласился сэр Генри, — в конце концов, нет необходимости вдаваться в детали. Начало уж точно можно опустить. Так вот. Существует — вернее, существовала — некая тайная немецкая организация: «Шварц Ханд». Это что-то вроде каморры: шантаж, террор и прочее. Она возникла сразу после войны¹ и удивительно быстро опутала своими щупальцами всю страну. Ее жертвами пали многие известные люди. Все попытки властей уничтожить ее оказались безуспешными: секреты ее ревностно охранялись, а найти человека, согласившегося предоставить информацию, было попросту невозможно.

В Англии о «Шварц Ханд» мало кто знает, но в Германии до сих пор вспоминают с ужасом. Как ни странно, эта могущественная организация полностью прекратила свое существование благодаря усилиям одного-единственного человека. Доктор Розен... одна из самых ярких фигур в истории спецслужб... Он сумел внедриться в руководящее ядро организации и, можно сказать, взорвать ее изнутри.

Все же его выследили, и руководство секретной службы настояло на том, чтобы он покинул Германию — по крайней мере, на время. Полиция Берлина предупредила нас о его приезде. Я лично встречался с ним. Он держался совершенно спокойно — как человек, полностью смилившийся со своей участью и не питающий ни малейших иллюзий относительно будущего.

¹ Имеется в виду Первая мировая война (1914—1918)

«Рано или поздно они найдут меня, сэр Генри,— сказал он мне.— Обязательно найдут».

Это был крупный мужчина с горделивой осанкой и низким голосом. Слегка гортанное произношение выдавало его национальность.

«Моя участь предрешена,— совершенно спокойно объяснял он мне,— и я к этому совершенно готов. Собственно, я знал это еще до того, как включился в операцию. Задачу я выполнил, «Шварц Хандс» больше не существует... К сожалению, многие ее члены остались на свободе. Единственное, чего я с их точки зрения заслуживаю,— это немедленной смерти, но, представьте, как раз сейчас я никак не могу им позволить себя убить. Я должен закончить одну работу — труд всей моей жизни,— и на это мне требуется некоторое время».

Все это было сказано с таким достоинством, что я не мог не восхищаться этим человеком. Я клятвенно заверил его, что приму все меры предосторожности, но он только махнул рукой.

«Рано или поздно они все равно до меня доберутся,— повторил он.— Сделайте одолжение: когда это случится, не упрекайте себя. Нисколько не сомневаюсь, что вы сделаете все возможное».

Я спросил, чего бы ему хотелось. Как выяснилось, очень немногого: скромный коттедж в сельской местности, где можно было бы спокойно закончить работу. Посоветовавшись, мы остановили свой выбор на деревне Кингз Натон, что в Сомерсете. Это в семи милях от ближайшей железнодорожной станции, и цивилизация туда еще не добралась. Вот там-то доктор Розен и приобрел скромный, но уютный домик. Кое-что перестроил, кое-что усовершенствовал и, как тогда казалось, обосновался в нем надолго. С ним приехали его племянница Грета и личный секретарь. Из прислуги были только старая немка, верой и правдой служившая ему без малого сорок лет, и приходящий садовник из Кингз Натона — мастер на все руки.

— Четверо подозреваемых,— уточнил доктор Ллойд.

— Именно. Четверо подозреваемых — лучше не скажешь. Они прожили спокойно и тихо ровно пять месяцев. Потом произошло несчастье. Доктор Розен упал с лестницы, сломав при этом шею. Гертруда в тот момент находилась на кухне, и, поскольку дверь была закрыта, ничего не слышала. Подтвердить или опровергнуть ее показания про-

сто-напросто некому. Фрейлейн Грета была в саду: сажала там какие-то луковицы — опять-таки исключительно с ее слов. Садовник Доббс показал, что, когда случилось несчастье — а это было около одиннадцати часов, — он по своему обыкновению завтракал в подсобном помещении для цветочной рассады. Секретаря в это время вообще не было дома: он вышел прогуляться, но подтвердить это, разумеется, опять-таки некому. Таким образом, ни у кого из них не было алиби: их попросту никто не видел. С уверенностью можно было сказать одно: убийство совершил кто-то из них. В таком маленьком местечке, как Кингз Натон, постороннего заметили бы сразу. Обе двери — черная и парадная — были заперты, но у каждого были собственные ключи. Итак, как вы понимаете, все сводится к этой четверке. При этом подозревать их по меньшей мере нелепо. Грета — его родная племянница, Гертруда сорок лет прослужила ему верой и правдой, Доббс же вообще никогда не бывал за пределами Кингз Натона. А Чарлз Темплтон — самый обычный секретарь...

— Погодите, — прервал его полковник Бантри. — Нельзя ли остановиться на нем поподробнее? По-моему, темная лошадка. Что о нем известно?

— Достаточно, чтобы полностью оградить от подозрений, — неожиданно резко сказал сэр Генри и, помявшись, добавил: — Ну хорошо, хорошо... Дело в том, что Чарлз Темплтон — мой человек.

— А-а! — слегка опешив, протянул полковник.

— Ну да. Мне нужен был там свой человек, а Розену нужен был секретарь. Вот я и определил к нему Темплтона. Джентльмен, свободно говорит по-немецки и притом весьма способный малый.

— Но тогда... Кого же из них вы подозреваете? — недоуменно спросила миссис Бантри. — Они же все... Да как же можно...

— С одной стороны, да, но попробуйте взглянуть на дело с другой... Племянница Грета — очень милая девушка, но война не раз доказывала, что брат может пойти против брата, отец — против сына и так далее. Даже самые милые и порядочные девушки совершали поистине немыслимые поступки. То же относится и к Гертруде: кто знает, что творилось в ее душе? Тут могла быть и случайная ссора с хозяином, и накопившиеся за долгие годы преданной службы обиды. Пожилые женщины ее сословия могут быть

удивительно злопамятны. Теперь Доббс. То, что он не живет в доме, никак не снимает с него подозрения. Деньги — великая сила. В конце концов, его могли подкупить.

Далее, очевидно, что сигнал или прямой приказ поступили извне. Иначе почему Розену подарили целых пять месяцев? Вероятно, главари «Шварц Ханд» все же не были до конца уверены, что предатель — именно Розен, и откладывали месть до появления неоспоримых доказательств измены. И, когда никаких сомнений в этом уже не осталось, агенту, пять месяцев прожившему бок о бок со своей будущей жертвой, было приказано уничтожить ее.

— Какой ужас! — содрогнулась Джейн Хелльер.

— Я попытался выяснить, каким образом этот приказ был передан. Узнав это, я получил бы хоть какую-то зацепку. Я исходил из следующего: утром кто-то из четверых получил приказ... Именно утром: «Шварц Ханд» всегда отличалась четкой организацией и мобильностью. Любой приказ в ней выполнялся немедленно.

Я занялся этим вопросом, проявив удивительное рвение. Я тщательно проверил всех, кто приходил в дом тем утром. Всех до единого. Этот список у меня с собой.

Он вынул из кармана большой, туго набитый конверт и достал из него какой-то листок.

— Мясник принес кусок баранины. Проверено и подтверждено. Посыльный от бакалейщика принес упаковку кукурузной муки, два фунта сахара, фунт масла и фунт кофе. Проверено и подтверждено. Почтальон принес два проспекта для фрейлейн Розен, письмо Гертруде, три письма доктору Розену (одно с иностранной маркой) и два письма мистеру Темплтону (одно также с иностранной маркой).

Сэр Генри прервал чтение и вытащил из конверта ворох документов.

— Не желаете ли полюбопытствовать? Кое-что передано мне соответствующими инстанциями, остальное обнаружено в мусорной корзине. Само собой, письма подвергались экспертизе на симпатические чернила, шифры и так далее. Ничего такого в них нет!

Бумаги пошли по рукам. Каталоги от владельца питомника и известной лондонской пушной фирмы... Два счета на имя доктора Розена: за семена для сада и от лондонской книгоиздательской фирмы. Письмо на его имя следующего содержания:

*«Дорогой Розен,
Я сейчас от Самюэля Спата, а на днях видела Майкла Боумена. Он и Елизавета Джексон только что вернулись из Гангуна. Откровенно говоря, поездка была не слишком удачной, но это уже, можно сказать, Традиция. Поскорее пришлите о себе весточку. Еще раз прошу: остерегайтесь того человека. Вы знаете, о ком я... Напрасно вы мне не верите.*

Ваша Георгина».

— Почта мистера Темплтона состояла из счета от портного и письма от друга из Германии,— продолжил сэр Генри.— Последнее, к сожалению, он порвал во время прогулки. И наконец, письмо, полученное Гертрудой. Цитирую дословно:

«Дарагая миссис Шварц, надеемся, вы придете на наше собрание, которое состоится вечером в пятницу, потому как викарий гаварит, что все вам абрадуются, и благодарствуйте за рецепт, он просто замечательный, так что надеемся на вас, аставайтесь в добром здравии, увидимся в пятницу.

Преданная вам Эмма Грин».

— Вполне безобидное письмо,— улыбнулся доктор Ллойд.

Улыбнулась и миссис Бантри.

— Нисколько в этом не сомневаюсь,— сказал сэр Генри,— но на всякий случай навел справки о миссис Грин и о церковном собрании. Предосторожность никогда не помешает.

— Любимая присказка нашей дорогой мисс Марпл,— улыбнулся доктор Ллойд.— Кстати, о чем это вы, голу-бушка, замечались?

— Да нет, ничего особенного,— встрепенулась мисс Марпл.— Просто никак не соображу, почему слово «традиция» в письме к доктору Розену написано с заглавной буквы.

Миссис Бантри схватила письмо.

— Ой, и правда с заглавной!— воскликнула она.

— Конечно, милая,— сказала мисс Марпл.— Я думала, вы обратили внимание.

— Это письмо — явное предупреждение,— сказал полковник Бантри.— Я сразу понял. Не такой уж я невнимательный, как вы думаете. Явное предупреждение, только вот о чем?

— Вероятно, вам небезынтересно будет узнать, что, со слов Темплтона, вскрыв это письмо за завтраком, доктор Розен отбросил его, заметив, что понятия не имеет о написавшем его субъекте.

— Почему субъекте?— удивилась Джейн Хелльер.— Оно же подписано: «Георгина».

— Трудно сказать,— сказал доктор Ллойд.— Вполне может быть, что и «Георгий», хотя больше похоже все-таки на Георгину. Одно очевидно: почерк мужской.

— А знаете,— воскликнул полковник Бантри,— ведь он неспроста обратил всеобщее внимание на это письмо! Думаю, он просто сделал вид, что не знает автора. Наверное, хотел увидеть чью-то реакцию. Но чью? Девушки? Секретаря?

— Или кухарки,— добавила миссис Бантри.— Они ведь завтракали, значит, она скорее всего тоже была в комнате. Но вот чего я совсем уже не понимаю, так это совершенно особое...

Она вновь склонилась над письмом. Мисс Марпл под села к ней и коснулась пальцем листа бумаги, указывая на что-то. Они оживленно зашептались.

— А зачем это секретарю понадобилось рвать письмо? — спросила вдруг Джейн Хелльер.— Нет, в самом деле? Очень подозрительно. И кто это ему еще пишет из Германии? Хотя, конечно, если вы говорите, что он вне подозрений...

— Сэр Генри вовсе не говорит этого,— заметила мисс Марпл, прекращая шушукаться с хозяйкой.— Он сказал: четверо подозреваемых. Таким образом, он не исключает и мистера Темплтона. Правда ведь, сэр Генри: не исключаете?

— Да, мисс Марпл. Грустно, но факт. Весь мой опыт говорит о том, что никого нельзя ставить выше подозрений. В отношении троих из этой четверки я уже изложил причины, пусть достаточно сомнительные, по которым они могли совершить убийство. В четвертом, а именно Чарлза Темплтона, я поначалу был абсолютно уверен. Но в конечном счете взглянул правде в лицо, а она состоит в том, что везде: и в армии, и в полиции, и на флоте, как это ни прискорбно, есть предатели. И тогда я принялся взвешивать все, что мне известно о Темплтоне.

Я задал себе те же вопросы, которые только что задала мисс Хелльер. Почему он, единственный из всех домочад-

цев, не смог предъявить полученное письмо, которое к тому же пришло из Германии? Что за письма он получает из Германии? От кого?

Последний вопрос выглядел вполне невинно, и, не долго думая, я задал его Темплтону. Ответ оказался самым банальным: от его немецкой кузины. Сестра его матери была замужем за немцем, и в этом не было бы ровным счетом ничего подозрительного, если бы только Чарлз Темплтон не забыл упомянуть об этом в своей анкете. Теперь же этого было более чем достаточно, чтобы внести его в список подозреваемых, и даже главных подозреваемых. Он мой преемник, и я всегда относился к нему чуть не как к сыну, но здравый смысл и элементарная справедливость требовали от меня признать, что как раз он-то и является самым сомнительным звеном в этой цепочке из четырех человек.

Однако, так это или нет, я не знаю. Понимаете: просто не знаю! И, похоже, не узнаю уже никогда. Разумеется, убийца должен быть наказан, но не стоит забывать и о другом... Что не только карьера, но и вся жизнь совершенно честного и порядочного человека может оказаться разрушена единственно на основании подозрения... которое невозможно доказать... но и избавиться от которого невозможно.

Мисс Марпл кашлянула и негромко сказала:

— Насколько я понимаю, сэр Генри, вопрос о виновности или невиновности мистера Темплтона наиболее для вас мучителен?

— В известном смысле, да. Теоретически все четверо находятся в одинаковом положении, однако на деле это не совсем так. Вот, например, Доббс... Тот факт, что он находится в числе подозреваемых, разумеется, изменил мое к нему отношение, но, поскольку это никак не отразилось на какой-нибудь другой стороне его жизни, думаю, вряд ли его это волнует. Никому в деревне и в голову не придет, что смерть старого доктора Розена была не просто несчастным случаем. Гертруда, возможно, чуть более уязвима, но и только. Худшее, что с ней может случиться, она потеряет расположение фрейлейн Розен. Всего-то. К тому же я сомневаюсь, что это для нее так уж важно. Говоря о Грете Розен, мы подходим к довольно щекотливому моменту. Грета — девушка весьма привлекательная. Чарлз Темплтон тоже очень хорош собой. Нетрудно догадаться,

чем это обернулось. Пять месяцев полной изоляции от внешнего мира сделали свое дело. Случилось неизбежное: они полюбили друг друга. Объясниться они так и не успели: случилось несчастье.

Прошло три месяца. Я как раз вернулся из одной поездки, и Грета заглянула ко мне. Она уже продала коттедж, уладила все формальности и в скором времени возвращалась в Германию. Она пришла ко мне, зная, что я уже вышел в отставку. Впрочем, как оказалось, она пришла именно как к частному лицу — по личному делу. После разного рода околичностей она наконец задала мне мучивший ее вопрос. Спросила, что я думаю о том письме из Германии. Видно, ее тоже смущало то, что Чарлз порвал его. Она хотела знать мое мнение, понимаете? Разумеется, она ему верила, но... если бы только она могла знать точно! Понимаете? Ее, как и меня, терзали сомнения. Она, как и я, очень хотела верить ему, но всякий раз то проклятое письмо, как тень, всплывало из глубин подсознания. Я тогда спросил ее, любит ли она Чарлза, и уверена ли, что он любит ее? «Наверное, да,— ответила она.— Хотя нет, не наверное. Точно любит! Мы были так счастливы! И знали — оба знали, что любим друг друга. Мы думали, что впереди у нас столько времени... И не спешили. Еще немного, и он признался бы мне в любви, а я... я призналась бы тоже. Но теперь... вы понимаете... теперь все не так. Теперь мы словно чужие; не знаем даже, что друг другу сказать при встрече. А если его терзают те же мысли, что и меня? Что, если мы оба изо всех сил пытаемся убедить себя — и не можем! Умоляю, сэр Генри, скажите, что уверены в том, что Чарлз Темплтон не виновен!» Скажите же! Прошу, заклинаю вас!». Но я не мог ей ничего ответить. И они обречены все больше и больше отдаляться друг от друга. Им никогда уже не избавиться от своих подозрений!

Сэр Генри устало откинулся на спинку стула. В его глазах была грусть

И главное, ничего нельзя сделать. Вот разве...— Он выпрямился и грустно улыбнулся.— Вот разве мисс Марпл поможет. Что скажете, мисс Марпл? Думается мне, письмо о церковном собрании как раз по вашей части. Оно не напомнило вам ничего, что могло бы помочь делу? Можете, вы смогли бы соединить влюбленных, разлученных тяжким подозрением? Они могли бы быть так счастливы!

И однако, он так высоко ценил ум этой старомодной и хрупкой старушки, что в его шутовском тоне помимо воли проскальзывали просительные нотки. Он доверчиво взглянул на мисс Марпл.

Та кашлянула и поправила кружева.

— Вообще-то все это мне немного напоминает случай с Анни Поултни,— сказала она.— А с письмом миссис Бантри разобралась не хуже меня. Я имею в виду не то, что про собрание, а другое. Просто вы живете в Лондоне, сэр Генри, и у вас нет сада. Иначе бы вы тоже заметили.

— Я чего-то не заметил? — смутился сэр Генри.— Но что именно?

Миссис Бантри взяла в руки каталог и с видимым удовольствием зачитала:

«Самюэль Спат... Удивительно изящный цветок с бледно-сиреневыми лепестками и исключительно длинным и крепким стеблем. Одинаково хорош для клумбы и для букета.

Майкл Боулен... Немного напоминающий хризантему, удивительно изысканный цветок яркого, кирпично-красного окраса.

Елизавета Джексон... Ярко-красное, необычайно декоративное растение.

Рангун... Яркий и эффектный декоративный цветок насыщенного оранжевого цвета, долго сохраняется в срезанном виде.

Традиция . »

— С большой «Т», припоминаете? — перебила ее мисс Марпл.

«Традиция. . Крупный цветок прекрасной формы с розовато-белыми лепестками».

— Начальные буквы письма образуют слово «смерть»,— добавила мисс Марпл.

Миссис Бантри захлопнула каталог и громко произнесла:

— И подпись: *Георгин!*

— Но письмо пришло лично мистеру Розену,— возразил сэр Генри.

— Здесь хитрость,— процитировала мисс Марпл.— И, мало того, предостережение. Что делают с письмом от

совершенно незнакомого человека, ссылающегося на столь же незнакомых людей? Естественно, отдают секретарю.

— Тогда, значит...

— Да нет же! — перебила его мисс Марпл. — Как раз это и подтверждает его невиновность. В противном случае он ни за что бы не допустил, чтобы это письмо было обнаружено. И уж тем более не стал бы уничтожать другого — из Германии. Его невиновность — если позволите так выразиться — просто бросается в глаза.

— Но тогда кто...

— Собственно, я почти уверена... Если, конечно, можно быть вообще в чем-то уверенным... За столом во время завтрака был человек, который, когда о письме зашла речь, просто взял его и прочел. Думаю, так все и было. Помните, каталог садовых растений... он пришел с той же почтой?

— Грета Розен... — медленно проговорил сэр Генри. — Значит, ее визит ко мне...

— Мужчинам этого не понять, — сочувственно вздохнула мисс Марпл. — И хотя, сдается мне, эти мужчины зачастую думают о нас, старухах, как о капризных, вечно всем недовольных и ненужных существах, тем не менее, так и быть, скажу. Женщина всегда поймет женщину... к несчастью. В общем, я уверена, что между ними возник какой-то барьер. Молодой человек неожиданно почувствовал безотчетную антипатию. Она возникла почти на подсознательном уровне, и, тем не менее, скрыть ее он не смог. Думаю, оскорбленная в своих чувствах девица решила ему мстить и сделала все возможное, чтобы укрепить ваши подозрения относительно Темплтона. Признайтесь, ведь до ее визита вы не были так уверены в его виновности!

— Но она не сказала мне ничего такого... — запротестовал сэр Генри.

— Мужчине, — невозмутимо повторила мисс Марпл, — никогда этого не понять.

— И она... — Сэр Генри запнулся. — Она, совершившая это убийство, осталась безнаказанной!

— О нет, сэр Генри, — возразила мисс Марпл. — Не скажите. Ни вы, ни я на самом деле так не думаем. Вспомните собственные слова. Нет. Грета Розен наказания не минует. Уже одно то, во что она замешана, не может принести ей ничего хорошего. Эти люди своей смертью не умирают. И вы правы: не о виновных сейчас надо думать.

Куда важнее обелить невинных. Мистер Темплтон, порвав письмо своей немецкой кузины, несомненно навлек на себя подозрение, но я просто уверена, что тогда у них только начинался роман с Гретой, и он боялся, что ей это может не понравиться... Теперь Доббс... Его, впрочем, как вы уже заметили, это как раз мало волнует. Думаю, плохой аппетит доставил бы ему куда большее расстройство. А вот что касается бедняжки Гертруды... кстати она напомнила мне Анни Поултни. Бедная Анни! После пятидесяти лет преданной службы ее вдруг заподозрили в совершенно ужасном поступке! А ведь не было ни одного доказательства, что это именно она уничтожила завещание мисс Лэм. Скорее всего, это и стало для ее больного сердца последней каплей... Завещание потом нашлось — старая мисс Лэм сама положила его для верности в потайной ящик буфета, но бедная Анни Поултни до этого уже не дождалась...

Вот потому меня так беспокоит эта бедная старушка. Когда человек в возрасте, его так легко обидеть. За мистера Темплтона я совершенно не волнуюсь. Он молод, хорош собой и, очевидно, пользуется успехом у дам. Напишите ей, сэр Генри, хорошо? Просто сообщите, что ее невиновность полностью доказана... Ведь умер единственный близкий ей человек, и она конечно же чувствует, что ее подозревают в его смерти. Страшно даже подумать, что творится у нее на душе.

— Обязательно напишу, мисс Марпл,— заверил сэр Генри и внимательно посмотрел на нее.— Знаете, никак я вас не пойму. У вас всякий раз совершенно новый подход.

— Боюсь, он слишком уж примитивен,— с напускным смирением откликнулась Марпл.— Я ведь почти и не выезжаю из Сент-Мэри-Мид.

— И сумели при этом разрешить проблему всемирного значения. Нет-нет, не спорьте.

Мисс Марпл слегка покраснела, но, справившись с собой, сказала:

— Думаю, просто по тем временам я получила хорошее образование. У нас с сестрой была гувернантка-немка — мы звали ее Фрейлейн. Удивительно сентиментальное было существо. Она учила нас языку цветов. Теперь он почти забыт, и напрасно — в нем столько очарования! Желтый тюльпан, например, означает безнадежную любовь, а китайская астра — ревность. Роковое письмо подписано «Гергин», и, насколько я понимаю, это ключевое слово. Я

все пыталась вспомнить, что этот цветок означает, но, увы... Память уже не та, что прежде.

— Во всяком случае, не смерть.

— Нет, конечно. На свете и без того много дурных примет. Но как-то все это грустно, вы не находите?

— Да,— вздохнула миссис Бантри.— Но все-таки хорошо, когда много цветов и друзей.

— Заметьте, мы идем во вторую очередь,— попытался разрядить атмосферу доктор Ллойд.

— Помню, один поклонник долго присылал мне багровые орхидеи,— мечтательно произнесла Джейн.

— Орхидеи означают: «Ожидаю вашей благосклонности»,— весело сказала мисс Марпл.

Сэр Генри, издав странный звук, поспешно отвернулся и принялся натужно кашлять.

Мисс Марпл вдруг осенило:

— Вспомнила! Георгины означают предательство и обман.

— Замечательно! Просто замечательно! — выдавил сэр Генри, вытирая со лба пот.

Глава 4

Трагедия под Рождество

— Придется кое-кому сделать выговор,— с улыбкой произнес сэр Генри Клитеринг.

Он оглядел собравшихся. Полковник Бантри мрачно, точно провинившегося на параде солдата, разглядывал камин. Его жена листала каталог цветочных луковиц, представленный с последней почтой, доктор Ллойд не отрывал восхищенного взора от обворожительной Джейн Хелльер, а та сосредоточенно изучала свои безупречные ногти, покрытые розовым лаком. Казалось, мистера Клитеринга слушает одна только мисс Марпл, прямо и чинно восседавшая в своем кресле.

— Выговор? — кротко переспросила она.

— Да, да, именно выговор. Здесь у нас трое мужчин и ровно столько же женщин. Мы услышали три истории, и все три были рассказаны мужчинами! От имени ущемленных мужчин я вынужден внести протест! Надеюсь, что дамы тоже внесут посильный вклад.

— Ничего себе! — возмутилась миссис Бантри.— Мы

уже внесли! Разве не мы слушали вас затаив дыхание, разве не выражали свое восхищение? И потом, истинно женская скромность не позволяет нам быть в огнях рампы!

— Хорошо сказано,— улыбнулся сэр Генри,— но неубедительно. Ведь существует прекрасный прецедент: «Тысяча и одна ночь». Итак, ведите нас, наша Шехерезада!

— Я? — испугалась миссис Бантри.— Но что же я вам расскажу? Я не имела дела с кровавыми и таинственными происшествиями.

— Ну хорошо, не надо кровавых,— уступил сэр Генри.— Но знаю точно: уж у одной из присутствующих здесь дам наверняка найдется какая-нибудь таинственная история. Прошу вас, мисс Марпл: «Происшествие с прислугой» или «Загадка собрания матерей». Не заставляйте нас разочаровываться в Сент-Мэри-Мид.

Мисс Марпл покачала головой:

— Едва ли я смогу вспомнить что-то достойное вашего внимания, сэр Генри. Нет, у нас в Сент-Мэри-Мид тоже, конечно, случаются странные вещи. Например, куда-то вдруг подевалась банка только что купленных креветок. Спрашивается, куда? Но это ведь не интересно, ведь так? Оно хоть и освещает некоторые любопытные стороны человеческой природы, но слишком уж обыденно.

— Да, мисс Марпл, в свое время я немало узнал от вас о различных сторонах человеческой природы,— многозначительно заметил сэр Генри.

— Ну а вы, мисс Хелльер? — спросил вдруг полковник Бантри.— У вас в жизни наверняка были интересные случаи!

Доктор Ллойд оживился.

— Да-да, расскажите нам!

— Я? — удивилась Джейн.— Вы хотите, чтобы я... рассказала... О чем-то, что случилось со мной?

— Или с кем-то из ваших знакомых,— уточнил сэр Генри.

— О! — воскликнула Джейн.— Но со мной никогда ничего не случается. То есть ничего такого. Конечно, цветы... странные послания, но ведь это только поклонники, не так ли? Не думаю... нет...

Она замолчала.

— Что ж, видно, придется довольствоваться сказанием о креветках,— усмехнулся сэр Генри.— Прошу вас, мисс Марпл.

— Все шутите, сэр Генри. Креветки — это еще цветочки. Я тут вспомнила одно происшествие... Скорее даже самую что ни на есть трагедию, в которой я оказалась некоторым образом замешана. Думаю, я сделала тогда все что могла... Правда, это было вовсе не в Сент-Мэри-Мид...

— Какая жалость! — воскликнул сэр Генри. — Впрочем, зная вас, уверен: вы нас не разочаруете.

Он уселся поудобнее и приготовился слушать.

Мисс Марпл, слегка покраснев, продолжила:

— Постараюсь не очень отвлекаться, сэр Генри. Есть за мной такой грешок... Теперь уже трудно вспомнить все факты и точную последовательность событий, ведь столько лет прошло. Так что не обессудьте, если я кое-где напутаю. Итак, история... Все это случилось на Гидро...

— На гидроплане? — изумленно раскрыв глаза, перебила ее Джейн Хелльер.

— Как? Вы не знаете, дорогая? — удивилась миссис Бантри. — Такой милый курортный городок!

— Отвратительное место, — заметил ее муж. — Заставляют вставать ни свет ни заря, чуть ли не в пять утра, и пить эту чудовищную воду... Везде одни старухи... Бесконечные сплетни... Господи, как вспомню...

— Артур! — перебила его миссис Бантри. — Мы поехали туда ради твоего же блага.

— Повсюду сидят старухи и сплетничают, — продолжал ворчать полковник Бантри.

— Да, мы такие, — весело подтвердила мисс Марпл.

— Помилуйте! — в неподдельном ужасе вскричал полковник. — Я вовсе не вас имел в виду.

Легким жестом руки мисс Марпл остановила его:

— Да будет вам, полковник, это же правда. Скажу только кое-что в свою защиту. Ну любят старики посплетничать, ничего с этим не поделаешь. И, естественно, окружающие от этого не в восторге, особенно молодежь. Мой племянник, например, пишет очень умные книжки, в которых крайне нелестно отзывается о тех, кто бездоказательно чернит своих ближних. Основная мысль заключается в том, что это безнравственно. Ну, и тому подобное. Но знаете, что я вам скажу? Вся штука в том, что эти так называемые сплетни слишком часто оказываются правдой! Если бы кто-то не поленился внимательно ознакомиться со всеми этими фактами, ему бы пришлось признать, что в девяти случаях из десяти так оно и бывает! Собственно, как раз это больше всего и не нравится молодежи.

— Интуиция,— улыбнулся сэр Генри.

— Нет, нет, совсем не то! Обычный житейский опыт. Вот взять, к примеру... ну хоть египтолога. Покажите ему какую-нибудь забавную маленькую безделушку... Он тут же скажет вам, и к какому веку до нашей эры она относится, и не является ли бирмингемской подделкой и прочее и прочее, но вот объяснить, почему он так в этом уверен, ему будет куда сложнее. Он просто знает! Потому что всю жизнь имел дело с подобными вещами.

Вот это-то я и пытаюсь вам объяснить. «Особы без определенного рода занятий», как именует их мой племянник, располагают уймой свободного времени, и я не вижу ничего плохого в том, если бы они употребляли его на исследование человеческой натуры. Молодежь сейчас свободно рассуждает о вещах, о которых в мое время не смели и заикнуться, но все это происходит у них настолько наивно, что лучше бы они и не делали этого вовсе. Они же безоглядно верят всем и каждому! А когда вы пытаетесь — с бесконечной деликатностью — предостеречь их, тут же заявляют, что вы мыслите устаревшими категориями и ваши представления о роде человеческом удивительно напоминают им сточную канаву.

— Не вижу ничего такого такого обидного в «сточной канаве»,— улыбнулся сэр Генри.

— Вот именно,— согласилась мисс Марпл.— Очень полезная вещь, хотя, конечно, и не самая романтическая. Мое самолюбие больше всего задевает необдуманность этого сравнения. Прекрасно знаю, что, как только речь заходит о домашних делах, джентльменам становится ужасно скучно, но все же как тут не вспомнить мою бывшую горничную Этель. Очень хорошенькая и на редкость услужливая девушка... Но стоило мне ее увидеть, как я тут же поняла: это вторая Анни Вепп! Анни Вепп — это дочка покойной миссис Брут... Совершенно не видела разницы между своим и чужим. Так вот, очень скоро я отказалась от ее услуг и дала ей месяц, чтобы она подыскала себе новое место. В рекомендации я написала, что она честная и скромная, но старую миссис Эдвард предупредила, что в дом ее брать не стоит. Мой племянник Рэймонд был просто вне себя. Сказал, что это совершенно беспринципный поступок. Да-да, именно так и сказал — беспринципный! Ну вот... Этель поступила к леди Эштон, которую я вовсе не считала обязанной предупреждать о чем бы то ни было.

И что же? Все кружева с нижнего белья срезаны, две брошки с брильянтами исчезли, как, впрочем, и сама девица. Вышла вечером пройтись — и только ее и видели!

Мисс Марпл горестно вздохнула и, немного помолчав, продолжила:

— Вы спросите, какое отношение все это имеет к истории, случившейся в Кестен-Спа-Гидро? Отвечу. Это объясняет, почему, едва увидев эту чету, я сразу почувствовала, что мистер Сандерс хочет избавиться от своей жены.

— Ого! — воскликнул сэр Генри и подался вперед.

Мисс Марпл с невозмутимым видом повернулась к нему:

— Да, да, сэр Генри, лично у меня это сомнений не вызывало. Мистер Сандерс — крупный цветущий мужчина, на редкость обаятельный. Судя по всему, получил прекрасное воспитание. Посмотреть со стороны — души в супруге не чаял. И все-таки я видела: он хочет от нее избавиться!

— Дорогая мисс Марпл...

— Да-да, видела. Мой племянник наверняка бы сказал, что у меня не было ни малейших доказательств. Действительно, никаких доказательств у меня не было. Но зато я прекрасно помнила Уолтера Хоунса, владельца пивной «Зеленые человечки». Однажды вечером они с женой возвращались домой. Она упала в реку, а он потом получил страховку! Знаю и еще кое-кого, кто совершенно несправедливо разгуливает на свободе. Да что далеко ходить? Недавно моя знакомая отправилась с мужем на лето в Швейцарию. Побродить по горам и все такое. Говорила же я ей: лучше тебе сидеть дома. Бедняжка только смеялась. Очень ее тогда позабавило, что какая-то там старушенция позволяет себе такие намеки в адрес ее Гарри. Естественно, она оступилась на горной тропинке. Очень они там скользкие... м-да. И когда в скором времени ее безутешный Гарри женился, я ровным счетом ничего не могла поделать. Доказательств-то у меня не было!

— О! Мисс Марпл! — воскликнула миссис Бантри. — Неужели вы и в самом деле думаете...

— Дорогая моя, но это же происходит сплошь и рядом. Джентльмены так легко поддаются искушению... И просто не могут противиться, если появляется возможность списать все на несчастный случай. Так что с Сандерсами мне все было ясно с самого начала — стоило проехаться с

ними в трамвае. Внутри было битком набито, и мы протиснулись наверх. А когда выходили, мистер Сандерс вдруг потерял равновесие и отлетел прямо на жену. Бедняжка как раз стояла на верху лестницы... К счастью, кондуктор оказался человеком проворным и успел ее подхватить.

— Но это же действительно несчастный случай!

— Конечно, можно взглянуть на это и так. То есть, казалось бы, нет никаких причин смотреть на это иначе. Но мистер Сандерс рассказывал мне, что служил в торговом флоте... А тот, кто плавал на кораблях, никогда не теряет равновесия в трамвае, где даже я вполне способна устоять на ногах. Так что судите сами.

— Значит, вы уже тогда пришли к определенным выводам?— спросил сэр Генри.

Мисс Марпл кивнула.

— О да! Если у меня и оставались какие сомнения, они исчезли, когда я увидела, как мистер Сандерс переводит жену через дорогу. И вот я хочу вас спросить, сэр Генри: что, по-вашему, мне было делать? Жизнерадостная счастливая молодая женщина... и я знала, что ее очень хотят убить.

— Дорогая, вы не перестаете меня изумлять.

— Это оттого, что вы не хотите смотреть фактам в лицо. Впрочем, теперь этим редко кто себя утруждает. В глубине души вы уверены, что ничего такого просто быть не может. Так вот в том-то и дело, что может! И еще как может! К несчастью, мои возможности были сильно ограничены. Не могла же я идти с этим в полицию! Не меньшей глупостью было бы и пытаться предостеречь жену: она безгранично доверяла своему мужу. Тогда я решила побольше узнать об этой паре. Когда сидишь с рукоделием у камина, не так уж трудно вызвать человека на разговор. Миссис Сандерс — Глэдис Сандерс — только того и нужно было — поболтать. Оказалось, что они недавно поженились. Вскорости муж должен был получить наследство, но пока они едва сводили концы с концами. По существу, молодые жили на проценты с ее капитала. Она все сокрушалась, что не может воспользоваться самым капиталом. Я еще подумала, что у нее довольно предусмотрительные родственники. Но с процентами она могла делать все что угодно — хоть завещать! Что, кстати, и сделала. Сразу же после свадьбы они с мужем составили завещания — каждый в пользу друг друга. Это было очень трогательно. «Ни-

чего! Скоро дела у Джека пойдут в гору...» — только и твердила она. Пока же им приходилось трудно. В гостинице они снимали комнату на верхнем этаже — там, где обычно живет прислуга. В случае пожара — хуже не придумаешь. Правда, это было вроде как предусмотрено — прямо у окна была пожарная лестница. Я как можно деликатнее выяснила, нет ли там еще и балкона? Очень уж они мне не нравятся, эти балконы. Подтолкнул и... ну, вы понимаете.

Оказалось, балкон был, но она мне обещала не выходить на него. Я сказала, что видела очень нехороший сон. Это подействовало. Такое иногда оказывается очень действительным. По-видимому, она тут же о нашем разговоре рассказала мужу. Во всяком случае, он начал довольно странно на меня поглядывать. Вспомнил, наверное, что я тоже была в том трамвае.

Я тем временем совершенно измучилась, поскольку никак не могла придумать, как бы помешать его замыслам. Конечно, для этого достаточно было бы и пары слов, сказанных мною Сандерсу на ушко, но это не предотвратило несчастья, а только его откладывало. Сандерс попросту отложил бы исполнение своего плана на неопределенное время. В конце концов, я пришла к выводу, что единственный способ решить эту проблему — устроить ему ловушку. То есть заставить его совершить покушение, но сделать это так, чтобы он выдал себя с головой. Для Глэдис это, конечно, будет страшным потрясением, но зато это предотвратит несчастье!

— Поразительно! — сказал доктор Ллойд. — И как же вы этого добились?

— Была у меня одна мысль... Только я не успела ее осуществить: этот человек опередил меня. Он нанес удар первым. Поняв, что я жду очередного несчастного случая, он инсценировал... убийство!

Все ахнули. Мисс Марпл насупилась.

— Какой-то сумбурный получается рассказ. Но все произошло так неожиданно... И я была так подавлена... Никогда не могу избавиться от мысли, что могла предотвратить это несчастье. Но на все воля Божья, и не нам судить о делах его. Я сделала все, что могла.

Помню, меня мучил безотчетный страх. Нас всех словно преследовало несчастье. Это было как проклятье. Началось все с Джорджа, швейцара. Бронхит, перешедший

в пневмонию,— и в четыре дня его не стало. Это было тяжелым ударом для всех. До Рождества оставалось всего четыре дня. Затем одна из горничных, очень милая девушка, порезала палец и через день умерла от заражения крови.

Вскоре после этого я сидела в гостиной с мисс Троллап и миссис Карпентер. Миссис Карпентер все смаковала эти печальные события. Отвратительная была особа.

«Помяните мое слово,— говорила она,— это еще не конец. Бог любит троицу. Будет еще одна смерть, можете не сомневаться. Долго ждать не придется».

И вот, когда она это говорила, я подняла голову и увидела в дверях мистера Сандерса. Никогда не забуду выражения его лица. Он тут же опомнился и улыбнулся, но я уже все поняла. Никто и ничто не разуверит меня, что именно слова миссис Карпентер подтолкнули его.

Он подошел к нам и со своей обычной приветливой улыбкой поинтересовался:

«Не нужно ли кому купить что-нибудь к Рождеству? Я скоро поеду в Кестон».

Когда через пару минут он отошел, мне почему-то стало не по себе.

«Где миссис Сандерс?» — поспешно спросила я.

Мисс Троллап ответила, что Глэдис уехала к своим друзьям, каким-то Мортимерам, играть в бридж. Я немного успокоилась, но никак не могла избавиться от ощущения, что времени остается совсем немного. Через полчаса я встала и отправилась в свою комнату. Повстречав на лестнице доктора Коулза, который был там врачом — он спускался вниз,— я попросила его зайти, поскольку хотела проконсультироваться у него по поводу моего ревматизма. Он по секрету сообщил мне о смерти бедняжки Мэри, той горничной. «Управляющий не хочет огласки,— заявил он,— и просил сохранить все в тайне». Я ничего ему не сказала, хотя, с тех пор как бедная девушка испустила последний вздох, постояльцы ни о чем другом уже и не говорили. Такие новости расходятся быстро — человек его профессии должен бы знать это как никто другой. Однако доктор Коулз был настолько наивен, что позволял себе верить в то, во что бы ему хотелось верить. Он вообще, по-моему, все принимал за чистую монету. Так что мне очень не понравилось то, о чем он обмолвился перед уходом. Сандерс просил его осмотреть жену. Оказывается, ей последнее вре-

мя нездоровилось. Несварение желудка, общая подавленность...

И это в тот же день, когда сама Глэдис Сандерс сказала мне, что с желудком у нее, слава Богу, все в порядке.

Можете себе представить? Мои подозрения усилились во много раз. Мистер Сандерс подготавливал почву. Но что он собирался делать? Доктор Коулз ушел, прежде чем я успела поделиться с ним своими опасениями. Хотя что могла ему сказать? Когда я вышла из комнаты, по лестнице спускался Сандерс собственной персоной! Он был в пальто и снова спросил, не нужно ли мне чего в городе. Помню, я с большим трудом не сказала ему все, что я о нем думаю. Пройдя в комнату для отдыха, я заказала чаю. Было ровно половина шестого.

Все, что произошло в дальнейшем, я хочу рассказать вам как можно подробнее. Без четверти семь — я все пила чай — в комнату вошел мистер Сандерс и с ним два джентльмена. Все трое были, что называется, навеселе. Мистер Сандерс, оставив друзей, направился прямо к нам с мисс Троллап и заявил, что хочет посоветоваться насчет рождественского подарка для жены. Речь шла о сумочке.

«Понимаете,— сказал он,— я простой моряк. В таких вещах совершенно не разбираюсь, а мне предложили целых три штуки на выбор. Хотелось бы услышать мнение людей знающих».

Мы сказали, что рады будем помочь, и он попросил, если это нас не затруднит, подняться в его номер, потому что в любой момент может вернуться жена.

Мы пошли с ним. Никогда не забуду, что произошло потом. Даже сейчас, как вспомню, у меня начинают дрожать руки.

Мистер Сандерс открыл дверь своего номера и включил свет. Не помню, кто увидел ее первым. Миссис Сандерс ничком лежала на полу.

Я подбежала к ней, хотела потрогать пульс... Бесполезно. Она уже остыла. Около головы лежал набитый песком чулок, которым, по всей видимости, ее и ударили. Эта идиотка Троллап тут же разревелась и принялась нелепо топтаться в коридоре. Сандерс вскрикнул и бросился к жене, только я и дотронуться до нее ему не позволила. Понимаете, я была уверена, что это его рук дело. Думала, он хочет что-то убрать или спрятать.

«Трогать ничего нельзя,— сказала я.— Возьмите себя в

руки, мистер Сандерс. Мисс Троллап, пожалуйста, ступайте вниз и позовите хозяина».

Сама я так и осталась стоять на коленях у тела. Хотя у меня и не было сомнений, чьих рук это дело, я вынуждена была признать, что если Сандерс и играет, то играет блестяще. Он действительно выглядел потрясенным и жалким.

Вскоре появился хозяин. Он только заглянул в комнату и тут же всех нас оттуда выставил, запер дверь и, забрав ключ себе, побежал звонить в полицию. Казалось, прошла вечность, прежде чем они приехали. Потом мы узнали, что линия была занята и хозяину пришлось посылать в участок боя, а гостиница находится довольно далеко от города, у самой вересковой пустоши... За это время миссис Карпентер чуть с ума нас всех не свела. Ни на секунду не умолкала. Мол, какая она проницательная и как скоро оправдались ее слова «Бог троицу любит». Сандерс все бродил по саду, схватившись за голову, и изображал полную безутешность.

Наконец появилась полиция. Они поднялись наверх с хозяином и мистером Сандерсом. Потом послали за мной. Инспектор сидел за столом и что-то писал. Приятный такой мужчина... Он производил впечатление очень умного человека.

«Мисс Джейн Марпл?» — спросил он.

«Да».

«Как я понял, мадам, вы были здесь, когда обнаружили тело?»

Я подтвердила и подробно описала случившееся. Думаю, появление человека, способного более-менее сносно отвечать на вопросы, он воспринял как подарок судьбы, ведь до того ему приходилось иметь дело только с Сандерсом и Эмили Троллап, все еще пребывавшей в полной прострации. Впрочем, чего можно было ожидать от бедняжки? Помню, мама всегда говорила: настоящая леди должна уметь держать себя в руках.

— Замечательно сказала ваша мама,— мрачно заметил сэр Генри.

— Когда я закончила, инспектор сказал:

«Благодарю вас, мадам. К сожалению, вынужден просить вас еще раз взглянуть на тело. Нам важно знать, все ли осталось как было».

Я объяснила, что помешала Сандерсу прикасаться к телу, и инспектор одобрительно кивнул.

«Похоже, джентльмен ужасно расстроен», — заметил он.

«Похоже», — ответила я.

Не думаю, чтобы я сказала это уж слишком особенным тоном, но инспектор взглянул на меня с явным интересом.

«Итак, все осталось в точности как было?» — переспросил он.

«Да, кроме шляпки», — ответила я.

Инспектор живо взглянул на меня.

«Что значит кроме шляпки?»

Я объяснила, что раньше она была у бедняжки Глэдис на голове, а теперь лежит рядом, и предположила, что ее сняла полиция. Инспектор, однако, заявил, что они ничего не трогали. Он стоял и смотрел на лежавшую ничком миссис Сандерс. Она, видимо, собиралась куда-то идти: на ней было темно-красное твидовое пальто с серым меховым воротником. Простенькая шляпка из красного фетра лежала как раз у ее головы.

Озадаченно нахмурившись, инспектор молчал. Внезапно он спросил:

«Вы случайно не помните, мадам: на ней были сережки? Она вообще их носила?»

К счастью, я очень наблюдательна, и тут же вспомнила, что из-под полей шляпки действительно виднелись жемчужинки. Они еще поблескивали... Правда, я не помнила, как часто она их надевала. Но на первый вопрос могла ответить с уверенностью.

«Тогда все ясно. Кто-то рылся в шкапулке с драгоценностями, хотя, как я понимаю, особых ценностей там не было... Видите? Даже кольца с пальцев сняли. Убийца, должно быть, забыл про сережки и вернулся за ними. Хладнокровный тип! Или... — Он внимательно оглядел комнату и медленно произнес: — Или, возможно, он до сих пор тут».

Но я отвергла это предположение, объяснив, что лично заглядывала под кровать, а хозяин раскрывал гардероб. Больше же спрятаться в комнате было просто негде. Оставалось, правда, еще закрытое на ключ отделение для шляпок в середине гардероба, но оно было слишком мало, да еще и с полками... Вряд ли там кто мог поместиться.

Инспектор медленно кивнул.

«Согласен, мадам, — сказал он. — Значит, он все-таки возвращался. Удивительно хладнокровный тип».

«Но ведь хозяин запер дверь и забрал ключ!» — напомнила я.

«Это ничего не значит. Он мог пробраться через балкон с пожарной лестницы. Возможно, вы ему помешали, и он выскользнул в окно, а когда ушли, вернулся и продолжил свое дело».

«Вы уверены, что это был вор?» — спросила я.

«А разве не похоже?» — сухо заметил он.

Что-то в его тоне меня успокоило. Чувствовалось, что и у него мистер Сандерс в роли безутешного вдовца вызывает серьезные сомнения.

Видите ли — чего уж скрывать, — я была абсолютно уверена, что это Сандерс. Я ведь знала, что он уже пытался убить жену. Такое совпадение было бы слишком фантастическим. Я точно знала, что мистер Сандерс самый обыкновенный негодяй. И однако, хотя его так называемая скорбь ни на минуту не ввела меня в заблуждение, он удивительно искусно играл свою роль и чувства его казались совершенно неподдельными.

Должна признаться, первые сомнения появились у меня после разговора с инспектором. Если убийца — Сандерс, зачем ему было лезть по пожарной лестнице и вынимать сережки из ушей жены? Я считала его довольно умным — и потому-то таким опасным — человеком, чтобы идти на ничем не оправданный риск.

Мисс Марпл оглядела слушателей.

— Вы, наверное, уже догадываетесь, к чему я веду? Этот мир полон неожиданностей. Я была слишком уверена — думаю, это меня и ослепило. Последствия оказались самыми плачевными. Следствие со всей неопровержимостью установило, что мистер Сандерс никак не мог совершить преступления!

У миссис Бантри вырвался вздох изумления. Мисс Марпл повернулась к ней:

— Прекрасно вас понимаю, дорогая. Я и сама этого не ожидала, но факты — вещь упрямая. Если они говорят, что вы ошибаетесь, надо просто смириться и начать все сначала. И все же ничто не могло поколебать моей уверенности в том, что мистер Сандерс — убийца.

Вы конечно же хотите узнать, что это были за факты. Как вам уже известно, миссис Сандерс провела день с друзьями, некими Мортимерами, за игрой в бридж. Она ушла от них приблизительно в четверть седьмого. От дома Мортимеров до Гидро четверть часа ходьбы, а если идти быстрым шагом, то и того меньше. Значит, она вернулась около шести тридцати. Поскольку никто этого не видел, можно

предположить, что она вошла через боковую дверь и сразу прошла в свою комнату. Потом она переоделась: коричневые пиджак и юбка, в которых она уходила, висели в гардеробе. По всей видимости, она уже снова собиралась уйти, когда на нее обрушился удар. Вероятно, она так и не узнала, кто ее ударил. Мешок с песком, знаете ли, страшная штука. Скорее всего, убийца прятался в одном из стальных шкафов. В том, который она не открывала.

Теперь о передвижениях мистера Сандерса. Из отеля он выехал, как я уже говорила, приблизительно в пять тридцать или немногим позднее. Сделав несколько покупок, заглянул — это было уже около шести — в отель «Гранд Спа», где повстречал двух друзей, с которыми сыграл несколько партий в бильярд и выпил, как мне представляется, изрядное количество виски. Начиная с шести вечера Хичкок и Спендер — это имена друзей — фактически не отходили от Сандерса. Потом они все вместе вернулись в Гидро. Когда без четверти семь Сандерс подошел к нам с мисс Троллап, его жена была уже мертва.

И знаете, я беседовала с этими его друзьями, и, хотя их грубость и невоспитанность произвели на меня самое тягостное впечатление, в одном я была уверена: утверждая, что Сандерс провел с ними весь вечер, они говорили чистую правду.

Выяснилась еще одна деталь. Оказалось, во время бриджа миссис Сандерс позвали к телефону. С ней пожелал говорить какой-то мистер Литтлворт. Разговор, казалось, и обрадовал, и взволновал ее. Настолько, что она допустила в игре несколько серьезных ошибок. А потом вдруг ушла — намного раньше, чем ожидали хозяева.

Мистер Сандерс, когда его спросили, знает ли он среди друзей жены человека по имени Литтлворт, заявил, что никогда о таком не слышал. Судя по поведению миссис Сандерс, она его тоже не знала. Тем не менее в комнату от телефона она возвратилась в очень хорошем настроении. Похоже на то, что неизвестный назвал хозяевам вымышленное имя, что уже подозрительно, не так ли?

Как бы то ни было, проблема оставалась нерешенной. Версия об ограблении казалась маловероятной, но появилась еще один вариант: миссис Сандерс назначила кому-то свидание. Не забрался ли этот «кто-то» по пожарной лестнице к ней в комнату? Возможно, они поссорились. Возможно, он неожиданно на нее напал...

Мисс Марпл замолчала.

— И что же? — спросил сэр Генри.— Каков же ответ?
— Быть может, кто-то уже догадался?
— Только не я,— вздохнула миссис Бантри.— Как жаль, что у Сандерса есть алиби. Но, если оно вас удовлетворяет, значит, это все-таки не он.

Джейн Хелльер подняла свою красивую головку.

— А зачем заперли отделение для шляпок? — спросила она.

— Какая вы умница, дорогая! — умилилась мисс Марпл.— Меня это тоже насторожило. Но объяснение оказалось очень простым: там были пара туфель и носовые платки, которые бедняжка вышивала мужу к Рождеству. Сюрприз. Ключ нашли у нее в сумочке.

— А! — протянула Джейн.— Тогда понятно.

— Как раз нет! — возразила мисс Марпл.— Собственно говоря, это единственная по-настоящему важная деталь. Именно она и нарушила планы убийцы.

Все взоры обратились к мисс Марпл.

— Я два дня ломала над этим голову,— продолжала она.— И так прикидывала, и эдак, а потом вдруг — раз! — и все стало ясно. Я разыскала инспектора и попросила его кое-что предпринять. Он согласился.

— Но что именно вы попросили?

— Надеть шляпку на голову бедняжки. И конечно же он не смог. Это была не ее шляпка, понимаете?

Миссис Бантри широко раскрыла глаза.

— Но ведь сначала она была на ней?

— В том-то и дело, что не на ней...

Мисс Марпл остановилась, чтобы дать слушателям возможность осмыслить ее слова.

— Мы были так уверены, что в комнате лежало тело бедняжки Глэдис, что даже не взглянули на лицо. Она ведь лежала ничком, вы помните?

— Но она была убита?

— Да, позже. Когда звонили в полицию, Глэдис Сандерс была еще жива.

— Вы имеете в виду, что кто-то притворился ею? Но вы же дотрагивались до...

— Верно, я дотрагивалась до мертвого тела,— мрачно подтвердила мисс Марпл.

— Черт возьми! — воскликнул полковник Бантри — Куда же они потом дели это... первый труп?

— Унесли обратно,— ответила мисс Марпл.— Идея чудовищная, но очень остроумная. Кстати, на эту мысль его

натолкнул наш разговор в гостиной. Тело несчастной Мэри, горничной! Почему бы его не использовать? Помните, комната Сандерсов была наверху, рядом с помещениями прислуги? Так вот, комната Мэри находилась через две двери. Сандерс рассчитывал на то, что ритуальные работники по вечерам не работают. Он перетащил тело через балкон (в пять уже темно), надел на него одно из платьев жены, ее красное пальто... И вдруг обнаружил, что шляпное отделение заперто! Тогда ему пришлось взять одну из шляпок бедной девушки. Он был уверен, что никто этого не заметит. Положив возле тела мешок с песком, он ушел. Для его алиби все было готово!

Потом он звонит жене и называется мистером Литтлвортом. Не знаю, что он ей наговорил: она, как я уже сказала, была очень доверчива. Так или иначе, он убедил ее закончить игру пораньше и встретиться с ним в саду Гидро. В семь часов возле пожарной лестницы. Вероятно, сказал правду, что ее ждет сюрприз.

Вернувшись с друзьями в «Гидро», он устроил так, чтобы я и мисс Троллап присутствовали, когда он обнаружит тело. Он даже сделал вид, что хочет перевернуть его. И я сама его остановила! Ну вот, а когда послали за полицией, он, якобы в смятенных чувствах, вышел в сад.

Никто не интересовался, что он делал после.

А после он встретился с женой и провел ее по пожарной лестнице в их номер. Возможно, он заранее придумал какую-то историю, объясняющую нахождение в их комнате тела умершей горничной. И вот его жена наклоняется, и он, подняв мешок с песком, наносит ей удар. Господи! Даже сейчас мне становится плохо при одной мысли об этом. Затем быстро раздевает ее, вешает одежду в гардероб и надевает на нее то, что было надето на Мэри.

Но шляпка не надевается! У Мэри была короткая стрижка, а у Глэдис Сандерс, как я говорила, волосы собраны в большой узел. Сандерсу приходится оставить шляпку рядом с телом, понадеявшись, что на это не обратят внимания. Затем он переносит тело бедной Мэри назад в ее комнату и приводит его в надлежащий вид.

— Подумать только! — воскликнул доктор Ллойд. — Какой риск! Ведь полиция могла приехать раньше.

— Помните, линия была не в порядке? — сказала мисс Марпл. — Тоже его рук дело. Он никак не мог допустить, чтобы полиция прибыла слишком рано. Потом они еще провели какое-то время в офисе хозяина, прежде чем идти

наверх. Самым уязвимым местом в плане Сандерса была разница в степенях ооченения тела его жены и умершей на полтора часа раньше горничной. Но среди людей, которые обнаружили тело первыми, не было специалистов.

Доктор Ллойд кивнул:

— Полицейский врач, прибывший не раньше половины восьмого, уже не мог с точностью определить, было ли убийство совершено без четверти семь или — как это произошло в действительности — в семь или семь с чем-то.

— Но я... я-то должна была догадаться! — воскликнула мисс Марпл.— Я же трогала руку, и она была холодна как лед! Но я не догадалась... Даже когда вскоре после этого инспектор сказал, что убийство было совершено как раз перед нашим приходом.

— Думаю, мисс Марпл, вы поняли гораздо больше, чем это было возможно,— успокоил ее сэр Генри.— Но чем же все кончилось?

— Сандерса повесили,— холодно ответила мисс Марпл.— И поделом. Нисколько не жалею, что помогла отправить его на виселицу. Совершенно не понимаю этих так называемых гуманистов, которые приходят в ужас от смертной казни.

Выражение ее лица смягчилось.

— В чем я себя действительно упрекаю, так это в том, что не сумела спасти эту бедняжку. Впрочем, как знать? Может, оно и лучше, что она умерла счастливой, так и не узнав правды. Она так любила этого негодяя, так ему верила! По крайней мере, она не узнала, каков он был на самом деле.

— Хотя в этом ей повезло,— тихо сказала Джейн Хеллер.— Не так уж это и мало. Хотела бы я...

Она замолчала.

Мисс Марпл искоса взглянула на прекрасную Джейн Хеллер и сочувственно ей кивнула:

— Понимаю, милая. Как я вас понимаю...

Глава 5

Трава смерти

— Ну а теперь, я надеюсь, миссис Би! — громогласно провозгласил сэр Генри Клитеринг.

Миссис Бантри, хозяйка, холодно взглянула на своего гостя.

— Я же уже просила вас не называть меня миссис Би. Мне это неприятно.

— Ну, тогда миссис Шехерезада.

— Тем более! Ше... хе... Господи, что за имя! И потом, я совершенно не умею рассказывать. Спросите Артура, если не верите.

— С антуражем у нее действительно плоховато,— согласился полковник Бантри,— но факты излагает сносно.

Миссис Бантри с треском захлопнула лежавший перед ней на столе каталог луковиц.

— Вот именно! Слушаю вас и удивляюсь. «Он сказал», «она сказала», «они удивились», «я подумал», «все решили»... И как это у вас только получается? Я бы так не смогла. А главное, мне решительно не о чем рассказывать.

— Ну, этому разрешите нам не поверить, миссис Бантри,— возразил доктор Ллойд, шутливо покачивая своей седой головой.

— Действительно, дорогая...— кротко произнесла мисс Марпл.

— Вы просто не представляете, до чего скучная у меня жизнь,— упорствовала миссис Бантри.— Какие-то слуги, кухарки... Бесконечные походы по магазинам... Дантисты... Аскот¹ (чего Артур терпеть не может). Уже не говоря о саде!

— Вот! — обрадовался доктор Ллойд.— Вот именно: сад! Всем известно, что это ваша слабость, миссис Бантри.

— Наверное, так здорово — иметь собственный сад,— мечтательно проговорила Джейн Хелльер.— Обожаю цветы! Вот если бы еще не надо было вечно копать в земле... От этого так портятся ногти!

— Сад...— задумчиво повторил сэр Генри.— Вот давайте и примем его за отправную точку. Начинайте, миссис Би! Отравленные луковицы, смертоносные нарциссы, трава смерти и все такое.

— Как вы сказали? — переспросила миссис Бантри.— Странно... мне это кое о чем напомнило.

Она повернулась к мужу.

— Артур, что ты скажешь о трагедии в Клоддерхэм-корт? Ну же, вспоминай! Старый Эмброс Берси... Он еще казался нам тогда таким душкой...

¹ Аскот — городок под Виндзором, где проходят ежегодные скачки, являющиеся важным событием в английской светской жизни.

— Ах да, конечно. Странная вышла история. Вот и расскажи ее, Долли.

— Лучше ты, дорогой.

— Нет уж. Выкарабкивайся сама. Я свою рассказал.

Миссис Бантри глубоко вздохнула, нервно стиснула руки и погрузилась в мучительное раздумье.

— Впрочем, здесь и рассказывать-то почти не о чем, — с неожиданной решимостью начала она. — Я и вспомнила-то эту историю только потому, что сэр Генри сказал «травма смерти». Хотя я бы назвала эту историю «шалфей и лук».

— Шалфей и лук? — удивленно переспросил доктор Ллойд.

Миссис Бантри кивнула.

— Видите ли, как все произошло... Мы с Артуром гостили у сэра Эмброза Берси в Клоддерхэм-Корте. Однажды вечером на ужин подавали утку с шалфеем. Ну, и оказалось, что вместе с шалфеем нарвали листья наперстянки. Совершенно непростительная оплошность! Ну вот: вскоре всем стало плохо, а одна девушка, подопечная сэра Эмброза, даже умерла.

— Господи! — воскликнула мисс Марпл. — Какая трагедия!

— Вот и я о том же.

— И что же дальше? — спросил сэр Генри Клитеринг.

— Да ничего, — ответила миссис Бантри. — Это, собственно, и все.

У слушателей буквально раскрылись рты. Они никак не ожидали, что предупреждение о краткости рассказа следует понимать так буквально.

— Миссис Бантри, дорогая, — запротестовал сэр Генри, — это попросту нечестно! Где же тут загадка? Обычный несчастный случай.

— Ну, было кое-что еще, — сказала миссис Бантри, — но если бы я выложила все сразу, вы бы тут же поняли, в чем дело.

Она обвела своих слушателей мрачным взглядом и обиженно добавила:

— Я же предупреждала, что не умею рассказывать.

— Так, так! — воскликнул сэр Генри, выпрямляясь на стуле и вставляя монокль. — Это уже становится интересным. Дорогая Шехерезада бросила вызов нашим способностям, и, сдается мне, сделала это не без задней мысли. Что ж, вы действительно разбудили наше любопытство!

Может, проведем несколько раундов «Двадцати вопросов»? Мисс Марпл, предлагаю вам начать.

— Мне бы хотелось побольше узнать о кухарке, — отозвалась та. — Она была глупой или же просто неопытной?

— Первое. Все рыдала и повторяла, что ей принесли шалфей. Откуда, мол, ей было знать, что в пучке что-то еще?

— Не из тех, кто привык жить своим умом, — заключила мисс Марпл. — Но готовила-то она хоть хорошо?

— О, просто замечательно! — подтвердила миссис Бантри.

— Мисс Хелльер, ваша очередь, — сказал сэр Генри.

Повисла тяжелая тишина.

— Вы хотите, чтобы я задала вопрос? — наконец недоверчиво переспросила девушка и, получив подтверждение, с мольбой подняла на сэра Генри свои прекрасные глаза: — А какой?

— Ну, почему бы не *dramatis personae*, мисс Хелльер? — с улыбкой предложил тот.

Джейн продолжала озадаченно хмурить брови.

— Действующие лица в порядке их появления, — сжалился над ней сэр Генри.

— Да, да, конечно, — согласилась Джейн. — Отличная мысль!

Миссис Бантри стала проворно загибать пальцы.

— Сэр Эмброз, Сильвия Кин (это погибшая девушка) и ее подруга... Потом еще Мод Уай — одна из этих невежественных девиц, которые всем почему-то нравятся. Никак не пойму почему... Затем еще мистер Керли, приехавший побеседовать с сэром Эмброзом о книгах. Хотя какие там книги? Заплесневелые рукописи на пергаменте и сплошная латынь! Потом Джерри Лоример — ближайший сосед. Его усадьба «Грезы» начинается сразу за оградой поместья сэра Эмброза. И еще миссис Карпентер — эдакая стареющая киска. Ну, эта нигде не пропадет. Она, как я поняла, была *dame de compagnie*¹ Сильвии.

— Если сейчас моя очередь, — сказал сэр Генри, — а моему, так оно и есть, поскольку я сижу рядом с мисс Хелльер, я хотел бы попросить вас, миссис Бантри, хотя бы вкратце описать всех перечисленных.

— М-м, — замялась та.

¹ Дама компании (*фр.*).

— Вот, например, сэр Эмброз. Начните с него,— посоветовал сэр Генри.

— О! Запоминающийся старик — хотя почему, собственно, старик? Ему тогда было никак не больше шестидесяти. Но очень больной был человек. Сердце такое слабое, что не мог даже подниматься по лестницам. Установил в доме лифт... В общем, выглядел он гораздо старше своих лет. Но манеры — совершенно очаровательные. Изысканные — вот, пожалуй, самое подходящее слово. Его никогда не видели раздраженным или расстроенным. И еще у него были прекрасные седые волосы и прямо-таки завораживающий голос.

— Хорошо. Сэра Эмброза я уже себе представляю,— кивнул сэр Генри.— Теперь девушка. Как, вы говорите, ее звали?

— Кин. Сильвия Кин. Это была настоящая красавица. Ну, или очень-очень хорошенькая. Натуральная блондинка с чудесной кожей. Представляете? Не очень, может быть, умная... да чего там — просто дурочка...

— Как можно, Долли! — запротестовал ее муж.

— Артур, конечно, иного мнения,— поджала губы миссис Бантри.— И все-таки дурочка. Я не слышала от нее ни единого умного слова.

— Милейшее создание,— упорствовал полковник Бантри.— А как она играла в теннис! Это надо было видеть! Жизнь била в ней через край. Маленькое жизнерадостное создание... И такие приятные манеры... Готов поспорить, молодые люди падали у ее ног штабелями.

— А вот и ошибаешься,— возразила миссис Бантри.— Современные молодые люди и не глянут в сторону такой малолетки. Вот какой-нибудь старикашка вроде тебя, мой дорогой, это да!

— Мало быть просто молодой,— заявила вдруг Джейн Хелльер.— Нужно еще обладать одним качеством, на букву «с»...

— Это каким же? — насторожилась мисс Марпл.— Что еще за «с» такое?

— Сексуальность,— важно пояснила Джейн.

— Ах, вон оно что! — вздохнула мисс Марпл с видимым облегчением.— Только в мое время это почему-то называли привлекательностью.

— Ну, а теперь о *dame de compagnie*,— вмешался сэр Генри.— Неплохую вы ей дали характеристику... Как бишь там... стареющая кошка?

— Нет,— возразила миссис Бантри.— Кошка — это совсем другое дело. А тут просто большая, белая, рыхлая, мурлыкающая личность. Ласковая до отвращения. Вот вам и вся Аделаида Карпендер.

— А как насчет «стареющая»?

— Ну, ей, думаю, было уже под сорок. В доме она жила, если не ошибаюсь, с тех пор, как Сильвии исполнилось одиннадцать. Очень тактичная особа. Из тех горемычных вдовушек, которые имеют кучу родственников-аристократов, но ни гроша за душой. Я ее никогда не любила. Мне вообще неприятны люди с чересчур холеными руками, а уж такие «киски» и подавно.

— А мистер Керли?

— Невзрачный, пожилой и сутулый. Да таких всюду сколько угодно, их и различаешь-то с трудом. Начинал хоть немного походить на живого человека, только если разговор касался его несчастных книжек. Подозреваю, сэр Эмброз его почти и не знал.

— А ближайший сосед, Джерри?

— Совершенно очаровательный молодой человек! Был обручен с Сильвией. Это-то и привело к печальному исходу.

— Тогда я не понимаю...— начала мисс Марпл и замолчала.

— Что?

— Ничего, дорогая.

Сэр Генри с любопытством взглянул на мисс Марпл и задумчиво произнес:

— Итак, они были помолвлены. И давно?

— Уже с год. Сэр Эмброз сначала был против — под предлогом, что Сильвия еще слишком молода, но потом все же сдался, и скоро должна была состояться свадьба.

— А у молодой леди была собственность?

— Почти ничего. Сотня или две фунтов в год.

— Выстрел мимо, Клитеринг,— засмеялся полковник Бантри.

— Ну и ладно. Теперь очередь доктора задавать вопросы,— сказал сэр Генри.

— Собственно, мое любопытство больше профессиональное,— начал доктор Ллойд.— Хотелось бы знать, какое медицинское заключение было представлено следствию? Если, конечно наша милая хозяйка это запомнила.

— Насколько мне известно, отравление дигиталином. Так это, кажется, называется?

Доктор Ллойд кивнул.

— Основной компонент наперстянки — дигиталис — воздействует на сердце. Так, при некоторых формах сердечной недостаточности это лекарство просто незаменимо. Вместе с тем очень странный случай. Не могу поверить, что листья наперстянки могли привести к летальному исходу. Ее плоды и листья далеко не так ядовиты. Хотя, если предварительно извлечь в чистом виде активное вещество...

— Вот и миссис Макартур послала на днях несколько особых луковиц миссис Туми,— вдруг вставила мисс Марпл.— А кухарка миссис Туми приняла их за обыкновенный лук, и конечно же все семейство сильно расхворалось.

— Но они ведь от этого не умерли,— заметил доктор Ллойд.

— Нет, не умерли,— подтвердила мисс Марпл.

— А одна моя знакомая умерла,— заявила Джейн Хелльер.— Отравилась птомаином. Это трупный яд такой.

— Не будем отвлекаться. Мы же расследуем преступление,— заметил сэр Генри.

— Преступление? — вздрогнув, переспросила Джейн.— А я думала, это несчастный случай.

— Если бы это было несчастным случаем, миссис Бантри, надеюсь, не стала бы нам о нем рассказывать,— возразил сэр Генри.— Нет, думаю, это только его видимость, за которой кроется что-то очень зловещее. Мне сейчас вспомнилось нечто подобное... Собравшиеся на ужин гости мирно беседовали. Происходило все это в комнате, стены которой были увешаны всевозможным старинным оружием. Вдруг один из гостей сорвал со стены седельный пистолет, прицелился в другого и спустил курок. Он, конечно, шутил, но пистолет оказался заряжен и произошло убийство. И нам пришлось выяснять, во-первых, кто мог зарядить его, и, во-вторых, кто направил разговор таким образом, что в результате этой так называемой шутки произошла трагедия.

Мне кажется, здесь мы имеем дело со сходной ситуацией. Листья дигиталиса были намеренно перемешаны с шалфеем, а последствия точно просчитаны. Поскольку мы снимаем подозрение с кухарки — с этим все согласны? — возникает вопрос: кто собрал зелень и принес ее на кухню?

— На это ответить просто. По крайней мере, на то, кто принес,— сказала миссис Бантри.— Сама Сильвия и принесла. Кстати, это входило в ее обязанности — собирать только-только подросший салат, зелень, молоденькую

морковку... В общем, все то, что ни за что не окажется на вашем столе, если предоставить это садовнику. Эти садовники просто помешаны на перезревших овощах. Так что Сильвии и миссис Карпентер частенько приходилось самим рвать молодую зелень. А наперстянка действительно росла совсем рядом с шалфеем, так что ошибиться было нетрудно.

— В тот раз Сильвия тоже собирала зелень сама?

— Неизвестно. Скорее всего, да.

— Непроверенные факты очень опасная штука,— веско заметил сэр Генри.

— Во всяком случае, миссис Карпентер точно ее не рвала,— твердо заявила миссис Бантри,— поскольку все утро провела со мной на террасе. Мы вышли туда сразу после завтрака, поскольку погода стояла прекрасная, даром что весна только начиналась. Сильвия одна спустилась в сад, а потом я увидела, как она прогуливается под ручку с этой своей подружкой, Мод Уай.

— Они были хорошими подругами? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Да...— ответила миссис Бантри и, казалось, хотела сказать что-то еще, но передумала.

— И долго эта девушка там гостила? — спросила мисс Марпл.

— Около двух недель,— сообщила миссис Бантри, почему-то начиная нервничать.

— Она вам что, не нравилась? — предположил сэр Генри.

— Да нет, почему не нравилась? Нормальная девушка,— совсем уже нервно возразила миссис Бантри.

— Вы что-то от нас скрываете,— упрекнул ее сэр Генри.

— Я как раз подумала...— начала мисс Марпл.— Но не будем об этом...

— О чем «об этом»? — несколько вызывающе спросила миссис Бантри.

— Ну, когда вы сказали, что молодые люди были помолвлены и именно это привело к печальному исходу, мне показалось, ваш голос звучал как-то странно... Ну, вы понимаете, о чем я.

— Нет, вы все-таки ужасный человек.— Миссис Бантри с укоризной посмотрела на мисс Марпл.— Все-то вы всегда знаете! Ну да, подумала кое о чем, но, право, не знаю, стоит ли об этом рассказывать.

— Конечно, стоит!— решительно заявил сэр Генри.—

При всех своих сомнениях вы ничего не должны умалчивать.

— Ну хорошо. Так вот, вечером накануне трагедии, перед обедом, я вышла на террасу. Окно в гостиной было открыто, и я случайно увидела Джерри Лоримера и Мод Уай. Он... ну... он ее целовал. Я, правда, так и не поняла, дружеский это поцелуй или... Но, в конце концов, кто ж такое поймет? Я знала, что сэр Эмброз недолюбливает Джерри Лоримера. Возможно, ему было известно, что это за человек. Но в одном можно было быть уверенной: Мод Уай целовалась по-настоящему. Вы бы видели, как она на него смотрела! Вообще-то, думаю, она больше подходила ему, чем Сильвия.

— Тогда сразу вопрос, пока меня не опередила мисс Марпл,— сказал сэр Генри.— После трагедии Джерри Лоример женился на Мод Уай?

— Да. Через шесть месяцев.

— Ох, Шехерезада, Шехерезада! — покачал головой сэр Генри.— Подумать только, как вы подали нам эту историю вначале. Одни голые кости! А теперь оказывается, на них не так уж и мало мяса!

— Фу! Ну что за сравнения?— возмутилась миссис Бантри.— «Не произносите даже этого слова!» Да нет, это не я, это вегетарианцы вечно так говорят. «Я никогда не ем мяса!» Да еще таким тоном, что после этого самый лучший бифштекс в горло не полезет. Мистер Керли тоже был из этих. Помню, все ел на завтрак какие-то кашки... Ужас как похоже на отруби! Впрочем, если старик сутулый и бородатый, у него почти наверняка не все дома. К тому же он носил дешевое нижнее белье... и подолгу носил!

— Что ты такое несешь, Долли?— взвился ее муж.— Откуда тебе знать, какое у него нижнее белье?

— Я догадываюсь,— с достоинством произнесла миссис Бантри.

— Должен забрать свои слова обратно,— поспешно вмешался сэр Генри.— Действующие лица вашей истории оказались на редкость живописными. Я прямо-таки вижу их перед собой. Э-э, не так ли, мисс Марпл?

— Человеческая натура всегда интересна, сэр Генри. Что интересно, сходные типы имеют тенденцию и действовать сходным образом.

— Две женщины и мужчина — извечный треугольник. Не здесь ли ключ к разгадке? Мне кажется, здесь,— задумчиво произнес сэр Генри.

Доктор Ллойд нерешительно откашлялся:

— Я вот о чем думаю: вы ведь, миссис Бантри, тоже плохо себя потом почувствовали?

— Еще бы! И Артур, и все!

— Вот именно, все,— сказал доктор.— Вы понимаете, что меня смущает? В истории, которую нам только что поведал сэр Генри, один гость выстрелил в другого. Но он же не стал палить во всех присутствовавших.

— Вы о ком? — изумилась Джейн, недоуменно поведя точеным плечиком.— Разве кто-то стрелял?

— Дело в том, что убийца действовал очень странно. Либо он был фаталист и слепо верил в случай, либо с полным пренебрежением относился к человеческой жизни. Но все-таки маловероятно, чтобы человек, решившийся устранить одного, намеренно отравил восьмерых.

— Полностью разделяю ваши сомнения. Я об этом как-то не подумал,— признался сэр Генри.

— Но он ведь и сам мог умереть? — заметила Джейн.

— Кто-нибудь отсутствовал на ужине в тот вечер? — спросила мисс Марпл.

Миссис Бантри покачала головой.

— Все были.

— Кроме мистера Лоримера, полагаю. Он ведь не гостил у Эмброза.

— Нет. Но на ужин явился.

— О! — просияла мисс Марпл.— Это же все меняет!

Она недовольно нахмурилась и пробормотала:

— И как же это я раньше не догадалась? Просто невероятно.

— Признаюсь, ваши слова, Ллойд, совсем меня обескуражили,— сказал сэр Генри.— Но как же можно было рассчитать так, чтобы смертельную дозу получила именно и только девушка?

— Да никак,— ответил доктор.— Это-то и навело меня на одну мысль... А что, если умереть должна была не она?

— Что-что?

— При пищевых отравлениях результат очень неоднозначен. При одинаковой дозе один человек будет испытывать лишь легкое недомогание, другой — куда более серьезное, а третий может и умереть. Обычно все так и бывает, и точно рассчитать результат заранее попросту невозможно. Тем более часто вмешиваются совсем уже непредвиденные факторы. Дигиталин — это лекарство, которое действует непосредственно на сердце. Как я уже говорил,

его выписывают при некоторых болезнях сердца, но дозы крайне индивидуальны. В доме был один-единственный человек с больным сердцем. Предположим, его и выбрали жертвой. Что губительно для него, не будет губительно для других: так мог рассуждать преступник. Ну, а что все обернулось иначе — лишнее доказательство того, о чем я только что сказал: воздействие лекарства на человеческий организм не всегда предсказуемо, поскольку сугубо индивидуально.

— Сэр Эмброз... Вы думаете, преступник имел в виду его? — спросил сэр Генри.

— Да. Смерть девушки — случайность.

— А кто бы получил деньги после его смерти? — поинтересовалась актриса.

— Очень разумный вопрос, мисс Хелльер. Один из тех, который мы привыкли задавать в нашем ведомстве, — сказал сэр Генри.

— У сэра Эмброза был сын, ужасно взбалмошный, — задумчиво проговорила миссис Бантри. — Он давно поссорился с отцом. Но все-таки полностью лишить его наследства сэр Эмброз не мог: закон не позволял. Так что впоследствии Мартин Берси унаследовал и титул и поместье. Было, однако, немало собственности, которой сэр Эмброз мог распоряжаться по своему усмотрению и которую он завещал своей подопечной Сильвии. Я знаю об этом, потому что сэр Эмброз умер через несколько месяцев после этой трагедии. После смерти Сильвии он не стал менять завещания, так что, думаю, деньги перешли в казну или, может быть, к его сыну как ближайшему родственнику. Я, право, точно не знаю.

— Итак, в его смерти был заинтересован сын, который отсутствовал, и еще девушка, которая умерла, — заключил сэр Генри. — Затруднительный случай.

— Неужели другая женщина ничего не получила? — спросила Джейн. — Ну та, которую миссис Бантри назвала киской?

— Она даже не была упомянута в завещании, — сказала миссис Бантри.

— Мисс Марпл, да вы нас совсем не слушаете, — заметил вдруг сэр Генри. — О чем вы там думаете?

— Да мне тут вспомнился старый мистер Баджер, аптекарь, — отозвалась мисс Марпл. — Так вот у него была молодая экономка. Уж настолько молодая, что чуть ли не во внучки ему годилась. Ну, и когда он умер, на оглашении

завешания все его исполненные надежд племянники и племянницы, как, впрочем, и другие родственники и знакомые, были очень неприятно удивлены, узнав, что два года назад он тайно женился на этой самой экономке. И, заметьте, никому и словом об этом не обмолвился. Конечно, мистер Баджер был всего лишь недалеким сельским аптекарем — человеком грубым и невоспитанным, а сэр Эмброз Берси — джентльменом и, как говорит миссис Бантри, натурой утонченной, но... Человек есть человек! У всех у нас много общего, а уж слабостей — особенно.

Наступила пауза. Сэр Генри пристально посмотрел на мисс Марпл. Та ответила ему добродушным и чуть-чуть насмешливым взглядом.

Джейн Хелльер нарушила молчание:

— А эта миссис Карпентер была хороша собой?

— Да, но совсем неброская, ничего запоминающегося.

— У нее был очень приятный голос,— заметил полковник Бантри.

— Мурлыканье, вот как я это называю,— возразила миссис Бантри.— Мурлыканье.

— Тебя на днях тоже кое-кто называл киской.

— Но это же дома! Дома можно,— сказала миссис Бантри.— И вообще, как тебе известно, я не слишком жалую женщин. Мне больше нравятся мужчины и... цветы.

— Отличный вкус,— улыбнулся сэр Генри.— Особенно радуется, что на первом месте мужчины.

— Все это очень мило,— сказала миссис Бантри.— Но что же все-таки с моей простенькой историей? Правда, здорово вышло? А ведь ты не верил, Артур, что у меня получится.

— Да, дорогая. Но я не думал, что распорядителя Жокей-клуба будут расспрашивать о скачках.

— Первый номер,— подхватила миссис Бантри, нацелив палец на сэра Генри.

— Я не так скор на решения. Пока еще у меня нет определенного мнения по этому делу. Дайте подумать. Сомневаюсь, чтобы сэр Эмброз стал таким образом устраивать собственное самоубийство. С другой стороны, он ничего не выигрывал и от смерти своей подопечной. Стало быть, сэра Эмброза мы исключаем.

Теперь мистер Керли.. Для убийства девушки вообще никаких мотивов. Если же этот чудаковатый старик хотел избавиться от сэра Эмброза, то не иначе как ради парочки

манускриптов, пропажу которых никто, кроме него самого, и не заметил бы. Приходится согласиться, что мотив слабоват. Так что, думаю, несмотря на сомнения миссис Бантри относительно свежести его нижнего белья, мистер Керли чист.

Мисс Уай. Заинтересованности в смерти сэра Эмброза никакой, зато в смерти Сильвии — довольно серьезная. Она желала заполучить ее жениха, и, принимая во внимание свидетельство миссис Бантри, довольно сильно желала. Она была с Сильвией в то утро в саду и вполне могла нарвать эту зелень. Нет, мы не можем исключить эту особу.

Молодой Лоример. В обоих случаях у него имелся мотив. Избавившись от своей невесты, он мог жениться на другой девушке. Однако в этом случае совершенно непонятна жестокость выбранного способа. В наши дни расторжение помолвки — дело совершенно обычное. А вот в случае смерти сэра Эмброза он мог жениться на богатой наследнице. Тут, конечно, важно учитывать финансовое положение этого молодого человека, и, если сейчас вдруг выяснится, что его поместье было заложено, а миссис Бантри намеренно скрыла этот факт, я потребую назначить ей штраф.

Теперь миссис Карпентер. Эти ее безупречно белые руки и не менее безупречное алиби на момент сбора зелени почему-то сильно меня настораживают. У меня есть и еще одна причина не доверять этой даме, но ее я пока подержу при себе.

Итак, если уж выбирать, я выбираю мисс Мод Уай. Против нее доводов больше, чем против других.

— Номер второй,— объявила миссис Бантри, указывая на доктора Ллойда.

— Думаю, вы ошибаетесь, Клитеринг. Вряд ли кто-то хотел убить девушку. Я совершенно уверен, что преступник хотел избавиться от сэра Эмброза. Сомневаюсь, что юный Лоример обладал достаточными знаниями для осуществления такого плана. Я склонен считать, что все подстроила миссис Карпентер. Она в семье давно, прекрасно осведомлена о состоянии здоровья сэра Эмброза и легко могла заморочить голову Сильвии (которая, как вы сами говорили, была довольно глупа). Ну вот, та по наводке миссис Карпентер и нарвала не тех листья. Мотива, признаться, я здесь не вижу. Могу только предположить, что когда-то сэр Эмброс составил завешание, в ко-

тором была упомянута и она. Это все имеющиеся у меня соображения.

Указательный палец миссис Бантри нацелился на Джейн Хелльер.

— Не знаю, что и сказать,— вздохнула та.— Ну, разве... Что, если сама девушка это и сделала? В конце концов, ведь это она отнесла зелень на кухню. А вы говорили, что сэр Эмброз возражал против ее замужества. Ну, а после его смерти она получила бы деньги и спокойно вышла замуж. О состоянии здоровья сэра Эмброза она была осведомлена не хуже миссис Карпентер.

Палец миссис Бантри медленно направился на мисс Марпл.

— Ну, теперь наша наставница,— сказала она.

— Сэр Генри уже замечательно все объяснил. Просто замечательно,— повторила мисс Марпл.— Доктор Ллойд, кстати, тоже внес существенные дополнения. Они все окончательно прояснили. Единственно, что он упустил... Но это сущие пустяки. И потом, не будучи лечащим врачом сэра Эмброза, он конечно же просто не мог знать, каким именно видом сердечной недостаточности тот страдал. Не так ли, доктор?

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мисс Марпл,— недоуменно посмотрел на нее доктор Ллойд.

— Вы строили свое предположение на том, что сэру Эмброзу был категорически противопоказан дигиталин, так? Но ведь это еще ничего не доказывает. Возможно, все было как раз наоборот.

— Наоборот?

— Ну да, вы же сказали, что его часто прописывают при болезнях сердца.

— Все равно не понимаю. К чему вы клоните?..

— К тому, что у сэра Эмброза должен был быть приличный запас этого лекарства. Так о чем я? Вечно не могу как следует сосредоточиться... Ах да! Предположим, вы собираетесь отравить кого-то дигиталином. Вам не кажется, что в этом случае логично будет подстраховаться? Скажем, устроить всеобщее отравление листьями наперстянки? Надежно и просто. В любом другом случае убийство обнаружится сразу, а единственная жертва общего пищевого отравления вряд ли кого насторожит: доктор Ллойд уже объяснил нам, что воздействие яда — вещь совершенно непредсказуемая. При общей для всех картине недомогания

вряд ли кто догадается, что девушка получила смертельную дозу настойки дигиталиса или подобного ему снадобья. Дигиталин мог быть подмешан в коктейль, в кофе — да куда угодно!

— Вы хотите сказать, сэр Эмброз отравил свою воспитанницу? Эту очаровательную девушку, которую так любил?

— Вот именно, любил! — подтвердила мисс Марпл. — Вспомните Баджера с его молодой экономкой и не пытайтесь меня убедить, что мужчина шестидесяти лет не способен влюбиться в двадцатилетнюю девушку. Это случается сплошь и рядом. А такого деспота, как сэр Эмброз, это могло подтолкнуть к совершенно непредсказуемым поступкам. Думаю, мысль, что она выходит замуж, доводила его до безумия. Старик сделал все возможное, чтобы помешать этой свадьбе, но ничего не добился. Мучительная ревность довела его до того, что он решился на убийство — лишь бы она не досталась молодому Лоримеру. Вероятно, он все обдумал заранее: ведь наперстянку нужно сначала посеять, смешав ее с семенами шалфея, а потом ждать, когда она прорастет. Когда это наконец случилось, он сам нарвал листьев и попросил девушку отнести их на кухню. Страшно даже представить... Но, знаете, думаю, он все же заслуживает некоторого сочувствия: в его возрасте мужчины порой просто не способны рассуждать... здраво, когда дело касается молоденьких девушек. Наш последний органист, к примеру... А, впрочем, не буду пересказывать всякие сплетни.

— Миссис Бантри, все так и было? — осведомился сэр Генри.

Миссис Бантри кивнула.

— Да. Я и представить ничего подобного не могла, считала, что это роковое стечение обстоятельств. После смерти сэра Эмброза в его завещании нашли адресованное мне письмо. В нем-то он все и рассказал. Не знаю, почему именно мне. Правда, мы всегда с ним ладили...

Наступило молчание. Миссис Бантри, приняв его за осуждение, поспешно добавила:

— Вы, наверное, думаете, я раскрыла чужой секрет? Ничего подобного! Я изменила все имена. На самом деле его звали вовсе не Эмброз Берси. Разве вы не видели, как вытаращился на меня Артур, когда я произнесла это имя? Он поначалу вообще ничего не понял. Словом, как пи-

шут иногда в журналах или в начале романов: «Все имена в этой истории изменены». А настоящих вы никогда не узнаете.

Глава 6

Происшествие в бунгало

— Я тоже кое-что вспомнила,— сказала Джейн Хелльер, и ее красивое лицо осветилось улыбкой ожидающего похвалы ребенка. От этой улыбки приходила в неистовство лондонская публика и млели фоторепортеры.— Это произошло,— она немного поколебалась и решительно закончила: — с моей подругой.

Все заметно оживились. Поскольку Джейн Хелльер была решительно не способна искренне интересоваться кем-то кроме себя, полковник Бантри, его жена, сэр Генри Клитеринг, доктор Ллойд и мисс Марпл тут же решили, что «подруга» — это сама Джейн и есть.

— Моя подруга, не стану называть ее имени,— продолжала Джейн,— была актрисой. Очень известной актрисой.

Никто не удивился. Разве что сэр Генри Клитеринг задумался, надолго ли ее хватит помнить, что нужно все время говорить «она», а не «я».

— Года два назад моя подруга была на гастролях в провинции. Это произошло на берегу реки, недалеко от Лондона. Думаю, точное место лучше не указывать. Назовем его...

Она замолчала. Очевидно, придумать какое-то название было для нее делом нешуточным. Сэр Генри поспешил ей на помощь.

— Не назвать ли нам его Ривербери? — предложил он.

— Отлично, пусть будет Ривербери. Я запомню. Итак, моя подруга была в Ривербери со своей труппой, и там произошла удивительная история.

Она вдруг нахмурилась и снова смолкла.

— Очень трудно вспомнить что именно было сначала. Все как-то перепуталось... Не уверена, что рассказываю по порядку.

— Вы прекрасно начали,— подбодрил ее доктор Ллойд,— продолжайте.

— Ну так вот... Мою подругу вызвали в полицейский участок. Оказалось, ограбили какое-то бунгало на берегу

реки. Был арестован молодой человек, который рассказал в связи с этим очень странную историю. Вот из-за него-то мою подругу и вызвали. А она до этого никогда еще не бывала в полицейском участке. Оказалось, там все очень предупредительные и вежливые. В самом деле.

— Еще бы, все как и положено,— подтвердил сэр Генри.

— Сержанти... думаю, это был сержанти, хотя, может, и инспектор... предложил ей стул и все рассказал. Я, конечно, сразу поняла, что произошла ошибка...

«Ага,— подумал сэр Генри,— вот и первое «я»».

— Так рассказывала моя подруга,— продолжала Джейн в счастливом неведении, что уже себя выдала.— Она объяснила, что находилась тогда на репетиции и даже не слышала об этом мистере Фолкнере. Тогда сержанти ей сказал: «Мисс Хел...»

Последовала тягостная пауза.

— Мисс Хельман,— предположил сэр Генри. В его глазах заиграли веселые огоньки.

— Да-да, пусть будет так. Благодарю. Он сказал: «Мисс Хельман, как только я узнал, что вы остановились в Бридж-отеле, я сразу же понял, что тут какое-то недоразумение». И спросил, не возражаю ли я против опознания или очной ставки. Уж и не помню, как он там выразился...

— Это не имеет значения,— заверил ее сэр Генри.

— ...С тем молодым человеком... Я ответила: «Конечно нет». И они привели его и спросили: «Это мисс Хелльер и...» — Джейн замерла с открытым ртом.

— Не волнуйтесь, дорогая,— успокоила ее мисс Марпл.— Мы все равно уже догадывались, что это вы. Но, поскольку мы не знаем, где это происходило, то и тревожиться не из-за чего.

— Понимаете... я хотела рассказать так, будто это произошло с кем-то другим. Но ведь это ужасно трудно, правда? Сразу так увлекаешься и...

Общими усилиями ее кое-как успокоили, и она продолжала:

— Он был вполне приятный мужчина. Молодой такой, с рыжеватыми волосами. Даже рот открыл, когда меня увидел. И на вопрос сержанти: «Это та самая леди?» — ответил: «Нет, конечно нет. Я был форменным ослом...» Ну, я ему улыбнулась и дала понять, что не в обиде.

— Представляю себе эту сценку!— не удержался сэр Генри.

Джейн Хелльер нахмурилась.

— Как же вам все это объяснить? Дайте подумать...

— Может, лучше просто рассказать? — спросила мисс Марпл так ласково, что никто не заметил иронии. — Я имею в виду, в чем заключалась ошибка молодого человека и как все это связано с ограблением.

— Да, конечно, — согласилась Джейн. — Этот юноша — его звали Лесли Фолкнер — написал пьесу. Вообще-то он написал их несколько, но ни одну нигде не приняли — ни в одном театре. Тогда он послал ее мне. Мне эти пьесы присылают сотнями, но читаю я только те, о которых что-нибудь слышала. О пьесе Фолкнера я не имела никакого понятия. Но случилось так, что мистер Фолкнер получил от меня письмо... Только выяснилось, что на самом деле это письмо было вовсе не от меня... — возмущенно добавила она и мрачно замолчала.

Немного успокоившись, она продолжила:

— В письме говорилось, что я прочла пьесу, что она мне очень понравилась и чтобы он приехал ко мне ее обсудить. Там и адрес был: бунгало в Ривербери. Обрадованный мистер Фолкнер отправился в путь. Нашел бунгало... Горничная открыла дверь, и он спросил мисс Хелльбер. Она сказала, что мисс ожидает его, и проводила в гостиную. К нему вышла женщина. Вот ее-то он и принял за меня, что довольно странно. Должен же он был видеть меня в спектаклях! И потом, мои фотографии хорошо всем известны, не так ли?

— Всей Англии, — подтвердила миссис Бантри. — Но между фотографией и оригиналом большая разница, моя дорогая, и то, что видится в огнях рампы, порой существенно отличается от реального положения вещей.

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Джейн, слегка успокоившись. — Тем более что эту женщину он описал так: высокая, белокурая, с большими голубыми глазами и очень красивая. Полагаю, сходство действительно большое. Он, разумеется, ничего не заподозрил. Она говорила о его пьесе, сказала, что хочет ее поставить. Пока они беседовали, принесли коктейли. Фолкнер, конечно, выпил. И это было последнее, что он запомнил. Когда он очнулся или пришел в себя, — назовите это как хотите, — он лежал у изгороди, на обочине дороги. У него кружилась голова. Ему было так плохо, что когда он встал, то пошел наугад сам не зная куда. Он сказал, что если бы он был в твердом сознании, то непременно вернулся бы в бунгало и

попытался выяснить, что же произошло. Но он пребывал в ужасном состоянии и совсем не соображал, куда направляется. Когда он более или менее опомнился, его арестовали.

— А почему его арестовали? — спросил доктор Ллойд.

— О, разве я не сказала? — воскликнула Джейн, широко раскрыв глаза. — Ну вот, у меня всегда так... Ограбление!

— Вы упомянули об ограблении, но не сказали, где, когда и как, — заметила миссис Бантри.

— То самое бунгало, куда он ходил. Только оно, конечно, не мое. Оно принадлежало человеку, которого зовут... Джейн опять нахмурила брови.

— Не хотите снова взять меня в крестные отцы? — спросил сэр Генри. — Так вам будет проще предъявлять обвинение. Опишите владельца, и я дам ему имя.

— Его можно представить как богатого горожанина. Скажем, сэр...

— Герман Кохен, — подхватил сэр Генри.

— Подходяще. Бунгало же он снял для одной дамы, у которой муж актер. Вообще-то она и сама актриса...

— Давайте назовем мужа Клодом Лисоном, — предложил сэр Генри, — а леди придумаем сценическое имя; к примеру, мисс Мэри Керр.

— Какой же вы умный, — восхитилась Джейн. — И как это у вас все так ловко выходит? Да, так вот... У сэра Германа был... загородный дом, куда он приглашал на выходные эту леди. Его жена, разумеется, ничего не знала. И он надарил этой актрисе кучу драгоценностей, и среди них — несколько красивых изумрудов.

— Ага, — воскликнул доктор Ллойд, — вот мы уже добрались и до изумрудов!

— Эти драгоценности, запертые в специальном ларчике, находились в бунгало. Полиция считает, что это было весьма легкомысленно — любой мог украсть их.

— Видишь, Долли, — вмешался полковник Бантри, — а я что тебе всегда говорю?

— Да, но лично я считаю, — возразила миссис Бантри, — что чаще всего теряют свои вещи именно те, кто их старается как можно лучше спрятать. Я, например, не запираю драгоценности в ларец, а держу их в выдвижном бельевом ящике, под чулками. Осмелюсь заявить, что если бы эта — как ее? — Мэри Керр поступала так же, никто бы ничего у нее не украл.

— Украла бы все равно,— сказала Джейн,— так как содержимое всех ящиков было вывернуто на пол.

— Значит, искали не драгоценности,— заключила мисс Бантри.— Они искали секретные документы. Так всегда говорится в книгах.

— Нет, я ничего не знаю о секретных документах,— засомневалась Джейн.— Ничего такого я не слышала.

— Не отвлекайтесь, мисс Хелльбер,— вмешался полковник Бантри,— не принимайте всерьез домыслы Долли.

— Что же с ограблением? — напомнил сэр Генри.

— Так вот, в полицию позвонила дама и назвалась мисс Мэри Керр. Она сказала, что бунгало ограблено, и описала молодого человека с рыжеватыми волосами, который заходил к ней утром. Сказала, что горничной он показался каким-то странным, и его не пустили. Они видели в окно, как он уходил. Керр описала молодого человека так точно, что через час полиция арестовала его. На допросе он рассказал, что с ним случилось, и показал мое письмо. И меня, как я уже говорила, вызвали в полицию. Когда Фолкнер увидел меня, он заявил, что то была вовсе не я.

— Очень занятая история,— подытожил доктор Ллойд.

— А эту Мэри Керр мистер Фолкнер знал?

— Нет, не знал, по крайней мере, он так говорил. Но я вам еще не рассказала самое интересное. Полицейские, конечно, отправились в бунгало. Там они увидели все, что было сообщено по телефону. В доме никого. Все ящики вытащены, опрокинуты, драгоценности исчезли. Через несколько часов вернулась Мэри Керр. Увидев, что творится в ее доме и узнав о звонке в полицию, она заявила, что только сейчас узнала об ограблении и, естественно, никуда не звонила. Она объяснила, что утром получила телеграмму от менеджера с предложением главной роли и он назначил ей встречу в клубе. Она, конечно, помчалась в город, но напрасно — менеджер телеграммы не отправлял.

— Обычная уловка, чтобы убрать ее с дороги,— прокомментировал сэр Генри.— А что слуги?

— Да то же самое. Там была одна только горничная. Ей позвонила по телефону, как той показалось, Мэри Керр и попросила привезти в клуб сумку, что лежит в ее спальне в таком-то ящике. Горничная должна была успеть на ближайший поезд. Так она и сделала, но, когда приехала в клуб, мисс Керр там не оказалось.

— Хм, я начинаю догадываться. Дом был пуст, и про-
никнуть в него через одно из окон не составляло никакого
труда. Но я не совсем понимаю, зачем туда пригласили
мистера Фолкнера и кто звонил в полицию, если не мисс
Керр? — развел руками сэр Генри.

— Вот этого-то никто и не может выяснить.

— А тот молодой человек действительно оказался тем,
за кого себя выдавал?

— О да. Здесь все в порядке. Он в самом деле получил
письмо, как будто бы от меня. Конечно, почерк был не
мой, но очень похожий.

— Итак, давайте проясним ситуацию, — предложил сэр
Генри. — Поправьте меня, если я ошибусь. Молодого че-
ловека заманивают в ловушку с помощью поддельного пись-
ма, что вполне правдоподобно. Молодой человек одурма-
нен. В полицию сообщают о подозрениях против него.
Ограбление произошло на самом деле. Я полагаю, и дра-
гоценности на самом деле украдены?

— О да.

— Они найдены?

— Нет, разумеется. Сэр Герман старался замять дело,
но ему это не удалось. Думаю, жена обо всем узнала и на-
чала бракоразводный процесс. Впрочем, утверждать ниче-
го не могу.

— А что случилось с мистером Лесли Фолкнером?

— Его освободили. В полиции сказали, что улик про-
тив него нет. А вы не думаете, что вся эта история доволь-
но странная?

— Определенно странная. Первый вопрос — кому ве-
рить? Из вашего рассказа, мисс Хелльер, можно заклю-
чить, что вы склонны верить мистеру Фолкнеру. Есть ли у
вас какие-нибудь основания для этого, кроме вашей соб-
ственной интуиции?

— Нет-нет, думаю, что нет. Но он был такой милый
и так извинялся за то, что принял Мэри Керр за меня. Я
сразу почувствовала: он говорит правду.

— Понимаю, — сказал сэр Генри с улыбкой. — Но, со-
гласитесь, ему ничего не стоило и выдумать всю эту исто-
рию. Он мог даже сам написать письмо — якобы от вашего
имени. И принять какое-нибудь снадобье — уже после удач-
но провернутого дельца. Но, признаюсь: я не вижу смыс-
ла во всем случившемся. Единственно, для чего он мог
все это состряпать, так если обнаружил, что его заметил
кто-то из соседей.

— Он состоятельный человек? — спросила мисс Марпл.

— Не думаю,— ответила Джейн.— Нет, пожалуй. Скорее он был как раз в стесненных обстоятельствах.

— М-да, загадочное происшествие,— сказал доктор Ллойд — А если допустить, что история, рассказанная молодым человеком, правда, все запутывается еще больше. Зачем женщина, выдавшая себя за мисс Хелльер, вовлекла в эту историю незнакомого ей человека? Зачем вообще разыграла эту комедию?

— Скажите, Джейн, а мистер Фолкнер когда-нибудь встречался с Мэри Керр лицом к лицу? На сцене или еще где-нибудь? — спросила миссис Бантри.

— Точно не знаю,— помедлила с ответом Джейн и вновь нахмурила брови, пытаясь вспомнить.

— Потому что, если Фолкнер раньше с ней не виделся, загадка решена! — сказала миссис Бантри.— Я уверена, что моя версия верна. Нет ничего проще придумать, будто тебя вызвали в город. Потом позвонить горничной с Паддингтонского или другого вокзала и, пока она добирается до города, возвратиться в бунгало. Тем временем заявляется вызванный письмом молодой человек. Остается только инсценировать ограбление, перевернув все вверх дном. Предварительно, конечно, угостив гостя усыпляющим коктейлем. Затем позвонить в полицию, сообщить приметы одурманенной жертвы и снова отбыть в город. И вслед за этим вернуться домой последним поездом и начать рыдать и ахать, разыгрывая полную непричастность к ограблению.

— Но зачем ей красть собственные драгоценности, Долли?

— Подобные дамочки всегда так делают,— парировала миссис Бантри.— Во всяком случае, я могу придумать сотни причин. Может быть, ей срочно понадобились деньги, а старый сэр Герман не давал их, так что ей пришлось украсть драгоценности, а потом тайком продать. А может быть, ее кто-нибудь шантажировал, угрожая выдать их связь мужу Керр или жене сэра Германа. Другая причина: она уже продала драгоценности, а сэр Герман вдруг потребовал предъявить их, так что ей пришлось таким образом выпутываться. В романах это сплошь и рядом. А возможно, он собирался сделать новую оправу, а у нее на руках уже ничего не было. Или — очень хорошая идея и не так уж часто встречающаяся в книгах — Керр притворилась, что драгоценности украдены. Разыгрывает отчаяние, и сэр

Герман дарит ей новые. И вот у нее уже два гарнитура вместо одного. Такие особы, я уверена, ужасно хитрющие.

— Какая вы умница, Долли!— восхитилась Джейн,— мне бы это и в голову не пришло.

— Будь ты хоть трижды умницей, это еще не значит, что ты права,— заметил полковник Бантри.— Я склонен подозревать самого покровителя. Телеграмму мог послать он сам, чтобы выманить свою приятельницу из дома. Все остальное устроить тоже не сложно — с помощью нового знакомого леди. Кажется, никто и не подумал поинтересоваться, есть ли у этого господина алиби.

— А вы что думаете, мисс Марпл? — поинтересовалась Джейн, обращаясь к пожилой леди, молча сидевшей в своем кресле с крайне озадаченным видом.

— Не знаю даже, что вам и сказать, милочка. Сэр Генри будет смеяться, но я не могу вспомнить ничего похожего из моей деревенской жизни. Очень странная история... и возникает множество вопросов. Например, прислуга. В подобных... м-м... союзах, прислуга, как правило, прекрасно обо всем осведомлена. Я имею в виду, что порядочная девушка в такой дом служить не пойдет. То есть мы можем смело предположить, что горничная была далеко не ангелом. Она могла состоять в сговоре со взломщиками. Она могла оставить дверь незапертой и уехать в Лондон. А распоряжение хозяйки, полученное по телефону,— просто отговорка. Признаться, этот вариант кажется мне наиболее вероятным. Но если речь идет об обычных ворюгах, вся эта история выглядит весьма странно. Как правило, горничные не настолько осведомлены о хозяйских драгоценностях.

Мисс Марпл немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Не могу отделаться от ощущения, что было что-то еще... что-то личное,— задумчиво сказала она.— Пока не могу объяснить. Возможно, кто-то затаил злобу или обиду... Но кто? Начинаящая актриса, с которой плохо обошлись? Вам не кажется, что это помогло бы объяснить случившееся? Скажем, желание отомстить «благодетелю». Очень на то похоже. Хотя и не очень убедительно.

— Ой, а ведь доктор еще ничего не сказал!— смутилась Джейн.— Совсем про него забыла.

— Обо мне всегда забывают,— печально отозвался доктор.— Должно быть, я самая неприметная личность.

— Ну что вы! Скажите, что вы думаете об этом деле?

— Я нахожусь в несколько затруднительном положении, поскольку готов согласиться с каждым из высказавшихся и... ни с кем из них. Возможно, мое предположение в корне ошибочно... но во всей этой истории может быть замешана жена сэра Германа. У меня нет оснований так утверждать, однако вы и представить не можете, какие невероятные ходы может сделать обиженная жена.

— Как вы проницательны, доктор Ллойд! Как же я могла забыть о бедняжке миссис Пибмарш!— выпалила вдруг мисс Марпл.

Джейн уставилась на нее:

— Миссис Пибмарш? Кто такая миссис Пибмарш?

— Ну...— Мисс Марпл заколебалась.— Не знаю даже, уместна ли подобная аналогия... Она была прачкой и взяла опаловую брошь, приколотую к блузке. А потом подложила в белье другой женщины.

Джейн подобное объяснение окончательно сбilo с толку.

— И теперь вам все стало ясно, мисс Марпл? — спросил сэр Генри, подмигивая.

Мисс Марпл покачала головой.

— Боюсь, что нет. Должна признаться, я в полной растерянности. Но одно знаю твердо: женщины должны держаться друг друга. В любых, даже самых непредвиденных обстоятельствах. Думаю, именно в этом мораль истории, которую рассказала нам мисс Хелльер.

— Боюсь, сей нравственный аспект от меня ускользнул,— признался сэр Генри.— Возможно, когда мисс Хелльер назовет разгадку, все прояснится.

— Как? — спросила Джейн, явно смутившись.

— Да, говоря по-детски, «мы сдаемся». Вы одна, мисс Хелльер, имеете высокую честь раскрыть нам тайну, разгадать которую не сумела даже мисс Марпл.

— Вы все сдаетесь? — удивилась Джейн.

— Да,— подтвердил сэр Генри.

Подождав, не выскажется ли кто еще, он снова взял инициативу в свои руки:

— Итак, мы имеем по одному ответу от простаков-мужчин, два варианта предлагает мисс Марпл и целую дюжину миссис Би.

— Во-первых, вовсе не дюжину,— уточнила миссис Бантри,— а во-вторых, сколько раз я просила вас не называть меня «миссис Би»!

— Итак, вы все сдаетесь,— проговорила Джейн.— Как странно...

Она замолчала и принялась с отсутствующим видом полировать ногти.

— Ну,— не выдержала миссис Бантри.— Что же вы молчите, Джейн? В чем же разгадка?

— Разгадка?

— Да. Что же случилось на самом деле?

Джейн грустно вздохнула.

— Не имею ни малейшего представления.

— Что?

— Мне самой интересно. Я думала... Вы все такие умные... Я думала, что кто-нибудь из вас обязательно поймет, в чем там было дело.

Возмущению собравшихся не было предела. Каждый невольно подумал, что красота, конечно, вещь замечательная, но не может же она заменить все остальное. И пусть Джейн трижды красавица, ей не мешало бы хоть капельку поумнеть.

— Вы хотите сказать, что никто так и не докопался до истины? — спросил сэр Генри.

— Нет. Я надеялась на вас,— обиженно заявила Джейн, и не думая скрывать своего разочарования.

— Понимаю, но...— Полковник Бантри растерянно умолк.

— Вы самая несносная девчонка, Джейн,— упрекнула миссис Бантри.— Я, во всяком случае, буду считать, что одна из моих догадок правильна. А если бы вы назвали настоящие имена всех действующих лиц, я бы даже и не сомневалась.

— Не думаю, что могу сделать это,— возразила Джейн.

— Ну конечно, мисс Хелльер не может этого сделать,— поддержала ее мисс Марпл.

— Нет, может!— заявила миссис Бантри.— Ну не будьте вы такой упрямой, Джейн. Мы, старики, просто обожаем подобные истории. Ну скажите хоть, кто был этот богач.

Джейн только покачала головой. Мисс Марпл поддержала ее.

— Это было бы крайне неделикатно. Вообще на редкость неприятная история.

— А мне... мне, кажется, даже понравилось,— тихо сказала Джейн.

— Охотно верю,— отозвалась мисс Марпл.— Внесло, так сказать, в вашу жизнь некоторое разнообразие. Вы в какой пьесе недавно играли?

— «Смит».

— Ах да. Это ведь Сомерсет Моэм, да? В нем столько мудрости! Я видела почти все его пьесы.

— Вы, кажется, намерены возобновить постановку будущей осенью? — спросила миссис Бантри.

Джейн кивнула.

— Ну что же,— сказала мисс Марпл.— Мне пора домой: уже поздно. У нас был очень интересный вечер. Необычный, во всяком случае. Думаю, рассказ мисс Хелльер заслуживает приза. Вы не согласны?

— Мне так жаль, что я вас расстроила,— грустно вздохнула Джейн.— Но я и правда не знаю конца этой истории... Надо мне было предупредить.

Доктор Ллойд воспользовался случаем проявить галантность:

— Дорогая мисс Джейн, мы несколько на вас не сердимся. Вы задали нам очень интересную задачу. Жаль только, что никто так и не нашел верного решения.

— Говорите за себя,— возмутилась миссис Бантри.— Лично я его нашла и несколько в этом не сомневаюсь.

— Знаете, мне кажется, так оно и есть,— согласилась Джейн.— Все, что вы сказали, может оказаться верным.

— И какое же из семи предположений миссис Бантри вы предпочитаете? — шутливо спросил сэр Генри.

Доктор Ллойд помог мисс Марпл надеть калоши.

— Я всегда их надеваю — на всякий случай,— улыбнулась предусмотрительная старая леди.

Доктор, намеревавшийся проводить мисс Марпл до ее старинного коттеджа, терпеливо ждал, когда она облачится во все свои шали. Мисс Марпл еще раз пожелала всем доброй ночи. Прощаясь, она подошла к Джейн и что-то прошептала ей на ухо. У той вырвалось изумленное «ах!», и такое громкое, что все обернулись.

Мисс Марпл улыбнулась и, кивнув девушке, вышла. Джейн Хелльер зачарованно смотрела ей вслед.

— Так вы собираетесь идти спать, Джейн? — спросила миссис Бантри.— Что с вами? Вы точно привидение увидели.

Джейн очнулась и, одарив мужчин очаровательной и смущенной улыбкой, последовала за миссис Бантри вверх по лестнице.

В спальне миссис Бантри обнаружила, что огонь в камине почти погас.

— Не могут разжечь как следует,— ворчала она, энергично орудуя кочергой.— Ох уж эти мне горничные! Ну жуть до чего бестолковые! Хотя надо признать, что мы изрядно засиделись сегодня вечером. Ого! Уже половина второго!

— Как вы думаете, а много таких? — спросила вдруг Джейн.

— Горничных-то?

— Нет. Я имею в виду эту забавную старушку. Как ее... мисс Марпл?

— Ну, не знаю. Думаю, в деревнях достаточно.

— О Боже! Что же мне делать? — Джейн тяжело вздохнула.

— Что случилось?

— Я расстроена.

— Чем?

— Долли, знаете, что эта странная старая леди шепнула мне перед уходом?

— Нет. И что же?

— Она сказала: «На вашем месте, дорогая, я не стала бы этого делать. Никогда не позволяйте себе попасть в зависимость от другого человека, даже если в данный момент считаете, что она ваша лучшая подруга»... И знаете, Долли, это удивительно... как она догадалась...

— Возможно. Но я не очень понимаю, о чем идет речь.

— Наверно, вы просто никогда не доверялись женщинам. А я сама чуть было не оказалась в ее власти.

— Да о ком вы говорите?

— О Нетте Грин, моей дублерше в театре.

— Но откуда мисс Марпл знает о вашей дублерше?

— Думаю, она догадалась. Уж и не знаю, как ей это удалось.

— Джейн, будьте добры, объясните мне толком, о чем речь!

— Об истории, которую я вам рассказала. Вы же знаете, эта Грин отняла у меня Клода.

Миссис Бантри кивнула, мысленно возвращаясь к первому неудачному браку Джейн с актером Клодом Авербэри.

— Он женился на Нетте. Клод ничего не подозревал, а она проводила выходные в загородном бунгало сэра Джозефа Салмана... О чем я вам и рассказала сегодня. Я хотела вывести ее на чистую воду — чтобы все поняли, какая она на самом деле. И с ограблением... понимаете, все вот-вот выйдет наружу.

— Джейн! — задохнулась миссис Бантри. — Так это вы устроили историю, о которой нам рассказали?

Джейн кивнула.

— Вот почему я и выбрала «Смита». В этом спектакле я выступаю в наряде горничной. И когда меня вызвали в полицейский участок, ничего не было проще, чем сказать, что я репетировала свою роль с дублершей в отеле. На самом деле мы обе были в бунгало. Я открыла дверь и принесла коктейли, а Нетта представилась мною... Понимаете, Фолкнер после этого никогда бы ее больше не увидел и опознать бы не смог. А я всегда могу загримироваться по-другому. Да и потом, горничных обычно попросту не замечают. Мы договорились вытащить его на дорогу, забрать ларец с драгоценностями и позвонить в отель. Я не хотела заставлять молодого человека страдать. Вот и сэр Генри, кажется, считает, что он не слишком пострадал. Разве не так? Я надеялась, что имя Нетты Грин появится в газетах, и все обнаружится. Тогда Клод наконец поймет, что из себя представляет его женушка.

Миссис Бантри застонала:

— О, моя бедная головка!.. И все это время... Джейн Хеллбер, вы лживая девчонка!.. Рассказываете нам историю, которую сами же и спланировали!

— Я — хорошая актриса, — в голосе Джейн зазвучало самодовольство, — и всегда ею была, что бы там ни болтали.

— Мисс Марпл права, — пробормотала миссис Бантри. — Личностный фактор. О да! Джейн, девочка моя, да понимаете ли вы, что совершили самое настоящее преступление, за которое вас могут посадить в тюрьму?

— Но никто ведь не догадался, — пробормотала Джейн, и лицо ее снова стало встревоженным. — Кроме мисс Марпл. Долли, вы и в самом деле думаете, что таких людей, как она, много?

— Если честно, то не думаю, — ответила миссис Бантри.

Джейн снова вздохнула.

— Однако лучше не рисковать. Я, несомненно, попала к Нетте в зависимость. Что правда, то правда. Она могла бы меня потом шантажировать. Она, конечно, помогла продумать детали и уверяла меня в своей преданности, но кто знает, что у нее на уме... Женщина есть женщина. Нет, мисс Марпл абсолютно права. Лучше не рисковать.

— Но, моя дорогая, теперь уже слишком поздно!

— О нет! — Джейн чуть округлила свои обворожительные голубые глаза. — Вы разве не поняли? Да ведь ничего еще не случилось! Как говорят актеры, я только примерила это на собаку¹.

— Я плохо разбираюсь в театральном жаргоне, — холодно заявила миссис Бантри. — Вы что же, хотите сказать, что это пока только замысел?

— Ну да, и я собиралась осуществить его осенью, в сентябре. А теперь вот даже и не знаю, как быть.

— Так мисс Марпл догадалась о ваших планах и ничего нам не сказала? — возмутилась миссис Бантри.

— Наверное, поэтому она и упомянула, что женщины должны держаться друг друга. В комнате же были мужчины! Она так добра. А вам, Долли, я совершенно доверяю.

— Можете не волноваться. Но умоляю, выкиньте эту сумасбродную идею из головы.

— Пожалуй, я так и сделаю, — пробормотала мисс Хеллер, — ведь может найтись еще какая-нибудь мисс Марпл ..

Эпилог

Смерть мисс Розы Эммот

В субботу утром сэр Генри Клитеринг, отставной комиссар Скотленд-Ярда, спускаясь к завтраку, чуть не столкнулся с хозяйкой дома, миссис Бантри. Она выбежала из столовой возбужденная и расстроенная.

Полковник Бантри сидел за столом, и его лицо было краснее обычного.

— Доброе утро, — приветствовал он Клитеринга. — Отличный денек. Садитесь.

Сэр Генри сел и пододвинул к себе тарелку с почками и беконом.

— Долли немного расстроена сегодня, — пояснил полковник.

— Я так и понял, — сдержанно произнес сэр Генри.

Состояние миссис Бантри несколько озадачило его. Он знал ее как на редкость уравновешенную женщину, не позволяющую себе поддаваться унынию или эмоциям. Единственной ее страстью был сад.

¹ На театральном жаргоне данное выражение означает: показать новую постановку сначала провинциальной публике.

— Ее расстроила новость, которую мы узнали утром. Дочка Эммота, владельца «Синего кабана»...

— А-а... Понятно.

— Такая хорошенькая девушка. И такая неосмотрительная... — задумчиво проговорил полковник. — Обычная история. Я даже повздорил из-за этого с Долли. Глупо, конечно. Разве женщину переспоришь? Долли, естественно, полностью на стороне девушки. Вы же знаете, как это у них: все мужчины скоты — и пошло, и поехало. Но не скажите, не те сейчас времена. Девушки отлично знают, на что идут. Так что соблазнитель вовсе не обязательно злодей. В половине случаев — совсем нет. Мне, например, этот Сандфорд чем-то даже симпатичен. Какой из него донжуан? Обычный простофиля...

— Так это из-за него?

— Вроде бы да. Хотя точно не знаю, — признался полковник. — Какие-то слухи, сплетни... Ну, а раз не знаю, то и торопиться с выводами и разбрасываться обвинениями тоже не собираюсь. Черт побери! Надо же иногда и думать, что говоришь. Так прямо Долли и сказал. Ведь расследование!

— Расследование?

Полковник Бантри удивленно вздернул брови:

— Ну да. Разве я не сказал? Девушка-то утопилась. Из-за чего и шум.

— Ну и ну! — Сэр Генри нахмурился.

— Я сам расстроился. Надо же! Такая была хорошенькая, плутовка. Отец у нее уж очень суровый, все знают. Наверное, из страха перед ним и...

— А где она утопилась?

— Чуть пониже мельницы, там течение быстрое. И мостик... Страшно даже представить...

Полковник Бантри развернул газету, пытаясь отвлечься от неприятных мыслей.

Сэра Генри не слишком задела эта трагедия. После завтрака он расположился на лужайке в удобном кресле, надивинул на глаза шляпу и предался тихому созерцанию окрестных красот.

Около половины двенадцатого на лужайку прибежала горничная.

— Простите, сэр, пришла мисс Марпл и хочет вас видеть.

— Мисс Марпл?

Сэр Генри встал и поправил шляпу. Визит удивил его. Он прекрасно знал, что эту спокойную и обходительную старую деву, проникательную до невероятности, трудно вывести из равновесия. Он мог припомнить по меньшей мере дюжину неразрешимых случаев, которым эта типичная «провинциальная старая дева» находила единственно верное объяснение. Сэр Генри питал глубокое уважение к мисс Марпл. Интересно, что же привело ее к нему?

Мисс Марпл он нашел в гостиной. Она сидела как всегда очень прямо, рядом лежала хозяйственная кошелка трогательной расцветки. Щеки почтенной дамы казались розовее обычного. Она явно была взволнована.

— Сэр Генри... я так рада! — Она поднялась. — Как хорошо, что я вас нашла! Надеюсь, вы простите мне этот визит...

— Ну что вы, я польщен, — сказал сэр Генри, пожимая протянутую ему хрупкую руку. — Но миссис Бантри как раз вышла.

— Да, я видела, как она разговаривает с Футитом, мясником, — подтвердила мисс Марпл. — На него же вчера машина наехала... То есть не на самого Футита, а вот на его собаку... Гладкошерстный фокстерьер, довольно-таки, к слову сказать, жирный и злобный. Впрочем, у мясников почему-то всегда такие.

— Возможно, — согласился сэр Генри. — Так я вас слушаю.

— Даже хорошо, что миссис Бантри нет дома, — продолжала мисс Марпл. — Я хотела поговорить именно с вами — по поводу этого печального случая.

— С Генри Футитом? — спросил сэр Генри в некотором недоумении.

Мисс Марпл посмотрела на него с укором.

— Конечно нет. С Розой Эммот. Вы ведь уже знаете?

Сэр Генри кивнул.

— Бантри мне рассказал. Весьма печально. — Он никак не мог понять, при чем тут он.

Мисс Марпл снова села. Сел и сэр Генри. Когда мисс Марпл заговорила, лицо ее выразило сильнейшую тревогу:

— Быть может, вы помните, сэр Генри, как приятно мы проводили время, обсуждая всякие загадочные случаи и находя им объяснение. Вы были столь любезны, что даже отметили некоторые мои успехи.

— Да вы нас всех превзошли, мисс Марпл, — отозвал-

ся сэр Генри.— У вас просто талант добираться до истины. Помнится, вы каждый раз приводили случай из деревенской жизни, который давал вам ключ к разгадке.— Он улыбнулся, но мисс Марпл по-прежнему была очень печальна.

— Вот эти ваши похвалы и позволили мне набраться духу прийти к вам сейчас. Я чувствую, что, если скажу вам одну вещь, вы, по крайней мере, не будете надо мной смеяться.

Сэр Генри понял наконец, что ей и в самом деле не до шуток.

— Сэр Генри, эта девушка, Роза Эммот... Она ведь не утопилась... Ее убили... И я знаю, кто это сделал.

Сэр Генри некоторое время безмолвствовал.

— Это очень серьезное заявление, мисс Марпл,— заметил наконец он.

— Знаю, потому и пришла.

— Но, дорогая мисс Марпл, вы обращаетесь не по адресу. Теперь я просто частное лицо. Если вы располагаете какими-либо сведениями, вам надо идти в полицию

— Думаю, как раз этого мне делать и не стоит

— Почему же?

— Видите ли, у меня нет... как это у вас называют .. оснований.

— Так это только ваша догадка?

— Если угодно, да. То есть не совсем. Я знаю. Точно знаю. Но если я приведу свои доводы инспектору Друиту, он попросту рассмеется. И, пожалуй, я не смогу его за это упрекнуть. Я даже не знаю, как к такого рода свидетельствам отнесетесь вы...

— Например?

— Например, некто Пизгуд¹, приехав несколько лет назад на тележке продавать овощи, оставил моей племяннице вместо репы морковь, и это полностью подтверждает мою догадку.

— Подходящая фамилия для торговца,— пробормотал сэр Генри.— Как я понимаю, вы видите здесь какую-то аналогию?

— Я вижу здесь человеческую натуру,— сказала мисс Марпл — Я, знаете ли, не первый год живу в деревне. Вопрос в том, верите вы мне или нет.

Она пытливо посмотрела на сэра Генри. Ее румянец стал еще гуще.

¹ Пизгуд — «говорящее» имя, означающее хорошие бобы

Сэр Генри привык действовать решительно и не размечиваться по мелочам. Каким бы невероятным ни казалось ему заявление мисс Марпл, он ни на миг не усомнился в его истинности:

— Я безусловно вам верю, мисс Марпл, только не совсем понимаю, чем тут могу помочь.

— Я много думала о случившемся, и так и эдак проверяя свои выводы,— сказала мисс Марпл,— но, повторяю, просто не решаюсь идти в полицию без каких-либо фактов. А фактов у меня нет. И вот я хотела вас попросить заняться этим происшествием. Инспектор Друитт будет очень польщен, можете мне поверить. Мелчетт — начальник полиции — целиком вам доверится, в этом я уверена.

Она ожидающе на него взглянула.

— И какими данными вы снабдите меня для начала?

— Я решила, что напишу имя убийцы на бумажке,— сказала мисс Марпл,— и отдам вам. Если в результате расследования окажется, что этот человек ни при чем, что ж... Значит, я глубоко заблуждалась.

Она помолчала и, вздрогнув, добавила:

— Это ужасно. Просто ужасно, если повесят невинного человека.

— Да что такое? — вскричал сэр Генри.

— Конечно, я могла и ошибиться.— Лицо мисс Марпл было страшно огорченным.— Впрочем, не думаю... Инспектор Друитт человек вполне разумный. Но обычное благоразумие иногда очень опасно: оно не позволяет делать смелых предположений.

Сэр Генри с любопытством взглянул на нее.

Мисс Марпл открыла свою маленькую сумочку, вытаскила записную книжку, вырвала листок, аккуратно вывела на нем имя и, сложив пополам, протянула сэру Генри.

Имя ему ничего не говорило. Сэр Генри слегка поднял брови, посмотрел на мисс Марпл и спрятал листок в карман.

— Ну и ну,— сказал он.— Довольно необычная история. Ничем подобным мне еще заниматься не приходилось. Но буду рад утвердиться в своем мнении... о вас, мисс Марпл.

Сэр Генри сидел в кабинете полковника Мелчетта — начальника полиции графства. Там же присутствовал инспектор Друитт.

Начальник полиции был мал ростом и держался очень воинственно. Инспектор же, напротив, был очень спокоен и добродушен: возможно, потому, что природа не обделила его ни ростом, ни статью.

— Я понимаю: довольно бесцеремонно с моей стороны вторгаться в это дело,— сказал сэр Генри с подкупающей улыбкой.— Ведь я даже толком объяснить не могу, почему это делаю. («Что верно, то верно»,— подумал он про себя.)

— Дружище, вы не представляете, как мы польщены! Такая честь!— с энтузиазмом вскричал начальник полиции. «Бедняга, совсем спятил от скуки у этих Бантри, — добавил он про себя. — Еще бы: старик с утра до ночи ругает правительство, а старуха без конца мелет про свои луковичи».

— Да что вы, мы так вам благодарны, сэр Генри,— вторил ему инспектор. — Жаль только, что нет настоящего дела. Ведь вы один из лучших в Англии! «Ну почему он не появился раньше?» — вертелось у него в голове.

— Боюсь только, тут все слишком ясно. Ясно и подло,— сказал начальник полиции.— Поначалу решили, что девушка утопилась. Она ведь, знаете, была беременна. Однако наш врач Хейдок — малый дотошный. Он-то и обнаружил синяки на руках. По-видимому, ее схватили и столкнули в реку.

— Но какая для этого нужна сила!

— Думаю, она даже не сопротивлялась: ее застали врасплох. И потом, этот мостик вечно скользкий, да и перила только с одной стороны.

— Вы точно установили, что трагедия произошла именно на мостике?

— Да. Тут есть мальчишка лет двенадцати, Джимми Браун, так он был в лесу, близко от берега. Ну, и слышал крик на мосту, а потом всплеск. Уже темнело, и он разглядел только, что в воде плавает что-то белое. Он тут же побежал за подмогой, девушку вытащили, но было уже поздно.

Сэр Генри кивнул.

— А на мосту он никого не видел?

— Нет, но ведь было уже темно, и потом — туман...

— У нас есть записка, сэр,— сказал инспектор Друитт, обращаясь к сэру Генри.— Нашли в кармане ее платья. Написана вроде карандашом, каким рисуют художники. Сильно размокла, но прочесть можно.

— И что там?

— Записка от молодого Сандфорда. *«Хорошо. Встретимся на мосту в восемь тридцать. Р. С.»*. Вот как раз в это время Джимми Браун и слышал всплеск. Может, чуть позже.

— Вы знакомы с Сандфордом? — продолжал полковник Мелчетт. — Он здесь живет уже около месяца. Из этих молодых архитекторов, вечно увлеченных каким-то очередным новшеством. Строит дом для Аллингтона. Один Бог знает, что из этого выйдет. Верно, стеклянный обеденный стол и стальные кресла. Словом, очередная глупость, но, что ни говори, прекрасно характеризует этого малого — Сандфорда. В духе времени, знаете... Никаких моральных устоев.

— Совратителей и в прежние времена хватало, — возразил сэр Генри. — Появились чуть не раньше убийц.

— Да, — задумчиво произнес полковник Мелчетт, — наверное.

— Но каков мерзавец! — воскликнул Друитт. — Ведь тут все яснее ясного, сэр Генри: Совратил девушку и решил улизнуть в Лондон. У него там есть невеста, скромная молодая леди. Они помолвлены. Но, конечно, если она узнает о Розе — свадьбе не бывать. Вот он и назначает Розе встречу на мосту. Вечер туманный, поблизости никого, он хватается за плечи и сталкивает в реку. Законченный негодяй! Надеюсь, он получит по заслугам — вот мое мнение.

Сэр Генри довольно долго молчал, не решаясь высказаться. Он понимал, сколь сильно влияние местных пред-
рассудков. Новомодный архитектор вряд ли мог рассчитывать на сочувствие в консервативной деревушке Сент-Мэри-Мид.

— Полагаю, от него она и была беременна? — спросил он.

— Естественно, — подтвердил Друитт. — Она все рассказала отцу. Думала, Сандфорд на ней женится. Как же, держи карман шире!

«Бог ты мой! — подумал сэр Генри. — Ну точно как в устаревшей викторианской мелодраме. Невинная девушка, обольститель из Лондона, суровый отец, измена... Не хватает только преданного деревенского влюбленного. Пожалуй, пора выяснить и это».

— Неужели у такой хорошенькой девушки не было никого из местных? — спросил он у инспектора.

— Вы имеете в виду Джо Эллиса? Отличный парень, плотник. Держалась бы его — глядишь, осталась бы жива.

Полковник Мелчетт кивнул в знак согласия.

— Знай свое место,— жестко произнес он.

— А как этот ваш Джо Эллис повел себя после трагедии? — спросил сэр Генри.

— Трудно сказать,— ответил инспектор.— Парень он тихий, замкнутый. Прямо молился на Розу. Все ей прощал. Надеялся, что вернется.

— Я бы хотел его увидеть,— сказал сэр Генри.

— Мы как раз к нему собираемся,— заметил полковник Мелчетт.— Надо отработать все возможные версии. Только вот побеседуем для начала с Эммотом да с Сандфордом. А уж потом сразу к Эллису. Вас это устраивает, сэр Клитеринг?

Сэр Генри заверил, что его это вполне устраивает.

Тома Эммота они нашли в «Голубом кабане». Это был крупный дородный мужчина средних лет с хитрыми глазками и тяжелым подбородком.

— Рад вас видеть, джентльмены. Доброе утро, полковник. Заходите. Можем поговорить прямо тут. Чего-нибудь выпьете, джентльмены? Нет? Ну как вам будет угодно. Вы по поводу моей дочери? Да, хорошая была у меня дочурка. Очень хорошая. Пока не явился этот негодяй... прошу прощения, иначе и не назовешь. Обещал жениться на ней. Обещал... Но я-таки найду на него управу. Довел ее, скотина! Убийца проклятый! Навлек позор на всех нас. Бедная моя девочка!

— Дочь говорила вам, что именно мистер Сандфорд виновник... ее положения? — спросил Мелчетт.

— За этим самым столиком все и выложила.

— А вы что ей сказали? — поинтересовался сэр Генри.

— Что сказал? — Эммот, казалось, был застигнут врасплох.

— Ну, возможно, грозились выгнать ее из дому?

— Расстроился, конечно, порядком, что и говорить. А кто бы на моем месте не расстроился? Но чтобы выгнать из дому? Да никогда!— Он изобразил благородное негодование.— Нет. Я только сказал ей, что в нашей стране, слава Богу, еще есть закон, вот что я ей сказал. И закон заставит его порядочно поступить с моей дочерью. А пойдет против закона, тогда, Бог свидетель, дорого за это заплатит. Вот что я сказал.— Эммот стукнул кулаком по столу.

— Когда вы в последний раз видели свою дочь? — спросил Мелчетт.

— Вчера. Около пяти за чаем.

— Как она себя вела?

— Ну, как всегда. Я ничего такого не заметил. Если бы я знал...

— Но вы не знали,— сухо заметил инспектор.

Они ушли.

— Эммот производит не очень-то приятное впечатление,— задумчиво произнес сэр Генри.

— Да, в общем, не ангел,— согласился Мелчетт.— Подвернись ему такой случай, наверняка бы избил Сандфорда до полусмерти.

Следующий визит они нанесли архитектору. Рекс Сандфорд оказался совсем не таким, как его успел представить себе сэр Генри. Это был высокий худой мужчина с мечтательными голубыми глазами. Волосы у него были светлые и куда длиннее принятого. Мало того, Санфорд, похоже, и не думал их расчесывать. Голос у него был мягкий, бархатный и какой-то слишком уж женственный.

Полковник Мелчетт назваля и представил своих спутников. Затем попросил архитектора рассказать, как тот провел предыдущий вечер.

— Надеюсь, вы понимаете,— предупредил полковник,— что я могу заставить вас говорить, а все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Я хочу, чтобы вы это уяснили.

— Я... я не понимаю,— пролепетал Сандфорд.

— Вам известно, что Роза Эммот утопилась вчера вечером?

— Да, и это невыносимо меня мучает. В самом деле: я даже не спал всю ночь. А сегодня не могу заставить себя работать! Я чувствую себя виноватым, страшно виноватым.

Он нервно провел пальцами по волосам, еще больше их растрепав.

— Я никому не хотел причинять зла. Я представить себе не мог, что она все так воспримет!

Он рухнул на стул и спрятал лицо в ладонях.

— Я так понимаю, Сандфорд, вы отказываетесь сообщить, где находились вчера в восемь тридцать вечера?

— Нет, нет, конечно же нет! Я вышел прогуляться.

— Вы ходили на встречу с мисс Эммот?

— Нет. Сам по себе... в лес... Далеко, очень далеко.

— Тогда, сэр, как вы объясните эту записку, которую мы обнаружили в кармане покойной?

Инспектор Друитт невозмутимым тоном зачел ее вслух.

— Итак, сэр, вы отрицаете, что писали это?

— Нет, нет, не отрицаю. Я и в самом деле написал эту записку. Роза просила о встрече. Она настаивала. Я не знал, что делать, вот и написал.

— Вот так-то лучше,— сказал инспектор.

— Но я не ходил! — Голос Сандфорда задрожал от волнения и вдруг стал очень тонким.— Я не ходил! Я чувствовал, что лучше не ходить! На завтра я должен был вернуться в Лондон. Я чувствовал, что нам лучше не встречаться. Я хотел написать... оттуда... что-нибудь устроить.

— Вам известно, сэр, что девушка ждала ребенка и называла вас его отцом?

Сандфорд застонал, но ничего не ответил.

— Это верно, сэр?

Сандфорд снова закрыл лицо руками.

— Я думаю, да,— выдал он.

— А-а! — Инспектор Друитт не мог скрыть злорадства.— Теперь об этой вашей «прогулке». Кто-нибудь видел вас вчера вечером?

— Не знаю. Не думаю. По-моему, я никого не встречал.

— Жаль.

— Что вы имеете в виду?

Сандфорд посмотрел на него затравленным взглядом.

— Какое это имеет значение, гулял я или нет? Какое это имеет отношение к тому, что Роза утопилась?

— Но, видите ли, она не сама бросилась в воду. Ее столкнули, мистер Сандфорд,— сказал инспектор.

— Столкнули...— Прошло некоторое время, прежде чем молодой человек осознал весь ужас этих слов.— Боже мой! Но тогда, значит...

Он рухнул в кресло.

Полковник Мелчетт направился к выходу.

— И помните, Сандфорд: из дома ни на шаг.

Они вышли. Инспектор и начальник полиции обменялись взглядами.

— Полагаю, сэр, этого достаточно? — осведомился инспектор.

— Да. Выпишите ордер и арестуйте его.

— Простите,— сказал сэр Генри.— Я забыл перчатки.

Он вернулся в дом. Сандфорд продолжал сидеть в той же позе, бессмысленно уставившись в пространство.

— Я специально вернулся,— обратился к нему сэр Генри.— Хочу, чтобы вы знали: я постараюсь сделать все возможное, чтобы помочь вам. Причин я вам открыть не могу, но прошу по возможности короче и точнее рассказать, что у вас произошло с Розой.

— Она была такая хорошенькая, такая соблазнительная! И... она сама этого хотела. Как перед Богом говорю — это правда. А мне было так одиноко, никто здесь меня не понимал. А она... она была такой хорошенькой и вдобавок отлично знала, чего добивается.— Тут его голос стал очень тихим.— Вот так все и произошло. Она хотела, чтобы я женился на ней. А я... я не знал, что делать. Я обручен с девушкой в Лондоне. Если она когда-нибудь узнает об этом, а теперь это уже неизбежно... все пропало. Она не поймет. А почему она должна понимать? Конечно, я подлец. Потом я избегал встреч с Розой. Думал, вернусь в город, переговорю с адвокатом, договорюсь насчет денег на ее содержание. Господи! Какой же я был дурак! Я вижу, что обстоятельства против меня.

— Роза когда-нибудь угрожала самоубийством?

— Никогда. Мне в голову не приходило, что она может решиться на это.

— А что вы можете сказать о человеке по имени Джо Эллис?

— О плотнике? Он из почтенной деревенской семьи. Туповатый малый, но был по уши влюблен в Розу.

— Может, это он приревновал? — предположил сэр Генри.

— Ревновать-то ревновал, но он, знаете, не из решительных. Страдал молча.

— Ну ладно. Мне надо идти,— спохватился сэр Генри и поспешил присоединиться к своим спутникам.

— Знаете, Мелчетт,— сказал он,— мне кажется, прежде чем принимать решительные меры, все же стоит сходить к этому Эллису. Вдруг арестуем не того? В конце концов, ревность — достаточно веский повод для убийства, к тому же довольно часто встречающийся.

— Оно, конечно, верно,— согласился инспектор,— но только не с Джо Эллисом. Он такой тихоня, что и мухи не обидит. Никто сроду не видел, чтобы он на кого-нибудь замахнулся или хотя бы прикрикнул... Однако все же луч-

ше выяснить, где он был вчера вечером. Джо сейчас как раз должен быть дома. Он снимает комнату у миссис Бартлет — очень приличная особа, вдова.

Маленький коттедж, к которому они подошли, был безукоризненно чист. Крупная плотная женщина средних лет открыла им дверь. У нее было милое лицо и приветливые голубые глаза.

— Доброе утро, миссис Бартлет, — поздоровался инспектор. — Джо дома?

— Минут десять, как вернулся. Проходите, пожалуйста, господа.

Вытерев о фартук руки, она провела их в крошечную гостиную, заставленную чучелами птиц, фарфоровыми собачками и прочими безделушками. Торопливо пододвинув им стулья, она поправила покосившуюся этажерку и позвала:

— Джо, тут джентльмены хотят тебя видеть!

Из кухни тут же донесся голос:

— Иду, вот только почищу.

— Да вы присаживайтесь, миссис Бартлет, — спохватился полковник Мелчетт.

— О нет, сэр, что вы: как можно! — смутилась миссис Бартлет.

— Хороший Эллис жилец? — спросил Мелчетт беспечным тоном.

— Лучше и не бывает, сэр! Спокойный, покладистый. Спиртного в рот не берет. Работу свою любит. А уж добрый! Никогда ни в чем не откажет. Смастерил мне вон те полки, повесил новый шкафчик на кухне. Ну и много еще чего по мелочам. И охотно все так делает, даже и просить не надо. Много ли нынче таких молодых людей, как Джо, сэр?

— Какой-нибудь девушке здорово повезет, — небрежно заметил Мелчетт. — Кстати, он ведь был влюблен в эту бедняжку, Розу Эммот?

Миссис Бартлет тяжело вздохнула:

— Глаза б мои не глядели. Молился на землю, по которой она ходила, а она и смотреть на него не хотела.

— А где Джо проводит вечера, миссис Бартлет?

— Обычно дома, сэр. Иногда мастерит чего, иногда читает — он ведь хочет выучиться на бухгалтера.

— Так, так. И вчера вечером он тоже был дома?

— Да, сэр.

— Это точно, миссис Бартлет? — строго спросил сэр Генри.

Она повернулась к нему.

— Совершенно точно, сэр.

— С восьми до восьми тридцати вечера?

— Ну конечно,— рассмеялась миссис Бартлет.— Придeldывал кухонный шкафчик, а я ему помогала.

Сэр Генри посмотрел на ее улыбающееся лицо и ощутил смутные угрызения совести.

Минутой спустя в комнату вошел Эллис. Это был высокий, широкоплечий, по деревенским меркам очень видный парень. Застенчивый взгляд голубых глаз, дружелюбная улыбка... Этаким добродушный молодой великан.

Мелчетт начал разговор, и миссис Бартлет удалилась на кухню.

— Мы расследуем обстоятельства смерти Розы Эммот. Вы знали ее, Эллис?

— Да,— пробормотал тот.— Думал, когда-нибудь поживимся. А она... такое вот горе.

— Вы знали, что она была в положении?

— Да.— Глаза его гневно блеснули.— Бросил он ее, вот что! Это и к лучшему... Не видать бы ей с ним счастья! Вернулась бы ко мне, я бы о ней заботился...

— Несмотря на все?..

— Она не виноватая. Он наобещал ей всякого... Она мне рассказывала. Не надо ей было топиться. Не стоил он того.

— Где вы были вчера в восемь тридцать вечера?

— Да здесь и был. Прилаживал на кухне одну штуковину. Спросите у хозяйки, она знает.

Сэр Генри и сам не знал, показалось ему или в этом ответе действительно промелькнуло что-то неискреннее.

«Что-то уж больно он быстро ответил,— подумал сэр Генри.— То мямлил-мямлил, а тут выпалил моментом. Похоже, приготовился заранее».

Сэр Генри нашел предлог заглянуть на кухню. Миссис Бартлет крутилась у плиты. Она подняла голову и мило улыбнулась. К стене был прикреплен новый шкафчик. Не совсем доделанный. Вокруг лежали инструменты и несколько дощечек.

— Этим Эллис и был занят прошлым вечером? — поинтересовался сэр Генри.

— Да, сэр. Славно получилось, правда? У Джо про-

сто золотые руки.— В глазах никакого страха, никакого смущения.

Но Эллис... Или ему это показалось? Нет, что-то было... «Надо его пощупать»,— решил сэр Генри. Повернувшись к выходу, он наткнулся на детскую коляску.

— Не разбудил ребенка, надеюсь?

Миссис Бартлет рассмеялась.

— Что вы, сэр! Деток у меня, к сожалению, нету. Я на ней белье стираное развожу, сэр.

— А, понятно...— Помедлив немного, он, повинувшись внезапному порыву, сказал: — Миссис Бартлет, вы ведь знали Розу Эммот. Расскажите мне о ней.

Она удивленно на него взглянула.

— А что тут расскажешь-то, сэр? Ветреная была девушка. Только грех это — плохо говорить о покойных.

— Но у меня есть причина спрашивать, миссис Бартлет, и очень веская причина,— настаивал он.

Миссис Бартлет задумалась. Затем решилась и спокойно сказала:

— Плохой она была человек, сэр. Я бы не стала этого говорить при Джо. Очень уж она задурила ему голову. Такие умеют, к сожалению. Сами знаете, сэр, как это бывает.

Сэр Генри знал. Люди вроде Джо Эллиса обычно были удивительно незащитны и безоглядно доверчивы. Именно поэтому они и страдают от правды куда сильнее, чем люди более искусные.

Он был сбит с толку и покинул коттедж в полном недоумении. Перед ним была глухая стена. Джо Эллис был вчера весь вечер дома. Миссис Бартлет помогала ему. Как все это понять? Что противопоставить этим фактам? Нечего. Разве только подозрительно торопливый ответ Джо Эллиса?

— Ну вот,— сказал Мелчетт,— похоже, дело окончательно прояснилось.

— Выходит, так,— подтвердил инспектор.— Это Сандфорд. Ему теперь не выкрутиться. Ясно как божий день. По-моему, девица и отец шантажировали его. Денег у него не было, к тому же он боялся, что история дойдет до его невесты... Отчаялся, ну и решил на такое... Что скажете, сэр? — обратился он к сэру Генри.

— Похоже на то,— согласился сэр Генри.— И все же никак не могу представить себе Сандфорда в роли убийцы.

Сэр Генри прекрасно понимал, что едва ли это может

служить веским доводом. Даже кроткое животное, если его загнать в угол, способно на самые непредсказуемые действия.

— Надо все-таки поговорить с парнишкой, — неожиданно для себя сказал он. — Ну, с тем, который слышал крик.

Джимми Браун оказался довольно низкорослым для своих лет мальчуганом с хитрым смышленным личиком. Он с нетерпением ждал, когда ему начнут задавать вопросы, и был сильно разочарован, что его так и не попросили рассказать о том роковом вечере.

— Ты, как я понимаю, был недалеко, на другой стороне реки, — начал разговор сэр Генри, — напротив деревни. Ты кого-нибудь видел на том берегу?

— Кто-то гулял по лесу. Кажется, мистер Сандфорд. Ну, этот... Джентльмен-архитектор, который строит чудной дом.

Мужчины переглянулись.

— Это было минут за десять до того, как ты услышал крик?

Мальчик кивнул.

— А на другом берегу — там, где деревня, — ты никого не видел?

— Какой-то человек шел по тропинке. Шел себе и насвистывал. Мне показалось, это был Джо Эллис.

— Как же ты смог узнать его? В тумане, да еще и в сумерках? — резко спросил инспектор.

— Да по свисту. Джо Эллис всегда насвистывает одну и ту же песенку: «Хочу быть счастливым». Это единственный мотив, который он знает, — снисходительно пояснил мальчик.

— Любой мог насвистывать этот мотив, — заметил Мелчетт. — Он шел по направлению к мосту?

— Нет, в другую сторону, к деревне.

— Ну, тогда не стоит об этом и говорить, — заключил Мелчетт. — Итак, ты слышал крики, всплеск воды и спустя несколько минут увидел тело, плывущее вниз по течению. Ты побежал за помощью — назад через мост, прямоком в деревню. Ты никого не видел у моста?

— Мне кажется, там шли двое, с тачкой — по тропинке к речке, но они были немного в стороне. Я не мог понять, приближаются они или удаляются. Дом мистера Джайлза был ближе всех. Ну, я туда и побежал.

— Молодец, мой мальчик,— похвалил его Мелчетт.— Ты действовал правильно. Ты ведь скаут, не так ли?

— Да, сэр.

— Очень хорошо.

Сэр Генри задумался. Достал клочок бумаги из кармана, посмотрел на него и покачал головой. Не может быть, и все же...

Он решил зайти к мисс Марпл.

Она приняла его в милой, несколько старомодной гостиной.

— Прибыл доложить об успехах,— невесело начал сэр Генри.— Боюсь, наши дела не слишком-то хороши. Сандфорда вот-вот арестуют, и, честно говоря, я «за».

— Значит, вы ничего не нашли в поддержку моей версии? — расстроилась мисс Марпл.— Неужели я ошиблась? Хотя с вашим опытом... вам, конечно, виднее.

— Во-первых,— сказал сэр Генри,— я сам не могу в это поверить, а во-вторых, у него неопровержимое алиби. Джо Эллис весь вечер прикреплял на кухне полки, а миссис Бартлет ему помогала.

Мисс Марпл глубоко вздохнула.

— Не может быть! — возразила она.— Ведь это произошло в пятницу вечером.

— В пятницу вечером?

— Ну да. А по пятницам миссис Бартлет развозит белье заказчикам. И развозит вечером.

Сэр Генри откинулся на спинку стула. Он вспомнил, что мальчик Джимми рассказывал о насвистывающем человеке... Да... все сходилось.

Он поднялся и с жаром пожал руку мисс Марпл.

— Кажется, я знаю, что делать,— заявил он.— По крайней мере, нужно попробовать...

Пять минут спустя он снова появился в маленькой гостиной миссис Бартлет, уставленной китайскими фарфоровыми собачками.

— Вы солгали, Эллис,— твердо сказал он.— Вас не было на кухне, и вы не вешали шкаф между восемью и восемью тридцатью. Вас видели на тропинке у моста — за несколько минут до того, как была убита Роза Эммот.

Эллис судорожно вздохнул.

— Я не убивал ее, нет! Я бы никогда в жизни . Она

бросилась сама... Она потеряла голову. Я бы никогда ее не тронул.

— Тогда зачем вы солгали? — не отступал сэр Генри.

— Я испугался. Миссис Бартлет видела меня там, и когда мы потом узнали, что произошло... она подумала, что это может плохо для меня кончиться. Ну, мы и решили сказать, что я возился со шкафом. Она редкий человек, просто удивительный. Всегда была так добра ко мне...

Ни слова не говоря, сэр Генри вышел из комнаты на кухню. Миссис Бартлет мыла посуду.

— Миссис Бартлет,— обратился он к ней,— я знаю все. Думаю, вам лучше признаться, если вы не хотите, чтобы Джо Эллиса повесили за то, чего он не делал. Вижу, что не хотите. Впрочем, я и сам могу теперь рассказать, что случилось. Вы развозили белье и встретили Розу Эммот. Вы знали, что она бросила Джо и крутит с этим приезжим. И вот она попала в беду... Джо готов был прийти к ней на помощь, готов был даже жениться, если она согласится. Он прожил у вас четыре года, и вы успели его полюбить. Вы ненавидели эту девицу... Вы не могли допустить, чтобы она увела у вас Джо. Вы женщина физически сильная, миссис Бартлет, вы схватили ее за руки и столкнули в реку. Через несколько минут вы встретили Джо Эллиса. Джимми видел вас, но из-за темноты и тумана принял детскую коляску за тачку, которую, как ему показалось, везли двое мужчин. Вы убедили Джо, что его могут заподозрить, и сказали, что ему необходимо алиби, и что ему надо говорить, но на самом деле это было алиби для вас. Я прав, не так ли?

Сэр Генри затаил дыхание. Он все поставил на кон.

Женщина стояла перед ним, вытирая руки о передник и медленно обдумывая ответ.

— Точно так, как вы говорите, сэр,— наконец произнесла она невозмутимым глухим голосом, при одном звуке которого сэру Генри внезапно сделалось не по себе.— Не знаю, сэр, что вдруг на меня нашло. Бесстыжая она была, вот какая. Ну, на меня и нашло... Не имела она права отбирать у меня Джо. Я ведь мало хорошего от жизни видел, сэр. Муж мой был несчастный человек, инвалид и упрямец. Я лечила его и ухаживала за ним... А потом Джо снял у меня комнату. Я совсем еще не старая, сэр, хоть у меня и седые волосы. Мне только сорок, сэр. Таких, как Джо,— один на тысячу. Я бы ради него не знаю, что еще

сделала. Он как малый ребенок, сэр. Такой добрый, такой доверчивый. Он был мой, сэр, я заботилась о нем... И тут эта...— Миссис Бартлет еще сдержалась, проглотив конец фразы.

Это была очень сильная женщина. Она стояла гордо выпрямившись и с вызовом смотрела на сэра Генри.

— Я готова идти, сэр. Вот уж не думала, что кто-нибудь догадается. Ума не приложу, как вы узнали, сэр. В самом деле не пойму.

Сэр Генри покачал головой.

— Это не я,— сказал он и подумал о лежавшем в его кармане листочке бумаги, на котором мелким старушечьим почерком было выведено: *«Миссис Бартлет, у которой проживает Джо Эллис»*.

Мисс Марпл опять оказалась права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Большая Четверка»

Это первое произведение миссис Кристи, выпущенное ею после разрыва с мужем. В связи с крушением семейного очага будущей Даме Агате пришлось всерьез задуматься о писательской карьере, так как помимо гонораров у нее практически не было никаких источников дохода. Ее деверь, Кэмбелл Кристи, предложил ей объединить последние двенадцать рассказов о Пуаро, опубликованные в еженедельнике «Скетч», в единый роман. Он помог ей переработать рассказы, так как она еще не вполне оправилась от потрясений. Результатом их совместного труда явилась «Большая Четверка». Нужно отметить, что многие рассказы в этом так называемом «романе» практически не связаны единой сюжетной линией или связаны весьма условно и впоследствии неоднократно издавались отдельно или входили в другие сборники рассказов. Примером может служить рассказ «Шахматный ребус». Так что «Большую Четверку» скорее можно отнести к Сборнику рассказов, нежели роману, поэтому в настоящем собрании сочинений было признано целесообразным печатать его в одном томе с рассказами.

В этом наслех слепленным опусе Пуаро вынужден преследовать некую преступную организацию, пытавшуюся установить власть над миром. Шаг за шагом он отслеживает членов организации в ряде весьма слабо связанных между собой преступлений. Изловить злодеев ему долго не удастся, тем не менее благодаря его усилиям решается ряд других проблем. Так,

например, в главе под названием «Загадка бараньей ноги», ему удается спасти невинного человека от виселицы, а миссис Кристи — с небывалым блеском применить дедуктивный метод и намного превзойти самого сэра Артура Конан Дойла.

На протяжении всего романа Пуаро попадает в самые разные переделки, требующие от него не свойственных ему действий. Правда, здесь он весьма малоубедителен. Например, угрожает духовой трубкой, замаскированной под сигарету и заряженной дротиком с ядом кураре, или, например, метает бомбу в дом, в котором находятся преступники. Кроме того, великий детектив с упорством, достойным лучшего применения, то и дело использует в качестве приманки Гастингса.

В «Большой Четверке» довольно много неудачных штампов, таких как, например, похищение «китайским дьяволом» жены Гастингса в Аргентине, неожиданное появление брата Пуаро — Ахилла, в связи с именем которого Гастингс всерьез задумался о пристрастиях покойной мадам Пуаро и, наконец, — о ужас! — мнимая смерть Эркюля Пуаро и его похороны, торжественная и трогательная церемония, переполнившая душу Гастингса непритворным чувством. Кажется, миссис Кристи чересчур много заимствует у Конан Дойла в том, что касается смертей и братьев, хотя Ахилл в конце концов возвращается в страну мифов, а Эркюль чудесным образом воскресает. С Пуаро автор обращается столь же немилосердно, как Шекспир с Фальстафом в «Виндзорских кумушках».

Двое из персонажей романа, графиня Росакова и Джозеф Ааронс, впоследствии появятся и в других книгах о Пуаро.

Несмотря на занимательность и динамичный сюжет, «Большую Четверку» едва ли можно отнести к числу удачных произведений Кристи. Роберт Барнард считал этот роман неудачным, имея в виду известную его компилятивность. «Те, кто ждет от произведения миссис Кристи тонкости или сенсационности, будут разочарованы, — писала о «Большой Четверке» «Дейли мейл», и, похоже, это мнение разделяют многие. Тем не менее, сама миссис Кристи находила этот роман весьма популярным, а первое издание его было раскуплено в количестве 8,5 тыс.экз. Несомненно, что скандальное исчезновение его автора несколькими месяцами раньше весьма способствовало ажиотажному спросу на издание.

Впервые был опубликован в Англии в 1927 году.

Перевод под редакцией М. Макаровой и А. Титова выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Загадочный мистер Кин»

1930 год был для миссис Кристи очень плодотворным. Кроме романа «Убийство в доме викария», в котором впервые появляется миссис Марпл, у нее выходят еще две книги и ставится первая пьеса. Одна из этих книг — собрание рассказов со сквозными персонажами — мистером Кином и мистером Саттертуэйтом. Все рассказы по мере их написания были опубликованы в журналах. Кристи отказалась от предложения написать «сериал» о мистере Кине для какого-нибудь одного журнала. Она считала эти рассказы особым жанром, «отличным от ее обычных детективов», и предпочитала писать их лишь тогда, когда ей самой этого хотелось.

В сборник «Загадочный мистер Кин» вошло 12 рассказов. Условия игры задаются сразу же — самым посвящением «Арлекину незримому» и описанием в первом же рассказе неожиданного посетителя, чей наряд «благодаря свету, падающему сквозь цветное стекло над дверью, казалось, заключал в себе оттенки всех цветов радуги».

Истоки появления сборника следует искать еще в юности миссис Кристи, в ее увлечении комедией дель арте, когда она даже создала стихотворный цикл об Арлекине и Коломбине «Маска из Италии», который вошел в сборник 1924 года «Дорога сновидений». Так мистер Кин сделался другом влюбленных, появлявшимся когда что-то угрожает их счастью. Обычно, однако, сам он в ход событий не вмешивается, а действует через посредника, мистера Саттертуэйта, «сутуловатого, сухощавого пожилого человечка с проницательным лицом, странно напоминающим лицо эльфа, и неослабным чрезвычайным интересом к жизни ближних».

После первой же своей встречи с мистером Кином в «Явлении мистера Кина» он открывает в себе способность проникать в сердцевину чужой тайны и разрешать, казалось бы, неразрешимые задачи — но лишь в присутствии мистера Кина в качестве «катализатора», открывающего старому джентльмену глаза на то, что тот подсознательно уже понял.

Мистер Кин и мистер Саттертуэйт, по признанию самой Кристи, всегда оставались ее любимыми персонажами; неудивительно, что и рассказы с их участием — одни из лучших. Иногда мистер Саттертуэйт встречается с Арли Кином в ресторанчике «Арлекино» в Сохо, иногда в сельских пивных, как-то раз он встретил его в Ковент-Гарден, в антракте между «Сельской честью» и «Паяцами» (кстати, как ни странно для такого

меломана, мистер Саттертуэйт полагает, будто «Сельская честь» заканчивается сценой смерти Сантуцци¹¹¹⁾).

Каждый из рассказов ни в малейшей степени не связан с другими и сюжетно представляет совершенно законченную историю, в которых, кстати, миссис Кристи как ни в каком другом произведении высказывает свое отношение на ту или иную житейскую проблему. Так, в одном из наиболее примечательных рассказов сборника «Человек из моря», даже в стилистике отразилось ее представление о ценности жизни — пусть и не оригинальное, но выношенное и глубоко искреннее. В нескольких абзацах, не существенных для развития сюжета, посвященных последним минутам жизни сбитой автомобилем собаки, писательница по точности наблюдения, образности и силе чувства превосходит самое себя.

Пожалуй, самым очаровательным можно назвать заключительный рассказ сборника, «Улица Арлекина», — несмотря даже на тот факт, что автор нашел уместным описать одну из героинь как «толстую еврейку, предпочитающую молодых людей из артистической среды». На толстых аристократов, вне зависимости от их сексуальных пристрастий, миссис Кристи реагирует куда как менее желчно. В общем и целом рассказы о мистере Кине — весьма необычное и очень приятное чтение. В дальнейшем мистер Саттертуэйт эпизодически появляется в других произведениях Кристи — уже без мистера Кина — в «Драме в трех актах» (1935), а также в «Разбитом зеркале», одной из четырех новелл, составляющей сборник «Убийство в проходном дворе» (1937).

В 1928 году сразу после первой, журнальной, публикации рассказ «Явление мистера Кина» был экранизирован. Помимо изменения названия и имени героя — тот стал Кинном — сюжет претерпел столь варварские изменения, что непонятно, при чем здесь рассказ Кристи (возможно, лишь ради ее имени). Эта лента под названием «Встреча с мистером Кинном» режиссера Джулиуса Хейгена стала первой из британских экранизаций произведений Агаты Кристи (немецкий фильм, экранизация «Таинственного противника», вышел несколькими месяцами ранее). Сценаристом выступил Лесли Хискотт, экранизовавший три года спустя пьесы писательницы: «Алиби» и «Черный кофе».

Сэр Макс Мэллоун пишет в мемуарах о киноском цикле в творчестве своей жены как о «детективах с фантастическим элементом, с флером волшебной сказки, — естественном порождении яркого воображения Агаты». В этой связи он замечает, что имеется еще одна новелла о мистере Кине, не вошедшая в сборник, — «Чайный сервиз Арлекина», вышедшая отдельно в

антологии разных авторов «Зимние детективы» (1971). Сэр Макс, очевидно, не знал о четырнадцатом рассказе о мистере Кине и мистере Саттертуэйте, «Любовные перипетии», который в свое время готовился к публикации в одном из английских изданий писательницы, однако впервые увидел свет в США в сборнике «Три слепых мышонка и другие истории» (1950).

В «Любовных перипетиях» мистер Кин и мистер Саттертуэйт помогают полковнику Мэлроузу (которого мы помним как начальника полиции графства в «Тайне Чимниз» и «Тайне семи циферблатов») в расследовании убийства. Рассказ вполне канонический в том смысле, что даже действие его отнесено к тем же 20-м годам — времени, когда происходят события и остальных «арлекиновских» рассказов.

А «Чайный сервиз Арлекина», упомянутый Мэллоуном, дополняет собой цикл более поздний, послевоенный. Мистер Саттертуэйт, «теперь уже преклонных лет», переживает заключительное приключение с участием мистера Кина, которого встретил, как водится, совершенно случайно, в кафе «Арлекин» в деревушке Кингсбурн-Дьюсиз (судя по названию, где-то в Дорсете). Со дня их последней встречи минуло «много-много лет». Был ли то день, когда мистер Саттертуэйт глядел вслед мистеру Кину, уходящему вдаль по деревенской улочке в заключительном рассказе сборника «Загадочный мистер Кин»? Во всяком случае, больше они уже не встретятся, так как мистер Кин в конце рассказа превращается в горящее чучело: сверхъестественное подступило уже чересчур близко.

Впервые сборник из 12 рассказов опубликован в Англии в 1930 году.

Перевод Н. Калошиной выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Тринадцать загадочных случаев»

После весьма шумного успеха «Убийства в доме викария», где впервые появляется доморощенный детектив мисс Марпл, Агата Кристи пишет для журнала цикл из шести рассказов с ее участием. В первом из них разговор заходит о преступлениях и предлагается создать что-то вроде клуба, чтобы собираться вечером каждого вторника. В каждом из рассказов очередной из членов клуба рассказывает загадочную историю, развязку которой знает лишь он один, а присутствующим предлагается ее разгадать.

Разумеется, всякий раз ключ к решению находит мисс Марпл — не столько в силу собственных блестящих дедуктив-

ных способностей, сколько потому, что, как она сама об этом говорит: «Человеческая натура повсюду одинакова и всякий может ее наблюдать».

В следующем цикле из шести рассказов сюжетная канва повторяется, с той лишь разницей, что действие перемещается в дом полковника Бантри, неподалеку от Сент-Мэри-Мид, а собравшееся там общество несколько отличается от предыдущего.

Последний, тринадцатый, не входящий в этот цикл рассказ, в котором сэр Генри, снова приехав в Сент-Мэри-Мид погостить у своих друзей, оказывается втянут мисс Марпл в расследование случившегося по соседству преступления, дополняет сборник, который выходит в Великобритании под названием «Тринадцать загадочных случаев», а в США «Клуб убийств по вторникам» (хотя во «вторничном клубе» решены только шесть загадок).

Сюжеты некоторых из рассказов по-настоящему искусно выстроены и очень увлекательны, хотя, если прочесть более одного-двух за раз, они могут показаться несколько однообразными. Мисс Марпл решает большую часть загадок, не подымаясь с кресла и даже не откладывая в сторону вязания. Исключение составляет последний рассказ «Смерть мисс Розы Эммот», примечательный еще и тем, что действие помещено в столь редко освещаемую творчеством Агаты Кристи рабочую среду — обычно ее герои расследуют преступления представителей, по крайней мере, среднего класса.

Мисс Марпл, несмотря на все свое обаяние, на широко раскрытые, фарфоровой голубизны глаза, в своих суждениях довольно жестка. Говоря об убийце, переданном ею в руки правосудия, она замечает, что лично она терпеть не может новомодных гуманистических причитаний насчет смертной казни. Это мнение разделяет и создательница мисс Марпл, ибо много лет спустя миссис Кристи напишет:

«Можно было бы отменить исполнение приговора для убийц, но я полагаю, что они — зло для общества, они не приносят в него ничего, кроме ненависти, а забирают все, что могут. Я бы очень хотела верить, что таковыми они созданы, что они уже родились с отклонением, в связи с чем, возможно, даже достойны жалости; но если это так, все равно, я полагаю, шадить их незачем — ибо они заслуживают пощады не более, чем те, которые в средние века убегали из чумных деревень и общались с чистыми и ни в чем не повинными детьми из соседних поселений. Невинность — вот что надо шадить, невинные должны иметь право жить в мире и в ладу с ближними».

Как и во многих других произведениях Кристи, в «Тринадцати загадочных случаях» попадают мелкие огрехи, иногда вызванные авторской небрежностью: так, невеста Реймонда Уэста именуется Джойс, но в последующих произведениях она же, выйдя замуж, превращается в Джоан. Сюжеты некоторых рассказов в дальнейшем использовались миссис Кристи в других произведениях. Например, сюжет «Крови на мостовой» впоследствии был использован в «Родосском треугольнике» (1937) и романе «Зло под солнцем» (1941); сюжет «Компаньонки» в романе «Объявлено убийство» (1950), а затем во «Вратах судьбы» (1973).

Агата Кристи всегда считала, что лучше всего мисс Марпл удаются маленькие криминальные загадки, когда не нужно действовать, а можно просто сидеть и размышлять, и по-настоящему ее образ сформирован именно в рассказах сборника «Тринадцать загадочных случаев».

Впервые сборник опубликован в Англии в 1930 году.

Перевод под редакцией И. Борисова подготовлен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

А. Тутов

СОДЕРЖАНИЕ

БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА	5
Глава 1 Неожиданный гость	7
Глава 2 Человек из психолечебницы	15
Глава 3 Дополнительные сведения о Ли Чан-йене	20
Глава 4 Загадка бараньей ноги	29
Глава 5 Исчезновение ученого	36
Глава 6 Женщина на лестнице	42
Глава 7 Похитители радия	49
Глава 8 В логове врага	60
Глава 9 Тайна «желтого жасмина»	71
Глава 10 Расследование в Крофтлендс	77
Глава 11 Шахматный ребус	85
Глава 12 Ловушка с приманкой	100
Глава 13 Мышь попадает в ловушку	107
Глава 14 Крашенная блондинка	114
Глава 15 Катастрофа	126
Глава 16 Умиравший китаец	137
Глава 17 Номер Четыре выигрывает снова	148
Глава 18 В штаб-квартире Большой Четверки	156
 ЗАГАДОЧНЫЙ МИСТЕР КИН	 161
Глава 1 Явление мистера Кина	163
Глава 2 Тень на стекле	180
Глава 3 В гостинице «Наряд Арлекина»	202
Глава 4 Небесное знамение	220
Глава 5 Душа крупье	237
Глава 6 Вышедший из моря	254
Глава 7 Голос из темноты	281
Глава 8 Лицо Елены	298

<i>Глава 9</i>	Мертвый Арлекин	327
<i>Глава 10</i>	Птица со сломанным крылом	350
<i>Глава 11</i>	Конец света	370
<i>Глава 12</i>	Улица Арлекина	390
	Любовные перипетии	416
	Чайный сервис «Арлекин»	439
ТРИНАДЦАТЬ ЗАГАДОЧНЫХ СЛУЧАЕВ		465
Часть первая		
<i>Глава 1</i>	Вечерний клуб «Вторник»	467
<i>Глава 2</i>	Святылище Астарты	477
<i>Глава 3</i>	Золотые слитки	491
<i>Глава 4</i>	Кровь на мостовой	502
<i>Глава 5</i>	Мотив и возможность	510
<i>Глава 6</i>	Пальцы Святого Петра	523
Часть вторая		
<i>Глава 1</i>	Синяя герань	535
<i>Глава 2</i>	Компаньонка	551
<i>Глава 3</i>	Четверо подозреваемых	567
<i>Глава 4</i>	Трагедия под Рождество	581
<i>Глава 5</i>	Трава смерти	597
<i>Глава 6</i>	Происшествие в бунгало	612
Эпилог	Смерть мисс Розы Эммот	625
Библиографическая справка		644

**Вышли 1 и 2 тома
собрания произведений
Эда Макбейна
«87-й полицейский участок»
В 2000—2001 году планируется
выпуск еще 8 томов**

Издательство «Артикул-принт» планирует в 2000—2001 году выпуск следующих изданий:

Реймонд Чандлер

собрание сочинений в 5 томах

Собрание замечательного американского детективного писателя, прекрасного стилиста и тонкого психолога, чьи произведения давно уже стали классикой жанра и пользуются огромной популярностью во всем мире. Кроме занимательного сюжета и лихо закрученной интриги книги Чандлера являются своеобразной энциклопедией, помогающей действовать в тех или иных жизненных ситуациях. Ориентировочный объем томов 500-600 стр.

Артур Конан Дойл

собрание сочинений в 12 томах

Первое иллюстрированное издание Артура Конан Дойла на русском языке. Планируется в лучших традициях иллюстрированных изданий 50-х годов (70-80 иллюстраций в каждом томе). В собрание войдут практически все произведения знаменитого английского писателя, творившего как в жанре детектива (серия о Шерлоке Холмсе), так и жанрах фантастической, приключенческой, исторической и мистической литературы. Объем тома 600-700 стр.

О. Генри

Полное собрание рассказов в 5 томах

Первое полное собрание сочинений замечательного американского писателя-юмориста, мастера интриги, оригинальных и хлестких сравнений, который в своем творчестве умел отразить самую суть, соединяя казалось бы несоединимые понятия: прагматизм и романтичность, откровенный фарс и трогательную нежность. Планируется к каждому рассказу 1—2 иллюстрации. Всего 300—350 иллюстраций. Объем каждого тома 500-600 стр.

Джон Дос Пассос

Собрание сочинений в 8 томах

Первое собрание сочинений на русском языке одного из самых известных и популярных американских писателей XX века, классика мировой литературы. По значимости Дос Пассос стоит в одном ряду с такими писателями, как Фолкнер, Хемингуэй, Фицджеральд, но к сожалению книги писателя по идейным и политическим соображениям практически не издавались в России. В собрание войдут почти все произведения писателя. Объем каждого тома 800—900 стр.

Издательство «Артикул»
осуществляет издание **Собрания сочинений**

АГАТЫ КРИСТИ

в 20 томах

В настоящее время вышли из печати
и имеются в наличии
I—9, 11—17, 20(1,2), 22, 23 тома
Готовятся к выходу 10, 20(3), 20(4), 24, 25, 26 тома

Информацию по приобретению уже
вышедших томов и вопросам оптовых
поставок можно получить
по телефону:

(095) 289-30-37

В Москве
все вышедшие тома
можно приобрести в магазинах:

«БИБЛИО-ГЛОБУС»
ул. Мясницкая, 6
проезд: ст. метро «Лубянка»

«МОСКВА»
ул. Тверская, 8
проезд: ст. метро «Тверская»

Иногородным читателям,
желающим оформить подписку и получить
любые из вышедших томов по почте,
следует обращаться по адресу:

ПКП «Техника — Быт — Сервис»
390000, Рязань, почтамт, а/я 12
Тел. (0912) 76-15-87

Кристи А.
К-82 Собрание сочинений. В 20 т. Т. 20., кн. 2
Большая Четверка: Роман; Загадочный мистер Кин-
Сборник рассказов; Тринадцать загадочных случаев
Сборник рассказов. Пер. с англ./ Сост. А. Титов. — М.:
Артикул-принт, 2000. — 652 с., ил.

ISBN 5-93776-008-5 (т.20/2)

В двадцатый том, книгу вторую, Собрания сочинений Агаты Кристи вошли роман «Большая Четверка» (1927), сборники рассказов «Загадочный мистер Кин» (1930), «Тринадцать загадочных случаев» (1932)

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том двадцатый
Книга 2

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
А. Титова

Литературный редактор *М. Макарова*
Компьютерная верстка *Т. Носова*
Технический редактор *Р. Бачек*
Корректор *О Наренкова*

ЛР № 00803 от 20 01 2000
Подписано в печать 29 05 2000 Формат 84×108^{1/2} Бумага газетная
Гарнитура «Танмс» Печать высокая Усл печ л 34 22 Уч-изд л 34,48
Тираж 30 000 экз (1-й завод 1—18 000) Заказ № 1114

Издательство «Артикул-принт»
129081, Москва, Полярная, 9-4

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская книга» Роскомпечати 127018, Москва, Сушевский вал, 49

ISBN 5-93776-008-5

9 785937 760081 >